
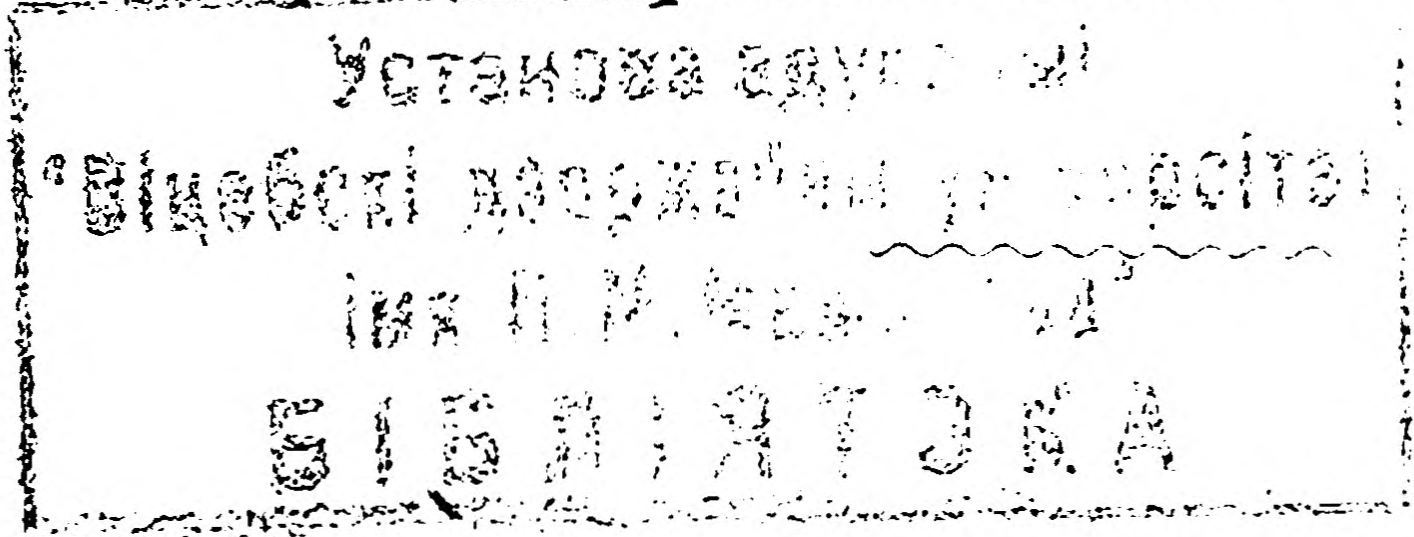

РЕЛИГИОЗНАЯ
КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ
ВЪ ХVІ ВѢКѢ.

М. Филиппсонъ.

профессоръ Брюссельскаго университета.

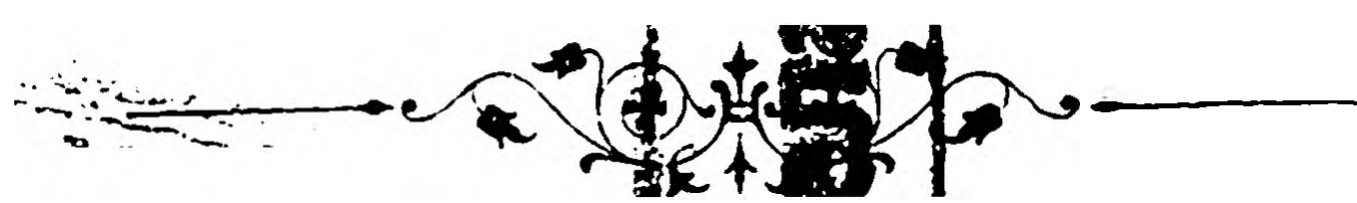
РЕЛИГИОЗНАЯ

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ

ВЪ ХVІ ВѢКѢ.

524130

ПРОВЕРЕНО
1956
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Альтшулера, Эртелевъ пер., 17—9.

1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе автора	xi.
КНИГА ПЕРВАЯ. Новые монашескіе ордена. Об- щество іезуитовъ	I
ГЛАВА ПЕРВАЯ.— Происхожденіе католи- ческой контръ-революціи въ XVI вѣкѣ.	3
Причины, вызвавшія Реформацію XVI вѣка; ис- порченность католическаго духовенства въ XIV и XV вв.—Бѣлое и черное духовенство.— Оппозиція мірянъ духовенству.—Безплодныя усилія реформы католицизма: соборы XV в.— Мистицизмъ.— Возрожденіе овладѣваетъ св. престоломъ.— Папы-политики.— Быстрые ус- пѣхи лютеранства.— Необходимость внутрен- ней реформы для католицизма.— Непониманіе этого папами.— За реформу берутся новые рели- гіозные ордена.— Камальдулы.— Капуцины.— Братья милосердія.— Каэтанъ Тіенскій и Ка- раффа: Театинцы.— Барнабиты.— Сомаски.— Тринитаріи.— Іезуиты.	
ГЛАВА ВТОРАЯ.— Основаніе ордена Іезуи- товъ	42
Соединеніе въ Испаніи рыцарственности съ ре- лигіознымъ мистицизмомъ.— Оно объясняетъ жизнь Лойолы.— Юность Лойолы.— Его рана и обращеніе.— Ночное вооруженное бдѣніе въ Монсерратѣ.— Манрезскій отшельникъ.— Его путешествіе въ Іерусалимъ.— Лойола сту- дентъ.— Лойола схваченъ инквизиціей.— Его занятія въ Парижѣ.— Его первые ученики.— Монмартрскіе обѣты.— Лойола въ Венеціи.— Его сношенія съ Караффою и Театинцами.— Пер- выя папскія милости по отношенію къ Лой- литамъ.— Общество Іисуса.— Обвиненія Лойо- лы въ Римѣ.— Обѣтъ послушанія.— Враги и	

друзья Лойолы.— Утверждение папою ордена Иезуитовъ.— Характеръ новаго общества.— Лойола, первый генераль сго.—Его взгляды и цѣли.—Основные принципы при вербовкѣ новыхъ членовъ общества.—Общее сужденіе о Лойолѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.—Быстрое развитіе иезуитскаго ордена

79

Дѣятельность первыхъ иезуитовъ.—Почему Лойола постоянно заставлялъ ихъ путешествовать.—Быстрое увеличеніе ордена.—Привилегіи, данныя ихъ ордену папами.—Лойола приобретаетъ милости вельможъ.—Иезуиты въ Италіи.—*Collegium Romanum* и *Collegium Germanicum*.—Иезуиты въ Ирландіи.—Враждебность Карла V и испанскаго духовенства по отношенію къ иезуитамъ.—Св. Францискъ де Борджіа вводитъ ихъ въ Испанію.—Филиппъ II и иезуиты.—Затрудненія, испытываемыя ими при попыткахъ проникнуть въ Нидерланды.—Иезуиты въ Португаліи: они становятся господами страны.—Противодѣйствіе иезуитамъ со стороны парижскаго университета и французскаго духовенства.—Условное допущеніе во Францію.—Иезуиты въ Германіи: Вильгельмъ IV Баварскій и Фердинандъ I Богемскій и Венгерскій.—Иезуиты не могутъ быть назначаемы на духовныя должности.—Иезуиты борются съ *интеримомъ*.—Петръ Канизій и его катехизисъ.—Иезуиты въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ Ингольштадтѣ.—Палестина.—Искусное управленіе Лойолы.—Онъ выступаетъ борцомъ за римскую ортодоксію.—Онъ унижаетъ Лейнеца, Бобадиллу, Родригеца, т. е. всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ подчиненныхъ.—Его деспотизмъ и притворное смиреніе.—Семейныя отношенія.—Неблагорасположеніе Павла IV къ иезуитамъ.—Желаніе назначить Лойолѣ викарія.—Смерть Лойолы.—Распространеніе иезуитскаго ордена по смерти его основателя.—Оцѣнка роли, сыгранной иезуитами въ теченіи XVI вѣка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.—Уставы ордена іезуитовъ

131

Кто былъ дѣйствительнымъ составителемъ уставовъ общества іезуитовъ?—*Духовныя упражненія*. — Значеніе этихъ *упражнений*. — Ихъ содержаніе и общее направленіе. — Интересъ и дѣйствительность *упражнений*. — Они предписываютъ полное подчиненіе римской церкви и рабскій страхъ передъ Богомъ. — Характеръ, приданный св. Игнатіемъ своему ордену. — Исключительная важность, приписываемая Лойолой принципу абсолютнаго повиновенія. — Повиновеніе составляетъ главную обязанность іезуита; почему Лойола такъ сильно напиралъ на это правило? — Начальникъ можетъ заставитьъ своего подчиненнаго совершить преступленіе.—Слѣдствія, вытекающія изъ принципа абсолютнаго повиновенія.—Цѣломудріе.—Притворная бѣдность.—Она, въ сущности, является у нихъ только другой стороной абсолютной зависимости низшихъ отъ высшихъ. — Указанія относительно пріятной внѣшности.—Правила для пріема послушниковъ (новиціатовъ); обращеніе съ ними.—Свѣтскіе коадъюторы.—Схоластики и ихъ занятія.—Духовные коадъюторы.—Посвященные (профессы) трехъ обѣтовъ. — Посвященные четырехъ обѣтовъ.—Ректоръ, старшій и провинціалъ.—Провинціальная конгрегація.—Генералъ; его неограниченная власть.—Строжайшій надзоръ всей общины за генераломъ.—Основные принципы организаціи ордена: повиновеніе и шпионство.—Уничтоженіе личной воли.—Единообразіе мысли во всемъ орденѣ.—Дѣйствительность подобной организаціи.—Іезуиты и преподаваніе. — Взгляды Лойолы на преподаваніе. — Важное значеніе преподаванія іезуитовъ.—Чрезвычайное благорасположеніе папъ къ іезуитамъ.—Вліяніе, оказанное ими на Триентскій соборъ.

КНИГА ВТОРАЯ.—Инквизиція 201

ГЛАВА ПЕРВАЯ.—Реорганизація римской инквизиціи 203

Начало религиозной реформации въ Италиі.—Затрудненія, встрѣченныя тамъ дѣломъ реформации.—Совершенно особенный характеръ итальянской реформации.—Вальдесъ и Неаполитанская реформация.—Бернардино Оккино.—Рената Феррарская.—Папы и итальянская реформация.—Кардиналь Караффа заставляеть папу Павла III реорганизовать римскую инквизицію.—Оппозиція прочихъ кардиналовъ.—Булла *Licet ab initio*.—Усиленная дѣятельность Караффы: первые протестантскіе эмигранты.—Возмущеніе неаполитанцевъ противъ инквизиціи.—Драконовскій эдиктъ противъ еретическихъ книгъ.—Гизліери.—Караффа и Гизліери заставляютъ папу Юлія III покровительствовать инквизиціи.—Характеристика Караффы.—Избраніе его папою подъ именемъ Павла IV.

ГЛАВА ВТОРАЯ.—Успѣхъ и торжество римской инквизиціи 243

Усиленіе строгости инквизиціи при Павлѣ IV.—Кардиналь Поль.—Инквизиція во Франціи и въ Италиі.—Модена.—Процессъ кардинала Мороне и двухъ епископовъ.—Первый Index prohibitorum и его вліяніе.—Вмѣшательство инквизиціи въ дѣла свѣтской власти.—Возстаніе римлянъ послѣ смерти Павла IV.—Пій IV и инквизиція.—Рената Феррарская.—Избраніе Пія V.—Преслѣдованія въ Неаполѣ.—Избіеніе калабрійскихъ вальденсовъ.—Альпійскіе вальденсы.—Сопротивленіе миланцевъ введенію испаской инквизиціи.—Преслѣдованія въ Миланской области.—Народная ненависть къ инквизиціи.—Вліяніе Испаніи на Италию.—Мантуа.—Вальтеллина.—Венеція и инквизиція.—Терпимость Медичисовъ во Флоренціи.—Сіена.—Процессъ Карнесеки.—Процессъ Палэаріо.—Лукка.—Инквизиція влѣ-

четь за собою нравственный и художественный упадокъ Италіи. — Характеръ и привычки Пія V. — Его жестокіе и нетерпимые эдикты. — Инквизиція становится независимой отъ самаго царства. — Большое число религіозныхъ процессовъ въ Римѣ. — Окончательная побѣда инквизиціи въ Италіи. — Союзъ между папствомъ и Испаніей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.—Реформація въ Испаніи и ея подавленіе 309

Почему реформація не имѣла успѣха въ латинскихъ странахъ? — Происхожденіе реформаціи въ Испаніи. — Братья Вальдесъ. — Діацъ. — Братья Энцинасъ. — Серве. — Севилья — первый центръ испанскаго протестантизма. — Широкая организація протестантской пропаганды. — Вальядолидъ — центръ протестантизма на сѣверѣ Испаніи. — Инквизиція раскрываетъ происки протестантовъ. — Карлъ Пятый побуждаетъ инквизицію къ строгости. — Огромные autos-da-fé въ Вальядолидѣ и Севильѣ. — Процессъ толедскаго архіепископа Карранцы. — Полное уничтоженіе испанскаго протестантизма при Филиппѣ II. — Испанскіе протестанты за границей. — Репрессивныя мѣры и возсозданіе католицизма, — инквизиція и соборъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—Тріентскій соборъ 347

ГЛАВА ПЕРВАЯ—Созваніе собора 350

Значеніе идеи соборовъ въ концѣ средневѣковья. — Реформація не отказывается отъ этой идеи. — Сопротивленіе папства. — Карлъ Пятый надѣется, что соборъ возстановитъ религіозное единство. — Его переговоры съ папами, чтобы добиться созванія собора. — Первая попытка Тріентскаго собора въ 1542 г. — Окончательное созваніе его на 1545 г. — Городъ Тріентъ и его епископъ. — Легаты-президенты. — Почему протестанты отказались принять участіе въ соборѣ? — Попытки Карла Пятаго отсрочить открытіе засѣданій собора. — Папа грозитъ перенести его въ одинъ изъ городовъ Италіи. — Императоръ соглашается на открытіе собора.

ГЛАВА ВТОРАЯ. — Первый Триентскій соборъ 382

Первоначальная малочисленность Триентскаго собора. — Старанія куріи уменьшить значеніе собора. — Поименное голосованіе обезпечиваетъ побѣду за итальянцами. — Право голоса. — Роль испанцевъ въ Триентѣ. — Ихъ борьба противъ легатовъ и папской партіи. — Три комиссіи. — Библія и Вульгата. — Римскій дворъ не одобряетъ значенія, приданнаго Вульгатѣ соборомъ. — Распредѣленіе проповѣди между епископами и монахами. — Пренія по поводу первороднаго грѣха. — Ученіе объ Оправданіи. — Угрожающее нападеніе шмалькальденскихъ союзниковъ. — Страстное столкновеніе легатовъ со сторонниками императора. — Новыя намѣренія перенести соборъ въ папскій городъ. — Вопросъ объ Оправданіи рѣшается наперекоръ мнѣніямъ протестантовъ. — Важность этого рѣшенія. — Побѣда папской партіи и въ вопросѣ о мѣстопробываніи епископовъ. — Военные успѣхи императора противъ протестантовъ. — Павелъ III завидуетъ успѣхамъ Карла V и потому отдаляется отъ него. — Онъ рѣшаетъ перенести соборъ въ Болонью и его поддерживаетъ въ этомъ большинство собранія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. — Второе собраніе Триентскаго собора 448

Торжество и радость папской партіи. — Гнѣвъ и угрозы императора. — Искусное поведеніе Карла Пятаго. — Ничтожество Болонскаго собора. — Убійство сына папы Петра Людовика Фарнезе. — Павелъ III желаетъ образовать противъ императора большую лигу. — Сильное положеніе послѣдняго. — Борьба государства противъ всемогущества церкви. — Протестъ императорскихъ пословъ противъ Болонскаго собора. — Interim. — Вопросъ о Пьяченцѣ и религиозный вопросъ. — Оставшіеся въ Триентѣ прелаты. — Распущеніе Болонскаго собора. — Отпаденіе Октавія Фарнезе и смерть Павла III. — Кардиналь де-Монте — папа Юлій III. — Онъ

переходить на сторону императорской партіи и снова созываетъ Тріентскій соборъ.— Враждебность Генриха II, короля французскаго.— Новые предсѣдатели собора.— Затрудненія, препятствующія успѣху собора.— Вопросъ объ евхаристіи и о Чашѣ.— Юрисдикція епископовъ.— Легатъ Кресченціо противится стремленіямъ имперскихъ епископовъ.— Дѣло реформы нисколько не подвигается.— Прибытіе на соборъ протестантовъ.— Ихъ высокоумное и несговорчивое поведеніе.— Недоброжелательство папы къ собору.— Политическія опасности.— Протестантскіе князья нападаютъ на императора и угрожаютъ городу Тріенту.— Роспускъ собора.— Причины неуспѣшности второго собранія Тріентскаго собора.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.— Пій IV, свѣтскія правительства и соборъ. 523

Смерть папы Юлія III и Маркела II.— Павелъ IV враждебенъ къ Испаніи и къ соборамъ.— Большія потери, понесенныя католицизмомъ.— Признаніе необходимости собора для спасенія церкви.— Новый папа Пій IV обнаруживаетъ склонность снова созвать Тріентскій соборъ.— Требования императорскаго и французскаго правительствъ возбуждаютъ колебанія папы.— Угроза созвать національный синодъ во Франціи заставляетъ его созвать въ третій разъ общій соборъ въ Тріентѣ.— Новый соборъ или только возобновленіе предшествующаго?— Протестанты враждебны собору.— Правительство Екатерины Медичи и соборъ.— Религіозныя идеи императора Фердинанда I.— Имперія держится вдали отъ собора.— Императорскій *Списокъ реформъ*; общественное настроеніе къ сѣверу отъ Альпъ.— Программа португальскаго короля для собора.— Филиппъ II, относясь неблагоклонно къ собору, соглашается на него во избѣжаніе собранія національнаго синода во Франціи.— Намѣренія Филиппа II: поддержаніе католическихъ догматовъ, реформа іерархіи и ослабленіе всемогущества папъ.— Пій IV въ виду

противодѣйствія *загорныхъ* (ультрамонтанскихъ) епископовъ посылаетъ на соборъ множество итальянскихъ епископовъ.—Легаты.—
Открытие собора.

ГЛАВА ПЯТАЯ.—Первыя дѣйствія третьяго
собора 576

Дѣятельность и цѣли испанскихъ прелатовъ.—Вопросъ о *продолженіи*.—Формула *proponentibus legatis*.—Раздраженіе испанцевъ.—*Index*.—Новое приглашеніе протестантовъ.—Вопросъ объ епископской резиденціи.—Борьба между партіями папской и епископской.—Папа чрезвычайно недоволенъ нѣкоторыми изъ своихъ легатовъ.—Собору грозитъ распадѣніе.—Императоръ и Франція борются противъ папы и Испаніи въ вопросѣ объ объявленіи собора *продолженіемъ*.—Угрожающія рѣчи французскихъ ораторовъ.—Требованіе *Чаши* для мірянъ.—Пій IV чрезвычайно недоволенъ ходомъ дѣлъ на соборѣ и свѣтскими владыками.—Онъ хочетъ снова перенести соборъ въ Италію.—Вмѣшательство великихъ державъ.—Пій IV смиряется и соборъ продолжается.—Месса.—Вопросъ о *Чашѣ* передается на рѣшеніе папы.—Маловажныя реформы.—Довольство Пія IV.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.—Оппозиція испанцевъ,
нѣмцевъ и французовъ. 631

Нѣмцы, французы и испанцы требуютъ реформы іерархіи въ виду ея злоупотребленій; итальянцы и римская курія противятся этому.—Важный вопросъ о *божественномъ* установленіи епископской власти.—Прибытіе въ Триентъ кардинала лотарингскаго и французскихъ епископовъ.—Боязнь папской партіи кардинала лотарингскаго.—Неприличныя сцены между итальянцами и испанцами.—Французскій *списокъ реформъ*.—Противодѣйствіе куріи какой бы то ни было коренной реформѣ.—Формула *Rector universalis Ecclesiae*.—Вслѣдствіе несогласій, работы собора становятся очень ограниченными.—Императоръ въ Инсбрукѣ.—

Большой наплывъ князей и епископовъ въ Иннсбрукъ. — Обсужденіе при императорскомъ дворѣ положенія собора. — Фердинандъ I, разувѣрившись въ соборѣ, обращается непосредственно къ папѣ съ требованіемъ серьезныхъ реформъ. — Твердость папы. — Французскія предложенія также отвергнуты. — Смерть двухъ легатовъ. — Вмѣсто ихъ назначены Мороне и Наваджеро.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. — Побѣда римской курии. — Конецъ собора 673

Поѣздка Мороне въ Иннсбрукъ. — Затруднительное положеніе папы. — Онъ спасенъ недостаткомъ единодушія свѣтскихъ правительствъ. — Слабость императора; онъ допускаетъ себя увлечь обѣщаніями и поддерживаетъ папскую партію на соборѣ. — Торжество легатовъ. — Всеобщіе упреки императору. — Оппозиція сдается; побѣда папской партіи. — Прибытіе испанскаго посла Луны и послѣдующія столкновенія его съ Франціею и папою. — Учрежденіе епископальныхъ семинарій. — Возобновленіе борьбы между французами и испанцами, съ одной стороны, и партіей курии — съ другой. — Послѣдняя привлекаетъ на свою сторону кардинала лотарингскаго, предающаго свое правительство. — Французскіе епископы переходятъ на сторону папскаго большинства; близкое окончаніе собора рѣшено. — Тайнство брака. — Каноны общей реформы — покушеніе на права свѣтскихъ правительствъ. — Послѣдніе протестуютъ. — Французскіе послы оставляютъ соборъ. — Курія относится враждебно къ нѣкоторымъ пунктамъ общей реформы. — Испанскій король становится на сторону очень умѣренной реформы. — Только одни испанцы, хотя отчасти, одерживаютъ верхъ надъ сопротивленіемъ партіи курии. — Приготовленія къ закрытію засѣданій собора; Луна противится этому. — Смягченіе клерикальныхъ требованій къ свѣтскимъ властямъ. — Выдумываютъ тяжкую болѣзнь папы, чтобы добиться окончанія собора. — Послѣднее засѣданіе и его постановленія. — Окончательное закрытіе собора.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.—Характеръ и послѣдствія Триентскаго собора

678

Католическое учение оправдѣлено и навсегда выяснено Триентскимъ соборомъ.—Дисциплинарныя и іерархическія декреты его встрѣчаютъ сильное сопротивленіе.—Полное подчиненіе императора.—Имперія дѣлаетъ оговорки относительно триентскихъ постановленій.—Соборъ не признанъ Франціей.—Филиппъ II публикуетъ декреты, оговаривая права государетва и мірянъ.—Венеція поступаетъ такъ же.—Португалія, Польша и католическія страны Швейцаріи подчиняются безусловно.—Смѣшеніе религіозныхъ идей у католиковъ до собора.—Оно совершенно устранено имъ.—Католическое учение очень цѣло разработано на первыхъ двухъ триентскихъ соборахъ.—Іерархія и церковная дисциплина возстановлены третьимъ соборомъ.—Папство распространяетъ ихъ на *ультрамонтанскія* народности.—Папская власть признана выше соборной и очень усилена.—Коллегія кардиналовъ.—Низшее духовенство вполнѣ подчинено епископамъ.—Реформы богослуженія отвергнуты соборомъ.—Новый характеръ папства; реформа всей церкви.—Епархіальныя семинаріи.—Преподаваніе.—Нравы духовенства.—Монастыри.—Заключеніе: громадное усиленіе католической церкви, какъ послѣдствіе Триентскаго собора.

Предисловіе.

Религіозна реформа XVI в. постоянно привлекала вниманіе историковъ. Ничто, казалось, не заслуживало столько ихъ труда, какъ эта революція, которая, разрушивъ исключительное господство римской церкви, должна была породить драгоцѣннѣйшее завоеваніе новыхъ временъ—свободу совѣсти. Но это великое событіе слишкомъ часто заставляло пренебрегать другой стороной вопроса: я разумѣю исторію сопротивленія католицизма, сопротивленія упорнаго и систематическаго, организованнаго церковью и прежде всего папствомъ и выдержавшаго становившійся все болѣе и болѣе страшнымъ напоръ реформаторскихъ идей.

Въ особенности мало занимались этимъ вопросомъ во Франціи. А между тѣмъ было бы чрезвычайно интересно прослѣ-

дуть какимъ образомъ удалось Риму противопоставить всепоглощающимъ волнамъ протестантизма могучую преграду, обратить ихъ даже во многихъ случаяхъ вспять и снова отвоевать значительную часть утраченныхъ владѣній. Онъ достигъ этого, реорганизовавъ церковь на новыхъ основаніяхъ, сообщивъ ей и болѣе исключительные догматы, и болѣе наступательную политику. Современный католицизмъ зародился во второй половинѣ XVI вѣка.

Я попытался описать происхожденіе этой контр-революціи, имѣвшей столь важное значеніе и сыгравшей столь значительную роль для половины европейскихъ народовъ. Причины этого факта заключаютъ въ себя событія трехъ категорій: основаніе новыхъ религіозныхъ орденовъ и спеціально ордена іезуитовъ, возстановленіе римской инквизиціи и, наконецъ, три сѣзиса Тріентскаго собора.

Въ самое послѣднее время было издано значительное количество документовъ по каждому изъ этихъ вопросовъ, а главнымъ образомъ по второму и третьему. Изъ

многихъ авторовъ я назову здѣсь только имена Тейнера, Делингера, Зикеля, фонъ-Дрюсфеля и Бенрата. Но до сихъ поръ никто не написалъ такой книги, которая воспользовалась бы этими драгоценными документами и создала бы цѣльную картину, въ которой передъ глазами читателя развертывалась бы исторія этого великаго католическаго движенія. Мнѣ захотѣлось пополнить этотъ пробѣлъ. Къ тому же брюссельскіе архивы доставили мнѣ нѣсколько неизданныхъ и довольно интересныхъ данныхъ относительно Тріентскаго собора. Я старался, насколько это мнѣ было возможно, воздерживаться отъ всякихъ богословскихъ соображеній. Я настаивалъ главнымъ образомъ на политической сторонѣ событій. Конечно, было довольно трудно сохранить полное безпристрастіе среди тѣхъ крупнѣйшихъ конфликтовъ и той страстности, которые и до сихъ поръ еще отзываются въ нашей современной борьбѣ. Я силился по крайней мѣрѣ сохранить ту честность, которая необходима всякому историкѣ, если

только онъ хочетъ сохранить за своей наукой ея истинный характеръ и не унижить ее до того, чтобы поставить ее въ служебное положеніе политическимъ, социальнымъ и религіознымъ тенденціямъ нашего времени.

М. Филиппсонъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

НОВЫЕ МОНАШЕСКІЕ ОРДЕНА
ОБЩЕСТВО ІЕЗУИТОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе католической контръ-революціи въ XVI вѣкѣ.

Причины, вызвавшія Реформацію XVI вѣка; испорченность католическаго духовенства въ XIV и XV вв.—Бѣлое и черное духовенство.—Оппозиція мірянъ духовенству.—Безплодныя усилія реформы католицизма: соборы XV в.—Мистицизмъ.—Возрожденіе овладѣваетъ св. престоломъ.—Папы-политики.—Быстрые успѣхи лютеранства.—Необходимость внутренней реформы для католицизма.—Непониманіе этого папами.—За реформу берутся новые религиозные ордена.—Камальдулы.—Капуцины.—Братья милосердія.—Каэтанъ Тіенскій и Караффа: Театинцы.—Барнабиты.—Сомаски.—Тринитаріи.—Иезуиты.

Всѣ великія и крупныя событія, отмѣчающія новую эпоху въ исторіи человѣчества, могутъ быть сравниваемы съ могучими деревьями, корни которыхъ глубоко ушли въ землю, на которой они растутъ и которая ихъ питаетъ. Только тѣ стремленія, которыя медленно созрѣвали, только тѣ потребности, которыя долго вырабатывались и создавались, могутъ увлечь за собою къ еще не ясной цѣли многочисленныя націи, цѣлыя общественные классы. Мы жестоко ошиблись-бы, еслибы стали искать въ отдѣльныхъ фактахъ, какъ-

бы важны они ни были, или въ преходящихъ явленіяхъ, причины умственныхъ, соціальныхъ и политическихъ революцій, которыя потрясали міръ. Напротивъ, всѣ эти причины, по происхожденію своему всегда очень сложныя и разнообразныя, развивались въ теченіи многихъ столѣтій. Въ исторіи человѣчества жатва заставляетъ себя долго ждать. Проходятъ вѣка прежде чѣмъ взойдетъ и распухнетъ то, что было посеяно въ большинствѣ случаевъ безъ опредѣленнаго намѣренія и даже безсознательно. Но мало по малу новый духъ проникаетъ и наполняетъ собою старыя формы для того, чтобы въ концѣ концовъ разбит или уничтожить ихъ.

Такимъ образомъ великая религіозная реформа XVI вѣка явилась равнодѣйствующей многихъ силъ, которыя, будучи не всегда видимы, тѣмъ не менѣе давно уже подтачивали средне-вѣковую Европу. Отъ этого ихъ окончательный результатъ, ихъ взрывъ, долженъ былъ стать только еще сильнѣе и внезапнѣе.

Главнѣйшей изъ причинъ этой религіозной революціи было неудовольствіе, становившееся съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе и вызывавшееся упадкомъ оффиціальной церкви. Испорченность духовенства особенно возросла со времени авиньонскихъ папъ, подававшихъ своимъ подчиненнымъ отвратительнѣйшіе примѣры, видѣвшихъ въ своемъ могуществѣ только неизсякаемый источникъ для того, чтобы добывать богатства, пользоваться удовольствіями и проявлять тира-

нію. Въ былыя времена, на примѣръ въ IX в., Григорій VII возсталъ противъ свѣтской власти во имя достоинства духовенства, позоримаго симоніей, постыдной продажей духовныхъ должностей и бенефицій. Теперь же симоніей занимался самъ святой отецъ и, конечно, исходя изъ такой вы-соты, она заражала всю церковь. Посредствомъ резервацій и предварительныхъ назначеній папы все больше и больше присвоивали себѣ право опредѣлять на епископскія и монастырскія долж-ности, окончательно разрушая такимъ образомъ свободу выборовъ соборныхъ и монастырскихъ капитуловъ. Сами-же папы пользовались этой огромной властью только для обогащенія себя и своихъ фаворитовъ, и продавали должности тѣмъ, кто больше за нихъ заплатитъ. Епископы подражали этому грустному примѣру: они щедро покрывали свои траты, никогда не отдавая приходы иначе какъ за наличныя деньги и ни-когда не дешевле какъ за четыреста или пять-сотъ флориновъ. Они предоставляли ихъ наибо-лѣе щедрымъ, хотя и наименѣе способнымъ и наименѣе достойнымъ кандидатамъ. Также лег-комысленно относились они и къ посвященію въ духовный санъ, нисколько не требуя отъ канди-датовъ ни нравственныхъ, ни умственныхъ ка-чествъ, необходимыхъ для священнослужителя. Многіе становились клириками только для того, чтобы пользоваться многочисленными церковными привилегіями и чтобы занимать духовныя бене-фиціи. На эти бенефиціи, сверху до низу, смо-

трѣли только какъ на болѣе или менѣе доходныя мѣста. Ничуть не удивительно, поэтому, что при такихъ условіяхъ ряды духовенства наполнялись недостойными, грубыми, развратными, невѣрующими людьми, ничуть не заботящимися объ исполненіи своихъ обязанностей. Нерѣдко случалось, что одно и то-же лицо, вопреки закону, запрещавшему скопленіе въ однихъ и тѣхъ-же рукахъ нѣсколькихъ церковныхъ должностей, обладало, тѣмъ не менѣе, весьма многими изъ нихъ. Для этого стоило только купить нѣсколько папскихъ разрѣшеній. Въ Англіи были такіе священники, которые управляли сразу болѣе чѣмъ двадцатью приходами, т. е., въ сущности получали съ нихъ только доходы. Громадное большинство клириковъ совершенно пренебрегало своей обязанностью имѣть постоянное мѣстожительство при своихъ церквахъ. Были, такіе приходы и епископства, которые никогда не видавали своихъ духовныхъ пастырей. Но даже и тѣ рѣдкіе священники, которые жили при своихъ церквахъ, принимали всевозможныя мѣры для того, чтобы не исполнять своихъ каноническихъ обязанностей.

Приходскій священникъ почти никогда не провѣдывалъ, а епископъ еще того рѣже. Всѣ другія церковныя службы совершались только за соотвѣтственную плату; за то пышность культа, церемоніи и церковныя празднества все увеличивались. Со всѣми тѣми, кто преступалъ такъ или иначе букву закона и цер-

ковныхъ установленій, поступали со всевозможной строгостью. Но религіозное настроеніе и восторгъ, энтузіазмъ вѣры, уже исчезли почти на всѣхъ ступеняхъ обширной іерархической организаціи. Религія обратилась въ какой-то огромный систематическій фетишизмъ, долженствовавшій обогащать касту священнослужителей и ни сколько не заботившійся о томъ, чтобы утѣшать несчастныхъ, обуздывать злыхъ и обращаться къ сердцу людей.

Всѣ монашескіе ордена, какъ мужскіе такъ и женскіе, опустились не меньше, чѣмъ бѣлое духовенство. Въ монастыряхъ свободно развивались честолюбіе, зависть и развратъ. Образованіе, которое въ былые времена такъ старательно въ нихъ поддерживалось, теперь совершенно исчезло. Словомъ, духовенство всѣхъ ранговъ и всѣхъ назначеній было преисполнено свѣтскими стремленіями, жаждой наслажденій и роскоши; духовные же источники энтузіазма, благочестія и самоотреченія мало по малу совсѣмъ изсякли. Епископы, аббаты и аббатиссы предавались охотѣ, танцамъ и оргіямъ; прелаты появлялись и на войнѣ и на турнирахъ. Распутство было общимъ, слишкомъ обычнымъ, порокомъ среди священниковъ и монаховъ: объ этомъ громко свидѣтельствуютъ жалобы и запрещенія всѣхъ провинціальныхъ и національныхъ соборовъ.

Уже въ XIV вѣкѣ одинъ изъ друзей папы Іоанна XXII, ревностный защитникъ ортодоксіи и всемогущества папъ, испанецъ Альваръ, съ си-

лою возсталъ противъ всѣхъ этихъ злоупотребленій въ своей книгѣ *De planctu Ecclesiae*. Столѣтъ спустя кардиналь-легать Юлій Цезарини писалъ папѣ Евгенію IV: «Несомнѣнно, что распущенность клира достигла такихъ размѣровъ, что почти оправдываетъ ту ненависть, которую несутъ къ духовенству и міряне и гусситы». Прошелъ еще вѣкъ и одинъ изъ папъ, Адрианъ IV, въ оффиціальной инструкціи, данной имъ въ 1522 г. легату Франциску Кіерегате, говоритъ: «Намъ не безъизвѣстно, что даже вокругъ самаго св. престола уже давно совершаются большія мерзости: церковныя злоупотребленія и избытокъ власти—все было направлено ко вреду. И порча распространилась отъ головы къ членамъ, отъ папы къ прелатамъ. Мы всѣ грѣшили и между нами не найдется ни единого, который-бы поступалъ хорошо ¹». Тотъ-же самый папа просилъ великаго Эразма придти на помощь церкви, которой грозила гибель «отъ великихъ грѣховъ людей, а въ особенности духовныхъ лицъ ²». Одинъ изъ самыхъ пылкихъ защитниковъ ортодоксальнаго католицизма, кардиналь Джованни-Пьетро Караффа, жаловался въ 1532 г. папѣ Клименту VII «на невыносимую, достигшую высшей степени неспособность, недостатки, невѣжество и косность священнослужителей». Онъ утверждалъ, что «не найдется ни одного разбойника,

¹ Raynaldi, *Annales ecclesiastici* ad an. 1522.

² Propter gravissima hominum scelera, maxime ecclesiasticorum; *Epist.* 639.

ни одного ландскнехта, который былъ-бы болѣе безчестенъ, болѣе безстыденъ и болѣе пороченъ, чѣмъ духовныя лица». Не менѣе сурово относился онъ и къ монахамъ и къ монахинямъ ¹. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1538 г., конгрегація, состоящая изъ четырехъ кардиналовъ и пяти прелатовъ, назначенная папой Павломъ III для того, чтобы выработать планъ общей реформы, восклицаетъ: «Что за ужасное зрѣлище представляется христіанину, изучающему католическій міръ: всѣ пастыри покинули свои паствы или поручили ихъ наемникамъ! Религіозные ордена до такой степени испортились, что становятся позоромъ для мірянъ и сильно вредятъ своимъ примѣромъ; въ большинствѣ женскихъ монастырей совершаются къ великому негодованію гражданъ публичныя святотатства». Въ 1541 г. іезуитъ Лефевръ писалъ Лойолѣ ²: «Даль-бы Богъ, чтобы здѣсь, въ Вормсѣ, нашлось-бы только два или три священника, которые не были бы конкубинарами и не были бы запятнаны еще другими преступленіями и которые хоть сколько нибудь заботились бы о спасеніи своей души!» Епископъ Кіэти, Караффа, о которомъ мы уже упоминали и который позднѣе сталъ папой Павломъ IV и однимъ изъ самыхъ страстныхъ противниковъ ереси, говорилъ

¹ Janssen, *Informazione di G. P. Caraffa a papa Clemente VII*, 1532 (Rivista cristiana VI, 1878, стр. 286 и слѣд.).

² Cretineau-Jolly, *Histoire de la Compagnie de Jesus*, t. I (Paris, 1844), стр. 166.

съ сокрушеніемъ: «Плохія свойства бѣлаго духовенства и даже монашества внушили народу отвращеніе къ мессамъ, къ богослуженіямъ, къ авторитету и могуществу церкви ¹».

Стоить-ли и умножать цитаты подобнаго рода? Достаточно перелистать рѣчи епископовъ всѣхъ странъ, произнесенныя на Тріентскомъ соборѣ, чтобы убѣдиться въ безчисленности жалобъ по этому поводу. По свидѣтельству самихъ католическихъ прелатовъ, быстрое распространеніе ереси, легкость, съ которой цѣлыя націи принимали ее, объясняются именно недостатками и пороками самого духовенства. Изъ нихъ архіепископъ Антоній Пражскій, въ 1565 году, говорилъ своему провинціальному синоду: «Совершенно правы тѣ, кто приписываетъ происхожденіе столькихъ церковныхъ бѣдствій и столькихъ сектъ распущенности безнорядочнаго духовенства», а кардиналъ Мартъ д'Альтемпъ, племянникъ папы Пія IV, восклицалъ въ синодѣ, собравшемся въ епископскомъ городѣ Констанцѣ: «Отвратительное и достойное проклятія поведеніе духовенства въ большинствѣ случаевъ по, родило всѣ наши несчастія. По мнѣнію всѣхъ мудрыхъ людей, причина неустройствъ нашего

¹ Bromato, *Storia di Paolo IV* (Равенна, 1748), I 101.—Кардиналъ Контарини писалъ 13 мая 1541 г. кардиналу Фарнезе: „Злоупотребленія римской куріи такъ велики, что нужно молить Бога, чтобы онъ не допустилъ лукъ натянутся до того, чтобы онъ сломался. Pastor, *Correspondenz des Cardinal Contarini*, въ *Historische Jahrbuch*, т. I (1880), стр. 387.

времени кроется въ преступленіяхъ, лѣни и чрезвычайной небрежности клириковъ ¹». Можно ли рѣшиться оспаривать такіе авторитетные голоса?

Однако, было-бы несправедливо возлагать всю отвѣтственность за это печальное положеніе вещей исключительно на римскую курію и на клиръ. Причины испорченности были и глубже и универсальнѣе. Торговья сношенія съ Востокомъ, развивавшіяся все сильнѣе со времени крестовыхъ походовъ, и крупная промышленность, сдѣлавшая поразительные успѣхи, чрезвычайно увеличили общественныя и частныя богатства. Вслѣдствіе этого съ XIII вѣка роскошь, какъ въ одеждѣ такъ и въ образѣ жизни, разрослась до чрезвычайности. Въ то-же время скептицизмъ, родившійся отъ соприкосновенія Запада съ высокой культурой мусульманства, на столько же усиленный Возрожденіемъ, на сколько и возбуждаемый узурпаціями папства, привелъ ученые и правящіе классы къ утратѣ древней слѣпой вѣры и непоколебимой преданности церкви. Къ несчастью тогда еще не нашли ни новаго идеала, ни возвышенной и увлекательной цѣли, которые могли-бы замѣнить прежнюю религіозную наивность, и потому люди стали пытаться какъ нибудь скрыть отъ себя и чѣмъ нибудь заполнить образовавшуюся внутреннюю пустоту и предались чувственнымъ удовольствіямъ

¹ Brauburger. *De formula reformationis ecclesiae*; (Майнцъ, 1782), стр. 332—335.

и всякаго рода излишествами. Естественно, что и духовенство, владѣвшее большими богатствами и ставшее, благодаря философіи и гуманизму, столь же чуждымъ, какъ и міряне, всякимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не меньше другихъ увлекалось стремленіями своей эпохи.

Но такое увлеченіе было гораздо болѣе серьезно для священниковъ, чѣмъ для остальныхъ классовъ общества, и какъ ни былъ испорченъ гражданскій міръ, все-же онъ глубоко возмущался при видѣ того безстыдства, съ которымъ духовенство нарушало самую сущность своего существованія и дѣйствовало такъ открыто и прямо противъ своей высокой миссии. И даже больше того: въ силу ошибки, легко впрочемъ объяснимой, невѣріе и нравственная распущенность эпохи приписывались обыкновенно испорченности церкви, вслѣдствіе смѣшенія причины со слѣдствіями. Потому то и надѣялись, что основательная реформа ея іерархіи, внутренняго управленія и вліянія на народъ произведетъ значительное улучшеніе въ нравахъ.

Попытка такой реформы прежде всего была сдѣлана въ предѣлахъ самой церкви, на почвѣ самого катилицизма, посредствомъ вселенскихъ соборовъ. Трое изъ этихъ всемірныхъ собраній особенно прославились своими попытками осуществить всеобщую реформу *in capite et membris*; всѣ эти соборы относятся къ первой половинѣ XV вѣка и состоялись въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ. Къ несчастью, борясь съ злоупотребле-

ніями, они въ то же время боролись и съ главою самой церкви, съ папой, извлекавшимъ изъ сложившихся дурныхъ обычаевъ свои главные доходы. Понятно поэтому постоянное сопротивление папства соборамъ и реформамъ, а также и то, что жестокая борьба, которая вспыхнула между двумя партіями церкви, окончилась общимъ и полнѣйшимъ пораженіемъ фракціи, стремившейся къ реформамъ и сочувствовавшей соборамъ.

Для папства это было настоящей побѣдой Пирра. Неудачный исходъ попытокъ исправить церковь черезъ посредство соборовъ доказалъ невозможность умѣренной реформы въ церкви и посредствомъ церкви. Тогда, всѣ тѣ, которые хотѣли измѣнить дѣйствительно становившееся невозможнымъ положеніе моральныхъ и религіозныхъ дѣлъ, отчаявшись въ этомъ, стали склоняться къ догматической революціи и къ мысли о необходимости радикальныхъ и полныхъ нововведеній. Въ то же время для римской церкви было очень невыгодно то, что она должна была формальнымъ трактатомъ признать торжество ереси гусситовъ въ Моравіи и Богеміи. Ученія послѣднихъ, получившія всеобщую извѣстность вслѣдствіе своего успѣха, быстро распространились тогда по всей Германіи, не смотря на преслѣдованія, которымъ они постоянно подвергались въ этой странѣ. Въ Богеміи Моравскіе Братья пошли еще дальше, чѣмъ гусситы, въ томъ смыслѣ, что они отвергли всѣ виды священства.

Съ другой стороны съ официальной церковью сражался мистицизмъ съ его болѣе или менѣе ясно выраженной склонностью къ пантеизму, нападаая на благочестіе, выродившееся въ пустой формализмъ, на ея внѣшнюю торжественность, безъ души и убѣжденія, на ея исключительное упованіе на дѣла, а не на вѣру. Ученія мистиковъ были гораздо трогательнѣе и глубже. Основнымъ принципомъ мистицизма XIV и XV вѣковъ было ученіе о единеніи съ Богомъ посредствомъ любви къ Богу, всецѣло наполняющей насъ божественной сущностью и разрушающей нашу индивидуальность, растворяя ее въ Богѣ. Во всей Германіи «друзья Бога», послѣдователи Николая Базельскаго и Іоанна Рюисбрека, проповѣдывали эти ученія. Въ Нидерландахъ Гергардъ Гроотъ основалъ «Конгрегацию братьевъ общей жизни», которая быстро распространилась по всѣмъ нидерландскимъ провинціямъ, почва въ которыхъ была подготовлена для нихъ бегардами.

Можетъ быть церковь могла бы еще не уступить всѣмъ этимъ противникамъ, если-бы сама она не переживала именно въ это время кризисъ внутренняго разложенія подъ вліяніемъ Возрожденія и Гуманизма. При папахъ Евгениѣ IV, Николаѣ V, Піѣ II, Возрожденіе овладѣло св. престоломъ апостола Петра. Первый изъ этихъ первосвященниковъ призывалъ эрудитовъ въ Римъ для того, чтобы они составляли для него памфлеты и буллы, направленные противъ Базель-

скаго собора; въ награду за это онъ раздавалъ имъ церковныя бенефиціи и даже епископства. Его преемникъ, Николай V, самъ, въ тѣ дни, когда онъ носилъ еще имя *Томы Сарцанскаго*, былъ однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и ревностныхъ гуманистовъ своего времени. Сдѣлавшись папой, онъ сталъ употреблять тѣ колоссальныя сокровища, которыя курія вымогала у христіанскаго міра, на постройку роскошныхъ дворцовъ въ классическомъ стилѣ, на поддержаніе ученыхъ и даже тѣхъ изъ нихъ, которые выступали въ качествѣ противниковъ церкви, какъ на примѣръ, Лаврентія Валла, или же такихъ скептиковъ и насмѣшниковъ, какъ Филельфо; либо на основаніе знаменитой папской *ватиканской* библіотеки и на организацію настоящей мануфактуры переводовъ съ древнихъ авторовъ. Заботясь очень мало о церковныхъ интересахъ, этотъ папа окружалъ себя не епископами и монахами, а блестящими эрудитами. Это подчиненіе высшаго церковнаго сана тенденціямъ Возрожденія тѣмъ болѣе замѣчательно, что само населеніе Рима, какъ простонародье такъ и дворянство, не выказывало никакого искренняго интереса къ Гуманизму, не имѣвшему въ Римѣ той естественной почвы, какая существовала во Флоренціи и въ Феррарѣ; его пересадилъ въ Римъ исключительно одинъ только папа. Величайшимъ наслажденіемъ для папы Николая V было вести бесѣды съ учеными, прогуливаться среди пяти тысячъ томовъ своей новой библіотеки, приво-

дять ее въ порядокъ и производить въ ней изысканія. Гуманисты, которыхъ этотъ добрый папа содержалъ на средства церкви, направляли противъ нее, противъ ея ученія и противъ нравовъ христіанъ самыя ядовитыя діатрибы, и папа съ улыбкой разрѣшалъ имъ дѣлать это, не понимая какую опасность создавалъ онъ для церкви.

Второй преемникъ Николая V, Пій II, тоже вышелъ изъ гуманистовъ. Онъ принялъ духовное званіе очень поздно, проведя довольно бурную жизнь и будучи отцомъ нѣсколькихъ незаконно-рожденныхъ дѣтей. Сдѣлавшись папой, онъ составилъ комментаріи на свое собственное правленіе, а въ своихъ бреве подражалъ Цицероновскому стилю. Болѣе ста гуманистовъ занимались при его дворѣ въ качествѣ прото нотаріевъ и аббревіаторовъ. Въ самомъ сердцѣ римской куріи они образовали совершенно языческую по своему характеру платоновскую академію, предсѣдатель которой, Помпоніо Лето, именовался pontifex maximus, какъ-бы бросая этимъ вызовъ христіанскому первосвященнику, своему покровителю. Изъ всѣхъ слѣдующихъ послѣ Пія II папъ, упомянемъ только о Левѣ X Медичи, въ присутствіи котораго открыто смѣялись надъ христіанской церковью и считалось высшимъ тономъ объявляться противникомъ католической ортодоксіи. Этотъ Левъ X, не имѣя ничего, свойственнаго духовному лицу, приказывалъ играть при себѣ неприличныя комедіи Плавта и предпочиталъ римскаго или греческаго классическаго писателя

Библии, а свѣтскую музыку — обѣднѣ. Духовенство Рима подражало въ этомъ куріи. Всѣ священники хоромъ доказывали, что между душой человѣка и животныхъ нѣтъ никакой разницы; совершая обѣдню, они примѣшивали къ ней богохульства. Такой благочестивый человѣкъ, какъ Лютеръ, и скептикъ, какъ Эразмъ, оба были одинаково скандализированы невѣріемъ тѣхъ, которые должны были бы быть самыми ревностными защитниками вѣры ¹.

Очевидно, что въ концѣ концовъ долженъ былъ наступить такой моментъ, когда народы вынуждены были задать себѣ вопросъ: подъ какимъ-же предлогомъ ихъ заставляли повиноваться такой церкви, надъ которой издѣвались сами представители ея и которую они эксплуатировали съ явнымъ пренебреженіемъ къ ней самой, исключительно въ видахъ своихъ личныхъ выгодъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ея прямымъ назначеніемъ?

А рядомъ съ этими гуманистами, болѣе чѣмъ на половину язычниками, тронъ св. Петра занимали политики и такіе солдаты, какъ Сикстъ IV, Иннокентій VIII и Юлій II, которые воевали, подготавливали возмущенія и даже смертоубійства въ сосѣднихъ странахъ, и совершали всякія насилія и преступленія лишь-бы основать свѣтскія государства для своихъ «племянниковъ», которые зачастую были ихъ родными сыновьями. Достаточно назвать имя Александра VI, этого

¹ Ranke. *Исторія*, т. XXXVII, стр. 43 и слѣд.

ужаснаго Борджіа, чтобы опредѣлить въ какую бездну порока и мерзости было ввержено папство этой эпохи. Вся Европа знала объ этихъ скандалахъ и была ими возмущена. Въ особенности германскіе народы, вообще болѣе склонные къ внутренней духовной жизни, къ серьезному и убѣжденному благочестію, все больше и больше удалялись отъ этого испорченнаго и развратнаго папства, отъ этой церкви, уже не вѣрующей больше въ себя самое.

Таковы были въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ тѣ обстоятельства, которыя въ началѣ XVI вѣка благопріятствовали перевороту, совершенному въ Германіи Лютеромъ, а въ Швейцаріи Цвингли, и доставили ему то быстрое и широко распространившееся торжество, на которое не разсчитывали ни творцы его, ни его противники. Религіозный міръ, заключенный въ Нюренбергѣ въ 1532 г., предоставилъ нѣмецкимъ протестантамъ полную свободу для распространенія ихъ ученій, и такова была ненависть къ духовенству, а главнымъ образомъ къ папству, таково было равнодушіе къ догматамъ и къ католической вѣрѣ, что въ очень скоромъ времени девять десятыхъ всѣхъ нѣмцевъ примкнули къ лютеровской реформациі. Пораженіе и смерть Цвингли въ битвѣ при Каппеллѣ въ 1531 г. положили предѣль мѣстному распространенію новаторскаго движенія, но оно уже одержало побѣду въ большихъ городскихъ и промышленныхъ кантонахъ и одни только маленькіе кантоны, населенные крестья-

нами, пастухами и охотниками, остались по прежнему вѣрны своей традиціонной религіи. Въ Даніи и въ Норвегіи самъ государь принудилъ упорствующее населеніе къ принятію реформаціи и заставилъ подчиниться ей. Въ 1530 г., лютеранство восторжествовало въ Даніи; въ 1537 г. оно перешла въ Норвегію и даже въ далекую Исландію, которая около половины XVI столѣтія должна была признать его. Молодой шведскій король, Густавъ Ваза, который только-что освободилъ страну отъ датской тираніи и основалъ новую династію, покровительствовалъ реформаціи изъ-за политическихъ и финансовыхъ соображеній. Въ 1527 г. сеймъ въ Вестеразѣ отменилъ католицизмъ въ предѣлахъ всего королевства. Наконецъ послѣднее изъ крупныхъ государствъ германской расы, Англія, хотя и не послѣдовала немедленно примѣру, поданному всѣми остальными странами, все-же рѣшительно и совершенно отдѣлилась и отъ Рима, и отъ папства. Даже латинскія націи успѣли до нѣкоторой степени заразиться ересью: во Франціи, въ Италиі, даже въ Испаніи, образовывались сообщества сторонниковъ Лютера и встрѣчались монахи, епископы и кардиналы, видимо склонявшіеся къ его ученію.

Правда, свѣтскій мечъ пришелъ на помощь колеблющейся церкви. Полной побѣдѣ реформаціи въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы мѣшали еще грубая сила, оружіе солдата, веревка палача, костеръ инквизиціи. Но сила ничего не могла

сдѣлать противъ того медленнаго разложенія, которое совершалось въ нѣдрахъ самой церкви. Никто—будь то король или императоръ—не могъ бы спасти церковь помимо ея самой. Католицизмъ долженъ былъ бы погибнуть, если бы онъ не нашелъ въ себѣ самомъ силы и людей, нужныхъ для своей внутренней реформы, которая одна могла ему возратить то, что имъ было утрачено въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ: вѣру, убѣжденіе, энтузіазмъ; — словомъ все то, что дѣлаетъ силу духовныхъ вождей и увлекаетъ за ними массы вѣрующихъ. Отъ этого зависѣла вся будущность католицизма.

А между тѣмъ папы этой эпохи не сознавали тѣхъ трудныхъ обязанностей, которыя возлагались на нихъ критическимъ положеніемъ церкви. Климентъ VII (1523—1534) ни сколько не интересовался борьбой противъ успѣховъ лютеранства. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на одного изъ свѣтскихъ правителей Италіи, и если у него было хоть какое-нибудь чувство болѣе возвышенное, чѣмъ личное честолюбіе, такъ это было чувство итальянскаго патріотизма. Ему хотѣлось-бы освободить прекрасный полуостровъ отъ ига «варваровъ». Во имя этого онъ такъ упорно боролся противъ Карла, который въ дѣйствительности былъ самой крѣпкой опорой католической религіи въ Германіи, и своей враждебностью вынудилъ послѣдняго предоставить еретикамъ полную свободу дѣйствій. Но Климентъ и его союзники французы были разбиты и это пораженіе со-

вершено подчинило папу волѣ императора. Въ угоду ему, онъ не далъ разрѣшенія на разводъ англійскаго короля Генриха VIII, женатаго на Екатеринѣ Аррагонской, теткѣ Карла V, и этотъ отказъ вызвалъ отпаденіе Англїи. Такимъ образомъ политика Климента VII только служила на пользу противниковъ церкви.

Позднѣе, потерявъ Англїю своимъ союзомъ съ императоромъ, папа опять обратился противъ него и при посредствѣ Франциска I, короля французскаго, сталъ даже искать союза съ нѣмецкими протестантами противъ Карла V. Последній, опасаясь папы, долженъ былъ въ свою очередь, добиваться симпатій лютеранцевъ. Таковы событія, объясняющія Нюренбергскій міръ и то быстрое распространеніе реформаци, которое она затѣмъ получила во всей имперїи. Тѣ мірскія наклонности, которыя сохранило папство при Климентѣ VII, не смотря на все случившееся, сдѣлали еще болѣе грозной возможность полного распаденія церкви.

Его преемникъ, Павель III, тоже воспитался подъ исключительнымъ вліяніемъ Возрожденія. Его рѣчь была чрезвычайно, даже изысканно элегантна и при томъ не только когда онъ объяснялся на своемъ родномъ языкѣ, но даже и тогда, когда онъ говорилъ по латыни или даже по гречески. Онъ окружалъ себя учеными, любилъ помпу, великолѣпные дворцы, статуи и картины. Въ то-же время онъ предавался всевозможнымъ суевѣріямъ, совершенно противнымъ

всякой религіи, ставилъ важнѣйшія свои рѣшенія въ зависимость отъ наблюденій надъ звѣздами и твердо вѣрилъ въ счастливые и несчастные дни. Впрочемъ Павелъ III, какъ человекъ очень умный, отлично понималъ необходимость коренныхъ реформъ въ нѣдрахъ католической церкви, но все же его искреннія заботы клонились только къ личнымъ и чисто мірскимъ цѣлямъ. У него былъ одинъ незаконный сынъ, котораго онъ усыновилъ, и внуки, и вотъ для этой-то семьи, для Фарнезовъ, онъ во что-бы то ни стало хотѣлъ добиться наслѣдственныхъ владѣній и устроить имъ княжество, и эта забота занимала его гораздо больше, чѣмъ всѣ церковныя нужды.

И такъ папство ничего не сдѣлало для того, чтобы спасти католичество, которому грозила окончательная гибель. Спасеніе явилось къ нему совсѣмъ съ другой стороны, изъ нижнихъ слоевъ іерархіи, лежащихъ внѣ официальныхъ круговъ римской куріи.

Движеніе въ смыслѣ внутренней реформы, въ которой такъ сильно нуждалось католичество для того, чтобы выдержать борьбу съ новой религіей, проявилось прежде всего среди монашескихъ орденовъ. Незначительное само по себѣ въ началѣ, это движеніе вскорѣ стало важно по своимъ послѣдствіямъ, благодаря тому лихорадочному самоотверженію, строгости и возрожденію религіознаго духа, которое оно вызвало вскорѣ во всѣхъ классахъ католическаго міра. Сигналь былъ по-

данъ орденомъ второстепенной важности,—Камальдулами.

Этотъ орденъ былъ основанъ въ 1012 г. святымъ Ромуальдомъ въ Камальдоли, близъ Арещо, въ Тосканѣ, какъ особенно строгая вѣтвь бенедиктинцевъ. Камальдулы должны были жить отшельниками въ отдѣльныхъ одна отъ другой келіяхъ и могли встрѣчаться не иначе, какъ въ общихъ молельняхъ и только въ часы богослуженій. Они подвергались суровымъ постамъ и многодневному молчанію. Употребленіе мяса было имъ совсѣмъ запрещено, но съ теченіемъ времени и не замѣтно, соблюденіе этихъ правилъ значительно ослабѣло: они пріобрѣли значительныя имѣнія, почти всѣ отступили отъ первоначальныхъ требованій своего основателя и стали жить въ общихъ монастыряхъ ¹. Въ это время одинъ благородный венеціанецъ, Павелъ Джустиніани, ученый теологъ, поступивъ въ орденъ уже въ зрѣломъ возрастѣ (34 лѣтъ), задался цѣлью возстановить уставы св. Ромуальда. Нѣкоторое время онъ прожилъ вмѣстѣ со своими учениками въ пещерахъ Мазаччіо, въ Церковной области, уступленныхъ ему камальдулами. Вскорѣ по его примѣру основались и другія пустынножителства. Богатые люди, вступая въ конгрегацію, отдавали въ ея пользу всѣ свои имущества. Въ 1523 г. Адрианъ VI даровалъ ей привелегіи по особой просьбѣ кіетскаго епископа Караффы,—

¹) Helyot, *Histoire des ordres monastiques*, т. V (Paris 1718 г.), стр. 236 и слѣд., 263 и слѣд.

привилегіи, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Особенно поддерживалъ эту общину папа Климентъ VII, предоставившій ей церковь близъ Мазаччіо. По смерти Джустиніани, въ 1528 г., центръ новой конгрегаціи былъ перенесенъ изъ Мазаччіо въ пустынножителство Монте-Корона. Уставъ этого общества проникнуть величайшей строгостью. Въ тѣ часы, когда монахи собираются вмѣстѣ, они должны сохранять строжайшее молчаніе, за исключеніемъ двухъ дней зимой и трехъ дней лѣтомъ, когда имъ позволяется бесѣдовать между собою; они должны служить заутреню въ полночь, употреблять самую простую пищу. Во всемъ остальномъ Джустиніани остался вѣренъ первоначальному уставу св. Бенедикта въ томъ отношеніи, что и его ученики были обязаны ежедневно въ теченіи одного часа заниматься какою-нибудь физическою работою. Эта суровая община быстро распространилась по Италіи, Германіи и Польшѣ.

Однако вліяніе ея на мірянъ, въ силу самага ея устройства, оставалось ничтожнымъ. Укрѣпить пошатнувшійся католицизмъ, которому грозило совершенное разрушеніе, конечно нельзя было абсолютнымъ затворничествомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, охваченныхъ меланхоліей и мистицизмомъ.

Гораздо серьезнѣе была реформа ордена францисканцевъ, совершенная въ 1525 г. Матвѣемъ де-Басси¹, который ввелъ для своихъ послѣдователей, какъ внѣшній знакъ обращенія къ

¹ Helyot, т. VII, стр. 164 и слѣд.

уставу основателя св. Франциска Ассизскаго, длинный и остроконечный капюшонъ, такой, въ какомъ обыкновенно изображается св. Францискъ на всѣхъ рисункахъ. По этому самому капюшону ихъ стали называть капуцинами. Добившись разрѣшенія отъ папы Климента VII, Матвѣй отправился проповѣдывать въ Анконскую марку, гдѣ вскорѣ къ нему присоединились еще три товарища. Въ 1528 г. тотъ-же папа разрѣшилъ имъ основать отдѣльную конгрегацію, члены которой носили капюшонъ, длинную бороду и ходили постоянно съ голыми ногами. Они устроились вблизи Камерино. Ихъ рвеніе, поразительныя обращенія къ вѣрѣ посредствомъ проповѣдей и услуги, оказанныя ими народу во время одной эпидеміи, доставили имъ всеобщее уваженіе. Вскорѣ имъ потребовалось основать новые монастыри для того, чтобы помѣстить въ нихъ цѣлыя толпы послушниковъ, стекавшихся къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Первымъ главнымъ викаріемъ ихъ былъ самъ Матвѣй де-Басси; онъ же далъ имъ уставы, обязывавшіе ихъ къ самой строгой бѣдности, какъ внутри ихъ жилищъ и церквей, такъ и въ одеждѣ и пищѣ. Имъ запрещалось дѣлать какіе-бы то ни было запасы: каждый день они должны были обходить вѣрующихся, собирая отъ нихъ необходимую для существованія милостыню. Имъ предписывались посты, молчаніе и умерщвленіе плоти, но главной цѣлью ихъ было не созерцаніе и не личныя религіозныя упражненія, а работа

въ міру и для міра и главнымъ образомъ вліяніе на низшіе классы.

Орденъ капуциновъ, взятый въ его цѣломъ, имѣетъ что-то вульгарное, нерѣдко даже нѣчто смѣшное, по тому значенію, которое онъ придаетъ самымъ незначительнымъ мелочамъ и пустымъ формальностямъ и потѣмъ средствамъ, къ которымъ онъ обыкновенно прибѣгаетъ для пріобрѣтенія вліянія на умы народныхъ массъ. Но было-бы несправедливо не признавать, что капуцины, въ особенности въ Италіи, дѣйствительно стали друзьями, утѣшителями и духовными руководителями народа, что они всегда приходили ему на помощь во всѣхъ его нуждахъ, во время голодовокъ, эпидемій и бѣдствій войны. Именно та грубоватая простота, которая свойственна этому ордену, приблизила его къ простому народу и сообщила ему большое вліяніе на простые, грубые умы, нечувствительные къ утонченностямъ болѣе возвышеннаго воспитанія и болѣе развитаго вкуса. Несомнѣнно, капуцины сдѣлали очень много для того, чтобы удержать просто-народье Италіи въ преданности къ католической религіи и въ вѣрности къ римской іерархіи. На этихъ-то именно основаніяхъ мы и обязаны называть ихъ въ числѣ тѣхъ факторовъ, которые наиболѣе способствовали реформѣ и возрожденію католицизма.

Въ то самое время, какъ капуцины заботились такимъ образомъ о духовномъ благѣ народа,

другая релігійозна община взяла на себя попеченіе о *матеріальному* благѣ несчастныхъ.

Португалець Іоаннъ Божій родился въ маленькомъ городкѣ Монте-майоръ-эль-Нуово въ 1495 г. и провелъ очень бурную молодость ¹. Покинувъ своихъ родителей въ девятилѣтнемъ возрастѣ, онъ перепробовалъ по очереди жизнь пастуха, солдата, лавочника и продавца образковъ. Въ концѣ концовъ нѣсколько случаевъ, ставившихъ жизнь его въ очевидную опасность, внушили ему раскаяніе, и свои внутреннія страданія онъ сталъ выражать такъ публично и притомъ въ такихъ преувеличенныхъ формахъ, что въ Гренадѣ его сочли за сумашедшаго и заперли въ домъ для умалишенныхъ, въ которомъ главное лѣченіе состояло въ сѣченіи несчастныхъ до крови. По выходѣ изъ этого незавиднаго пріюта, Іоаннъ твердо рѣшился посвятить себя исключительно на служеніе бѣднымъ. Онъ выказалъ на этомъ поприщѣ столько рвенія и самоотверженности, что въ 1540 г. ему доставали средства для того, чтобы устроить маленькій пріютъ, въ которомъ онъ могъ бы помѣстить убогихъ больныхъ и ухаживать за ними. Такъ какъ епископъ гренадскій очень интересовался имъ, то вскорѣ у него оказались нужныя средства для того, чтобы основать уже настоящую больницу, кото-

¹) Hel y o t, т. IX, стр. 131 и слѣд.—Біографія св. Іоанна Божія, сост. Саглиромъ (Sagliet, Das Leben des h. Johann von Gott, Ратисбоннъ, 1881), написана безъ всякой критики и исключительно съ точки зрѣнія католической теологіи.

рою онъ управлялъ съ большой гуманностью, искусствомъ и практичностью. Но, держа свою больницу въ полной чистотѣ и опрятности, самъ онъ ходилъ въ какихъ-то отвратительныхъ лохмотьяхъ. Епископъ де-Тюи далъ ему прозвище *Божій*, съ цѣлью отмѣтить этимъ его высокое благочестіе и неистощимую доброту, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ ему и его помощникамъ носить приличное и однообразное одѣяніе. Онъ умеръ въ 1550 г.¹, не успѣвъ окончательно устроить свою конгрегацію, но создавъ своей самоотверженной преданностью и разумной и энергичной дѣятельностью то замѣчательное учрежденіе *Братьевъ милосердія*, которое является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и лучшихъ украшеній католичества. Исключительно только блескомъ своихъ скромныхъ добродѣтелей, неутомимой помощью, оказываемой ими всѣмъ несчастнымъ и страдающимъ, эти братья милосердія, не ставя себѣ этого прямой цѣлью, больше укрѣпили католицизмъ, чѣмъ то могла-бы сдѣлать цѣлая сотня епископовъ и докторовъ богословія. Больные, которыхъ они спасли отъ смерти, родители и дѣти, видѣвшіе ихъ у постелей самыхъ дорогихъ для нихъ людей, невольно должны были переносить и на католицизмъ извѣстную долю той глубокой благодарности, которую въ широкой мѣрѣ заслуживали эти братья.

Но всѣ эти учрежденія не могутъ итти въ

² Иоаннъ Божій канонизированъ 140 лѣтъ спустя послѣ его смерти

называлось *Ораторіей Божественной любви*. Слава его быстро разнеслась по всей Италіи и вызвала во многихъ городахъ подражаніе. Въ самой Виченцѣ, мѣстѣ родины Каэтана, находился монастырь Іеронимитовъ, который пожелалъ ввести у себя уставъ и порядки Ораторіи Божественной любви. Для этого они просили Каэтана Тіенскаго пріѣхать къ нимъ, и такъ какъ ему уже давно хотѣлось пожить созерцательной жизнью, то онъ съ радостью отказался отъ высокаго положенія, которое занималъ при римскомъ дворѣ, и перешелъ окончательно къ виченцскимъ іеронимитамъ (1519 г.). Тамъ онъ основалъ госпиталь. Позднѣе онъ переселился въ Венецію, гдѣ реформировалъ новый госпиталь и удивлялъ весь городъ своимъ благочестивымъ рвеніемъ и краснорѣчивыми проповѣдями, которыми онъ многихъ укрѣпилъ въ вѣрности къ католической церкви. Такимъ же образомъ онъ основалъ пріютъ и въ Веронѣ. «Я до тѣхъ поръ не перестану раздавать бѣднымъ все, что у меня есть, говорилъ онъ, пока самъ не стану на служеніи Христу такимъ бѣднякомъ, которому уже нечѣмъ будетъ заплатить даже за свое погребеніе». Но вскорѣ—и это важнѣе всего—мистическое благочестіе его, исключительно направленное на улучшеніе частной жизни, уступило мѣсто болѣе практичнымъ и дѣйствительнымъ мыслямъ. Быстрые успѣхи ереси заставили Каэтана призадуматься о причинахъ видимаго упадка церкви. Какъ и многіе другіе, онъ усмо-

трѣль ея въ испорченности бѣлаго духовенства, т. е. того, которое по преимуществу должно было заботиться о спасеніи душъ своей паствы и о направленіи и утѣшеніи совѣсти. Онъ рѣшился исправить это зло посредствомъ основанія такого учрежденія, которое-бы реформировало жизнь, нравы и просвѣщеніе приходскаго духовенства, и возвратило-бы ему апостольскія добродѣтели древней церкви. Воодушевленный этой великой идеей, онъ вернулся въ Римъ для того, чтобы осуществить ее въ самой столицѣ католичества. Вскорѣ онъ отыскалъ себѣ тамъ перваго помощника въ лицѣ своего друга Бонифація да-Колле, юрисконсульта въ ломбардской Александріи, который, живя при папскомъ дворѣ, участвовалъ нѣкогда вмѣстѣ съ Каэтаномъ въ учрежденіи Ораторіи Божественной любви.

Однако позволительно усумниться въ томъ, что Каэтанъ обладалъ энергіей, умственными способностями и наконецъ достаточнымъ личнымъ вліяніемъ для того, чтобы довести начатое дѣло до конца. Онъ былъ созданъ для того, чтобы осушать слезы, ухаживать за больными, возвращать къ католической вѣрѣ нѣкоторыя заблудшія души, но не для того, чтобы основать имѣющій серьезное значеніе монашескій орденъ.

Къ счастью для его идеи, онъ встрѣтился съ однимъ прелатомъ, который былъ способенъ осуществить ее въ совершенствѣ и при томъ въ широкихъ размѣрахъ. Это былъ епископъ Караффа¹.

¹ B r o m a t o. Storia di Paolo IV, т. I.

Джовани-Пьетро Караффа родился въ 1476 г. въ одной изъ самыхъ извѣстныхъ фамилій неаполитанскаго королевства, владѣвшей многочисленными удѣлами: герцогствами, княжествами, маркизатами, графствами, бароніями. Будучи очень одареннымъ ребенкомъ, онъ уже съ дѣтства обнаруживалъ пылкость и страстность во всемъ, за что брался, и оказывалъ очень большіе успѣхи въ свѣтскихъ наукахъ, но, достигнувъ четырнадцатилѣтняго возраста, принялъ рѣшеніе удалиться въ одинъ изъ доминиканскихъ монастырей. Честолюбивый отецъ предназначалъ его на высшія свѣтскія должности или по крайней мѣрѣ на занятіе важнаго духовнаго поста, а потому насильно взялъ его изъ его убѣжища. Молодой человѣкъ долженъ былъ подчиниться. Усовершенствовавшись въ изученіи греческаго и даже еврейскаго языковъ и получивъ нѣсколько богатыхъ духовныхъ бенефицій, принадлежавшихъ его благородной и могущественной фамиліи, онъ отправился въ Римъ, гдѣ и сдѣлался въ 1503 г. апостолическимъ протонотаріемъ. Въ слѣдующемъ году одинъ его родственникъ предоставилъ ему одно изъ тѣхъ епископствъ, которые, находясь во владѣніяхъ рода Караффовъ, всегда занимались какимъ-нибудь членомъ этого семейства, а именно епископство Кіети, древнее названіе котораго было Теано. Дядя Джовани-Пьетро былъ кардиналомъ въ Римѣ и потому весьма естественно, что молодой епископъ пріобрѣлъ большое вліяніе въ вѣчномъ городѣ, вступилъ въ самыя важныя при-

ходскія конгрегаціи и былъ посланъ въ качествѣ апостолическаго нунція въ Испанію и Англию. За оказанныя услуги онъ былъ вознагражденъ назначеніемъ архіепископомъ въ Бриндизи; однако его всегда продолжали называть епископомъ Театинскимъ и подъ этимъ именемъ онъ пользовался общею извѣстностью.

Послѣ возмущенія Лютера Караффа сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ католической вѣры. Онъ не ограничился тѣмъ, что вступилъ съ Каетаномъ Тіенскимъ, да Колле, Садолетомъ и многими другими въ Ораторію божественной любви, но издалъ противъ Лютера нѣсколько богословскихъ сочиненій. Ревность, обнаруженная имъ въ отношеніи ортодоксальной реформы, долженствовавшей успѣшно бороться съ революціонной реформой виттенбергскаго монаха, очень подняла его значеніе въ глазахъ папы Адріана VI, раздѣлявшаго одинаковыя съ нимъ чувства. Послѣдній приблизилъ его къ себѣ и при такихъ обстоятельствахъ Караффа могъ оказать помощь Павлу Джустиніани, основателю монтекоронскихъ камальдулей. Но Адрианъ VI вскорѣ умеръ, а его преемникъ, Климентъ VII, гораздо больше занимался политическими дѣлами, чѣмъ реформою церкви. Караффа потерялъ надежду на возможность достигнуть серьезныхъ результатовъ при такомъ папѣ, а потому рѣшился снова удалиться въ монастырь, чтобъ по крайней мѣрѣ спасти свою собственную душу. Но онъ обладалъ слишкомъ большою энергіею,

сравненіе, въ отношеніи содѣйствія немедленному возрожденію католицизма, съ основанными въ это-же время орденами монашествующихъ клириковъ. Первымъ изъ этихъ орденовъ совершенно новаго рода по времени и вторымъ по значенію,—былъ орденъ *Театинцевъ*.

Основатель его, Каэтанъ Тиенскій, родился около 1480 г. ¹ въ Виченцѣ, въ семьѣ древняго дворянскаго рода. Много и трудолюбиво учась въ юности, онъ затѣмъ отправился въ Римъ, гдѣ немедленно былъ принятъ знаменитымъ папой Юліемъ II въ число протонотаріевъ апостолическаго престола. Но онъ не удовлетворился этой на половину свѣтской должностью и принялъ постриженіе въ 1516 г. Вскорѣ послѣ этого, въ 1519 г., онъ близко сошелся съ нѣкоторыми священниками и прелатами римской куріи, всего въ числѣ шестидесяти человекъ, которые, искренно огорчаясь неурядицами, царившими въ церкви, и возникновеніемъ лютеранской ереси, образовали маленькую общину для того, чтобы совмѣстно предаваться размышленіямъ и молитвамъ и такимъ образомъ приготовиться къ проповѣди и обращенію всѣхъ колеблющихся и невѣрующихъ ². Они собирались въ маленькой церкви св. Сильвестра и Доротеи, въ Трастевере. Это благочестивое собраніе, предназначавшееся для борьбы съ ересью мирнымъ оружіемъ,

¹ *Acta Sanctorum*, mens. Aug., т. II, стр. 240 и слѣд.

² Ant. Caraccioli, *Caietani Thienaei Vita* (Кельнъ, 1612), гл. 9 и 10.

сильною потребностью дѣятельной и вліятельной жизни, чтобы не привѣтствовать съ радостью мысль своего друга Каэтана Тиенскаго, указывавшаго ему на возможность соединить его удаление отъ дѣлъ съ непрестаннымъ и независимымъ трудомъ на пользу церковной реформы. Онъ обратился къ Каэтану и получилъ отъ него позволеніе присоединиться къ нему.

Папа, уважавшій въ Караффѣ тѣ качества, которыхъ не доставало ему самому, попытался удержать его при папскомъ дворѣ. Грамотою отъ 12 мая 1524 г. онъ предоставилъ Караффѣ неограниченную дисциплинарную власть надъ всѣми священниками, пребывающими въ Римѣ. Но, потому-ли, что Караффа считалъ, что его монастырская дѣятельность принесетъ больше пользы для общей и устойчивой реформы монашескаго духовенства, или потому, что полагалъ, что при такомъ слабомъ папѣ, какъ Климентъ VII, онъ не будетъ въ состояніи дѣйствовать съ достаточною строгостью на томъ посту, который ему былъ предоставленъ,—Караффа остался твердъ въ своемъ рѣшеніи. Тщетно папа напоминалъ ему объ обязанности cadaго епископа оставаться вѣрнымъ своей епархіи, съ которою, предполагается, онъ заключилъ мистическій союзъ, обыкновенно сравниваемый съ супружествомъ. Джовани Пьетро такъ надоѣлъ своими просьбами Клименту VII, что наконецъ получилъ отъ него разрѣшеніе, котораго онъ такъ долго добивался. Тогда, къ великому уди-

вленію римлянъ, не привыкшихъ къ такого рода зрѣлищамъ, онъ отказался отъ своихъ двухъ епископствъ, чтобы работать въ добровольной бѣдности для преобразованія священниковъ изъ бѣлаго духовенства; но папа все таки оставилъ за нимъ достоинство и титулъ епископа Театинскаго.

Какой странный контрастъ между собою представляли эти два человѣка, соединившіеся для общаго дѣла—Джовани-Пьетро Караффа и Каэтанъ Тиенскій! Одинъ—энергичный, твердый, жестокій, дѣятельный, очень опытный въ дѣлахъ, одинаково готовый и разрушать и создавать; другой—«казавшійся людямъ ангеломъ, а себѣ самому землянымъ червемъ ¹», скромный, мягкій, благочестивый, мало говорящій и проводящій свое время въ молитвахъ, слезахъ и въ дѣлахъ благотворительности и самопожертвованія. Очевидно, что въ этомъ союзѣ Караффа, уже бывшій старшимъ въ качествѣ епископа, долженъ былъ сдѣлаться также старшимъ и въ смыслѣ значенія и вліянія на организацію и направленіе дѣятельности новаго учрежденія.

Оригинальность идеи, несомнѣнно принадлежавшей святому Каэтану, состояла въ томъ, чтобы образовать религіозное сообщество, но не монаховъ, а священниковъ, которые, принявъ три монашескихъ обѣта—бѣдность, цѣломудріе и послушаніе,—совершали бы богослуженіе для об-

¹ В г о м а т о, т. I, стр. 106 и слѣд.

щества и совершали таинства, какъ обыкновенные священники. Поэтому самому учрежденію было дано названіе Конгрегациі Клириковъ; ихъ не называли братьями, но священниками; старшій изъ нихъ имѣлъ титулъ *превота* (старѣйшины), а не *пріора* или *настоятеля* ¹. Они носили черную мантію, а вмѣсто монашескаго капюшона—беретъ; они были освобождены отъ всѣхъ обязанностей относительно формы, церемоній и религиозныхъ обрядовъ, занимающихъ у монаховъ почти все ихъ время. Живя въ сообществѣ въ частныхъ домахъ, они желали совмѣстно работать на пользу моральнаго и религиознаго совершенствованія людей. Это было новою мыслью, которая должна была придать большую силу этой конгрегациі и въ особенности ея подражателямъ—іезуитамъ. Однако, истинною цѣлью конгрегациі была не столько забота о благочестіи мірянъ, сколько указаніе самимъ священникамъ пути для преобразованія церкви не наставленіями, которыя никогда не соблюдались, не наказаніями, которыя скоро забывались, но самимъ обаяніемъ совершенствованія, которое даетъ непреодолимую силу хорошему примѣру. Кромѣ того Караффа, въ глубинѣ души чловѣкъ очень честолюбивый, желалъ сдѣлать изъ своей конгрегациі разсадникъ епископовъ и высшихъ сановниковъ церкви. И дѣйствительно, развѣ воспитавшіеся въ этой строгой и спасительной школѣ священники

¹ *В г о т а т о*, т. I, стр. 106 и слѣд.

не были людьми наиболее способными для управления епархиями, гдѣ они могли заставить подчиненное имъ духовенство слѣдовать ихъ собственному примѣру и примѣру всей конгрегации?— Одно правило ея, имѣвшее по внѣшности видъ чрезвычайнаго смиренія и полнаго пренебреженія къ благамъ міра, придало этому учрежденію съ самого начала аристократическій характеръ. Театинцамъ запрещалась не только какая бы то ни было личная или коллективная собственность, но и прошеніе милостыни, поступленія которой, напротивъ, слѣдовало ждать исключительно отъ добровольной благосклонности вѣрныхъ. Очевидно, что при такомъ условіи все учрежденіе должно было бы находиться въ постоянной опасности гибели всѣхъ членовъ его отъ голода, если бы сами они не принадлежали къ богатымъ семьямъ, которыя могли и хотѣли доставлять имъ все необходимое для ихъ существованія. Во всѣхъ отношеніяхъ демократическій орденъ капуциновъ долженъ былъ дѣйствовать совершенно иначе: одинаково отрекаясь отъ всякой собственности, онъ считалъ безусловно неизбежнымъ замѣнить ее правильнымъ и систематическимъ сборомъ приношеній.—Помимо этого Караффа, происходившій изъ одной изъ самыхъ блестящихъ фамилій Италіи, противился усиленію численнаго состава своего ордена и желалъ установленія строгаго выбора для приѣма въ него ¹. Онъ достигъ своей

¹ Письмо Караффы къ Сильваджо, 1550 г., приводимое Бромато на стр. 115, т. I, его сочиненія.

цѣли и его конгрегація состояла почти исключительно изъ сыновей благородныхъ семействъ, которые въ своемъ двойномъ положеніи,—дворянъ и членовъ конгрегаціи, вскорѣ пріобрѣвшей большое значеніе,—гнушались брать приходы и оставляли конгрегацію, только получая высокій духовный санъ, такъ что самую конгрегацію стали называть *семинарією епископовъ*.

Товарищъ Каэтана Тіенскаго Бонифацій да Колле былъ, какъ и онъ самъ, также дворянинъ; четвертый товарищъ, присоединившійся къ нимъ, римлянинъ Павелъ Консильери, былъ тоже дворянинъ. Эти четыре основателя ордена получили 24 іюня 1524 г. отъ Климента VII особую папскую грамоту, утверждавшую ихъ институтъ, предоставлявшую имъ привилегіи латранскихъ монаховъ-канониковъ, ставившую ихъ непосредственно подъ покровительство св. престола и дававшую право избрать себѣ превода, срокъ полномочій котораго устанавливался на три года. Немедленно всѣ четыре основателя отказались отъ всѣхъ своихъ имуществъ и доходовъ;—поступокъ похвальный со стороны Караффы, владѣвшаго кромѣ своего личнаго очень большаго состоянія еще многими и богатыми церковными бенефиціями. Онъ былъ настолько душою новой конгрегаціи, что по требованію самого Каэтана былъ избранъ первымъ преволомъ ея, а такъ какъ онъ носилъ титулъ епископа *Театинскаго*, то и все общество было названо *Театинцами*. Оно устроилось сначала въ небольшомъ домикѣ на

Марсовомъ полѣ, а потомъ на Монте Пинчіо, въ Римѣ. Вскорѣ послѣ образованія его тридцать членовъ Ораторіи Божественной любви пожелали поступить въ нее, но въ этомъ имъ было въ вѣжливой формѣ отказано. Дѣйствительно, театинцы съ самого начала чувствовали себя настолько аристократами, что усвоили себѣ одежду, напоминающую, хотя и въ самой скромной формѣ, епископское одѣяніе. Эта тѣсная связь крайней бѣдности и дворянской гордости отличаетъ конгрегацию театинцевъ и такой характеръ былъ приданъ ей не смиреннымъ и скромнымъ Каэтаноу Тиенскимъ, но Караффою.

Въ силу самого устройства учрежденій театинцевъ ихъ вліяніе могло сказаться только очень медленно и на относительно ограниченномъ пространствѣ одной только Италіи. Здѣсь они боролись противъ ересей, здѣсь они создали извѣстное число способныхъ и достойныхъ епископовъ, здѣсь-же они давали своимъ самоотверженіемъ и религіознымъ усердіемъ спасительный примѣръ, но все это имѣло лишь второстепенную важность. Совершенно иное и гораздо болѣе значительное вліяніе получилъ другой орденъ, который, позаимствовавъ отъ театинцевъ нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ ихъ свойствъ, къ самому начала имѣлъ гораздо болѣе широкіе, честолюбивые и практическіе виды, а именно орденъ іезуитовъ.

Нужно отмѣтить, что конгрегациа монашескихъ канониковъ—театинцевъ вскорѣ нашла

себѣ подражаніе въ учрежденіи подобныхъ-же сообществъ. Наиболѣе извѣстное между ними было *барнабиты* или монашескіе каноники Св. Павла. Оно было основано около 1530 г. Антоніемъ Маріей Захаріемъ Кремонскимъ и двумя миланцами—Феррари и Мориджіа и утверждено Климентомъ VII въ 1533 г. Барнабиты, получившіе это названіе отъ принадлежавшей имъ въ Миланѣ церкви св. Варнавы, преслѣдовали тѣ же цѣли, что и театинцы, имѣя только болѣе демократическій характеръ. Они усвоили крайне смиренный внѣшній видъ и главнымъ образомъ стремились обращать колеблющихся и отпавшихъ. Распространившись потомъ по всей Италиі, Франціи и Богеміи, они посредствомъ своихъ *коллежей* сдѣлали очень много для возвращенія церкви тысячей еретиковъ.

Еще менѣе важны монашескіе клерки, называвшіяся *Соммасками*, общество которыхъ было основано около 1528 г. въ Соммаскѣ, деревнѣ, лежащей между Миланомъ и Бергамо. Задачею ихъ было воспитаніе сиротъ и вообще образованіе юношества; вліяніе ихъ было чисто мѣстное.

Нѣсколько лѣтъ позже, въ 1548 г., молодой флорентинскій дворянинъ Филиппъ де-Нери¹ учредилъ въ Римѣ Общество Св. Троицы, ко-

¹ Ant. Galloni. *Vita Sti Philippi Neri*. Hier. Barnabeo, *Vita sti Philippi Neri: Acta Sanct. Maii*, т. VI, стр. 463 и слѣд. и 524 и слѣд.—А. Сарселатро. *The Life of St Philipp Neri*. (Перев. Роуе, 2 т., 1882, Лондонъ).

торое обыкновенно именовалось Троицею пилигримовъ. Этого Филиппа де-Нери не безъ основанія называютъ римскимъ апостоломъ; дѣйстви-тельно, быть можетъ никто болѣе его не содѣй-ствовалъ преобразованію римскаго духовенства и улучшенію духовнаго состоянія всего населе-нія вѣчнаго города. Память о немъ жива тамъ до сихъ поръ. Конгрегація Троицы предназна-чалась на то, чтобы призрѣвать и заботиться о туземныхъ богомольцахъ, являвшихся въ Римъ, проповѣдывать и совершать публичное богослу-женіе, реформировать нравы, какъ своихъ сочле-новъ, такъ и постороннихъ лицъ, и наконецъ, чтобы обращать еретиковъ и невѣрующихъ. Они соблюдали уставъ Св. Августина. Изъ этого об-щества возникла въ 1575 г. конгрегація Орато-ріи, прославившаяся столькими учеными и искус-ными защитниками католицизма, и столькими до-стойными профессорами и знаменитыми миссіо-нерами.

Изъ сказаннаго видно, что народами латин-ской расы овладѣла лихорадка образованія но-выхъ орденовъ, а это указываетъ на пробужденіе среди нихъ, особенно въ Италіи, религіознаго чувства и духа католицизма; но ни одно изъ этихъ учрежденій XVI вѣка не можетъ идти въ сравненіе, по важности и неисчислимымъ резуль-татамъ, съ едва ли не самымъ молодымъ изъ нихъ — съ монашествующими клириками *Об-щества іезуитовъ*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основаніе ордена Іезуитовъ.

Соединеніе въ Испаніи рыцарственности съ религіознымъ мистицизмомъ.—Оно объясняетъ жизнь Лойолы.—Юность Лойолы.—Его рана и обращеніе.—Ночное вооруженное бдѣніе въ Монсерратѣ.—Манрезскій отшельникъ.—Его путешествіе въ Іерусалимъ.—Лойола студентъ.—Лойола схваченъ инквизиціей.—Его занятія въ Парижѣ.—Его первые ученики.—Монмартрскіе обѣты.—Лойола въ Венеціи.—Его сношенія съ Караффой и Театинцами.—Первыя папскія милости по отношенію къ Лойолитамъ.—Общество Іисуса.—Обвиненія Лойолы въ Римѣ.—Обѣтъ послушанія.—Враги и друзья Лойолы.—Утвержденіе папою. ордена Іезуитовъ—Характеръ новаго общества.—Лойола, первый генераль его.—Его взгляды и цѣли.—Основные принципы при вербовкѣ новыхъ членовъ общества.—Общее сужденіе о Лойолѣ.

Эпоха, въ которую свойственная среднимъ вѣкомъ цивилизація достигла самого блестящаго и богатаго развитія, характеризуется главнымъ образомъ тѣсною связью рыцарскаго духа съ религіознымъ мистицизмомъ,—связью, порожденною крестовыми походами, волновавшими и увлекавшими въ теченіе двухъ вѣковъ всю Европу. Такое необыкновенное сочетаніе, утративъ подъ вліяніемъ Возрожденія и общаго скептицизма къ

началу новаго времени свою силу въ остальной Европѣ, сохранилось только въ одной странѣ Запада—въ Испаніи. Это совершенно исключительное явленіе находитъ себѣ достаточное объясненіе въ самой исторіи испанцевъ. Ихъ нескончаемыя войны съ арабами и маврами сообщили всѣмъ ихъ военнымъ предпріятіямъ религіозную окраску, глубоко проникшую въ духъ націи. По странному сцѣпленію обстоятельствъ окончательное изгнаніе мусульманъ изъ полуострова и прекращеніе въ силу этого арабскихъ войнъ, какъ разъ совпало съ открытіемъ Америки и съ началомъ цѣлаго ряда предпріятій, имѣвшихъ цѣлью обращеніе въ христіанство дикарей Новаго Свѣта. Такимъ образомъ распространеніе католичества вторично оказалось связаннымъ тѣснѣйшимъ образомъ съ величіемъ и славою испанскаго имени, совершенно такъ же, какъ это было въ продолженіи восьми-вѣковой борьбы съ исламомъ. Дворянинъ, солдатъ, кастильскій *конквистадоръ*, сражаясь за собственную честь, за своего короля и за родину, сражались въ то же время за честь Христа и Пресвятой Дѣвы. Романъ «Амадисъ», написанный какъ разъ въ это время, между 1492 и 1508 годами, и всѣ его многочисленныя продолженія и подражанія вѣрно отражаютъ эту католическую, мистическую черту рыцарскаго духа испанцевъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при этихъ условіяхъ одинъ изъ офицеровъ Карла V сдѣлался основателемъ монашескаго ордена, въ которомъ соединился во-

енный и религіозный духъ и который долженствовалъ бороться съ врагами вѣры всѣми возможными средствами.

Донъ Иньиго (Игнатій) Лопецъ де Рекальде родился въ 1491 году, въ замкѣ Лойола, въ баскской провинціи Гвипускоа. Его семья считалась одной изъ самыхъ значительныхъ въ своемъ краю; при вступленіи на престолъ новаго короля, а также и при другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ¹, она пользовалась привилегіей, принадлежавшей лишь самымъ знатнымъ фамиліямъ страны: номинально она приглашалась принимать участіе въ торжественной церемоніи выраженія феодальнаго почтенія. Игнатій, тринадцатый ребенокъ² своихъ родителей, воспитывался, чтобъ сдѣлаться воиномъ и царедворцомъ, а потому получилъ чрезвычайно скудное образованіе. Сперва онъ служилъ пажомъ у короля Фердинанда Католическаго, а позднѣе рыцаремъ у герцога де Нахара, предки котораго всегда были покровителями фамиліи Рекальде де Лойола. Романтичскій умъ и юное сердце Игнатія были преисполнены рыцарскими заботами: онъ мечталъ о любовныхъ похожденияхъ, о военныхъ подвигахъ, о славѣ, о блескѣ и великолѣпнн своего оружія, своихъ лошадей и о собственной красотѣ. Онъ хотѣлъ быть первымъ во всемъ и блистать среди товарищей. Уже и тогда честолюбіе составляло

¹ *Acta Sanctorum m. Julii*, т. VII, стр. 422.

² *Maffei, Ignatii Vita*, lib. I, cap. I.

одну изъ господствующихъ чертъ его характера. Онъ выбралъ себѣ даму сердца изъ принцессъ королевскаго дома, потому что, по его собственному позднѣйшему признанію, она была знатнѣе всякой графини или герцогини ¹. Любимымъ его чтеніемъ былъ романъ «*Амадисъ Гальскій*», но въ то же время онъ былъ ревностнымъ католикомъ; онъ написалъ гимнъ въ честь Св. Петра, котораго онъ особенно почиталъ, какъ своего спеціальнаго покровителя и заступника, и старательно воздерживался отъ тѣхъ страшно грубыхъ клятвъ, которыя были столь обычны даже среди лучшаго общества того времени.

Когда въ 1521 году французы напали на Наварру, герцогъ Нахара, вице-король этой страны, назначенный Карломъ V, помѣстилъ въ Пампелунѣ, столицѣ Наварры, небольшой гарнизонъ. Лойола со своимъ отрядомъ находился тамъ же и отличился своей храбростью. Сначала онъ мужественно защищалъ самый городъ, а затѣмъ, послѣ взятія его, цитадель противъ удачныхъ приступовъ непріятеля, значительно превосходившаго испанцевъ своей численностью. Однако, 20 мая 1521 года, при защитѣ бреши въ крѣпостной стѣнѣ, французская пуля раздробила ему правую ногу, а осколокъ камня, сорвавшася со стѣны, повредилъ затѣмъ и лѣвую. Онъ потерялъ сознание, а гарнизонъ немедленно сдался врагамъ, которые отнесли къ Лойолѣ съ

¹ L. Gonzalez, въ *Acta Sanct. Jul.* VII, 634.

большимъ вниманіемъ и позволили отправить раненаго въ родительскій замокъ, находившійся довольно близко отъ Пампелуны. Хирургія тогда вообще еще находилась въ младенческомъ состояніи, а въ этомъ захолустѣ страны басковъ и совсѣмъ не было хорошихъ врачей. Игнатія лѣчили очень неудачно; поломанныя кости были сращены неправильно и ихъ пришлось снова два раза переламывать! Такъ какъ вслѣдствіе пораненія одна нога стала короче другой, то ее стали съ большою силою вытягивать съ помощью желѣзной машины. Эта пытка не спасла бѣднаго мученика отъ хромоты. Онъ испытывалъ самыя ужасныя страданія, но переносилъ ихъ съ героическимъ стоицизмомъ.

Долгіе мѣсяцы свой болѣзни онъ пытался скоротать чтеніемъ, ища въ немъ средства противъ скуки вынужденнаго бездѣлья и лѣкарства отъ своихъ физическихъ страданій. По старой привычкѣ онъ, конечно, потребовалъ прежде всего рыцарскихъ романовъ. Таковыхъ въ замкѣ не оказалось ¹ и ему дали, для развлеченія, Житіе Христа и *Цвѣты святыхъ*, написанные по испански. Вскорѣ это новое для него чтеніе стало заинтересовывать его все болѣе и болѣе. Мученичество и высокія дѣянія святыхъ, въ особенности св. Доминика и св. Франциска Ассизскаго, показались его душѣ, жаждавшей приключеній, возбужденной лихорадкою и страданіями, ни-

¹ Ribadeneira, *Vita Ignatii; Act. ss. Jul. VII*, 670.

сколько не менѣе славными и не менѣе завидными, чѣмъ подвиги героевъ и странствующихъ рыцарей. Его всегда очень сильное честолюбіе направилось теперь въ эту сторону. Сначала старыя впечатлѣнія, рыцарство, любовь къ дамѣ сердца, все это боролось еще съ его новыми стремленіями; но постепенно послѣднія все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Онъ вѣрилъ, что св. Петръ, къ которому онъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ привычкамъ, обращался главнымъ образомъ со своими молитвами, спасъ его непосредственнымъ вмѣшательствомъ отъ смертельной болѣзни. Къ тому же онъ ясно видѣлъ, что его плохо зажившая рана, дѣлая его хромымъ на всю жизнь, навсегда закрывала передъ нимъ военную карьеру. Тогда онъ рѣшился стать духовнымъ солдатомъ Иисуса Христа, Пресвятой Дѣвы и св. Петра, но не рядовымъ солдатомъ, а однимъ изъ военачальниковъ христіанскаго воинства. Сражаясь во имя Господне съ сатаною и съ адомъ посредствомъ постовъ, трудовъ и бдѣній, онъ надѣялся найти на небѣ тѣ богатства и королевства, которыя Амадисъ и ему подобные пріобрѣтали на землѣ своими рыцарскими подвигами.

Такимъ образомъ рѣшенія Лойолы, такъ же какъ и рѣшенія многихъ другихъ его соотечественниковъ, опредѣлялись сліяніемъ рыцарскаго духа съ мистицизмомъ, оплодотвореннымъ еще самымъ пылкимъ честолюбіемъ. Не раскаяніе, не потребность приблизиться къ Богу черезъ принесеніе Ему въ жертву всего своего суще-

ствованія побуждали Лойолу къ отшельнической жизни, а желаніе отличиться отъ всѣхъ прочихъ людей поступками столь же великими, какъ дѣянія тѣхъ святыхъ, съ біографіями которыхъ онъ случайно ознакомился, и желаніе сравниться съ ними въ славѣ и въ заслугахъ.

Онъ употребилъ время своего медленнаго выздоровленія на переписку Житія святыхъ и на иллюстрацію ихъ раскрашенными картинками; онъ сталъ приспособлять къ своимъ новымъ взглядамъ свой образъ жизни и свою рѣчь. Когда старшій братъ его, какъ глава семьи, вздумалъ помѣшать Лойолѣ привести въ исполненіе его планы, послѣдній не задумался его обмануть и, выздоровѣвъ въ мартѣ 1522 года, покинулъ свою семью подъ какимъ то выдуманномъ предлогомъ¹.

Прежде всего онъ сдѣлалъ свое рѣшеніе безповоротнымъ, принесъ обѣтъ цѣломудрія и воздержанія; затѣмъ, онъ предпринялъ свое первое паломничество къ чудотворной иконѣ Божьей Матери въ Монсерратскомъ монастырѣ, близъ Барцелоны. По дорогѣ каждый день онъ бичевалъ самъ себя для того, чтобы освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ. Прійдя къ чудотворному изображенію, онъ повѣсилъ все свое оружіе на близъ стоящую колонну, и, какъ оруженосецъ, готовящійся получить посвященіе въ рыцари, простоялъ всю ночь на часахъ согласно ритуалу, вычитанному имъ въ «Амадисѣ». Изъ всего

¹ Maffei, I, 3.

этого ясно видно, насколько прочно укоренились всѣ рыцарскія фантазіи въ его мозгу и какое вліяніе онѣ еще оказывали на него. На слѣдующій день онъ снялъ съ себя всѣ свои дорогія одежды, подарилъ ихъ тутъ же какому то бѣдняку и одѣлся нищимъ пилигримомъ. Общая исповѣдь закончила эту церемонію вступленія на новое служеніе.

По довольно странному совпаденію все это происходило какъ разъ въ то время, когда Мартинъ Лютеръ открыто порвалъ съ церковью и придалъ своей реформѣ явно революціонный характеръ.

Лойола намѣревался отправиться въ Іерусалимъ, чтобы заняться тамъ обращеніемъ невѣрныхъ, но чума помѣшала немедленному отъѣзду его въ Палестину, въ ожиданіи котораго онъ поселился въ Манресѣ, маленькомъ Каталонскомъ городкѣ, въ 50 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Барцелоны, и тамъ предался аскетизму и духовнымъ упражненіямъ.

Въ Манресѣ онъ пережилъ духовный кризисъ, весьма напоминающій то настроеніе, которое, двадцать лѣтъ тому назадъ, довело Лютера почти до полнаго отчаянія. Въ одномъ доминиканскомъ монастырѣ, а не въ пещерѣ, какъ гласило позднѣйшее іезуитское преданіе, онъ ежедневно подвергалъ себя самымъ тяжелымъ испытаніямъ, по три раза на день совершалъ самобичеваніе, молился на колѣнахъ въ теченіе семи часовъ кряду, по ночамъ не позволялъ себѣ

спать и питался только хлѣбомъ и водою. Этимъ путемъ онъ надѣялся сравняться со святыми, въ числѣ которыхъ онъ желалъ быть рано или поздно. Но чѣмъ больше онъ умерщвлялъ свое тѣло, тѣмъ болѣзненнѣе становилось его воображеніе. Онъ не чувствовалъ ни удовлетворенія, ни утѣшенія; напротивъ, ему казалось, что грѣхи его такъ велики, что ему никогда не удастся заслужить благоволеніе Божіе и ту вѣчную славу, которую онъ такъ страстно искалъ. Рыдая денно и ношно, онъ однажды дошелъ до мысли выброситься изъ окна своей кельи, но страхъ совершить такимъ образомъ новое преступленіе, остановилъ его ¹.

Любопытно прослѣдить различіе путей, которыми вышли изъ такого отчаяннаго положенія Мартинъ Лютеръ и Игнатій Лойола. Нѣмецъ, теологъ по профессіи, одаренный, въ сущности, весьма холоднымъ воображеніемъ, утѣшился на догматѣ о совершенномъ искупленіи челоуѣчества Иисусомъ Христомъ, на томъ догматѣ, который онъ считалъ почерпнутымъ изъ Евангелія, т. е. опирающимся на Библию. Фанатичному и честолюбивому испанцу, голова котораго была набита всевозможными чудесными рыцарскими разсказами и легендами, стали являться видѣнія: ему чудилось, что его мрачныя мысли внушались ему дьяволомъ и демонами, а спасительныя идеи — Богомъ и ангелами. Вторичная и очень тяжелая

¹ Ribadeneira, стр. 673 и слѣд.

болѣзнь, грозившая положить предѣлъ всѣмъ его широкимъ замысламъ, показалась ему новымъ указаніемъ на борьбу съ дьявольскими кознями и на необходимость разъ навсегда покончить со всей своей прежней жизнью и начать совсѣмъ новое существованіе, полное надежды на божественное милосердіе и довѣрія къ своимъ собственнымъ намѣреніямъ. Онъ вѣрилъ, что Богъ направляетъ его, какъ воспитатель направляетъ своего ученика ¹.

Мало по малу ему стало казаться, что аскетизмъ и добровольныя самоистязанія грѣшны въ глазахъ Господа, сотворившаго не только душу, но и тѣло человека, и что они ослабляютъ духъ, убивая его матеріальнаго спутника, — тѣло. Лойла пересталъ даже сокращать часы своего сна для того, чтобы тѣмъ съ большой силой работать во славу и честь Бога ². Такой взглядъ на обязанности благочестиваго и преданнаго церкви христианина, взглядъ совершенно противоположный его первоначальнымъ возрѣніямъ на свое новое положеніе, сдѣлался позднѣе характернымъ для всего ордена, который онъ основалъ.

Послѣ его примиренія съ самимъ собою, ви-

¹ L. Gonzalez, AA. ss. *Jul.* VII, 651.

² Genelli, *Das Leben des heil. Ignaz von Loyola.* (Innsbruck, 1848), стр. 382. Эта книга особенно интересна помѣщенными въ ней письмами св. Игнатія, большая часть которыхъ появляется въ печати впервые. Эти письма рисуютъ Лойолу въ совсѣмъ новомъ свѣтѣ и очень часто находятся въ противорѣчии съ іезуитской традиціей.

дѣнія, порождаемая его чрезмѣрно возбужденнымъ, въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, воображеніемъ и его религіознымъ честолюбіемъ, стали принимать все болѣе и болѣе радужныя и экзальтированныя формы. Онъ вѣрилъ, что видѣлъ Іисуса Христа и пресвятую Дѣву; самыя темныя тайны вѣры сдѣлались для него на столько очевидными, что, казалось, онъ наблюдалъ ихъ своими тѣлесными очами. Онъ видалъ также и діавола въ видѣ блестящаго змія, который становился все блѣднѣе и безобразнѣе по мѣрѣ того, какъ Игнатій молился. Какая глубокая разница между геніемъ виттенбергскаго монаха и манрескаго отшельника! Лютеръ опирался на слово Божіе, открытое всему міру; Лойола основывался на своихъ мистическихъ видѣніяхъ, существовавшихъ только въ его воображеніи и дѣлавшихъ изъ него существо привилегированное, избранное изъ милліоновъ ему подобныхъ.

Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Манресѣ и послѣ множества паломничествъ, Лойола могъ, наконецъ, отправиться въ Италію, а оттуда, въ томъ же 1523 году, въ Палестину. По увѣренію іезуитскаго преданія, правда весьма сомнительной достовѣрности, какъ это мы увидимъ ниже, онъ совершилъ все это путешествіе, не имѣя ни гроша денегъ, добывая хлѣбъ именемъ Христовымъ и умоляя каждый разъ капитановъ кораблей взять его съ собою изъ милости и ради Господа. Когда онъ покидалъ Римъ,—повѣствуетъ все та же легенда,—друзья заставили его принять

нѣскольکو золотыхъ для того, чтобы быть въ состояніи заплатить за проѣздъ по морю. Но едва онъ вышелъ изъ города, какъ его стали мучить угрызенія совѣсти за то, что онъ нарушилъ обѣтъ бѣдности, и онъ тотчасъ же роздалъ всѣ свои деньги встрѣчнымъ нищимъ. Ниже мы увидимъ, что онъ никогда не отличался такою щепетильностью и широко пользовался кошелькомъ своихъ друзей.

Какъ бы то ни было, онъ достигъ, наконецъ, святой земли. Быть можетъ судьба всего міра весьма измѣнилась-бы, если-бы Лойола привелъ въ исполненіе свои планы въ Палестинѣ и провелъ бы въ ней всю свою остальную жизнь, поддерживая угнетенныхъ христіанъ и обращая на путь истины ихъ невѣрныхъ тирановъ. Но начальники католическаго духовенства въ Іерусалимѣ оттолкнули его, не видя пользы отъ этого, лишеннаго всякихъ средствъ, невѣжественнаго фанатика, безъ друзей, безъ пониманія политическихъ нуждъ ихъ положенія. Игнатій принужденъ былъ вернуться на свою родину, на этотъ разъ ужъ настоящимъ нищимъ, перевозимымъ и питаемымъ сострадательными людьми.

Однако это путешествіе не осталось безъ результатовъ.

Онъ убѣдился, что для достиженія какой бы то ни было цѣли прежде всего необходимы знанія и немедленно принялся за пріобрѣтеніе ихъ. Цѣлыхъ два года онъ учился въ Барселонѣ; потомъ посѣщалъ лекціи философіи въ университетѣ въ

Алькала и наконецъ слушалъ курсъ теологіи въ Саламанкѣ. Этотъ человѣкъ, одаренный желѣзной волей и не передъ чѣмъ не останавливающейся рѣшимостью, тридцати трехъ лѣтъ отъ роду сѣлъ на школьную скамью. И вмѣстѣ съ этимъ, рядомъ со своими подготовительными занятіями, онъ давалъ уроки катехизиса дѣтямъ, женщинамъ и мужчинамъ изъ простонародья и проповѣдывалъ на улицахъ. Онъ уже дѣйствовалъ, какъ вождь секты и сумѣлъ завоевать симпатіи многихъ благочестивыхъ особъ, въ особенности дамъ, увлекавшихся его мистицизмомъ и краснорѣчіемъ и осыпавшихъ его подарками. Вскорѣ онъ собралъ вокругъ себя нѣкоторое число учениковъ и послѣдователей, которые, впрочемъ, не остались вѣрны ему до конца ¹. Всѣ эти занятія мѣшали его успѣхамъ въ наукахъ еще и потому, что, желая все узнать сразу, онъ работалъ безъ системы и метода ². Само собой разумѣется, что инквизиція обезпокилась такимъ поведеніемъ Лойолы и вообразила, что онъ послѣдователь иллюминатовъ, гностической секты, обнаружившейся именно въ это время въ разныхъ мѣстностяхъ Испаніи. Игнатій дважды подвергался тюремному заключенію: въ Алькала онъ высидѣлъ 42 дня, въ Саламанкѣ— три недѣли. Убѣдившись въ его невинности, его выпустили на свободу, но предписали ему изучать

¹ Orlandino, *Historia societatis Jesu*, t. I (Roma, 1615) lib. I, cap. 52, стр. 14.

² *AA. SS. Jul.* VII, 445.

въ продолженіи четырехъ лѣтъ теологію, прежде чѣмъ осмѣливаться поучать въ религіи и проповѣдывать. Во всѣхъ этихъ неудачахъ Лойола усматривалъ только испытанія, ниспосылаемыя ему Богомъ для лучшаго подготовленія его къ его апостолической миссіи; однакоже онѣ до нѣкоторой степени разочаровали его въ его родинѣ и привели къ рѣшенію отправиться въ Парижѣ. Гдѣ же, какъ не въ Сорбоннѣ, въ знаменитѣйшемъ факультетѣ всего христіанскаго міра, онъ могъ вѣрнѣе всего получить тѣ глубокія познанія, которыя отъ него требовались? Кромѣ того, онъ надѣялся легче найти въ этомъ большомъ городѣ и среди многочисленной университетской молодежи подходящихъ товарищей для исполненія своего плана основать сообщество, имѣющее цѣлью обращать язычниковъ и еретиковъ. 2 февраля 1528 г. ¹ Лойола прибылъ въ Парижѣ, совершивъ все это длинное путешествіе пѣшкомъ.

Требованія Парижскаго университета значительно превышали требованія испанскихъ школъ. Лойола долженъ былъ переучивать все съ самаго начала и снова пройти въ коллежѣ Монтэрю классы грамматики и философіи прежде чѣмъ получилъ возможность взяться за теологію. Сколько нужно было какой-то мрачной и величественной энергіи со стороны почти сорокалѣтняго чело-

¹) См. письмо Лойолы къ Агнессѣ Поскоала отъ 3 марта 1528 г. въ книгѣ Genelli (фр. переводъ Sainte-Foi. Paris, 1857), т. I, стр. 150.

вѣка, принужденнаго изучать элементарныя основы наукъ вмѣстѣ съ дѣтьми! Уроки Алькалы и Саламанки не пропали для него даромъ: онъ заставилъ на время замолчать свой религіозный энтузіазмъ и цѣликомъ предался ежедневному труду. Біографы Игнатія, желая какъ можно болѣе увеличить заслуги этого святого, увѣряютъ, что онъ, не имѣя средствъ къ существованію, просилъ Христа ради у домовъ. Однако, его письма свидѣтельствуютъ съ полной очевидностью, что его друзья и въ особенности его барселонскія поклонницы аккуратно присылали ему денежную помощь и что онъ не стѣснялся просить у нихъ все новые дары, не только для своей жизни, но и для уплаты за получаемыя имъ академическія степени ¹. Во время вакацій онъ аккуратно посѣ-

¹) 10 ноября 1532 г. онъ пишетъ Елизаветѣ Розе (Roser) въ Барселонѣ: „Я получилъ черезъ доктора Бенета три письма Ваши и двадцать дукатовъ“. 13-го іюня 1533 г. онъ пишетъ Агнессѣ Паскоала: „Прошелъ годъ, какъ я получилъ Ваше письмо черезъ доктора Бенета вмѣстѣ съ подаяніемъ и провизіей, привезенными имъ для меня изъ Барцелоны... Хотя я уже и отвѣтилъ Вамъ на Ваше письмо, тѣмъ не менѣе мнѣ захотѣлось еще написать Вамъ, такъ какъ знаю, что это будетъ Вамъ пріятно, а кромѣ того и съ цѣлью доставить себѣ средства дѣлать большіе успѣхи въ наукахъ, чѣмъ это было до сихъ поръ; ибо я получилъ этимъ постомъ степень *магистра* и по этому случаю долженъ былъ истратить больше, чѣмъ я хотѣлъ и могъ... Поэтому я написалъ къ Цепилла, предлагавшей мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ помогать мнѣ всѣми своими силами и просившей сообщить ей обо всемъ, въ чемъ я нуждаюсь. Я пишу также Елизаветѣ Розе... сдѣлавшей для

щаль различные города Бельгii ¹ и даже Лондонъ, не столько для того, чтобы собирать милостыню, сколько съ цѣлью выхлопатывать себѣ правильныя пособія.

Благодаря такому образу дѣйствій, онъ жилъ довольно широко и могъ заниматься обдумываніемъ своего замысла, становившагося для него все яснѣе: онъ мечталъ объ основаніи новаго ордена для распространенія истинной вѣры. Онъ повѣрилъ свою мысль прежде всего своему товарищу, съ которымъ онъ раздѣлялъ келью въ

меня больше, чѣмъ она въ сущности могла... Жена Гралла обѣщала мнѣ нѣсколько разъ помогать мнѣ во время моихъ занятій и дѣйствительно дѣлала это. То же долженъ я сказать и о доннѣ Елизаветѣ де-Коза и о доннѣ Альдонцѣ да-Кордова, которыя также помогали мнѣ. Будьте добры напомнить имъ обо мнѣ. Я думаю, что если бы ла-Гралла узнала о моей нуждѣ, она приняла бы участіе въ тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя будутъ сдѣланы въ мою пользу. Устройте это дѣло съ нею и съ остальными такъ, какъ Вы найдете это лучшимъ". Это письмо доказываетъ, что св. Игнатій не довольствовался случайнымъ подаяніемъ и прекрасно умѣлъ эксплуатировать своихъ благодѣтельницъ, и не только для своихъ необходимыхъ нуждъ, но и для потребностей роскоши. Тонъ этихъ писемъ замѣчательно сухъ, совершенно дѣловой и обнаруживаетъ весьма мало религіознаго энтузіазма.

¹ Conf. MS. *Historia breviter complectens initium ac progressum Soc. Jesu in civit. Antwerp.* (Bruxelles, Bibl. de Bourgogne): Cum. R. P. Jacobus Laynez Antverpiam venisset, sese in amicitiam mercatorum hispanorum qui tum Antverpiae erant insinuavit... *eorum maxime qui R. P. Ignatium (piae memoriae) Lutetia venientem hospitio acceperant suisque eleemosynis eius studia foverant, dum Lutetiae operam litteris daret.*

коллежѣ св. Варвары, савойцу Петру Ле Февру, ставшему изъ пастуха — богословомъ; потомъ своему соотечественнику Франциску Ксавье Пампелунскому, человѣку благороднаго происхожденія и сильнаго ума, бывшему уже профессоромъ философіи въ коллежѣ въ Бове и отказавшемуся отъ значительнаго духовнаго и свѣтскаго положенія для того, чтобы раздѣлить участь своего друга. Въ этомъ случаѣ Игнатій вполне обнаружилъ свое умѣніе привязывать къ себѣ людей: онъ привлекъ Ле Февра, оказывая ему матеріальную помощь, а Ксавье—доставляя ему слушателей на его первыя лекціи, что составляло предметъ заботъ и честолюбія молодого профессора ¹. Такимъ образомъ онъ добился ихъ довѣрія и пріобрѣлъ ихъ дружбу. Послѣ этого онъ началъ воспитывать ихъ въ нужномъ ему направленіи, пытаясь внушить имъ свой собственный энтузіазмъ. Его усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Тогда онъ подвергъ ихъ строгимъ духовнымъ испытаніямъ, постами и лишеніямъ, и постепенно сдѣлалъ изъ нихъ послушныя орудія своей воли. Достигнувъ этого успѣха, онъ употребилъ всѣ денежныя средства, какія могъ добыть, на привлеченіе къ своему плану возможно большаго числа своихъ соотечественниковъ. Постепенно въ составъ этого маленькаго кружка вошли: Яковъ Лайнесъ изъ Альманцы, Альфонсъ Сальмеронъ

¹) Orlandino, l. I, cap. 79, 85, стр. 22—23. Лойола пріобрѣлъ симпатіи Бобадиллы такимъ же способомъ, какимъ добился расположенія Ле Февра.

изъ Толедо, Николай Бобадилла и португалець Симонъ Родригець изъ Ацеведо.

Наконецъ Лойола достигъ своей цѣли: 15 августа 1534 года его товарищи и онъ основали новый орденъ, принеся въ церкви св. Маріи на Монмартрскихъ высотахъ обѣтъ цѣломудрія, бѣдности и обѣщаніе предпринять духовный крестовый походъ въ Палестину для обращенія мусульманъ и для служенія бѣднымъ христіанамъ Сиріи. Въ случаѣ же, если бы послѣдній обѣтъ оказался невыполнимымъ, они обѣщали отдаться въ полное распоряженіе папы, обязуясь служить ему гдѣ и какъ онъ пожелаетъ, безъ всякихъ предварительныхъ условій и какого бы то ни было вознагражденія. Такимъ образомъ, истинная цѣль ихъ союза была еще довольно неопредѣленна. Вскорѣ къ нимъ присоединились савоеецъ Клавдій Ле Жэ и два французъ:—Иванъ Кодюръ и Бруэ.

Таково было темное и скромное начало іезуитскаго ордена!

Прежде всего первые его основатели спокойно докончили свои научныя занятія; потомъ, въ 1535 году, они разстались, назначивъ себѣ свиданіе въ Венеціи, въ началѣ 1537 года. Лойола отправился въ Испанію, чтобы привести въ порядокъ свои семейныя дѣла, а также и дѣла своихъ друзей. Пріѣхавъ на свою родину, онъ роздалъ все свое имущество бѣднымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ и удивлялъ народъ энтузіазмомъ своихъ проповѣдей и строгостью своей жизни. Въ назначенный срокъ десять друзей

встрѣтились въ Венеціи. Тутъ передъ ними встали новыя препятствія. Война, вспыхнувшая между Венеціанской республикой и Оттоманской имперіей, сдѣлала ихъ отъѣздъ на Востокъ въ это время невозможнымъ. Въ Венеціи Лойола былъ вторично обвиненъ въ ереси и ему стоило большого труда оправдаться ¹. Тогда онъ началъ колебаться въ своихъ первоначальныхъ рѣшеніяхъ и остался еще на цѣлый годъ въ Венеціи, чтобы выждать удобный случай для путешествія въ Святую Землю; если же такого случая не представится, онъ и его товарищи рѣшили, что это будетъ указаніемъ, что божественная воля предназначаетъ имъ иное поле дѣятельности. И дѣйствительно, въ Венеціи Игнатій нашель, наконецъ, свою истинную и окончательную цѣль.

Стараніями богатаго сенатора, Джироламо Міани, были основаны во всѣхъ большихъ городахъ Венеціанской республики многочисленныя пріюты-больницы и отданы въ завѣдываніе театинцевъ. Самъ Караффа, переселившійся со времени римской осады (1527) въ Венецію, наблюдалъ за этими учрежденіями. Игнатій поселился у театинцевъ и со всѣмъ пыломъ своего темперамента отдался служенію въ ихъ больницахъ. Здѣсь онъ убѣдился, что цѣль существованія этой общины была истинной миссіей всякаго воина христова, въ особенности же проповѣдь, борьба съ ересями и преподаваніе. Но тѣсныя

¹ Ribadeneira. AA. SS. Jul. VII, 691.

границы, установленныя Караффою для его конгрегации, въ сущности непосредственно предназначавшейся для преобразования высшаго духовенства, показались ему слишкомъ узкими. По этому поводу между нимъ и епископомъ неаполитанскимъ стали происходить все болѣе и болѣе горячіе споры, приведшіе, въ концѣ концовъ, къ разрыву, правда, почти неизбежному между такими горячими темпераментами, такими властными и честолюбивыми натурами, каковы были оба эти человека, принадлежавшіе вдобавокъ къ двумъ глубоко ненавидѣвшимъ другъ друга націямъ; но это не помѣшало, однако, Лойолѣ позаимствовать у театинцевъ основную идею и многія характерныя черты ихъ ордена.

По обыкновению біографы Лойолы старательно умалчиваютъ объ одной подробности, которая, тѣмъ не менѣе, вполне установлена письмами самого св. Игнатія, а именно онъ и въ Венеціи, по прежнему, продолжалъ пользоваться деньгами, присылаемыми его благочестивыми почитательницами и другими людьми, расположеніемъ которыхъ онъ успѣлъ заручиться за время своего ученія въ Испаніи. Онъ самъ говоритъ, что «состояніе его здоровья больше не позволяетъ ему переносить бѣдность и физическія лишенія ¹». Такимъ образомъ, необходимо значительно сбавить тѣ восхваленія его добровольной бѣдности

¹ Письмо къ Кацандеру, 12 февр. 1536, Menchasa, *Epistolae Sancti Ignatii* (Bologna, 1804), I, 2.

и полнаго самоотреченія, которыя столь щедро расточаются іезуитскими историками по адресу ихъ патрона, умѣвшаго, напротивъ, прекрасно согласовать благоразуміе и даже нѣкоторую житейскую хитрость со всѣмъ своимъ религіознымъ рвеніемъ.

Въ это время большинство изъ товарищей Игнатія предприняли путешествіе въ Римъ съ цѣлью испросить у папы одобреніе ихъ предполагаемой поѣздки въ Палестину и осуществить принятую ими на себя миссію. Представленные папѣ имперскимъ посланникомъ, Петромъ Ортицемъ, они легко добились отъ Павла III всего, чего хотѣли, и даже большаго. Его святѣйшество милостиво даровалъ имъ разрѣшеніе получить рукоположеніе во священники отъ избраннаго ими самими епископа и нѣсколько разъ снабжалъ ихъ значительными суммами денегъ. Какъ только они вернулись въ Венецію, Игнатій и всѣ тѣ изъ его товарищей, кто не имѣлъ еще никакого духовнаго сана, были посвящены (въ іюнь 1537).

Теперь они стали проповѣдывать по улицамъ. Не смотря на крайнюю странность ихъ костюма, — они были прикрыты какими-то лохмотьями, — ихъ фізіономій, — они были измождены добровольными самоистязаніями и постами, — и ихъ языка, — они говорили языкомъ, представлявшимъ смѣсь испанскаго и итальянскаго, — а можетъ быть именно благодаря всѣмъ этимъ странностямъ, они производили глубокое впечатлѣніе на на-

родъ и имѣли большой успѣхъ. Вѣроятно не малую роль играла при этомъ ихъ суровая, дѣйствительно примѣрная, жизнь.

Прошелъ годъ выжиданія, а удобнаго случая для поѣздки на Востокъ все не представлялось. Позволительно думать, что уже въ это время Игнатій и его друзья и не держались особенно за этотъ планъ, ибо при ихъ настойчивости они, конечно, въ концѣ концовъ съумѣли бы добратъся до Палестины. Но, до сихъ поръ неопредѣленные и мистическія, стремленія Лойолы приняли, наконецъ, окончательную и опредѣленную форму. Было рѣшено, что всѣ снова отправятся въ Римъ (осенью 1537) разными путями и, по дорогѣ, каждый, независимо отъ другихъ, будетъ обдумывать организацію новаго ордена. Имя, принятое общиной, было придумано самимъ Игнатіемъ. Отчасти для того, чтобы не стали называть ее по его имени, отчасти въ силу своихъ прежнихъ мыслей и военныхъ стремлений, онъ рѣшилъ назвать ее *Обществомъ Иисуса*, «какъ когарту или центурію, предназначенную сражаться съ духовными врагами», «какъ людей, душой и тѣломъ преданныхъ Господу нашему Иисусу Христу и его истинному и законному викарію на землѣ¹». Правда, впоследствии іезуиты увѣряли, будто ихъ настоящимъ основателемъ былъ самъ Иисусъ Христосъ, и что сами они вполнѣ подражали жизни апостоловъ

¹ *Deliberatio primorum patrum*; AA. SS. Jul. VII, 463.

и ихъ первыхъ учениковъ ¹. Но всѣ эти мистическія, а главнымъ образомъ, горделивыя объясненія не имѣютъ никакого историческаго значенія.

Вся будущая дѣятельность Общины Іисуса уже намѣчена въ этомъ высококомѣрномъ и смѣломъ названіи и въ тѣхъ объясненіяхъ, которыя даны самими основателями его. Въ немъ ясно сказывался воинственный, агрессивный характеръ іезуитовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ претензія быть истинными представителями Іисуса и его церкви. Ничего подобнаго этому обществу не существовало до тѣхъ поръ въ католической церкви.

Поэтому нисколько не удивительно, что вначалѣ Лойола и его друзья были встрѣчены въ Вѣчномъ городѣ весьма сухо и вызвали тамъ удивленіе и безпокойство при видѣ горсти людей, преисполненныхъ такого высококомѣрія. Въ этомъ Римѣ чудилась ересь.

Игнатій прибылъ въ Римъ къ концу 1537 года. Какъ и раньше, онъ и его друзья нашли непосредственно у папы очень привѣтливый пріемъ. Павелъ III выказалъ въ данномъ случаѣ больше проницательности въ отношеніи интересовъ церкви, чѣмъ всѣ остальные римскіе прелаты ². Папа назначилъ двухъ послѣдователей Лойолы профессорами по кафедрѣ теологіи въ римскомъ университетѣ *Sapienza* и приказалъ епископу-

¹ *Imago primi saeculi Soc. Jesu* (Antverp. 1640) стр. 64.

² См. у Genelli письмо Лойолы къ Елизаветѣ Розе отъ 19 дек. 1538 г.

губернатору Рима разрѣшить всѣмъ имъ проповѣдывать. Простой народъ, воспламеняющійся гораздо легче, чѣмъ высшее общество, сбѣгался массами къ лойолитамъ, добившимся своими проповѣдями, преподаваніемъ и уходомъ за больными большого вліянія. Однако, вскорѣ у нихъ со всѣхъ сторонъ появились опасные противники. Въ теченіи восьми мѣсяцевъ, съ марта по ноябрь 1538 г., противъ нихъ составленъ былъ настоящій заговоръ. Прежде всего ихъ оклеветали въ высшихъ слояхъ римскаго общества; потомъ открыто стали обвинять въ ереси и въ возмущеніи народа. Нѣкоторые кардиналы явно выступили противъ Игнатія и его друзей и одинъ изъ этихъ князей церкви запретилъ даже хозяину, у котораго жилъ Лойола, держать его у себя дольше.

Конечно, всякій другой на мѣстѣ Лойолы растерялся бы, но онъ остался непоколебимъ. Онъ посѣтилъ нѣкоторыхъ кардиналовъ и его независимая манера держать себя и пылкость его рѣчей произвели живѣйшее впечатлѣніе на ихъ умы. Онъ сумѣлъ добыть документы, проливавшіе довольно сомнительный свѣтъ на его обвинителей, и представилъ свидѣтелей по своимъ прежнимъ процессамъ въ Испаніи и въ Парижѣ и своего оправданія. Одновременно съ этимъ онъ обратился письменно къ городамъ и правителямъ Италіи, знавшимъ раньше нѣкоторыхъ изъ его товарищей за людей ревностно-религіозныхъ, и получилъ отъ нихъ самыя горячія по-

хвалы и рекомендаціи. Такимъ образомъ онъ побѣдилъ своихъ обвинителей и заставилъ ихъ умолкнуть; но такъ какъ всѣ они были люди богатые и вліятельные, то судьи хотѣли замѣть дѣло и отказались произнести рѣшительный приговоръ и такимъ образомъ навсегда закрыть уста клеветникамъ, какъ того требовалъ Лойола, добивавшійся офіціального признанія своей невинности и своего правовѣрія ¹. Тогда Игнатій обратился прямо къ папѣ, сперва черезъ друзей, а потомъ смѣло отправившись къ нему лично. Цѣлый часъ бесѣдовалъ онъ наединѣ съ перво-священникомъ и вышелъ отъ него полнымъ побѣдителемъ: онъ завоевалъ умъ Павла III. По приказанію послѣдняго губернаторъ Рима началъ новое слѣдствіе, закончившееся самымъ почетнымъ отзывомъ о Лойолѣ и о его товарищахъ (18 ноября 1538 г.). Этотъ приговоръ, восхвалявшій святость ихъ жизни и ученія, произвелъ въ Римѣ глубокое впечатлѣніе, которое потомъ еще усилилось послѣдовавшими затѣмъ распоряженіями папы, предоставившаго имъ религіозное преподаваніе юношеству во многихъ недавно открытыхъ имъ школахъ въ столицѣ. Кромѣ того, во время наступившаго зимою 1538—39 г. голода, они проявили такую замѣчательную, самоотверженную дѣятельность, которая вызвала во многихъ большое сочувствіе къ нимъ.

¹ *Письмо Лойолы къ Контарини*, 2 дек. 1538. Менчаса. I, 7.

Всѣ эти событія значительно увеличили численность ихъ общества, такъ что они могли начать думать объ окончательной организаціи его. Къ своимъ первоначальнымъ двумъ обѣтамъ, цѣломудрія и бѣдности, они присоединили еще третій—обѣтъ послушанія, но послушанія, весьма непохожаго на то, которое соблюдалось въ другихъ монашескихъ орденахъ. Военный духъ, не угасшій въ Лойолѣ за столько лѣтъ и несмотря на столькія превращенія, заставлялъ его цѣнить абсолютное, точное, не разсуждающее повиновеніе, какъ самую высшую добродѣтель. Тогда какъ во всѣхъ прочихъ духовныхъ орденахъ генераль избирался лишь на нѣсколько лѣтъ и подъ извѣстными условіями, іезуиты рѣшили избирать его пожизненно и предоставить ему неограниченную власть. Какъ говорилось въ ихъ первомъ прошеніи, поданномъ ими папѣ, онъ долженъ былъ «распредѣлять по своему усмотрѣнію должности и чины и вводить уставы, сообразуясь съ мнѣніемъ совѣта, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ему принадлежала абсолютная власть. Его подчиненные должны были почитать въ своемъ генералѣ какъ бы присутствующаго и олицетвореннаго Христа».

Это значило создать новаго папу рядомъ съ уже имѣющимся римскимъ первосвященникомъ; но послѣднему не приходилось завидовать или опасаться іезуитскаго генерала, ибо къ тремъ обычнымъ монашескимъ обѣтамъ они присоединили еще четвертый: они клялись «посвятить свою

жизнь на постоянное служеніе Іисусу Христу и папамъ, сражаться подъ знаменемъ креста, служить исключительно только Господу и римскому первосвященнику, какъ намѣстнику Его на землѣ, и при томъ такъ служить, чтобы немедленно, безъ всякихъ колебаній или отговорокъ, на сколько это будетъ въ ихъ силахъ, исполнять все, что теперешній папа, или кто нибудь изъ его преемниковъ, повелитъ ради пользы душъ или для распространенія вѣры, и повиноваться такъ во всѣхъ провинціяхъ, куда только ихъ ни пошлетъ папа, къ туркамъ-ли или къ какимъ нибудь другимъ невѣрнымъ, даже въ Индію, или же къ еретикамъ, схизматикамъ или къ какимъ либо вѣрнымъ».

Всѣ эти постановленія Лойола соединилъ въ пять главъ и представилъ ихъ Павлу Ш черезъ кардинала Контарини, прося объ ихъ утвержденіи (сентябрь, 1539) ¹.

Теперь вспомнимъ въ какомъ положеніи находилось папство въ 1540 г. Въ Германіи ересь распространялась съ неслыханной быстротой. Во Франціи, въ Польшѣ, въ Испаніи и даже въ Италіи Лютеръ пріобрѣлъ многихъ послѣдователей своего ученія. Скандинавскія страны и Англія уже покинули лоно римской церкви. Даже сами католики, остававшіеся еще вѣрными, оказывали рѣзкое протѣвдѣйствіе куріи и всѣмъ ея злоупотребленіямъ, нападая на нее и порицая. Им-

¹ Письмо кард. Контарини къ Лойолѣ отъ 3 сент. 1539.—Genelli.

ператоръ настойчиво требовалъ всеобщей реформы, грозившей лишить св. престолъ бѣльшей части его привилегій, и притомъ самыхъ доходныхъ. Положеніе папства казалось дѣйствительно безнадежнымъ. И въ такой-то критическій моментъ неизвѣстно откуда является группа пылкихъ, воинственныхъ и преданныхъ людей, предлагающихъ первосвященнику слѣпое повиновеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ готовыхъ начать жестокою борьбу за его величіе и власть! Это казалось чѣмъ-то столь прекраснымъ, что едва вѣрилось въ возможность осуществленія его. Хотя Павелъ Ш съ самаго начала отнесся къ просьбѣ іезуитовъ весьма благожелательно, какъ бы предчувствуя все то значеніе и силу, которыя подобное общество могло со временемъ пріобрѣсти и развернуть на пользу римской церкви; хотя, по словамъ преданія, онъ усмотрѣлъ въ этомъ дѣлѣ «персть Божій», однако, согласно съ установившимся обычаемъ, назначилъ комиссію изъ трехъ кардиналовъ для разсмотрѣнія общихъ уставовъ іезуитовъ. Эти три кардинала обнаружили явную враждебность по отношенію къ предпріятію Лойолы. Самый вліятельный изъ нихъ, Гвидиччіони былъ открытымъ врагомъ всѣхъ вообще религиозныхъ орденовъ, принесшихъ, по его мнѣнію, гораздо больше безпорядковъ и позора для церкви, чѣмъ пользы. Основать новое общество подобнаго-же рода значило, по его словамъ, обречь себя на созерцаніе того, какъ и оно, подобно всѣмъ остальнымъ, вскорѣ выродится и

причинить новое зло. Онъ не хотѣлъ даже читать уставъ іезуитовъ; когда же его стали убѣждать рѣшиться на это прочтеніе, онъ разразился громовой рѣчью противъ все увеличивавшагося числа новыхъ конгрегацій.

Но Лойола, какъ мы уже видѣли, не былъ человѣкомъ, котораго можно было бы заставить отказаться отъ своей мысли. Его упрямство и политическое лукавство,—черта по преимуществу испанская,—восторжествовали надъ всѣми затрудненіями. Онъ сумѣлъ заинтересовать своимъ дѣломъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Однимъ изъ этихъ, наиболѣе вліятельныхъ, покровителей былъ достойный и ученый кардиналъ Родольфо Пій де Карпи. Кромѣ него, въ пользу Лойолы высказалась имѣвшая большое значеніе фамилія Контарини, а также Маргарита Австрійская, герцогиня Пармская, пользовавшаяся при папскомъ дворѣ двойнымъ вліяніемъ, какъ дочь Карла V и какъ жена папскаго внука ¹. Быть можетъ наиболѣе дѣйствительнымъ для іезуитовъ оказалось вмѣшательство короля португальскаго, Іоанна III, фанатичнаго католика, желавшаго имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько отцовъ новаго ордена для того, чтобы пользоваться ихъ услугами какъ въ своемъ собственномъ королевствѣ, такъ и въ португальскихъ колоніяхъ. Его посланникъ въ Римѣ, Маскаренга, приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы сломить сопро-

¹ AA. SS Jul. VII, 477.

тивленія Гвидиччіони и его сотоварищей¹. Это удалось ему тѣмъ скорѣе, что папа самъ благоволилъ къ іезуитамъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, комиссія сдалась, уступила и предложила утвердить орденъ іезуитовъ.

Такимъ образомъ Лойола торжествовалъ по всей линіи. Его долгое трехлѣтнее выжиданіе въ Римѣ было вполнѣ вознаграждено. 27 сентября 1540 года Павелъ III буллою *Regimini militantis Ecclesiae*,—названіе вполнѣ соотвѣтствующее цѣлямъ новаго общества,—даровалъ свое согласіе на учрежденіе новаго общества, однако, съ условіемъ, чтобы число его членовъ никогда не превышало шестидесяти. Три года спустя это ограниченіе было отмѣнено самимъ же Павломъ III въ буллѣ *Injunctum nobis* (14 марта 1543).

Такъ была установлено это страшное общество, истинное порожденіе испанскаго духа, столь удивительно составленнаго изъ воинственныхъ наклонностей и страстнаго религіознаго фанатизма. Цѣлью этого общества была борьба съ ересью всѣми возможными средствами: проповѣдью, преподаваніемъ, политической и ученой литературой, силой и хитростью, вліяніемъ на сильныхъ міра сего, наконецъ, пламенемъ костровъ; и эта цѣль преслѣдовалась всѣми членами общины съ замѣчательной ловкостью, искусствомъ и настойчивостью. Борьба—была цѣлью самого основателя. «Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что я не поки-

¹ Письмо Лойолы къ своему племяннику отъ 16 марта 1540 г. ; Manchasa.

далъ военной службы, а только перемѣнилъ ее на службу Богу¹». «То, чѣмъ былъ Амилькаръ для Аннибала, тѣмъ былъ для насъ Игнатій», говоритъ одинъ изъ его учениковъ; по его примѣру, мы клянемся у подножія алтаря вести вѣчную войну²». Въ надгробной эпитафіи Лойолы онъ сравнивается съ величайшими полководцами древняго міра, а сами іезуиты очень любятъ изображать себя въ видѣ легіона Господня, преисполненнаго львиной храбрости и благороднаго презрѣнія ко всѣмъ опасностямъ: «каждый изъ насъ, говорятъ они, стоитъ цѣлой арміи³». Изъ всего вышесказаннаго ясно, что съ самаго начала іезуиты были увѣрены въ своей цѣли, опредѣленно знали къ чему стремились и въ то-же время имѣли весьма ясное представленіе о собственныхъ качествахъ и заслугахъ.

Само собой разумѣется, что первымъ генераломъ ордена былъ выбранъ самъ Лойола. «Онъ всѣхъ насъ зачалъ въ Іисусѣ Христѣ и вскормилъ насъ своимъ молокомъ», сказалъ Сальмеронъ при подачѣ голоса за Лойолу. Игнатій, изъ чувства приличія немогшій написать самого себя, подалъ свой листокъ чистымъ, вѣроятно для того, чтобы не мѣшати собственной кандидатурѣ. И если, послѣ избранія, онъ и сдѣлалъ видъ, будто отказывается отъ предложенной ему чести, то это, очевидно, было лишь пустой формаль-

¹ *Imago primi saec. soc. Jesu*, I, 69.

² *Ibid.*, VI. 844.

³ *Ibid.*, I, 59. III. 401, 410.

ностью, долженствовавшей обнаружить только его скромность, потому что онъ заранѣе былъ убѣжденъ въ томъ, что его отказъ не будетъ принятъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, аскетическія мечтанія Лойолы привели его къ основанію самаго практичнаго, упорядоченнаго, дѣятельнаго и вліятельнаго общества, какое когда либо существовало. Въ рукахъ бывшаго офицера Карла V находилась теперь страшная армія; Лойола поспѣшилъ не только воспользоваться ею, но еще, такъ сказать, отпалировать и наточить это оружіе. Съ самаго своего начала Общество Іисуса стало громадною силою.

Его первый генераль во всѣхъ отношеніяхъ былъ какъ нельзя лучше пригоденъ для того, чтобы вести его къ быстрымъ успѣхамъ. Физіономія Лойолы была чрезвычайно выразительна: лицо, изможденное воздержаніемъ, но съ сильно развитыми костями, высокій лобъ, небольшіе, но блестящіе и хитрые глаза, орлиный носъ, энергичный ротъ, указывающій выдающейся и толстой нижней губою на чувственность, но побѣжденную большими усиліями, и, наконецъ, оливковый цвѣтъ кожи истиннаго испанца. Игнатій обладалъ главнымъ качествомъ, необходимымъ для того, чтобы довести до благополучнаго конца великое и серьезное предпріятіе: онъ былъ твердо убѣжденъ въ святости и полезности задуманнаго имъ дѣла. Онъ вѣрилъ, что избранъ Богомъ спеціально для того, чтобы сокрушить Его враговъ и возстановить

во всемъ ея прежнемъ величіи и великолѣпіи могущество и власть церкви. «Необходимо, говорилъ онъ, чтобъ вѣра въ Бога была на столько велика, чтобы человѣкъ, не колеблясь, пустился въ море на доскѣ, если у него нѣтъ корабля! ¹». Въ себѣ самомъ онъ подавилъ всѣ желанія, всѣ помыслы, кромѣ желанія служить Господу, т. е. римской церкви. Его почитаніе ея не знало границъ: «Если церковь утверждаетъ, говорилъ онъ, что то, что намъ кажется бѣлымъ, есть черное, мы должны немедленно признать это». Понятно, что подобное совершенное отреченіе отъ человѣческаго разума въ вопросахъ религіи должно было естественно привести учениковъ Лойолы къ нѣкоторой склонности къ суевѣріямъ, что дѣйствительно и случилось. Защищая дѣло римской церкви, Игнатій обнаружилъ несокрушимую настойчивость и энергію: «Работающіе въ вертоградѣ Господнемъ должны были опираться на землю лишь одной ногой, другая должна уже быть приподнятой для продолженія пути». Съ гордымъ презрѣніемъ выносилъ онъ всѣ труды, лишенія, оскорбленія и насмѣшки міра. Если интересы церкви или его собственнаго ордена не затрогивались, онъ былъ добръ и человѣченъ: «Всякій разъ, что мы указываемъ на недостатокъ другого,—мы обнаруживаемъ свою собственную слабость». «Если предметъ нашей любви, т. е. Богъ, безконеченъ, мы всегда можемъ увеличивать эту

¹ *Sententiae asceticae S. P. Ignatii de Loyola pro quotidiana consideratione* (Mindelheim, 1716).

любовь и черезъ нее стать совершеннѣе». Можно думать, что та непримиримая вражда, которую онъ несъ по отношенію къ ереси, казалась ему благодѣяніемъ для рода человѣческаго. Помимо этой великой задачи ничто не представляло для него ни малѣйшаго интереса и онъ твердо рѣшилъ всѣмъ пожертвовать для дѣла, къ которому онъ былъ призванъ самимъ Господомъ. «Отреченіе отъ собственной воли лучше воскрешенія мертвыхъ»,—это замѣчательное положеніе оказалось чреватымъ удивительными и плодотворными послѣдствіями. Въ борьбѣ, которую велъ Лойола, онъ не зналъ страха: «Штиль хуже всякой бури и никакой врагъ не страшень такъ, какъ отсутствіе враговъ».

Дѣло, предпринимаемое Лойолой, казалось ему столь высокимъ и имѣющимъ такое сверхъестественное значеніе, что всѣ средства, помогающія и служащія ему, казались Лойолѣ хорошими: «Чрезвычайное благоразуміе, соединенное съ посредственной святостью, говоритъ онъ, лучше, чѣмъ большая святость съ малымъ благоразуміемъ». Не заключаются-ли въ этихъ словахъ зародыши всѣхъ тѣхъ моральныхъ заблужденій, въ которыя въ послѣдствіи впади іезуиты? И не странно-ли звучать эти слова въ устахъ чловека, предававшагося нѣкогда мистическому благочестію? Такова психика испанца: никогда нѣмецкій или голландскій мистикъ не могъ бы высказать подобной сентенціи!—Извѣстно, что іезуиты во всѣ времена были прекрасными «уловителями

душъ»; оказывается, что и это, незавидное искусство имъ преподалъ самъ святой Игнатій: «хорошій ловець душъ долженъ сперва не замѣчать очень многого, какъ будто онъ вовсе ничего не видитъ; позднѣе, когда онъ овладѣетъ волею человека, онъ будетъ въ состояніи направлять ученика добродѣтели, куда ему заблагоразсудится». — «Не слѣдуетъ сразу заговаривать о вещахъ духовныхъ съ тѣми людьми, которые поглощены матеріальными заботами: это значило бы закинуть удю безъ приманки». Каковы же были тѣ люди, которыхъ желалъ принять въ свою общину этотъ священникъ, столь смиренный, по его словамъ, передъ божественнымъ Провидѣніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у личнаго секретаря Лойолы, отца Поланко. «Лойола, пишетъ онъ, обращалъ меньше вниманія на природную доброту души, чѣмъ на твердость характера и на ловкость въ дѣлахъ, ибо онъ держался того взгляда, что кто не имѣлъ способностей къ общественнымъ дѣламъ, тотъ не годился для общины ¹». Очевидно благочестіе цѣнилось очень не высоко, когда дѣло касалось земныхъ интересовъ ордена Иисуса. Въ очень подробномъ письмѣ, адресованномъ ректору коллегіи въ Коимбрѣ (1551), отецъ Поланко такъ опредѣляетъ качества, которыя генераль ордена хотѣлъ бы найти въ послушникахъ общины: прежде всего требуются «прирожденные способности и склонность либо къ наукамъ,

¹ Polanco, *Dichos y hechos de Loyola*; цитировано у Genelli (франц. пер.) II, 239.

либо къ внѣшнимъ добрымъ дѣламъ». Нужны молодые люди извѣстнаго роста и съ приличными фізіономіями, ибо «таковыхъ требуетъ намъ нашъ образъ жизни и наши сношенія съ ближними». Нигдѣ не говорится ни слова о религіозномъ призваніи или о высокомъ благочестіи, какъ о необходимыхъ условіяхъ для всѣхъ, желающихъ вступить въ общину: сообразительность, расторопность въ дѣлахъ, пріятная внѣшность — вотъ все, что требуетъ Лойола! Уже одна эта программа проливаетъ яркій свѣтъ на характеръ св. Игнатія и на то общество, которому онъ далъ имя Іисуса.

Человѣкъ, въ которомъ смѣшиваются благочестіе, самоотреченіе, фанатизмъ, хитрость, дикая энергія и отсутствіе всякой щепетильности, конечно не можетъ вызывать симпатіи въ насъ, привыкшихъ цѣнить честность и прямоту, какъ высшія достоинства человѣка. Но нельзя не восхищаться мудростью Лойолы и его желѣзной волей и нельзя не сознаться, что онъ, съ его характеромъ, былъ какъ нельзя лучше приспособленъ для организаціи и распространенія воинствующаго ордена.

Однако способности Лойолы не шли дальше этого и не могли создать ничего болѣе возвышеннаго. Какая противоположность между нимъ и суровой и простодушной честностью его, ненавидимаго имъ, противника, этого нижне-саксонца, того Лютера, все дѣло котораго Игнатій разрушилъ бы съ такимъ наслажденіемъ! Но

грубый саксонскій крестьянинъ, вдохновленный своей могучей любовью къ истинѣ, былъ гораздо больше творцомъ и имѣлъ успѣхъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ хитрый и пронырливый баскъ, самое религиозное рвеніе котораго было сильно окрашено плутовствомъ. Отъ такого сравненія нравственность ничего не теряетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Быстрое развитіе іезуитскаго ордена.

Дѣятельность первыхъ іезуитовъ.—Почему Лойола постоянно заставлялъ ихъ путешествовать.—Быстрое увеличеніе ордена.—Привилегіи, данныя ихъ ордену папами.—Лойола приобрѣтаетъ милости вельможъ.—Іезуиты въ Италіи.—Collegium Romanum и Collegium Germanicum.—Іезуиты въ Ирландіи.—Враждебность Карла V и испанскаго духовенства по отношенію къ іезуитамъ.—Св. Францискъ де Борджіа вводитъ ихъ въ Испанію.—Филиппъ II и іезуиты.—Затрудненія, испытываемыя ими при попыткахъ проникнуть въ Нидерланды.—Іезуиты въ Португаліи: они становятся господами страны. Противодѣйствіе іезуитамъ со стороны парижскаго университета и французскаго духовенства.—Условное допущеніе во Францію.—Іезуиты въ Германіи: Вильгельмъ IV Баварскій и Фердинандъ I Богемскій и Венгерскій.—Іезуиты не могутъ быть назначаемы на духовныя должности.—Іезуиты борются съ *интеримомъ*.—Петръ Канизій и его катехизисъ.—Іезуиты въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ Ингольштадтѣ.—Палестина.—Искусное управленіе Лойолы.—Онъ выступаетъ борцомъ за римскую ортодоксію.—Онъ унижаетъ Лайнеца, Бобадиллу, Родригеца, т. е. всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ подчиненныхъ.—Его деспотизмъ и притворное смиреніе.—Семейныя отношенія.—Неблагорасположеніе Павла IV къ іезуитамъ.—Желаніе назначить Лойолѣ викарія.—Смерть Лойолы.—Распространеніе іезуитскаго ордена по смерти его основателя.—Оцѣнка роли, сыгранной іезуитами въ теченіи XVI вѣка.

Какъ только орденъ іезуитовъ былъ утвержденъ папою, онъ немедленно началъ свою дѣятельность. Немногочисленные члены его находились въ постоянныхъ разъѣздахъ, во-первыхъ для того, чтобы всюду выдвигать заслуги общества, а главнымъ образомъ, чтобы увеличивать,

распространять и дѣлать его все болѣе вліятельнымъ. Игнатій придерживался правила никогда не посылать никого изъ своихъ подчиненныхъ на его родину, т. е. туда, гдѣ у человѣка могли существовать иныя связи и иныя интересы, кромѣ интересовъ ордена. Напротивъ того, обыкновенно онъ посылалъ французовъ въ Португалію, испанцевъ во Францію, итальянцевъ въ Испанію. Онъ хотѣлъ выработать изъ своихъ іезуитовъ космополитовъ, годныхъ ко всякой дѣятельности, нигдѣ не теряющихся, не имѣющихъ другой отчизны, кромѣ своей общины. Первое время онъ заставлялъ ихъ путешествовать почти постоянно въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ, при чемъ каждый изъ нихъ никогда не оставался подолго въ одномъ и томъ же мѣстѣ для того, чтобы численность ордена казалась больше, чѣмъ была въ дѣйствительности, и для того еще, чтобы выказать передъ государями и народами дѣятельность новаго учрежденія. Этимъ же путемъ Лойола испытывалъ слѣпое повиновеніе своихъ подчиненныхъ. Замѣтимъ, что онъ имъ строго запрещалъ всякое проявленіе исключительнаго аскетизма, склонности къ молитвѣ или къ созерцанію, приказывая имъ главнымъ образомъ заниматься умственнымъ трудомъ и выполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя онъ возлагалъ на нихъ въ интересахъ общества и апостолическаго престола ¹.

Результаты этихъ искусно рассчитанныхъ мѣръ

¹ Orlandino, lib. VIII, cap. 8, стр. 224.

оказались замѣчательными. По истеченіи шести лѣтъ послѣ основанія ордена, его имя гремѣло по всѣму свѣту, а его члены считались уже сотнями. Лойола никогда не придерживался обязательнаго для ордена числа, т. е. шестидесяти членовъ. Посредствомъ весьма смѣлаго толкованія въ эту цифру онъ включалъ только полноправныхъ іезуитовъ, такъ называемыхъ *професовъ*, число которыхъ, въ бытность его генераломъ, возросло лишь очень медленно, ибо онъ награждалъ этой высшей степенью лишь тѣхъ, которыхъ считалъ вполне проникнутыми его собственнымъ духомъ и особенно нужными и полезными для общества ¹. Онъ самъ изложилъ всѣ эти свои возрѣнія съ полной откровенностью: «Хотя личное чувство особенно притягивало его всегда къ тѣмъ, кто оказывалъ похвальные успѣхи въ изученіи наукъ, однако, въ силу трудныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась церковь, онъ все же меньше интересовался тѣми, которые преуспѣвали въ ученіи, чѣмъ тѣми, которые хорошо знали свѣтъ и занимали среди человѣческаго общества высокое положеніе; дѣйствуя такъ, онъ надѣялся, что вскорѣ община извлечетъ изъ этихъ своихъ членовъ значительныя выгоды ²». Уже, начиная съ 1545 года, Лойола сталъ довольно строгъ при приемѣ новыхъ членовъ и при ихъ повышеніи на болѣе важныя должности.

Папы постоянно увеличивали привилегіи ор-

¹ Orlandino, lib. IV. cap. 1, стр. 101.

² Ibid., l. V., cap. 2, стр. 144.

дена, оказывавшагося столь полезнымъ для интересовъ св. престола и католичества вообще. Въ 1545 г. Павелъ III даровалъ ему самыя широкія полномочія для совершенія евхаристіи, исповѣди, отпущенія грѣховъ и проповѣди во всѣхъ странахъ міра. Два года спустя онъ навсегда освободилъ іезуитовъ отъ наблюденій за женскими монастырями для того, чтобы они могли всецѣло отдаться спеціальнымъ обязанностямъ своего Общества. Въ 1549 году онъ даровалъ имъ сразу всѣ привилегіи монашескихъ орденовъ и, сверхъ того, право отпускать такіе грѣхи, которые, по каноническому праву, подлежали вѣдѣнію апостолическаго престола. Эта послѣдняя привилегія обыкновенно отмѣнялась на юбилейный годъ, но Юлій III сдѣлалъ исключеніе въ пользу іезуитовъ, повелѣвъ, чтобы для нихъ подобнаго ограниченія не существовало. Этотъ папа, всячески покровительствовавшій ордену Іисуса, снова подтвердилъ въ 1550 г. всѣ ихъ установленія, все, что уже даровалъ имъ его предшественникъ, и вообще осыпалъ ихъ благодѣяніями. Въ слѣдующемъ году онъ пригрозилъ общимъ отлученіемъ, со всѣми карами, вытекающими изъ него, всѣмъ, кто осмѣлится нападать на учрежденія, права и привилегіи Общества или кто воспрепятствуетъ законному исполненію ими обязанностей.

Однако папы были не единственными важными сановниками, благосклонности которыхъ къ ордену Іисуса искалъ Лойола. Онъ выказывалъ

замѣчательную ловкость при достиженіи своихъ цѣлей. «Онъ умѣлъ привязать къ себѣ, любезно сообщаетъ офиціальныи историкъ ордена, не только папу и кардиналовъ, но также и посланниковъ королей, князей и всѣхъ тѣхъ особъ, положеніе которыхъ вызывало уваженіе и власть которыхъ заслуживала того, чтобы за ними ухаживали. Онъ часто посѣщалъ ихъ самъ, или же приказывалъ навѣщать ихъ своимъ товарищамъ, и всѣми способами старался заинтересовать ихъ своимъ дѣломъ. Благодаря всѣмъ этимъ услужливымъ стараніямъ, князья и вельможи обходились съ нимъ благожелательно, вѣжливо и благосклонно».

Но льстивыя слова и заискиванія были не единственными средствами, съ помощью которыхъ орденъ Іисуса добивался милостей высокопоставленныхъ лицъ: для достиженія этой желанной цѣли у него были средства болѣе вѣрныя. Прежде всего, взамѣнъ ихъ благосклонности, онъ обѣщалъ имъ содѣйствіе всей своей силы, значеніе которой при этомъ очень преувеличивалось: онъ стремился доказать государямъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ было очень выгодно состоять въ наилучшихъ отношеніяхъ съ добрыми отцами¹. Кромѣ того князьямъ предлагалась сдѣлка, выгодная для обѣихъ сторонъ: имъ обезпечивалось одобреніе въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ

¹ Напримѣръ: *Письмо Клода Жеза къ Георгу Стокгаммеру*, 10 іюня 1555.—Druffel, т. I, стр. 407, и Menchasa, *Epistolae Ignatii*, стр. 538.

взять и раздѣлить всѣ имущества другихъ религіозныхъ общинъ между іезуитами и свѣтской властью. Это выгодное дѣло іезуиты украшали громкимъ названіемъ *реформы монастырей*. Конечно, князья, весьма желавшіе воспользоваться церковными имуществами, охотно брались за это дѣло къ обоюдной выгодѣ своей и орденской казны, тѣмъ болѣе, что отцы всегда умѣли довести все до благополучнаго конца съ помощью преданныхъ себѣ кардиналовъ. Таковъ былъ образъ дѣйствія Лойолы въ Баваріи и затѣмъ и въ Испаніи, гдѣ дѣло было поведено въ еще болѣе широкомъ масштабѣ. Говоря о послѣдней, онъ ясно выражалъ желаніе, «чтобы трудъ ихъ пришелъ къ хорошему и святому концу, какъ для его величества Карла V, такъ и для его недостойныхъ, но весьма преданныхъ слугъ іезуитовъ и къ вящей славѣ Господа Бога ¹».

Какая смѣсь лукавства и ханжества! Въ тѣхъ же случаяхъ, когда имъ приходилось сообщить государямъ что либо для нихъ непріятное, или же выгодное только для ордена, они всегда прятались за апостолическій престолъ, прикрываясь именемъ папы даже и тогда, когда послѣдній не принималъ никакого участія въ ихъ махинаціяхъ.

Такимъ именно средствамъ обязанъ въ большинствѣ случаевъ орденъ Іисуса своими быстрыми успѣхами.

¹ Druffel, l. c.; *Письма Лойолы* у Genelli, 39, 40; Menchaca, стр. 325.

Слѣдуя примѣру самого Павла III, его сынъ и внуки, правившіе въ Пармѣ, весьма поощряли новое общество. Принцессы дома Фарнезе вскорѣ сдѣлались послушными ученицами Лойолы и охотно подчинялись тѣмъ духовнымъ упражненіямъ, которыя онъ придумывалъ. Въ то же время Лайнецъ отправился въ Венецію, зараженную въ тѣ времена всевозможными ересями, благодаря постоянно смѣняющейся въ ней толпѣ иностранцевъ и обширнымъ торговымъ сношеніямъ. Лайнецъ добился тамъ довольно значительнаго ораторскаго успѣха. Нѣкто Липпомано, членъ одного изъ патриціанскихъ семействъ Венеціи, выхлопоталъ въ 1542 году іезуитамъ право пребыванія въ Венеціи. Постепенно затѣмъ они проникли во многіе города, находившіеся въ зависимости отъ республики св. Марка. Кромѣ того Липпомано уступилъ имъ пріорію въ Падуѣ, принадлежавшую раньше ему, въ которой они тотчасъ же устроили училище и понемногу стали оказывать замѣтное вліяніе на самый духъ знаменитаго Падуанскаго университета. Въ 1544 году мы видимъ Лайнеца уже въ Бресчии, гдѣ онъ выступилъ противъ приверженцевъ реформаціи. Въ 1552 году одинъ іезуитъ былъ командированъ въ Вальтеллину, подчиненную граубинденскимъ еретикамъ, съ спеціальной цѣлью удержать населеніе въ католической вѣрѣ.

Іезуиты встрѣчаются и въ средней Италіи. Въ Фульджино они просвѣщаютъ необразованныхъ священниковъ; въ Пьяченцѣ и Моденѣ

они борются противъ схизматическихъ стремленій и стараются возстановить римскую ортодоксію. Повсюду эти ловкіе люди обращаются къ аристократіи и къ богачамъ, ибо на ряду съ желаніемъ какъ можно лучше служить папству и церкви они озабочены и добываніемъ себѣ денегъ, дающихъ и благосостояніе, и могущество. Въ Монтепульчіано, близъ Сіенны, члены мѣстной аристократіи обходили вмѣстѣ съ іезуитами обывательскіе дома, для того, чтобы набрать какъ можно больше всякихъ даровъ. Въ Фаенцѣ, близъ Равенны, отцы іезуиты дѣлаются всемогущими и становятся совѣтниками всего населенія; они основываютъ тамъ благотворительныя общества, которыя въ тоже время незамѣтно укрѣпляютъ ихъ собственное господство. Имъ удается вполнѣ уничтожить склонность къ лютеранству, распространенную знаменитымъ капуциномъ Бернардо Оккино. Въ Феррарѣ другой изъ первыхъ учениковъ Игнатія, Ле-Жей, подрываетъ протестантскія идеи, поддерживавшіяся здѣсь герцогинею Ренатою, дочерью французскаго короля Людовика XII. Наконецъ, въ 1546 году, они основываютъ свое училище въ Болоньѣ.

Они не пренебрегали также и южной Италіей. Сальмеронъ привезъ нѣсколько іезуитовъ въ Неаполь, гдѣ они съ радостью были приняты аристократіей и осыпаны ею подарками. Отсюда они распространились съ поразительной быстротой по всему Неаполитанскому королевству и по Сициліи.

Въ самомъ Римѣ Игнатій основалъ въ 1550 г. главную резиденцію своего ордена, назвавъ ея *Collegium romanum*, которая должна была быть центральнымъ учрежденіемъ всего ордена. Въ ней преподавались: схоластическая теологія, моральная теологія, священное писаніе, латинскій, греческій и еврейскій языки, по методу парижскаго университета, откуда бралась и большая часть профессоровъ. Въ 1555 году эта коллегія выпустила уже сотню учениковъ, быстро разсѣявшихся по всѣмъ государствамъ Европы. Въ 1557 году Лойола пріобрѣлъ дворецъ Сальвіати, на мѣстѣ котораго и сейчасъ еще находится такъ называемое *Gesù*. Вскорѣ сами кардиналы и доктора стали усердно посѣщать лекціи римской коллегіи, пріобрѣвшей чрезвычайное значеніе во всей римской церкви. Но еще и въ другомъ отношеніи Римъ сталъ центромъ лойолитовъ. Такъ какъ въ это время главнымъ очагомъ религіозно-реформаторскихъ идей безспорно была Германія, то Игнатій считалъ необходимымъ особенно бороться съ ними на ихъ родной почвѣ и посредствомъ нѣмцевъ же. Вотъ почему въ 1552 г. онъ задумалъ основать въ Римѣ еще и германскую коллегію, въ которой бы воспитывались молодые нѣмцы, спеціально подготовляющіеся для служенія ордену іезуитовъ. Папа Юлій III и тридцать три кардинала, восхищенные этой идеей, немедленно обязались давать по 3000 золотыхъ экю ежегодно, что по нынѣшней цѣнности денегъ составляло приблизи-

тельно около 300,000 франковъ. 31 августа 1552 г. спеціальною папскою буллою была утверждена *Collegium germanicum*. Ученики должны были подписываться подъ опредѣленнымъ исповѣданіемъ вѣры и, по истеченіи нѣкотораго срока испытанія, клялись подъ присягою всегда подчиняться папской волѣ не только во время пребыванія въ коллегіи, но и по выходѣ изъ нея. Эта коллегія послужила прототипомъ для всѣхъ епископальныхъ семинарій, учрежденныхъ Триентскимъ соборомъ. Въ первый годъ ея существованія въ ней числилось двадцать два ученика, во второй двадцать пять. Затѣмъ къ коллегіи прибавили еще спеціальнѣйшій институтъ для воспитанія благородныхъ юношей, на которыхъ вездѣ и всегда у Лойолы были свои особенные виды.

Словомъ, іезуиты наводнили всю Италію; они захватили въ свои руки высшее управленіе дѣлами религіи, основывали школы, пріобрѣтали большія богатства, устраивали общества, успѣшно боролись съ лютеранскими идеями и повсюду опирались преимущественно на аристократію, могущую и очевидно долженствовавшую быть для нихъ полезнѣе, чѣмъ простой, сѣрый народъ.

Въ 1548 г. папа Павелъ III въ буллѣ *Pastoralis officii cura*¹ высказалъ самое лестное сужденіе объ орденѣ Іисуса: «Мы глубоко цѣнимъ, говоритъ онъ, богатые результаты дѣятельности

¹ См. различныя изд. *Exercitia spiritualia Loyolae*, Введеніе.

Игнатія и основанной имъ общины,—дѣятельности, постоянно направленной на благо церкви Господней во всѣхъ странахъ».

Вскорѣ іезуиты уже заняли открыто враждебное положеніе противъ всѣхъ еретическихъ государствъ. Двое изъ ихъ отцовъ, Сальмеронъ и Паскье-Брузэ, съ формальнаго согласія Лойолы были посланы папой въ качествѣ нунціевъ въ Ирландію, для того, чтобы поддерживать тамъ католиковъ, угнетаемыхъ Генрихомъ VIII, королемъ Англии. Не имѣя никакихъ средствъ, передѣтые ради безопасности, предприимчивые іезуиты проникли въ Ирландію, не зная даже ея языка. Преслѣдуемые какъ дикіе звѣри всѣми сторонниками короля и должностными лицами, пренебрегая тысячами опасностей, скрываясь въ убогихъ хижинахъ бѣдняковъ, Сальмеронъ и Паскье обошли весь островъ, ободряя вѣрныхъ сыновъ католической церкви и по мѣрѣ возможности организуя ихъ. Однако папа вскорѣ отозвалъ ихъ обратно въ Римъ, сознавъ, что по напрасну подвергаетъ ихъ неминуемой гибели, не будучи въ состояніи извлечь изъ нея никакой особенной выгоды.

Прежде всего нужно было устроить и организовать орденъ въ странахъ, еще остававшихся католическими, дабы, расширяя и увеличивая его, въ то же время задушить въ нихъ малѣйшіе зародыши ереси. Между тѣмъ Лойола и его друзья далеко не у всѣхъ государей и не во всѣхъ странахъ находили такой радушный пріемъ, какъ въ Италіи.

Карль V, врагъ папскаго вліянiя, не обнаруживалъ благосклонности къ іезуитамъ. Ихъ полная и исключительная зависимость отъ св. престола противорѣчила всѣмъ его понятiямъ о необходимости вліянiя крупныхъ государей на церковь и его рѣшенію не терпѣть въ своемъ государствѣ никакихъ такихъ учрежденiй, которыя бы не зависѣли прежде всего отъ него самого. Кромѣ того противъ іезуитовъ стали и доминиканцы, обладавшіе громадной властью въ Испаніи въ качествѣ официальныхъ инквизиторовъ, систематически поддерживаемыхъ королевскою властью. Они употребили всѣ свои силы на противодѣйствіе общинѣ, которая, какъ они основательно полагали, грозила лишить ихъ большей части ихъ преимущественнаго положенiя. Іезуитовъ упрекали въ томъ, что они принимали къ себѣ много новообращенныхъ христіанъ изъ евреевъ, а этотъ сортъ людей всегда былъ подозрителенъ и ненавистенъ для всѣхъ старыхъ христіанъ, для всѣхъ истинныхъ кастильцевъ. Мельхіоръ Кано, знаменитѣйшій изъ доминиканскихъ теологовъ, былъ злѣйшимъ врагомъ іезуитовъ и осыпалъ ихъ инвективами, называя ихъ предтечами Антихриста. Какъ на убѣдительнѣйшій доводъ противъ Лойолы, онъ указывалъ на то обстоятельство, что онъ не могъ творить чудесъ подобно основателямъ францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, которые творили ихъ при жизни, такъ какъ были истинными посланниками Божіими. Саламанкскій и Алькаласкій университеты высказались тоже

противъ іезуитовъ. Донъ Мартинецъ Силичео, кардиналь-архіепископъ толедскій, примасъ Испаніи, запретилъ подъ страхомъ отлученія, всей своей паствѣ исповѣдываться у іезуитовъ, а духовенству—вступать въ какія бы то ни было сношенія съ ними. Въ Сарагоссѣ, столицѣ Арагоніи, генеральный викарій не только отлучилъ ихъ, но и возмутилъ противъ этихъ пришельцевъ простой народъ. Объ нихъ рассказывали, что по ночамъ они принимали у себя женщинъ, преданныхъ ихъ ордену¹. Только поддержка папы была въ состояніи защитить ихъ противъ недоброжелательства всего испанскаго духовенства.

Однако-же народъ оказался настроеннымъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ духовенство; это и понятно, такъ какъ общество Іисуса слишкомъ тѣсно связано съ Испаніей, чтобы надолго быть исключеннымъ ею. Духъ Испаніи, такъ сказать, воплощался въ обществѣ лойолитовъ. Основатель ордена, такъ же какъ и его важнѣйшіе и способнѣйшіе члены, принадлежали Испаніи; тысячи узъ связывали іезуитовъ именно съ этой страной, тысячи симпатій уже существовали между нею и ими. Своимъ первымъ и самымъ блистательнымъ успѣхомъ въ Испаніи новая община обязана одному изъ виднѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ мѣстныхъ аристократовъ Франциску Борджія, герцогу Гандія и вице-королю Каталоніи. Этотъ крупный магнатъ сталъ истиннымъ основателемъ испанской вѣтви ордена Іисуса. Въ 1548 году онъ вступилъ

¹ *Imago primi saeculi*, I, стр. 739.

въ его члены, а на слѣдующей годъ поручилъ ему университетъ, основанный имъ на собственный счетъ въ принадлежавшемъ ему городѣ Гандіа. Все его громадное политическое и моральное вліяніе было имъ употреблено на пользу іезуитовъ. Къ тому же и весь простой народъ, побуждаемый тѣми же самыми чувствами, которыя господствовали и въ самой ихъ общинѣ, почти всюду открыто высказывался за нее. Въ Валенсіи толпа слушателей, собиравшихся вокругъ посланнаго туда іезуитскаго проповѣдника, была такъ велика, что не могла вмѣститься ни въ одной изъ тамошнихъ церквей. Въ университетскомъ городѣ Алькала іезуитъ Францискъ Виллануева, не имѣвшій ни связей, ни литературнаго образованія, увлекалъ всю аудиторію жаромъ своихъ проповѣдей. Наконецъ въ 1548 году іезуиты выстроили свою коллегію въ Саламанкѣ, такъ сказать, въ самыхъ нѣдрахъ знаменитѣйшаго испанскаго университета. Изъ этихъ то двухъ большихъ университетовъ, сперва боровшихся съ новой общиной, а потомъ подпавшихъ ея несокрушимоу вліянію на національной духъ испанскаго народа, іезуиты быстро распространились по всей Испаніи.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ существованія ордена, Лойола заставлялъ нѣкоторыхъ изъ его молодыхъ членовъ заниматься въ знаменитомъ Лувенскомъ университетѣ, а также и въ Парижскомъ. Общество Іисуса должно было внушать всему міру уваженіе къ себѣ замѣчательной ученостью своихъ членовъ на ряду съ личною бѣд-

ностью и совершенной строгостью нравовъ; такой контрастъ долженъ былъ обращать на себя особенное вниманіе. Въ 1543 году 19 юношей изъ лучшихъ фамилій Лувена были зачислены Ле-Февромъ въ члены ордена: изъ нихъ девятеро были посланы въ Португалію, а остальные остались пока въ Лувенѣ, гдѣ, по приказу генерала, были помѣщены въ одномъ домѣ и подчинены особому ректору. Сперва эта община подвергалась ѣдкимъ нападкамъ профессоровъ стараго университета, боявшихся всепоглощающаго духа ордена, но потомъ, не смотря на все это, община іезуитовъ постепенно росла, медленно, не торопясь и стараясь не обращать на себя вниманія ненужнымъ шумомъ, такъ какъ ихъ орденъ официально не былъ еще допущенъ въ Нидерландахъ. Епископъ Камбрэ, Робертъ де-Круа, запретилъ даже іезуитамъ отправлять какія бы то ни было духовныя обязанности (1554) въ его епархіи и не отмѣнилъ этого постановленія, не смотря на заступничество брюссельскаго апостолическаго нунція: Робертъ зналъ, что его поддержитъ его монархъ.

Вниманіе Лойолы было особенно привлекаемо именно этими цвѣтущими и богатыми провинціями, уже охваченными ересью. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ письмѣ къ графу Бергу¹. Поэтому онъ радостно привѣтствовалъ въ 1555 г. отреченіе императора отъ всѣхъ своихъ нидерландскихъ провинцій, надѣясь найти у его преемника лучшее отношеніе къ своему обще-

¹ Genelli, II, 263.

ству. Къ Филиппу II немедленно былъ посланъ іезуитъ Рибаденейра, но оказалось, что и новый король также не любилъ учрежденіе Лойолы, объясняя свое отношеніе къ нему тѣмъ, что обо всѣхъ прочихъ монашескихъ институтахъ онъ имѣлъ вполне ясное представленіе, тогда какъ онъ нисколько не понималъ задачъ ордена Іисуса. Лишь гораздо позднѣе оцѣнилъ онъ услуги, которыя іезуиты могли оказать ему въ его упорной борьбѣ за исключительное господство католицизма, а пока ограничился тѣмъ, что приказалъ своему знаменитому совѣтнику Вигліусу приготовить докладную записку по поводу просьбы Рибаденейры о допущеніи ордена. Всѣ бельгійцы, епископы и приходскіе священники, горожане и дворяне, возстали противъ этой просьбы. Говорили, что іезуиты опасны для блага духовенства и для всѣхъ монашескихъ орденовъ, и что они стремятся къ свѣтской власти. Самъ Вигліусъ выступилъ ихъ жестокимъ противникомъ и такимъ образомъ при Филиппѣ II оказался, въ концѣ концовъ, только одинъ человѣкъ, поддерживающій іезуитовъ: этотъ человѣкъ былъ донъ Го-мець де Фигвероа, герцогъ Феріа, родной братъ котораго былъ членомъ ордена и самъ онъ имѣлъ сильное вліяніе на умъ короля ¹. Благодаря этому-то вліянію и только съ большимъ трудомъ іезуиты добились наконецъ хоть нѣкотораго успѣха, получивъ въ 1556 году отъ Филиппа разрѣшеніе поселиться въ Нидерландахъ, но съ условіемъ не

¹ Orlandino, l. XVI., с. 28, стр. 5 & 6 и слѣд.

пріобрѣтатъ тамъ никакого недвижимаго имущества, иначе какъ съ разрѣшенія Штатовъ различныхъ провинцій: ибо пріобрѣтенія имуществъ, не подлежавшихъ потомъ отчужденію,—къ какому принадлежатъ имущества духовенства,—допускались тамъ лишь съ очень строгими ограниченіями.

Къ счастью для іезуитовъ правительница Нидерландовъ, Маргарита Австрійская, была совершенно предана іезуитамъ, изъ среды которыхъ она даже выбрала своего духовника. Не смотря на всѣ протесты Штатовъ Фландріи и Брабанта, она дала ордену возможность основать двѣ коллегіи, въ Лувенѣ и въ Антверпенѣ (1562). Въ послѣднемъ іезуиты утвердились, исключительно благодаря испанскимъ негоціантамъ, людямъ по большей части богатымъ, и не взирая на явную антипатію мѣстнаго населенія ¹. Въ Лувенѣ Ле Февръ добился огромнаго успѣха въ самомъ университетѣ, многіе молодые ученые котораго бросили свое дѣло и отдались новому обществу. Этому примѣру послѣдовали многія женщины, особенно изъ высшаго круга. Сами іезуиты рассказываютъ, что еженедѣльно по нѣсколькимъ дамъ, къ большому скандалу всего общества, заставляли отцовъ іезуитовъ бичевать ихъ ². Правда, въ это-же время въ западной Фрисландіи народъ

¹ MS. *Historia complectens initium ac progressum Societatis Jesu in civitate Antverpiense* (Bruxelles, Bibl. de Bourgogne). Это—официальная исторія іезуитовъ.

² *Imago*, l. VI, стр. 736.

такъ преслѣдовалъ нѣкоего іезуита, отца Андрея, намѣревавшагося открыть тамъ школу, что онъ долженъ былъ бѣжать въ Брюссель; но вскорѣ затѣмъ знаменитый совѣтникъ Гопперъ устроилъ его въ Лиллѣ, въ кармелитскомъ монастырѣ ¹.

Въ 1584 году, при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ, король отмѣнилъ всѣ тѣ серьезныя ограниченія, которымъ до тѣхъ поръ были установлены для іезуитовъ въ Бельгіи.

Въ Португаліи іезуиты встрѣтили съ самага начала гораздо болѣе радушный пріемъ, чѣмъ въ Испаніи. Король Іоаннь III радостно привѣтствовалъ обоихъ эмиссаровъ Игнатія, Франциска Ксавье и Симона Родригеца, которыхъ, какъ мы это уже видѣли, онъ давно призывалъ къ себѣ. Въ 1541 году Ксавье отправился въ португальскія владѣнія въ восточную Индію для того, чтобы тамъ обращать язычниковъ индусовъ. Онъ объѣздилъ большую часть далекой Азіи и окончилъ свои дни въ Китаѣ, пріобрѣтя славу святого и апостола. Напротивъ, Родригецъ, принадлежа самъ къ португальскому дворянству, остался на своей родинѣ и вскорѣ завоевалъ тамъ высокое положеніе и громадное вліяніе на народъ, на знать и главнымъ образомъ на королевскую фамилію. Благодаря ему, значительное количество священниковъ и выдающихся молодыхъ людей изъ высшихъ слоевъ общества поступили въ орденъ Іисуса. Ихъ религіозное рвеніе, строгая жизнь, неустанная дѣятельность и благотвори-

¹ *Litterae Hopperi ad Viglium*, стр. 70, 74.

тельность, привлекли на ихъ сторону всеобщія симпатіи. Они преобразовали весь дворъ короля и стали духовниками всѣхъ принцевъ и грандовъ. Въ 1543 году Родригесъ былъ назначенъ воспитателемъ домъ-Себастіана, наслѣдника престола, а вскорѣ затѣмъ Іоаннъ III въ награду за услуги, оказанныя іезуитами, построилъ для нихъ въ Лиссабонѣ домъ и большую коллегію въ Коимбрѣ, насчитывавшую въ короткій срокъ до 200 членовъ ихъ общины. Они умѣли захватить въ свои руки все высшее образованіе въ странѣ и съ этого момента сдѣлались истинными господами всего королевства, а когда на престолъ вступилъ ихъ ученикъ, домъ-Себастіанъ, (1557), то вся страна была отдана въ ихъ распоряженіе. Извѣстно, какъ воспользовались они этимъ, доведя короля до его трагической кончины и уничтоживъ затѣмъ на шестьдесятъ лѣтъ независимость Португаліи. Но, тѣмъ не менѣе, іезуиты любили приводить португальскихъ королей какъ примѣръ, достойный подражанія со стороны другихъ монарховъ, какъ слѣдуетъ относиться къ ихъ Обществу.

Франція была для нихъ не менѣе важна, чѣмъ Португалія и Испанія. Уже въ 1540 г. Игнатій послалъ нѣсколько молодыхъ членовъ своего ордена въ Парижъ для полученія тамъ образованія; но на первыхъ порахъ онъ избѣгалъ чтобы они чѣмъ бы то ни было отличались отъ всѣхъ прочихъ студентовъ ¹. Широкое и обду-

¹ *Imago primi saeculi*, стр. 211.

манное образованіе казалось разсудительному Лойолѣ необходимымъ условіемъ для успѣха его учрежденія. При Генрихѣ II, фанатическомъ противникѣ всякихъ переменъ въ церкви, правительственныя сферы оказались для іезуитовъ довольно благопріятными. Епископъ клермонтскій, Вильгельмъ Дю-Пра, сынъ знаменитаго канцлера Франциска I, взялъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ помѣстилъ отцовъ въ своемъ отелѣ Клермонъ въ Парижѣ, перешедшимъ позднѣе въ собственность ордена, и сдѣлалъ ихъ наслѣдниками довольно крупной доли своего имущества. Еще болѣе могущественнаго покровителя нашли они въ лицѣ Карла Гиза, архіепископа Реймскаго, кардинала Лотарингскаго. Лично увлеченный Игнатіемъ, съ которымъ онъ познакомился въ Римѣ, Гизъ убѣдилъ Генриха II разрѣшить іезуитамъ основать въ Парижѣ коллегію (въ январѣ 1550 г.) и выстроить домъ для дѣйствительныхъ членовъ ордена (професовъ).

Однако король не былъ еще абсолютнымъ владыкою Франціи, а іезуиты встрѣтили въ ней опасныхъ враговъ: парламентъ, всегда противившійся захватамъ духовенства, дю-Беллэ, епископъ парижскій, и даже сама Сорбонна оказывали имъ упорное противодѣйствіе. Самые незначительныя кюрэ и тѣ присоединились къ свѣтскимъ противникамъ общины. Общее настроеніе умовъ во Франціи XVI вѣка мало соотвѣтствовало характеру учрежденія Лойолы и всѣ не безъ основанія боялись, что вліяніе и могущество новаго

ордена подвергнетъ большимъ опасностямъ пріобрѣтенныя уже права и спокойствіе королевства. Поэтому парламентъ отказался зарегистрировать королевскій эдиктъ, разрѣшавшій іезуитамъ пребываніе въ Парижѣ, а извѣстно, что подобный актъ со стороны парламента считался необходимымъ для того, чтобы королевскіе приказы получили силу закона. Парламентъ заявилъ, что считаетъ орденъ Іисуса вреднымъ для короля, для государства и для установленной іерархіи. Само собой разумѣется, что друзья общины не остались къ этому равнодушны. Въ 1552 г. король отправилъ парламенту повелѣніе (*lettres de jussion*), на основаніи котораго парламентъ обязанъ былъ зарегистрировать, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, всѣ его указы (*lettres patentes*) 1550 года. Но все было напрасно: парламентъ сталъ всячески оттягивать дѣло и, наконецъ, обратился къ суду парижскаго университета. Онъ отлично зналъ, что дѣлалъ. Въ 1554 г. Сорбонна формально осудила орденъ Іисуса, объявивъ его «опаснымъ по отношенію къ религіи, могущимъ нарушить миръ церкви, поколебать монашество и вообще болѣе способнымъ къ разрушенію, чѣмъ къ созиданію». Последующія событія и дѣятельность общества оказались, такимъ образомъ, вполне правильно оцѣненными и очерченными Сорбонной.

Едва это опредѣленіе парижскаго университета стало извѣстно, какъ противъ іезуитовъ поднялась цѣлая буря. Парижскіе священники и

проповѣдники стали громить ихъ съ кафедръ и въ своихъ поученіяхъ. Враждебныя плакаты были расклеены по всѣмъ переулкамъ Сорбонны; изъ дома въ домъ переносились пасквили, довольно обиднаго для нихъ содержанія. Кромѣ того, парижскій епископъ Евстахій дю-Беллэ запретилъ имъ отправлять богослуженіе въ своей епархіи и многіе другіе французскіе епископы послѣдовали его примѣру, будучи заражены въ это время реформаторскими идеями. Такимъ образомъ Франція была почти совершенно заперта для іезуитовъ.

Реакція въ ихъ пользу наступила гораздо позднѣе, послѣ многихъ перемѣнъ, тогда, когда оффиціальныя защитники католицизма поняли не только во Франціи, но и во всей Европѣ, что іезуиты были самыми цѣнными противниками протестантовъ. Тогда-то, въ 1561 г., церковный совѣтъ въ Пуасси высказался за допущеніе ихъ въ королевство, но съ условіемъ, что они будутъ подчиняться епархіальнымъ епископамъ, откажутся отъ своихъ исключительныхъ привилегій и даже отъ своего имени, которое, по мнѣнію этого собора, не могло быть терпимо по своему крайнему высокомерію. Іезуиты сперва протестовали, еще разъ повторивъ свою смѣшную претензію на то, что истиннымъ основателемъ ордена былъ самъ Іисусъ Христосъ и что, поэтому, они имѣютъ право называться Его именемъ; но мало по малу они сдѣлали видъ, что подчиняются всѣмъ предъявленнымъ имъ требованіямъ, твердо рѣшившись

однако при первой же возможности освободиться отъ всякихъ ограниченій. Не даромъ же враги упрекали ихъ въ томъ, что они проскользнули во Францію совсѣмъ незамѣтно и что они притворились совсѣмъ ничтожными для того, чтобы тѣмъ выше подняться потомъ ¹. Здѣсь, какъ и повсюду, они прежде всего постарались овладѣть высшимъ образованіемъ, громадное значеніе котораго для формированія духа цѣлой націи они всегда признавали со свойственною имъ пронизательностью.

Гораздо болѣе благопріятное поле для ихъ дѣятельности представляла Германія ². Здѣсь дѣло шло о борьбѣ съ лютеранской ересью на мѣстѣ самаго ея происхожденія, поэтому ничуть не удивительно, что они сразу же, съ первыхъ же годовъ своего тамъ существованія, принялись, согласно съ цѣлью своего ордена, за свое дѣло съ обычнымъ жаромъ и энергію. Въ энцикликѣ отъ 25 іюля 1553 г. ³, Лойола говоритъ: «Наше общество должно отдаться съ особеннымъ самоотверженіемъ и по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ на служеніе Германіи, подвергающейся, благодаря злу, причиняемому ересью, величайшимъ опасностямъ».

Немедленно по утвержденіи ордена Павломъ III одинъ изъ наиболѣе значительныхъ и дѣятель-

¹ Ant. Arnauld, Paris, 1595, *Plaidoyer contre les Jésuites*, стр. 8.

² S. Sugenheim, *Geschichte der Jesuiten in Deutschland* (Frankfurt a. M. 1847) I, стр. 5 и слѣд.

³ Genelli (франц. пер.), II, 262.

ныхъ его членовъ, Ле-Февръ, отправился въ Германію, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ за нимъ туда же послѣдовали Бобадилла и Ле-Же. На первыхъ порахъ Ле-Февръ встрѣтилъ больше сочувствія у испанскихъ и итальянскихъ грандовъ, окружавшихъ Карла V, чѣмъ у самихъ нѣмцевъ; но его товарищи, по отъѣздѣ его въ Испанію, оказались счастливѣе. Бобадилла съумѣлъ приблизиться къ герцогу Вильгельму IV Баварскому, а Ле-Же, поддерживавъ южныхъ нѣмецкихъ епископовъ въ ихъ борьбѣ противъ ереси, завоевалъ милостивое расположеніе брата Карла V, Фердинанда I, короля Римскаго, Богемскаго и Венгерскаго. Послѣдній былъ такъ обвороженъ Ле-Же, что хотѣлъ его назначить епископомъ триестскимъ, но въ это дѣло вмѣшался самъ Лойола и воспрепятствовалъ подобному возвышенію одного изъ своихъ подчиненныхъ, не желая, какъ онъ объяснялъ, чтобы община лишалась этимъ путемъ своихъ лучшихъ и способнѣйшихъ членовъ, и, съ другой стороны, указывая на то, что обѣтъ бѣдности и абсолютнаго повиновенія не могъ совмѣщаться съ высокими духовными должностями. Однако истинные мотивы Лойолы въ данномъ случаѣ были совсѣмъ не тѣ, которые онъ считалъ благоразумнымъ выставить на видъ. Онъ опасался, чтобъ іезуиты, достигшіе положенія епископовъ, не уклонились отъ своихъ обязанностей, какъ членовъ общины, и не отказались бы отъ слѣпого повиновенія генералу, бывшему основою и фундаментомъ всего ордена.

Къ тому же всякій іезуитъ долженъ былъ возлагать всю свою надежду на отличія и вознагражденія, на вліяніе и власть, только на свое общество, а поэтому онъ не долженъ былъ принимать извнѣ никакихъ такихъ должностей, которыя не могли быть раздаваемы самимъ орденомъ. Іезуитъ долженъ былъ думать только объ интересахъ своего общества; только для него одного онъ долженъ былъ работать и отдавать всѣ свои физическія и духовныя силы. Такимъ образомъ Ле-Же былъ вынужденъ отказаться отъ епископата. Болѣе того: Лойола воспользовался этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда запретить своимъ ученикамъ занимать высокія духовныя должности; онъ издалъ декретъ, объявлявшій смертельнымъ грѣхомъ для всякаго іезуита принятіе имъ епископской или другой важной церковной должности.

Изъ всего вышесказаннаго видно на сколько орденъ Іисуса былъ послѣдовательнѣе, энергичнѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ всѣ остальные монашескіе ордена, въ томъ числѣ и нищенствующіе, которые всегда съ удовольствіемъ смотрѣли на возвышеніе своихъ членовъ до степеней епископа, архіепископа и даже кардинала.

Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было угодить монарху, покровительствовавшему іезуитамъ и отъ котораго послѣдніе ожидали еще новыхъ благъ, лойолиты нисколько не смущались нарушать свои собственные законы. Уже самъ Игнатій разрѣшилъ въ 1554 г., по просьбѣ короля португальскаго, іезуиту Іоанну Нуньецу

сдѣлаться патріархомъ Эфіопіи, давъ ему въ помощники еще двухъ іезуитовъ, принявшихъ саны епископовъ.

Первая попытка папы воспользоваться іезуитами съ политической цѣлью, посылка ихъ въ Ирландію, не удалась, зато вторая оказалась гораздо счастливѣе и послужила образцемъ для многихъ поелѣдующихъ дѣйствій Общества, всегда направленныхъ противъ всего, что такъ или иначе угрожало непримиримой политикѣ римской куріи.

Въ 1548 году, Карль V заставилъ имперскій сеймъ въ Аугсбургѣ принять такъ называемый *Interim* долженствовавшій соблюдаться во всей Германіи и послужить основаніемъ для примиренія между протестантами и католиками. Этотъ регламентъ былъ составленъ въ католическомъ духѣ и содержалъ лишь весьма значительные уступки новаторамъ, но и этихъ уступокъ было уже довольно, чтобы сдѣлать *Интеримъ* ненавистнымъ для папы и римскаго двора. Поэтому Римъ задумалъ помѣшать интериму стать общимъ закономъ Имперіи. Бобадиллѣ было поручено убѣдить могущественнѣйшаго изъ имперскихъ католическихъ князей, герцога Вильгельма IV Баварскаго, воспротивиться признанію интерима его нѣмецкими единовѣрцами. Бобадилла такъ ловко взялся за дѣло, что не только Вильгельмъ воспротивился введенію Интерима въ своей собственной странѣ, но и всѣ остальные католическіе князья принудили императора ограничить это мѣропріятіе, установивъ обязательность

его только для протестантовъ. Карль вымѣстилъ свою неудачу на ея виновникѣ: подѣ предлогомъ, что Бобадилла позволилъ себѣ какія-то неуважительныя слова объ императорѣ, онъ былъ изгнанъ изъ Германіи.

Святой престолъ и орденъ Іисуса вполнѣ достигли своей цѣли: они унизили императора и помѣшали успѣху его Интерима. Послѣ этого Лойолѣ ничего не стоило отречься отъ своего послушнаго орудія Бобадиллы для того, чтобъ не раздражить еще болѣе Карла V, ужъ и безъ того нерасположеннаго къ іезуитамъ. Бобадиллѣ былъ запрещенъ входъ въ римскій домъ профессовъ ордена, но само собою разумѣлось, что по истеченіи нѣкотораго времени, какъ только Карль забудетъ объ этомъ дѣлѣ, Бобадилла возвратитъ себѣ прежнее положеніе.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, даже Фердинандъ I ничего не хотѣлъ или не могъ сдѣлать для друга своего Ле-Же и для всего ордена вообще. Только тремя годами позднѣе, т. е. въ 1551 г., онъ рѣшился впустить ихъ въ свои государства. Сперва онъ просилъ дать ему только Ле-Же и еще одного іезуита въ помощь послѣднему ¹, но Игнатій, весьма довольный возможностью для своего ордена утвердиться въ Австріи, превысилъ желанія короля, приславъ въ Вѣну одинадцать своихъ учениковъ. Король помѣстилъ ихъ въ покинутомъ доминиканскомъ мо-

¹ *Lasso au roi Ferdinand*, 18 янв. 1551.; Druffel, *Briefe und Acten zur Geschichte des XVI jahrh.*, I, 560.

настырѣ. Первымъ ректоромъ этой первой колоніи іезуитовъ на нѣмецкой почвѣ былъ Ле-Же, но онъ умеръ уже въ слѣдующемъ 1552 году и его преемникомъ былъ назначенъ гораздо болѣе способный и вліятельный Канизіусъ.

Петръ Канизіусъ родился въ Нимвегенѣ, въ Голландіи, въ 1520 году. Онъ учился въ весьма ортодоксальномъ Кельнскомъ университетѣ, гдѣ и выдѣлился своими замѣчательными способностями и чрезвычайной эрудиціей. Въ Майнцѣ онъ случайно познакомился съ Ле-Февромъ, а черезъ него и со всѣмъ орденомъ іезуитовъ. Очень умный и честолюбивый молодой человекъ сразу понялъ какой широкой путь открывало ему это общество для того, чтобы играть выдающуюся роль, пользоваться большимъ вліяніемъ и вообще достигъ почестей, и онъ вступилъ въ это общество. Ле-Февръ воспользовался имъ прежде всего для того, чтобы помѣшати кельнскому архіепископу-электору Герману фонъ Виду ввести реформацію въ самомъ Кельнѣ. И дѣйствительно своимъ искуснымъ и энергичнымъ образомъ дѣйствія Канизіусъ много способствовалъ удержанію такого значительнаго города, какъ Кельнъ, въ лонѣ католической церкви. Позднѣе Игнатій, слѣдуя своему правилу никогда не оставлять своихъ подчиненныхъ слишкомъ долго въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ особенности на родинѣ, послалъ его профессоромъ риторики въ іезуитскую коллегію въ Мессину. Черезъ годъ онъ снова перемѣстилъ его въ Германію, въ баварскій

университетъ въ Ингольштадтѣ. Именно здѣсь новаторы публично излагали нѣкоторыя изъ своихъ доктринъ; Канизіусъ сталъ ихъ опровергать и началъ курсъ теологіи согласно съ римскимъ ученіемъ. Назначенный въ 1550 году ректоромъ Ингольштадтскаго университета, онъ сдѣлалъ изъ него одинъ изъ главныхъ оплотовъ католицизма въ Германіи. Такая энергичная и богатая успѣхами дѣятельность обратила на Канизіуса вниманіе римскаго короля. Фердинандъ попросилъ папу прислать ему этого человѣка и тридцати-двухлѣтній іезуитъ сдѣлался ректоромъ Вѣнской коллегіи и вскорѣ—довѣреннымъ лицомъ короля. Живѣйшимъ желаніемъ Фердинанда, какъ впрочемъ и всякаго здравомыслящаго и искренняго католика, было дожить до всеобщей реформы той распущенности нравовъ духовенства, въ которой весь міръ усматривалъ главную причину слабости, грозившей даже самому существованію церкви. Канизіусъ вполне соответствовалъ этой настоятельнѣйшей потребности католицизма, этому завѣтнѣйшему желанію Фердинанда I. Онъ учредилъ семинарію, въ которой пятьдесятъ юношей воспитывались и подготавливались къ занятію должностей приходскихъ священниковъ.

Лойола былъ чрезвычайно доволенъ проникновеніемъ, наконецъ, іезуитовъ въ Германію и утвержденіемъ ихъ въ самой столицѣ австрійскаго монарха. Будущій императоръ, Фердинандъ снова обратился къ нему, какъ онъ уже сдѣлалъ это разъ ради Ле-Же, съ просьбой согласиться на

назначеніе Канизіуса епископомъ, но не второстепеннаго какого нибудь города, а самой Вѣны. Однако Игнатій и не подумалъ исполнить желаніе короля и сдѣлать независимымъ отъ генерала одного изъ значительнѣйшихъ членовъ общины, но онъ старательно позолотилъ горькую пилюлю. Прежде всего онъ разрѣшилъ Канизіусу исполнить другое желаніе короля, а именно, написать католическій катехизисъ. Нужно замѣтить, что въ это время католическое ученіе само еще не было прочно выработано; приходскіе священники, мало образованные и мало заботящіеся о духовныхъ нуждахъ своей паствы, сами почти его не знали и еще менѣе преподавали его; наконецъ, нападки лютеранъ и цвингліанъ глубоко пошатнули убѣжденія католиковъ. Никто не могъ точно опредѣлить во что слѣдовало вѣрить и что—считать ересью. Поэтому-то хорошій катехизисъ, краткій, сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ полный, хорошо написанный и понятный среднему человѣку, былъ совершенно необходимъ для всей той части общества, которая еще оставалась католическою. Канизіусъ написалъ его въ очень короткій срокъ и притомъ съ такимъ искусствомъ, что его маленькая книжечка сдѣлалась образцовымъ произведеніемъ для всѣхъ его единовѣрцевъ, была переведена на всѣ языки и выдержала болѣе 500 изданій. Фердинандъ и всѣ добрые католики Германіи были этимъ весьма довольны и стали еще болѣе цѣнить орденъ іезуитовъ.

Въ то-же время Лойола разрѣшилъ Канизіусу

взять въ свои руки управленіе вѣнскою епархією (но безъ епископскаго чина) на *одинъ* годъ, который, на дѣлѣ, однако, продлился сорокъ восемь мѣсяцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ограничилъ это разрѣшеніе условіемъ, что всѣ доходы епископіи не будутъ предоставлены ни самому Канизиусу, ни ордену Іисуса. Это было поистинѣ мастерскимъ шагомъ! Такимъ пріемомъ Лойола доказывалъ римскому королю, что, изъ желанія угодить ему, онъ даже нарушилъ, поскольку это было возможно, самые законы ордена и что послѣдній всегда къ услугамъ государей и князей. Какая разница между іезуитами и упрямымъ упорствомъ и несговорчивостью лютеранскихъ подданныхъ короля!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Лойола выказывалъ грандіозное самоотреченіе и убѣждалъ Фердинанда въ томъ, что только слава Господа и величіе церкви руководили дѣйствіями общины и что она добровольно отрекалась отъ всякаго богатства и отъ всякихъ личныхъ выгодъ. И такъ, въ нихъ были найдены тѣ столь желанные священнослужители, которые вмѣсто того, чтобы искать одного только богатства, наслажденій и возможно удобной и покойной жизни, обрекали себя на бѣдность, умерщвленіе плоти, на бесплатное обученіе и церковное служеніе, на ревностную проповѣдь и на преобразование всего духовенства и народа!

Этотъ тонко рассчитанный актъ безкорыстія немедленно принесъ тѣ плоды, которые, вѣроятно,

Игнатій и ждалъ отъ него. Уже въ маѣ 1554 года Фердинандъ подарилъ іезуитамъ для ихъ коллегіи кармелитскій монастырь въ Вѣнѣ и обезпечилъ имъ ежегодный доходъ въ 1.200 золотыхъ флориновъ; два мѣсяца спустя онъ далъ имъ возможность основать въ столицѣ семинарію. Вѣрные своему всегдашнему принципу привлекать къ себѣ главнымъ образомъ аристократію, они вскорѣ устроили въ столицѣ институтъ для знатныхъ юношей. Болѣе того: въ 1558 году Фердинандъ предоставилъ имъ на вѣчныя времена двѣ кафедры теологіи въ вѣнскомъ университетѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы бороться съ протестантскимъ духомъ, господствовавшимъ тогда въ этомъ университетѣ. Такимъ-то образомъ они все больше и больше завладѣвали всѣми ступенями общественнаго преподаванія и ихъ вліяніе становилось очень значительнымъ. Нерѣдко Фердинандъ пользовался ими, какъ повѣренными въ своихъ дѣлахъ и какъ посредниками, при переговорахъ съ папой ¹.

Такъ разрослся орденъ въ столицѣ Австріи. Въ 1555 году передъ нимъ открылась возможность проникнуть и въ другую резиденцію Фердинанда, въ столицу большого и цвѣтущаго Богемскаго королевства, — Прагу. Король ни въ чемъ не отказывалъ своему дорогому другу Канизіусу. Если бы чехи могли предвидѣть тѣ страшныя бѣдствія, которыя навлекутся на нихъ семьдесятъ лѣтъ спустя отцами іезуитами, — они возстали-бы

¹ Orlandino, кн. XIV, гл. 11, стр. 450.

какъ одинъ человѣкъ для того, чтобы уничтожить всѣхъ до послѣдняго человѣка членовъ новаго ордена, которые проникли въ 1555 г. въ Прагу въ небольшемъ числѣ и весьма смиренно. Но даже и въ ту эпоху проникновеніе іезуитовъ въ этотъ городъ походило на вызовъ, брошенный громадному большинству богемскаго населенія, съ восторгомъ принявшаго ученія Гусса и Лютера. И дѣйствительно, едва только вступили они во владѣніе монастыремъ св. Климента, подареннымъ имъ королемъ, какъ немедленно открыли въ немъ школу для дѣтей не только католическихъ родителей, но и еретическихъ: они даже не пытались скрывать того, что ихъ цѣль была пропаганда! Имъ стали угрожать, нападать на нихъ и на ихъ воспитанниковъ, но Канизіусъ, сильный помощью Фердинанда, упорно противостоялъ бурѣ и въ концѣ концовъ восторжествовалъ надъ ней. Нѣсколько лѣтъ спустя эта школа была преобразована въ академію философскихъ и богословскихъ наукъ и обезпечена ежегоднымъ доходомъ въ сто тридцать тысячъ богемскихъ грошей.

Во всѣ времена іезуиты умѣли ловко пользоваться господствующимъ настроеніемъ данной эпохи—*ratione habita temporum*. Они завоевали благорасположеніе короля, позднѣе императора Фердинанда I, увѣряя его, что пришли къ нему исключительно для того, чтобы реформировать духовенство и религіозное воспитаніе. Подъ этимъ же предлогомъ они проникли и во второе изъ

большихъ католическихъ государствъ Германіи, въ Баварію ¹. Герцогъ Вильгельмъ IV былъ ихъ преданнымъ другомъ; сынъ и наслѣдникъ его, Альбертъ V, управлявшій страною съ 1550 г., склоняясь больше къ миру и къ терпимости, сперва не обнаруживалъ къ нимъ большой благосклонности. Онъ отказался выстроить имъ коллегію, не смотря на обѣщаніе, данное его отцомъ, и на вмѣшательство своего зятя, короля Фердинанда. Канизій сталъ терпѣливо выжидать болѣе благопріятнаго момента, который и не замедлилъ наступить. Альбертъ V принималъ горячее участіе при заключеніи Аугсбургскаго религіознаго мира между католиками и протестантами Германіи (1555). Сторонники Рима поставили это ему въ серьезный упрекъ и стали громко обвинять его въ ереси. Такое подозрѣніе глубоко огорчило Альберта, желавшаго оставаться вѣрнымъ религіи своихъ отцовъ, не смотря на то, что онъ осуждалъ весьма многое въ церковныхъ порядкахъ и лелѣялъ мысль о примиреніи съ протестантами.—«Какъ можете вы нагляднѣе доказать всему міру вашу преданность къ католицизму, сказалъ ему Канизій, какъ не выказавъ благожелательство по отношенію къ ордену Іисуса, любимому и почитаемому всѣми истинно вѣрующими?» Мало по малу герцогъ далъ себя убѣдить и въ томъ же году, въ декабрѣ 1555 г., основалъ въ Ингольштадтѣ іезуитскую коллегію, обезпечивъ ей доходъ въ 800 золотыхъ

¹ Von Lang, *Geschichte der Jesuiten in Baiern* (Nuremberg, 1819).

флориновъ и извѣстное количество податей, уплачиваемыхъ натурою. Конечно не случайно эта первая въ Баваріи іезуитская колонія основалась какъ разъ въ университетскомъ городѣ. Немного времени спустя, Канизій, имѣвшій какую то особую способность расширять всякое дѣло, настолько завоевалъ себѣ симпатіи государя, хотя и исполненнаго благихъ намѣреній, но слабаго, что тотъ устроилъ вторую коллегію въ самомъ Мюнхенѣ, ректоромъ которой сдѣлался родной братъ Канизія—Теодоръ.

Вскорѣ Канизій получилъ блестящее вознагражденіе за всѣ свои успѣхи и старанія на пользу ордена: генераль назначилъ его первымъ *провинціаломъ* (т. е. главою) новой провинціи «Верхней Германіи», заключавшей въ себѣ, кромѣ австрійскихъ и венгерскихъ земель Габсбурговъ, еще Баварію, Швабію и Швейцарію.

Лойола, усердно добиваясь водворенія членовъ своей общины въ главнѣйшихъ государствахъ Европы, въ то-же время отнюдь не забывалъ той страны, къ которой нѣкогда направлялись его первыя религіозныя стремленія,—то есть Палестины. Въ 1554 онъ получилъ отъ папы Юлія Ш разрѣшеніе основать въ святой землѣ три коллегіи. Тогда онъ сталъ хлопотать объ осуществленіе этого плана и съ этой цѣлью обращался даже къ королю Филиппу II, но смерть застигла его раньше, чѣмъ онъ добился намѣченной цѣли.

Зоркій глазъ Лойолы никогда не терялъ изъ виду своихъ учениковъ и подчиненныхъ и строго

наблюдалъ за ними повсюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Нельзя не удивляться, глядя на этого человѣка, сперва безвѣстнаго солдата, потомъ аскета и проповѣдника, внезапно ставшаго вождемъ сотенъ членовъ своего ордена, однимъ взглядомъ охватывающаго весь христіанскій міръ, взвѣшивающаго интересы государей и народовъ и относящагося, какъ къ равнымъ, къ могущественнѣйшимъ монархамъ. Подъ его управленіемъ община шла, постоянно развиваясь, быстрымъ и вѣрнымъ шагомъ, всегда двигаясь впередъ и никогда—назадъ.

Инструкціи, которыми онъ снабжалъ отцовъ іезуитовъ относительно того, какъ они должны были устраивать свои дѣла и въ особенности какъ обращаться съ князьями и вліятельными лицами ¹, могутъ быть поистинѣ названы сокровищами практической психологіи, свидѣтельствующими о замѣчательнѣйшихъ дипломатическихъ способностяхъ этого человѣка, постоянно говорившемъ о своей полнѣйшей непричастности ко всѣмъ человѣческимъ расчетамъ и соображеніямъ.

Его поведеніе въ дѣлѣ Франциска де-Борджіа, знатнѣйшаго и важнѣйшаго члена его общины, которому императоръ предложилъ кардинальскую шапку, можетъ служить образцомъ тонкой и осторожной политики. Игнатій не хотѣлъ ни обижать императора, который и безъ того ужъ не особенно сочувствовалъ всѣмъ его проектамъ, ни сдѣлать непріятность Борджіа, которому ор-

¹ Genelli (фр. пер.), I, 360.

день былъ обязанъ своимъ существованіемъ въ Испаніи, ни нарушать правило, запрещавшее іезуитамъ принимать важныя церковныя должности. Поэтому онъ началъ съ того, что не отказалъ сразу императору, а только далъ ему понять, что со стороны самого Франциска Борджія возможенъ отказъ. Послѣднему-же онъ предоставилъ полную свободу выбора, ясно выразивъ, однако, какое изъ двухъ рѣшеній будетъ ему, Лойолѣ, пріятнѣе. Всѣ эти хитросплетенія окружались самыми изысканными выраженіями благочестія и набожности¹. Естественно, что св. Францискъ отказался отъ чести, предложенной императоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не могъ быть въ обидѣ на Лойолу. Развѣ могъ бы просто наивный человекъ, движимый исключительно только религіознымъ рвеніемъ и любовью къ Богу, дѣйствовать съ такими предосторожностями, намеками и замысловатыми комбинаціями?

Многіе изъ членовъ Общества хотѣли распространить правило объ исключеніи іезуитовъ изъ всѣхъ высшихъ церковныхъ должностей до духовниковъ царствующихъ государей включительно, но Лойола воспротивился этому, желая сохранить за общиной столь могущественное средство вліянія на сильныхъ міра сего. Напротивъ того, онъ даже принудилъ отца Гонзалеца принять званіе духовника короля Португальскаго. Въ письмѣ (отъ 1 февраля 1553) къ португальскому

¹ Письма Поланко и Лойолы къ Франциску Борджія отъ 1-го іюня 1552;—Mençhasa, I, 15—16.

провинціалу іезуитовъ, Лойола прямо говорить, что члены общины имѣютъ много другихъ задачъ, а не однѣ только заботы о чистотѣ собственной совѣсти; что они обязаны дѣлать все возможное и пренебрегать моральными опасностями и людскими упреками «ради всеобщаго блага и славы Господней¹».

И дѣйствительно, отношенія ордена съ папой и со всѣми монархами становились день ото дня все дружественнѣе. Уже бывали случаи, что къ нему обращались, какъ къ посреднику, желая выхлопотать какую нибудь льготу у апостолическаго престола.

Такимъ-то образомъ Игнатій придалъ ордену Іисуса тотъ специфическій характеръ и назначеніе, которымъ онъ навсегда оставался вѣренъ: іезуиты воплощали и всѣми своими силами покровительствовали ортодоксальныя, нетерпимыя и исключительныя тенденціи римской церкви. Уже въ 1543 г. Лойола обратился къ папѣ съ просьбой снова возстановить одинъ изъ каноновъ Латеранскаго собора 1215 года, запрещавшій врачамъ посѣщать тяжело больныхъ, если послѣдніе предварительно не исповѣдались. Противодѣйствіе врачей подорвало на этотъ разъ усилія Лойолы, но уже изъ этого примѣра ясно видно направленіе, взятое орденомъ съ самыхъ первыхъ моментовъ своего существованія. Зато онъ вполнѣ добился своего въ дѣлѣ несравненно болѣе важ-

¹ Письмо къ отцу Мирону; Menchasa, III, 27.

номъ, въ вопросѣ объ Интеримѣ, о которомъ мы уже упоминали выше.

Управленіе Лойолы, торжествующее во внѣшнихъ дѣлахъ, во внутреннихъ было строго и послѣдовательно. Онъ запретилъ своимъ подчиненнымъ чтеніе соблазнительныхъ сочиненій Эразма, религіозный индифферентизмъ котораго, облеченный въ остроумную и изящную форму, могъ бы ослабить узкое и фанатическое рвеніе его учениковъ. Когда же вопросъ шелъ о его собственномъ авторитетѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и о строжайшей дисциплинѣ ордена, тогда Лойола не допускалъ ни жалости, ни какихъ бы то ни было личныхъ соображеній.

Никто, кромѣ самого генерала, не пользовался въ орденѣ большей властью чѣмъ Лайнецъ; никто не проникся такъ глубоко духомъ новаго учрежденія, какъ именно онъ; никто не принималъ столь дѣятельнаго участія въ составленіи первоначальнаго устава общества. Онъ былъ возведенъ на постъ провинціала Италіи. Опираясь на то исключительное положеніе, которое онъ занялъ среди всѣхъ своихъ сотоварищей, онъ осмѣлился стать открыто противъ самого генерала. Онъ жаловался на то, что Игнатій призывалъ въ Римъ всѣхъ самыхъ выдающихся іезуитовъ, лишая такимъ образомъ итальянскія коллежи всѣхъ ихъ лучшихъ преподавателей. Несмотря на усилія, употребленныя генераломъ для того, чтобы успокоить на этотъ счетъ Лайнеца, послѣдній продолжалъ оказывать сопротивленіе. Тогда Лойола,

не желавшій терпѣть ни малѣйшаго нарушенія того слѣпого повиновенія, которое онъ положилъ въ основу своей общины, хотя бы этотъ ущербъ наносился однимъ изъ его стариннѣйшихъ товарищей и наиболѣе выдающимся изъ всѣхъ его подчиненныхъ, — написалъ Лайнецу слѣдующее: «Обдумайте ваше поведеніе и увѣдомьте меня сознали-ли вы свой грѣхъ; если вы сочтете себя виновнымъ, напишите мнѣ какому наказанію желаете вы подвергнуться во искупленіе своей слабости».

Лайнецъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что необходимо подчиниться власти генерала. Поэтому онъ поспѣшилъ вернуть себѣ милостивое расположеніе своего начальника, выказавъ преувеличенную и раболѣпную готовность подчиниться. Онъ отвѣчалъ изъ Флоренціи:

«Отецъ! Получивъ письмо вашего преподобія, я долго и со слезами молился Богу и пришелъ къ слѣдующему рѣшенію, которое я принялъ и въ которомъ непоколебимо пребываю со слезами на глазахъ. Я желаю и заклинаю васъ благоутробіемъ Господа нашего Іисуса Христа, чтобы ваше преподобіе, въ руки котораго я всецѣло предаю себя, лишило меня,—въ наказаніе за мои грѣхи и для укрощенія моихъ необузданныхъ страстей, источника первыхъ,—власти, права проповѣди и преподаванія и вмѣсто всѣхъ книгъ оставило бы мнѣ только мой требникъ. Повелите мнѣ, затѣмъ, явиться въ Римъ въ образѣ нищаго и поручите мнѣ самую низкую должность въ домѣ нашемъ, или,

если я не гожусь и для этого, повелите мнѣ провести остатокъ моихъ дней въ преподаваніи первоначальныхъ правилъ грамматики, безъ всякой ко мнѣ жалости и взирая на меня только, какъ на грязь міра сего».

Очевидно, что все это было со стороны Лайнеца чистѣйшимъ лицемѣріемъ. Онъ отлично зналъ, что его, всѣми признаваемаго какъ будущаго преемника Лойолы, никогда не подвергнутъ тѣмъ униженіямъ, которыя онъ просилъ. Этимъ подобострастнымъ подчиненіемъ онъ хотѣлъ только умѣрить гнѣвъ генерала, который могъ-бы, если-бъ захотѣлъ, навсегда закрыть для него открывавшуюся передъ нимъ блестящую карьеру. Онъ вполне достигъ своей цѣли. Лойола вмѣсто всякаго наказанія повелѣлъ ему составить краткій учебникъ богословія и, памятуя его прежнія жалобы, далъ ему въ помощники двухъ особенно достойныхъ іезуитовъ: отцовъ Віоле и Мартина Олаве.

Такимъ образомъ Лайнецъ былъ униженъ, какъ нѣкогда Бобадилла. Та-же судьба, но въ еще болѣе жестокой формѣ, постигла и Симона Родригеца, тоже одного изъ преданнѣйшихъ учениковъ Лойолы и основателя ордена въ Португаліи. Мы уже видѣли, что онъ совершенно подчинилъ это королевство ордену Іисуса. Гордясь этимъ успѣхомъ, уже двѣнадцать лѣтъ управляя по своему усмотрѣнію не только умомъ короля Іоанна III, но и всѣмъ его дворомъ, провинціалъ Португаліи, Родригецъ, наслаждался своимъ,

почти независимымъ отъ генерала, положеніемъ. Постепенно онъ ввелъ среди подвѣдомственныхъ ему іезуитовъ обычаи и правила, противные лойоловымъ, что въ особенности сказывалось въ чрезвычайной склонности къ аскетизму, рѣшительно противорѣчившему всему духу ордена, и кромѣ того онъ воспротивился введенію правилъ Игнатія въ домахъ професовъ и въ училищахъ португальскихъ іезуитовъ. Генераль искусно приготовился къ борьбѣ, становившейся неизбежной. Прежде всего онъ командировалъ нѣсколько вліятельныхъ іезуитовъ къ королю, дабы помѣшать ему принять сторону Родригеца, что ему и удалось, вѣроятно, съ помощью папы. Обезпечивъ себя такимъ образомъ со стороны монарха, Лойола послалъ Родригецу приказаніе уступить мѣсто португальскаго провинціала отцу Мирону (1552). Родригець, видя себя покинутымъ дворомъ, сначала повиновался этому приказанію, но вскорѣ перемѣнилъ свой образъ дѣйствія и наотрѣзъ отказался уѣхать изъ Португаліи, какъ того требовалъ Лойола. Онъ удалился въ іезуитское училище въ Коимбрѣ и сталъ открыто возмущать его противъ генерала. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ отчаянную попытку снова вернуть себѣ расположеніе королевскаго двора, дискредитировавъ личность и учрежденія Лойолы. Такимъ образомъ противодѣйствіе Родригеца все больше принимало характеръ настоящаго возмущенія. Но король остался вѣренъ своему другу Лойолѣ, поддерживаемому къ тому-же

его святѣйшествомъ, и Родригецъ, подвергшись гнѣву своего генерала, своего короля и папы, долженъ былъ окончательно смириться. Онъ былъ сосланъ въ Санъ-Фелицъ, маленькій португальскій городокъ, и осужденъ исключительно на заботы о спасеніи своей души, лишенный полномочій и какихъ либо обязанностей по ордену;—конечно, это было худшее изъ всѣхъ возможныхъ наказаній для такого какъ онъ честолюбиваго и дѣятельнаго человѣка. Позднѣе онъ былъ вызванъ въ Римъ и подчиненъ непосредственному надзору генерала ¹.

Несомнѣнно, что униженіе такого вліятельнаго члена было большимъ торжествомъ для Лойолы; но онъ отнюдь не былъ усыпленъ своимъ успѣхомъ; напротивъ того, это событіе дало ему поводъ еще больше усилить строгость его обращенія съ подчиненными. Онъ обратился ко всѣмъ начальникамъ съ окружнымъ посланіемъ, приказывая имъ немедленно отослать къ нему всѣхъ тѣхъ, кто обнаруживаетъ упрямство. Отцу-же Мирону, новому португальскому провинціалу, онъ отдѣльно писалъ слѣдующее: «Если между вашими подчиненными есть непокорные, отказывающіеся повиноваться не только вамъ, но и другимъ начальникамъ или мѣстнымъ ректорамъ, тамъ находящимся, то приказываю вамъ во имя святого послушанія—и вы отвѣтите мнѣ за неисполненіе этого моего приказанія,—немедленно изгнать ихъ изъ ордена или-же прислать ихъ въ Римъ». Онъ

¹ См. переписку у Лойолы *Genelli* (нѣмец. изд.), стр. 283.

открыто одобрилъ отца Кесселя, который въ нѣсколько пріемовъ исключилъ въ Кельнѣ изъ общины по девяти или десяти человекъ за-разъ. Для избѣжанія повторенія фактовъ, подобныхъ тому, который произошелъ съ Родригесомъ, Лойола хотѣлъ вернуть Франциска Ксавье изъ Азіи, гдѣ онъ прославился своими духовными завоеваніями, но письмо генерала не застало уже этаго святаго человека въ живыхъ. Лойола былъ неограниченъ въ своей власти, даже тираниченъ, какъ всякій, впрочемъ, человекъ творческихъ способностей и очень большой энергіи. Онъ сумѣлъ навсегда внѣдрить въ свое общество принципы авторитета и абсолютнаго повиновенія.

Однако Лойола считалъ необходимымъ, не смотря на все свое всемогущество, подавать примѣръ смиренія. Каждый день онъ проводилъ нѣсколько времени на кухнѣ общины, исполняя самыя низшія обязанности въ ней. Больше того: въ 1550 году онъ созвалъ всѣхъ значительнѣйшихъ отцовъ-іезуитовъ для того, чтобы сложить съ себя званіе генерала. Само собою разумѣется, что всѣ воспротивились осуществленію этого намѣренія ¹. Ошибемся-ли мы, если скажемъ, что всѣ эти мѣры должны были служить блистательными примѣрами скромности и покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать болѣе сноснымъ и въ то же

¹. Ribadeneira. AA. SS. 8. Jul., VII, стр. 710, 745 и слѣд.—Рибаденейра вступилъ въ орденъ со времени его окончательнаго утвержденія въ 1540 г.—См. Genelli (нѣм. изд.), стр. 272—275.

время болѣе обязательнымъ, абсолютное владычество генерала? Сейчасъ мы разберемъ истинныя намѣренія Лойолы въ отношеніи пользованія властью.

Лойола счелъ должнымъ навсегда порвать свои семейныя связи. Начиная съ 1540 года, онъ ни разу ничего не писалъ своимъ роднымъ и оставался глухъ ко всѣмъ ихъ обращеніямъ ¹. Онъ жилъ только для своего ордена и въ своемъ орденѣ; никакія другія узы, ни крови, ни благодарности, не имѣли въ его глазахъ ни малѣйшей цѣны.

Общество Іисуса сдѣлалось подъ его управленіемъ столь могущественно, что попробовало даже освободиться изъ подъ папской власти.

23 мая 1555 года на престолъ апостола Петра вступилъ кардиналъ Караффа, принявшій имя Павла IV. Это былъ тотъ самый Караффа, основатель ордена Театинцевъ, который, семнадцать лѣтъ тому назадъ, обратился изъ покровителя Лойолы въ его противника и съ недоброжелательствомъ взиралъ на быстрые и замѣчательные успѣхи іезуитовъ, соперничавшихъ съ его орденомъ. Но кромѣ этихъ у него были еще и другія причины антипатіи къ іезуитамъ. Онъ любилъ инквизицію, а съ нею вмѣстѣ и инквизиторовъ, т. е. доминиканцевъ; послѣдніе-же завидовали и негодовали на іезуитовъ, грозившихъ совсѣмъ разрушить ихъ первенствующее положе-

¹. См. письмо Лойолы къ герцогу де-Нахара отъ 26 авг. 1552; Ribadeneira, стр. 769 и слѣд.

ніе въ церкви. Къ тому же Джованни Пьетро Караффа всегда ненавидѣлъ испанцевъ, которымъ немедленно по своемъ вступленіи на папскій престолъ объявилъ войну, а мы знаемъ, что Игнатій и почти всѣ основатели его ордена были родомъ изъ Испаніи. Наконецъ въ самомъ Римѣ была порядочная группа людей, враждовавшихъ съ іезуитами, преслѣдовавшихъ ихъ и даже клеветавшихъ на нихъ. Тщетно Лойола, едва узнавъ объ избраніи своего прежняго противника, поспѣшилъ въ папскій дворецъ, чтобы засвидѣтельствовать свою покорность и повиновеніе,—Павелъ IV всетаки не забылъ прошлаго и рѣшилъ уравнивать іезуитовъ съ другими монашескими орденами, но упорное сопротивленіе Лойолы заставило его отказаться отъ этого намѣренія.

Еще и по другому вопросу папа былъ побѣжденъ орденомъ, ставшимъ всемогущимъ всего черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ своего основанія.

Павелъ IV попробовалъ, было, лишить іезуитовъ одного изъ ихъ лучшихъ членовъ—Лайнеца, предложивъ ему кардинальскую шапку, и такъ какъ Лойола и Лайнецъ одинаково воспротивились этому, то папа захотѣлъ прежде всего отдѣлать интересы послѣдняго отъ интересовъ ордена. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Лайнецу жить въ Ватиканѣ и заняться вопросомъ о реформѣ *Датеріи*, т. е. того учрежденія, на обязанности котораго лежали раздача церковныхъ бенефицій и выдача разрѣшеній на браки. Сначала Лайнецъ принялся за эти важныя и слож-

ныя дѣла съ обычною своею энергіею, но вскорѣ, понявъ, что онъ близокъ къ тому, чтобы почти совсѣмъ отстать отъ своей общины, бѣжалъ изъ Ватикана и вернулся въ домъ професовъ. Съ трудомъ вѣрится, а между тѣмъ это несомнѣнно, что іезуиты въ это время были уже на столько вліятельны, что даже такой страстный и деспотическій человѣкъ, какъ Павелъ IV, не рѣшился прибѣгнуть къ своей власти для того, чтобы сломить непокорность Лайнеца.

Такимъ образомъ ясно, что антипатія папы нисколько не должна была беспокоить Лойолу въ послѣдніе годы его жизни. Настоящія непріятности для него исходили изъ нѣдръ самого его ордена. Онъ, нѣкогда дѣлавшій видъ, что намѣренъ сложить съ себя высокую власть и отречься отъ своего блистательнаго положенія, былъ чрезвычайно возмущенъ, когда узналъ, что его ассистенты, видя какъ быстро падаютъ его силы, нашли нужнымъ, осенью 1554 г., назначить ему викарія. Тѣмъ не менѣе совѣтники, хотя и съ чрезвычайною мягкостью, но настояли на своемъ и въ концѣ концовъ Лойола вынужденъ былъ разрѣшить професамъ, находившимся въ то время въ Римѣ, избрать ему викарія. 1 ноября 1554 года отецъ Жеромъ Надалъ былъ назначенъ помощникомъ генерала, но прошелъ годъ и Лойола, вполне оправившись отъ физическихъ недуговъ, освободился отъ стѣснявшаго его товарища, отправивъ послѣдняго въ Испанію. Лишь незадолго до своей смерти, чувствуя, что

дни его сочтены, онъ передалъ управленіе орденскими дѣлами тремъ лицамъ: Іоанну Поланко, Кристофору Мадриду и Жерому Надалю.

Тогда, освободившись отъ всѣхъ мірскихъ заботъ, вѣчно дѣятельный умъ Игнатія отдался цѣликомъ религіознымъ помысламъ. Онъ установилъ для своего ордена сорокачасовые молитвы, усвоенныя затѣмъ всею церковью и совершаемыя ею еще и теперь въ послѣдніе три дня масленицы. Кромѣ того онъ продиктовалъ цѣлый рядъ сентенцій относительно своей любимой добродѣтели—послушанія. Онъ умеръ шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, 30-го іюля 1556 года. Генераль ордена исполнялъ до конца свои обязанности начальника съ такими-же твердостью и смѣлостью, съ какими нѣкогда сражался молодой офицеръ на окопахъ Пампелуны.

На смертномъ одрѣ онъ могъ утѣшаться мыслью, что дѣло его не только вполнѣ удалось, но даже превзошло всѣ его ожиданія. Ни одинъ изъ основателей религіозныхъ орденовъ не видалъ при своей жизни подобнаго процвѣтанія своего учрежденія. Во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта шла непрерывная дѣятельность повсюду разсѣянныхъ его учениковъ. Его орденъ насчитывалъ уже тысячу членовъ,—среди которыхъ, однако было всего только тридцать пять професовъ или дѣйствительныхъ членовъ,—и сто общежитій, расположенныхъ въ тринадцати провинціяхъ¹. Однако, если онъ рассчиты-

¹ Sacchino, lib. I, cap. 2 ss. p. 1.

валъ воздѣйствовать главнымъ образомъ на еретиковъ, то онъ сильно заблуждался. Орденъ Іисуса процвѣталъ главнымъ образомъ въ южныхъ странахъ, ортодоксія которыхъ и безъ того была лишь весьма слабо пошатнута, т. е. въ Испаніи, въ Португаліи и въ Италіи,—въ той части латинскаго міра, которая почти цѣликомъ осталась вѣрной католицизму. Исходнымъ пунктомъ ордена слѣдуетъ считать пиренейскій полуостровъ и потому здѣсь у него была наиболѣе прочная основа: онъ насчитывалъ не менѣе семи испанскихъ и португальскихъ провинцій. Первая изъ нихъ была Кастилія съ десятью коллегіями, потомъ шли Арагонъ и Андалузія съ пятью коллегіями въ каждой. Четвертая провинція заключала Португалію со множествомъ коллегій, общезжитій для членовъ посвященныхъ (професовъ) и для послушниковъ (новиціатовъ). Въ Бразиліи, этой американской Португаліи, имѣлось 32 члена ордена, а въ восточной Индіи съ Китаемъ и Японіей насчитывалось ихъ до сотни. Отцы, посланные въ Индію, попытались также основать колонію въ Ефіопіи, куда былъ посланъ даже отдѣльный провинціалъ съ нѣкоторыми подчиненными. Всѣ эти иберійскія провинціи подчинялись дону Франциску де-Борджіа, какъ комисару генерала. Этимъ Лойола хотѣлъ обезпечить испанскимъ іезуитамъ, пренебрегаемымъ и нелюбимымъ императоромъ, драгоцѣнную опору въ лицѣ одного изъ членовъ высшей испанской аристократіи.— Центръ ордена находился въ Италіи, въ Римѣ;

тамъ были римская и германская коллегіи; къ нему-же причислялась итальянская провинція, въ составъ которой входила центральная и южная Италія, управляемая непосредственно самимъ генераломъ. Сицилійская провинція была устроена вице-королемъ Іоанномъ де-ла-Вега, бывшимъ нѣкогда имперскимъ посланникомъ въ Римъ и здѣсь познакомившимся съ хитрымъ Игнатіемъ, который сумѣлъ привлечь его къ своему обществу¹; однако число коллегій въ Сициліи все еще не было особенно велико. Провинція собственно Италіи, т. е. сѣверной Италіи, насчитывала десять коллегій. Но за то по ту сторону Альпъ и Пиренеевъ результаты дѣятельности Лойолы были гораздо менѣе удачны. Національный духъ, стремленія къ реформамъ и протестантизмъ сильно препятствовали тамъ успѣхамъ ордена. Французская провинція имѣла всего только одну коллегію, существованіе которой даже не было формально признано. Верхнегерманская провинція обнимала собой Вѣну, Прагу, Ингольштадтъ, Мюнхень, но іезуиты проникли во всѣ эти города, не столько благодаря народнымъ симпатіямъ, сколько расположенію отдѣльныхъ государей. Что же касается нижегерманской провинціи, которая включала въ себя также и Нидерланды, то объ ней можно сказать, что при Лойолѣ она существовала только на бумагѣ.

Изъ этого бѣглаго обзора уже ясно видно

¹ Orlandino, кн. VII, гл. I, стр. 198.

на сколько преувеличены мнѣнія тѣхъ историковъ, которые эпоху подавленія протестантизма начинаютъ съ момента основанія ордена Іисуса. Маколей по этому поводу говоритъ слѣдующее ¹: «Папство, угрожаемое въ XVI вѣкѣ новыми опасностями, болѣе страшными, чѣмъ всѣ предыдущія, было спасено новымъ религіознымъ орденомъ, охваченнымъ большимъ энтузіазмомъ и организованнымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Когда іезуиты явились на помощь папству, оно находилось въ чрезвычайно критическомъ положеніи; но съ этого момента судьба борьбы измѣнилась. Протестантизмъ, въ теченіи двадцати пяти лѣтъ побѣждавшій всякое сопротивленіе, былъ задержанъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и съ удивительной быстротой оттѣсненъ отъ подножія Альпъ къ берегамъ Балтики».—Авторъ этихъ строкъ слишкомъ высоко цѣнилъ вліяніе ордена Лойолы. Въ Италиі и въ Испаніи ересь была задушена не іезуитами, а римскою и испанскою инквизиціей, т. е. папой, Филиппомъ II испанскимъ и доминиканцами. Въ теченіи всего XVI вѣка во Франціи іезуиты не пользовались значительнымъ вліяніемъ; что же касается Германіи, то мы уже видѣли съ какимъ трудомъ и какъ медленно они достигали тамъ успѣха своего дѣла.

На самомъ дѣлѣ протестантизмъ не переставалъ развиваться въ Германіи, Польшѣ, Венгріи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Нидерлан-

¹ *Исторія Англии*, гл. 6-я.

дахъ, Англіи и Шотландіи и послѣ 1540 года, такъ же какъ и до него. Онъ былъ вынужденъ остановиться и отступить не передъ іезуитами, а передъ Триентскимъ соборомъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, въ особенности же передъ мечемъ Филиппа II, передъ усиліями всего австрійскаго дома и польскихъ Вазъ. Во всемъ этомъ, правда, іезуиты сыграли свою роль; она была значительна, но все же второстепенна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Уставы ордена іезуитовъ.

Кто былъ дѣйствительнымъ составителемъ уставовъ общества іезуитовъ?—*Духовныя упражненія.*—Значеніе этихъ *упражнений.*—Ихъ содержаніе и общее направленіе.—Интересъ и дѣйствительность *упражнений.*—Онѣ предписываютъ полное подчиненіе римской церкви и рабскій страхъ передъ Богомъ.—Характеръ, приданный св. Игнатіемъ своему ордену.—Исключительная важность, приписываемая Лойолой принципу абсолютнаго повиновенія.—Повиновеніе составляетъ главную обязанность іезуита; почему Лойола такъ сильно напиралъ на это правило?—Начальникъ можетъ заставить своего подчиненнаго совершить преступленіе.—Слѣдствія, вытекающія изъ принципа абсолютнаго повиновенія.—Цѣломудріе.—Притворная бѣдность.—Она, въ сущности, является у нихъ только другою стороною абсолютной зависимости низшихъ отъ высшихъ.—Указанія относительно пріятной внѣшности.—Правила для пріема послушниковъ (новиціатовъ); обращеніе съ ними.—Свѣтскіе коадьюторы.—Схоластики и ихъ занятія.—Духовные коадьюторы.—Посвященные (професы) трехъ обѣтовъ.—Посвященные четырехъ обѣтовъ.—Ректоръ, старшій и провинціалъ.—Провинціальная конгрегация.—Генералъ; его неограниченная власть.—Строжайшій надзоръ всей общины за генераломъ.—Основные принципы организациі ордена: повиновеніе и шпионство.—Уничтоженіе личной воли.—Единообразіе мысли во всемъ орденѣ.—Дѣйствительность подобной организациі.—Іезуиты и преподаваніе.—Взгляды Лойолы на преподаваніе.—Важное значеніе преподаванія іезуитовъ.—Чрезвычайное благорасположеніе папъ къ іезуитамъ.—Вліяніе, оказанное ими на Триентскій соборъ.

Для того, чтобы понять быстрые успѣхи ордена, созданнаго Лойолой, и объяснить ту зна-

чительную роль, которую онъ игралъ въ католическомъ мірѣ въ теченіи слишкомъ трехъ столѣтій, нужно прежде всего разсмотрѣть его уставы,—главный источникъ его успѣховъ, достоинствъ и неудачъ.

Несомнѣнно, что основаніе всѣхъ этихъ установленій было положено самимъ Игнатіемъ, который и представилъ ихъ на разсмотрѣніе первой общей конгрегации въ 1540 году. Однако, въ этомъ видѣ они представляли лишь зародыши всѣхъ будущихъ правилъ ордена, столь ясно и подробно разработанныхъ. Лойола работалъ надъ ними непрерывно въ теченіи всего своего десятилѣтняго управленія и въ 1550 году снова созвалъ отцовъ-професовъ, дабы они еще разъ обсудили его проэктъ, уже гораздо болѣе полно разработанный. Наконецъ въ 1553 г. ¹ выработавшіеся такимъ образомъ уставы были сообщены къ свѣдѣнію всѣхъ членовъ общины. Но несомнѣнно также и то, что по смерти Лойолы они были пересмотрѣны и дополнены Лайнецомъ въ 1558 г. ². Говорили, но безъ достаточнаго основанія, что ихъ настоящимъ авторомъ не былъ Лойола; при этомъ исходили изъ мысли, что Лойола былъ фанатикъ, ясновидѣцъ, аскетъ, не способный ни на какіе хитрые расчеты, не понимавшій тай-

¹ Orlandino, *Hist. Societ. Jesu*, l. III, cap. 5, l. X, cap. 8 ss.; m. I. Стр. 78—306.

² *Ibid.* l. X, cap. 51, т. I. стр. 317; и его продолжатель Sacchini, l. II, cap. 49. т. II. стр. 48 (Antverp. 1620). Эта исторія имѣетъ официальное значеніе.

никовъ чловѣческаго сердца и не знавшій той тонкой политики, болѣе ловкой, чѣмъ честной, какая сквозить въ каждой строкѣ іезуитскаго кодекса. Однако переписка св. Игнатія показываетъ его въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ: въ ней мы наталкиваемся уже на тѣ самые принципы, которые внесены имъ въ уставы. Лайнецъ, котораго часто представляютъ какъ истиннаго законодателя ордена находился съ 1540 по 1556 г. далеко не въ близкихъ отношеніяхъ съ генераломъ, чтобы можно было приписать ему сколько нибудь крупную роль въ редактированіи кодекса, оконченнаго, приблизительно, въ 1556 году. Измѣненіями, внесенными Лайнецомъ въ 1558 въ уставъ, а въ особенности своими *декларациями*, онъ придалъ ему еще болѣе политическую окраску въ ущербъ религіозной; въ сущности же онъ только подчеркнул тѣ тенденціи, которыя Лойола не только уже высказалъ, но даже отчасти и осуществилъ.

Прежде чѣмъ разбирать самыя уставы, остановимся на мгновенье на знаменитыхъ *Духовныхъ Упражненіяхъ*, уже совершенно безспорно принадлежащихъ лично Игнатію. Къ тому же онъ предназначались для подготовленія умовъ послушниковъ (новиціатовъ) при вступленіи въ орденъ и для наставленія мірянъ въ видахъ обращенія ихъ въ послушныя орудія іезуитовъ.

Однако нельзя сказать, что *Духовныя Упражненія* были совсѣмъ самостоятельнымъ сочиненіемъ, какъ то утверждалось іезуитами, предпо-

лагавшими, что имъ вполнѣ удалось уничтожить тотъ образецъ, которому Лойола подражалъ и развилъ. Это—*Exercitatorium spirituale* Гарчіи де-Циснероса, манрескаго бенедиктинскаго аббата, очевидно очень склоннаго къ мистицизму. Проведя цѣлый годъ въ Манресѣ въ созерцаніи и духовныхъ упражненіяхъ, Лойола близко познакомился съ этою книгою, изучилъ ее и дѣйствовалъ согласно съ нею. Къ счастью, аббатъ Биркеръ нашелъ въ знаменитой монтекассинской бенедиктинской библіотекѣ единственный уцѣлѣвшій еще экземпляръ этого сочиненія и издалъ его въ Ратисбоннѣ въ 1856 г.

Тѣмъ не менѣе, Лойола всетаки остается единственнымъ, хотя и не безъ примѣси плагиата, авторомъ *Духовныхъ Упражнений* ордена Іисуса, и это произведение, не лишенное литературныхъ достоинствъ, свидѣтельствуесть о немъ, какъ объ очень талантливомъ психологѣ. Позднѣе, орденъ счелъ нужнымъ прибавить къ этимъ Упражненіямъ *Directorium*, предназначавшійся специально для тѣхъ отцовъ, которые руководили упражненіями, ибо позднѣйшіе іезуиты нашли, что книга Лойолы предоставляла слишкомъ много свободы и самостоятельности. Но такъ какъ этотъ *Directorium* былъ окончательно проредактированъ только пятою общей конгрегаціей ордена, въ 1593—94 гг., то мы совершили бы хронологическую ошибку, если бы присоединили его къ *Духовнымъ Упражненіямъ* въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ подъ пера

Лойолы. Онъ работалъ надъ ними ¹, со времени своего пребыванія въ Манресѣ въ 1522 г. до 1548 г., когда эта книга была одобрена папой Павломъ III (31 іюля). Это было первое сочиненіе, изданное орденомъ.

Духовныя Упражненія не только вѣрно отражаютъ духъ, воодушевлявшій основателя ордена Иисуса, но кромѣ того онѣ имѣютъ и сами по себѣ весьма большое значеніе. Всѣ іезуиты единогласно утверждаютъ, что, въ особенности въ первыя времена, большинство членовъ ордена было обязано именно *Духовнымъ Упражненіямъ* своимъ присоединеніемъ къ нему и самъ орденъ своимъ основаніемъ и развитіемъ ². Очевидно, что простое чтеніе этого сочиненія не достаточно само по себѣ, чтобы произвести глубокое впечатлѣніе, которое должно быть результатомъ совмѣстнаго обсужденія, направляемаго искусными и опытными руководителями ³. Къ тому же и сами противники іезуитовъ вполне признали и оцѣнили значеніе *Упражненій*. Не смотря на папское одобреніе, нѣсколько испанскихъ доминиканцевъ нападали на это сочиненіе даже еще въ 1553 году, утверждая, что оно слишкомъ смѣло, нескромно и мѣстами, по своему содержанію, даже совсѣмъ еретично ⁴. Однако

¹ Orlandino, l. I. cap. 23, стр. 8.

² *Institutum Soc. Jesu* (Прага, 1757) p. II, 433. Act. SS. Jul. VII, 434.

³ Genelli, 129.

⁴ Orlandino, lib. XIII, cap. 33. p. 426 s.

вмѣстѣ съ усиленіемъ могущества іезуитовъ распространялся также и авторитетъ *Упражненій* Лойолы, и несомнѣнно, что сотни тысячъ католиковъ, свѣтскихъ и духовныхъ, въ теченіи трехъ столѣтій подчинялись ихъ вліянію.

Духовныя Упражненія разсуждаютъ о совѣсти, благоговѣйномъ размышленіи, о созерцаніи и молитвѣ; онѣ должны продолжаться ~~прибли-~~зительно мѣсяцъ или четыре недѣли, изъ которыхъ первая предназначается для общей провѣрки своей совѣсти; вторая—для созерцанія царства Господа Іисуса Христа; третья—на благоговѣйныя помыслы по поводу страстей Господнихъ; четвертая—на размышленія относительно воскресенія Іисуса,—и все это перемеживается и сопровождается молитвами, правилами добраго и благочестиваго поведенія и психологическими наставленіями. Однако исполняющій всѣ эти упражненія не обязанъ строго придерживать такого распорядка и раздѣленія недѣль. Къ тому же эти упражненія должны идти только подъ руководствомъ учителя или наставника, который, однако, поступитъ дурно, если сразу объяснитъ всю систему своему ученику; напротивъ, онъ сдѣлаетъ лучше, предоставивъ ему возможно широкое поле для личной инициативы и размышленія; нужно также заботиться о томъ, чтобы ученикъ находился въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно размышленій завтрашняго дня, для того чтобы самая неизвѣст-

ность внушала ему живѣйшіе желаніе быть наконецъ посвященнымъ въ нихъ.

Учителямъ предписывается обращать строгое вниманіе на возрастъ воспитанника, на его способности, достоинства и недостатки, на его общественное положеніе и сообразно съ этимъ направлять упражненія, либо облегчая и упрощая ихъ, либо усугубляя и осложняя.

Вся эта книга представляетъ настоящій перлъ психологической наблюдательности; она написана съ рѣдкимъ по глубинѣ знаніемъ человѣческаго сердца, съ замѣчательнымъ умѣньемъ извлекать пользу изъ всѣхъ завѣтнѣйшихъ стремленій, изъ всѣхъ тончайшихъ и грубѣйшихъ возбужденій чувства. На служеніе задачамъ автора берутся какъ возвышеннѣйшія идеи, такъ и животные инстинкты человѣка, которые всѣ помогаютъ привести вѣрующихъ къ полному уничтоженію души передъ Господомъ, т. е. передъ католической церковью. «Человѣкъ созданъ для того, чтобы восхвалять Господа Бога и бояться Его, и заслужить вѣчное спасеніе, служа Ему. Мы должны быть вполне равнодушны ко всѣмъ вещамъ, которыя созданы, и на столько, чтобы для насъ было бы безразлично здоровье или болѣзнь, богатство или бѣдность, почести или презрѣніе, долгая или короткая жизнь».

Ни одно изъ средствъ, способныхъ взволновать и поработить душу ученика не упускается изъ виду: внѣшнія средства, какъ, на примѣръ, точное перечисленіе грѣховъ и частая ихъ испо-

вѣдь; возбужденія воображенія, доводящія до галлюцинацій; правильныя собесѣдованія со своей душой, совѣстью и съ Христомъ, съ Богоматерью и со святыми; обязательно испытываемая душевная боль, презрѣніе къ самому себѣ, сопровождаемое обильными слезами; горячія молитвы, приспособляемыя каждый разъ къ данному случаю; образъ распятаго Христа и изображеніе ада со всѣми его мученіями. Эти мученія расписаны по грѣхамъ и изображены съ чрезвычайной живостью, такъ сказать матеріализованы: «Прежде всего нужно въ воображеніи своемъ обзрѣть громадныя адскіе огни и души, заключенныя въ горящія тѣла, какъ въ темницы. Во вторыхъ, опять таки въ воображеніи, нужно услышать исходящія изъ нихъ жалобы, крики, проклятія, восклицанія и богохульства противъ Христа и Его святыхъ. Въ третьихъ, мы должны почувствовать обоняніемъ воображенія зловоніе клоакъ и сѣры, гніенія и нечистотъ. Въ четвертыхъ, мы должны воображеніемъ вкусить горечь слезъ и угрызений совѣсти. Наконецъ, мы должны почти ощутить огонь, пожирающій души осужденныхъ».

Говоря вообще, чувства не менѣе поработаны и возбуждены, чѣмъ мысль, сердце и воображеніе. Не забыты всѣ ужасы ночи, которые еще усиливаются внезапнымъ пробужденіемъ ровно въ полночь. Для того, чтобы омрачить воображеніе ученика, передъ нимъ раскладываются скелеты и кости; когда же, напротивъ того, желаютъ

внушитъ ему идею о молодой и веселой жизни—ему даются свѣжіе и благоухающіе цвѣты.

Даже всѣ жесты строго регламентированы, сообразно съ понятіями автора объ ихъ пригодности возбуждать извѣстныя чувствованія и производить опредѣленные эффекты. Посты и самобичеванія должны были вполнѣ подчинить плоть религиознымъ стремленіямъ. Необходимо принимать такія положенія, которыя наиболѣе способны порождать извѣстное настроеніе души; нужно прятаться отъ дневного свѣта для того, чтобы не отвлекаться отъ внутреннаго своего созерцанія, нужно вдыхать и выдыхать воздухъ съ опредѣленными промежутками, нужно тогда-то плакать, а тогда-то вздыхать, время отъ времени останавливаться и прерывать занятіе. Словомъ человѣкъ обращается, такъ сказать, въ автомата, доступнаго всѣмъ тѣмъ ощущеніямъ, которыя желательно въ немъ вызвать. Это, говоря прекрасными словами Мишле, «нравственность, превращенная въ механику», какой-то моральный гипнозъ.

Изъ сильнѣйшихъ побужденій ума и сердца Лойола сдѣлалъ почти матеріальныя впечатлѣнія. Это совершеннѣйшее идолопоклонство, но при томъ самое дѣйствительное изъ всѣхъ. Въ немъ искусно примѣнены всѣ театральные эффекты и сценическія уловки.

Подготовленный такимъ образомъ ученикъ долженъ затѣмъ въ теченіи всей второй недѣли представлять себѣ земного царя со всѣмъ окружающимъ его величіемъ, съ его требованіями, съ обя-

занностями, налагаемыми имъ на людей, съ наградами и наказаніями, которыя онъ можетъ опредѣлять, и, представивъ себѣ все это, ученикъ долженъ себѣ сказать: «Какъ же не послѣдую я за Христомъ, вѣчнымъ и всемірнымъ царемъ? Развѣ всякій здравомыслящій человѣкъ не подчинится ему? Развѣ не отдастся онъ съ радостью на служеніе такому божественному царю, принося ему въ жертву всѣ инстинкты плоти, чувствованій, самолюбія и любви къ міру?» Нужно представить себѣ въ воображеніи вселенную со всѣми ея городами и народами и, какъ центръ всего этаго, хижину Дѣвы Маріи въ Назаретѣ. Въ своихъ мысляхъ ученикъ долженъ прослѣдить шагъ за шагомъ каждый моментъ жизни Христа и Его матери, видѣть ихъ дѣянія, слышать ихъ слова, *почувствовать ихъ сладостное благоуханіе*, прикасаться и лобызать ихъ одежды и ихъ утварь и никогда не думать ни о чемъ другомъ, хотя бы даже божественномъ. Такимъ то образомъ мы достигнемъ наконецъ того, что передъ нашими глазами будетъ только два лагеря и два знамени: съ одной стороны лагерь Люцифера близъ Вавилона, въ которомъ на огненномъ тронѣ сидитъ Демонъ съ безобразнымъ лицомъ и ужаснымъ выраженіемъ его; съ другой же стороны прекрасный лагерь Христовъ, близъ Іерусалима, въ которомъ господствуетъ Спаситель; онъ занимаетъ скромное положеніе, но ликъ Его прекрасенъ и Онъ окруженъ всѣми святыми. И тогда то мы, откинувъ всякія земныя желанія, будемъ

добиваться только того, чтобы быть допущенными въ ряды этихъ святыхъ. Мы откажемся тогда отъ желанія господствовать надъ всей землей, мы безъ колебанія скорѣе пожертвуемъ самою нашей жизнью, чѣмъ рѣшимся согрѣшить противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Мы захотимъ быть бѣдными, презираемыми и гонимыми, какъ былъ бѣденъ, презираемъ и гонимъ самъ Иисусъ Христосъ.

Въ теченіи всей третьей недѣли нужно также настойчиво проникаться страстями Христовыми и думать о томъ, что разъ Онъ такъ пострадалъ за людей, то и люди должны жить и страдать для Него. Въ четвертую-же недѣлю, предназначенную для созерцанія Воскресенія Господня, нужно стараться проникнуться вѣчной небесною радостью Христа и его матери. Нужно посвятить Богу всю нашу свободу, нашу память, разумъ и волю. Нужно признать существованіе Бога во всѣхъ Его твореніяхъ¹.—Въ этомъ замѣтенъ мистицизмъ Лойолы съ его сильно выраженной пантеистической окраской: все исходитъ отъ Бога, все въ Богѣ, и все возвращается къ Богу.

Духовныя Упражненія, содержаніе которыхъ мы изложили здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ, пересыпаны разнообразнѣйшими замѣчаніями и предписаніями: правилами для раздачи милостыни, для розысканія и нахожденія своего истиннаго призванія на всю жизнь и для упорядоченія своего

¹ *Speculari Deum in singulis existentem creaturis suis*; Exerc. spir., ed. Antwerp. 1635, стр. 92.

собственнаго поведенія; правилами принятія пищи и для всякаго рода молитвъ. Лойола даетъ и подробно развиваетъ пространные совѣты, какъ отличать внушенія сатанинскія отъ внушеній божественныхъ. Его мрачный мистицизмъ цѣликомъ сказывается въ этихъ указаніяхъ, напоминающихъ пережитую имъ въ Манресѣ личную внутреннюю борьбу и смятеніе. Но какъ далеко ушелъ онъ самъ отъ того времени!—И такъ,—вся жизнь человѣческая является предметомъ предписаній и совѣтовъ Духовныхъ Упражненій.

И эта важная по своему значенію книга ничуть не скучна, какъ обыкновенно случается со всѣми нравоучительными сочиненіями; напротивъ того, она поражаетъ разнообразіемъ затрогиваемыхъ въ ней вопросовъ, а энергія и живость ея поддерживаютъ въ читателѣ неослабѣвающей интересъ. Даже самый холодный и скептическій человѣкъ, чувства и мысли котораго діаметрально противоположны тому, что высказывается авторомъ, никогда не соскучится, читая эту книгу, и легко пойметъ то громадное вліяніе, которое оказывали *Духовныя упражненія*, руководимыя и направляемыя искусными и не щепетильными отцами ордена, на тысячи благочестивыхъ и вѣрующихъ душъ. И дѣйствительно, эти упражненія всегда оставались лучшимъ средствомъ пополненія ордена фанатичными юношами, одаренными пылкимъ воображеніемъ и одушевленными энтузіазмомъ молодости; вмѣстѣ съ тѣмъ эти же упражненія открыли вѣрнѣйшій путь для пріобрѣ-

тенія среди духовенства и мірянъ сторонниковъ іезуитовъ, ими же самими подготовленныхъ, безгранично преданныхъ и на все готовыхъ ради общины, имѣвшей такія святыя цѣли и такія совершенныя орудія для ихъ достиженія. Объ этомъ ясно говорится во введеніи къ *Directorium* у Духовныхъ Упражненій: «Большинство изъ нашихъ, въ особенности въ началѣ, почерпало въ Упражненіяхъ духъ призванія, такъ что мы можемъ поистинѣ сказать, что наше общество было основано и объединено главнымъ образомъ этимъ средствомъ и что оно, позднѣе, процвѣтало и увеличивалось, благодаря ему-же». Еще раньше формальнаго учрежденія ордена, Лойола горячо рекомендовалъ, во всѣхъ своихъ письмахъ къ друзьямъ, продѣлать духовныя упражненія въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

Каково же послѣднее слово этого психологическаго подготовленія, обезличивавшаго чело-вѣка, разрушавшаго его свободу, порождавшаго въ немъ дикій и исключительный фанатизмъ и болѣзненное благочестіе, зарождавшее въ немъ нездоровый жаръ фанатизма? Это послѣднее слово было полное подчиненіе римской церкви:

«Отказавшись отъ всякаго личнаго сужденія, вашъ умъ долженъ быть всегда готовымъ къ полному и совершенному повиновенію Христовой невѣстѣ, нашей святой матери, католической, апостолической и *іерархической* церкви». Каждую недѣлю нужно исповѣдываться и принимать св. причастіе. «Нужно прежде всего восхвалять всѣ

монашескіе ордена и предпочитать безбрачіе или дѣвство браку; слѣдуетъ соблюдать монашескіе обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія; слѣдуетъ почитать реликвіи, установленный культъ и святыхъ, посѣщеніе церквей для полученія индульгенціи, паломничества, индульгенціи, юбилеи, свѣчи, которыя возжигаются въ храмахъ». Всѣ обряды и преданія церкви должны быть свято хранимы и соблюдаемы. «Если мы не находимъ въ священникахъ и другихъ церковныхъ начальникахъ желательной чистоты нравовъ, мы отнюдь не должны обвинять ихъ за это, ни въ частныхъ, ни въ публичныхъ рѣчахъ, ибо такими разговорами порождается больше вреда и позора, чѣмъ пользы, такъ какъ результатомъ ихъ будетъ злоба и презрѣніе народа противъ своихъ начальниковъ и пастырей». И такъ, ни малѣйшей критики духовенства; оно можетъ безнаказанно творить все, что ему вздумается, никто ничего не долженъ говорить, ибо прежде всего слѣдуетъ избѣгать скандала! Наконецъ, нужно относиться съ величайшимъ почтеніемъ не только къ тому святому ученію, которое носитъ названіе положительнаго ученія (ученія въ собственномъ смыслѣ), но также и къ схоластикѣ. Философія среднихъ вѣковъ должна была служить защитой не только противъ Возрожденія, но также и противъ Реформаціи. Св. Тома Аквинскій, св. Бонавентура и другіе подобныя имъ теологи приравнивались по своему достоинству самой Библии. Ниже мы увидимъ, что эта, почти богохульственная, теорія іезуитовъ вполнѣ восторжествовала на Тріентскомъ соборѣ.

Но настоящая квинтъ-эссенція взглядовъ Лойолы, проводимыхъ имъ въ *Духовныхъ Упражненіяхъ*, заключается въ тринадцатомъ правилѣ относительно подчиненія церкви: «Для того, чтобы быть вполнѣ единомысленнымъ и согласнымъ съ католической церковью, гласить это правило, необходимо: если церковь назоветъ вещь, казавшуюся намъ бѣлой—черною, мы немедленно должны признать ее черною». Извѣстно, что это было одно изъ любимѣйшихъ и наиболѣе часто повторяемыхъ Игнатіемъ правилъ ¹. Нельзя сильнѣе выразить ученіе объ уничтоженіи разсужденія. Въ послѣднемъ правилѣ, являющемся въ то-же время заключеніемъ всего сочиненія, Лойола говоритъ: «Хотя весьма похвально и полезно служить Богу изъ чистой любви, тѣмъ не менѣе нужно усердно рекомендовать также и страхъ передъ божественнымъ Величествомъ, и не только тотъ страхъ, который мы зовемъ сыновнимъ, но также и тотъ, который называется *рабскимъ*». Итакъ—слѣпо вѣрить въ іерархическую церковь и рабски бояться Бога—вотъ послѣднія предписанія и важнѣйшіе принципы Игнатія Лойолы и общины Іисуса!

Правда, Лойола вѣрилъ, что эти идеи необходимы для спасенія церкви. «Этотъ чело-вѣкъ, говоритъ одинъ горячій защитникъ іезуитовъ ², видѣлъ, что весь католической міръ пе-

¹ См. выше, стр. 74.

² Crétineau-Joly, *Histoire de la Compagnie de Jésus*, т. I. (Paris, 1844), стр. 58.

реживаетъ одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которыми рѣшаются судьбы народовъ. Послѣдніе всколыхнулись и дѣлали попытки отдѣлиться отъ общенія съ Римомъ. Св. престолъ, смущенный столькими и внезапными неудачами, могъ защищаться только оружіемъ вѣры». Вотъ почему Игнатій хотѣлъ сформировать армію, всецѣло преданную и подчиненную энергичнымъ и смѣлымъ предводителямъ, рѣшившимся бороться съ ересью всякими средствами, мірскими и духовными. Изъ созерцательной жизни онъ бралъ только то, что было совершенно необходимо для того, чтобы внушить его ученикамъ извѣстное религіозное рвеніе и полную преданность къ римской церкви. Его главной цѣлью была активная жизнь, воспитаніе юношества, преподаваніе во всѣхъ видахъ, миссіонерство къ язычникамъ, схизматикамъ и еретикамъ, наконецъ политическая борьба. Въ самой внѣшности іезуитовъ не было ничего монашескаго: они носили обычный священнической костюмъ. Они были освобождены отъ тѣхъ благочестивыхъ упражненій, которыя занимаютъ въ монастыряхъ большую часть времени; они не обязаны участвовать въ церковныхъ хорахъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Франциску Борджіа въ 1548 году св. Игнатій приказываетъ ему постепенно уменьшать количество его благочестивыхъ упражненій и удѣлять больше времени практическимъ заботамъ: «Что касается поста и воздержанія, то я думаю, что лучше будетъ, для вящей славы Господа нашего Іисуса Христа, сохранять и укрѣп-

лять желудокъ и другія естественныя способности челоѣка, чѣмъ ослаблять ихъ... И душа, и тѣло одинаково сотворены Богомъ, Создателемъ и Господомъ вашимъ, и вы должны будете дать Ему полный отчетъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, и вы отнюдь не должны во имя духа посягать на свою плоть, ибо если вы истощите послѣднюю, ваша духовная природа перестанетъ дѣйствовать съ прежней энергіей.... Переходя затѣмъ къ истязаніемъ, которымъ вы подвергаете ваше тѣло, я долженъ сказать, что я избѣгалъ-бы пролить единую каплю моей крови во имя Господа». Возможно-ли узнать въ этихъ словахъ бывшаго манрескаго отшельника? Какой замѣчательный, непостижимый на первый взглядъ контрастъ! Но дѣло въ томъ, что въ Манресѣ Лойола хотѣлъ достигъ царствія Божія и земной славы, подражая святымъ, измождавшимъ свое тѣло, а въ 1548 г. онъ стремился къ той-же цѣли въ качествѣ вождя большого и значительнаго общества, обреченнаго жить въ міру и для міра, предназначеннаго для увеличенія царствія Божія не внутренней работой, а служеніемъ римской іерархіи и ортодоксіи, не щадя ни физическихъ, ни умственныхъ своихъ силъ.

Эта мысль царить во всѣхъ постановленіяхъ ордена и была проведена Лойолой въ жизнь со всѣмъ упорствомъ, присущимъ его характеру. Черезъ годъ послѣ этого письма, двумъ испанскимъ іезуитамъ изъ Гандіи, желавшимъ предаться въ теченіе нѣкотораго времени аскетиче-

скимъ упражненіямъ, генераль ордена пригрозилъ немедленнымъ исключеніемъ, если они совершенно не откажутся отъ своей затѣи ¹. Самъ Игнатій не поколебался ѣсть говядину во время великаго поста, когда это посовѣтовалъ ему его врачъ, который былъ чрезвычайно удивленъ при видѣ такого святого человѣка столь послушнымъ въ этомъ щекотливомъ случаѣ.

По мнѣнію Лойолы, іезуитскій орденъ былъ орденомъ клириковъ, а не монаховъ, подобно театинцамъ, барнабитамъ и сомаскамъ. Но они разнились съ своихъ конечныхъ цѣляхъ: іезуитскій орденъ имѣлъ въ виду *борьбу*.

Какъ бывшій военный, Лойола отлично зналъ, что для войны требуется прежде всего строжайшая дисциплина, какъ для солдатъ такъ и для офицеровъ. Поэтому, для достиженія полнаго подчиненія индивидуума предписаніямъ церкви вообще и ордена въ частности, онъ поставилъ необходимѣйшимъ условіемъ слѣпое и безграничное повиновеніе. Это повиновеніе является главнымъ основаніемъ іезуитскаго ордена; хотя слѣдуетъ сказать, что оно не представляетъ изъ себя элемента исключительно свойственнаго только одному этому обществу. Начиная съ временъ св. Бенедикта Нурсійскаго ², мы встрѣчаемъ повиновеніе въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей монаховъ всѣхъ орденовъ. Древними основателями монастырскихъ обществъ употреблялись по этому по

¹ Genelli (франц. перев.), т. II, стр. 308 и слѣд.

² Huber, *Der Jesuiten-Orden* (Berlin, 1873), стр. 49.

воду самыя энергичныя, даже самыя гиперболическія, выраженія. Св. Василій великій, родоначальникъ всѣхъ монаховъ, приказывалъ имъ быть такимъ же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ начальниковъ, какъ топоръ въ рукахъ дровосѣка. Св. Бенедиктъ требуетъ непрекословнаго повиновенія даже въ вещахъ невозможныхъ. Картезіанцы обязаны отрекаться отъ всякой личной воли, подобно овцамъ, ведомымъ на закланіе. Кармелиты считаютъ смертельнымъ грѣхомъ сопротивленіе приказанію старшаго. Св. Францискъ Асизскій особенно настаивалъ на томъ, что духовный человѣкъ долженъ считать себя *трупомъ*, получающимъ душу и волю только отъ Духа Божія и принимающимъ съ полной покорностью божественное руководство; а другой францисканецъ, св. Бонавентура, повторяетъ, что вполне покорный человѣкъ подобенъ мертвому тѣлу, которое трогаютъ и передвигаютъ безъ малѣйшаго съ его стороны сопротивленія. Очевидно Лойола заимствовалъ именно отъ францисканцевъ уподобленіе человѣка трупу и другія тому подобныя сравненія, ясно указывающія на совершенное устраненіе личной воли, противопоставляемой повелѣніямъ Бога и старшихъ. Но никто, кромѣ него, такъ не настаивалъ на этомъ слѣдствіи слѣпаго, совершеннаго повиновенія, безъ условій и предѣловъ, какъ на чемъ-то такомъ, что должно было послужить основою цѣлой общины.

Всѣ его мысли по этому поводу выражены

со свойственной ему энергіею и ясностью въ посланіи о послушаніи, обращенномъ къ португальскимъ іезуитамъ 26 марта 1553 г. «Мы охотно, говоритъ онъ, предоставляемъ другимъ монашескимъ орденамъ превосходить насъ въ постахъ, бдѣніяхъ и другихъ лишеніяхъ въ образѣ жизни,—лишеніяхъ, которымъ они свято подвергаются, каждый согласно своему собственному уставу и обычаю. Что же касается до истиннаго и совершеннаго повиновенія и до отреченія отъ всякой воли и сужденія, я хотѣлъ бы, возлюбленные мои братья, чтобы въ нихъ особенно отличались тѣ, кто служитъ Богу въ нашей общинѣ; я хотѣлъ бы, чтобы это стало отличительнымъ качествомъ настоящихъ и хорошихъ членовъ нашего ордена, которые никогда не должны принимать въ расчетъ личность, какъ таковую, которой они повинуются, но почитать въ ней Господа Іисуса, во имя котораго они повинуются. Ибо, если бы даже начальникъ и не былъ украшенъ или одаренъ мудростью, добротой и другими божественными дарами, все же слѣдуетъ ему повиноваться по той единственной причинѣ, что онъ намѣстникъ Бога и представитель божественной власти.—Вотъ почему я и желаю, чтобы вы старались пріучиться видѣть во всякомъ начальникѣ самого Господа нашего Іисуса Христа и поэтому относились бы къ нему съ той религіозной преданностью, почитаніемъ и покорностью, какія подобаютъ Божественному

Величеству ¹». Это повиновение не должно быть только внѣшнимъ и матеріальнымъ, безъ убѣжденія: «такого рода люди, говоритъ Лойола по другому случаю, равняются самымъ ничтожнымъ рабамъ и животнымъ ²». «Нѣтъ, продолжаетъ онъ, мы должны подняться на высшую ступень, состоящую въ признаніи воли начальника за нашу собственную; мы должны до того отождествиться съ ней, что не только исполненіе ея скажется въ результатѣ, но и въ полномъ согласіи и сочувствіи съ нею, такъ что мы будемъ хотѣть и отвергать все то, что хочетъ или отвергаетъ нашъ начальникъ.... Нужно отрѣшиться отъ нашей собственной воли для того, чтобы проникнуться божественной волей, выражаемой начальникомъ ³». Но это еще не самая высшая ступень добродѣтели повиновенія, по мысли Лойолы. Оно должно идти дальше: «Кто хочетъ вполнѣ посвятить себя Богу, тотъ долженъ отдать Ему, кромѣ своей воли, свой разумъ; въ этомъ заключается третья и самая возвышенная степень повиновенія; нужно не только хотѣть такъ, какъ хочетъ начальникъ, нужно чувствовать такъ же, какъ онъ; нужно подчинять ему свое сужденіе настолько, чтобы благочестивая воля могла бы покорить разумъ».

Лойола никогда не ограничивался одной только голой теоріей. Напротивъ того, онъ и его дѣло именно тѣмъ и отличаются отъ всѣхъ про-

¹ *Institut. Societ. Jesu*, т. II, стр. 161 и слѣд.

² *Maffei, Ignatii vita*, lib. III, cap. 7.

³ *Epist. Ign. De virtute Obed.*, стр. 162.

чихъ религіозныхъ энтузіастовъ и ихъ дѣйствій, что всѣ его идеи имѣли практическое значеніе. Въ томъ письмѣ, которое мы только что привели, онъ самъ объясняетъ, почему необходимо это полное пожертвованіе разума—волѣ старшихъ. «Если нѣтъ этой *подчиненности сужденія*, то никогда не будетъ надлежащаго согласія между волей и исполненіемъ. Ибо постоянный опытъ доказалъ, что способности нашего ума, называемыя желающими (*appétitives*), слѣдуютъ за мыслительными, и если сужденіе отвергаетъ что либо, то воля не можетъ долго подчиняться этому, если надъ нею не будетъ совершенно насиліе. Слѣдовательно, для того, чтобы обезпечить за приказаніями начальствующихъ точное и успѣшное исполненіе ихъ, необходимо отказаться отъ всякаго собственнаго сужденія».

Лойола очень любитъ возвращаться къ этому предмету. Въ томъ немногомъ, что сохранилось отъ его переписки и дошло до насъ, находится пять писемъ, въ которыхъ онъ очень подробно говоритъ объ этомъ.

И дѣйствительно: эта слѣпая, униженная и абсолютная покорность является осью, вокругъ которой вращается вся организація ордена. Законоположенія, касающіяся ея, встрѣчаются на каждомъ шагу. Уже учредительныя буллы папъ Павла III и Юлія III предписывали іезуитамъ повиноваться своимъ начальникамъ такъ, какъ будто они видятъ въ нихъ присутствіе самого Христа. Повиновеніе, гласятъ Постановленія

(IV, 6, 2), имѣетъ большую заслугу въ глазахъ Господа; единеніе всѣхъ членовъ общины достигается главнымъ образомъ повиновеніемъ (VIII, 1, 3; X. 9). Вотъ почему изъ всѣхъ обѣтовъ самый святой—обѣтъ повиновенія (VI, 1, 1). По первому призыву начальника слѣдуетъ являться къ нему, прервавъ свои занятія на полусловѣ. «Послушаніе, говорится тамъ еще разъ (ч. VI, глава 1-я, § 1), должно соблюдаться не только въ вещахъ обязательныхъ, но также и во всѣхъ остальныхъ, едва только мы замѣтимъ хотя бы лишь признакъ воли старшихъ, не дожидаясь спеціальнаго предписанія отъ нихъ». Постановленія очень настаиваютъ на этомъ пунктѣ, а также на томъ, что служа своимъ начальникамъ, въ сущности служатъ Богу, и что самъ Господь руководитъ нами чрезъ ихъ посредство. Но самое характерное мѣсто въ нихъ слѣдующее: «Пусть всѣ будутъ убѣждены, что живущіе въ повиновеніи вынуждены предаться и управляться божественнымъ провидѣніемъ при посредствѣ начальниковъ такъ, какъ будто они сами суть лишь трупы (*perinde acsi cadaver essent*), которые можно носить всюду, куда угодно, и обращаться съ ними, какъ угодно; или пусть они будутъ подобны посоху старца, служащему тому, кто держитъ его въ своихъ рукахъ и употребляетъ ее тамъ и такъ, какъ ему это заблагоразсудится». Необходимо оказывать повиновеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его можно оказывать *по милосердію*. Это выраженіе, довольно неясное и

неопредѣленное, объяснено въ *Декларацияхъ*, составленныхъ отцами Сальмерономъ и Лайнецомъ и окончательно утвержденныхъ первой общей конгрегаціей ордена въ 1558 г.¹: «Подъ этимъ разумѣется все то, въ чемъ нѣтъ очевиднаго грѣха». Въ другомъ мѣстѣ своихъ собственныхъ Постановленій (III, 1, 23) Лойола самъ говоритъ, что нужно повиноваться во всемъ «въ чемъ нѣтъ очевиднаго грѣха». Но нужно замѣтить, что самое это ограниченіе повиновенія не составляетъ сущности ученія, ибо пятая глава седьмой части Постановленій предписываетъ совершенно ясно повиновеніе папѣ *безъ всякихъ оговорокъ, даже ради грѣха, и приказываетъ совершить грѣхъ, смертный или простой, если начальникъ того требуетъ во имя Господа Іисуса Христа или въ силу обѣта повиновенія*; этотъ грѣхъ можетъ быть совершенъ ради вещей или ради людей, для которыхъ его сочтутъ полезнымъ, какъ для блага какого нибудь частнаго лица, такъ и для всеобщаго благополучія».—Итакъ, наихудшія обвиненія противниковъ ордена Іисуса вполне оправдываются самыми постановленіями Лойолы. Подъ простодушнымъ, почти наивнымъ, предлогомъ какого нибудь блага, начальникъ можетъ приказать іезуиту совершить ужаснѣйшее преступленіе и подчиненный обязанъ совершить его «во имя повиновенія». Это возмутительное правило

¹ «Tit. II, §§ 17, 19, 21 и слѣд.

мотивировано слѣдующими лицемѣрными словами: «для того, что-бы заслужить большую славу и благоволеніе предъ лицомъ Христа, Творца и нашего Господина ¹».

Основа военныхъ успѣховъ — дисциплина и моментальное, безграничное повиновеніе подчиненнаго своему непосредственному начальнику. Небольшая армія, но хорошо организованная и дисциплинированная, почти нсегда заранѣе увѣрена въ томъ, что побѣдитъ беспорядочную толпу, хотя бы въ десять разъ болѣе многочисленную. А между тѣмъ, что значитъ военная дисциплина, даже найстрожайшая, сравнительно съ

¹ Вотъ текстъ всей этой главы, слишкомъ замѣчательной, чтобы не привести ее цѣликомъ; тѣмъ болѣе, что она столько же коротка, какъ и многозначительна: «Cum exoptet Societas universas suas Constitutiones, Declarationes ac vivendi ordinem omnino juxta nostrum Institutum, nihil ulla in re declinando, observari; optet etiam nihilominus suos omnes securos esse vel certe adjuvari, ne in laqueum ullius peccati, quod ex vi Constitutionum hujusmodi aut ordinationum proveniat, incidant: visum est nobis in Domino, excepto expresso voto quo Societas summo Pontifici pro tempore existenti tenetur, ac tribus aliis essentialibus paupertatis, castitatis et obedientiae, nullas Constitutiones, Declarationes vel ordinem ullum vivendi posse obligationem ad peccatum mortale vel veniale inducere; nisi superior ea in nomine Domini nostri Jesu Christi vel in virtute Obedientiae juberet: quod in rebus vel personis illis, in quibus judicabitur, quod in particulare uniuscujusque vel ad universale bonum multum conveniet, fieri poterit: et loco timoris offensae succedat amor et desiderium omnis perfectionis; et ut major gloria et laus Christi Creatoris ac Domini nostri consequatur».

обязанностями, предписанными членамъ общины Іисуса! Исполняя приказанія своего начальства, солдатъ можетъ находить ихъ нехорошими, даже осуждать ихъ въ глубинѣ своей души; все, что отъ него требуется, ограничивается однимъ только матеріальнымъ повиновеніемъ. Бываютъ даже такія обстоятельства, при которыхъ неповиновеніе начальникамъ не только дозволено солдату, но даже предписано ему. Напротивъ того, іезуитъ обязанъ совершенно уничтожить свою личность, свободу не только своей воли, но также и своей мысли, онъ обязанъ, если можно такъ выразиться, совершенно исчезать передъ приказаніемъ начальника, быть въ его рукахъ лишь послушнымъ орудіемъ, безъ всякой собственной сущности. Подобная организація очень хороша для только что нарождающагося ордена, управляемаго восторженными, вдохновенными, богатоодаренными руководителями. Она обезпечила за общиной Іисуса замѣчательные и быстрые успѣхи. Она подобна весьма острому и удобному оружію, какъ скоро оно попадаетъ въ руки искусныхъ борцовъ. Но, съ другой стороны, для того, чтобы выполнить дѣйствительно великія и длительныя предпріятія, необходимы личная инициатива, независимость мысли, индивидуальность и сила разсудка. То же общество, въ которомъ систематически убивается всякая оригинальность, которое всячески стремится отучить своихъ членовъ отъ самостоятельной мысли и дѣлаетъ изъ нихъ только мелкія части большой машины,—никогда

не будетъ въ состояніи долго продержаться на исключительной высотѣ и необходимо кончаетъ тѣмъ, что вырождается. Въ наилучшее свое время, въ эпоху наибольшаго подъема, общество Іисуса насчитывало много замѣчательныхъ людей, но ни одного который-бы былъ дѣйствительно великъ, потому что никакой высокій умъ не могъ бы долго выдержать такого состоянія рабства, такого полного униженія разума и сердца. Уже давно эта знаменитая община клонится къ совершенному упадку и ея имя страшнѣе ея дѣйствительнаго значенія, ибо на ея счетъ обыкновенно относятъ всѣ неизбѣжныя роковыя слѣдствія той великой борьбы, которую ведетъ католическая церковь, вотъ уже три съ половиной столѣтія, съ духомъ новаго времени. А между тѣмъ вѣдь не только орденъ Іисуса, а вся страшная и несравненная организація Римской церкви противустоитъ съ такой силой нападеніямъ новаго міра, она замѣчательно приспособляется къ потребностямъ каждой эпохи и съ необыкновенной мудростью и энергіей пользуется оружіемъ своихъ же противниковъ. Что же касается іезуитовъ, то они остались вѣрны традиціямъ Лойолы и Лайнеца, но эти традиціи дѣлаютъ ихъ нынѣ все болѣе и болѣе безсильными. Гдѣ всѣ тѣ ученые, политики, мученики, вышедшіе нѣкогда изъ нѣдръ этой общины?—Ихъ больше нѣтъ. Все это исчезло изъ устарѣвшаго и изуродованнаго учрежденія, и исчезло благодаря заложенымъ въ него принципамъ.

Что касается остальныхъ обѣтовъ, то о цѣломудріи въ постановленіяхъ говорится всего лишь нѣскольکو словъ (VI, I, I). Довольствуются восклицаніемъ, что оно должно быть подобно чистотѣ ангеловъ, не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Очевидно, что это гиперболическое выраженіе не можетъ быть осуществлено въ жизни, уже по одной физической организаціи человѣка, и поэтому орденъ въ дѣйствительности придавалъ не слишкомъ большое значеніе этому обѣту. О бѣдности говорится больше и подробнѣе (VI, 2). Лойола объявляетъ ее твердымъ оплотомъ религіи; говоритъ, что поэтому ее слѣдуетъ любить и сохранить въ ея первоначальной неприкосновенности. Професы и тѣ изъ низшихъ чиновъ ордена, которые живутъ въ домахъ для професовъ и при ихъ церквахъ, не должны имѣть никакихъ доходовъ и существовать только милостыней. Они не имѣютъ права принимать никакихъ даровъ. Всѣ члены общины обязаны даромъ нести всѣ духовныя обязанности. Ни професы, ни коадьюторы, ни ихъ дома не имѣютъ права ничего наследовать; эти священники не могутъ даже получать субсидій для совершенія тѣхъ путешествій, которыя они должны предпринимать.

Эти постановленія кажутся чрезвычайно строгими, въ особенности въ отношеніи професовъ и коадьюторовъ, т. е. настоящихъ членовъ общины; но разныя добавленія, имѣющія якобы цѣлью объясненіе всѣхъ этихъ предписаній, до

такой степени смягчаютъ ихъ, что отъ ихъ первоначальной суровости остается лишь очень немного. Такъ на примѣръ: дома и церкви професовъ не могутъ получать доходовъ;—прекрасно, но если ктонибудь имъ ихъ подарить, то они могутъ принять такой подарокъ лишь съ условіемъ, что община не будетъ сама ими управлять. Какая тонкая уловка! Далѣе: професы могутъ жить только въ специально устроенныхъ для нихъ домахъ, гдѣ они содержатся исключительно на милостыню; очень хорошо,—но если имъ дадутъ какое бы то ни было порученіе, то ихъ можно тогда помѣщать въ обыкновенныхъ училищахъ, имѣющихъ обезпеченные капиталы и доходы. *Res minima ducuntur pro nihilo*,—маловажное, считается какъ бы не существующимъ,—поэтому училища могутъ помогать домамъ професовъ всякого рода мелкими пособіями. Всѣ училища, дома для послушниковъ, воспитательныя учрежденія и пр., принадлежавшія іезуитамъ, а также и всѣ тѣ многочисленныя лица, которыя не были професами или правильными коадьюторами, освобождались отъ обѣта бѣдности. Напротивъ, училища могутъ свободно принимать всякіе дары и всякія завѣщанія, составленныя какъ въ пользу ихъ, такъ и въ пользу находящихся въ нихъ (Instit. I, 277). Такимъ образомъ орденъ Іисуса, не смотря на свой обѣтъ бѣдности, могъ свободно обогащаться. Эта тенденція разрушать посредствомъ исключеній повидимому самыя суровыя правила, какъ только дѣло касается собственнаго интереса, со-

ставляетъ спеціальную черту іезуитовъ, характерную для ихъ морали и встрѣчающуюся на каждомъ шагу. Папскія буллы предписали общинѣ немедленно продавать все то недвижимое имущество, которое она получаетъ въ даръ, при томъ если оно ей не нужно для собственнаго размѣщенія, ибо община никогда не должна быть земельной собственницей. Совершенно вѣрно, заявляютъ опять объясненія, но не слѣдуетъ слишкомъ торопиться распродавать ихъ, дабы не пропустить наиболѣе выгодныхъ случаевъ. Кромѣ того, община всегда можетъ принимать дары въ видѣ денегъ, книгъ, одежды или пищевыхъ продуктовъ.—Правила предписываютъ іезуитамъ совершать всѣ церковныя требы совершенно безвозмездно. Превосходно, замѣчаютъ объясненія, но если ктонибудь по личному желанію хочетъ насъ вознаградить своей милостыней за тѣ духовныя услуги, которыя мы ему оказали, мы не можемъ отказаться отъ его благодарности.—Постановленія совершенно опредѣленно запрещаютъ всякому члену общины ѣздить верхомъ на лошади, мулѣ или ослѣ; объясненія же, наоборотъ, разрѣшаютъ это, если только это требуется состояніемъ здоровья или соображеніями службы ордену. И такъ во всемъ! Всегда такія общія и неопредѣленныя исключенія, что въ концѣ концовъ онѣ сводятъ на нѣтъ самыя точныя и суровыя по внѣшности предписанія.

Наконецъ, среди самихъ-же постановленій есть одинъ параграфъ, совершенно разрушающій обѣтъ

бѣдности, предписывавшійся членамъ — профессамъ и коадьюторамъ. Этотъ параграфъ (IX, 3, 6, 7) разрѣшаетъ вообще принимать дары, сдѣланные не одному какому нибудь училищу, а всему ордену; разрѣшаетъ управлять ими и ихъ доходами или, по усмотрѣнiю ордена, передавать отцамъ-провинціаламъ, ректорамъ и проч. право свободно располагать ими такъ, какъ имъ это покажется лучше и полезнѣе. Очевидно, что съ такой системой изъ бѣдности дѣлали пустой звукъ «всякій разъ, когда считали это полезнымъ для вящей славы Господа», *prout ad majorem DEI gloriam senserit expedire*.

Вступающихъ въ орденъ не заставляли отказываться отъ личнаго имущества и на это была основательная причина: рассчитывали, что позднѣе, ставъ членомъ общины, всякій неизбежно придетъ къ тому, что принесетъ ей въ даръ свои владѣнiя. И въ этомъ случаѣ, наступавшемъ почти закономѣрно, дарившій былъ принужденъ предоставить свое имущество не на опредѣленную цѣль или на извѣстное училище, а въ полное и свободное распоряженiе всего ордена, т. е. его генерала. Обѣтъ бѣдности, даваемый спустя нѣкоторое время схоластикомъ, ученикомъ иезуитовъ, нисколько не препятствовалъ ему сохранить свои имѣнiя, если его начальникъ не приказывалъ ему противнаго (Instit. I, 384 E). Такимъ образомъ схоластику, который, какъ послушникъ, еще не подарилъ своихъ имѣнiй общинѣ, предоставлялось нужное время для того, чтобы

одуматься и уступить наконецъ свое имущество добрѣйшимъ отцамъ начальникамъ, отъ которыхъ зависѣла вся его будущность въ орденѣ, которому онъ отнынѣ принадлежалъ душою и тѣломъ. А для того, чтобы быть вполне обезпечить себя, чтобъ послушники и схоластики не забыли о своей общинѣ, имъ настойчиво внушалось не обращать никакого вниманія при раздѣлѣ своихъ имуществъ на узы кровнаго родства и всегда предпочитать своимъ кровнымъ роднымъ «бѣдныхъ во Христѣ ¹». Наконецъ при распредѣленіи своего состоянія, которое всегда можетъ быть предписано послушнику или схоластику его начальникомъ, онъ долженъ руководствоваться исключительно совѣтами одного, двухъ или трехъ сотоварищей, избранныхъ имъ самимъ, но съ согласія начальника, — что является почти совершенно безошибочнымъ шансомъ для ордена, чтобы завладѣть всѣмъ имуществомъ своихъ учениковъ (Instit. т. I, стр. 346).

То, что разъ подарено ордену, того онъ, ни подъ какимъ видомъ, не возвращаетъ назадъ. Если подарившій ему часть или же все свое состояніе, впоследствии исключается изъ ордена, то онъ уже не возстановляется во владѣніи своею прежнею собственностью². Орденъ не пропускалъ ни единого случая, чтобы обогатиться на счетъ своихъ-же членовъ; даже профессы, принесшіе самые торжественные обѣты передъ Богомъ и пе-

¹ *Examen generale*, гл. 4 § 2, *Instit.*, т. I, стр. 346.

² *Examen generale, ubi supra.*

редь людьми, слѣдуя постановленіямъ *Декларации* (стр. 384 Е.), могли получить отъ своего начальника разрѣшеніе сохранить за собой права собственности не только на свои настоящія владѣнія, но даже и на будущія:—это дѣлалось, очевидно, съ цѣлью увеличить для ордена шансы пріобрѣтенія ихъ.

Итакъ, для ордена Іисуса, вообще говоря, бѣдность была пустымъ звукомъ, предназначавшимся для обмана непосвященныхъ и для того, чтобы удобнѣе скрывать тѣ богатые пріобрѣтенія, которыя община дѣлала съ самаго своего начала и притомъ въ крупномъ масштабѣ. Что-же касается различныхъ членовъ ордена, то степень ихъ бѣдности цѣликомъ зависѣла отъ воли начальниковъ. Устанавливалось такъ много исключеній изъ правилъ о бѣдности; въ руки генерала и провинціаловъ были даны такія матеріальныя средства; имъ была предоставлена такая неограниченная воля въ способахъ ихъ употребленія,—что мы вполне можемъ сказать, что всякій іезуитъ былъ богатъ или бѣденъ, жилъ худо или хорошо, располагалъ большими деньгами или же не имѣлъ ихъ вовсе, смотря по тому, что казалось хорошимъ и полезнымъ его начальникамъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ бѣдность являлась лишь новой формой послушанія, которымъ саязывался всякій іезуитъ по отношенію къ своимъ начальникамъ. Даже образъ его жизни долженъ былъ согласоваться съ тѣмъ употребленіемъ, какое хотѣли сдѣлать изъ его личности

и изъ его способностей. По понятіямъ Лойолы обѣтъ бѣдности означалъ только полное освобожденіе отъ всѣхъ внѣшнихъ благъ, равнодушіе къ богатству. Этотъ принципъ, напоминающій принципы стоиковъ, долженъ былъ привести іезуитовъ,—какъ то было нѣкогда и съ этой философской сектой,—къ тому, чтобы вполне спокойно принимать благополучіе и богатства, если судьба или воля начальниковъ имъ ихъ даруетъ. Но разъ богатство есть вещь безразличная, а іезуитъ долженъ непрекословно подчиняться всякому формальному приказанію своего начальника, даже если онъ приказываетъ преступленіе, то очевидно, что въ случаѣ, если того требуютъ цѣли ордена, іезуитъ можетъ распоряжаться крупными денежными суммами, можетъ жить со всѣми удобствами и роскошно одѣваться. Лайнець, гораздо менѣе искренній и болѣе фанатическій политикъ, чѣмъ Игнатій, особенно настаиваетъ въ своихъ Декларацияхъ на этомъ послѣднемъ пунктѣ. «Не слѣдуетъ избѣгать, пишетъ онъ (стр. 411 М), одѣваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ или при надобности въ болѣе изысканная одежды, лишь бы онѣ были приличны и лишь бы лицо, ихъ надѣвающее, не носило ихъ постоянно. Въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ руководствоваться соображеніями частнаго блага отдѣльныхъ лицъ и общаго блага большинства». И онъ заключаетъ своей обычной фразой, той, которую онъ употребляетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему желательно пожертвовать духовной цѣлью ордена

его земнымъ интересамъ,—«нужно дѣйствовать насколько возможно къ вящей славѣ Господа».

Основатели общества Іисуса и въ особенности Лайнецъ непременно хотѣли помѣшать іезуитамъ усвоить въ отношеніи манеры держать себя и во всемъ ихъ внѣшнемъ обликѣ ту циничную и отталкивающую неряшливость, которая была присуща нищенствующимъ орденамъ. «Подобно тому, какъ слишкомъ большая забота о своемъ тѣлѣ заслуживаетъ порицанія, говорятъ Постановленія (III, 2, 1.),—умѣренныя старанія сохранить на служеніе Богу здоровье и тѣлесныя силы — похвальны и должны дѣлаться всѣми. Поэтому, если вы замѣтите, что вамъ что нибудь вредно или что вы въ чемъ нибудь нуждаетесь въ смыслѣ-ли пищи, одежды, помѣщенія и т. п.—обратитесь къ вашему начальнику». Съ самаго своего начала орденъ іезуитовъ хотѣлъ добиться большого вліянія во всемъ мірѣ; онъ въ особенности хотѣлъ завоевать высшіе классы общества:—знать, богатыхъ, высшихъ должностныхъ лицъ и ученыхъ. Безобразная и отталкивающая внѣшность, такая, какъ у капуциновъ, францисканцевъ и другихъ нищенствующихъ монаховъ, помѣшала бы имъ осуществить этотъ смѣлый и вдобавокъ столь искусно проводимый замыселъ. Такимъ образомъ очевидно, что бѣдность означала у іезуитовъ только матеріальную зависимость каждаго отдѣльнаго индивидуума отъ всего ордена, означала также для большинства простоту жизни, но весьма часто также и настоящее богатство и всевозмож-

ныя наслажденія для тѣхъ, кому община хотѣла придать вліяніе на великихъ и сильныхъ міра сего и кто долженъ былъ появляться при дворахъ князей и въ богатыхъ торговыхъ городахъ. Лойола строго запретилъ что бы то ни было измѣнять въ его собственныхъ постановленіяхъ относительно бѣдности какими бы то ни было позднѣйшими объясненіями и нововведеніями, въ этомъ должны были клясться всѣ професы ¹; между тѣмъ, мы уже видѣли, какъ смѣло и ловко Лайнецъ поднялся надъ этими ограниченіями для того, чтобы облегчить своей общинѣ достиженіе ея честолюбивыхъ цѣлей.

Къ тому же ни постановленія, ни объясненія, ни даже позднѣйшія правила не являются для іезуитовъ послѣднимъ словомъ. Рядомъ съ напечатанными уставомъ и письмами и окружными посланіями генераловъ, существуютъ еще тайныя инструкціи, данныя старѣйшинамъ ордена послѣдовательно смѣнявшимися генералами. Іезуиты всегда отрицали этотъ фактъ, но онъ достаточно установленъ двумя рукописными экземплярами этихъ инструкцій, имѣющимся въ бібліотекѣ Мюнхенской Академіи ².

¹ *Constit.* VI, 21; *Instit.* т. I, стр. 403.

² Friedrich, *Beitraege zur Geschichte des Jesuiten—Ordens*; *Abhandl. d. Bair. Akad. d. Wissenschaft*, т. XVI (1881), стр. 97. Однако Фридрихъ отказывается признать какой бы то ни было официальной характеръ за знаменитыми *Monita secreta*, которыя такъ часто издавались противниками іезуитовъ, начиная съ 1612 г.

Тотъ же самый пріемъ,—строгія повидимому правила и неясно выраженные исключенія, ставящія все въ зависимость отъ доброй воли начальства,—встрѣчается и при пріемѣ послушниковъ. Напримѣръ, постановленія совершенно исключаютъ изъ общины еретиковъ, раскольниковъ, убійць и всѣхъ тѣхъ, кто совершилъ какое нибудь преступленіе, а также монаховъ другихъ орденовъ, женатыхъ, сервовъ и страдающихъ болѣзнями мозга. Препятствіями второго порядка, правда менѣе рѣшительными, служили: слишкомъ пылкія страсти, неискреннія чувства, преувеличенная религіозность, физическіе недостатки, въ особенности если они вредили внѣшности, слишкомъ нѣжный или слишкомъ преклонный возрастъ и долги. Но Декларациі гораздо снисходительнѣе¹. Онѣ говорятъ, что еретикъ исключенъ только до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ своихъ заблужденіяхъ. Преступникъ отвергается только въ той мѣстности, гдѣ онъ совершилъ свое преступленіе, а въ другой онъ вполне можетъ быть принятъ! Къ тому же вопросъ о томъ, есть-ли данный поступокъ преступленіе или нѣтъ, должно ли данный фактъ разсматривать какъ убійство или нѣтъ,—это вполне предоставляется суду генерала! Женатый человѣкъ тоже можетъ вступить въ общину, если только смерть или согласіе супруги освободило его отъ брачныхъ узъ. И наконецъ всѣ вообще препятствія, будетъ ли

¹ *Exam. gener.*, cap. 2. *Declar.*; *Inst.* I, т. I. стр. 343
Constit. Declarat.; *ibid.* I, 362.

то ересь или постыднѣйшее преступленіе, могутъ быть устранены: «если, говорится въ Деклараціяхъ, одно изъ этихъ препятствій встрѣчается на пути человѣка, украшеннаго Богомъ такими качествами, что будетъ очевидно, что черезъ него орденъ могъ бы значительно подвинуться въ служеніи Богу и господину нашему папѣ, тогда генераль можетъ согласиться на то, чтобы такой человѣкъ обратился либо къ святѣйшему отцу, либо къ его нунцію или къ старшему пенитансьеру и получить отъ нихъ разрѣшеніе вступить въ Общину, несмотря на существующіе уставы». Что же касается до препятствій второго порядка, то самъ начальникъ можетъ ихъ устранить, если усмотритъ въ кандидатѣ тѣ спеціальныя добродѣтели, которыя уравниваютъ его недостатки. — Предѣльнымъ возрастомъ для поступленія въ орденъ былъ опредѣленъ минимумъ четырнадцать лѣтъ; но и здѣсь Деклараціи даруютъ генералу право на изъятія, такъ что въ сущности вовсе не было запрещено заманивать знатныхъ и богатыхъ дѣтей въ общину Іисуса. Такимъ образомъ всюду, гдѣ дѣло касается земныхъ интересовъ ордена, мы видимъ, что Лайнецъ довольно непочтительно измѣнялъ первоначальныя установленія.

Прежде чѣмъ быть принятымъ въ качествѣ послушника, молодой человѣкъ подвергается испытанію, имѣющему цѣлью уяснить начальнику его характеръ и истинныя наклонности. Выдержавъ это испытаніе, послушникъ обязанъ пройти двухъ-лѣтній курсъ подъ руководствомъ учителя въ

домъ, или, по крайней мѣрѣ, въ той части дома, которая специально предназначена для послушниковъ. Они раздѣляются на три категоріи: во-первыхъ тѣ, которые желаютъ стать духовными членами ордена; во-вторыхъ, желающіе быть свѣтскими членами его и, наконецъ, въ третьихъ, безразличные, полагающіеся на волю начальниковъ, которые имѣютъ право причислить ихъ къ тѣмъ или другимъ, такъ какъ вообще они могутъ измѣнять по собственному усмотрѣнію назначеніе всякаго послушника.

Послушники ¹ строго обособлены отъ всѣхъ лицъ, могущихъ имъ напоминать о мірѣ; они могутъ жить и гулять только съ тѣми товарищами, на которыхъ имъ укажетъ ихъ начальникъ. Даже со своими родственниками они могутъ разговаривать лишь изрѣдка и то подъ наблюдениемъ начальника, который прочитываетъ также всѣ получаемыя ими письма. О своихъ родителяхъ они должны говорить такъ, какъ будто они уже умерли. Имъ вообще совѣтуютъ прервать всякое, даже письменное, сообщеніе со своей семьей, «ибо она только нарушаетъ внутренній миръ тѣхъ, кто занятъ духовными предметами ²». Такимъ образомъ іезуиты хотѣли вполне завладѣть добычей, которую они уже разъ захватили, и отрѣшить поступающаго къ нимъ отъ всякихъ другихъ соображеній, кромѣ соображеній выгоды и желаній общины.

¹ *Constit.* III. 1.; т. I, стр. 370 и слѣд.

² *Exam. gener.* 4, 6 и *Declar.*, *ibid.* C.

Всякое дѣйствіе послушниковъ строго определено; они обязаны сообщать своему начальнику о всѣхъ внутреннихъ движеніяхъ своего ума и сердца и подчиняться всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, которыя онъ наложитъ на нихъ. Послушники должны исполнять самыя унизительныя и самыя отвратительныя службы по дому безъ малѣйшаго ропота и съ полнымъ самоотреченіемъ. За все время ихъ послушничества (новиціата) ихъ обученіе клонится гораздо больше къ этому самоотреченію, къ христіанскимъ добродѣтелямъ, къ благочестію, чѣмъ къ наукамъ, которыя, напротивъ того, обыкновенно даже не преподаются въ домахъ новиціатовъ. Самый важный моментъ ихъ обученія, длящійся мѣсяць или больше, это — ихъ посвященіе въ Духовныя Упражненія Лойолы¹. Они имѣютъ право говорить между собой только о самыхъ необходимыхъ вещахъ. Начальникъ долженъ даже выдумывать подходящіе случаи для упражненія ихъ въ добродѣтеляхъ повиновенія и бѣдности и подвергать ихъ искушеніямъ для провѣрки ихъ успѣховъ въ этомъ направленіи. Имъ ставится въ залугу, если до окончанія обязательныхъ двухъ лѣтъ они уже приносятъ обѣтъ вступить въ орденъ; правда этотъ обѣтъ еще не формаленъ и заключаетъ въ себѣ лишь чисто личное обѣщаніе, но все-же этому акту придають большое значеніе составленіемъ протокола въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ вручается послушнику, а другой хранится

¹ *Exam. gener.* 4, 30.

у начальника ¹. Новиціаты пользуются извѣстною долею тѣхъ привилегій, которыя дарованы ордену, но они не могутъ еще называться его членами; они могутъ быть всегда отосланы или исключены изъ общины, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые еще не дали обѣта.

Новиціатовъ знакомятъ съ папскими буллами, коими былъ учрежденъ орденъ, и съ правилами, выработанными имъ самимъ для себя-же. Однако имъ не даютъ Постановленій въ ихъ полномъ объемѣ, а только въ видѣ довольно краткаго извлеченія изъ нихъ ². Это извлеченіе въ дѣйствительности ³ не даетъ ни малѣйшаго понятія объ истинныхъ цѣляхъ и средствахъ ордена, такъ что послушники, знающіе только его, вовсе не имѣютъ достаточнаго понятія объ обществѣ, членами котораго они вскорѣ должны сдѣлаться. Въ сущности Извлеченія служили только средствомъ для оправданія ордена, чтобы его нельзя было обвинять въ томъ, что іезуиты побуждаютъ послушниковъ слѣпо и безъ яснаго представленія принимать серьезное и безповоротное рѣшеніе принести религиозные обѣты, связывающіе ихъ съ обществомъ Іисуса. Въ особенности «извлеченія» остерегаются сообщать послушнику о томъ, что разъ онъ подарилъ ордену часть или все свое имущество, онъ ужъ никогда ничего не получитъ обратно, если будетъ изгнанъ изъ ордена.

¹ *Constit.* V, 3, 6.

² *Exam. gen.* cap. 4. *Decl.* G.

³ Напечатано въ *Instit.*, т. II, стр. 70 и слѣд.

Общество имѣетъ право продолжить время послушничества сверхъ положенныхъ двухъ лѣтъ. Если послушникъ хочетъ вступить въ орденъ и послѣдній согласенъ его принять, то онъ назначается заранѣе либо къ свѣтскому, либо къ духовному служенію. Въ первомъ случаѣ онъ становится *свѣтскимъ коадьюторомъ* (coadjutores temporales). Число членовъ этой группы никогда не должно превышать того, которое требуется нуждами іезуитскихъ домовъ. Они служатъ поварами, экономами, привратниками, служителями больницъ, стиральщиками бѣлья, садовниками, раздавателями милостыни, управляющими домовъ и имѣній ордена. Они должны все болѣе и болѣе совершенствоваться въ своихъ специальностяхъ и вполнѣ отказаться отъ всякой науки, будучи довольны своей судьбой, счастливы возможностью служить, хотя бы и въ скромной роли, интересамъ общины и Бога. Они обязаны вести себя благочестиво и примѣрно, дабы оказывать благотворное вліяніе на своихъ подчиненныхъ. Они обязаны ежедневно читать извѣстные молитвы. Они никогда не допускаются до священническаго сана, но какъ бы низменны и малы ни были ихъ занятія они участвуютъ въ заслугѣ всѣхъ добрыхъ дѣлъ ордена и во всѣхъ тѣхъ индульгенціяхъ и милостяхъ, которыя даруются святѣйшими отцами. Они также даютъ тройной обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и повиновенія, и въ теченіе трехъ дней собираютъ милостыню, прежде чѣмъ перейти въ разрядъ *дѣйствительныхъ ко-*

адъюторовъ (coadjutores formats). Наконецъ, они подчинены юрисдикціи ордена и обязаны оставаться въ нѣдрахъ его, тогда какъ онъ имѣетъ право въ любой моментъ исключить ихъ изъ своего состава.

Тѣ изъ послушниковъ, которые выказали нѣкоторую способность къ наукѣ, причисляются къ *схоласдикамъ* (scholastici). Приступать къ учебнымъ занятіямъ съ ними можно со второго года ихъ послушничества, если начальникъ сочтетъ ихъ достойными этого; по окончаніи второго года они обязаны поклясться,—впрочемъ не вполне оффиціально, хотя и передъ нѣсколькими свидѣтелями,—въ томъ, что они будутъ соблюдать повинѳвеніе, цѣломудріе и бѣдность, останутся въ общинѣ Іисуса и будутъ исполнять всѣ ея правила;—все это при подразумѣваемомъ условіи согласія ордена на ихъ поступленіе въ него¹. Послѣ этого они получаютъ наименованіе *scholastici approbati*. Съ этого момента они уже становятся членами общины и могутъ быть исключены изъ нея только отцомъ-провинціаломъ; но они еще не принимаютъ никакого участія въ конгрегаціяхъ ордена и не имѣютъ доступа ни къ одной изъ должностей; они—пассивные члены. Они ужъ не живутъ въ домахъ для послушниковъ, а переселяются въ училища (коллежи) ордена. Они изучаютъ сперва латынь, потомъ свободныя знанія, т. е. получаютъ общее классическое

¹ *Constit.*, V. 4. 3. 4. *Decl. D.*

образованіе, затѣмъ четыре года изучаютъ теологію: теоритическую или схоластическую и приложение ея или теологію позитивную. По окончаніи всѣхъ этихъ занятій, они, если только ихъ считаютъ къ этому способными, непременно посвящаются въ священники; въ то же время ихъ приучаютъ къ обращенію съ свѣтскимъ міромъ и въ особенности съ тѣми свѣтскими учениками, которые препоручены ордену. Ихъ честолюбіе возбуждается посредствомъ ученыхъ диспутовъ съ товарищами, всевозможныхъ обсужденій и посылокъ нѣкоторыхъ изъ ихъ работъ провинціалу или даже самому генералу ордена. При переходѣ къ другой группѣ научныхъ занятій, они каждый разъ подвергаются испытанію; когда же, наконецъ, они закончатъ свое образованіе, то прежде чѣмъ дѣйствительно вступить въ орденъ въ качествѣ активныхъ членовъ, они должны выдержать общій и подробный экзамень, дабы, во-первыхъ, выказать свои успѣхи въ наукахъ, а во-вторыхъ, чтобы провѣрить истинность ихъ призванія и приверженности къ цѣлямъ и учрежденіямъ ордена. Такимъ образомъ за всѣ эти долгіе годы ученія *схоластики* не подвергаются ни слишкомъ строгимъ требованіямъ благочестія или умерщвленія плоти, ни отвлекаются свѣтскою дѣятельностью; ихъ главная обязанность заключается въ томъ, чтобы подчиняться въ своихъ занятіяхъ съ наибольшою предупредительностью и покорностью своимъ учителямъ.

Закончивъ свое образованіе, получивъ по-

священіе въ священники и будучи принятъ въ орденъ начальствующими, схоластикъ долженъ затѣмъ въ теченіи трехъ дней просить милостыню у дверей, чтобы привыкнуть къ бѣдности и униженіямъ; потомъ онъ долженъ продѣлать еще разъ въ теченіи недѣли духовныя упражненія. Послѣ этого онъ снова повторяетъ свои обѣты въ присутствіи начальника, прибавляя къ нимъ еще клятву спеціально отдаться дѣлу воспитанія юношества. Послѣ всѣхъ этихъ формальностей онъ получаетъ, наконецъ, званіе *духовнаго действительнаго коадьютора*.

Духовный коадьюторъ является уже активнымъ членомъ ордена. Онъ не имѣетъ больше права ни наслѣдовать, ни владѣть чѣмъ бы то ни было, ни получать духовныя бенефиціи. Онъ можетъ быть удаленъ или исключенъ изъ общества только самимъ генераломъ и тогда совершенно освобождается отъ всѣхъ тѣхъ обязательствъ, которыя вытекаютъ изъ его обѣтовъ. Онъ исповѣдуетъ и проповѣдуетъ, какъ всѣ профессы, но главнымъ образомъ онъ служитъ учителемъ схоластиковъ, экстерновъ и интерновъ ордена. Изъ среды духовныхъ коадьюторовъ генераль выбираетъ ректоровъ коллегій (училищъ) и прокураторовъ, на обязанности которыхъ лежатъ сношенія между коллегіями и внѣшнимъ міромъ. Ихъ можно сзывать—въ особенности ректоровъ и прокураторовъ—на провинціальныя и общія конгрегаціи ордена, въ которыхъ они имѣютъ право голоса, заисключеніемъ лишь вы-

бора генерала, который производится послѣднимъ и высшимъ классомъ членовъ Общества іезуитовъ. *Духовнымъ коадьюторамъ*, такъ же какъ и всѣмъ другимъ членамъ ордена, строго запрещается добиваться повышенія своего положенія въ обществѣ.

Таковъ былъ обычный путь, который долженъ былъ проходить каждый іезуитъ. Но основатели ордена были достаточно сообразительны и опытны для того, чтобы не понять, что могутъ встрѣтиться такого рода случаи, когда будетъ выгодно принять въ орденъ, въ видѣ исключенія и особой чести, такихъ людей, которые не были воспитаны орденомъ. На этотъ конецъ былъ учрежденъ чинъ *Професса трехъ обѣтовъ*. Послѣдніе отличались отъ духовныхъ коадьюторовъ только тѣмъ, что ихъ обѣты, совершенно тождественные съ обѣтами коадьюторовъ, произносились съ гораздо большей торжественностью. Такія лица должны были находиться въ близкихъ сношеніяхъ съ орденомъ въ теченіи по крайней мѣрѣ семи лѣтъ, отличиться заслугами, соответствующими его видамъ, и обладать особыми способностями для проповѣди. Зато отъ нихъ требовалось меньше эрудиціи, чѣмъ отъ духовныхъ коадьюторовъ, права которыхъ по отношенію къ управленію орденомъ они раздѣляли. Число ихъ всегда должно было быть весьма ограничено ¹. Этимъ путемъ общество Іисуса оставляло за собой право принимать въ свои члены выдаю-

¹ *Exam. general.* I D. — *Constit.* V. 2, 3; V, 2 C; VIII, 3 A.

щихся, значительныхъ, богато одаренныхъ людей, но уже достигшихъ извѣстнаго возраста и не вышедшихъ изъ рядовъ его обычныхъ и дѣйствительныхъ воспитанниковъ.

Наконецъ тѣ, кто выдѣляется изъ всѣхъ іезуитовъ своими заслугами передъ орденомъ, на кого онъ вполне могъ рассчитывать и полагаться, возводились генераломъ на самую высшую іерархическую ступень ордена, въ званіе *Професса четырехъ обѣтовъ*. Эти, профессы были главными или, вѣрнѣе, единственными настоящими членами общины, несущими на себѣ всѣ его обязательства и исполняющими ихъ самолично, чтобы не лишать орденъ его близкой связи съ внѣшнимъ міромъ. Посвященіе въ профессы совершалось въ церкви передъ генераломъ или его представителемъ, послѣ торжественнаго богослуженія. Профессъ производилъ сперва обычные три обѣта на службу генералу «намѣстнику Бога»; затѣмъ онъ прибавлялъ къ нимъ четвертый обѣтъ особеннаго повиновенія папѣ по дѣламъ миссіонерства (*circa missiones*). Профессъ четырехъ обѣтовъ долженъ былъ быть священникомъ; однако генераль могъ его освободить отъ этихъ обязанностей, ибо и это правило, какъ и всѣ остальные постановленія іезуитовъ, вполне подчинялись его волѣ. Такой профессоръ долженъ быть старше 25 лѣтъ и предварительно окончить не только весь гуманистическій курсъ наукъ, но и четырехлѣтній курсъ теологіи. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ генераль могъ от-

мѣнить всѣ эти требованія ¹. Число такихъ профессоръ никогда не было особенно велико. Мы уже видѣли, что въ моментъ смерти Лойолы ихъ было всего только тридцать пять человѣкъ; вообще же ихъ никогда не было больше двухъ на сто остальныхъ членовъ ордена. Они получаютъ это званіе лишь послѣ суровыхъ испытаній въ благочестіи и самоотреченіи; они живутъ—за исключеніемъ лишь слабыхъ, больныхъ и тѣхъ, кому поручаются экстраординарныя миссіи,—въ домахъ профессоръ, которые не должны имѣть никакого опредѣленнаго дохода и обязаны существовать только милостыней. Они наблюдаютъ также и за коллегіями, но не могутъ ни пользоваться ихъ доходами, ни занимать въ нихъ мѣста ректоровъ. Излишне повторять, что въ исключительныхъ случаяхъ генераль можетъ отмѣнить всѣ эти правила и ограниченія ², какъ мы то уже многократно отмѣчали. Изъ среди профессоръ четырехъ обѣтовъ, т. е. изъ профессоръ въ собственномъ смыслѣ этого слова, избираются всѣ миссіонеры ордена. Впрочемъ и они, какъ и всѣ другіе іезуиты, могутъ быть удалены, но только самимъ генераломъ, причемъ они не получаютъ обратно ни малѣйшей частицы изъ своихъ прежнихъ богатствъ и никакихъ средствъ къ существованію. Никто изъ іезуитовъ не гарантированъ отъ того страшнаго могущества, которое паритъ надъ ними и всегда можетъ обрушиться и сло-

¹ *Constit.* V, 2 B.

² *Constit.* IV, 2 F. 10 A; VI, 2, 3 и C.

мить ихъ, какъ тонкую вѣтку. А между тѣмъ никто не имѣетъ права по собственному желанію покинуть орденъ, въ особенности, если захотѣвшій сдѣлать это былъ полезнымъ и способнымъ членомъ общины: тогда все пускалось въ ходъ для того, чтобы удержать его, и въ крайнихъ случаяхъ допускались даже принудительныя средства, право которыхъ даровано ордену апостолическими привилегіями (Const. II, 4, 2).

Таковы различныя степени въ іезуитскомъ орденѣ. Все было хорошо рассчитано, хорошо регламентировано. Для честолюбія и для ума открывалось обширное поле дѣйствія. Всякій могъ найти въ немъ то, что ему лично больше нравилось и что соотвѣтствовало его индивидуальнымъ способностямъ: преподавательская дѣятельность, политика, занятія административнаго характера, наконецъ, чистая наука,—все было равно доступно. Но кто-бы и чѣмъ бы не занимался,—всѣ іезуиты были одинаково подчинены твердому и неумолимому деспотизму.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ іерархіи іезуитовъ. Она представляетъ изъ себя искуснѣйшую смѣсь безграничнаго абсолютизма и постоянно дѣятельнаго контроля, наблюдающаго за наивысшими чинами еще строже, чѣмъ за младшими. Агентami этого контроля, безъ котораго абсолютная власть генерала легко могла бы стать опасной, были духовные совѣтники и конгрегаціи.

Мы уже говорили объ наставникѣ послуш-

никовъ и о ректорѣ, начальникѣ коллегіи. Ректоры назначаются либо самимъ генераломъ, либо провинціаломъ, но съ утвержденія генерала; за послѣднимъ всегда остается право смѣстить ректора, если онъ считаетъ это нужнымъ и полезнымъ. Ректоръ долженъ заботиться о матеріальныхъ, духовныхъ и умственныхъ интересахъ профессоровъ и учениковъ схоластиковъ и руководить матеріальными, свѣтскими дѣлами коллегій но въ дѣйствительности послѣднія поручаются спеціальнымъ заботамъ прокураторовъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти общія правила, власть каждаго ректора можетъ быть увеличена или уменьшена генераломъ, согласно его личному усмотрѣнію; но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ измѣнить установленный порядокъ занятій. Ректоры зависятъ одновременно и отъ генерала, и отъ своего провинціала: они представляютъ подробнѣйшій отчетъ генералу одинъ разъ въ годъ, а провинціалу два раза.

Кромѣ того, для постояннаго контроля, къ каждому ректору приставлено два совѣтника, а къ ректору іезуитскаго университета — четыре. Во всѣхъ трудныхъ и значительныхъ случаяхъ онъ обязанъ спрашивать ихъ совѣта, но не обязанъ непременно слѣдовать ему. Съ своей стороны совѣтники должны доставлять установленные доклады не только генералу, но и провинціалу, такъ что они являются какъ бы шпіонами, приставленными для наблюденія за ректоромъ.

Домъ профессоровъ управляется начальникомъ,

срокъ дѣятельности котораго не опредѣленъ и можетъ длиться столько времени, сколько заблагоразсудится генералу¹. Этотъ начальникъ былъ подчиненъ провинціалу, которому онъ посылалъ правильные отчеты; кромѣ того его дѣятельность, какъ и дѣятельность ректора, контролировалась совѣтниками. Провинціалы назначались генераломъ обыкновенно на три года, по личному его усмотрѣнію. Равнымъ образомъ отъ него же зависѣло расширение или сокращеніе ихъ власти, которая, однако, всегда должна была быть очень большой, ибо провинціалы являлись намѣстниками генерала въ каждомъ отдѣльномъ округѣ. На ихъ обязанности лежало посѣщеніе всѣхъ учрежденій ордена, находящихся въ ихъ провинціи; представленіе генералу подробныхъ отчетовъ объ ихъ состояніи и положеніи; но главнымъ образомъ надзоръ за ректорами и за преподаваніемъ въ коллегіяхъ. Само собою разумѣется, что каждый изъ нихъ занимался также, — и весьма дѣятельно, — политическими дѣлами своей провинціи и переписывался о нихъ съ генераломъ. Они созывали провинціальныя конгрегаціи и предсѣдательство-

¹ *Instit.* I, 158.—Въ началѣ Лойола хотѣлъ предоставить назначеніе начальниковъ коллегій и домовъ профессоровъ членамъ этихъ обѣихъ учреждений. (Письма Лойолы отъ 29 іюля и 31 октября 1547 г.—*Menchasa*, II, 319 и слѣд.); но позднѣе онъ нашелъ, что во имя духа той субординаціи, которая долженствовала царить во всемъ орденѣ, было правильнѣе предоставить назначеніе этихъ лицъ генералу.

вали въ нихъ, пользуясь при этомъ правомъ двухъ голосовъ.

Провинціальная конгрегація составляется изъ профессовъ четырехъ обѣтовъ, ректоровъ и прокураторовъ данной провинціи. Она избираетъ тѣхъ лицъ, которые посылаются отъ каждой провинціи разъ въ три года къ генералу, чтобы полнѣе освѣдомлять его о всѣхъ главныхъ событіяхъ и состояніи провинціи и дать ему, такимъ образомъ, возможность контролировать и лучше узнавать провинціала и его главныхъ помощниковъ. Кромѣ того она-же избираетъ своихъ делегатовъ на общую конгрегацію, колы скоро послѣдняя созывается. Но помимо этихъ избраній, роль провинціальной конгрегаціи весьма незначительна и мало замѣтна.

Наконецъ, самое высокое изъ всѣхъ должностныхъ лицъ ордена,—генераль,—избирается общей конгрегаціей, состоящей изъ провинціаловъ и двухъ членовъ отъ каждой провинціи, избираемыхъ, какъ мы только что сказали, провинціальными конгрегаціями. Генераль избирается пожизненно изъ среды профессовъ четырехъ обѣтовъ. Мы уже не разъ указывали на его почти безграничную власть; но необходимо дополнить эту картину. Онъ—верховный глава всѣхъ членовъ общества, распорядитель судьбою и трудами всего ордена. Всѣ тѣ ограниченія, которыя будто-бы поставляются ему «конституціями», суть лишь воображаемая преграда, ибо въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ онъ можетъ дѣйствовать

наперекоръ всѣмъ конституціямъ, если только это ему заблагоразсудится. Онъ есть источникъ всѣхъ властей, всякаго повышенія, верховный судья всѣхъ назначеній и смѣщеній, и управитель всѣми орденскими имуществами. Онъ не только можетъ послать каждаго професса для исполненія своихъ порученій, но и отозвать обратно іезуита, командированнаго съ опредѣленною миссіею самимъ свѣтѣйшимъ отцомъ¹. У него имѣется списокъ всѣхъ домовъ профессовъ и всѣхъ коллегій ордена, всѣхъ членовъ и даже всѣхъ послушниковъ; а тѣ многочисленные отчеты, которые онъ получаетъ со всѣхъ сторонъ, даютъ ему возможность имѣть должное понятіе о каждомъ изъ этихъ безчисленныхъ людей, прощупать въ каждомъ изъ нихъ живую личность и судить о самомъ послѣднемъ изъ своихъ подчиненныхъ такъ же хорошо, какъ о самомъ первомъ. Должностные лица ордена, въ особенности важнѣйшіе изъ нихъ и отцы профессы, должны быть ему извѣстны до самыхъ глубокихъ и скрытыхъ изгибовъ души. Онъ всюду и всегда долженъ быть въ состояніи поставить чловѣка на то именно мѣсто, какое наиболее ему подходитъ, выдвинуть тѣхъ, кто особенно полезенъ общинѣ, и удалить тѣхъ, кто ненуженъ. Онъ имѣетъ право взять отъ ихъ непосредственныхъ начальниковъ столько членовъ, сколько ему угодно, для службы лично ему самому. Однимъ своимъ словомъ онъ можетъ

¹ *Constit.* VII, 2H; IX, 4 G.

сокрушить самого вліятельнаго послѣ себя члена всего ордена. Онъ постоянно долженъ контролировать провинціаловъ и изъ ихъ докладовъ знать во всѣхъ подробностяхъ положеніе различныхъ провинцій для того, чтобы приводить въ нихъ въ исполненіе свои собственныя рѣшенія. Его резиденція находится въ Римѣ, который наиболее богатъ средствами сообщенія со всѣмъ католическимъ міромъ и гдѣ онъ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ папой; однако, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, ему разрѣшается посѣщать и другія мѣстности, съ цѣлью осмотра учрежденій ордена или когда въ нихъ требуется его помощь. Онъ освобожденъ отъ всякаго спеціального дѣла, онъ не обязанъ ни проповѣдывать, ни исповѣдывать, ни управлять какимъ нибудь учрежденіемъ; онъ долженъ заботиться только объ общемъ управленіи орденомъ. Къ тому же онъ не имѣетъ права заниматься какимъ бы то ни было другимъ дѣломъ, хотя бы благочестивымъ, но чуждымъ обществу Іисуса. На смертномъ одрѣ онъ можетъ назначить себѣ викарія, который будетъ управлять орденомъ вплоть до выбора новаго генерала. Въ его распоряженіи имѣются: секретарь, который долженъ распечатывать всю корреспонденцію и составлять ему письма, и генеральный прокуроръ, завѣдующій свѣтскими дѣлами ордена, живущій въ Римѣ, какъ и его прямой начальникъ, но не принадлежащій къ классу профессоровъ, которые не допускаются къ вѣдѣнію свѣтскихъ дѣлъ.

Но, хотя власть генерала безгранична, пока онъ трудится на благо ордена, однако даже и она подчинена строжайшему наблюденію, дабы деспоть-генераль не былъ въ состояніи предпринять что бы то ни была противное интересамъ общества. Всеобщее недовѣріе и взаимное шпіонство—вотъ принципъ, проводившійся во всѣхъ слояхъ іезуитскаго ордена. Его глава считался какъ бы служителемъ всей общины, которая должна быть истинной владычицей¹; генераль ничего не могъ измѣнить въ конституціяхъ ордена, ни измѣнить преподаваніе въ коллежѣ ордена безъ согласія на это общей конгрегациі, назначающей на ряду съ генераломъ несмѣняемыхъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ наблюдать за нимъ. Изъ такихъ лицъ мы должны прежде всего назвать *администратора*, обязаннаго призывать генерала къ повиновенію и «къ славѣ Божіей», если онъ отъ нихъ уклоняется. Въ то-же время онъ можетъ быть духовникомъ генерала, но эта должность для него необязательна, ибо генеральная конгрегациа можетъ назначить на этотъ отвѣтственный постъ и всякаго другого іезуита. Еще большимъ значеніемъ пользуются четыре ассистента генерала, нѣчто вродѣ министровъ, также назначаемыхъ той-же самой конгрегацией, которая выбираетъ генерала. Если одинъ изъ ассистентовъ умираетъ, или-же почему либо долженъ оставить занимаемое имъ мѣсто, генераль можетъ назна-

² *Constit.* x. 7.

читать его замѣстителя только съ согласія большинства провинціаловъ. Ассистенты выбираются изъ среды профессоровъ и генераль можетъ удалить ихъ отъ своей особы только на основаніи серьезнѣйшихъ причинъ. Ихъ обычное занятіе состояло въ управленіи важнѣйшими дѣлами различныхъ большихъ провинцій ордена подъ начальствомъ, однако, генерала; они являлись при немъ спеціальными представителями частныхъ интересовъ этихъ крупныхъ отдѣловъ: первый былъ представителемъ Индіи, второй—Испаніи и Португаліи, третій—Франціи и Германіи, четвертый—Италіи и Сициліи. Но они могли также совмѣстно обсуждать и представлять генералу свои общія предложенія. Во всѣхъ очень важныхъ вопросахъ, генераль долженъ спрашивать ихъ совѣта, но онъ не связанъ ихъ мнѣніями. Правда, что, выслушавъ своихъ ассистентовъ, онъ можетъ созвать еще и другихъ мудрыхъ и свѣдующихъ людей для того, чтобы выслушать и ихъ мнѣніе о дѣлѣ. Однако-же въ рѣшеніяхъ значительной важности и при редактированіи торжественнѣйшихъ документовъ, генераль нравственно обязанъ не дѣйствовать безъ согласія и сотрудничества ассистентовъ, коихъ одобреніе еще увеличиваетъ авторитетность принимаемымъ имъ мѣрѣ.

На ассистентахъ лежитъ еще и другая обязанность, значеніе которой еще большее: спеціально имъ поручается отъ имени всего ордена наблюденіе за генераломъ. Они опредѣляютъ личный образъ жизни генерала: какъ онъ долженъ пи-

таться и одѣваться, размѣръ его частнаго бюджета, сколько времени онъ долженъ удѣлять общественнымъ и частнымъ дѣламъ,—и онъ не можетъ уклониться отъ исполненія ихъ предписаній. Но еще важнѣе въ ихъ правахъ—слѣдующее: если недостатки или состояніе здоровья дѣлаютъ необходимыми полное или временное смѣщеніе генерала, то ассистенты имѣютъ право и даже обязаны, въ силу данной ими клятвы, постановить большинствомъ трехъ голосовъ противъ одного созваніе общей конгрегациі для низложенія главы ордена. Мы уже видѣли, что осенью 1554 года ассистенты Лойолы, не желая дойти до формальнаго низложенія основателя ордена, заставили его временно отречься отъ своего званія и назначить себѣ викарія.

Если ассистенты не исполняютъ своего долга относительно недостойнаго генерала, провинціалы должны согласиться между собою и собственной властью созвать конгрегацию ордена, и генераль обязанъ отдать отчетъ ей во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ съ полнымъ смиреніемъ. Болѣе того: провинціальныя конгрегациі, собирающіяся черезъ каждые три года, должны, прежде чѣмъ присту-
пать къ какимъ-бы то ни было разсужденіямъ, обсудить не слѣдуетъ ли созвать общую конгрегацию. Такова была совокупность предосторожностей, долженствовавшихъ удержатъ первое лицо общества въ предѣлахъ долга. Когда вопросъ шелъ о смѣщеніи генерала, то для того, чтобы нельзя было запугать членовъ конгрегациі, имъ предписыва-

лось подавать голоса тайно, т. е. письменно. Правда, генераль можетъ быть лишень своей должности только большинствомъ двухъ третей голосующихъ; простое же большинство достаточно для того, чтобы наложить на него наказаніе или даже назначить ему викарія съ неограниченною властью. Ни подъ какимъ предлогомъ генераль не имѣетъ права воспротивиться созыву генеральной конгрегациі, если она рѣшена ассистентами, большинствомъ провинціаловъ или же провинціальныхъ конгрегациій. Но съ другой стороны генераль никогда не можетъ подавать въ отставку и никогда орденъ не разрѣшитъ ему принять какую-бы то ни было духовную должность, несовмѣстимую съ его высокимъ положеніемъ въ общинѣ. Этими постановленіями хотѣли воспрепятствовать генералу измѣнить интересамъ общества Іисуса въ пользу ли католическаго монарха или даже самого папы, могущихъ соблазнить генерала перспективой какого нибудь повышенія.

Конституціи называютъ шесть опредѣленныхъ случаевъ, когда низложеніе генерала становится обязательнымъ: если онъ совершилъ смертный грѣхъ сластолюбія; если тяжело кого нибудь ранилъ; если присвоилъ себѣ для личнаго употребленія доходы коллежей; если онъ отдалъ ихъ людямъ, чуждымъ ордену и въ особенности членамъ своей семьи; если онъ отчуждилъ нѣкоторыя изъ земельныхъ собственности общины; наконецъ, если онъ придерживается еретическихъ мнѣній. Генераль, низложенный за одно изъ этихъ

преступленій, подлежить даже совершенному исключенію изъ общества.

Такъ предусмотрительно было организовано все зданіе ордена Іисуса. Основнымъ его принципомъ была субординація и шпіонство на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Всякій іезуитъ, начиная съ самаго юнаго послушника и кончая генераломъ, постоянно сознавалъ себя объектомъ строжайшихъ наблюденій и работъ цѣлей и интересовъ ордена. Никто изъ нихъ не могъ надѣяться избѣжать этой грозно приспособленной машины. Генераль, которой рѣшился бы дать нѣсколько денегъ общины своимъ нуждающимся родителямъ, былъ бы безжалостно смѣщенъ и исключенъ. Что же касается до другихъ іезуитовъ, то община, исключая ихъ, не обязана была давать имъ какія-бы то ни было объясненія по этому поводу. Исключеніе совершалось безъ выслушиванія свидѣтелей, безъ того, чтобы обвиняемый могъ защититься, судомъ одного лица, на котораго нельзя было апеллировать. Судьба несчастнаго изгнанника была ужасна! У него не было больше имущества; не было никакихъ средствъ къ существованію; общество ничего ему не давало. Напротивъ, всюду его преслѣдовала вражда ордена, исключившаго его, какъ недостойнаго, изъ своей среды. Самый фактъ этого исключенія уже накладывалъ въ глазахъ всякаго добраго католика извѣстную печать на бывшаго іезуита. Воспитанный исключительно для того, чтобы быть іезуитомъ, неспособный ни

къ какому другому дѣлу, такой человекъ естественно долженъ былъ погибнуть въ самомъ скоромъ времени.

Устройство ордена было великолѣпно, можно сказать несравненно даже въ отношеніи соединенія принциповъ авторитета и отвѣтственности. Но эта цѣль могла быть достигнута только подъ условіемъ шпіонства, возведеннаго въ систему, въ священный долгъ. Это была вѣчно дѣйствующая инквизиція. Прежде чѣмъ вступить въ орденъ, послушникъ предупреждался, что для наибольшаго духовнаго преуспѣянія и особенно для наиполнѣйшаго его послушанія и униженія, онъ долженъ радоваться, видя, что всѣ его ошибки и недостатки и все, что будетъ замѣчено и наблюдено въ немъ, будетъ сообщаться его начальникамъ всѣми, кто чтонибудь замѣтитъ, и притомъ не на исповѣди, которая должна быть тайной. Онъ долженъ былъ «съ благодарностью принимать то, что его исправляютъ, и самъ долженъ былъ помогать исправленію другихъ его со товарищей, говоря все, что онъ про нихъ знаетъ, въ особенности въ случаѣ приказа или запроса начальника, которому онъ непосредственно подчиненъ¹». Можно-ли представить себѣ болѣе развитую систему взаимныхъ доносовъ? И горе тому кто осмѣлится возстать противъ этой ежеминутной тираніи! Его подавятъ униженіями: «Кто склоненъ къ гордынѣ, тому нужно поручить са-

¹ *Exam. gen.* 4, 8.

мыя отвратительныя занятія, какія будутъ сочтены полезными для его уничиженія» (Const. III, 1, 13). И въ такихъ случаяхъ наказанный іезуитъ долженъ былъ оказывать полное повиновеніе всѣмъ второстепеннымъ служителямъ ордена, какъ на-примѣръ повару, и долженъ былъ во всѣхъ ихъ, какъ и въ самомъ начальникѣ, видѣть представителя Бога ¹.

Такъ безжалостно разбивалась всякая индивидуальность; изъ всякаго ученика ордена дѣлали раба со всѣми отвратительными и презрѣнными чертами рабства: подлостью, покорностью, шпионствомъ, предательствомъ и лицемѣріемъ; и все это лишь для того, чтобы лучше можно было имъ пользоваться въ интересахъ общины. Рядомъ съ независимостью характера подлежала искорененію и независимость мнѣній, ради однородности всего состава общества. «Мы должны всѣ одинаково вѣрить и одинаково говорить на сколько только это возможно», гласятъ Постановленія (III, 1, 18). Вслѣдствіе этого нельзя допускать не согласныя ученія ни въ словесномъ изложеніи, какъ то въ проповѣдяхъ, въ публичныхъ бесѣдахъ и рѣчахъ, ни въ письменномъ, т. е. въ книгахъ, которыя, поэтому, нельзя печатать безъ предварительнаго одобренія и согласія генерала. «Относительно ученія, сужденія и воли община нуждается въ абсолютномъ единствѣ» (Constit. VIII, 1, 8). Новыя доктрины не должны быть принимаемы безъ согласія всего общества; даже въ

¹ *Exam. gen.* 29.

тѣхъ случаяхъ, когда сами католическіе теологи бывали различнаго мнѣнія, іезуитъ долженъ принимать то изъ нихъ, которое принято общиной: *это мнѣніе всегда будетъ такое, которое наиболѣе полезно ордену* (*magis conveniens Nostris*¹).

Въ виду всѣхъ этихъ столь точныхъ правилъ, мы имѣемъ полное право возлагать на *весь* орденъ отвѣтственность за ученіе, находящееся въ книгѣ *одного* изъ его членовъ, и считать орденъ солидарнымъ съ теоріями, изложенными любымъ іезуитомъ. Эта солидарность, часто весьма компрометирующая весь орденъ, многократно имъ опровергалась. Но достаточно указать ему на эти статьи его первоначальныхъ конституцій и на многіе позднѣйшіе декреты для того, чтобы вынудить его сознаться въ этой коллективной отвѣтственности, отъ которой онъ отрекался исключительно изъ за политической выгоды каждый разъ, когда ему случалось слишкомъ ярко высказывать свои принципы нетерпимости и всемірнаго господства.

Іезуиты сами поняли, какъ трудно имъ будетъ убѣдить міръ въ отсутствіи крѣпкой связи между ними. Поэтому всякій разъ, когда это было возможно, они старались иначе защититься отъ послѣдствій какой нибудь позорной книги, вышедшей изъ нѣдръ ихъ общины. Они просто отрицали фактъ существованія этой книги, объявляя ее сочиненной ихъ противниками, или-же, если

¹ *Declar. in. Const.*, III, 1 O, VIII, 1 K.

это было невозможно, они оспаривали, что она была действительно написана однимъ изъ нихъ ¹.

Эта система притворства была имъ необходима для того, чтобы скрыть неоспоримый фактъ, что каждый изъ іезуитовъ въ отдѣльности думаетъ и дѣйствуетъ такъ, какъ думаетъ весь орденъ. Конечно, это единообразіе являлось элементомъ силы, но въ другихъ отношеніяхъ оно же становится и элементомъ слабости. Оно уничтожаетъ энергію мысли до такой степени, что всякое великое и творческое движеніе оказывается въ обществѣ Іисуса немислимымъ. Не только изъ него не вышло ни одного дѣйствительно великаго человѣка, ни одного генія, но, что еще хуже, оно само себя обрекло на исключительный консерватизмъ, реакціонерство, на тотъ духъ, который старилъ его все больше и больше среди окружающаго его міра, развивающагося, прогрессирующаго и постоянно движущагося впередъ. неподвижные и враждебные всякой перемѣнѣ, въ нашъ вѣкъ, когда происходитъ такая страстная и жизненная борьба, іезуиты осуждены погибнуть, наконецъ, отъ анеміи и старческаго безсилія.

Таково твореніе Лойолы и Лайнеца: созданіе великолѣпное, грандіозное, такъ сказать изъ одной глыбы, страшная военная машина, которая никогда, въ теченіи долгихъ вѣковъ, не отказывалась служить и оказывала чудеса противъ вся-

¹ См. примѣры у Friedrich'a, *Beitraege zur Gesch. des Jesuiten-Ordens*; Abhandl. d. Bair. Akad. d. Wissensch., т. XVI (1881), стр. 87 и слѣд.

кой серьезной попытки реформировать церковь, противъ всякой терпимости, какъ въ мысляхъ, такъ и въ жизни; противъ свободы челоѳческаго духа. Вступая въ союзъ то съ королями противъ народовъ, то съ народами противъ королей, іезуиты всегда имѣли въ виду только одну единственную цѣль: доставить торжество традиціонной ортодоксіи въ католической церкви, доставить торжество католической церкви во всемъ мірѣ и восторжествовать самимъ надъ этимъ ортодоксальнымъ міромъ. Іезуитъ, рабъ своей Общины, сознавалъ, что его поддерживаютъ и защищаютъ тысячи собратій. Онъ зналъ, что за нимъ стоитъ цѣлая армія для того, чтобы ему помочь, спасти, чтобы работать вмѣстѣ съ нимъ ради одной и той же цѣли; и самый маленькій между ними могъ гордо воскликнуть: «имя мое—легіонъ!»

Одной изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ дѣятельности іезуитовъ было преподаваніе. До тѣхъ поръ преподаваніе находилось въ рукахъ гуманистовъ, взгляды которыхъ принимали все болѣе и болѣе враждебный оттѣнокъ по отношенію къ церкви. Реформаторы XVI вѣка сознали все значеніе школы для будущности новыхъ поколѣній и они повсюду организовали такія школы съ рвеніемъ, давшимъ плодотворные результаты: школа стала однимъ изъ самыхъ страшныхъ ихъ оружій противъ католицизма. Основатели ордена іезуитовъ прекрасно поняли это положеніе вещей, и, понявъ его, съ свойственной имъ проницатель-

ностью, они немедленно употребили всю свою энергію на то, чтобы помочь дѣлу. Однако они вовсе не стремились организовать *народное* обученіе. По ихъ мнѣнію, весь народъ не нуждался въ образованіи, онъ долженъ былъ слѣпо слѣдовать по тому направленію, на которое его натолкнетъ прежде всего духовенство, а затѣмъ и высшіе правительственные круги свѣтскаго общества. Вотъ на эти послѣдніе и были обращены всѣ ихъ усилія. Іезуиты овладѣли умами аристократіи и крупной буржуазіи, которыя должны были служить имъ и помогать осуществить на дѣлѣ, въ случаѣ нужды, ихъ идеи и ихъ намѣренія въ политической и умственной жизни народовъ. Сверхъ того этимъ путемъ Общество узнавало тѣхъ людей, на которыхъ оно могла-бы впоследствии особенно рассчитывать и которые особенно преданы ему. Ради достиженія этой цѣли оно работало съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Прежде всего оно пыталось развить въ желанномъ направленіи не только умъ, но и манеры своихъ учениковъ, чтобы они были настоящими свѣтскими людьми,—пріемъ тѣмъ болѣе цѣнный, что большинство другихъ профессоровъ были педантами, которымъ высшее общество не любило поручать своихъ дѣтей. Здоровье молодыхъ людей оберегалось съ большимъ вниманіемъ, занятія никогда не продолжались слишкомъ долго и ихъ прерывали часы отдыха; затѣмъ они относились очень заботливо, чтобъ не нарушать столь необходимаго для юности сна¹.

¹ *Constit.* IV, 4, 1.

Игнатій самъ выразилъ свои идеи о воспитаніи, когда къ этому представлялся случай, въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ¹. Нельзя сказать, чтобъ онѣ отличались новизной взглядовъ, за исключеніемъ только установленія совершенной бесплатности преподаванія, что, конечно, много способствовало успѣху іезуитскихъ школъ. Но въ самомъ преподаваніи Лойола слѣдуетъ рутинѣ своего времени. Главными предметами преподаванія, по его мнѣнію, являются древніе языки: латинскій, греческій и еврейскій; затѣмъ слѣдуютъ логика, философія и теологія, если число достаточно подготовленныхъ учениковъ позволяетъ заняться этими науками. Онѣ предписываетъ соблюденіе точнѣйшей и строжайшей дисциплины и исключеніе всякаго упрямаго ученика. Для тѣлесныхъ наказаній долженъ приглашаться спеціальный «корректоръ» изъ лицъ, не состоявшихъ въ составѣ ордена. Онѣ рекомендуетъ по возможности больше развивать въ ученикахъ внѣшнее благочестіе: ежедневныя мессы, проповѣди по воскресеніямъ и по всѣмъ праздничнымъ днямъ, ежемѣсячную исповѣдь. Общество всегда исполняло всѣ эти предписанія своего учителя. Единственная оригинальная идея въ программѣ занятій быть можетъ была слѣдующая: Лойола предписывалъ учителямъ не ограничиваться только даваніемъ уроковъ, а стараться приучать воспитанниковъ къ сочиненіямъ на заданныя темы, къ диспутамъ и сообщеніямъ, «которыя, говоритъ онѣ, быть мо-

¹ Genelli (фр. пер.), II, стр. 203 и слѣд.

жетъ полезнѣе, чѣмъ самое преподаваніе учителей». Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ и нельзя не пожалѣть, что это мудрое правило до сихъ поръ еще такъ мало примѣняется въ нашемъ современномъ преподаваніи. Что же касается до древнихъ авторовъ, то Лойола приказалъ давать ихъ читать лишь въ изданіяхъ, гдѣ выпущно все, что можетъ портить воображеніе юношей.

Эта, хорошо обдуманная, система была хотя и не оригинальна, но все же довольно остроумна для своего времени, а потому немедленно стала пользоваться большимъ успѣхомъ. Пользуясь благосклонностью царствующихъ особъ, іезуиты могли обѣщать ученикамъ, посѣщавшимъ ихъ школы, полученіе важныхъ мѣстъ, и дѣйствительно исполняли это обѣщаніе, стараясь, въ интересахъ ордена, занимать всѣ крупныя должности своими прежними *схоласдиками*—экстернами. «Тотъ, кто не воспитывалъ своихъ дѣтей у іезуитовъ, не считался добрымъ католикомъ, а тѣ, кто побывалъ въ ихъ коллегіяхъ, тѣмъ самымъ получали ключи для проникновенія всюду», писалъ одинъ изъ противниковъ ордена, сорокъ лѣтъ послѣ его основанія¹.—Къ тому же образованіе, даваемое іезуитами, было совершенно бесплатно и, принимая во вниманіе природу людей, даже самыхъ богатыхъ, понятно, что эта бесплатность оказалась весьма полезной для іезуитскихъ школъ такъ какъ, что онѣ отъ этого не переставали считаться вполнѣ приличными.

¹ Ant. Arnoult, *Plaidoyer*, 16.

Педагогическая дѣятельность іезуитовъ не ограничивалась образованіемъ только знатныхъ мірянъ, но распространялась также и на духовенство. Государи весьма охотно поручали имъ воспитаніе молодыхъ священниковъ; потому что они подавали имъ, въ особенности въ первыя времена существованія ордена, примѣръ строгаго воздержанія и чистоты нравовъ. Вскорѣ они могли похвастаться своими громадными успѣхами на педагогическомъ поприщѣ. «Мы видимъ, говоритъ одинъ изъ ихъ древнѣйшихъ исторіографовъ¹, кардинальскій пурпуръ на многихъ изъ тѣхъ, кто еще недавно сидѣлъ на скамьяхъ нашихъ школъ. Другіе достигли управленія городами и государствами. Мы воспитали епископовъ и ихъ совѣтниковъ; даже другія религіозныя общины наполнены бывшими нашими учениками». Вскорѣ нельзя было найти такого класса общества, такого политическаго или спеціального интереса, въ которыхъ іезуиты не стали бы прочной ногой, благодаря своей преподавательской дѣятельности. Одной только этой стороною своего труда они уже овладѣли всемірнымъ могуществомъ.

Такимъ образомъ орденъ Іисуса двигался впередъ, двигался безостановочно, будучи поддерживаемъ покровительствомъ всѣхъ папъ, за исключеніемъ только Павла IV, враждебнаго къ испанцамъ вообще. Но за исключеніемъ только его одного, св. престолъ отлично понималъ во всѣ времена, какъ громадна была для него польза, приносимая

¹ Orlandino, lib. VI, cap. 70.

ему іезуитами; быть можетъ онъ не понималъ только одного, а именно, что съ теченіемъ времени сами папы необходимо сдѣлаются рабами этихъ опасныхъ своихъ служителей.

Въ 1549 г. Папа Павелъ III даровалъ генералу право освобождать всѣхъ членовъ общины отъ всѣхъ церковныхъ наказаній, за исключеніемъ лишь самыхъ крупныхъ случаевъ, предоставленныхъ юрисдикціи св. отца. Понятно громадное значеніе такого права для независимости и свободы развитія новаго общества, для котораго съ того времени уже былъ не страшенъ гнѣвъ никакого прелата, какъ бы высоко онъ ни стоялъ. Ордену не нужно было искать ничьего благорасположенія: онъ довлѣлъ самому себѣ. Такимъ образомъ Павелъ III развязалъ орденъ и cadaго изъ его членовъ отъ всякой зависимости, кромѣ зависимости отъ апостолическаго престола; но сверхъ того онъ даровалъ имъ высокую милость: право совершать богослуженіе и таинства даже во времена интердиктовъ, но только исключительно для себя. Всякій епископъ обязанъ посвятить въ священники того, кого генералъ іезуитовъ представитъ ему, какъ кандидата на эту должность. Эти священники ордена могли проповѣдывать, исповѣдывать, служить обѣдню, причащать всюду, гдѣ они находились, не нуждаясь для этого въ разрѣшеніи бѣлаго духовенства и даже мѣстнаго священника; и на оборотъ, ихъ нельзя было обязать, чтобы они наблюдали за монастырями или же засѣдали въ церковныхъ судахъ. Они освобождены отъ десятины или всѣхъ

каго другого налога, хотя бы предписаннаго папскою буллою. Никакой епископъ и никакое другое духовное лицо не имѣетъ права беспокоить или препятствовать имъ создавать какое угодно учрежденіе или опредѣлять мѣсто ихъ пребыванія. Публика привлекается въ ихъ церкви совершенно особыми способами: всякій, кто ходитъ къ нимъ молиться въ извѣстные дни, получаетъ отпущеніе грѣховъ за нѣсколько лѣтъ, а иногда даже и на всю жизнь. Общество и всѣ его члены поручаются особенному вниманію всѣмъ государей и прелатовъ. Въ 1552 г. Юлій III даровалъ имъ привилегію освобождать отъ постовъ и разрѣшать запрещенную пищу, разрѣшать отъ всѣхъ преступленій ереси и вообще проступковъ, противныхъ вѣрѣ; наконецъ, давать академическія степени, даже внѣ ихъ собственныхъ университетовъ.

Такимъ образомъ, благодаря своему особенному тѣсному союзу съ папами, іезуиты немедленно заняли совершенно исключительное положеніе въ церкви. Мы увидимъ, что они воспользовались имъ для того, чтобы оказывать значительное вліяніе на тѣ большія собранія, которыя были призваны для окончательной реорганизациі католической церкви,—собранія, съ которыхъ начался современный католицизмъ. Но прежде чѣмъ приступить къ изученію ихъ исторіи, мы должны еще прослѣдить тѣ жестокія репрессаліи, посредствомъ которыхъ удалось вернуть церкви прочную и непоколебимую почву на всемъ Югѣ Европы.

КНИГА ВТОРАЯ

ИНКВИЗИЦІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Реорганизация римской инквизиции.

Начало религиозной реформации в Италии.—Затруднения, встреченные там делом реформации.—Совершенно особенный характер итальянской реформации.—Вальдесъ и Неаполитанская реформация.—Бернардино Оккино.—Рената Феррарская.—Папы и итальянская реформация.—Кардиналь Караффа заставляет папу Павла III реорганизовать римскую инквизицию.—Оппозиция прочихъ кардиналовъ.—Булла *Licet ab initio*.—Усиленная деятельность Караффы: первые протестантские эмигранты.—Возмущение неаполитанцевъ противъ инквизиции.—Драконовскій эдиктъ противъ еретическихъ книгъ.—Гизлиери.—Караффа и Гизлиери заставляютъ папу Юлія III покровительствовать инквизиции.—Характеристика Караффы.—Избрание его папою подъ именемъ Павла IV.

Съ самаго начала, нѣмецкая реформация приобрѣла по ту сторону Альпъ значительное число сторонниковъ. Въ первые же годы своей великой борьбы противъ церковныхъ традицій, Лютеръ, какъ о томъ сообщаетъ своимъ друзьямъ нѣмецкій гуманистъ, путешествовавшій по полуострову въ 1519 г. ¹, встрѣтилъ въ Италии горячіи симпатіи. Да иначе и быть не могло: уже давно въ Италиі вошло въ привычку свободно

¹ Иоаннъ Гессе къ Иоанну Ланге, 19 ноября 1519. Koldе, *Analecta Lutherana*, (Gotha, 1883), стр. 10.

обсуждать всякаго рода религіозныя и философскія мнѣнія, какъ въ средѣ, окружавшей папу, такъ и въ литературныхъ кругахъ Флоренціи, Венеціи и многихъ другихъ городовъ. Смѣлыя и логическія мысли витенбергскаго монаха, выражаемая съ энтузіазмомъ глубокаго убѣжденія, не могли не увлечь великое множество проникательныхъ умовъ, привыкнувшихъ относиться съ пренебрежительной оппозиціей къ господствующей церкви. Особенно глубокое впечатлѣніе произвело на полуостровѣ ученіе о безусловномъ Искупленіи смертію Христа и вѣрою въ него. Венеція, большой торговый городъ, много посѣщаемый нѣмцами, вскорѣ сталъ центромъ новаго ученія. Изъ «Fondaco de' Tedeschi»,—дома, который въ одно и тоже время служилъ и гостиницей и обширнымъ магазиномъ для нѣмецкихъ негоціантовъ, лютеранская пропаганда быстро распространилась по всему городу. Между прочимъ, тамъ печатались, подъ вымышленными именами, переводы сочиненій нѣмецкихъ реформаторовъ. Лица общепризнаннаго авторитета и незапятнаннаго благочестія, вродѣ Людовика Приули и Гаспара Контарини, собирали вокругъ себя образованныхъ людей, не желавшихъ открыто порвать съ церковью, но убѣжденныхъ въ томъ, что жертва Христа навсегда искупила грѣхи вѣрующихъ въ него, независимо отъ ихъ дѣлъ ¹.

¹ Quirini, *Epistolae Reginaldi Poli*, III, 57.—Sadoleti, *Epistolae lib. IX*, стр. 365.

Въ 1520 г. одинъ дворянинъ, мессеръ Антоній Феррарскій, публично проповѣдывалъ передъ большимъ собраніемъ народа гораздо болѣе смѣлѣя, ученія и народъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ онъ громилъ злоупотребленія папъ и римской куріи ¹.

Но не одна Венеція являлась центромъ лютеранства. Множество нѣмцевъ, пріѣзжавшихъ въ Италію въ качествѣ студентовъ, солдатъ или дипломатовъ, распространяли тамъ ересь. Піемонтскій дворянинъ Челіо Куріоне проповѣдывалъ доктрины Лютера и Цвингли въ Туринѣ и Павіи.

Правда, что въ Италіи, въ силу совершенно исключительныхъ условій, религіозная реформація была дѣломъ быть можетъ болѣе труднымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Итальянская нація была тѣсно связана съ папствомъ, благодаря которому Италія еще сохраняла хоть въ одномъ отношеніи то первенствующее положеніе среди всѣхъ остальныхъ націй Европы, которое въ политической сферѣ она давно уже утратила, а теперь была близка къ тому, чтобы утратить его даже въ области искусства и литературы. Могущество и величіе апостолическаго престола озяряло своимъ блескомъ всю страну, возбуждая зависть остальныхъ народовъ, видѣвшихъ въ ней резиденцію высшей католической власти. Въ поддержаніи церкви и блеска куріи особенно были заинтересованы княжескія и аристократическія

¹ Cantu, *Gli eretici d' Italia*, т. III, (Turin, 1867), стр. 130.

семьи, изъ которыхъ почти всѣ насчитывали не мало своихъ членовъ въ числѣ папъ, кардиналовъ и безчисленныхъ «*monsignori*» папскаго двора или, по крайней мѣрѣ, среди итальянскихъ епископовъ. Великій итальянскій писатель того времени Гвиччардинъ искренно признается во всѣхъ этихъ эгоистическихъ мотивахъ. «Положеніе, говоритъ онъ, занимаемое мною при нѣсколькихъ папахъ, вынуждаетъ меня лично любить ихъ величіе, хотя безъ этого обстоятельства я любилъ бы Мартина Лютера, какъ самаго себя, хотя-бы изъ-за того только, чтобы увидѣть эту толпу негодяевъ принужденными или отказаться отъ своихъ пороковъ или потерять свою власть ¹». Для тысячи людей, стоявшихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, вопросъ самаго существованія зависилъ отъ духовныхъ сановниковъ, безчисленныхъ монастырей, отъ иностранцевъ, наводнявшихъ Италію и въ особенности Римъ по дѣламъ церкви. Всеі массы художниковъ грозила непосредственная опасность отъ религіозной революціи, начинавшей съ уничтоженія иконъ, а между тѣмъ въ это время искусство сливалось во едино съ католическимъ культомъ. Наконецъ, низшіе, малообразованные классы мало привыкли задумываться надъ вопросами религіи: имъ она представлялась исключительно въ видѣ торжественныхъ церемоній и множества святыхъ, изъ числа коихъ каждый выбиралъ себѣ своего особеннаго фетиша,

¹ Guiccardin, *Ricordi*; Opere inedite, I, 97.

съ которымъ и вступалъ въ тѣснѣйшій союзъ. Холодные разсужденія новой секты и простота ея богослуженія имѣли мало прелести въ глазахъ страстнаго, чувственнаго народа, любящаго физическую красоту, шумъ, общественныя зрѣлища, живущаго со дня на день, не слишкомъ утомляя свои умственные способности. Даже образованные, на половину языческіе, классы были слишкомъ равнодушны къ вопросамъ религіи для того, чтобы выказать новымъ ученіямъ что нибудь большее, чѣмъ безразличное, въ сущности, сочувствіе, а въ особенности для того, чтобы рѣшиться ради него впасть въ немилость или же претерпѣть какія нибудь мученія.

А между тѣмъ несомнѣнно, что обратились къ протестантизму или по крайней мѣрѣ признавали его основныя положенія не одни только образованные люди, какъ это иногда утверждалось, а множество аристократовъ, представителей крупной и мелкой буржуазіи, что бы не сказать прямо простого народа ¹. Къ новому ученію присоединялись ремесленники, солдаты, монахи, не менѣе охотно чѣмъ князья, кардиналы, епископы, профессоры и академики. Не слѣдуетъ забывать, что если въ Италіи и были особенныя причины для укрѣпленія въ ней римской церкви, за то

¹ M. S. Gius. Civitali, *Storie de Lucca*; цитировано у Cantù, *Gli eretici d'Italia*, II, 476: „Moltiplicando in Italia i Luterani, disputandone apertamente fino agli artigiani ignoti et ignoranti di lettere, il qual abuso era venuto non meno in Lucca che negli altri luoghi“ и т. д.

тамъ же существовало и много такого, что сильно колебало ея основы. Нигдѣ смѣлыя и непочтительныя разсужденія гуманизма не проникали такъ глубоко въ общество, какъ въ Италиі; ни въ одной странѣ городское населеніе не выказывало такой склонности къ философскимъ сомнѣніямъ, какъ въ Италиі; наконецъ, нигдѣ нельзя было лучше судить о глубокой испорченности церкви и ея высшихъ представителей, объ этомъ генеральномъ штабѣ, который вмѣсто того, чтобы руководить религіознымъ воинствомъ, первый же покидалъ и разорялъ церковь для того, чтобы предаваться запрещеннымъ наслажденіямъ!

Словомъ, если съ одной стороны, справедливо, что историческое развитіе Италиі и общій характеръ ея населенія были мало приспособлены для обезпеченія за протестантизмомъ полной побѣды, то съ другой стороны не менѣе вѣрно, что въ началѣ XVI вѣка въ ней существовали довольно благопріятныя условія для временнаго и частичнаго успѣха реформатскихъ доктринъ.

Национальный характеръ Италиі былъ слишкомъ ярокъ, чтобы тотчасъ же не наложить на всю реформацію въ Италиі свой совершенно особый отпечатокъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ Верхней Италиі, на примѣръ Венеціи, гдѣ все новаторское движеніе находилось въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Лютеромъ и Меланхтономъ¹, оно приняло здѣсь два направле-

¹ Hase, *Baldissara (Balpassare) Altieri*; Jahrbücher für protestant. Theologie, III (1877), стр. 469 и слѣд.

нія, различныя между собой и въ то же время противуположныя стремленіямъ швейцарскихъ и германскихъ реформаторовъ. Первая группа этихъ итальянскихъ новаторовъ, которая очевидно произошла по прямой линіи отъ гуманизма, отличалась просвѣщенностью съ оттѣнкомъ рационализма, кротостью и терпимостью; другая, болѣе популярная, родилась изъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ и характеризуется своимъ энтузіазмомъ и мистицизмомъ.

Представителемъ перваго изъ этихъ двухъ направленій, былъ Хуанъ (Иванъ) Вальдесъ, испанецъ благороднаго происхожденія, жившій въ Неаполѣ¹. Принадлежа прежде къ свитѣ Карла V, онъ сопровождалъ императора въ Германію и тамъ вступилъ въ сношеніе съ Эразмомъ и главными реформаторами. Подобно своему брату Альфонсу, онъ писалъ въ защиту политики Карла V относительно римской куріи и такимъ образомъ невольно занялъ враждебное папству положеніе,

¹ Сочиненія Вальдеса находятся въ коллекціи *Reformistas antiguos de España*, т. IV, IX-XI, XV-XVII. Последний изъ этихъ томовъ снабженъ приложеніемъ, содержащимъ корреспонденцію двухъ братьевъ Вальдеса, Петруса-Мартира Вермилія и др. — Біографическія и бібліографическія примѣч. относительно обоихъ Вальдесовъ у Ed. Boehmer'a, *Spanish reformers*, т. I (Bibliotheca Wiffeniana, Strasbourg—London, 1874), составлены по матеріаламъ, собраннымъ Wiffen'омъ. — Римскій проф. Berti утверждалъ, что Вальдесъ былъ антитринитаріемъ; но это предположеніе успѣшно опровергнуто Ed. Boehmer въ *Rivista cristiana* (Флоренція, 1879), VII, 249.

вскорѣ получившее и догматическую окраску. Альфонсъ умеръ въ 1532 г. (мы еще вернемся къ нему), а Хуанъ, человекъ по природѣ очень мягкій и деликатный, перешелъ въ частную жизнь. Онъ поселился въ Неаполѣ, какъ извѣстно находившемся въ то время подъ владычествомъ испанцевъ. Будучи слабаго здоровья и отличаясь болѣе просвѣщеннымъ и свободолюбивымъ умомъ, чѣмъ предприимчивымъ и смѣлымъ характеромъ, Вальдесъ избѣгалъ выказывать свои новаторскія симпатіи; но въ лицѣ флорентинца Петруса Мартира Вермилія, пріора августинцевъ въ Неаполѣ, онъ нашелъ увлекающагося и рѣшительнаго друга, истиннаго пророка. Вокругъ этихъ-то двухъ людей, въ предмѣстьи Кіайя, образовался кружокъ сторонниковъ религіозной реформы, въ составъ котораго вошли, кромѣ аристократовъ и ученыхъ, особенно много женщинъ. Здѣсь мы упомянемъ только Галеаццо Караччіоло, шамбеллана императора, еще молодого человекъ, принадлежавшаго къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Неаполя и весьма цѣнимаго за высокія качества ума и сердца; знаменитую поэтессу Витторію Колонна, маркизу де Пескара, подругу Микель Анджело; Юлію Гонзаго, герцогиню де Траетти, первую красавицу того времени. Въ собраніяхъ этихъ ученыхъ и блестящихъ людей говорилось не о сухихъ догматахъ, не о роковомъ предопредѣленіи, но о томъ, что, по ихъ мнѣнію, всякій человекъ могъ заслужить вѣчное спасеніе однимъ признаніемъ Іисуса Христа и вѣрою въ

него. «Я какъ огня боюсь, говаривалъ Вальдесъ, преслѣдовать кого-бы-то ни было и какъ бы то ни было подъ предлогомъ служить этимъ Богу». Ему казались безусловно запрещенными—всякое мученіе, бесполезно причиненное тѣлу, всякая жестокость относительно приверженцевъ различныхъ вѣроисповѣданій¹.

Естественно, что такіе просвѣщенные взгляды, такое благородное и симпатичное вѣроученіе привлекали къ нему очень много учениковъ. Апостолическій пронотарій Петръ Карнесекки, бывшій секретарь папы Климента VII, рѣшительно перешелъ на сторону Вальдеса. Архіепископъ Отрантскій состоялъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ неаполитанскимъ реформаторомъ; онъ присутствовалъ при кончинѣ послѣдняго (Вальдесъ умеръ рано, въ 1541 г.) и повсюду рекомендовалъ чтеніе его сочиненій. Впослѣдствіи говорили, что Вальдесъ погубилъ больше душъ, чѣмъ всѣ ландскнехты, вмѣстѣ взятые, погубили тѣль. И дѣйствительно: реформація насчитывала въ Неаполѣ болѣе трехъ тысячъ сторонниковъ, и среди нихъ не мало профессоровъ и преподавателей².

Движеніе захватило даже бенедиктинцевъ стариннаго Монтекассинскаго монастыря, одинъ монахъ котораго, Баптистъ Фоленджи, также вполне при соединился къ реформаціи³, находив-

¹ J. de Valdès, 110, *Considerazioni*, nrs. 69 — 76—79.

² K. Benrath, *Bernardino Ochino* (Leipzig, 1875), стр. 77.

³ Онъ издалъ въ Базелѣ въ 1557 г. Комментаріи на псалмы.

шей сторонниковъ и въ другихъ провинціяхъ Италіи. Въ Сіеннѣ догматъ Искупленія смѣло проповѣдывался согласно съ нѣмецкими доктринами ученымъ гуманистомъ и поэтомъ Аоніо Палеаріо де-Вероли. Палеаріо былъ привлеченъ къ суду и хотя былъ оправданъ, но долженъ былъ покинуть Сіенну; однако въ ней осталось еще много его единомышленниковъ. Такъ какъ его пригласили въ качествѣ профессора сперва въ Лукку, затѣмъ въ Миланъ, то онъ могъ распространять свои реформаторскія идеи въ обоихъ этихъ городахъ. Въ особенности въ Луккѣ вокругъ него образовалась довольно значительная протестанская община. Въ Луккѣ-же была основана Петрусомъ Мартиромъ, переселившимся сюда изъ Неаполя, школа, какъ будто предназначавшаяся для послушниковъ его ордена, а на самомъ дѣлѣ ставшая протестанской школой, которую вскорѣ стали посѣщать знатнѣйшіе юноши этой маленькой республики. Даже само правительство въ цѣломъ рядѣ своихъ дѣйствій обнаружило явную склонность къ новому ученію: *старѣйшины* не принимали больше официальнаго участія въ церковныхъ церемоніяхъ; а затѣмъ, въ 1540 г., въ Луккѣ было отмѣнено празднованіе святыхъ ¹.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ мистическихъ и народныхъ реформаторскихъ стремленій былъ Бернардино Окино изъ Сіенны. Это былъ

¹ Masi, J. *Burlamacchi e Renata d'Este*. (Bologna, 1876), стр. 79, примѣч. 3.

страстный энтузіастъ, крайнее аскетическое благочестіе котораго побудило его поступить сперва въ орденъ францисканцевъ строгаго послушанія, а затѣмъ перейти къ еще болѣе суровымъ капуцинамъ, немедленно послѣ ихъ основанія. Его рвеніе, смиреніе, ученость, его увлекательная и страстная проповѣдь вскорѣ сдѣлали его знаменитымъ по всей Италіи, прославивъ его, какъ святого, и обезпечивъ за нимъ положеніе генеральнаго викарія и почетный титулъ апостолическаго миссіонера. Не высказываясь открыто за реформу, онъ тѣмъ не менѣе и въ своихъ сочиненіяхъ и въ проповѣдяхъ опирался исключительно только на Библію.

Сторонники новой религіи находили вѣрную поддержку и дѣйствительную помощь у герцогини Ренаты Феррарской¹. Эта принцесса, дочь французскаго короля Лудовика XII, получила литературное и даже научное образованіе. Воспитанная въ реформатскомъ духѣ своею двоюродной сестрой, королевой Маргаритой Наварской, она была много энергичнѣе и искреннѣе послѣдней. Будучи выдана замужъ за пошлаго и расточительнаго принца, она сдѣлала свой дворъ центромъ всѣхъ собраній ученыхъ и поэтовъ и убѣжищемъ преслѣдуемыхъ протестантовъ. Начиная съ 1528 г., благодаря вліянію ея и ея окружающаго, многочисленное населеніе столицы, въ то

¹ J. Blumer, *Renata von Ferrara* (Frankfort, 1870).— Mazi, *J. Burlamacchi e Renata d'Este*.

время большаго и блестящаго города, перешло въ реформатскую вѣру, а оттуда разсѣялось по всѣмъ остальнымъ частямъ герцогства. Вскорѣ на Модену стали смотрѣть, и не безъ основанія, какъ на городъ еретиковъ¹. Самъ епископъ Мороне покровительствовалъ новаторамъ. Академія, часть членовъ которой были знаменитые гуманисты, цѣликомъ отдалась реформациі. Католическихъ проповѣдниковъ преслѣдовали и высмѣивали въ самой церкви². Кальвинъ, изгнанный изъ Франціи, жилъ нѣсколько мѣсяцевъ при дворѣ герцогини Ренаты, которая и въ послѣдствіи поддерживала съ нимъ оживленную переписку.

Въ 1530 г. папа Климентъ VII съ горестью восклицалъ: «Зараза ереси Лютера проявляется не только среди свѣтскихъ людей, но также и среди священниковъ и монаховъ!» Онъ не ошибался: во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ Италіи было по одному или по нѣсколько выдающихся людей, которые держались болѣе или менѣе еретическихъ мнѣній. Флорентинецъ Бруччіоли перевелъ Библию на тосканскій языкъ и открыто нападалъ на католическое духовенство; даже въ Болоньи, этомъ исключительно папскомъ городѣ, имѣлись протестантскія общины. Да и въ самомъ Римѣ, въ столицѣ ка-

¹ Письмо Мороне къ кард. Контарини отъ 21 мая 1542; *Epistolae Reginaldi Poli*, т. III, стр. 267 и слѣд.—Мороне къ кард. Санта Кроче, 25 іюля 1542; *Dittrich, Regesten und Briefe Contarinis* (Braunsberg, 1881), стр. 397 и сл.

² *Cantu*, II, 156.

толицизма, торжествующая ересь проникла въ ряды духовенства и обратила нѣсколькихъ римскихъ священниковъ въ проповѣдниковъ новыхъ идей¹.

Папы скоро поняли всю опасность постоянно продолжающагося роста ереси на полуостровѣ, — роста, грозившаго не только спокойствію, но даже самому существованію папства. Адріанъ VI, человекъ правдивый, простой и искренній, но слишкомъ короткое время занимавшій апостольскій престолъ, желалъ побороть ересь серьезными реформами, долженствовавшими возродить прежнее величіе церкви и уничтожить неудовольствіе противъ нея. Съ этою цѣлью онъ призвалъ къ себѣ Джіованни-Пьетро Караффу и Марцела Гаэтани, извѣстныхъ своимъ религіознымъ рвеніемъ и строгостью нравовъ. Затѣмъ онъ рѣшилъ прекратить продажу духовныхъ званій и бенефицій, практиковавшуюся въ широкихъ размѣрахъ римскою *Датерією*, отмѣнить назначеніе кандидатовъ на еще занятая должности и въ конецъ уничтожить торговлю индульгенціями. Однако курія, заинтересованная въ поддержаніи этихъ выгодныхъ для нея злоупотребленій, всѣми способами боролась противъ указанныхъ необходимыхъ нововведеній. Дѣло дошло даже до того, что самого папу стали попрекать «лютеранствомъ». Такимъ образомъ испорченность и католицизмъ стали казаться самимъ вождямъ церкви чѣмъ-то тождественнымъ!

¹ Benrath, въ Аугсбургской «Algemeine Zeitung» приложение отъ 6 апрѣля 1877 г.

Пятнадцать лѣтъ позже, папа Павелъ III призналъ необходимымъ привлечь къ св. престолу выдающихся итальянцевъ, которые, хотя и обнаруживали склонность къ новому ученію, но все же еще открыто не порвали съ католицизмомъ. Этимъ способомъ онъ надѣялся лишить сектантовъ самыхъ талантливыхъ и уважаемыхъ вождей, а церкви дать новыхъ защитниковъ, которые были бы для нея очень полезны въ борьбѣ, становившейся все болѣе и болѣе общей и ожесточенной. Папа не безъ основанія льстилъ себя надеждой, что эти талантливые люди, еще сомнѣвающіеся въ выборѣ пути, которому имъ надлежало слѣдовать, будутъ увлечены громадностью церковной реорганизаціи, къ которой привлечены; обольщены почестями, которыми они будутъ осыпаны, и наконецъ удовлетворятся великой и важной дѣятельностью, открывающей передъ ними. Онъ началъ съ того, что въ 1536 г. сдѣлалъ кардиналомъ венеціанца Гаспара Контарини, о которомъ мы уже упоминали; затѣмъ по совѣту Контарини назначилъ въ св. коллегію Якова Садолетти, родомъ изъ Модены, изящнаго писателя, поэта и въ то же время священника, отличавшагося необыкновенной простотой и удивительно строгими нравами, которыми онъ обратилъ на себя вниманіе, когда занималъ епископскій престолъ въ Карпентра; англичанина Реджинальда Поля, покинувшаго свою родину, чтобы не примкнуть къ расколу Генриха VIII, но вмѣстѣ съ тѣмъ принявшаго нѣмецкую док-

трину объ Искупленіи; Гиберти, епископа веронскаго, человека одинаково способнаго, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ крупныхъ политическихъ дѣлахъ. Особенно охотно папа совѣтовался съ Фредерикомъ Фрегозе, архіепископомъ салернскимъ, и съ уроженцемъ Модены—Бадіа, гофмейстеромъ папскаго дворца. Всѣ эти прелаты сочувствовали коренной реформѣ церкви и почти всѣ состояли членами Ораторіи Божественной Любви. Павель III съумѣлъ возбудить въ нихъ глубокую привязанность къ себѣ, что было мастерскимъ шагомъ со стороны этого первосвященника, такъ какъ быть можетъ только благодаря этому онъ спасъ католицизмъ въ Италіи.

Павель имѣлъ повидимому серьезное намѣреніе осуществить съ помощью этихъ выдающихся людей важныя реформы. Онъ требовалъ отъ кардиналовъ, чтобы въ ихъ поведеніи не было поводовъ къ публичнымъ скандаламъ. Собранія св. Коллегіи собирались чаще и стали серьезнѣе; теперь тамъ только говорили о перемѣнахъ и разнаго рода улучшеніяхъ или внимательно обсуждались предлагавшіеся съ этою цѣлью каноны¹. Въ 1537 г. папа учредилъ комиссію изъ четырехъ кардиналовъ и пяти прелатовъ для выработки общаго плана уничтоженія существующихъ злоупотребленій, при чемъ каждому изъ этихъ комиссаровъ даны были инструкціи самаго

¹ *Кардиналь Контарини къ кардиналу Полю, Рома, 12 мая 1537; Quirini, II, 30.—Кардиналь Контарини къ кард. Фарнезе, 27 іюня 1541; Dittrich, 205.*

серьезнаго характера: «Избравъ тебя, мы надѣемся, что ты возстановишь власть Христа, уже позабытую мірянами, а также и среди духовенства, въ сердцахъ и дѣлахъ его; что ты исцѣлишь наши болѣзни и вернешь стадо Христово въ его единственное убѣжище; удалишь отъ насъ гнѣвъ и мечь Господа, заслуженные нами и уже готовые покарать насъ!» Комиссары принялись за дѣло и, относясь къ нему съ должною серьезностью, предложили рядъ мѣръ; но они скоро поняли, что, къ несчастью, главный источникъ зла заключался въ злоупотребленіи высшей властью самими папами и въ ихъ постоянномъ обычаѣ избирать самыхъ высшихъ сановниковъ церкви не для блага христіанства, но для потворства своихъ собственныхъ страстей и наслажденій. Въ силу этого они потребовали, чтобы всѣ духовныя милости св. отца давались бы бесплатно, такъ какъ прежній образъ дѣйствій былъ несомнѣнно однимъ изъ актовъ симоніи¹.

Эти упреки, направлявшіеся непосредственно къ св. престолу, и угроза лишить его, до сихъ поръ неизсякаемаго, источника доходовъ, совершенно отвратили Павла III отъ дальнѣйшихъ попытокъ реформъ, которыя на этомъ и остановились. Всѣ краснорѣчивыя заявленія, когда-то столь торжественно провозглашенныя главою церкви,

¹ *Consilium electorum cardinalium et aliorum praelatorum de emendanda Ecclesia: S. D. N. Pauli III ipso jubente conscriptum et exhibitum 1538; Dittrich, стр. 279 и слѣд.*

были преданы забвенію. Теперь папа только благосклонно позволялъ еще Контарини обращаться къ нему съ письмами, въ которыхъ послѣдній рѣзко нападалъ на злоупотребленія куріи и римскихъ епископовъ и смѣло ратовалъ за полную свободу разума въ религіозныхъ вопросахъ.

Папа ограничивался очень любезнымъ обмѣномъ мыслей съ кардиналомъ по этимъ вопросамъ, даже учредилъ новыя комиссіи для специальныхъ реформъ и сверхъ того въ 1538 г. назначилъ кардиналами двухъ знаменитыхъ ученыхъ: Петра Бембо, главу *цицероновцевъ*, выдающагося по своему таланту писателя, и Иеронима Алеандра, который въ 24 года считался чудомъ учености и былъ страстнымъ сторонникомъ созванія собора. Въ сущности же Павелъ III не сдѣлалъ ничего серьезнаго и дѣйствительнаго; все осталось по старому. Консервативные элементы вновь подняли голову, и мало по малу люди, которыми Павелъ окружилъ себя въ началѣ своего царствованія, стали подвергаться обвиненіямъ въ вѣроотступничествѣ и лютеранствѣ¹. Вскорѣ папскій дворъ нашелъ болѣе удобнымъ бороться съ еретиками не путемъ церковныхъ реформъ и предупрежденіемъ нападокъ еретиковъ благодѣтельными нововведеніями, но стремясь прямо уничтожить ихъ. Всякое противорѣчіе подавлялось огнемъ и кровью, стали даже подумывать о томъ, чтобы вновь ввести въ Ита-

¹ *Контарини къ Фарнезе*, 23 августа 1541; *Dittrich*, стр. 346.

ліи *инквизицію*. Таковъ былъ конецъ попытки Павла III произвести реформу¹.

14 января 1542 года папа издалъ приказъ, по которому всѣ духовныя лица и вообще всѣ, считавшіе себя не подлежащими вѣдѣнію инквизиціоннаго суда, на будущее время подчинялись ему; исключенія допускались лишь по особымъ повелѣніямъ святого отца. При этомъ предписывалось всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви и потери имущества, содѣйствовать инквизиціи и исполнять ея приговоры.

Но прежде всего необходимо было сдѣлать изъ инквизиціи такое учрежденіе, которое бы дѣйствительно было въ состояніи сослужить полезную службу римской ортодоксіи, угрожаемой со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, инквизиція, введенная въ церковь въ XII вѣкѣ, а въ XIII вѣкѣ ввѣренная доминиканцамъ, быстро ослабѣвала, столкнувшись съ силою религіозныхъ убѣжденій, особенно въ XV в. Въ XVI в. уже многіе монахи сами склонялись къ религіозной реформѣ. Инквизиція воскресла въ Испаніи при католическихъ короляхъ въ 1477 году, но при этомъ она была подчинена свѣтской власти. Въ Италиі остаткі доминиканской или епископской инквизиціи оказывались неспособными бороться съ новыми доктринами. Она не имѣла центральнаго управленія, и только въ рѣдкихъ случаяхъ папы назначали

¹ Bullarium Romanum (Люксамбургское изданіе 1727 г.), т. I, стр. 751.

иногда генеральнаго инквизитора; она не имѣла даже правильной и постоянной организаціи: то появлялось въ какой-нибудь провинціи нѣсколь-ко инквизиторовъ, то ихъ не было вовсе. Епископы и офицеры папскаго двора не подлежали суду инквизиціи. Все это крайне возмущало Джованни Пьетро Караффа, епископа кіетскаго, основателя ордена театинцевъ. Призванный въ Римъ Павломъ III, онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ и съ этого времени занималъ важное положеніе при папскомъ дворѣ. Здѣсь онъ задумалъ учредить верховный инквизиціонный трибуналъ, долженствовавшій распространить свое дѣйствіе на всю Италію. Будучи въ теченіи многихъ лѣтъ апостолическимъ нунціемъ въ Испаніи, онъ проникся тамъ фанатическимъ духомъ страны и ея пылкимъ благочестіемъ. Испанское духовенство хотѣло преобразовать и возстановить религію строгими и жестокими мѣрами и всегда видѣло въ инквизиціи лучшее средство для достиженія этой цѣли. Вполнѣ понятно, что Караффа, видѣвшій какъ дѣйствуетъ это учрежденіе въ Испаніи во славу мрачнаго, исключительнаго и жестокаго католицизма, захотѣлъ подражать ему. Съ обязанностями инквизитора онъ уже ознакомился въ теченіе своего долгаго пребыванія въ Венеціи ¹ и теперь онъ задался мыслью осуществить въ широкомъ смыслѣ универсальную

¹ Письмо Караффы къ неизвѣстному лицу отъ 3 іюля 1536; Brieger въ *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, т. V, (1882), стр. 587.

инквизицію по образцу испанской, и въ то же время всецѣло и исключительно подчинить ее папской власти. Точная и правильная организація инквизиціи должна была обезпечить ей постоянную дѣятельность, направляемую однообразными и неизмѣнными правилами; она должна была быть въ состояніи дѣйствовать противъ всякаго сановника церкви, не обращая вниманія ни на его рангъ, ни на положеніе; напротивъ, она долженствовала поражать самыхъ выдающихся, а потому и наиболее опасныхъ, людей.

Когда Павелъ III призвалъ Караффу и спросилъ его: «Какъ намъ поступать, чтобы побѣдить еретиковъ и удержать католиковъ въ ихъ вѣрѣ? ¹»,—тогда кардиналъ развилъ ему свой планъ, представлявшій инквизицію единственнымъ учрежденіемъ, могущимъ спасти религію, которой грозила опасность даже въ самой Италиі отъ всевозраставшаго числа еретиковъ и главнымъ образомъ отъ того, что многіе монахи, священники, епископы и даже инквизиторы, относятся благоклонно къ еретическимъ доктринамъ ². Въ этомъ планѣ Караффу сильно поддерживалъ братъ Іоаннъ Толедскій, кардиналъ - архіепископъ бургосскій, испанскій доминиканецъ и, въ качествѣ таковаго, пламенный сторонникъ инквизиціи.

Павелъ III, озабоченный интересами церкви, а еще болѣе интересами св. престола, въ тѣхъ

¹ M. S. Caracciolo, *Vita di Paolo IV*, lib. III; цитировано Венратомъ, *Bern. Ochino*, стр. 112.

² Brotato, т. II, стр. 60.

случаяхъ, когда они не шли въ разрѣзъ съ интересами его семьи или же папскаго государства, и къ тому же большой поклонникъ Караффы, призналъ наконецъ важность такой реформированной и всемогущей инквизиціи для защиты ортодоксіи противъ изодня въ день все болѣе угрожавшихъ захватовъ лютеранства. Но большинство кардиналовъ не хотѣло и слышать о репрессивныхъ мѣрахъ; многіе изъ нихъ еще надѣялись на установленіе религіознаго мира посредствомъ общаго собора и о соглашеніи этимъ путемъ церкви съ протестантами. Такой исходъ борьбы, котораго желали всѣ умеренные и благожелательные люди, сдѣлался бы совершенно невозможнымъ при беспощадномъ преслѣдованіи лютеранъ и полулютеранъ. Съ своей стороны Караффа не вѣрилъ въ дѣйствительность собора, потому что онъ не желалъ дѣлать ни малѣйшей уступки еретикамъ, но такъ какъ онъ былъ настолько же хитеръ, насколько и фанатиченъ, то онъ предложилъ кардиналамъ, принадлежащимъ къ миролюбивой партіи, приступить къ подготовительнымъ мѣрамъ въ видахъ созванія общаго Собора и въ то же время сдѣлать опытъ съ инквизиціей противъ худшихъ изъ еретиковъ. Этимъ способомъ онъ добился своего. Его противники, которыхъ онъ не могъ убѣдить, испуганные его непримиримой ревностью и все возростающимъ вліяніемъ на папу, удалились въ Витербо къ кардиналу Полю и тамъ сгруппировались около этого ученаго и любезнаго прелата. Это являлось мол-

чаливымъ неодобреніемъ, которое Караффа никогда не могъ забыть и простить своему товарищу.

Въ концѣ концовъ онъ восторжествовалъ по всей линіи. Булла *Licet ab initio*, учредившая инквизицію, была опубликована 21 іюля 1541 г.¹ Этой буллой учреждалась Верховная Комиссія инквизиціи, составленная изъ шести кардиналовъ, подъ предсѣдательствомъ самого Караффы въ качествѣ великаго инквизитора. Въ числѣ членовъ находились: кардиналъ бургосскій, еще одинъ кардиналъ - доминиканецъ и, наконецъ, старый кардиналъ Гвидичіони, противникъ іезуитовъ, извѣстный своей большой опытностью въ дѣлахъ и неумолимою строгостью. Булла предоставляла имъ неограниченныя права для розыска и наказанія преступленій противъ религіи, допуская пытку и конфискацію имущества. Инквизиціонная конгрегація была совершенно освобождена отъ всякаго вмѣшательства со стороны обыкновенныхъ прихожанъ. Въ то же время она представляла собою апелляціонную инстанцію для низшихъ инквизиціонныхъ судовъ, которые назначались ею же самою. Этотъ верховой судъ предназначался не только для Італіи, но также и для странъ по ту сторону горъ, что было тотчасъ же признано однимъ иностраннымъ королемъ, а именно португальскимъ, немедленно подтвердившимъ въ своихъ владѣніяхъ права римскаго великаго инквизитора.

¹ *Bullar. Roman.*, I, стр. 762 и слѣд.

Караффа не ошибся: созданная имъ инквизиція была единственнымъ средствомъ, которое могло поддержать въ Италіи религіозное единство, но при условіи, чтобы это ужасное орудіе направлялось такою сильною и энергичною рукою, какъ его. Мы уже видѣли, что ересь сдѣлала на полуостровѣ быстрые успѣхи; но большинство тѣхъ, кого она захватила, были люди неувѣренныя, колеблящіеся, вовсе не желавшіе порвать со старою церковью. Еще было время навести на нихъ ужасъ страшными ударами, рассчитанными и постоянными мѣрами, неустанными и непоощадными преслѣдованіями. Слѣдовало безотлагательно уничтожить всѣхъ рѣшительныхъ еретиковъ, всѣхъ вождей новаторскаго движенія и тѣмъ отнять у слабыхъ ихъ духовныхъ руководителей, которые могли поддерживать въ нихъ неортодоксальныя убѣжденія, и тогда напуганное и никѣмъ не руководимое большинство могло бы легко быть возвращено въ лоно церкви. Въ виду этихъ соображеній Караффа немедленно приступилъ къ дѣйствию.

Несмотря на то, что онъ уже не былъ богатъ, Караффа нанялъ на свой собственный счетъ домъ, который былъ имъ приспособленъ для резиденціи инквизиціоннаго трибунала. Въ немъ имѣлись комнаты для чиновниковъ и всѣхъ служащихъ, а главнымъ образомъ темницы съ крѣпкими замками, цѣпями и всѣми орудіями пытки¹.

¹ *Біографы Караффы видятъ въ этомъ его наибольшую славу; Bromato, II, 185.*

Всѣ эти подробности имъ были соображены съ истинной любовью къ искусству. Ничто не можетъ быть характеристичнѣе и въ то же время дѣйствительнѣе тѣхъ четырехъ правилъ, которыя онъ установилъ для будущей дѣятельности инквизиціи: наказывать даже только по подозрѣнію въ ереси; не обращать никакого вниманія ни на духовное, ни на свѣтское положеніе лица; карать главнымъ образомъ тѣхъ, которые желаютъ опираться на сильныхъ мира, и никогда не быть снисходительнымъ съ еретиками, особенно съ кальвинистами, которыхъ церковь считаетъ своими злѣйшими врагами. Въ частныхъ разговорахъ, онъ высказывалъ еще одинъ слѣдующій важный принципъ: «св. инквизиція должна стараться прежде всего наказывать великихъ мира, если они еретики, потому что спасеніе низшихъ классовъ зависитъ отъ ихъ наказанія». Этотъ инквизиторъ, политическія воззрѣнія котораго не отличались особою нравственностью, былъ очевидно искуснымъ ученикомъ школы Макиавеля. И дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ, подвергшихся преслѣдованію инквизиціи, былъ Витторіо Соранцо, епископъ бергамскій, принадлежавшій къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Венеціи. Онъ былъ заключенъ въ замокъ св. Ангела и окончательно лишенъ епископскаго престола. Строгость, примѣненная къ столь значительнымъ людямъ, произвела, съ точки зрѣнія церкви, глубокое и спасительное впечатлѣніе на массу тайныхъ протестантовъ. Вначалѣ образъ дѣйствій Караф-

Фы встрѣтилъ много противниковъ среди кардиналовъ и даже римскихъ папъ; но онъ придерживался разъ избраннаго пути съ такимъ упорствомъ и горячностью, что въ концѣ концовъ одержалъ полную, хотя и кровавую, побѣду и надъ противниками и надъ недостаточно ревностными друзьями римской церкви.

Руководствуясь такими правилами, Караффа не могъ испытывать недостатка въ преступникахъ. Вскорѣ послѣ возстановленія инквизиціи темницы были переполнены заключенными. Всюду у него имѣлись шпіоны; обвинить можно было всякаго, и по малѣйшему подозрѣнію хватали и заключали въ тюрьмы¹.

Первою намѣченною жертвою инквизиціи былъ знаменитый проповѣдникъ Бернардинъ Оккино, главный викарій ордена капуциновъ. Павелъ III попытался было заставить венеціанскую сенъерію выдать этого ересіарха, но ему это не удалось. Тогда онъ рѣшилъ захватить его хитростью². Кардиналь Фарнезе, внукъ его святѣйшества, написалъ ему въ Верону и любезно приглашалъ его пріѣхать въ Римъ, «ради важныхъ дѣлъ». Оккино, хорошо знавшій, что въ Римъ были вызваны свидѣтели, которые должны были его обвинить, отнесся крайне подозрительно къ приглашенію кардинала; но, получивъ рѣшительное приказаніе явиться въ столицу христіанства, онъ, хотя и не торопясь, все же отправился въ

¹ Muratori, *Annali d'Italia*, т. X, стр. 361.

² Benrath, *Ochino*, стр. 114 и слѣд.

путь. По дорогѣ ему сообщили, что ему готовится самая страшная участь, если только онъ не откажется, вполнѣ отъ своихъ еретическихъ убѣжденій, а потому, доѣхавъ до Флоренціи, онъ рѣшилъ послушаться и покинуть Италію. Аскане Колонна, братъ знаменитой Викторіи, далъ ему слугу и лошадь, а герцогиня Рената Феррарская снабдила его одеждой и необходимыми вещами для путешествія и такимъ образомъ онъ, избѣгнувъ всѣхъ опасностей, достигъ Женевы, гдѣ и нашелъ спокойное убѣжище отъ преслѣдованій инквизиторовъ. Аскане Колонна продолжалъ высылать ему туда денежные пособія.

Другой капуцинъ и не менѣе знаменитый проповѣдникъ, братъ Іеронимъ Мельфійскій, по послѣдовалъ за нимъ въ Римъ кальвинистовъ. Весь орденъ былъ зараженъ идеями своего генерала, а потому многіе изъ его членовъ были заключены въ тюрьмы, другіе принуждены были отречься отъ своихъ убѣжденій, и даже въ теченіе нѣкотораго времени опасность грозила всему ордену, пока большинство коллегіи кардиналовъ не рѣшило сохранить его. Съ этихъ поръ орденъ сталъ одной изъ самыхъ вѣрныхъ опоръ католицизма въ Италіи.

Одинъ изъ старѣйшихъ предводителей протестантства въ Неаполѣ, Петръ-Мартирій Вермильи, также былъ привлеченъ въ судилище вѣры. Онъ былъ ближайшимъ другомъ Оккино и вскорѣ послѣдовалъ за нимъ въ его изгнанье. Инквизиція приказала его арестовать и приглашала всѣхъ

правителей въ Италіи привести этотъ приказъ въ исполненіе, но Вермильи удалось избѣжать всѣхъ ловушекъ, поставленныхъ его врагами, и онъ добрался до Женевы цѣлымъ и невредимымъ.

Инквизиція была въ отчаяніи, выпустивъ изъ своихъ рукъ этихъ двухъ ересіарховъ. Караффа, считавшій себя призваннымъ провидѣньемъ исключительно для истребленія еретиковъ, опубликовалъ письмо къ Оккино, въ которомъ онъ не только нападалъ на его мнѣнія, но и затрогивалъ его, какъ человѣка. Однако, хотя инквизиція и лишилась своихъ двухъ жертвъ, она тѣмъ не менѣе достигла, благодаря ихъ бѣгству, своей главной цѣли, потому что лишила протестантизмъ въ Италіи самыхъ вліятельныхъ проповѣдниковъ и руководителей. Сами кардиналы считали Оккино истиннымъ главою лютеранства въ Италіи. Какое значеніе могла имѣть его смерть и смерть Вермильи для интересовъ католицизма, и въ сущности развѣ не то же самое достигалось тѣмъ, что они были изгнаны изъ полуострова? Ихъ краснорѣчіе и личный великій примѣръ не могли болѣе увлекать тысячи благочестивыхъ людей на путь ереси. Этимъ былъ нанесенъ страшный ударъ дѣлу реформы въ Италіи, которое уже никогда не могло вновь подняться въ ней.

Еще одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ протестантизма въ Италіи, Челіо Куріоне, былъ однажды окруженъ сбирами, посланными противъ него св. инквизиціей, но будучи человѣ-

комъ сильнымъ и рослымъ, онъ схватилъ ножъ и, потрясая имъ, пробился чрезъ цѣпь стрѣлковъ, не посмѣвшихъ на него напасть. Затѣмъ онъ вскочилъ на лошадь и помчался къ границѣ Швейцаріи, которую и достигъ безъ препятствій. Послѣ всѣхъ этихъ событій, страхъ овладѣлъ тайными протестантами, особенно въ Моденѣ, гдѣ ихъ находилось великое множество. Многіе старались спастись, обвиняя своихъ сотоварищей; другіе же бѣжали въ Германію.

Инквизиція жестоко свирѣпствовала по всей Италіи. Семейные раздоры и партіи, раздиравшія почти всѣ города Италіи, сильно помогали ей; этому же служила и ненависть монаховъ къ гуманистамъ. Противники взаимно обвиняли другъ друга¹. Всюду царила борьба, доносы, страхъ; героизма обнаруживалось мало, но замѣнь его много подлости и низости! То было уже время упадка и вырожденія Италіи, когда она утратила свою силу и свое нравственное величіе. Моденская Академія распалась, и тотъ геройскій духъ, который обнаружили протестанты Германіи, Франціи и Шотландіи, былъ далекъ отъ Апеннинскаго полуострова.

Такъ какъ Вермильи былъ проповѣдникомъ протестантской общины въ Луккѣ, то инквизиція прежде всего направила свои удары на этотъ городъ. Уже въ теченіе перваго года ея существованія, въ 1542 г., начались преслѣдованія

¹ Письмо кардинала равеннскаго къ кардиналу Контарини; Quirini, III, 208.

въ этой маленькой республикѣ, что принудило многихъ жителей ея, считавшихся подозрительными, искать спасенія въ бѣгствѣ¹. Вначалѣ сенатъ оказывалъ весьма слабое содѣйствіе Риму, но такъ какъ республикѣ постоянно угрожало властолюбіе Космы Медичи, герцога Флорентійскаго, который съ помощью своего друга, императора, желалъ присоединить республику къ своему герцогству, то она не хотѣла давать повода своимъ опаснымъ противникамъ для начала враждебныхъ дѣйствій противъ себя. Однажды агентъ республики Людовикъ Бальбани, находясь въ Брюсселѣ, былъ спрятанъ благоволившимъ къ нему канцлеромъ Гранвеллой за драпировками въ комнатѣ императора, и тамъ подслушалъ разговоръ между Карломъ V, апостолическимъ нунціемъ и посланникомъ Космы Медичи. Въ этомъ разговорѣ шла рѣчь о лишеніи Лукки ея свободы, если она будетъ давать дурные примѣры въ дѣлахъ религіи². Эти вѣсти сильно встревожили старѣйшинъ маленькаго государства. Они стали тогда издавать время отъ времени строгіе эдикты противъ тѣхъ, кто выражаетъ еретическія мнѣнія или имѣетъ противуортодоксальныя книги. Въ 1545 г. они даже, по своему собственному почину, учредили *Особую Канцелярію по дѣламъ вѣры* съ цѣлью раскрытія и наказанія новаторовъ.

¹ Santu, т. II, стр. 467 и слѣд.

² Фактъ этотъ, по своей романичности казавшійся мало вѣроятнымъ, подтверждается теперь архивами города Лукки: Masi, *J. Burlamacchi*, стр. 84.

Наиболѣе знаменитымъ еретикомъ города Лукки былъ Францискъ Бурламакки, который, соединяя политическій либерализмъ съ религіознымъ, желалъ одновременно вернуть церковь посредствомъ собора къ ея первобытной бѣдности, изгнать папу изъ Италіи, возстановить свободу Флоренціи и Пизы, и такимъ образомъ, образовать республиканскую лигу всѣхъ городовъ Тосканы¹. Сенатъ былъ принужденъ выдать его императору, который приказалъ (въ 1548 г.) казнить его.

Все это еще не удовлетворяло кровавую ревность инквизиціи Караффы. Много разъ она пыталась принудить сенатъ города Лукки допустить къ себѣ апостолическаго инквизитора; но, къ счастью, епископомъ этого города былъ очень вліятельный въ Римѣ кардиналъ Гвидичіони. Опираясь на него и, съ другой стороны, беря на самое себя инициативу нѣкоторыхъ преслѣдованій, г. Луккѣ каждый разъ удавалось устранить чуждыхъ инквизиторовъ, которые не безъ основанія казались постоянною угрозою ея свободѣ и независимости. Далѣе мы увидимъ, что ей предстояло еще выдержать довольно сильную борьбу противъ стремленія римскихъ инквизиторовъ ввести въ этой маленькой республикѣ подчиненный имъ инквизиціонный трибуналъ.

Мѣстомъ, гдѣ болѣе всего положили своихъ трудовъ Оккино и Вермильи, былъ Неаполь, но доступъ въ него былъ труднѣе для римской ин-

¹ Masi, *J. Burlamacchi*, стр. 37.

квизиціи въ виду господства тамъ Испаніи, которая не любила вмѣшательства иноземныхъ властей, хотя бы даже это была власть папы, въ ея внутреннія дѣла. Но взамѣнъ этого церковь могла быть вполне увѣрена, что испанское правительство, отличавшееся по самой своей природѣ крайнею нетерпимостью, само приметъ мѣры строгости противъ ереси и еретиковъ. Дѣйствительно, Карль V поручилъ своему вице-королю Петру Толедскому, брату кардинала бургосскаго, ближайшаго друга Караффы, продолжать съ неослабѣвающей энергіею уничтоженіе ереси¹. Петръ Толедскій началъ съ того, что запретилъ ввозъ въ страну какихъ бы то ни было сочиненій богословскаго или философскаго содержанія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были одобрены папою. Онъ жегъ на громаднхъ кострахъ массы запрещенныхъ книгъ; закрылъ въ Неаполѣ всѣ академіи, въ которыхъ въ силу просвѣтительнаго духа ихъ возникали и обсуждались метафизическіе вопросы, и въ числѣ членовъ которыхъ было нѣсколько такихъ, которые считались сторонниками лютеранской ереси. Наконецъ въ 1546 г., когда Карль имѣлъ надежду, что Шмальденская война обуздаетъ нѣмецкій протестантизмъ, онъ приказалъ своему вице-королю учредить въ неаполитанскомъ королевствѣ испанскую инквизицію. По всему вѣроятію, онъ это сдѣлалъ подъ вліяніемъ Караффы, который въ то время

¹ Giannone, *Storia civile del regno di Napoli*, lib. 32, 33.

былъ архіепископомъ неапольскимъ¹. Но здѣсь, какъ въ Нидерландахъ и Миланѣ, къ этому учрежденію отнеслись не только какъ къ покушенію на религіозную свободу, до которой большинству неаполитанскаго населенія было мало дѣла, но также—и главнымъ образомъ—какъ къ покушенію на послѣдніе остатки политической свободы. Этотъ жизнерадостный и въ то же время склонный къ возмущенію народъ не желалъ ежеминутно подвергаться надзору нескромныхъ глазъ испанскихъ шпіоновъ, которые могли по любому поводу похоронить въ нѣмыхъ застѣнкахъ инквизиціи каждаго человѣка, не понравившагося кастильскимъ властямъ. Вице-король Петръ Толедо всегда обнаруживалъ враждебныя чувства къ мѣстному населенію и въ особенности къ неаполитанскому дворянству, а потому съ тѣмъ большимъ основаніемъ оно боялось секретнаго судилища, которое будетъ состоять въ полномъ распоряженіи вице-короля.

Въ Неаполѣ вспыхнулъ настоящій бунтъ противъ вице-короля; къ нему примкнуло дворянство, богатая буржуазія, а также и низшіе классы. Строились баррикады, дрались на улицахъ, раздавались звуки набатовъ, а изъ крѣпости стали обстрѣливать городъ. Послѣ первой побѣды и повѣсивъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ уважаемыхъ дворянъ, вице-король считалъ все дѣло выиграннымъ; но онъ ошибся: весь народъ принялъ участіе въ такъ называемомъ «Союзѣ дво-

¹ Muratori, *Annali d'Italia* (éd. de Monaco), X, 292°

рянъ и общинъ съ цѣлью службы его величеству и общей защиты», и этотъ союзъ овладѣлъ управленіемъ города. Въ концѣ концовъ Карль, будучи болѣе остороженъ, чѣмъ его сынъ въ Нидерландахъ, уступилъ народному протесту. Онъ отказался отъ мысли учредить въ Неаполѣ испанскую инквизицію и удовлетворился тѣмъ, что обезглавилъ нѣсколькихъ вождей революціоннаго движенія и наложилъ на городъ пеню въ сто тысячъ золотыхъ экю.

Съ этихъ поръ, веденіе всѣхъ процессовъ противъ еретиковъ было возложено на викарія неапольскаго архіепископа. Епископская инквизиція отличалась гораздо меньшей жестокостью, чѣмъ римская или испанская, но тѣмъ не менѣе ей удалось уничтожить всѣ ереси или путемъ наказанія ея сторонниковъ или же принужденіемъ ихъ искать спасенія въ изгнаніи. Вскорѣ изъ этихъ тысячей людей,—принцевъ, знатныхъ дамъ, военныхъ, политиковъ, епископовъ, всякаго рода церковно-служителей, ученыхъ, наставниковъ, примкнувшихъ во времена Вальдеса и Оккино къ новаторскому движенію, — осталось только небольшое число, но и оно было напугано и готово бѣжать при первыхъ признакахъ опасности.

Въ 1549 г. протестанскій миссіонеръ Вальтзаръ Алтіери ¹ писалъ Буллингеру въ Цюрихѣ: «Наши братья ежедневно преслѣдуются, со дня на день все жесточе. Однихъ посылаютъ на га-

¹ Bonnet, *Antonio Paléario*, гл. Ш.

леры, другихъ приговариваютъ къ вѣчному заключенію. Нѣкоторые, увы, отрекаются изъ страха смерти, многіе изгнаны съ ихъ женами и дѣтьми, а большинство ищетъ спасенія въ бѣгствѣ».

Казалось, что такіе результаты уже могли бы считаться не мало важными, но Караффа хотѣлъ вырвать зло съ корнемъ общими мѣрами необычайной строгости. Въ 1543 г. Караффа, въ качествѣ великаго инквизитора, издалъ эдиктъ, который, подъ страхомъ отлученія, пени въ тысячу дукатовъ, конфискаціи всѣхъ книгъ, вѣчнаго изгнанія и всякаго рода дополнительныхъ каръ, по усмотрѣнію инквизиторовъ, запрещалъ всѣмъ книгопродавцамъ въ Италіи продавать какую бы то ни было книгу, подозрѣваемую въ ереси или написанную анонимнымъ авторомъ и не получившую спеціального одобренія инквизиціи. — Тѣми же наказаніями онъ грозилъ издателямъ, которые осмѣлятся печатать новыя книги безъ разрѣшенія кардиналовъ-инквизиторовъ или гофмейстера папскаго двора, а также и тѣмъ, кто будетъ читать, покупать и даже имѣть у себя еретическія книги.

Декретъ этотъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе своей строгостью, направленною противъ свободы печати и науки. «Намъ будетъ скоро воспрещено даже имѣть мозги быка», жаловался ученый Бузини ¹. Этотъ декретъ

¹ Въ письмѣ къ Варки отъ 31 января 1549; Санти, II, 361, примѣчаніе 61.

былъ тѣмъ тяжелѣе, что, въ немъ не указывались запрещенныя книги, такъ что, не получивъ никакого предупрежденія и будучи совершенно невиннымъ, можно было навлечь на себя тягостныя кары, упомянутыя въ немъ. Это былъ страшный ударъ для науки и знанія въ Италиі и въ то же время это являлось вмѣшательствомъ въ область свѣтской власти, такъ какъ при этомъ назначались, безъ согласія на то правительствъ различныхъ государствъ полуострова, не духовныя, но обыкновенныя наказанія. Но таковъ былъ Караффа; онъ безусловно стоялъ за главенство церкви надъ государствомъ. Онъ думалъ, что даже если бы этотъ страшный эдиктъ и небылъ немедленно осуществленъ во всей его полнотѣ, то духовнымъ властямъ удастся постоянными и настойчивыми усиліями понемногу навязать его всѣмъ провиціямъ Италиі и такимъ образомъ ересь, грозившая церкви разрушеніемъ, послужила бы въ концѣ концовъ только къ ея новому торжеству и была бы шагомъ впередъ къ ея всемірному владычеству, доставивъ ей новую для нея побѣду надъ свѣтской властью. Что значило для него, по сравненію съ такими результатами, уничтоженіе въ Италиі литературы, попраніе частныхъ интересовъ, смерть или разореніе нѣсколькихъ тысячъ людей?

Говорили, что Караффа и его друзья трудятся для папы, но сами они такъ вѣрили въ святость своего дѣла, что не задумывались идти на переборъ папѣ всякій разъ, когда онъ осмѣливался поступать противъ ихъ желанія. Когда въ 1553 г.

папа Юлій III выпустилъ на свободу одного священника, котораго Караффа, въ качествѣ великаго инквизитора, заключилъ въ темницу, кардиналъ немедленно покинулъ Римъ, не испросивъ на то позволенія св. отца. Власть этого страстнаго человѣка была такъ велика; страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, даже самому папѣ, доходилъ до того, что вмѣсто того, чтобы наказать его за недостатокъ послушанія и уваженія къ себѣ, папа сдѣлалъ все, чтобы вернуть его въ Римъ, и даже вновь заключилъ въ тюрьму несчастнаго аббата.

Однако при Павлѣ III и Юліѣ III Караффа не удалось вполнѣ осуществить свои планы. Оба папы были люди благожелательные и довольно мягкаго характера, а потому они не давали полной свободы той жадѣ преслѣдованія, которою всегда былъ одержимъ Караффа. Онъ охотно бы расправился съ нѣкоторыми кардиналами, подозреваемыми въ *умѣренности*, но оба папы воспротивились этому. Зато онъ вознаградилъ себя, назначивъ въ 1549 г. на должность генеральнаго комисара инквизиціи доминиканскаго монаха Михаила Гизліери (Ghislieri), который до полученія этого важнаго поста зарекомендовалъ себя жестокой борьбой, которую велъ въ интересахъ св. инквизиціи съ епископами, капитулами, губернаторами и даже съ цѣлымъ народомъ. Такая фанатическая ревность, такая страсть къ борьбѣ на благо воинствующей церкви, сдѣлали его дорогимъ для Караффы. И тѣмъ дѣйственно

Гизліери былъ болѣе жестокъ, гордъ, честолюбивъ и даже болѣе страстенъ, чѣмъ самъ театинскій епископъ, и вскорѣ онъ сталъ извѣстенъ въ народѣ подъ страшнымъ именемъ «Инквизиціоннаго отца Михаила».

Оба эти челоѡка совершенно забрали въ руки слабаго и добраго Юлія III. Иногда папа дѣлалъ попытки спасти отъ ихъ жестокости нѣкоторыхъ лицъ, но вообще онъ не рѣшался имъ противорѣчить. Такъ, 15 февраля 1551 г., онъ издалъ буллу, запрещающую всякому частному или же должностному лицу подъ страхомъ самага строгаго наказанія противиться въ чемъ бы то ни было служителямъ инквизиціи при исполненіи ими своихъ обязанностей¹. Юлій охотно бы назначилъ кардиналомъ патріарха аквилейскаго Джіованни Гримани, котораго горячо рекомендовала венеціанская сеньѡрія, но достат очно было того, что кардиналы инквизиціи были противъ этого прелата, когда-то подозрѣвавшася въсклонности къ ереси, чтобы папа не посмѣлъ сдѣлать этого². Въ 1553 г. онъ разрѣшилъ Караффѣ отобрать повсемѣстно экземпляры талмуда, котораго отнимали у несчастныхъ евреевъ, и публично сжечь ихъ на цѣточномъ рынкѣ въ Римѣ. Особой грамотой онъ приказалъ всѣмъ евреямъ немедленно передать всѣ ихъ книги въ руки инквизиторовъ; однако этотъ эдиктъ не принесъ желаемаго результата.

¹ *Bullarium Romanum*, I, 799 и слѣд.

² De Leva, *Giovanni Grimani; Atti del R. Istituto veneto*, серія V, т. VII.

Иногда, въ одинъ изъ постныхъ дней, Караффа отправлялся по улицамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сбировъ инквизиціи и съ большимъ числомъ муловъ. Онъ останавливался у всѣхъ гостинницъ, мясныхъ лавокъ, лавокъ съ съѣстными припасами и немилосердно забиралъ все, что находилъ тамъ мяснаго. Затѣмъ собранная добыча нагружалась на муловъ и распредѣлялась по пріютамъ. Легко можно себѣ представить крики и отчаяніе несчастныхъ лавочниковъ, хохотъ и насмѣшки толпы, привлеченной этимъ страннымъ зрѣлищемъ, и посреди всего этого фигуру кардинала съ его сумрачнымъ лицомъ аскета, невозмутимо идущаго мимо толпы и окруженнаго своими сбирами и мулами, которые едва двигаются подъ тяжестью все увеличивающейся добычи. Это—весьма характерная сцена для Рима середины XVI вѣка,—переходной эпохи отъ языческаго либерализма къ абсолютному клерикализму.

Караффа свирѣпствовалъ не только въ Римѣ, но и въ другихъ городахъ папскихъ владѣній. Въ 1553 г. по его требованію былъ доставленъ въ Римъ изъ Болоньи первый проповѣдникъ реформатскихъ доктринъ въ этомъ городѣ Молліо; его судили и сожгли живымъ. Не менѣе жестоко дѣйствовала инквизиція и въ Феррарѣ, герцогъ которой былъ вассаломъ св. престола. Въ 1551 г. туда проникли іезуиты и своей системой шпіонства открыли дорогу цѣлому ряду преслѣдованій. Фанніо Фаентинъ (Faentin) и Георгъ Сикуле (Sicule) были схвачены и сожжены, другіе про-

тестанты брошены въ темницы или изгнаны. При этомъ не обращали вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на занимаемое положеніе.

Члены инквизиціонной конгрегаціи кардиналовъ мѣнялись каждый годъ, только одинъ Караффа оставался неизмѣнно въ качествѣ великаго инквизитора; вслѣдствіе этого онъ соединилъ въ своихъ рукахъ всю дѣйствительную власть, остальные же давали только свою подпись для подкрѣпленія его рѣшеній. Джіованни Пьетро Караффа всѣмъ внушалъ страхъ. Глубокій старикъ, но здоровый и крѣпкій, очень подвижной, такъ что, когда онъ ходилъ, то, казалось, «едва прикасался къ землѣ», съ рѣзкими движеніями и горячимъ, строгимъ взоромъ, вспыльчивый, но твердый и необыкновенно величественный во всемъ, что дѣлалъ,—онъ производилъ на всякаго впечатленіе человека, родившагося чтобы повелѣвать и царствовать¹. Онъ былъ очень горячъ и не терпѣливъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, какъ политическихъ, такъ и церковныхъ, и не выносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Къ свѣтскимъ государямъ онъ выказывалъ мало уваженія, считая, что церковь гораздо выше всякихъ свѣтскихъ властей; сдѣлавшись папою, онъ даже сталъ держаться правила никогда не назначать кардиналовъ по рекомендаціямъ государей², на что до него не осмѣливался не одинъ папа. Къ тому же Караффа

¹ *Relazione di Bern. Navagero* (1558); Alberi, серія II, т. III, стр. 379.

² De Léva, *Giov. Grimani* l. c.

гордился своей непорочной жизнью и отличался крайнею нетерпимостью, гордостью, исключительностью и высокомеріемъ, не допускавшими ни малѣйшаго снисхожденія къ слабостямъ другихъ. Со всѣмъ этимъ онъ обладалъ большими знаніями, хорошо говорилъ по латыни, по гречески и по испански, былъ весьма краснорѣчивъ на своемъ родномъ языкѣ, отлично зналъ свящ. писаніе и главныхъ коментаторовъ его, въ особенности же своего любимаго автора св. Тому Аквинскаго. Память его была поразительна; онъ не забывалъ ничего прошлаго, въ особенности же не забывалъ малѣйшей обиды, нанесенной ему или церкви.

Наконецъ, по смерти Юлія III и краткаго понтификата Маркела II, кардиналы поняли, что въ виду всѣхъ затрудненій, которыми была окружена церковь, необходимъ для нея сильный и смѣлый кормчій, который не заботился бы ни о своихъ собственныхъ вкусахъ, ни объ интересахъ своей семьи, а думалъ бы только о томъ, какъ бы смѣло и прямо вести ладью св. Петра, среди окружающихъ ее бурь и враговъ. Теперь кардиналы избрали папою Караффу (25 мая 1555 г.), принявшаго имя Павла IV.

Это избраніе означало полное торжество католической реакціи и окончательную побѣду инквизиціи.

ГЛАВА II.

Успѣхъ и торжество римской инквизиціи.

Усиленіе строгости инквизиціи при Павлѣ IV.—Кардиналь Польш.—Инквизиція во Франціи и въ Италиі.—Г. Модена.—Процессъ кардинала Мороне и двухъ епископовъ.—Первый Index prohibitorum и его вліяніе.—Вмѣшательство инквизиціи въ дѣла свѣтской власти.—Возстаніе римлянъ послѣ смерти Павла IV.—Пій IV и инквизиція.—Рената Феррарская.—Избранія Пія V.—Преслѣдованія въ Неаполѣ.—Избіеніе калабрійскихъ вальденсовъ.—Альпійскіе вальденсы.—Сопротивленіе миланцевъ введенію испанской инквизиціи.—Преслѣдованія въ Миланской области.—Народная ненависть къ инквизиціи.—Вліяніе Испаніи на Италию.—Мантуа.—Вальтеллина.—Венеція и инквизиція.—Терпимость Медичисовъ во Флоренціи.—Сіена.—Процессъ Карнесекки.—Процессъ Палеаріо.—Лукка.—Инквизиція влечетъ за собою нравственный и художественный упадокъ Италиі.—Характеръ и привычки Пія V.—Его жестокіе и нетерпимые эдикты.—Инквизиція становится независимой отъ самого папства.—Большое число религиозныхъ процессовъ въ Римѣ.—Окончательная побѣда инквизиціи въ Италиі.—Союзъ между папствомъ и Испаніей.

Новый папа остался вѣренъ своему страшному, но столь же дѣйствительному, какъ и смѣлому принципу—поражать главнымъ образомъ болѣе высокопоставленныхъ вождей ереси. Всѣ ожидали этого, а потому его избраніе сопровождалось общимъ бѣгствомъ епископовъ и знатныхъ итальянцевъ, которые обыкновенно наполняли улицы Рима и пріемныя Ватикана. Кто изъ

этой легкомысленной и нарядной толпы могъ считать себя въ безопасности не быть заподозрѣннымъ страшнымъ и суровымъ инквизиторомъ, занявшимъ престолъ св. Петра? Всѣ кардиналы, которые когда-то обнаруживали склонность къ умѣреннымъ мнѣніямъ или къ миру съ протестантами, дрожали за свой санъ и даже за личную свободу, и устрашающіе примѣры не заставили себя долго ждать.

Кардиналъ Поль былъ изгнанъ изъ Англіи Генрихомъ VIII за его вѣрность католической церкви; потомъ онъ былъ отправленъ на свою родину Павломъ III, но уже въ качествѣ апостольскаго нунція, для возстановленія тамъ съ помощью королевы Маріи Тюдоръ традиціонной религіи и оказалъ тамъ важныя услуги католицизму. Но все это ему не зачлось; довольно было только того, что Поль нѣсколько сблизался съ протестантами въ ученіи объ оправданіи и что онъ любилъ литературу наравнѣ съ богословіемъ, чтобы Павелъ IV началъ его преслѣдовать. Сверхъ того, въ 1542 г. Поль воспротивился реорганизаціи инквизиціи и два раза былъ близокъ къ избранію въ папы, а въ 1555 г. едва не былъ предпочтенъ самому Караффѣ,—достаточная причина для ненависти тщеславнаго и злопамятнаго первосвященника. Несмотря на просьбы королевы Маріи, оказавшей столь много услугъ римской куріи, кардиналъ Поль былъ устраненъ отъ исполненія обязанностей нунція и призванъ въ Римъ несомнѣнно для того, чтобы подвергнуться обви-

ненію передъ судомъ инквизиціи. Однако, безусловное повиновеніе кардинала, безропотно подчинившагося приказанію папы, нѣсколько смягчило ненависть первосвятителя и кардиналъ Поль могъ спокойно умереть въ Англіи.

Какъ того и слѣдовало ожидать, Павелъ ІV немедленно далъ сильный толчокъ римской инквизиціи. Онъ приказалъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣ еретики, желающіе получить прощеніе, отреклись отъ своихъ заблужденій передъ своими епископами, по истеченіи же этого срока инквизиція должна начать дѣйствовать противъ виновныхъ съ крайнею строгостью ¹. Сверхъ того, онъ приказалъ инквизиціонной конгрегаціи аккуратно собираться разъ въ недѣлю подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. Такимъ образомъ Павелъ ІV совершенно отождествился съ инквизиціей и никогда не измѣнялъ дорогой для себя привычкѣ присутствовать по четвергамъ на засѣданіяхъ конгрегаціи. Даже тогда, когда его враги овладѣли Ананьей и были, такимъ образомъ, у самыхъ воротъ Рима, онъ спокойно отправлялся предсѣдательствовать въ ней ². Онъ желалъ, чтобы инквизиція была всемогущею и съ этою цѣлью пытался даже лишити итальянскихъ епископовъ возможности вмѣшиваться въ дѣла инквизиціи. Ему казалось, что только централизація можетъ гарантировать полное единообразіе дѣйствій, бы-

¹ Raynaldy, *Annales ecclesiastici* ad an. 1555, nr. 54.

² *Relaz. di Bern. Novagero* (Roma, 1558); Albéri, *серія II*, т. III, стр. 382.

строе и дѣятельное наблюденіе, всегда равную и не обращающую вниманія на мѣстныя вліянія строгость. Въ особенности великій инквизиторъ долженъ быть облеченъ страшною, всюду присущею властью, возбуждающую страхъ во всей Италіи, заставляющую трепетать весь міръ, даже самого папу, передъ этимъ верховнымъ судьей, могущимъ проникать въ самые тайники сердца и ума и наказывать намѣренія въ той же степени, какъ и самыя дѣйствія. Съ этою цѣлью, онъ назначилъ въ разные города особенныхъ инквизиторовъ, зависящихъ только отъ римской конгрегаціи, которая въ качествѣ послѣдней инстанціи судила безапелляціонно всѣ еретическія дѣянія. Къ судамъ, зависящимъ отъ инквизиціи, онъ прибавилъ еще ревностныхъ мирянъ, которые должны были помогать, а если въ томъ представилось бы надобность, контролировать и доносить на самыхъ инквизиторовъ: это была такая же система всеобщаго шпіонства, какъ и у іезуитовъ! «Такое рѣшеніе было принято, говоритъ историкъ инквизиціи ¹, потому что не только большое число епископовъ, викаріевъ, монаховъ и священниковъ, но также еще и много лицъ изъ состава самой инквизиціи, были еретиками». Какое удивительное признаніе! Оно ясно доказываетъ, какъ несправедливо желаніе многихъ католическихъ авторовъ убѣдить въ томъ, что протестантизмъ имѣлъ мало сторонниковъ въ Италіи и что тамъ онъ является чуждымъ и ис-

¹ Caracciolo, *Compendio della Santa inquisizione.*

кусственно привитымъ продуктомъ, всегда противорѣчившимъ истинному національному характеру страны. Мы же, напротивъ, видимъ, что онъ проникъ во всѣ классы городского населенія и что только грубая сила папъ, инквизиторовъ, свѣтскихъ князей и неслыханный до той поры терроръ уничтожили его на полуостровѣ.

Какъ пріятна по этому была для Павла IV просьба Генриха II французскаго учредить апо-столическую инквизицію и въ его государствѣ! Онъ поспѣшилъ удовлетворить желаніе христіаннѣйшаго короля и поручилъ французскимъ кардиналамъ организовать её во Франціи, но подобное учрежденіе совершенно не соотвѣтствовало духу этой страны и попытка эта не удалась, да и усердіе инквизиторовъ во Франціи далеко не отвѣчало надеждамъ папы Павла и потому не дало такихъ результатовъ, какіе получились въ Италіи¹.

Но за то здѣсь торжество его было полное.

Мы уже знаемъ на сколько Модена, вторая столица герцоговъ Эсте, была полна еретиками, которымъ покровительствовали или по крайней мѣрѣ которыхъ терпѣли, какъ высшія духовныя, такъ и свѣтскія власти. Занимая по большей части блестящее и вліятельное положеніе, эти протестанты,—магистраты, нобили, академики,—едва скрывали свои воззрѣнія и давно жили тамъ, ни кѣмъ не тревожимые. Первое нападеніе на нихъ было сдѣлано еще въ 1543 году, но теперь Павелъ IV

¹ Raynaldi, ad an. 1557, nr. 29.

сталъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

1-го октября 1555 г., то есть нѣскольکو мѣсяцевъ спустя послѣ своего избранія, папа отправилъ къ герцогу Феррарскому грамоту, въ которой указывалъ на виновныхъ и выражалъ опасеніе увидѣть весь городъ зараженнымъ ими, если не будутъ приняты немедленныя мѣры для прекращенія такого нетерпимаго положенія вещей¹. Папа требовалъ немедленнаго ареста четырехъ лицъ и препровожденія ихъ въ папскій городъ Болонью. Въ числѣ ихъ находился графъ Людовикъ Кастельветро, весьма извѣстный въ то время писатель, занимавшій въ своемъ родномъ городѣ высокую должность *охранителя города*. Жители Модены крѣпко держались за одну изъ своихъ привилегій—быть судимыми только въ своемъ родномъ городѣ, а потому они горячо протестовали противъ требованія папы, но герцогъ Геркулесъ II, боясь гнѣва и раздраженія первосвященника, послѣ нѣкотораго колебанія отправилъ въ Римъ двухъ обвиняемыхъ, которые вскорѣ покаялись тамъ, послѣ чего и были выпущены на свободу. Двоимъ же самымъ важнымъ изъ обвиняемыхъ, Кастельветро и Валентину, старшему священнику собора, дали возможность бѣжать. Первый былъ приговоренъ римскою инквизиціею къ смерти, но несмотря на это онъ спокойно проживалъ сначала въ Швейцаріи, а потомъ въ Германіи и умеръ въ Кіавеннѣ въ 1571

¹ Cantu, т. II, стр. 168.

году. Но все же ударъ былъ нанесенъ; многіе изъ жителей Модены послѣдовали примѣру Ка-стельветро и, испуганные строгими мѣрами инквизиціи, предпочли влачить печальное существованіе изгнанниковъ въ Германіи, Швейцаріи или Франціи.

Процессы, начатыя противъ моденцевъ, ясно показали, что прежній епископъ города кардиналъ Мороне былъ крайне снисходителенъ къ виновнымъ. Уже давно Мороне былъ подозрителенъ для крайней партіи; его даже обвиняли въ склонности къ протестантизму, такъ какъ моденскіе академики для своего оправданія и привлеченія сторонниковъ дѣлали все возможное, чтобы убѣдить всѣхъ, что ихъ епископъ вполне раздѣляетъ ихъ ученія. Инквизиція, или другими словами Караффа, старалась обвинить Мороне еще при Юліѣ III, но этотъ папа глубоко уважалъ его и даже послалъ въ качествѣ апостолическаго легата на Аугсбургскій сеймъ. Онъ покровительствовалъ Мороне и высказалъ нѣсколько сильныхъ упрековъ инквизиціи за преслѣдованіе его. Понятно, что какъ только Караффа сдѣлался папой, онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы отплатить за старую неудачу. Въ іюнѣ 1557 г. онъ приказалъ заключить Мороне въ замокъ Св. Ангела вмѣстѣ съ двумя другими прелатами: Фоскарари, замѣстившимъ кардинала въ должности епископа Модены, и Санфеличе, епископа въ Ла-Кава.—Это былъ страшный ударъ, нанесенный фанатическимъ папою: кардиналъ и два епископа подвер-

гаются наказанію, какъ самые простые еретики. Какое грозное подтвержденіе всемогущества инквизиціи! Злоба, зависть и желаніе угодить папѣ и вмѣстѣ съ нимъ инквизиціи, вызвали массу обвиненій противъ Мороне. Въ числѣ множества свидѣтелей противъ обвиняемаго, являвшихся въ трибуналъ, многіе удивительнымъ образомъ видоизмѣняли свои показанія, спѣша при малѣйшемъ давленіи отречься отъ нихъ и снова выступали съ ними, какъ только находили ободреніе сильныхъ враговъ обвиняемыхъ ¹. Мороне составилъ обширную оправдательную записку, въ которой основательно указалъ, что до Тріентскаго собора и особенно до понтификата Павла IV у большинства теологовъ существовала гораздо большая свобода мысли относительно спорныхъ вопросовъ между протестантами и католиками; что прежніе папы предоставляли ему, главнымъ образомъ въ виду его споровъ съ герпанскими лютеранами, выборъ формулъ для соглашенія съ ними, и что, слѣдовательно, онъ не переходилъ границъ данныхъ ему полномочій. Однако онъ долженъ былъ признать, что даже въ самой Италіи ему случалось выражаться не вполне ортодоксально относительно нѣкоторыхъ католическихъ догматовъ, но потомъ, по зрѣломъ размышленіи, онъ всегда отрекался отъ своихъ заблужденій. Все это явно доказывало, что по существу Мороне склонялся къ ученію Лютера, но

¹ Какъ примѣръ въ ряду другихъ можно привести показанія Перголы. Santu, II, 173.

никогда не имѣлъ достаточно мужества открыто объявить себя его сторонникомъ.

Павель IV понялъ, что этихъ обвиненій не было достаточно для оправданія громаднаго скандала, который произошелъ бы во всемъ свѣтѣ, если бы кардиналъ св. церкви былъ объявленъ еретикомъ, но онъ не хотѣлъ и собственнаго изобличенія оправданіемъ знаменитаго прелата, заключеннаго въ тюрьму по его приказанію, и потому предпочелъ предложить Мороне освободить его «по благорасположенію, хотя у него и нашлись нѣкоторыя заблужденія, которыя теперь стали всеобщими». У Мороне оказалось достаточно твердости или скорѣе благоразумія не принять подобную милость, которая наложила бы на него печать нѣкотораго безчестія и сдѣлала бы навсегда невозможнымъ его положеніе среди остальныхъ кардиналовъ. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы его невиновность была бы признана официально. Папа отказалъ ему въ этомъ и такимъ образомъ Мороне оставался въ замкѣ св. Ангела до самой смерти своего противника, последовавшей въ 1559 году. Тогда его товарищи, неодобрявшіе чрезмѣрной строгости Павла IV, освободили его и даже пригласили участвовать въ конклавѣ, созванномъ для избранія новаго папы. Послѣдній—Пій IV—лично склонный къ умѣренной реформѣ, официально оправдалъ его, объявивъ Мороне «совершенно невиннымъ» (*innocentissimum*) во всѣхъ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него, что въ свою очередь также явля-

лось преувеличеніемъ. Какъ мы увидимъ ниже, Мороне игралъ потомъ очень важную роль на третьемъ собраніи Тріентскаго собора.

Преемникъ Мороне въ Моденѣ въ качествѣ епископа, Фоскарари, былъ освобожденъ самимъ Павломъ IV послѣ семимѣсячнаго заключенія, такъ какъ всѣ обвиненія, взведенныя противъ него, остались недоказанными; но и онъ былъ совершенно оправданъ только при Піѣ IV. Въ окончательномъ приговорѣ было прямо сказано, что Фоскарари подвергся заключенію по устному и личному приказанію Павла IV.

Но для Павла дѣло не заключалось только въ преслѣдованіи отдѣльныхъ личностей; онъ считалъ необходимымъ искоренить самые источники ереси, распространивъ на весь христіанскій миръ обширную систему нравственнаго давленія и закрѣпощенія умовъ. Этому онъ добивался изданіемъ своего *Index librorum prohibitorum*,—перваго общаго списка запрещенныхъ книгъ.

Эта мѣра не была совершенною новостью. Уже раньше булла *In coena Domini* отлучала отъ церкви еретиковъ и тѣхъ, кто читаетъ сочиненія послѣднихъ. Мы уже говорили, что Павелъ IV еще въ качествѣ великаго инквизитора, будучи только кардиналомъ, издалъ въ 1543 году драконовскій эдиктъ противъ всѣхъ издателей, торговцевъ и всѣхъ хранившихъ еретическія сочиненія. И такъ какъ ни въ буллѣ, ни въ эдиктѣ эти сочиненія не были подробно указаны, то никто не зналъ какія книги запрещены и какія

позволены. Нѣкоторые инквизиторы пытались было пополнить этотъ пробѣлъ, составивъ списки запрещенныхъ книгъ, но такіе списки не имѣли общаго характера и были обязательны только для мѣстности, гдѣ они были составлены. Карлъ V приказалъ Лувенскому университету издать первые оффиціальныя *Указатели* (Индексы) для Нидерландовъ; его примѣру послѣдовалъ герцогъ Флорентинскій, а въ 1558 г. испанская инквизиція издала такія же индексы для всѣхъ испанскихъ владѣній. Наконецъ въ 1559 г. Павелъ IV выпустилъ первый римскій «*Index*», обязательный для всей церкви и послужившій основаніемъ и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ. Этотъ *Index* былъ раздѣленъ на три части: въ первую вошли авторы, всѣ сочиненія которыхъ запрещались, даже такія, которыя не имѣли никакого отношенія къ религіи; авторы ихъ—явные еретики; во второй части перечислялись книги, запрещавшіяся каждая отдѣльно, независимо отъ автора; въ третьей части помѣщены книги анонимныхъ авторовъ, напечатанныя съ 1519 г. Сверхъ того въ этомъ же Индексѣ поименованы семьдесятъ два типографщика, всѣ изданія коихъ были запрещены для чтенія правовѣрныхъ католиковъ. Всякій книгопродавецъ, хотя бы только одинъ разъ издавшій еретическую книгу, подвергался запрещенію; очень распространенныя до этого времени книги читавшіяся безъ боязни всѣми, и даже сочиненія, одобренныя прежними папами, какъ, на примѣръ, «*Примѣчанія къ Новому Завету*» Эразма, оказались помѣщенными въ Индексѣ; сочиненія, въ ко-

торыхъ было стремленіе ослабить папскую власть въ пользу епископата или свѣтскихъ властей, подвергались той же участи. Одинаково запрещались и безусловно ортодоксальные трактаты, если ихъ только комментировали еретики. Еще никогда до тѣхъ поръ миръ не видывалъ подобнаго посягательства на науку и литературу. Въ этотъ *Индексъ* папа приказалъ включить даже тотъ докладъ, который онъ и его коллеги по комиссіи реформъ официально составили и представили въ 1538 г. Павлу III. Правда, протестанты воспользовались имъ и напечатали его для доказательства того, что сами главы церкви признавали и осуждали ея господствующіе пороки.

Первый *Index prohibitorum* имѣлъ ужасающія послѣдствія. Инквизиція придерживалась его самымъ строгимъ образомъ и вскорѣ всѣ запрещенныя книги быстро исчезли изъ Италіи. Даже сочиненія такого рода, какъ «Благодѣянія Христа», распространенныя до тѣхъ поръ въ 40 или 50 тысячахъ экземплярахъ, исчезли совершенно. Въ Римѣ, Неаполѣ, да и почти повсюду, дымились костры, на которыхъ громадными грудями сжигались запрещенныя книги.— Походъ, предпринятый Павломъ IV противъ всякой свободы и независимости мысли, удался вполне. Никто не осмѣливался имѣть другихъ убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которыя были указаны церковью.

Въ первые года своего понтификата Павелъ IV

былъ сильно занятъ политическою и военною борьбою съ Габсбургами, а также устройствомъ судьбы своихъ племянниковъ, которыхъ онъ желалъ обогатить и сблизить съ царствующими фамиліями, но уже въ 1558 г. онъ долженъ былъ заключить миръ съ Филиппомъ II и вскорѣ потомъ имѣлъ возможность убѣдиться въ полной безнравственности своихъ родственниковъ. Тогда онъ безъ колебанія лишилъ ихъ всякой власти и прогналъ отъ себя. Начиная съ этого времени, онъ уже ни о чемъ другомъ не заботился, кромѣ искорененія злоупотребленій въ самой церкви, — и въ этомъ дѣлѣ возрожденія ея любимое дѣтище Павла IV, инквизиція играла важнѣйшую роль. Павелъ IV расширилъ ея привилегіи, далъ ей право подвергать обвиняемыхъ пыткамъ съ цѣлью вырывать отъ нихъ признанія не только въ ихъ собственныхъ грѣхахъ, но и въ грѣхахъ ихъ сообщниковъ. Буллой отъ 21 декабря 1558 г. онъ отнялъ право читать запрещенныя книги у тѣхъ, которымъ это было разрѣшено самимъ св. престоломъ въ видахъ опроверженія еретическихъ сочиненій; — разрѣшеніе, которое по словамъ Павла IV, скорѣе вовлекло въ заблужденіе большое число людей, чѣмъ послужило на пользу церкви¹. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ побудилъ испанскую инквизицію удвоить строгости и преслѣдовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ ереси, безъ различія пола и положенія. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ королю Филиппу II и

¹ Raynaldi ad an. 1558, nr. 21.

наконецъ предалъ въ руки инквизиціоннаго суда архіепископа толедскаго, пріимаса Испаніи¹. Онъ же установилъ праздникъ Св. Доминика, чтобы торжествовать память главнаго основателя ордена, инквизиціоннаго по преимуществу². Наконецъ, онъ возвелъ въ санъ кардинала и великаго инквизитвра Михаила Гизліери, славившагося своею непреклонною жестокостью.

Никогда, во все время римской инквизиціи, не было столько случаевъ заключенія въ тюрьмы, пытокъ, казней или сожиганій людей, изъ которыхъ многіе принадлежали по своему положенію къ высшимъ какъ духовнымъ такъ и свѣтскимъ классамъ населенія, какъ въ послѣдніе мѣсяцы понтификата Павла IV. Онъ написалъ князьямъ и правителямъ Италіи, чтобы они распорядились предать его кровавому судилищу всѣхъ несчастныхъ, томившихся въ тюрьмахъ разныхъ городовъ по обвиненію въ проступкахъ противъ религіи³. Буллою отъ 15 февраля 1559 г. онъ имѣлъ смѣлость объявить всѣхъ князей, королей или императоровъ, склонявшихся къ ереси, изгнанными на всегда изъ своей страны, лишенными владѣній и подлежащими смертной казни. Въ случаѣ раскаянія ихъ, папа великодушно давалъ имъ разрѣшеніе замкнуться въ какомъ нибудь монастырѣ и предаваться тамъ непрерывному покаянію «ради хлѣба страданія и воды

¹ Raynaldi ad an. 1559, nrs. 18—21.

² Bullar. Roman.

³ Raynaldi ad an. 1559, nr. 22.

скорби ¹». Подобный вызовъ свѣтской власти, примѣры котораго встрѣчаются, начиная съ XIII вѣка, былъ очень страненъ въ такое время, когда половина государей Европы навсегда покинула лоно Церкви. Уже по одному этому можно видѣть ту степень фанатизма, становившагося просто смѣшнымъ, до которой дошелъ этотъ старецъ. Въ томъ же году онъ издалъ новую буллу, которая еще болѣе увеличивала опредѣленные раньше наказанія для еретиковъ, и при томъ безъ какого-бы то ни было исключенія даже въ пользу самихъ папъ, которыхъ онъ желалъ также подчинить верховному суду инквизиціи.

18 Августа 1559 г. Павелъ IV наконецъ скончался, поручивъ инквизицію особеннымъ заботамъ коллегіи кардиналовъ. Вздохъ облегченія вырвался изъ груди всѣхъ при извѣстїи о смерти этого неумолимаго фанатика. Даже римскій народъ, несмотря на всю свою ортодоксію, ненавидѣлъ этого жестокаго гонителя. Инквизиція стала глубоко ненавистною для римлянъ и къ самому папѣ они относились съ злобою, какой до него не вызывалъ еще ни одинъ первосвященникъ. Въ ту минуту, когда онъ еще умиралъ въ агоніи, народъ собрался въ Капитолій, рѣшивъ истребить все, что только напоминало его имя, разбилъ статую, воздвигнутую въ честь его, и выбросилъ голову ея въ Тибръ. Другія толпы направились къ дому на Рипетто, который онъ

¹ *Bullar. Roman*, I, 840.

отдалъ инквизиціи, взяли его приступомъ, освободили заключенныхъ въ немъ, разграбили все что тамъ находилось, въ особенности же вещи, принадлежавшія великому инквизитору кардиналу Гизліери, жестоко обошлись съ служащими при трибуналѣ, всѣ бумаги котораго были выброшены на улицу, и въ заключеніе подожгли самое зданіе.

Доминиканцы, тѣсно связанные съ инквизиціей, были также осаждены въ своемъ монастырѣ Минерва и едва избѣгли участи, постигшей инквизиторовъ ¹. Подобныя же сцены происходили и въ Перузѣ. Народная ярость изливалась въ беспощадныхъ памфлетахъ противъ памяти Павла IV ². Одинъ изъ множества заподозрѣнныхъ того времени, Карнесекки писалъ съ радостью принцессѣ Юліѣ Гонзагъ: «Ваше сіятельство вѣрно уже слышали, что св. инквизицію постигла такая же смерть, которой она сама имѣла обыкновеніе подвергать другихъ, т. е.—огонь ³».

Изъ всего вышесказаннаго видно, что инквизиція далеко не пользовалась въ Италіи тою же популярностью, какъ въ Испаніи. Мы уже говорили съ какимъ успѣхомъ сумѣли оградить себя неаполитанцы отъ введенія у нихъ рим-

¹ Отчетъ Luigi Mocenigo (1560); Alberi, серия II т. IV, стр. 36—47. Raynaldi ad an. 1559, nr. 36.

² George Duruy, *Le cardinal Carlo Caraffa* (Paris 1882), стр. XVI и 408.

³ Hase, *Prozess Carnesecchis*; Jahrbücher f. protest. Theologie, т. III, (1879), стр. 166.

ской инквизиціи; а вскорѣ мы скажемъ и о сопротивленіи религіозному трибуналу миланцевъ.

Сами кардиналы, которыхъ Павелъ IV глубоко оскорбилъ преслѣдованіемъ ихъ со товарищей Мороне и Поля и своимъ грубымъ и презрительнымъ обращеніемъ со всѣми ими, какъ бы вошли въ общее соглашеніе, чтобы заставить забыть его память, и выбрали съ этой цѣлью преемникомъ его одного изъ его личныхъ противниковъ кардинала Медичи. Новый папа, Пій IV, былъ по существу челоукомъ доброжелательнымъ и любезнымъ, хотъ и нѣсколько вспыльчивымъ. Инквизицію онъ не любилъ и не покровительствовалъ ей чрезмѣрно; но власть и вліяніе, пріобрѣтенныя ею въ церкви, были уже на столько велики, что онъ не осмѣливался предпринимать что либо противъ нея. Сознавая себя плохимъ теологомъ, онъ никогда самъ не рѣшалъ дѣла вѣры и полагался въ этомъ на рѣшенія инквизиціи¹. Пій IV зналъ, что церкви грозятъ страшныя опасности и поэтому не хотѣлъ ослаблять самое могучее орудіе защитниковъ религіи.

Во время народнаго возстанія, слѣдовавшаго за смертью Павла IV, всѣ бумаги, которыя не были выброшены на улицу, погибли отъ пожара, истребившаго зданіе ненавистнаго трибунала, большинство же заключенныхъ воспользовалось благопріятными обстоятельствами, чтобы

¹ *Relazione di Girol. Soranzo* (Rome 1563); Alberi, с. II, т. IV, стр. 74.

спасти¹. Немедленно послѣ своего избранія Пій IV началъ настоящую охоту за этими бѣглецами и нѣкоторыхъ изъ нихъ ему удалось вновь захватить. Страхъ къ инквизиціи былъ такъ великъ, что многіе заключенные сами отказались бѣжать; въ вознагражденіе за такое чрезвычайное доказательство покорности къ духовной власти Пій IV ихъ освободилъ. Однако, онъ допустилъ, чтобы инквизиція мало по малу и подѣ разными предлогами снова уловила ихъ въ свои сѣти, такъ что дѣло римской инквизиціи, хотя и ставшее нѣсколько слабѣе, все же продолжалось и при новомъ папѣ.

Вліяніе этого трибунала стало еще значительнѣе, когда любимый племянникъ папы, Карлъ Борромео, былъ назначенъ членомъ конгрегациі и предался своимъ новымъ обязанностямъ съ рвеніемъ челоуѣка, преданнаго служенію церкви.

Судьба герцогини Ренаты Феррарской тоже была окончательно рѣшена при Піѣ IV. Уже давно она служила мишенью для нападеній инквизиціи и для враждебныхъ дѣйствій со стороны не любившаго ее мужа, женивша-

¹ К. Venrath въ *Allgemeine Zeitung*, 12 апрѣля 1877 г., Приложение.—Этотъ превосходный авторъ, лучший знатокъ исторіи реформациі въ Италіи, издалъ тѣ акты о римской инквизиціи, которые находятся въ Дублинѣ, помѣстивъ ихъ въ флорентійской *Rivista cristiana* за 1879 и 1880 гг. Но такъ какъ *Allgemeine Zeitung* болѣе доступны публикѣ, то я буду ссылаться на его интересную работу преимущественно въ тѣхъ извлеченіяхъ изъ нея, которыя имъ были помѣщены въ этомъ послѣднемъ журналѣ.

гося на ней изъ за ея приданаго. Теперь со смертью Франциска I, ея двоюроднаго брата, послѣдовавшей въ 1547 г., она потеряла своего послѣдняго покровителя. Новый французскій король Генрихъ II лично не зналъ ея и къ тому же былъ совершеннѣйшимъ ханжею. Въ Феррару былъ посланъ іезуитъ Паллетаріо ¹, чтобы при помощи герцога руководить дѣйствіями, направленными противъ Ренаты и всего ея, болѣе или менѣе еретическаго, двора. Ея духовникъ, раздаватель милостыни, придворныя дамы, мажордомы, словомъ всѣ, кто былъ особенно преданъ ей, были отставлены отъ нея, а затѣмъ ее самое отправили въ замокъ Консандоле, находящійся въ 30 километрахъ отъ Феррары.—Однако среди всѣхъ этихъ горестей и недостойнаго обращенія съ нею, Рената осталась твердою въ своихъ убѣжденіяхъ и еще изъ своей консандольской тюрьмы продолжала вести протестантскую пропаганду ². Тогда герцогъ обратился 27 марта 1554 г. къ французскому королю съ коварнымъ письмомъ, въ которомъ обрисовывалъ поведеніе своей жены самыми черными красками и приглашалъ его оказать своимъ высокимъ авторитетомъ надлежащее давленіе на совращенную душу своей родственницы. Генрихъ II, очень сильно поддавшійся стремленіямъ католической реакціи, видѣлъ въ заблужденіяхъ Ренаты безчестіе всей своей фамиліи, а потому всецѣло проникся желаніями Геркулеса

¹ *F. Blumner*, стр. 133 и слѣд.

² *Santi*, т. II, стр. 92 и слѣд.

д'Эсте. Онъ отправилъ къ нему французскаго инквизитора, по имени Дю-При, которому сначала было поручено ¹ употребить противъ Ренаты всѣ средства нравственнаго воздѣйствія до угрозы открытою враждою къ ней короля французскаго. Въ случаѣ, если бы все это не оказало дѣйствія на упорный умъ этой женщины, по грубому выраженію, употребленному нѣсколько разъ въ отношеніи Ренаты въ инструкціяхъ, тогда инквизиторъ съ согласія герцога долженъ былъ приступить къ болѣе строгимъ мѣрамъ, а именно: заключить принцессу въ совершенно уединенное мѣсто, устранить ее отъ сношеній со всѣми людьми, отобрать у нея дѣтей и слугъ, противъ которыхъ онъ долженъ былъ возбудить особое преслѣдованіе.

Вначалѣ Рената проявила большое мужество. Одинокая и всѣми покинутая, она противустояла всѣмъ доводамъ и всѣмъ угрозамъ своихъ противниковъ. Тогда ее заключили въ замокъ Эсте, гдѣ подвергли строгому надзору, оставивъ при ней только двухъ горничныхъ. Отъ нея отняли дѣтей, а преданныхъ слугъ посадили въ темницы, пытали и затѣмъ сослали.

Какъ вѣрны оказались стихи Клемана Моро, въ которыхъ онъ оплакивалъ злосчастную судьбу этой королевекой дочери:

¹ Эти инструкціи напечатаны въ *Le Laboureur; Le Mémoires de Castelnaud*, т. I, стр. 717.

De cent couleurs en une heure elle change;
 En ses repas percée d'angoisse mange,
 Et en son vin larmes fait mélange,
 Tout par ennui!»

(За одинъ часъ лице мѣняется сто разъ;
 Удрученная горестью, садится она за свою трапезу,
 Вино же ея разбавлено ея слезами, и все отъ горя).

Такія муки оказались не по силамъ для принцессы. Проявивъ такъ много истиннаго героизма, она наконецъ сдалась. 23 сентября 1554 г. она изъявила желаніе исповѣдаться у іезуита Паллетаріо и причаститься по католическому обряду.—Палачи достигли своей цѣли. Ренатѣ немедленно вернули всѣ милости; теперь, глубоко униженная въ своихъ собственныхъ глазахъ и нравственно разбитая, вернулась она въ герцогскій дворецъ въ Феррару, гдѣ ей возвратили ея дѣтей.

Вѣсть о томъ, что Рената сдалась, глубоко огорчила протестантовъ. «На торжество дьяволу послужила ты», писалъ ей Кальвинъ въ письмѣ, переполненномъ упрековъ¹. — Рената отвѣчала ему извиненіями и обѣщаніемъ всегда оставаться въ глубинѣ души вѣрной его ученію. И дѣйствительно она продолжала съ нимъ переписку, но публично уже болѣе не осмѣливалась сбросить маску, которую ее принудили надѣть. Мужъ Ренаты обходился съ нею крайне дурно, постоянно огорчалъ ее своей распутною жизнью и въ концѣ концовъ отнял у нее все

¹ J. Bonnet, *Lettres françaises de Jean Calvin* (P 1854), т. II, стр. 4.

ея личное состояніе. Наконецъ, истощенный всѣми излишествами, онъ умеръ въ 1559 г., но, умирая, онъ вырвалъ у нее обѣщаніе оставаться вѣрною католической церкви и прекратить переписку съ Кальвиномъ. Только на этомъ условіи онъ завѣщалъ ей часть своего имущества и такимъ образомъ продолжалъ ее угнетать даже изъ могилы.

Нѣслѣдникъ Геркулеса, Альфонсъ д'Эстѣ, старшій сынъ Ренаты, сначала былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ матерью, но весною 1560 г. онъ съѣздилъ въ Римъ, чтобы привѣтствовать своего новаго сюзерена папу Пія IV, и оттуда вернулся съ совершенно другими чувствами къ своей матери ¹. Верховный владыка убѣдилъ его не терпѣть при своемъ дворѣ вновь обратившуюся къ расколу еретичку, которая своимъ ученіемъ и пропагандой могла снова отравить городъ Феррару. Молодой, тщеславный и пустой юноша, любящій роскошь и пышность, принцъ не хотѣлъ подвергаться непріязни папы и предпочелъ разстаться съ своею матерью. Онъ предложилъ ей или дать явное доказательство своей вѣрности католичеству или возвратиться во Францію.

Хотя выборъ послѣдняго рѣшенія грозилъ ей разлукой со всѣми ея дѣтьми, но въ эту страшную минуту Рената искупила слабость, проявленную ею шесть лѣтъ тому назадъ; она предпочла скорѣе разбить свое сердце, чѣмъ еще разъ отречься отъ своихъ убѣжденій. Быть прогнан-

¹ Muratori, *Antichità estensi*, т. II, стр. 390.

ной роднымъ сыномъ, видѣть себя навѣкъ разлученной съ дѣтьми и не только физически, — далекимъ разстояніемъ, — но и въ силу различія вѣры, такъ какъ всѣ ея дѣти были убѣжденными католиками, — такова была ужасная участь этой матери! 2 сентября 1560 г. она навсегда покинула Феррару и удалилась въ замокъ Монтаржисъ, гдѣ и прожила еще 15 лѣтъ, открыто исповѣдуя кальвинизмъ и сдѣлавшись помощницей и утѣшительницей для тысячъ преслѣдуемыхъ. Но тѣмъ не менѣе папамъ, инквизиціи и іезуитамъ въ лицѣ Ренаты французской удалось уничтожить покровительницу ереси въ Феррарѣ.

Подруга Ренаты Олимпія Мората тоже покинула Феррару. Это была женщина, славившаяся блестящимъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, изяществомъ стили и пользовавшаяся еще извѣстностью, какъ философъ и поэтъ. Увлеченная протестантскими ученіями, она вышла замужъ за молодого нѣмецкаго ученаго Грунтера, тоже еретика, и послѣдовала за нимъ въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ преподавалъ греческій языкъ. Тамъ она и скончалась еще очень молодою.

Хотя протестантизму въ Феррарѣ былъ нанесенъ сильный ударъ, но онъ еще не былъ вполне уничтоженъ въ ней, не смотря на преслѣдованія инквизиціи и на удаленіе герцогини Ренаты. Еще нѣсколько разъ приходилось инквизиціи прибѣгать къ массовымъ казнямъ; на примѣръ, въ 1568 г.

было казнено 16 человекъ, а въ 1571 г. снова казнено 15 монаховъ. Даже герцогъ Альфонсъ, не смотря на жестокость, проявленную имъ по отношенію къ матери, не могъ избѣжать подозрѣнія въ тайномъ покровительствѣ еретиковъ. Никогда еще церковь не проявляла столько нетерпимости и столько жестокости, какъ теперь.

Пій IV показалъ себя въ дѣлѣ Ренаты французской строгимъ охранителемъ римскаго право-вѣрія: побуждаемый своимъ племянникомъ св. Карломъ Борромео, инквизиціею, а также находясь подъ вліяніемъ мысли, что церковь постоянно находится въ опасности, онъ продолжалъ систему своего предшественника. 1 ноября 1561 г. съ цѣлью сдѣлать борьбу, начатую противъ еретиковъ, болѣе дѣйствительною, онъ издалъ буллу ¹, въ которой разрѣшалъ инквизиторамъ не называть свидѣтелей и не давать отчета по производству дѣлъ никому, кромѣ папы и римской конгрегации. Это являлось новымъ подтвержденіемъ независимости и верховности инквизиціи и совершенной тайны ея дѣйствій. Тотъ же Пій IV возобновилъ и еще распространилъ эдикты своихъ предшественниковъ, подчинявшіе все черное духовенство, епископовъ и даже кардиналовъ римскому Великому Инквизитору ¹.

Послѣ смерти Пія IV, 9 декабря 1565 г. на-пою былъ избранъ подъ именемъ Пія V Михаилъ Гизліери, страшный *Инквизиціонный братъ Ми-*

¹ *Bullar. Roman.*, т. II, стр. 57.

² *Id.*; стр. 69—103; 1 апр. 1562, 7 апр. 1563.

хаилъ, бывшій самымъ довѣреннымъ человекомъ Павла IV по дѣламъ инквизиціи. Время его папства, длившееся шесть лѣтъ, было кульминаціоннымъ пунктомъ того учрежденія, котораго онъ былъ душою. Обозрѣвая всѣ дѣйствія этого страшнаго судилища по всей Италіи, начиная съ Павла IV, мы видимъ, что успѣхи его были такъ велики, что ни одинъ папа не могъ бы уклониться отъ необходимости всячески помогать и содѣйствовать ему, и постепенно онъ достигъ своего наивысшаго значенія при Піѣ V.

Мы уже знаемъ, что неаполитанцы воспротивились введенію у нихъ испанской инквизиціи. Достаточно было только слуха о новыхъ попыткахъ учрежденія тамъ инквизиціи, чтобъ вызвать въ 1564 г. беспорядки и почти возстаніе народа. Испанія не настаивала болѣе¹, но взамѣнъ этого учредила тамъ римскую инквизицію, которая не была снисходительнѣе отъ того, что была національною. Одна изъ постоянныхъ посѣтительницъ кружка, собиравшагося вокругъ Хуана Вальдеса, маркиза Изабелла Манрикець и ея сынъ должны были покинуть Италію (въ 1558 г.) и укрыться въ Цюрихѣ. Знатный дворянинъ маркизь Галеасъ Караччіоли вскорѣ послѣдовалъ примѣру этой мужественной женщины и предпочелъ разлуку съ своею семьей и съ женой, потерю всего своего состоянія, но не отреченіе отъ самыхъ святыхъ своихъ убѣжденій. Основаній для такого бѣгства было достаточно, потому что инквизиція,

¹ Muratori, *Annali d'Italia*, т. X, стр. 381.

вѣрная принципамъ Павла IV, особенно преслѣдовала выдающихся людей. Въ мартѣ 1564 г. на торговой площади въ Неаполѣ, въ самой людной части города, были обезглавлены за ересь два дворянина, Іоаннъ-Францискъ д'Альвизе, изъ Казерты, и Іоаннъ Бернардинъ де-Гарджане изъ Аверсы; многіе другіе спаслись во-время. Весь городъ заволновался, но инквизиція этимъ нисколько не обезпокоилась¹. Много прелатовъ королевства, даже наиболѣе высокопоставленныхъ, напримѣръ, архіепископы отрантскій, соррентскій и реджійскій и значительное число епископовъ были обвинены въ лютеранствѣ и подвергнуты различнымъ болѣе или менѣе строгимъ наказаніямъ.

Но всѣ эти единичныя казни совершенно блѣднѣютъ передъ ужасающимъ избіеніемъ калабрійскихъ вальденцевъ во времена Пія IV, который считается еще сравнительно умѣреннымъ папой!

Въ началѣ XIV вѣка нѣсколько сотенъ вальденцевъ покинули долины Альпъ, слишкомъ безплодныя и бѣдныя, чтобы ихъ прокормить, и переселились на берега Калабріи, въ то время еще почти пустынные. Тутъ они устроились на склонахъ Аппенинъ къ Тирренскому морю, близъ города Гуардіа. Въ срединѣ XVI вѣка они жили тамъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и даже по словамъ ихъ гонителей это были скромные и честные люди. Внѣшнимъ образомъ они слѣдовали обрядамъ католической церкви, но въ сущности

¹ Summonte, *Storia di Napoli*, кн. X, глава 4.

оставались вѣрны своимъ прежнимъ вѣрованіямъ, которыя отъ времени до времени укрѣплялись пріѣздомъ вальденскихъ миссіонеровъ изъ Пьемонта. Когда Лютеръ началъ свою великую религіозную реформу, альпійскіе вальденцы примкнули къ нему и стали посылать проповѣдниковъ къ своимъ братьямъ въ Калабріи съ цѣлью склонить ихъ къ этому же ученію. Съ этого времени вальденцы окрестностей Гуардіи стали открыто отдѣляться отъ католиковъ, съ которыми до тѣхъ поръ они совершали богослуженіе совмѣстно. Такая перемена не укрылась отъ бдительности испанскихъ властей въ Неаполѣ; они стали преслѣдовать пьемонтскихъ миссіонеровъ и, наконецъ, схватили одного изъ нихъ Жанъ-Луи Пасквале, который, получивъ образованіе въ кальвинистской академіи въ Лозаннѣ, перевелъ и напечаталъ по итальянски Новый Завѣтъ и кромѣ того проповѣдывалъ вальденцамъ въ Калабріи. Его привезли въ Римъ, подвергли тамъ самымъ страшнымъ мученіямъ и наконецъ 8 сентября 1560 г. задушили въ присутствіи папы и кардиналовъ! Къ несчастью, этой жертвы показалось недостаточно для варварской нетерпимости инквизиціи. Въ іюнѣ 1562 г., неаполитанскій вице-король отправилъ маркиза Асканья Колонна въ сопровожденіи нѣсколькихъ инквизиторовъ и судей къ маркизу Буччіанико, губернатору побережной Калабріи, съ приказаніемъ истребить всѣхъ вальденцевъ. Шестьсотъ пѣхотинцевъ и сотня кавалеристовъ должны были помочь привести въ исполненіе этотъ при-

говоръ. И дѣйствительно, они уничтожили всѣ поселенія вальденцовъ, раззорили виноградники и сожгли дома; съ жителями же обошлись какъ съ военноплѣнными: ихъ собрали въ одно мѣсто въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и началась бойня. Ихъ стали подвергать всевозможнымъ мученіямъ, однихъ вѣшали на деревьяхъ, другихъ рѣзали, какъ барановъ, иныхъ сбрасывали съ высокихъ башенъ. Ихъ крики, слезы, обѣщанья вернуться на путь истинный, — ничто не могло тронуть сердца палачей. Нѣкоторымъ іезуитамъ, явившимся сюда, удалось вернуть въ лоно римской церкви нѣкоторыхъ изъ этихъ простыхъ и невѣжественныхъ людей, но тѣмъ не менѣе умертвили и ихъ, но зато тѣхъ, которые не поддались краснорѣчію святыхъ отцевъ, тѣхъ сожгли живыми. Болѣе 2000 невинныхъ людей погибло при этой расправѣ, а 1600 человекъ были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію¹. Можно ли найти оправданіе этимъ гнуснымъ жестокостямъ, которыя совершены во имя религіи, провозглашающей себя религіей любви!

Инквизиція не ограничилась въ Калабрії од-

¹ Страшныя подробности, рассказанныя въ письмахъ очевидца (*Archivio storico italiano*, т. IX (1846), стр. 193 и слѣд.) вполне подтверждаются Sacchino (*Hist. Societ. Jesu*, т. V, nr. 81). По меньшей мѣрѣ странно со стороны Канту желаніе (*Gli eretici d'Italia*, т. II, стр. 331—359), представить рассказъ, написанный очевидно однимъ изъ товарищей Асканьи Колонна, какимъ то партійнымъ дѣломъ, рассказомъ по слухамъ, вродѣ тѣхъ, какіе теперь нерѣдко встрѣчаются въ газетахъ.

нѣми этими жестокостями. Помимо вальденцовъ и лютеранство, въ тѣсномъ смыслѣ, насчитывало тамъ сторонниковъ, особенно въ окрестностяхъ Реджіо, самъ архіепископъ котораго, францисканецъ Гаспаръ Фосса, какъ мы уже говорили выше, подозрѣвался въ ереси. Распря между двумя лютеранскими фамиліями и ихъ взаимныя обвиненія повели къ обнаруженію истиннаго положенія дѣлъ въ Реджіо, и въ томъ же 1562 году, въ которомъ было произведено избіеніе въ Гуардіа, вице-король послалъ въ Реджіо инквизитора Антоніо Панса,—человѣка, отличавшагося неумолимой жестокостью. Онъ заключилъ въ тюрьму множество людей, большинство которыхъ отправилъ потомъ на костеръ. Тѣ, которые согласились отречься отъ своихъ заблужденій, должны были носить всю свою жизнь на груди и плечахъ полосу желтаго сукна съ нашитымъ сверху краснымъ крестомъ.—Изъ этого видно сколько было сторонниковъ реформациі во всѣхъ частяхъ Италіи, и даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя теперь принадлежатъ къ самымъ невѣжественнымъ и фанатичнымъ.

Преслѣдованіе вальденцовъ, хотя и не такое жестокое, какъ въ Калабріи, имѣло мѣсто одновременно и въ противоположной части полуострова, — въ Пьемонтѣ, дѣйствительный родинѣ этой секты, жившей тамъ въ продолженіи трехъ вѣковъ, въ глубинѣ альпійскихъ долинъ. Знаменитый герцогъ Эммануиль Филибертъ Савойскій, изгнанный французами изъ своей страны за тѣс-

ный союзъ съ Испаніей, снова вернулся въ нее въ 1560 г. послѣ Като-Камбрескаго мира. Сначала герцогъ обнаруживалъ благосклонность къ вальденцамъ, честному и мирному, но въ тоже время и очень храброму народу, возбуждать раздраженіе котораго не входило въ его расчеты. Предвидя вмѣшательство церкви въ ихъ дѣла, герцогъ всячески старался убѣдить ихъ хотя-бы для виду представляться добрыми католиками, но эти простые горцы не пошли на сдѣлки съ своею совѣстью, а съ другой стороны изъ Рима не переставали увѣщевать герцога начать наконецъ преслѣдованіе еретиковъ. Чтобы окончательно убѣдить его въ этомъ генераль ордена іезуитовъ, Лайнецъ, послалъ къ нему въ 1560 г. отца Поссевина, уже извѣстнаго за одного изъ наиболее искусныхъ, энергичныхъ и наименѣе совѣстливыхъ членовъ ордена. Поссевинъ началъ съ того; что объѣхалъ долины, гдѣ жили вальденцы, пытаясь убѣдить ихъ въ ложности ихъ ученія. Но такъ какъ ни его доводы, ни угрозы, успѣха не имѣли, то онъ вернулся къ герцогу и описалъ ему въ такихъ страшныхъ краскахъ зловредность и упорство вальденцовъ, что Эммануиль-Филибертъ, уже смущенный требованіями апостолическаго нунція и испанскаго посланника, приказалъ Феррье, губернатору Пиньероля, уничтожить укрѣпленія вальденцовъ и изгнать ихъ еретическихъ проповѣдниковъ. Феррье повиновался и даже сжегъ нѣсколькихъ предводителей вальденцовъ. Испуганное населеніе послушалось увѣщаній своихъ

пасторовъ не проливать крови и искало спасенія въ горахъ. Теперъ герцогъ былъ увѣренъ, что достаточно одного энергическаго усилія, чтобъ окончательно сломить вальденцевъ, а потому послалъ противъ нихъ небольшую армію въ 2000 человекъ подъ предводительствомъ графа Тринитатскаго. Поссевинъ по его просьбѣ сопровождалъ войска, неся обязанности священника для католиковъ и инквизитора для противниковъ. Въ оставленныхъ имъ мемуарахъ этотъ инквизиторъ упоминаетъ только о двухъ или трехъ *проповѣдникахъ*, прибывшихъ сюда изъ за границы и казненныхъ согласно древнему обычаю церкви, но въ дѣйствительности дѣла шли иначе: были настоящія сраженія, въ большинствѣ которыхъ вальденцы, хорошо знакомые съ мѣстностью и знавшіе горные проходы, нанесли нападавшимъ настолько серьезныя пораженія, что герцогъ былъ принужденъ заключить съ ними формальный договоръ (5 іюня 1561 г.), который обезпечилъ за ними полную свободу совѣсти и подтвердилъ всѣ ихъ старыя привилегіи. Такимъ образомъ горсть храбрецовъ сумѣла отстоять свою вѣру и убѣжденія противъ цѣлой арміи, тогда какъ въ остальной Италиі протестанты гибли безъ сопротивленія подъ ударами своихъ противниковъ. Пій IV былъ очень недоволенъ этимъ и горячо жаловался въ консисторіи кардиналовъ на уступки, сдѣланныя вальденцамъ Эммануиломъ-Филибертомъ ¹.

¹ *Possevini animadversiones in historiam Thuani*; Za-

Во всей сѣверной Италіи, гдѣ лютеранство имѣло не мало сторонниковъ въ высшихъ классахъ общества, инквизиція принялась за его истребленіе посредствомъ самыхъ насильственныхъ мѣръ. Въ Миланѣ архіепископъ Арчимбольде началъ гоненія съ 1554 г. Герцогъ Альба, назначенный сюда въ 1555 г. губернаторомъ, очень усердно поддерживалъ усилія архіепископа, особенно въ теченіе 1558 и 1559 годовъ, при чемъ не проходило недѣли когда бы не подвергали пыткамъ одного или нѣсколькихъ еретиковъ¹. Преемникъ Арчимбольде св. Карлъ Борромео испробовалъ всѣ средства для реформированія своей церкви, но поскольку онъ стремился оживить вѣру и улучшить нравы духовенства и свѣтскихъ людей, постолку же онъ желалъ истребить ересь огнемъ и мечомъ. При этомъ онъ обнаружилъ такую жестокость, что навлекъ на себя недовольство правительства, дворянства, священниковъ и всего народа, но не смотря на это онъ не уступилъ и въ концѣ концовъ достигъ значительнаго успѣха. Филиппъ II пошелъ еще дальше: онъ желалъ водворить въ Миланѣ, какъ и въ Нидерландахъ, испанскую инквизицію. Въ 1563 г. ему удалось получить согласіе папы Пія IV, родомъ миланца, на учрежденіе страшнаго трибунала для соотечественниковъ послѣдняго. Но миланцы, по-

eharia, Iter litterarium per Italiam (Венеція, 1762), стр. 279. *La vie du père Antoine Possevin* (Paris, 1712) стр. 29 и слѣд.—De Thou, *Historiae*, lib. XXVII.

¹ Longo въ *la Rivista cristiana*, т. IX (1881) стр. 221.

добно нидерландцамъ и неаполитанцамъ, не хотѣли терпѣть у себя суда, который подъ покровомъ религіи являлся орудіемъ самаго жестокаго политическаго деспотизма.

Про инквизицію открыто говорили, что она предназначается только для того, чтобы держать въ полномъ повиновеніи и зависимости миланское населеніе, отличавшееся по мнѣнію испанцевъ чрезмѣрной смѣлостью и гордостью ¹. Не только миланскій сенатъ, но и ломбардскіе епископы рѣшительно протестовали противъ инквизиціи; они предсказывали эмиграцію тысячей лучшихъ семействъ страны, предвидѣли возможность открытаго возстанія и общаго вѣроотступничества въ миланскомъ округѣ, если декретъ Пія IV не будетъ взятъ назадъ. Сопротивленіе было настолько сильно, что въ концѣ концовъ губернаторъ, герцогъ Сесса, молча отказался отъ введенія испанской инквизиціи въ Миланѣ.

Но взамѣнъ этого была усилена строгость римской инквизиціи. Весь миланскій округъ представлялъ собою громадное складочное мѣсто для торговли между Италіей съ одной стороны и Швейцаріей и западной Германіей—съ другой; но фанатизму не было никакого дѣла до благосостоянія и матеріальныхъ интересовъ страны! Въ 1564 г. губернаторъ издалъ приказъ, по которому ни одинъ еретикъ или же только обвиненный въ ереси въ какомъ бы то ни

¹ Современное донесеніе, приводимое *Cantu*, т. III, стр. 42.

было иностранномъ государствѣ, не могъ проживать въ герцогствѣ, подѣ страхомъ наказанія по каноническимъ законамъ; а также всѣ хозяева гостинницъ, лодочники и т. п. обязывались доносить обо всѣхъ подозрительныхъ иностранцахъ. Этимъ распоряженіемъ преграждался доступъ въ страну большинству швейцарцевъ и нѣмцевъ. Никакія заявленія и просьбы не принимались во вниманіе. Миланскіе генеральные инквизиторы, назначаемые непосредственно св. престоломъ, свирѣпствовали противъ всѣхъ склонявшихся къ протестантскимъ доктринамъ, были ли то иностранцы или же мѣстные жители.

Ни одинъ городъ не представлялъ столько благопріятныхъ условій въ отношеніи опасности распространенія заразы еретическими мнѣніями, какъ городъ Комо, расположенный по сосѣдству съ Швейцаріей и Граубинденомъ и служившій центромъ торговли между сѣверными странами и Италією. Цѣлые тюки лютеранскихъ книгъ высылались туда изъ Германіи; инквизиція своимъ безошибочнымъ чутьемъ угадала это и тотчасъ же принялась за сожженіе виновниковъ ереси, каковыми были, на примѣръ, Миниччіо и Гамба. Будущему папѣ Пію V, доминиканцу Михаилу Гизліери удалось съ помощью своихъ шпіоновъ, которыхъ онъ содержалъ на свой счетъ въ Граубинденѣ, выслѣдить всѣ уловки, къ которымъ прибѣгали лютеране для своей прапаганды; однако соборный капитулъ, управлявшій дѣлами епархіи Комо за отсутствіемъ епископа, высказался противъ

инквизитора. Съ своей стороны поднялся и народъ, собиравшійся закидать Гизліери камнями, такъ что онъ принужденъ былъ покинуть городъ и возвратиться въ Миланъ. Но неугомимый фанатикъ-доминиканецъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ и рѣшился проникнуть въ Вальтелину, итальянскую провинцію, принадлежавшую граубинденцамъ, въ большинствѣ протестантамъ, и попытался начать процессъ, обвиняя въ ереси епископа г. Хура. Понятно, что мѣстныя власти запретили ему какое бы то ни было проявленіе инквизиціонной власти и такъ какъ, несмотря на это, онъ продолжалъ дѣйствовать по своему, то даже католическое населеніе отшатнулось отъ него и онъ еще разъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Тогда онъ отправился въ Бергамо, гдѣ отрѣшилъ отъ должности епископа Виктора Соранцо, обвиненнаго имъ въ ереси. Тамъ же ему удалось захватить одного дворянина-протестанта, графа Георга Меццолаго, который, благодаря своему высокому положенію, могъ до сихъ поръ не обращать вниманія на требованія церкви. Хотя за него вступилась венеціанская сеньерія, но онъ выигралъ отъ этого только въ томъ отношеніи, что умеръ въ государственной темницѣ, а не отъ руки инквизиторовъ. Но и въ Бергамо народъ относился крайне враждебно къ инквизиціи и съ молчаливаго согласія венеціанскаго *проведитора*, Николая Понте, принудилъ Гизліери покинуть городъ, послѣ чего онъ отправился въ Римъ, гдѣ благосклонность кардинала Караффы, а потомъ папы

Павла IV, вполне вознаградила его за все обиды, которымъ онъ подвергался за свое фанатическое рвеніе.

Изъ всего сказаннаго совершенно ясно, что веселый, терпимый и свѣтскій нравъ сѣверныхъ итальянцевъ повсюду сильно противился жестокой тираніи католической реакціи. Къ несчастью у него не хватило необходимой энергіи и не нашлось достаточно искусныхъ руководителей, чтобы организовать сопротивленіе, которое безъ этого не могло долго продолжаться. Вскорѣ инквизиція восторжествовала на всѣхъ пунктахъ, принудивъ населеніе къ молчаливому и пассивному подчиненію.

Причину этого рокового исхода надо искать главнымъ образомъ въ поведеніи и характерѣ Филиппа II. Вступленіе его на испанскій престоль всюду знаменуетъ побѣду инквизиціи. Будучи непосредственнымъ владѣтелемъ половины Италіи и подавляя другую половину своимъ могуществомъ и внушаемымъ страхомъ его силы и оружія, онъ навязалъ идеи фанатизма и жестокіе преслѣдованія, бывшія въ особомъ ходу у сумрачныхъ испанцевъ, почти всему Аппенскому полуострову. Даже папы, бывшіе почти всегда креатурами Испаніи, подчинялись ей въ дѣлѣ борьбы съ ересью. Испанія не довольствовалась тѣмъ, что угнетала Италію и раззоряла ее своими финансовыми вымогательствами, но она уничтожила еще свободную широту итальянскаго духа и превратила эту несчастную страну

въ царство лицемѣрія, обскурантизма, нравственной и матеріальной нищеты. И такое испанское вліяніе продолжало тяготѣть надъ Италією черезъ посредство неаполитанскихъ Бурбоновъ почти до нашего времени.

При жизни Карла V, Гонзаги, владѣтельные князья Мантуи, были противниками папы и въ силу этого даже склонялись къ протестантизму. Многіе изъ ихъ подданныхъ дѣйствовали въ томъ же направленіи¹, такъ что Римъ смотрѣлъ на городъ Мантую, какъ на гнѣздо еретиковъ. Михайлъ Гизліери, сдѣлавшись папою Піемъ V, хотѣлъ напасть на него съ военною силою, и остальнымъ италянскимъ князьямъ только съ большимъ трудомъ удалось помѣшати выполненію этого плана. Между тѣмъ Филиппъ II, самъ предалъ своего мантуанскаго союзника въ полное распоряженіе жестокаго папы. Не смотря на сопротивленіе герцога Вильгельма, дворянства и всего народа, который въ ночь на Рождество даже убилъ двухъ доминиканцевъ, инквизиція все-таки тамъ восторжествовала. Въ 1569 г. Піи V издалъ противъ Мантуи грозную буллу и отправилъ туда св. Карла Борromeo и кардинала Коммендоне. Никто не осмѣлился послушаться приказаній этихъ двухъ столь важныхъ и внушавшихъ страхъ людей. Тюрьмы наполнились подозрѣваемыми людьми; пытка примѣнялась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; люди слабые отре-

¹ J. B. Folengi, *Commentarii in psalterium*. (Базель, 1557), стр. 388.

кались, а мужественныхъ казнили. Нѣкоторымъ протестантамъ Мантуи удалось бѣжать въ различные мѣста Италіи, но сбирьы св. Борромео всюду гнались за ними по ихъ слѣдамъ и всѣ они были доставлены въ руки этого неумолимаго ревнителя вѣры; только очень не многіе изъ преслѣдуемыхъ могли спастись, найдя себѣ убѣжище въ Германіи и Польшѣ. Самымъ ужаснымъ изъ мантуанскихъ инквизиторовъ былъ доминиканецъ отецъ Анжъ Кремонскій, распространившій преслѣдованіе еретиковъ до городовъ Кремы и Кремоны, хотя первый изъ нихъ принадлежалъ Венеціи, а второй Миланскому герцогству ¹.

Особенно преслѣдовалъ Пій V семейство Гонзаговъ. Онъ вызывалъ на судъ инквизиціи знаменитую принцессу Юлію, пользовавшуюся славою не только по своему высокому положенію, но и за свою красоту, за познанія и умъ. Живя въ Неаполѣ, она была увлечена ученіемъ Вальдеса и склонялась къ идеѣ религіозной реформы, хотя никогда открыто не высказывалась за нее. Юлія не явилась на судъ, и вскорѣ послѣ этого умерла отъ горя и испуга.

Дѣйствуя изъ Милана и пользуясь при этомъ помощью католическихъ кантоновъ и испанскаго короля, римская инквизиція постоянно стремилась бороться съ ересью въ италіанскихъ долинахъ, подчиненныхъ Швейцаріи и Граубиндену. Въ большинствѣ случаевъ это удавалось ей, особенно въ округахъ, которые въ настоящее время образуютъ

¹ M. Longo въ *Riv. crist.*, т. IX (1881) стр. 116.

Тессинскій кантонъ. Пій дошелъ до того, что приказалъ инквизитору съ помощью восьми наемныхъ убійць захватить въ самой Вальтелинѣ, т. е. въ перешедшемъ на сторону реформаціи Граубанденскомъ кантонѣ, одного несчастнаго протестантскаго проповѣдника и доставить его въ Римъ, гдѣ и сжегъ его. Безполезно прибавлять, что всѣ протесты Граубиндена не привели ни къ какому результату ¹.

Но нигдѣ въ Италиі число тайныхъ протестантовъ и ихъ единомышленниковъ не было такъ велико, какъ въ Венеціи. Эта торговая республика, ради своего собственнаго существованія, была вынуждена по возможности устранять все, что могло бы затруднять наплывъ въ нее иностранцевъ всѣхъ національностей и всѣхъ вѣроисповѣданій. Излишняя строгость въ дѣлахъ религіи необходимо отразилась бы на ея отношеніяхъ съ Востокомъ, Швейцаріей и Германіей, другими словами, могла уничтожить самые источники ея богатства. Въ теченіи тридцати лѣтъ, она отвергала всѣ мѣры строгости противъ лютеранства, на что еще въ 1532 г. Джіовани Пьетро Караффа, живя въ Венеціи, горько жаловался папѣ Клименту VII. Число еретиковъ въ ней все возрастало, они часто собирались и даже подумывали объ образовавіи настоящихъ официальныхъ конгрегацій ².

¹ Catena, *Vita di Pio V* (Roma 1587), 157.

² Romanin, *Storia documentata di Venezia*, т. V,

Такимъ образомъ Венеція стала убѣжищемъ для гонимыхъ за религію. Такое же положеніе вещей было и въ принадлежащихъ ей провинціяхъ на материкѣ. Такъ Фріуль былъ охваченъ ересью, благодаря сосѣднимъ австрійскимъ областямъ, гдѣ протестантизмъ получилъ большое распространеніе. Самъ аквилейскій патріархъ, Іоаннь Гримани, открыто высказался за ученіе о предопредѣленіи избранныхъ и отверженныхъ ¹. Другой фріульскій прелатъ Верджеріо, епископъ въ Капо-д'Истріа, хотя и заявлялъ, что остается вѣренъ католицизму, но мало по малу приводилъ свою епархію къ разрыву съ старымъ римскимъ культомъ и исподволь внушалъ своимъ прихожанамъ протестантскія идеи.

Но наконецъ настоянія и угрозы со стороны Рима заставили венеціанскую сеньерію отказаться отъ принятой ею системы терпимости. Окруженная владѣніями нѣмецкихъ и испанскихъ Габсбурговъ и владѣніями Церкви,—все державами строго католическими,—Венеція не могла рѣшиться открыто проявить сочувствіе или хотябы большую снисходительность къ ереси. Римъ и здѣсь развилъ обычную и въ своемъ родѣ поразительную энергію. Нунцій Делла-Каза не переставалъ надоѣдать сеньеріѣ своими требованіями начать наконецъ преслѣдованіе еретиковъ, кото-

331.—M. Jensen въ *La Rivis. crist.*, т. VI (1878), 281.—Bonnet, *Derniers récits du XVI-e siècle* (Paris 1876), 71.

¹ de Leva, *Giov. Grimani*; Atti del R. Istituto veneto, серия V, т. VII.

рые становились все смѣлѣе и угрожали совратить съ пути истиннаго все населеніе Венеціи. Сенатъ не рѣшился навлечь на себя одновременно грома церкви и войска австрійскаго дома, а потому въ 1547 г. дожъ Францискъ Донато назначилъ трехъ нобилей, которые совмѣстно съ аудиторомъ нунція и инквизиторомъ должны были розыскивать и наказывать всѣ проявленія ереси въ городѣ Венеціи. Этихъ трехъ нобилей называли «мудрецами ереси» (*tre savj dell'eresia*). Нѣсколько выдающихся лютеранъ и между ними Антоніо Бруччіоли, переводчикъ Библии, были наказаны изгнаньемъ на нѣсколько лѣтъ и незначительною денежною пеней ¹.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ мѣръ было то, что какъ публичныя, такъ и частныя собранія протестантовъ прекратились, и многія лица, предавшіяся «дьявольскому разврату», отреклись отъ ереси. Въ виду такого успѣха Совѣтъ Десяти 21 октября 1548 г. постановилъ учредить въ каждомъ городѣ «на материкѣ» комиссію, состоящую изъ губернатора, двухъ докторовъ права, епископа и мѣстнаго инквизитора для разслѣдованія и наказанія преступленій противъ религіи. Очевидно, что Венеціанская республика, оставаясь вѣрною своимъ свѣтскимъ принципамъ, не предоставляла священникамъ исключительнаго права преслѣдованія еретиковъ, но подчиняла церковную юрисдикцію установленному

¹ M. Pons, въ *la Rivis. crist.* за 1875.

контролю большинства свѣтскихъ чиновниковъ. Совѣтъ Десяти сверхъ того дополнилъ этотъ приказъ тайными инструкціями, долженствовавшими сильно смягчить его. Онъ предписывалъ также ректорамъ провинцій немедленно увѣдомлять его всякій разъ, когда дѣло будетъ касаться какого нибудь выдающагося лица, и вообще не допускать произнесенія приговора, влекущаго за собою конфискацію имущества, потерю какого нибудь члена или жизни, не увѣдомивъ заранее объ этомъ Совѣтъ и не получивъ отъ него на этотъ счетъ окончательныхъ распоряженій¹.

Что бы дать удовлетвореніе постояннымъ жалобамъ папы, сенъерія казнила нѣсколькихъ вождей еретиковъ сначала въ Виченцѣ, а потомъ въ Тревизѣ и Бергамо, всего девятнадцать человекъ. Кромѣ того еще сорокъ четыре еретика подверглись менѣе тяжкимъ наказаніямъ. Большая часть осужденныхъ были священники, ремесленники и вообще люди изъ простого народа, что еще лишній разъ доказываетъ ложность увѣреній католическихъ историковъ, такъ часто утверждавшихъ, что въ Италіи только высшіе классы были заражены ересью. Образовавшаяся было въ Виченцѣ академія просвѣщенныхъ людей, склонявшаяся какъ и въ Моденѣ къ новому ученію, теперь распалась. Двое изъ ея членовъ, люди одинаково выдающіеся, какъ

¹ Romanin, V, 550.—Cecchetti, *La repubblica di Venezia e la corte di Roma nei rapporti della religione* (Ven., 1873).

по своему рожденію, такъ и по дарованіямъ, погибли отъ руки палача. Въ Виченцѣ было заключено въ тюрьму всего сорокъ человекъ и сверхъ того много лицъ изъ высшаго класса бѣжали въ Швейцарію, Германію, Польшу и даже въ Анлію.

Однако венеціанскія власти, не отличавшіяся вообще жестокостью и вовсе не расположенныя къ свѣтской власти церкви, вскорѣ ослабили строгость принятыхъ мѣръ и вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ провинціяхъ Св. Марка лютеранство подняло голову. Въ Бергамо простые ремесленники, въ праздничные дни, взлѣзали на деревья и оттуда проповѣдывали горожанамъ и поселянамъ «добрую вѣсть», согласно ученію нѣмецкихъ реформаторовъ. Въ Падуѣ одинъ профессоръ права велъ прапаганду съ своей кафедры ¹.

Въ самой Венеціи были люди, сносившіеся съ Кальвиномъ, а Вильгельмъ Постелло устроилъ даже школу, въ которой открыто излагались женевскія доктрины. Сюда же былъ вызванъ изъ заграницы священникъ и дьяконы для завѣдыванія дѣлами благотворенія и для спасенія душъ. Было также попытки организовать по образцу Женевской церкви ².

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что папа горячо жаловался посланнику республики на снисходительность, обнаруживаемую ею въ отношеніи протестантовъ. Кромѣ того, онъ сильно на-

¹ Santu, т. III, стр. 164.

² Caracciolo, *Compendium Inquisitorum*. Riv. Crist., т. IV (1876), стр. 129.

падалъ на обычай присоединять свѣтскихъ людей къ инквизиціонному суду,—обычай, казавшійся до такой степени опаснымъ еще Юлію III, что послѣдній издалъ противъ него особую буллу.

Дождь не могъ вполнѣ уклониться отъ вліянія папы, особенно когда на папскій престолъ вступилъ грозный Павелъ IV. Онъ предалъ въ руки этого ревностнаго первосвященника Постелло и нѣкоторыхъ другихъ венеціанскихъ протестантовъ, которые разумѣется были торжественно сожжены въ Римѣ. Сверхъ того дождь снова приказалъ губернаторамъ венеціанскихъ областей преслѣдовать еретиковъ, но твердо настаивалъ на участіи въ судахъ совмѣстно съ епископомъ и инквизиторомъ ректоровъ и свѣтскихъ докторовъ, а также и на представленіи Совѣту Десяти всѣхъ процессовъ, касающихся ереси, до постановленія приговора. Во всѣхъ случаяхъ, когда эти формальности не были соблюдены, самые процессы признавались не дѣйствительными и уничтожались. Венеціанцы не хотѣли, какъ это дѣлалъ король испанскій, пользоваться инквизиціею для политическихъ цѣлей, и еще менѣе желали они превратить государство въ слѣпое орудіе церковной ненависти и антипатій. Система изданія очень строгихъ законовъ, но по возможности мягкаго примѣненія ихъ, практиковалась республикой и впоследствии, не смотря на постоянно возобновлявшіяся жалобы папъ. Совершеніе протестантскаго богослуженія не разрѣшалось въ

предѣлахъ владѣнія республики, но если еретики, особенно иностранцы, жили покойно, — ихъ не трогали. Протестанты изъ Швейцаріи и Граубиндена свободно проживали, торговали и развлекались въ Венеціи, и въ то же время большое число молодыхъ нѣмцевъ училось въ падуанскомъ университетѣ. Іаковъ Брокаръ, хотя и венеціанецъ по рожденію, за свои открыто еретическія убѣжденія былъ присужденъ только къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ изгнанъ. Отъ времени до времени возникали серьезныя обвиненія противъ протестантовъ, особенно когда послѣдніе въ какомъ нибудь округѣ становились слишкомъ многочисленны и смѣлы, какъ это, на примѣръ, случилось въ Фріулѣ въ 1558 г. Однако они всегда могли избѣжать суровой кары, прибѣгнувъ къ отреченію; тѣхъ же, которые искали спасенія въ бѣгствѣ, никогда не старались поймать; осуждались на смерть только тѣ, которые упорно сохраняли свое вѣрованіе и въ то же время были очень на виду. Способъ, какимъ приводили въ исполненіе смертныя приговоры, вполне соответствуетъ таинственному характеру венеціанскаго правосудія. Обыкновенно въ полночь осужденныхъ сажали на двѣ гондолы и отправляли въ открытое море. По прибытіи туда между гондолами клали доску, на которую ставили приговореннаго, руки котораго были связаны, а къ ногамъ привязаны тяжелые камни. Затѣмъ лодки разѣзжались въ противоположныя стороны съ быстротою, какую только могли достигнуть гребцы, и

доска вмѣстѣ съ казнимыми тонула въ глубинѣ моря, не оставляя никакого слѣда о совершившемся страшномъ событіи!—Къ счастью, такія казни совершались въ Венеціи очень рѣдко.

Тѣмъ не менѣе папству удалось разрушить всѣ центры протестантизма, которые въ теченіи времени успѣли образоваться въ Венеціи, и постепенно всѣ еретики, которые не отреклись отъ своихъ ученій, перебрались за границу. Такимъ путемъ и въ Венеціи, какъ и въ другихъ частяхъ Италіи, инквизиція достигла своихъ цѣлей.

Хотя реформація не получила во Флоренціи того развитія, какъ въ Венеціи, Луккѣ и Неаполѣ, тѣмъ не менѣе она нашла здѣсь, среди образованнаго, мыслящаго и воспріимчиваго ко всему новому населенія, большое число сторонниковъ.

Въ 1527 и въ 1528 гг., когда Флоренція была еще республикою, синьерія изгнала Антонія Бручіоли по подозрѣнію въ лютеранствѣ, не смотря на его антимонархическія убѣжденія¹. Нѣскольکو лѣтъ спустя, одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ городѣ, Іеронимъ Буонаграція, былъ приговоренъ по тому же поводу къ вѣчному изгнанію².

¹ Pons, *Antonio Brucioli*; Riv. Crist., т. III (1875), стр. 273 и слѣд.

² Passerini, *Il primo processo per la riforma luterana in Firenze*, Archivio storico italiano, т. III (1879), стр. 337 и слѣд.—На примѣрѣ Бручіоли можно видѣть, что г. Пассерини ошибается, считая процессъ Буонаграція *первымъ* процессомъ этого рода во Флоренціи.

Послѣ паденія республики, Козьма Медичи сталъ сначала герцогомъ Флоренціи, а потомъ великимъ герцогомъ Тосканскимъ. По тѣмъ же основаніямъ, какъ венеціанцы, онъ тоже не любилъ римской инквизиціи; онъ не хотѣлъ терпѣть въ своемъ государствѣ никакой власти, которая бы не зависила отъ него. Въ силу этого Павелъ IV принужденъ былъ отмѣнить въ римскомъ инквизиціонномъ судѣ флорентійскій отдѣлъ и замѣнилъ его особымъ инквизиторомъ, постоянно живущимъ во Флоренціи. Даже самъ нунцій не имѣлъ права вмѣшиваться въ дѣла вѣры; да и вообще мягкимъ нравамъ флорентинцевъ претило пролитіе крови. Въ декабрѣ 1551 года въ столицѣ Тосканы праздновался большой «*atto di fede*»; дѣйствующими лицами въ немъ было двадцать два еретика, но все ограничилось тѣмъ, что они отреклись отъ своихъ заблужденій и получили прощеніе; сожжены были только ихъ книги и сочиненія. Римская конгрегація и испанцы не удовлетворились бы столь малымъ! Даже тѣ флорентинцы, которые были заключены инквизиціей въ римскія тюрьмы, пользовались покровительствомъ посланниковъ великаго герцога, которые всегда старались спасти ихъ отъ смертной казни. Всѣмъ тѣмъ, кто могъ опасаться инквизиціи—ученымъ, священникамъ, книгопродавцамъ и типографщикамъ—была дана возможность бѣжать. Большинство изъ нихъ направилось въ Венецію, гдѣ они были въ безопасности.

Городъ Сіенна въ теченіе многихъ вѣковъ

былъ соперникомъ Флоренціи, новъ 1557 г. Козьма съ помощью испанцевъ подчинилъ его и присоединилъ къ своему государству. Несчастнѣйшій городъ, потерявъ свою политическую свободу, долженъ былъ одновременно подвергнуться еще религіозной тираніи, такъ какъ римскіе инквизиторы немедленно озаботились донести герцогу на значительное число еретиковъ, находившихся въ Сіеннѣ. Однако Козьма отвѣтилъ имъ, что эти обвиненія часто происходятъ изъ личной неприязни, зависти или злобы и потому, прежде чѣмъ наказывать, онъ желаетъ получить болѣе точныя доказательства ихъ вины¹. Вслѣдствіе этого здѣсь сожгли только нѣсколькихъ несчастныхъ колдуній, а еретики могли, произнеся отреченіе отъ ереси, не подвергаться никакому наказанію или же просто бѣжать, если не желали отказываться отъ своихъ убѣжденій. Попытка римской инквизиціи основать въ 1564 г. братство добровольныхъ служителей ея потерпѣла неудачу, вслѣдствіе непреклоннаго сопротивленія великаго герцога, не желавшаго, чтобъ въ новопріобрѣтенномъ городѣ образовалась вооруженная и независимая отъ него ассоціація.

Однако, даже покровительство флорентійскаго правительства не могло спасти двухъ тосканскихъ еретиковъ, которые по своему высокому положенію внушали страхъ и жажду мести «трибуналу вѣры».

¹ *Cantu*, т. II, стр. 449.

Одинъ изъ нихъ Петръ Карнесекки¹, потомокъ благороднаго флорентійскаго рода, былъ ближайшимъ другомъ папы Климента VII, который назначилъ его секретаремъ, апостолистическимъ протонотаріемъ и осыпалъ его церковными бенефиціями. Отъ него же Карнесекки получилъ позволеніе прибавить къ своей фамиліи еще и фамилію самого папы — Медичи. Онъ игралъ значительную роль въ политическихъ дѣлахъ. Въ 1536 г. этотъ ученый богословъ увлекся ученіемъ Хуана Вальдеса и съ этого времени мы видимъ его въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми италіянскими, а также и иностранными еретиками, даже съ Меланхтономъ. Онъ принадлежалъ къ числу людей, группировавшихся вокругъ кардинала Поля, и былъ довѣреннымъ лицомъ принцессы Юліи Гонзагъ. Онъ не жалѣлъ ни помощи, ни денегъ для протестантовъ, находившихся въ нуждѣ. Еще при Павлѣ III онъ привлекался къ суду инквизиціи; во второй разъ, во время своего пребыванія во Франціи, ему удалось избѣгнуть опасности только благодаря вмѣшательству могущественныхъ друзей, послѣ чего онъ отправился въ Венецію. Позднѣе, когда Павелъ IV въ 1557 г. еще разъ потребовалъ его на судъ инквизиціи, Карнесекки остерегся отдаться въ руки грознаго папы. Пользуясь покров-

¹ Manzoni. *Estratto del processo di Pietro Carnesecchi*: Miscellanea di storia italiana, т. X.—По этому же сочиненію написано сочиненіе Hase, *Prozess P. C.* въ *Jahrbücher f. protest. Theologie*, т. III (1877), стр. 148.

вительствомъ тосканскаго агента въ Венеціи, онъ жилъ здѣсь спокойно, не смотря на то, что былъ отлученъ папой отъ церкви. Такіе вліятельные люди, какъ Христофоръ Мадруццо, кардиналъ-епископъ тріентскій, горячо ходатайствовали за него у племянниковъ Павла IV ¹, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній повидимому не особенно настаивалъ на процессѣ Карнесекки. Послѣ смерти Павла IV, бывшій протонотарій отправился прямо въ Римъ и, представивъ себя жертвою этого папы, добился отъ новаго папы Пія IV, который былъ противникомъ своего предшественника, признанія себя добрымъ католикомъ и послушнымъ сыномъ церкви (1561 г.). Послѣ этого онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ спокойно жилъ во Флоренціи, пользуясь большимъ уваженіемъ самаго великаго герцога, который часто приглашалъ его къ себѣ. Но въ 1566 г. вмѣстѣ съ мрачнымъ Гизліери — папою Піемъ V — сама инквизиція въ его лицѣ возсѣла на папскій престолъ. Грозные взоры брата Михаила уже давно были направлены на несчастнаго Карнесекки и великій герцогъ не посмѣлъ отказать ему въ выдачѣ жертвы, когда папа потребовалъ этого. На этотъ разъ процессъ принялъ серьезный оборотъ. Сношенія Карнесекки съ еретиками, малѣйшія замѣчанія его, имѣвшія еретическій характеръ, тща-

¹ Письмо Madruzzo къ кардиналу Карлу Караффа и къ епископу Побы, Триентъ, 11-го Апрѣля 1558 г.; Brieger въ *Zeitschr. f. Kirchengesch.*, т. V (1882). стр. 612 и слѣд.

тельно прослѣживались и устанавливались. Правда, со всѣхъ сторонъ за него хлопотали предъ папою и кардиналами; особенно великій герцогъ, который долженъ былъ выдать его, не щадилъ усилій, чтобы спасти его, и это удалось бы, если бы только Карнесекки отрекся отъ ереси и такимъ образомъ далъ возможность инквизиторамъ приводить его славное имя, какъ блестящій примѣръ слабости протестантовъ, но онъ остался твердъ, и тогда папа сдѣлался неумолимъ въ виду такого *упорства* Карнесекки. Чѣмъ болѣе заступались за этого открытаго еретика, тѣмъ меньше онъ былъ склоненъ пощадить его. Даже послѣ окончательнаго приговора, казнь его была отсрочена еще на десять дней въ надеждѣ, что монахамъ удастся довести его до отреченія и онъ спасетъ себѣ жизнь позоромъ и ложью, но всѣ эти мѣры не повели ни къ чему въ виду рѣшимости и мужества Карнесекки, который въ октябрѣ 1567 г. былъ наконецъ обезглавленъ, а затѣмъ сожженъ вмѣстѣ съ однимъ венеціанскимъ монахомъ, вѣроятно его другомъ.

Такими способами католическая реакція лишила Италію ея лучшихъ и наиболѣе славныхъ гражданъ. Какъ во времена Макиавеля папство являлось бичомъ всего полуострова въ смыслѣ политическомъ, такъ теперь оно стало тѣмъ же въ отношеніи умственнаго развитія. Вскорѣ оно погубило еще одну такую же жертву, какою былъ Карнесекки.

Сіенскій университетъ славился курсами уче-

наго Аоніо Палеаріо ¹. Онъ былъ родомъ изъ одной деревни въ окрестностяхъ Рима и уже въ молодости былъ знаменитъ своей ученостью и неотразимымъ краснорѣчіемъ. Въ Сіеннѣ онъ подружился съ знаменитымъ Бернардино Оккино и подъ его вліяніемъ призналъ нѣмецкое ученіе объ оправданіи. Его считали авторомъ знаменитаго «Трактата о благодѣяніи Христа», который одно время былъ распространенъ въ Италіи во многихъ тысячахъ экземпляровъ, но въ послѣдствіи былъ совершенно уничтоженъ инквизиціей. Только въ 1847 году былъ найденъ англійскій переводъ его, а въ 1855 г. открыли, наконецъ, и оригинальный текстъ. Теперь доказано, что эта книга была написана братомъ Бенедиктомъ, сицилійскимъ священникомъ изъ монастыря св. Северина въ Неаполѣ, ученикомъ Вальдеса и исправлена въ отношеніи стиля знаменитымъ ученымъ Маркомъ-Антоніемъ Фламиніо. Палеріо же былъ авторомъ подобнаго же, но неизданнаго трактата: «О полнотѣ, достаточности и полномъ удовлетвореніи, данномъ смертью Христа»,—названіе, которое, вѣроятно, ввело въ заблужденіе всѣхъ, кто приписывалъ ему трактатъ, также пользовавшійся большою славою, «О благодѣяніи Христа» ¹. Вслѣдствіе своихъ еретическихъ мнѣній Палеаріо принужденъ былъ

¹ J. Bonnet, *Aonio Paleario*. Прекрасно написанная книга, но не всегда заслуживающая полного довѣрія. Она переведена на нѣмецкій и итальянскій языки.

² См. Venrath въ *Rivista cristiana*, т. V (1876).

покинуть Сиенну и (въ 1546 г.) перешелъ профессоромъ краснорѣчія въ Лукку, гдѣ и пробылъ въ теченіи девяти лѣтъ. Отсюда онъ отправился въ Миланъ, гдѣ продолжалъ свое преподаваніе, такъ какъ репутація его латинскихъ сочиненій была очень велика во всей Италіи. Въ то же время онъ поддерживалъ переписку со многими вождями протестантизма и тайкомъ написалъ «*Обвиненіе папъ*». Въ первый разъ онъ былъ вызванъ въ судъ инквизиціи при Піѣ IV, но потомъ неумолимый Піѣ V велѣлъ его схватить и доставить въ Римъ въ тотъ же 1566 г., въ которомъ былъ захваченъ и Карнесекки. Палеаріо сохранилъ и передъ угрозами инквизиторовъ такую же твердость убѣжденій, какъ и апостолическій протонотарій; его послѣднія письма къ женѣ и сыновьямъ свидѣтельствуютъ объ истинномъ героизмѣ и удивительной стойкости убѣжденій. 8 іюля 1570 г. послѣ четырехлѣтняго заключенія его сначала задавили, потомъ сожгли. Въ это время ему уже было семьдесятъ лѣтъ, но старику не дали дожить спокойно тѣ немногіе годы, которые онъ могъ еще прожить!

Въ Луккѣ сѣмена ереси были посѣяны Палеаріо, Окино и Вермильи, и мы уже знаемъ, что инквизиція давно намѣтила себѣ эту маленькую республику. При Павлѣ IV папство заняло столь угрожающее положеніе относительно ея, что многіе наиболѣе значительные и уважаемые граждане покинули со своими семьями свою родину и переселились въ Женеву и Швейцарію,

гдѣ вскорѣ прославились своимъ искусствомъ въ разныхъ промышленныхъ производствахъ, въ наукахъ и въ общественной жизни. При этомъ они имѣли время распродать заранѣе свои имущества на родинѣ. Сенатъ и народъ республики продолжали съ большою смѣлостью и мужествомъ противиться всѣмъ попыткамъ папъ ввести у нихъ инквизиціонный трибуналъ. По временамъ они издавали весьма строгіе законы противъ еретиковъ, но очень слабо слѣдили за исполненіемъ ихъ. Въ 1560 г. великій-инквизиторъ Михаилъ Гизліери призналъ необходимымъ лично отправиться въ Лукку для того, чтобы возбудить въ ней гоненіе еретиковъ. Результатомъ его посѣщенія было изданіе закона, воспрещающаго жителямъ Лукки, осужденнымъ за ересь, пребываніе въ какой бы то ни было католической странѣ и назначавшаго награду въ 300 золотыхъ экю за убійство всякого, кто нарушитъ это постановленіе¹. Едва ли можно найти гдѣ бы то ни было болѣе несправедливый, тираническій и произвольный законъ!

Восшествіе на папскій престолъ Пія V навело такой страхъ на оставшихся еще немногихъ протестантовъ въ Луккѣ, что они предпочли покинуть свою родину. Въ числѣ ихъ были сынъ Франциска Бурламакки, великій итальянскій патриотъ и республіканецъ, и семья Каландрини, въ числѣ предковъ которой былъ папа Мартинъ V. Въ концѣ концовъ, не смотря на относительную

¹ *Arch. stor. ital.*, т. X; Docum. XLVI, 7.

умѣренность инквизиціи, зародыши протестантизма въ Луккѣ совершенно исчезли и этотъ городъ сталъ такимъ же католическимъ, какъ и всѣ остальные города Италіи.

Но если инквизиція такъ жестоко свирѣпствовала въ государствахъ, находившихся подъ свѣтскою властью, то она была еще тяжелѣе въ папскихъ владѣніяхъ, въ особенности же въ управленіе Пія V. Въ Болоньи, на примѣръ, тюрьмы были наполнены безразлично людьми всѣхъ сословій, и всѣ они подвергались одинаковымъ мукамъ и одинаковымъ избиеніямъ¹.

Такимъ образомъ римской инквизиціи, либо непосредственно, либо производимымъ ею давленіемъ на пространствѣ всего полуострова, удалось подавить не только свободу писать или говорить, но даже мыслить. Животный страхъ, лицемерное и боязливое ханженство охватило ту Италію эпохи Возрожденія, которая еще такъ недавно была полна радости, шума, кипѣла жизнью, всякаго рода порывами и геніемъ. Великіе поэты и ученые, знаменитые писатели и дивные художники быстро исчезали и повсемѣстно наступилъ упадокъ; процвѣтали только монашескіе ордена и церковныя церемоніи. Монашескіе ордена, въ особенности іезуиты, захватили въ свои руки обученіе и воспитаніе юношества. Нѣкогда столь цвѣтущіе университеты, въ Падуѣ, Пизѣ и Болоньѣ, безвозвратно приходили въ упадокъ, такъ какъ

¹ De Porta, *Historia ecclesiarum rhaeticarum*, т. II, стр. 460.

свобода изслѣдованія и научныхъ доктринъ,— этотъ жизненный элементъ всякаго университетскаго преподаванія,—не могъ существовать рядомъ съ мрачнымъ, недовѣрчивымъ и все болѣе захватывающимъ авторитетомъ римской куріи, ея епископовъ и агентовъ, зорко слѣдившихъ за академическими курсами. Догматы и даже церковныя церемоніи ограничивали науку самыми тѣсными рамками, охраняемыми съ большою строгостью духовной цензурой и инквизиціей. Костеръ, на которомъ былъ сожженъ Джордано Бруно, и 27—лѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ Кампанелли были достаточно внушительны, чтобы напугать самыхъ смѣлыхъ, и вскорѣ только одно слѣпое повиновеніе авторитету Рима или даже всемогущимъ іезуитамъ могло открыть доступъ къ университетской кафедрѣ.

Апеннинскій полуостровъ уже за долго до этого потерялъ свою независимость и политическую силу, но взамѣнъ этого онъ всегда занималъ видное и почетное положеніе среди народовъ, благодаря превосходству своихъ искусствъ и литературы, цѣнившихся во всей Европѣ. Повсюду, начиная отъ лондонскаго дворца и кончая Вѣной и Константинополемъ, повсюду образованные люди и въ особенности высшій свѣтъ понимали и говорили на прекрасномъ тосканскомъ нарѣчій. Теперь Италія потеряла и это преимущество и быстро стала самою ничтожною и самою несчастною страной изъ всѣхъ западныхъ народностей. Она дала страшный не ме-

нѣе поразительный, чѣмъ Испанія, примѣръ того мертвящаго дѣйствія, которое оказываетъ всемогущество духовенства. Къ счастью, Италія, находящаяся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Испанія, нашла въ современной эпохѣ элементы для второго возрожденія, которое освободило ее отъ подавляющаго ига иноземцевъ, папства, инквизиціи и Index'a.

Но можно ли было предвидѣть это освобожденіе въ январѣ мѣсяцѣ 1566 г., когда мрачный Гизліери вступилъ на папскій престолъ! Римскій народъ хорошо сознавалъ, что должно послѣдовать за избраніемъ великаго инквизитора въ папы, а потому онъ былъ преисполненъ тревоги и тоски¹. Гизліери былъ цѣльный, убѣжденный человѣкъ, одинаково строгій какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ. Напрасно совѣтовали ему быть умѣреннѣе, указывая, что онъ имѣетъ дѣло съ людьми, а не съ ангелами. На это онъ отвѣчалъ, что всѣ его начинанія всегда удавались ему, а потому онъ убѣжденъ, что его намѣренія хороши и что ему помогаетъ самъ Богъ¹. Несмотря на то, что онъ страдалъ каменною болѣзнью, онъ всегда вставалъ рано утромъ и не позволялъ себѣ послѣобѣденнаго отдыха, чтобы имѣть время точно исполнять, какъ все религіозные обряды, такъ равно и свои обязанности главы церкви и свѣт-

¹ C a t e n a, *Vita di Pio V*, (Roma. 1587), стр. 26.

² *Relaz. di Pietro Tiepolo* (Roma, 1569) и *Relaz. di Mich. Soriano* (1572). Alberi, серія II, томъ IV, стр. 171 и слѣд., 200 и сл.—C a t e n a, стр. 28 и слѣд.

скаго государя. Каждый день онъ слушалъ обѣдню, а часто и самъ служилъ ее, благоговѣнно исповѣдывался и при этомъ волновался до слезъ. Когда у него были важныя дѣла, онъ вставалъ каждую ночь и молился о ниспосланиіи ему помощи и указанія свыше. Ежедневный расходъ на его столъ не превышалъ 10 копеекъ; пилъ онъ только воду, слегка подкрашенную краснымъ виномъ, ѣлъ очень мало и при томъ самыя простыя блюда ¹. Несмотря на свой преклонный возрастъ и болѣзни, онъ никогда не освобождалъ себя отъ поста и никогда не снималъ власеницы, которую носилъ, какъ монахъ. Казалось, онъ хотѣлъ нести покаяніе за свой верховный санъ, объ которомъ онъ отзывался, какъ о препятствіи для спасенія своей души и пріобрѣтенія райскаго житія.

Примѣръ всегда оказываетъ громадное вліяніе на массы. Римскій народъ, ненавидѣвшій его ранѣе, разграбившій въ 1559 г. его жилище и охотно бы убившій его тогда, теперь проникся къ нему уваженіемъ и даже любовью, видя, какъ этотъ наслѣдникъ Борджій и Медичисовъ, съ сокрушеннымъ лицомъ и длинною бородою, доходящею до пояса, босой, съ обнаженною головою, идетъ во главѣ процессій. Это былъ истинный герой аскетизма, духовной тираниіи и инквизиціи. Когда не затрогивались интересы церкви этотъ фанатическій священникъ былъ мягокъ, снисходителенъ и даже склоненъ къ милосердію,

¹ De Falloux, *Histoire de Saint Pie V* (2-e édit., Paris, 1854), т. I, стр. 142.

но если дѣло касалось церкви онъ не зналъ ни пощады, ни снисхожденія, и такъ какъ онъ былъ мало свѣдущъ въ мірскихъ дѣлахъ, то дѣйствовалъ во всемъ, руководясь своими предвзятыми мнѣніями. Вслѣдствіе этого онъ часто доходилъ до такихъ крайностей, которыя влекли за собою самыя невыгодныя послѣдствія. На замѣчанія, которыя ему дѣлали по этому поводу, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что Богъ ввѣрилъ ему его высокій постъ и его дѣло охранить его отъ всякой другой силы и власти, или же твердо заявлялъ, что вовсе не боится мученичества. Онъ даже считалъ для себя какъ бы праздникомъ, когда наносилъ оскорбленія свѣтскимъ государямъ и давалъ имъ чувствовать, что св. престолъ много выше ихъ. Всякое напоминаніе о политическомъ благоразуміи и пользѣ государства приводило его въ бѣшенство ¹. Занимаясь въ теченіи многихъ лѣтъ исключительно розысками и инквизиціонными процессами, онъ былъ очень дурного мнѣнія о чело-вѣчествѣ и вездѣ видѣлъ только нечестіе, ересь и преступленія. Для окончательнаго истребленія въ церкви вредныхъ сѣмянъ онъ считалъ необходимою самую жестокою строгость; онъ желалъ, чтобы всѣ католики походили на него. Всѣ судебныя приговоры ему казались не достаточно строгими; онъ никогда не прощалъ тому, о которомъ однажды составилъ дурное мнѣніе. Онъ каралъ не только недавніе проступки про-

¹ Catena, стр. 36.

тивъ религіи, но приказывалъ разслѣдовать все, что было совершено десять или двадцать лѣтъ тому назадъ, хотя зналъ, что Павелъ IV въ этомъ отношеніи уже сдѣлалъ очень много. Всѣ его эдикты говорятъ объ томъ духѣ нетерпимости и репрессіи, который составлялъ сущность его характера. Первою его заботою было насильственное установленіе ортодоксальной вѣры и религиозной жизни. Булла *Sum primum*, отъ 1 апрѣля 1566 г.¹, устанавливала наказанія тѣмъ, кто хулилъ или нарушалъ воскресный отдыхъ; при совершеніи этого проступка во второй разъ, виновные подвергались прободенію языка и ссылкѣ на галеры. Булла *Supra gregem dominicum*, отъ 11 марта 1566 г., запрещала врачамъ навѣщать больного болѣе чѣмъ три дня къ ряду, если послѣдній въ промежуткахъ между посѣщеніями не исповѣдывался. Напомнимъ, что св. Игнатій Лойола уже требовалъ, хотя и безуспѣшно, подобнаго же распоряженія; такимъ образомъ мы видимъ, что принципы, провозглашенные орденомъ іезуитовъ при самомъ его возникновеніи, восторжествовали въ церкви. Прежде чѣмъ получить званіе доктора, врачи обязаны были принести клятву въ соблюденіи этого предписанія, долженствовавшаго имѣть силу закона не только въ папскихъ владѣніяхъ, но и во всемъ католическомъ мірѣ¹.

¹ *Bullar. Roman.*, т. II, стр. 191 и слѣд.

² *Ibid.*, т. I стр. 189 и слѣд.

Кромѣ того Пій V съ большою энергіею занялся организаціей общества крестоносцевъ, съ цѣлью защиты дѣла инквизиціи и оказанія ему помощи противъ еретиковъ и всякаго рода противниковъ. Всѣмъ этимъ братствамъ онъ даровалъ чрезвычайно важныя привилегіи ¹.

Наконецъ онъ предоставилъ инквизиціи исполнѣ неограниченную власть, освободивъ ее отъ верховенства папы. Буллою *Inter multiplices* отъ 21 декабря 1566 г. онъ отмѣнилъ всѣ запретительныя распоряженія, сдѣланныя до сихъ поръ папами противъ дѣйствій священнаго трибунала и объявилъ на будущее время не имѣющими никакого значенія всѣ распоряженія о прощеніи или объявленія невинности, которыми бы захотѣли послѣдующіе папы освободить обвиненныхъ трибуналомъ или призываемыхъ имъ къ суду. Это было равносильно лишенію папства его верховной власти въ дѣлахъ вѣры и передачѣ ея инквизиторамъ, поставленнымъ такимъ образомъ дѣйствительными соперниками римской кафедры. Очевидно, что Пій V гораздо больше интересовался своимъ прежнимъ дѣломъ, чѣмъ новымъ саномъ, и что инквизиція ему казалась болѣе важною и заслуживающею его заботъ, чѣмъ викаріатъ Іисуса Христа.

Вступленіе его на папскій престолъ естественно послужило сигналомъ новой эмиграціи напуганныхъ протестантовъ. Мы уже видѣли, что

Bullar. Roman., стр. 214 и слѣд.

Лукка, Мессинна, Палермо, Неаполь, Римъ и Флоренція одинаково дали матеріаль для этого движенія. Андрей де Понте, братъ дожа, покинулъ Венецію и отправился въ Швейцарію, чтобы проповѣдывать тамъ протестантскій культъ. Съ помощью разныхъ уловокъ всѣмъ этимъ эмигрантамъ уда лось перейти Альпы.

Они имѣли основаніе быть довольными своимъ бѣгствомъ, потому что подъ могущественнымъ вліяніемъ новаго папы и подъ давленіемъ его безграничнаго фанатизма, инквизиція повсюду сѣяла ужасъ и трауръ. Италія, столь полная жизни, движенія и ума, медленно, но всецѣло оцѣпенѣла въ тискахъ священнаго трибунала. Всякій человекъ, независимый умъ котораго дѣлалъ подозрительнымъ малѣйшее отступленіе отъ установленныхъ вѣрованій, подвергался аресту и препровождался въ Римъ на судъ конгрегаціи кардиналовъ инквизиторовъ ¹. Въ теченіи девятнадцати мѣсяцевъ, отъ марта 1566 г. до сентября 1567 было произнесено римскимъ трибуналомъ 86 обвинительныхъ приговоровъ! Въ особенности Неаполь доставилъ значительный контингентъ для этого инквизиціоннаго мартиролога. Пій V буквально осуществилъ принципъ своего учителя Павла IV—поражать главнымъ образомъ

¹ Относительно этихъ событій смотри рядъ статей Венратъа, напечатанныхъ въ *Rivista cristiana* за 1879 и 1880 гг., и въ *Allgemeine Zeitung*, съ 17 марта по 15 мая 1877 г. Всѣ онѣ основаны на дѣлахъ римской инквизиціи, хранящихся въ Дублинѣ.

сильныхъ міра. Въ іюнѣ 1566 грозный трибуналъ осудилъ и предалъ смерти дона Помпея де Монти, потомка знатной неаполитанской фамиліи и близкаго родственника кардинала Колонна. Другой неаполитанскій баронъ, донъ Маріо Галеотто, просидѣлъ пять лѣтъ въ тюрьмѣ и затѣмъ изгнанъ навсегда изъ своей родины. Одинъ неаполитанскій прелатъ Миссанелла, епископъ поликастрскій, былъ устраненъ отъ исполненія своихъ обязанностей, изгнанъ на десять лѣтъ изъ своей епархіи и лишенъ половины своихъ доходовъ. Многіе священники въ самомъ Римѣ, Капуѣ и Монтекасинѣ были подвергнуты пожизненному тюремному заключенію. Множество обвиненныхъ ссылались на галеры срокомъ на пять или десять лѣтъ; другихъ запирали навсегда въ тѣсныхъ замуравленныхъ кельяхъ какого нибудь монастыря. Въ Болоньи одинъ докторъ правъ былъ приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію только за то, что присутствовалъ при еретическихъ разговорахъ, хотя при этомъ было точно установлено, что самъ онъ никогда не произнесъ ни одного слова, несогласнаго съ установленною религіею! Въ числѣ осужденныхъ былъ одинъ несчастный французскій священникъ, весь грѣхъ котораго состоялъ въ томъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился среди гугенотовъ и боялся быть убитымъ ими, онъ держалъ у себя нѣкоторыя еретическія книги и пѣлъ псалмы. Изъ этого видно, что грозный папа отнюдь не ограничивалъ дѣятельность своихъ инквизито-

ровъ одними только жителями Италіи. Въ актахъ священнаго трибунала встрѣчаются еще и другіе французы, множество испанцевъ и одинъ бельгіецъ, Іеронимъ Артезіусъ, изъ Антверпена, который былъ осужденъ въ февралѣ 1567 г. на вѣчное тюремное заключеніе. Обвиненія поступали въ трибуналъ со всѣхъ сторонъ. Зависть, личная ненависть, жажда мщенія, все это вызывало массу доносовъ, при чемъ инквизиторамъ даже съ помощью пытокъ часто не удавалось открыть ни малѣйшаго проступка. Никто не былъ увѣренъ, что его не предадутъ этимъ жестокимъ судьямъ, у которыхъ сама невинность имѣла очень мало шансовъ получить пощаду.

Нужно ли говорить о томъ, что римская инквизиція, подражая «славному» примѣру Испаніи, отъ времени до времени устраивала торжества *Актовъ вѣры* съ цѣлью показать всему міру свою силу и строгость? Здѣсь, такъ же какъ и въ Мадридѣ, на такомъ челоуѣкоубійственномъ зрѣлищѣ должны были присутствовать всѣ князья и принцессы папскаго двора и всѣ высокопоставленные чиновники государства. Кардиналы и посланники иностранныхъ правительствъ въ Римѣ своимъ присутствіемъ увеличивали блескъ побѣды ихъ *матери-церкви* надъ беззащитными несчастными мучениками; только съ трудомъ позволялось кардиналамъ устраниваться отъ присутствія на кровавомъ торжествѣ, если среди казнимыхъ находились ихъ близкіе родственники!

Церковь внесла Пія V въ число своихъ свя-

тыхъ и на это она имѣла полное основаніе не только въ виду его частной безупречной жизни и его пылкой набожности, но и въ силу громадныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ на пользу могущества Рима. Ему удалось задушить послѣдніе остатки не только протестантизма, но и какого бы то ни было разногласія въ религіозныхъ мнѣніяхъ въ Италіи. Одинъ изъ протестантскихъ мучениковъ, сожженныхъ имъ въ Римѣ, вскричалъ въ тотъ моментъ, когда пламя начинало охватывать его: Побѣда, побѣда! Но этотъ благородный энтузіастъ ошибался: кровь мучениковъ не дала новыхъ ростковъ на полуостровѣ; Піи V ихъ задушилъ вполнѣ. Онъ заставилъ все населеніе слѣпо подчиниться католическимъ ученіямъ. Такимъ образомъ онъ закончилъ и довелъ до полного успѣха реакціонное движеніе, начатое его предшественниками. Италія была вновь завоевана папствомъ; правда, завоевана страшною цѣною, но какое ему было дѣло до цѣны! Полученный результатъ обезпечивалъ папамъ превосходное положеніе; онъ далъ имъ твердую и непоколебимую основу, исходя изъ которой они съ полною безопасностью могли работать для подчиненія странъ, лежащихъ по ту сторону горъ (*ультрамонтанъ*). Если верховныя первосвященники могли являться на помощь католицизму въ его борьбѣ во Франціи, Нидерландахъ, Германіи и Польшѣ, то только благодаря побѣдоноснымъ усиліямъ Павла IV и Піи V, Караффы и Гизліери. Успѣхъ церкви былъ тѣмъ значительнѣе, что въ то же время въ

Испании ересь была уничтожена Филиппомъ II, и это первое въ то время по силѣ европейское государство вступило въ тѣсный союзъ съ папствомъ съ цѣлью бороться съ протестантизмомъ въ другихъ странахъ Западной Европы.

Глава III.

Реформація въ Испаніи и ея подавленіе.

Почему реформація не имѣла успѣха въ латинскихъ странахъ? — Происхожденіе реформации въ Испаніи.—Братья Вальдесъ.—Діацъ.—Братья Энцинасъ.—Серве.—Севилля—первый центръ испанскаго протестантизма.—Широкая организація протестантской пропаганды.—Валльядолидъ—центръ протестантизма на сѣверѣ Испаніи.—Инквизиція раскрываетъ происки протестантовъ.—Карлъ пятый побуждаетъ инквизицію къ строгости.—Огромные autos-da-fé въ Валльядолидѣ и Севильѣ.—Процессъ толедскаго архіепископа Карранцы.—Полное уничтоженіе испанскаго протестантизма при Филиппѣ II.—Испанскіе протестанты за границей.—Репрессивныя мѣры и возсозданіе католицизма: инквизиція и соборъ.

Ревностные протестанты часто утѣшали себя мыслью, что если бы сильные міра сего въ силу эгоистическихъ побужденій не употребили противъ ихъ ученія грубой силы, оно овладѣло бы всѣмъ міромъ. Изъ того, что во всѣхъ западныхъ странахъ имѣлись въ XVI вѣкѣ убѣжденные сторонники Реформации они заключаютъ, что если бы правительства допустили ее, то всѣ народы присоединились бы къ ней. Это—заблужденіе, для опроверженія котораго достаточно было бы немного размышленія и добраго желанія. Почему же преслѣдованія не уничтожили новую религію

въ Нидерландахъ, въ Германіи, въ Англіи? Почему онѣ увѣнчались такимъ полнымъ успѣхомъ въ Италіи, Испаніи и во Франціи? Почему среди первыхъ трехъ націй много и много разъ тысячи людей всѣхъ классовъ и всѣхъ профессій съ мечемъ и пистолетомъ въ рукахъ подымались на защиту убѣжденій, которыя имъ были дороги и ради которыхъ они съ радостью отдавали свое благополучіе и самую жизнь? Почему, напротивъ, въ Италіи и Испаніи послѣдователи Лютера находили только мужество или для бѣгства со своей родины или для того, чтобъ погибнуть пассивно, безъ сопротивленія, на кострѣ, тогда какъ почти повсюду массы оставались совершенно равнодушными или открыто враждебными къ этимъ новаторамъ?—А потому, что самый духъ латинскихъ народовъ находится въ противорѣчій съ стремленіями и характеромъ Реформаціи въ томъ видѣ, какъ она предлагалась Лютеромъ и Меланхтономъ, Цвингли и Кальвиномъ. Народы латинской расы всегда держались за сильную власть, какъ въ религіозной жизни, такъ и въ политической; они охотно подчинялись абсолютному вліянію верховной, неоспоримой власти, въ которую они слѣпо вѣрили. Имъ нуженъ былъ человекъ, фраза, готовая доктрина, идея, которая бы всецѣло господствовала надъ ними. Принципъ индивидуализма, личной вѣры, личнаго убѣжденія, свойственный протестантизму, былъ противенъ громадному большинству людей этой расы. Кромѣ того южные народы полны артистическаго вкуса и одарены

живымъ и богатымъ воображеніемъ, а между тѣмъ протестантскій культъ простъ, даже нѣсколько сухъ во внѣшнихъ своихъ формахъ и лишенъ всякаго великолѣпія, тогда какъ католическій культъ, полный величія и торжественности, ласкаетъ чувства, говоритъ наивнымъ чувствованіямъ, отвѣчаетъ потребности внѣшней красоты, такъ глубоко вкоренившейся въ души южанъ. Даже во Франціи, въ самой сѣверной странѣ латинскихъ расъ, протестантизмъ имѣлъ только преходящее существованіе.

Какъ мы видѣли, Испанія была охвачена особенно пылкимъ и фанатическимъ католицизмомъ. Все прошедшее этого народа тѣсно связывало его съ этою религіею, ставшей какъ бы частью его самого. Можно смѣло сказать, что въ такой странѣ реформація никогда не имѣла возможности укрѣпиться ¹, хотя изъ этого вовсе не слѣ-

¹ Въ этомъ отношеніи мы вполне присоединяемся къ мнѣнію, выраженному докторомъ Марцелино Менендець Пелахо въ его *Исторіи испанскихъ ересей* (*Historia de los Heterodoxos espanoles*), т. I (Мадридъ, 1880), стр. 20 и слѣд. Къ несчастью, ученый профессоръ мадридскаго университета не ограничился этою безпорно справедливою точкою зрѣнія и ослабляетъ значеніе своего сочиненія, выражая слѣпую нетерпимость, становящуюся просто невыносимою для современнаго читателя не испанца. Онъ наивно признается въ своей враждебности къ ересямъ, даже какъ историкъ (I, 22 и слѣд.); онъ называетъ реформацію *нѣмецкимъ варварствомъ* (I, 24); говоритъ о *благородной и спасительной нетерпимости* инквизиціи (*ibid.*); онъ находитъ св. Игнатія и Лайнеца гораздо *симпатичнѣе* Лютера и Кальвина (II, 24); на каждомъ шагу онъ вос-

дуетъ, чтобы просвѣщенные, серьезные, глубоко религіозные и смѣлые умы не могли бы, даже въ Испаніи, усвоить нѣмецкія и швейцарскія новаторскія доктрины.

Пути для проникновенія Реформаціи въ Испанію были подготовлены перепечаткою и переводами скептическихъ и направленныхъ противъ клерикализма сочиненій Эразма, а также тѣми спорами, которые они возбудили среди ученыхъ полуострова. Сарказмы великаго *гуманиста* противъ священниковъ, схоластическихъ богослововъ, монаховъ и монахинь, находили себѣ тѣмъ большій откликъ, что здѣсь, какъ и въ осталь-

хваляетъ священный трибуналъ, одобряя его *мягкость и великодушіе*. Мы опасаемся, какъ бы подобный фанатизмъ не повредилъ въ глазахъ неиспанскаго читателя дѣйствительнымъ достоинствомъ обширнаго сочиненія проф. Пелахо, а между тѣмъ онъ далъ въ немъ доказательство громадной эрудиціи, неутомимыхъ изслѣдованій и глубокаго знанія своего сложнаго предмета. Онъ изучилъ всѣ сочиненія, даже большую часть французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и италіянскихъ журнальныхъ статей, относящихся къ испанской реформаціи. Поэтому его сочиненіе, несмотря на указанные нами недостатки, заслуживаетъ особаго вниманія; оно много выше книги д-ра Адольфо де Кастро — *Historia de los Protestantes españoles*, написанной въ столько же узко-протестантскомъ духѣ, насколько книга Пелахо проникнута исключительно католическимъ духомъ. Правда, что послѣ изданія сочиненія де Кастро появилась масса новыхъ документовъ и специальныхъ изслѣдованій, касающихся общаго обоимъ авторамъ предмета, вслѣдствіе чего проф. Пелахо находился въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, чѣмъ его предшественникъ.

ной Европѣ, порча духовенства возбуждала противъ себя, до такой степени сильное негодованіе что уже въ XIV вѣкѣ стала проявляться сильная оппозиція противъ іерархическихъ властей. Самъ испанскій примасъ, толедскій архіепископъ Альфонсъ Фонсека, а также почти всѣ профессора Алькаласкаго университета и большое число священниковъ всякихъ ранговъ открыто высказались за Эразма и распространяли его сочиненія. Его враги обвинили его передъ великимъ инквизиторомъ, дономъ Альфонсомъ Марникъ, но и эта страшная особа была настроена скорѣе сочувственно, чѣмъ враждебно къ автору *Похвалы глупости*. Самъ императоръ Карлъ пятый помогъ ему выиграть дѣло (1527 г.). Эта вражда противъ безпорядочнаго и свѣтскаго поведенія большинства клириковъ объясняетъ успѣхъ, которымъ пользовался Эразмъ въ этой глубоко католической странѣ. Чтобъ удовлетворить потребностямъ истиннаго благочестія стали переводить книги священнаго писанія и распространять ихъ въ народѣ, несмотря на запрещенія инквизиціи.

Однако это же обстоятельство являлось вмѣстѣ и съ тѣмъ источникомъ возникновенія на полуостровѣ гораздо болѣе опасной для церкви торговли сочиненіями Лютера. Политическое объединеніе Германіи и Испаніи, совершившееся вслѣдствіе вступленія испанскаго короля Карла I на германскій императорскій престолъ подъ именемъ Карла пятого, почти немедленно породило умственное сбли-

женіе между обѣими странами. Съ 1519 г. сначала латинскія сочиненія реформатора, а вскорѣ потомъ и нѣкоторыя нѣмецкія, переведенныя на испанскій языкъ, могли проникать въ Испанію, такъ что въ 1521 г. папа нашелъ нужнымъ воспретить чтеніе ихъ, а инквизиція принялась дѣятельно розыскивать ихъ. Однако прошло довольно много времени прежде чѣмъ нашлось въ Испаніи лицо, которое открыто провозгласило свое сочувствіе религиознымъ нововведеніямъ. Большое разстояніе, отдѣляющее Испанію отъ умственныхъ центровъ Европы, удаленіе отъ всякаго иностраннаго вліянія, столь характеристическое для жителей ея, и полная преданность ихъ догматамъ и преданіямъ церкви, — все это въ достаточной степени объясняетъ такое, единственное въ своемъ родѣ, явленіе въ цѣлой Европѣ. Только внѣ Испаніи можно было встрѣтить нѣкоторыхъ изъ ея сыновъ сближавшимися съ протестантами, входившими съ ними въ тѣсную связь и раздѣлявшими ихъ идеи. Таковы были, между прочими, братья Вальдесъ, отличавшіеся своимъ умомъ и занимаемымъ положеніемъ.

Они были младшими сыновьями важнаго чиновника, дона Фердинанда де Вальдеса, безсмѣннаго коррегидора Куенцы и представителя этого города въ кортесахъ. Старшій изъ нихъ, Альфонсъ¹, ученый и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтскій чело-

¹ Ed. Boehmer, *Spanish reformers*. 1874, т. I, стр. 65 и слѣд.—Wiffen, *Reformistas antiguos de Espana*, тт. XVI, XVII.—D. Fermin Caballero, *Alfonso y Juan de Valdès* (Madrid, 1875).

вѣкъ, возвысился на службѣ при императорѣ до должности главнаго его секретаря. Въ этомъ положеніи онъ былъ полезнымъ защитникомъ Эразма, для котораго онъ добился многихъ подарковъ отъ своего государя и благосклоннаго вмѣшательства его и Климента VII при столкновеніяхъ Эразма съ монахами. Вальдесъ дѣятельно распространялъ сочиненія Эразма и нѣкоторые изъ нихъ даже издалъ на свой счетъ; объ немъ говорили въ то время, что онъ былъ большимъ эразміанцемъ, чѣмъ самъ Эразмъ. Послѣ взятія и разграбленія Рима въ 1527 г. Альфонсъ Вальдесъ написалъ свой знаменитый *Диалогъ*, въ которомъ этотъ другъ Эразма и секретарь императора старался совершенно оправдать своего государя во всѣхъ происшедшихъ событіяхъ, вызвавшихъ негодование во всемъ католическомъ мірѣ, но которыя онъ, напротивъ, представлялъ какъ справедливое наказаніе пороковъ Рима и какъ вступленіе къ спасительной реформѣ. Въ этомъ сочиненіи онъ открыто высказывался противъ свѣтской власти папъ и недостойной жизни кардиналовъ и епископовъ, прося императора, а не папу, созвать общій соборъ и возстановить бѣдность и первоначальныя добродѣтели церкви. Позже, въ 1530 г., онъ вошелъ въ близкія сношенія съ Меланхтономъ, но уже въ 1532 г. умеръ отъ чумы въ Вѣнѣ еще молодымъ человекомъ, и далеко не сказавъ своего послѣдняго слова. О братѣ его, Хуанѣ, мы уже говорили, какъ объ основателѣ протестантизма въ Италіи.

Въ Португаліи ненависть къ духовенству была не меньше, чѣмъ въ Испаніи. Драматическій поэтъ Жиль Виценте является въ концѣ XV вѣка выразителемъ народной вражды противъ распущенности, пороковъ и ничтожества священниковъ и монаховъ того времени. Нѣтъ ничего удивительнаго, что доктрины Эразма нашли себѣ поклонниковъ и здѣсь. Однимъ изъ нихъ былъ ученый дворянинъ Дамьяго де Гоесъ, командоръ ордена Христа, историкъ и первый архиваріусъ королевства, но инквизиція заставила его отречься отъ своихъ убѣжденій и муки, которымъ подвергался этотъ несчастный португалець, были настолько велики, что въ теченіи XVI вѣка во всей странѣ не возникало болѣе никакой попытки религіознаго или даже только противоіерархическаго движенія.

Поэтому реакція не могла свирѣпствовать въ этомъ королевствѣ, но въ сосѣдней Испаніи, гораздо болѣе значительномъ и важномъ государствѣ, положеніе вещей для исключительнаго господства католицизма было гораздо менѣе благоприятно.

Подобно тому, какъ полу-протестанскіе сторонники Эразма—Альфонсъ де Вальдесъ и Дамьяго де Гоесъ,—и первые настоящіе лютеране, какъ Хуанъ де Вальдесъ и его соотечественникъ Хуанъ Діаць, судьба котораго была такъ трагична, жили почти исключительно внѣ иберійскаго полуострова¹. Діаць, будучи ученымъ

¹ См. объ Хуанѣ Діацѣ посвященную ему главу у

теологомъ, открыто присоединился къ протестантизму и вступилъ въ самыя тѣсныя сношенія съ Кальвиномъ и многими другими реформаторами. Въ 1546 г. онъ былъ посланъ городомъ Страсбургомъ въ качествѣ одного изъ делегатовъ на публичныя пренія въ Ратисбоннѣ, но тамъ онъ былъ убитъ своимъ собственнымъ братомъ Альфонсомъ, аудиторомъ римскаго инквизиціоннаго суда (Роты), ненавидѣвшаго его, какъ измѣнника своей родинѣ, семьѣ и Богу. Это ужасное преступленіе, — результатъ религіознаго фанатизма, соединеннаго съ кастильскимъ понятіемъ о чести, — не было наказано императоромъ и только угрызенія совѣсти самого убійцы довели его до самоубійства въ Триентѣ, черезъ пять лѣтъ послѣ совершеннаго имъ злодѣянія. Это была одна изъ самыхъ ужасныхъ и наиболѣе захватывающихъ драммъ религіозныхъ войнъ.

Болѣе счастливый чѣмъ Хуанъ Діаць, Францискъ де Энцинасъ игралъ гораздо болѣе важную роль ¹. Пройдя курсъ наукъ въ знаменитомъ Лувенскомъ университетѣ, онъ отправился сначала въ Парижъ, а потомъ въ Виттенбергъ и познакомился въ этихъ городахъ съ главнѣйшими французскими и нѣмецкими реформаторами. Уже покидая Лувенъ, онъ твердо рѣшился искать спасенія своей души внѣ католицизма. Съ ободренія

Bonnet, *Récits du XVI-e siècle* (2-e ed., Paris, 1875), стр. 177 и слѣд.

¹ С. А. Campan, *Mémoires de Fr. de Enzinas*, 2 vol., Bruxelles; 1862.—Boehmer, *Spanish Reformers*, т. I, стр. 133.

Меланхтона онъ перевелъ на испанскій языкъ Новый Завѣтъ и напечаталъ его въ Антверпенѣ въ 1543 г. Этотъ смѣлый трудъ онъ посвятилъ Карлу пятому и одинъ экземпляръ его поднесъ императору въ Брюсселѣ, такъ какъ существовала надежда привлечь его къ дѣлу Реформаціи на томъ основаніи, что онъ изъ политическихъ соображеній обнаруживалъ въ то время большую благосклонность къ протестантамъ. Другъ Франциска де Энцинаса пылкій и отважный молодой человекъ, Францискъ де Санъ Романъ, осмѣлился даже неоднократно обращаться къ императору, чтобы склонить его къ своимъ воззрѣніямъ и съ помощью могущественнаго императора утвердить господство новаго ученія во всемъ христіанскомъ мірѣ. Но вскорѣ они убѣдились, что жестоко ошибались. Карлъ, постоянно показывая имъ свое благоволеніе, въ то же время рѣшился уничтожить этихъ испанскихъ еретиковъ, которые могли сдѣлаться опасными для религіознаго единства своего отечества. Онъ секретно распорядился арестовать Санъ Романа и отправилъ его въ цѣпяхъ въ Испанію, гдѣ онъ въ теченіи трехъ лѣтъ оставался погребеннымъ въ инквизиціонной тюрьмѣ и затѣмъ сожженъ, какъ упорный еретикъ.

Францискъ де Энцинасъ только съ большимъ трудомъ избѣжалъ подобной же участи. Онъ тоже былъ любезно принятъ императоромъ и тоже по его распоряженію, или по меньшей мѣрѣ съ его согласія, былъ арестованъ, но благодаря бѣль-

шему расположенію къ нему, ему удалось убѣ-
жать и спастись въ Германію, гдѣ Меланхтонъ
принялъ его съ большею предупредительностью
въ Виттенбергѣ. Онъ спокойно жилъ въ Герма-
ніи, занимаясь составленіемъ своихъ интересно и
изящно написанныхъ мемуаровъ, проникнутыхъ
глубокимъ убѣжденіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ра-
боталъ надъ переводомъ греческихъ произведеній.
Позже онъ отправился въ Англію, гдѣ сдѣлался
профессоромъ греческаго языка и литературы въ
Оксфордскомъ университетѣ. Умеръ онъ въ Страс-
бургѣ въ 1552 г., тридцати двухъ лѣтъ.

Гораздо печальнѣе была судьба его брата —
Такова. Такъ же какъ и Францискъ, онъ учился въ
самыхъ знаменитыхъ университетахъ сѣверной
Европы и тамъ былъ обращенъ въ лютеранство.
Онъ имѣлъ смѣлость отправиться въ Римъ и тамъ
открыто проповѣдывалъ свои еретическія ученія;
но поѣхалъ онъ туда не въ добрый часъ: онъ
былъ схваченъ заново организованной тамъ инкви-
зиціей и палъ жертвою своей неблагоприятной
отваги.

Другой, менѣе извѣстный, испанецъ Петръ
Нуньецъ Вела, изъ Авилы, былъ во второй по-
ловинѣ XVI вѣка профессоромъ греческаго языка
въ кальвинистской академіи въ Лозаннѣ.

Но этихъ сторонниковъ протестантскихъ идей
далеко оставили за собою два испанца — Альфонсъ
Лигуріо и Михайлъ Серветъ, которыхъ можно
назвать антиринитарами или рационалистами. Не-
понятые въ свое время и даже осужденные от-

щепенцами отъ католичества, они справедливо оцѣнены только въ наше время.

Жизнь перваго—очень темна. Извѣстно только мѣсто его рожденія—Таррагона и то, что онъ написалъ книгу объ Іисусѣ Христѣ, какъ о сынѣ Божіемъ, и нападалъ въ ней на ученіе о Св. Троицѣ. Повидимому онъ жилъ въ Польшѣ.

Гораздо болѣе извѣстенъ и несомнѣнно имѣетъ большее значеніе, чѣмъ Лигуріо, Михаилъ Серветъ, — благородная жертва кальвинистской нетерпимости ¹.

Онъ родился въ 1511 г. въ Туделѣ, въ Наваррскомъ королевствѣ. Отецъ его, бывшій нота-ріусомъ и принадлежавшій къ очень уважаемой семьѣ на своей родинѣ, далъ ему превосходное образованіе. Онъ изучилъ греческій и еврейскій языки и затѣмъ былъ посланъ въ Тулузу для изученія права ², но такъ же, какъ и Кальвинъ,

¹ О Серветѣ см. множество книгъ и статей Генриха Толлена, посвятившаго ему всѣ свои литературныя труды; особенно *Lehrsystem M. Servet's* (3 т., Gütersloh, 1876—78) и *Charakterbild M. Servet's* (Berlin, 1876). Сверхъ того—R. Willis, *Servetus and Calvin* (London, 1877), въ которомъ особо оцѣниваются заслуги Сервета, какъ естествоиспытателя; Roget, *Histoire du peuple de Genève*, т. IV (1877); Ch. Dardier, *Michel Servet, d'après ses plus récents biographies* (*Revue historique*, т. X); Chereau, *Histoire d'un livre: M. Servet et la circulation pulmonaire* (*Revue scientifique* отъ 19 іюля 1879).

² Tollin, *Servet's Kindheit und Jugend* (*Zeitschrift für historische Theologie*, de Kahnis, 1875, стр. 546 и слѣд.). Того же автора: *Servet's Toulouser Leben* (*Zeitschr. f. wissenschaftliche Theologie*, 1877, стр. 142 и слѣд.).

не продолжалъ занятій этою наукою. Случайно ему попалась въ руки Библия; онъ внимательно изучилъ ее и это обстоятельство опредѣлило всю его послѣдующую жизнь. Онъ сталъ сильно интересоваться богословскими вопросами и личность Христа, изображенная въ наивномъ и простомъ свѣтѣ евангелистами, внушила ему величайшую любовь къ себѣ.

Однако, не смотря на свои еретическія мнѣнія, онъ принялъ мѣсто секретаря у Хуана Квинтана, духовника императора Карла пятого, образованнаго и сравнительно либеральнаго теолога. Благодаря этому, онъ познакомился съ большимъ числомъ церковныхъ сановниковъ, очень свѣтская жизнь и скептическія идеи которыхъ вызывали у него все болѣе и болѣе враждебное чувство къ своей старой вѣрѣ. Сопровождая своего начальника въ Германію, онъ вступилъ въ сношенія съ главами лютеранскаго движенія, но ихъ идеи не удовлетворили проницательный и логическій умъ этого молодого девятнадцатилѣтняго человѣка. Одушевляемый горячею любовью къ истинѣ, онъ стремился въ теченіи всей своей жизни построить вѣру на разумѣ и на смѣлой и неустрашимой философіи. Покинувъ свою должность и удалившись въ Базель, тогда уже вполнѣ протестантскій городъ, онъ напечаталъ тамъ свою книгу о заблужденіяхъ въ ученіи о св. Троицѣ (*De Trinitatis erroribus libri VII*, 1531). Съ неслыханною до того времени смѣлостью онъ напалъ въ этомъ сочиненіи на самыя основы христіанской религіи.

Христось представленъ въ немъ, какъ человѣкъ, особенно озаренный божественнымъ духомъ. Святой Духъ, по его мнѣнію, ничто иное какъ совокупность возвышенныхъ и божественныхъ движеній души, идея Бога въ человѣкѣ. Этотъ смѣлый *унитаризмъ*, едва скрытый подъ теологическими фразами, возбудилъ противъ автора настоящую бурю негодованія, и не только среди католиковъ, но и среди нѣмецкихъ реформаторовъ, которые до сихъ поръ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и дружбой. Съ этого времени они осудили его и удалялись отъ него, хотя Меланхтонъ не могъ не выражать удивленія къ его уму и знаніямъ и заимствовалъ изъ его сочиненій многія мѣста ¹. Но Серветъ не испугался жестокихъ нападокъ своихъ прежнихъ друзей и въ слѣдующемъ году издалъ новую книгу, озаглавленную *Два діалога о Троицѣ*, въ которой говоритъ о Христѣ, какъ о самомъ совершенномъ олицетвореніи божественной сущности на землѣ, и указываетъ, что совершенствованіе человѣка должно заключаться въ подражаніи Христу и въ тѣснѣйшемъ единеніи съ нимъ. Это было равносильно вступленію въ борьбу шагъ за шагомъ съ «тираніей» реформаторовъ, которые желали заставить теологовъ и философовъ ограничиться проповѣдуемыми ими догматами и ихъ способомъ пониманія и объясненія Библии.

Вражда въ отношеніи Сервета, вызванная изданіемъ его сочиненій, заставила его отказаться

¹ Tollin, *Ph. Melancton und M. Servet* (Berlin, 1876).

на время отъ богословскихъ работъ и даже скрываться подъ чужимъ именемъ; для этого онъ принялъ имя Михаила де Вилльневъ, по мѣсту рожденія своего отца. Онъ сдѣлался корректоромъ типографіи въ Ліонѣ и занялся изученіемъ медицины сначала въ Ліонѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ въ то же время читалъ публичный курсъ географіи и астрономіи. Здѣсь онъ напечаталъ нѣсколько научныхъ и медицинскихъ сочиненій, встрѣтившихъ самый лестный пріемъ, вслѣдствіе глубокихъ знаній и ясности ума, обнаруженныхъ въ нихъ. Михаилъ Серветъ былъ человѣкъ высокихъ достоинствъ, вносящій оригинальность мысли во всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Проницательность его ума и блестящая логика заставляли его искать и открывать принципъ единства столько же въ физическихъ и особенно въ фізіологическихъ явленіяхъ, сколько и въ теологіи. Онъ первый понялъ и правильно объяснилъ дѣятельность легкихъ и ихъ вліяніе на кровообращеніе. У Сервета Везалій позаимствовалъ открытіе, доставившее этому великому врачу, а позже Гарвею, блестящую, хотя и не вполне заслуженную ими, славу открытія.

Такимъ образомъ этотъ полиграфъ велъ подъ именемъ Михаила де Вилльнева жизнь, исполненную приключеній, то какъ врачъ, то занимаясь богословскими изслѣдованіями. Наконецъ съ 1542 по 1553 г. онъ нашелъ покровителя въ віенскомъ архіепископѣ Польмье, въ Дофинэ, очень мягкомъ прелатѣ, любившемъ литературу. Изъ Віен-

ны Серветъ началъ переписку съ Кальвиномъ, съ которымъ познакомился раньше въ Парижѣ. Онъ хотѣлъ склонить его къ своимъ свободнымъ теологическимъ идеямъ, но его усилія привели къ тому, что сдѣлали женевакаго реформатора его непримиримымъ врагомъ. Когда же въ концѣ концовъ раздраженный высокомернымъ тономъ Кальвина Серветъ въ свою очередь пересталъ щадить его, раздраженный властелинъ Женевы задумалъ отомстить своему противнику. «Если онъ явится сюда, писалъ онъ своему другу Фарелю, я не допущу, чтобъ онъ ушелъ отсюда живымъ».—Отвергнутый Кальвиномъ, Серветъ задумалъ опровергнуть его ученіе и издалъ въ началѣ 1553 г., анонимное, сочиненіе *Возстановленіе Христіанства* (*Christianismi restitutio*),—заглавіе котораго представляетъ очевидный намекъ на христіанскія учрежденія Кальвина. Эта книга, построенная на ученіи неоплатониковъ и написанная темнымъ мистическимъ языкомъ, представляетъ Христа какъ олицетвореніе Божества, а св. Духъ, какъ отношеніе между Божествомъ и матеріальными вещами. Величайшее благо, конечная цѣль человѣка—получить въ себя самаго божественную сущность, по примѣру Христа. Для ученаго натуралиста дьяволъ является ничѣмъ инымъ, какъ символическимъ обозначеніемъ, но не представляетъ изъ себя чего либо реальнаго; вѣчныя угрызенія совѣсти, познаніе истинной сущности Божества,—въ этомъ заключается наказаніе грѣшныхъ душъ въ буду-

щей жизни. Серветъ признаетъ только два таинства: крещеніе взрослыхъ и причащеніе. Объ нѣмецкихъ и швейцарскихъ реформаторахъ онъ говоритъ довольно враждебно и не считаетъ, чтобы они были лучше папъ, а ихъ управленіе лучше католической іерархіи.

Изданіе этого сочиненія страшно разсердило Кальвина и такъ какъ онъ зналъ настоящаго автора, то и рѣшился погубить его. Съ этою цѣлью онъ немедленно черезъ одного посредника указалъ на Сервета ліонскимъ инквизиторамъ, какъ на дѣйствительнаго автора *Возстановленія*. Однако онъ не ограничился только этимъ, но послалъ инквизиторамъ рукопись сочиненія, которую ему нѣкогда подарилъ Серветъ и даже письма несчастнаго въ доказательство того, что идеи и выраженія *Возстановленія* суть идеи и выраженія Сервета или Михаила де Вилльнева. Со стороны Кальвина это была низость и злоупотребленіе довѣріемъ, которыя остаются несмываемымъ пятномъ на памяти женевскаго реформатора. Позже онъ самъ созналъ низость своего поведенія, отрицая все происшедшее съ неподражаемою развязностью. Къ сожалѣнію, его собственныя письма говорятъ противъ него.

По доносу Кальвина Серветъ былъ арестованъ инквизиціею, но бѣжалъ и такимъ образомъ ему удалось избѣгнуть несомнѣннаго осужденія. Онъ намѣревался отправиться въ Неаполь и жить тамъ въ качествѣ врача. Будучи постоянно розыскиваемъ инквизиціею, онъ нѣкоторое время

скрывался въ юго-восточной Франціи и наконецъ достигъ Женевы, оттуда собирался пробраться черезъ горы въ Италію; но здѣсь его узнали и по распоряженію Кальвина онъ былъ арестованъ. Послѣ позорно незаконнаго процесса несчастный Серветъ былъ сожженъ 27 октября 1553 г., какъ еретикъ, отрицающій Троицу и въ особенности божественность Іисуса Христа. Эта казнь налагаетъ неизгладимое пятно на исторію Реформаціи; тѣмъ не менѣе ревностные защитники католицизма не имѣютъ никакого права упрекать ее за это, потому что сами они находятъ вполнѣ естественными неизмѣримо болѣе ужасныя казни, совершавшіяся священнымъ инквизиціоннымъ трибуналомъ ¹.

Хотя всѣ эти испанскіе еретики жили внѣ своей родины, но реформація все же проникла и стала распространяться горячѣй почвѣ иберійскаго полуострова. Здѣсь нашлись люди, и между ними даже женщины, которые осмѣлились среди фанатическаго католическаго населенія присоеди- ниться къ ученіямъ, которыя вели ихъ къ почти вѣрной смерти.

Первымъ центромъ протестантизма въ Испаніи былъ большой и богатый городъ Севилля, слу-

¹ Почти забавно читать, какъ строго осуждаетъ *Менденцъ Пелахо* Кальвина и всю Реформацію (No es Calvino et culpable, es toda la Reforma! т. II, стр. 305) за казнь Сервета и въ тоже время, какъ онъ на каждомъ шагу восхваляетъ инквизицію, какъ самое нравственное и спасительное учрежденіе.

жившій въ то время главнымъ складочнымъ мѣстомъ торговли испанской Америки съ метрополіей. Тысячи иностранцевъ, моряковъ, солдатовъ, авантюристовъ и ученыхъ стекались въ него со всѣхъ сторонъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что здѣсь быстро были посѣяны сѣмена ереси. Однако апостолы реформаціи, появившіеся тамъ, не были таковы, чтобы оказать большое вліяніе. Первымъ изъ нихъ былъ Родригъ де Валеръ, молодой и богатый человекъ благороднаго происхожденія, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ очень распущенную и скандальную жизнь и потомъ вдругъ, подъ вліяніемъ вдохновенія или помѣшательства, предался крайнему и отталкивающему аскетизму и сталъ ходить по улицамъ Севильи, проповѣдуя Евангеліе и вступая въ споры съ монахами. Его считали, и вѣроятно не безъ основанія, помѣшаннымъ. Инквизиція довольно долго относилась къ нему снисходительно и отцы доминиканцы довольствовались конфискаціей части его имущества, но такъ какъ онъ не прекращалъ своей проповѣди, то въ концѣ концовъ инквизиція потеряла терпѣніе и заперла его въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Нѣкоторые другіе лица, болѣе разумные, но и менѣе упорные, чѣмъ Родригъ де Валеръ, духовныя особы и профессора, склонявшіеся къ лютеранству, предпочитали немедленно же послѣ первыхъ ея угрозъ подчиняться инквизиціи.

Новыя мнѣнія нашли себѣ болѣе авторитетнаго и серьезнаго защитника въ лицѣ доктора тео-

логіи Хуана Жила, обыкновенно называемаго Эгидіусомъ. Онъ былъ каноникомъ въ Севильѣ, славился своими познаніями вообще и особенно богословскими свѣдѣніями. Пропаганда Валера привела его къ изученію Библии и такимъ образомъ обратила къ дѣлу Реформаціи. Принявъ нѣкоторыя предосторожности, онъ съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать свои доктрины передъ огромной аудиторіей, въ самомъ севильскомъ соборѣ. Среди мѣстнаго духовенства у него было два друга, пользовавшіеся большимъ значеніемъ и склонявшіеся къ одинаковымъ съ нимъ идеямъ,—Варгасъ и докторъ Константинъ Понсе де ла Фуенте. Изъ нихъ послѣдній ¹,—человѣкъ живаго ума, веселый и изящный,—особенно отличался своими глубокими знаніями древнихъ языковъ, чистотою и красотою стиля своихъ сочиненій и выходящимъ изъ ряда краснорѣчіемъ. Ему одинаково удивлялись и ученые и толпа; въ церкви, начиная съ трехъ часовъ утра, уже занимали мѣста, чтобъ имѣть возможность слышать его. Эти три человѣка, знавшіе другъ друга по алкаласкому университету, соединились для совмѣстной пропаганды протестантизма; ихъ авторитетъ и вліяніе были на столько велики, что инквизиція не посмѣла тронуть ихъ. Понсе де ла Фуенте дошелъ въ своихъ популярныхъ сочиненіяхъ по богословію и морали почти до открытаго выраженія мнѣній относительно Оправ-

¹ Boehmer, *Spanish reformers*, т. II (Страсбургъ, 1883), стр. 3 и слѣд.

данія, очевидно согласныхъ съ ученіемъ Лютера. Но когда нѣсколько лѣтъ спустя Варгасъ умеръ, а Понсе былъ вызванъ капеланомъ ко двору императора и такимъ образомъ остался одинъ Эгедіусъ, то теперь на него одного направилась ненависть ихъ многочисленныхъ враговъ. Ихъ вражда и злоба вспыхнули съ особою силбою, когда императоръ хотѣлъ назначить его епископомъ Тортозы и противъ него были предъявлены формальныя обвиненія предъ священнымъ трибуналомъ. Жиль былъ заключенъ въ темницу (1550), но такъ какъ за него вступился севильскій кафедральный капитулъ и самъ Карлъ пятый, то инквизиція удовольствовалась публичнымъ отреченіемъ несчастнаго (1552) и послѣдующимъ тюремнымъ заключеніемъ въ теченіи одного года. Въ 1553 г. онъ былъ выпущенъ на свободу; однако онъ не оставилъ своихъ лютеранскихъ воззрѣній и продолжалъ сноситься съ другими секретными протестантами. Въ 1556 г. онъ умеръ.

Его другъ Понсе-де-ла-Фуенте имѣлъ смѣлость добиваться занять вмѣсто него мѣсто главнаго капелана въ Севильѣ; онъ получилъ этотъ видный постъ, несмотря на большое число соискателей. Тогда послѣдніе старались обвинить его въ ереси; однако окончательно погубило его то, что онъ сталъ въ оппозицію ордену іезуитовъ. Этимъ добрымъ отцамъ удалось розыскать мѣсто, гдѣ онъ пряталъ свои запрещенныя книги и не вполнѣ ортодоксальныя рукописи, въ которыхъ онъ нападалъ на папство, на ученіе объ индульгенціи, Чисти-

лищѣ и проч., вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ инквизиціей и оставался въ тюрьмѣ въ теченіи трехъ лѣтъ умеръ въ ней, вслѣдствіе дурного обращенія съ нимъ и зараженнаго воздуха. Однако онъ обнаружилъ больше мужества и искренности, чѣмъ его другъ Эгидіусъ, и сдѣлался одинъ изъ первыхъ мучениковъ Реформаціи въ Испаніи. Его заключеніе и смерть не, положили конецъ протестанской пропагандѣ въ Севильѣ.

Здѣсь жилъ одинъ погонщикъ муловъ Юліанъ Гернандецъ котораго обыкновенно всѣ называли Жуліанилло, т. е. маленькій Юліанъ, вслѣдствіе того, что онъ былъ худъ до такой степени, что казалось будто у него кожа да кости, и очень малъ ростомъ. Этотъ человѣкъ, проживъ довольно долго въ Германіи и Женевѣ, проникся энтузіазмомъ къ новому ученію. Онъ проявилъ невѣроятную хитрость и ловкость, усердно помогая ему проникнуть въ Испанію вообще и особенно въ Севилью. Въ двухъ большихъ бочкахъ онъ ввезъ сюда книги Новаго Завѣта, переведенныя на испанскій языкъ докторомъ Хуаномъ Перець. Этимъ путемъ онъ привлекъ къ своему дѣлу многихъ лицъ, уже подготовленныхъ проповѣдями Эгидіуса и Понсе ла-Фуенте. Всѣ монахи монастыря іеронимитовъ, монастырь Св. Исидора, донъ Хуанъ Понсе де Леонъ, сынъ графа де-Бейлена, молодой человѣкъ, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій на полуостровѣ, донна Елизавета де

Баена, знаменитый врачъ Христофоръ де-Лозада, проповѣдникъ Хуанъ Гонзалецъ и много другихъ испанцевъ, мужчинъ и женщинъ, обратились въ протестанство; особенно много было между ними потомковъ евреевъ и мавровъ. У нихъ происходили подобно первымъ христіанамъ правильныя собранія въ пещерахъ. Антверпенскіе книгопродавцы посылали имъ бочки, наполненныя еретическими книгами, напечатанными въ Германіи на латинскомъ и кастильскомъ языкахъ. Въ Севильѣ и въ Медина дель Кампо были устроены склады этихъ книгъ; главнымъ агентомъ ихъ въ обоихъ этихъ андалузскихъ городахъ былъ одинъ антверпенецъ по фамиліи Тильманъ. Съверъ Испаніи снабжался кальвинистскими книгами черезъ Ліонъ и Пиренеи. Между прочимъ Хуанъ Перецъ де-Пинеда, испанецъ, бѣжавшій въ Женеву, а потомъ въ Германію, выслалъ на родину 30000 экземпляровъ испанскаго перевода *Христіанскаго учрежденія* Кальвина, и еще много экземпляровъ его въ переводѣ на баскское нарѣчіе ¹.

Если Севилья была центромъ новаго ученія на югѣ Пиренейскаго полуострова, то на сѣверѣ такимъ же центромъ былъ Вальядолидъ, бывшій въ то время столицею Испаніи и однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и оживленныхъ городовъ на полуостровѣ. Здѣсь, какъ и въ Севильѣ, при-

¹ Boehmer, *Spanish reformers*, т. II, стр. 64 и слѣд.—
Rahlenbeck въ *Bibliophile belge*, т. XII (Bruxelles, 1856),
стр. 20.

ливъ иностранцевъ изъ всѣхъ странъ Европы долженъ былъ сильно содѣйствовать распространенію реформаторскихъ идей. Основателемъ протестантской общины въ Вальядолидѣ былъ донъ Карлосъ де-Сесо, по происхожденію итальянецъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ нѣмецкихъ ученій. Въ числѣ многихъ другихъ онъ склонилъ къ нимъ все семейство де-Казалла, самымъ знаменитымъ членомъ котораго былъ краснорѣчивый Августинъ де-Казалла, прежній проповѣдникъ и каноникъ императора, котораго онъ сопровождалъ въ Германію и Нидерланды. Благородная фамилія де-Рохасъ, много женщинъ, всѣ монахини изъ Белена также вошли въ нее. Изъ Вальядолида лютеранская пропаганда распространилась на сосѣднія области и главнымъ образомъ въ городѣ Замора; въ самомъ Вальядолидѣ еретики устраивали тайныя собранія.

Въ 1558 г. власти въ Заморѣ случайно убѣдились въ многочисленности сторонниковъ новыхъ ученій. Какъ только главные вожди ихъ были арестованы, множество вальядолидскихъ лютеранъ скрылось, ища спасенія въ бѣгствѣ, но этимъ они сами предали себя и большая часть ихъ была захвачена инквизиціей и подвергнута заключенію. Произведенное слѣдствіе дало возможность открыть большое число ихъ сторонниковъ, такъ что тюрьмысвятаго судилища немедленно переполнились этими несчастными. Вскорѣ послѣ этого та же участь постигла протестантовъ въ Севильѣ. Инквизиція въ этомъ го-

родъ заключила въ тюрьму сразу болѣе 800 человекъ ¹.

Главный инквизиторъ представилъ старому императору, жившему послѣ отреченія отъ престола въ монастырѣ св. Юста, отчетъ объ этихъ важныхъ въ арестахъ. Раздраженный испытанными имъ неудачами въ борьбѣ съ ересью въ Германіи и опасаясь возникновенія религіозныхъ несогласій въ Испаніи, которыя могли ослабить въ ней королевскую власть, Карлъ пятый былъ беспощаденъ къ своимъ заблудшимъ подданнымъ. Онъ написалъ принцессѣ Хуанѣ, управлявшей Испаніей въ отсутствіе Филиппа II, и одновременно ему самому въ Нидерланды, убѣждая ихъ поступить съ преступниками самымъ строгимъ образомъ, хотя Филиппъ и инквизиція не нуждались въ поощреніи для принятія жестокихъ мѣръ противъ испанскихъ еретиковъ. Король заключилъ съ Франціею въ Шато-Камбресисѣ миръ, главною цѣлью котораго было дать возможность обоимъ государямъ соединить ихъ силы для уничтоженія въ ихъ владѣніяхъ зародышей лютеранства и кальвинизма. Особенно заботился объ этомъ Филиппъ, уже рѣшившій учредить въ Нидерландахъ девять новыхъ епископствъ, специально предназначавшихся для организациі въ широкихъ размѣрахъ инквизиціи въ этой странѣ. Какъ же могъ онъ вы-

¹ Эта цифра приведена Гранвеллою въ его официальной депешѣ къ епископу аквильскому отъ 17 ноября 1559; Kervyn de Lettenhove, *Relations des Pays-Bas et de l'Angleterre* (Bruxelles, 1883), т. II, стр. 93.

нести ересь въ своемъ родномъ краю, въ Испаніи? Кромѣ того, испанская инквизиція получила поощреніе отъ папы Павла IV, который особою буллою предоставилъ ей право передавать въ свѣтскія руки, т. е. подвергать смертной казни, всѣхъ еретиковъ, даже тѣхъ, которые еще не обратились въ расколъ или отреклись отъ своихъ заблужденій «не добровольно, по чистому и смиренному сознанію совѣсти, но вслѣдствіе пытокъ и чтобы избавиться отъ тюрьмы ¹». Тотъ же папа буллою отъ 7 января 1559 г. предоставилъ ей для покрытія издержекъ и въ виду множества производящихся процессовъ нѣсколько сотенъ тысячъ дукатовъ, конечно изъ тѣхъ, которые составляли доходъ церкви въ той же Испаніи. Такимъ образомъ, опираясь сразу и на королевскую власть и на папство, инквизиція могла, какъ хотѣла, свирѣпствовать противъ своихъ жертвъ.

Карль пятый не переставалъ возбуждать усердіе судей или, вѣрнѣе, палачей. Даже у порога гроба онъ только и думалъ о безчисленныхъ кострахъ и хотя умеръ (21 сентября 1558 г.) раньше чѣмъ начались ауто-да-фе, но ихъ кровавое пламя бросаетъ мрачный свѣтъ на его послѣдніе дни.

Судъ совершался съ большою быстротою, при чемъ часто примѣнялись всякаго рода мучительныя пытки. На 21 мая 1559 г. было назначено первое торжественное *ауто*. Населеніе всѣхъ частей Кастил-

¹ Modesto Lafuente, *Historia generale de Espana*, 1-е изд., т. XIII, стр. 63.

ліи стекалось на это печальное зрѣлище, доставлявшее истымъ испанцамъ большое удовольствіе, нравившееся имъ даже болѣе, чѣмъ бой быковъ. Таковъ въ то время былъ духъ этой націи; видѣть страшныя страданія несчастнаго, имѣвшаго смѣлость думать иначе, чѣмъ церковь, казалось для нея верхомъ счастья и удовлетворенія. Весь дворъ, съ правительницею донною Хуаной и молодымъ наслѣднымъ принцемъ дономъ Карлосомъ во главѣ, присутствовалъ при *ауто-да-фе*. Любопытные, не принадлежавшіе ни ко двору, ни къ другимъ властямъ, платили за мѣсто на трибунахъ по двадцати реаловъ, т. е. около шестидесяти рублей по нынѣшнему курсу. Знаменитый доминиканецъ Мельхіоръ Кано, назначенный епископъ Канарскимъ, произнесъ проповѣдь. Великій инквизиторъ Фердинандъ Вальдесъ, архіепископъ севильскій, заставилъ правительницу и всѣхъ принцевъ поклясться, что они всегда будутъ приходить на помощь священному судилищу. Затѣмъ сожгли, живыми или предварительно удавленными, сотни лютеранъ; останки матери Казаллы, умершей за нѣсколько лѣтъ до этого, были вырыты изъ могилы и брошены на костеръ. Но казнены были не всѣ: часть осужденныхъ была оставлена до того времени, когда его величество Филиппъ II, возвратясь изъ Нидерландовъ, будетъ имѣть возможность присутствовать при ихъ казни.

8 октября 1559 г. король въ сопровожденіи сына, своего брата Донъ Жуана австрійскаго и

самыхъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, присутствовалъ при вторичномъ *ауто*. Утверждаютъ, что на него собралось около 200.000 человекъ. Король, вынувъ шпагу, поклялся защищать инквизицію, ея слугъ и ея рѣшенія. «Если мой сынъ, сказалъ-онъ, впадетъ въ ересь, я самъ, лично, принесу хворостъ, чтобы сжечь его»;— ужасное предсказаніе, исполнившееся впоследствии, хотя и при нѣскольکو иныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторымъ изъ осужденныхъ, когда ихъ вели на костеръ, вставили въ ротъ деревяшки, потому что они не переставали громко исповѣдывать свои еретическія ученія.

Нѣкоторые менѣе важныя протестанты, не могшіе вынести мысли о смерти на кострѣ и отрекшіеся отъ своихъ убѣжденій, были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе. Іезуиты сумѣли воспользоваться даже участію несчастныхъ осужденныхъ; они присвоили себѣ мѣсто, гдѣ стоялъ домъ семейства Казалла, и построили на немъ новое училище. Духъ лойолитовъ торжествовалъ въ Испаніи надъ свободою мысли и вѣроисповѣданія.

Наступилъ день казни и для севильскихъ протестантовъ. Всѣ арестованные тамъ 800 человекъ были подвергнуты тѣмъ или другимъ наказаніямъ. При этомъ женщины обнаруживали удивительное мужество. Донна Марія Богорньесъ, которой было всего 21 годъ, не переставала высказывать во время пытокъ свои религіозныя убѣжденія и смѣло вступала въ споръ съ толпою

монаховъ, которыхъ посылали къ ней въ темницу. Она была сожжена живою вмѣстѣ съ дономъ Іоанномъ Понсе де-Леон'омъ, Іоанномъ Гонзалецомъ и восемнадцатю другими протестантами, 24 сентября 1559. Второе ауто въ Севильѣ происходило 22 декабря 1560 г.; на немъ было сожжено одиннадцать протестантовъ и между ними Маленькій Юліанъ и восемь женщинъ, въ числѣ которыхъ было три молодья дѣвушки! Говорили, что монахи испытывали особое сладострастіе, подвергая мученіямъ и сжигая молодыхъ и невинныхъ женщинъ. Въ слѣдующіе года лютеранъ сожигали уже въ Толедо, Сарагоссѣ, Логроньо и въ другихъ большихъ городахъ.

Преслѣдованіе за новыя ученія не минуло даже первыхъ сановниковъ испанской церкви.

Самою знаменитою изъ этихъ жертвъ былъ Вареоломей де-Карранца. Онъ происходилъ изъ мелкаго дворянства Наваррскаго королевства и родился въ г. Миранда. Хотя онъ поступилъ въ доминиканскій орденъ, но посвятилъ себя исключительно занятіямъ по богословію. Вскорѣ онъ сдѣлался блестящимъ профессоромъ Вальядолидскаго университета и теологомъ-консультантомъ въ инквизиціи. Карль пятый очень уважалъ его, послалъ въ качествѣ теолога на Тріентскій соборъ, гдѣ онъ въ двѣ сессіи, съ 1546 по 1547 и съ 1551 по 1552 гг., игралъ, какъ увидимъ ниже, очень замѣтную роль. Филиппъ относился къ нему такъ же, какъ и его отецъ; онъ при-

звалъ его къ себѣ, а потомъ взялъ съ собою въ Англію, чтобы тамъ, подъ покровительствомъ королевы Маріи Тюдоръ, дѣйствовать для возстановленія католичества. Въ награду за это Филиппъ дважды, хотя и безуспѣшно, предлагавшій ему епископства, заставилъ его наконецъ принять въ 1557 г. титулъ архіепископа Толедскаго, т. е. важнѣйшаго епископа въ Испаніи. Репутація Карранцы была такова, что даже мрачный и фанатическій папа Павелъ IV немедленно одобрилъ это назначеніе, не сдѣлавъ обычнаго въ такихъ случаяхъ разслѣдованія о жизни и мнѣніяхъ кандидата. На рукахъ этого новаго архіепископа-примаса и умеръ въ Юстѣ императоръ Карлъ пятый. Карранца достигъ вершины величія и при томъ ни разу не совершилъ нравственной ошибки принятіемъ участія въ процессахъ, возбужденныхъ противъ лютеранъ въ Вальядолидѣ и Севильѣ.

Но у него были сильные и ловкіе враги—его собратъ Мельхіоръ Кано, которому онъ когда то помѣшалъ сдѣлаться провинціаломъ испанскихъ доминиканцевъ, и особенно Фердинандъ де-Вальдесъ, архіепископъ севильскій и великій инквизиторъ, который самъ надѣялся получить толедское архіепископство, первое во всемъ католическомъ мірѣ по значенію и богатству. Чтобы погубить Карранцу, эти два человека воспользовались нѣкоторыми двусмысленными фразами въ его *Комментаріяхъ на христіанскій катехизисъ*, опубликованныхъ имъ въ 1558 г. Вальдесъ выр-

валъ подъ пыткою у нѣкоторыхъ арестованныхъ протестантовъ показанія, обвиняющія Карранцу; вмѣстѣ съ тѣмъ враги архіепископа постарались извратить слова, сказанныя имъ въ утѣшеніе Карла пятого въ послѣдніе минуты его жизни. Тщетно, самые уважаемые епископы, самые знаменитые теологи и важнѣйшіе университеты Испаніи выступили на защиту примаса. Кано составилъ записку, въ которой перечислилъ 141 еретическое положеніе въ одномъ только катехизисѣ Карранцы, и Вальдесъ, — получивъ разрѣшеніе папы и короля Филиппа II, не сдѣлавшаго ни одного шага, чтобы спасти человека, которому до того далъ столько доказательствъ своего довѣрія, — приказалъ въ августѣ 1559 г. арестовать архіепископа. Нечего и говорить, что тотчасъ же нашлись люди, которые, радуясь столь страшному паденію прелата, стоявшаго до сихъ поръ на такой высотѣ, старались всѣми способами отягчить его положеніе, и главнымъ образомъ потому, что они были увѣрены, что этимъ путемъ они выслужатся предъ всемогущей инквизиціей. Съ своей стороны, Карранца держалъ себя очень достойно и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно искусно; онъ апеллировалъ на инквизицію къ верховному трибуналу въ Римѣ, обвиняя Вальдеса въ пристрастіи и въ личностяхъ противъ него, въ нарушеніи предписаній церкви и въ особенностяхи Тріентскаго собора. Вальдесъ мстилъ ему, обращаясь самымъ грубымъ образомъ съ своимъ плѣнникомъ, «хуже, чѣмъ еслибъ онъ былъ мавромъ

или евреемъ», — т. е. съ людьми, съ которыми каждый истый испанецъ съ особеннымъ удовольствіемъ обращался возможно дурно.

Къ счастью для Карранцы Тріентскій соборъ въ 1562 г. вполне одобрилъ его катехизисъ и предложилъ папѣ Пію IV, чтобы онъ потребовалъ выдачи обвиняемаго и передачи его дѣла римскому трибуналу. Однако Филиппъ II никакъ не желалъ позволить чуждой духовной власти вмѣшиваться въ дѣла испанской инквизиціи, и такъ какъ послѣдняя была лучшимъ орудіемъ королевскаго деспотизма, то онъ хотѣлъ, чтобы она исключительно зависела отъ него одного и была въ его рукахъ. Съ полнымъ основаніемъ можно думать, что Вальдесъ дѣлалъ все, чтобъ укрѣпить короля въ этихъ мысляхъ изъ страха какъ бы не выпустить добычу изъ своихъ когтей. Въ такомъ положеніи дѣло тянулось во все время, пока былъ живъ слабый Пій IV, но какъ только на тронъ святого Петра вступилъ энергическій и деспотическій Пій V, онъ тотчасъ же заставилъ Филиппа II выдать ему узника, грозя въ противномъ случаѣ наложить запрещеніе на всю Испанію. Въ 1567 г., послѣ восьмилѣтняго тюремнаго заключенія, архіепископъ отправился въ Римъ для суда надъ собою. Папа очевидно былъ настроенъ благопріятно къ Карранцѣ, считая его жертвою ненависти и зависти его противниковъ. Онъ самъ председательствовалъ въ комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія дѣла архіепископа, и всячески унижалъ

присутствовавшихъ при этомъ испанскихъ инквизиторовъ, заставляя ихъ простаивать передъ собою по нѣсколько часовъ кряду. *Катехизисъ* Карранцы свободно продавался въ Римѣ.

Вальдесъ и его сторонники были внѣ себя отъ злобы, видя, что Карранца можетъ спастись отъ ихъ рукъ, а сами они потерпятъ глубокое униженіе при оправданіи ихъ противника. Они употребляли всѣ-средства, чтобы оттянуть окончательный приговоръ верховнаго первосвященника; то они запаздывали въ присылкѣ книгъ и документовъ, которыхъ отъ нихъ требовала римская комиссія, то присылали новыхъ теологовъ, старавшихся возобновить процессъ, то заставляли вмѣшиваться короля и его дипломатовъ, возбуждая всякаго рода протесты и требованія. Наконецъ, они достигли своей цѣли. Послѣ пятилѣтняго пребыванія архіепископа въ Римѣ, въ моментъ, когда долженъ былъ быть произнесенъ оправдательный приговоръ, Пій V внезапно скончался въ 1572 году и дѣло приняло тотчасъ же другой оборотъ.

Новый папа, Григорій XIII, не смѣлъ, какъ его предшественникъ, открыто пренебрегать могуществомъ королемъ Испаніи. Послѣ ряда колебаній, 14 апрѣля 1576 г. онъ произнесъ свой приговоръ. До этого Карранца уже прожилъ въ Римѣ девять лѣтъ, а содержался въ тюрьмѣ въ теченіи семнадцати! Онъ былъ приговоренъ къ отреченію отъ шестнадцати положеній своего катехизиса изъ числа тѣхъ, за которыя обвинялся,

къ тюремному заключенію еще на пять лѣтъ, но съ содержаніемъ, соотвѣтствующимъ его сану, и съ наложеніемъ на него нѣкоторыхъ епитимій. Такою цѣною онъ освобождался отъ отлученія отъ церкви.

Этотъ приговоръ вполне оправдывалъ инквизиторовъ. Всѣмъ было извѣстно, что архіепископъ уже близокъ къ смерти; только въ виду этого, по словамъ самого папы, приговоръ не былъ еще строже. Положеніе со времени смерти Карла пятаго очень измѣнилось; то, что прежде считалось дозволеннымъ, теперь, вслѣдствіе постоянно увеличивающейся реакціи въ церкви, признавалось преступнымъ. Карранца только выражалъ такія же мнѣнія, какъ Контарини, Поль, Мороне и многіе другіе кардиналы и епископы первой половины XVI вѣка, но теперь католическое ученіе было строго ограничено и закрыто для всякаго вліянія извнѣ. Нетерпимость дѣлала быстрые успѣхи. Умирая, 2 мая 1576 г., т. е. черезъ три недѣли послѣ приговора надъ нимъ, Карранца предъ лицомъ смерти поклялся, что онъ никогда не желалъ грѣшить противъ римской ортодоксіи. Быть можетъ онъ былъ правъ въ смыслѣ его собственнаго убѣжденія, но римская ортодоксія сдѣлалась гораздо уже со времени его молодости и даже зрѣлаго возраста. Ересь развила у своихъ противниковъ исключительность и нетерпимость; то, что прежде допускалось, теперь въ обновленной церкви преслѣдовалось. Католическая реакція не щадила никого

даже архіепископа, примаса Испаніи, самого значительнаго прелата послѣ римскаго епископа. Въ дѣло Карранцы несомнѣнно были замѣшаны низкія, постыдныя и скверныя страсти; зависть, жадность и политическія соображенія неоспоримо играли важную роль, но на ряду съ этимъ въ немъ выразилось твердое намѣреніе не допускать ни малѣйшаго уклоненія отъ узкаго пути ортодоксіи, уничтожать всѣхъ, хотя бы это были главы церкви, кто только былъ повиненъ въ нѣкоторой слабости или въ малѣйшей склонности къ ереси. Это ужасно, это жестоко, но это и не лишено величія, и сверхъ того принесло громаднѣйшія выгоды католической церкви.

Нельзя также отрицать, что кровавая энергія, выказанная въ этомъ случаѣ Филиппомъ II и инквизиціею, уничтожила вполнѣ испанскій протестантизмъ. Правда, до конца XVI вѣка еще встѣчаются тамъ и сямъ нѣкоторыя осужденія за лютеранскую ересь, но съ этого времени она уже никогда не могла принять сколько нибудь значительныхъ размѣровъ. Никто въ Испаніи больше не рѣшился думать иначе, чѣмъ Церковь и инквизиція, и умственное движеніе испанскаго народа было окончательно подавлено этимъ тяжелымъ, неумолимымъ гнетомъ и постояннымъ страхомъ, который онъ налагалъ на всѣ классы народа.

Тѣ, кто не хотѣлъ совершенно отказаться отъ свободы мыслить, бѣжали за границу. Филиппъ II попытался лишить ихъ и этого послѣд-

няго убѣжища. Въ 1559 г. онъ воспретилъ своимъ подданнымъ учиться или преподавать въ иностранныхъ школахъ и университетахъ подъ страхомъ потери права испанской національности и всего имущества, а также изгнанія навсегда¹: онъ желалъ отдѣлить непроницаемою стѣною Испанію отъ умственной жизни остальной Европы.

Тѣмъ не менѣе нѣсколько тысячъ мужественныхъ и рѣшительныхъ людей предпочли навсегда отказаться отъ своей родины, чѣмъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Испанскіе протестанты переехали въ Женеву, въ Германію и Англию, гдѣ ихъ встрѣчали съ распростертыми объятіями. Между ними было много прежнихъ священниковъ. Количество этихъ эмигрантовъ было настолько велико, что испанскіе дипломаты стали опасаться за интересы и даже безопасность своей страны². Въ Лондонѣ и Франкфуртѣ образовались испанскія общины. Онѣ перевели библію и издавали богословскіе трактаты на кастильскомъ языкѣ, но надежды ихъ оживить этими способами протестантское движеніе въ ихъ прежнемъ отечествѣ совершенно не оправдались. Страхъ и безпощадная ортодоксія сдѣлала это невозможнымъ; репрессія была слишкомъ жестока. Много

¹ *Lafuente*, т. XII, стр. 75 и слѣд.

² Письмо авильскаго епископа къ графу де-Феріа въ Лондонѣ отъ 17 января 1560 г.; Kervyn de Lettenhove, *Relations politiques des Pays-Bas avec l'Angleterre*, (Bruxelles), т. II, стр. 188.

мужчинъ и женщинъ, въ послѣдствіи признанныхъ католическою церковью святыми, были заключаемы на болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьмы; на примѣръ, Игнатій Лойола, Францискъ Борджіа, Іоаннъ Рибейра, св. Тереза, Іоаннъ де-ла Круць, Іосифъ де-Калазанць и много другихъ подвергались преслѣдованіямъ только зато, что они позволяли себѣ выходить за предѣлы установленныхъ вѣрованій. Всѣмъ извѣстно какою цѣною Филиппъ II купилъ политическое и религіозное единство испанскихъ владѣній. Не только умственное развитіе испанскаго народа, но и матеріальное благосостояніе его было раздавлено подъ двойною тяжестью свѣтскаго и духовнаго деспотизма. Это было смертнымъ приговоромъ для величія и благополучія всего полуострова.

Но всѣ эти строгія мѣры, какъ въ Испаніи, такъ и въ Италіи, эти жестокости королевской и папской инквизиціи все таки были бы недостаточны для того, чтобы создать католицизму его соціальное могущество, если бы въ это же время онъ не сдѣлалъ колоссальнаго усилія проникнуться новою внутреннею жизнью. Грубая сила опиралась на дѣйствительное религіозное и нравственное возрожденіе въ самыхъ нѣдрахъ католицизма. Чисто матеріальная, кровавая реакція, которую мы изложили выше, сопровождалась догматическою и дисциплинарною реакціею, гораздо болѣе важною и дѣйствительною, и это было дѣломъ Триентскаго собора, которымъ мы теперь и займемся.

К Н И Г А Т Р Е Т Ь Я

Т Р И Е Н Т С К І Й С О Б О Р Ъ .

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Созваніе собора.

Значеніе идеи соборовъ въ концѣ средневѣковья.— Реформація не отказывается отъ этой идеи.—Сопротивленіе папства.—Карль пятый надѣется, что соборъ возстановитъ религіозное единство.—Его переговоры съ папами, чтобы добиться созванія собора.—Первая попытка Триентскаго собора въ 1542 г.—Окончательное созваніе его на 1545 г.—Городъ Триентъ и его епископъ.—Легаты-президенты.—Почему протестанты отказались принять участіе въ соборѣ?—Попытки Карла пятого отсрочить открытіе засѣданій собора.—Папа грозитъ перенести его въ одинъ изъ городовъ Италіи.—Императоръ соглашается на открытіе собора.—

Во всѣхъ перипетіяхъ своей соціальной, политической и религіозной жизни народы любятъ искать универсальное средство, панацею, отъ которой они ожидаютъ немедленнаго и радикальнаго исцѣленія отъ всѣхъ своихъ недуговъ. Смотри по роду ихъ страданій и по характеру преобладающихъ въ каждой эпохѣ идей, это великое цѣлебное средство, этотъ идеаль, на который отовсюду устремляются взоры,—бываютъ весьма различны. Въ наше время, когда всѣ умы обращены главнымъ образомъ къ политическому и соціальному прогрессу, указываютъ какъ на цѣль на укрѣпленіе свободы или равенства, на

суверенитетъ народа или на болѣе справедливое распредѣленіе матеріальнаго благосостоянія, на уничтоженіе правительственнаго произвола или на уничтоженіе различій между классами общества. Иной былъ идеаль средневѣковья или эпохи Реформации, когда преобладали религіозныя чувства и когда онѣ въ то же время были угнетены и обострены глубокой деморализаціей официальной церкви и полнымъ забвеніемъ ея обязанностей; когда, съ боязливымъ сомнѣніемъ въ душѣ, люди становились очевидцами борьбы противоположныхъ партій въ церкви и религіи. Какимъ образомъ можно было надѣяться улучшить такое положеніе вещей? Развѣ сами обычныя власти церкви не были испорчены; развѣ онѣ не расходились въ мнѣніяхъ и не были подозрительны? Вотъ почему всѣ надежды возлагались на чрезвычайное представительство всей церкви—на соборъ. Этотъ соборъ, который считали равнымъ папѣ, даже выше его, казался единственной властью, способной реформировать церковь въ ея главѣ и членахъ, *in capite et membris*, вернуть ее къ единству, нравственности, строгимъ нравамъ прежнихъ дней, направить ее снова къ вещамъ духовнымъ, тогда какъ въ предшествующіе вѣка она стремилась только къ земнымъ благамъ: къ богатству, къ могуществу и къ матеріальнымъ наслажденіямъ.

Уже въ концѣ XIV в., когда великій расколъ раздѣлилъ весь христіанскій міръ, глубоко скандализируя его, когда два, а позднѣе три папы

боролись между собою всѣми духовными оружіями, знамя собора было выставлено парижскимъ университетомъ. Знаменитые богословы вродѣ Іоанна Жерсона, Петра д'Айльи и Николая де Клеманжиса стали во главѣ этого великаго движенія. Вся Франція, большая часть Германіи, весь епископатъ внѣ Италіи присоединился къ ихъ боевому кличу: реформа церкви посредствомъ собора!

Въ сущности надежда быть спасенными такимъ собраніемъ была очень обманчива и лишена достаточныхъ основаній. До того времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, соборы никогда не играли той роли, какую имъ хотѣли приписать. Въ первые вѣка церкви, въ періодъ, который предшествовалъ Константину и на который указывали какъ на идеальное время церкви, какъ на порядокъ къ которому слѣдовало вернуться, — никогда не собирался ни единый вселенскій соборъ. Позднѣе общіе соборы созывались, направлялись и защищались свѣтскою властью, — римскими императорами. Отцы церкви никогда не приписывали такимъ соборамъ непогрѣшимости: нѣкоторые-же изъ нихъ, какъ на примѣръ Григорій Назіанзинъ, формально осудили ихъ. Къ тому же эти соборы никогда не были дѣйствительно вселенскими. На Константинопольскомъ соборѣ 381 г. былъ всего только одинъ латинскій епископъ на сто сорокъ девять греческихъ. На Никейскомъ соборѣ ихъ было три противъ трехсотъ пятнадцати; въ Халкедонѣ — три противъ трехсотъ пятидесяти. Римъ-же, смотря по

тому насколько ему было удобно или нѣтъ принимать постановленія нѣкоторыхъ соборовъ, лишалъ или придавалъ имъ пышный титулъ «все-ленскихъ». Какъ полагаться на непогрѣшимость такихъ собраній, декреты которыхъ часто опровергались декретами другихъ соборовъ, и у которыхъ палство отнимало характеръ обязательности безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ собственной выгоды? Втеченіи двухъ съ половиной вѣковъ, съ 869 по 1123 г., не было ни одного все-ленскаго собора. А съ того момента какъ они возобновились, они служили только помощью папѣ въ его борьбѣ съ императорами и съ королями. Они не только не имѣли никакой собственной власти, но напротивъ находились въ полной зависимости отъ римскаго двора и представляли изъ себя предупредительное эхо, вторившее всѣмъ желаніямъ и всѣмъ приказаніямъ курии. При такихъ условіяхъ и съ помощью этой экстраординарной и иррегулярной власти возможно ли было дѣйствительно надѣяться спасти, объединить и реформировать церковь наперекоръ папству и противъ него?

Тѣмъ не менѣе союзъ могущественнаго Бургундскаго дома съ императоромъ Сигизмундомъ а позднѣе неудачи борьбы противъ Гусситовъ, вызвали въ первой половинѣ XV столѣтія собраніе трехъ соборовъ: Пизанскаго, Констанцскаго и Базельскаго. Но что за горькое разочарованіе! Первый изъ нихъ послужилъ только къ тому, чтобы учредить третьяго папу рядомъ

съ двумя другими, уже раздиравшими между собою весь католическій міръ. Второй, хотя и положилъ предѣлъ расколу, все-же не сдѣлалъ ничего серьезнаго для реформы и вызвалъ только кровавую гусситскую войну. Третій смѣло предпринялъ борьбу противъ абсолютной власти св. престола, но былъ рѣшительно побѣжденъ. Послѣ этихъ усилій папы стали еще могущественнѣе, церковь еще испорченнѣе, высшее духовенство еще легкомысленнѣе. Гуманизмъ восторжествовалъ въ самомъ Римѣ и сдѣлалъ изъ святѣйшихъ отцовъ настоящихъ греческихъ и римскихъ язычниковъ.

Тогда то Мартинъ Лютеръ началъ проповѣдывать ту Реформацію, которая сдѣлалась всеобщей революціей, въ одно и то-же время и благодѣтельной и ужасной для всего христіанскаго міра. Однако было бы большой ошибкой предполагать, что Лютеръ и его ученики хотѣли съ самаго начала отдѣлиться отъ церкви. Совсѣмъ напротивъ: они стремились только вернуть ее къ состоянію апостольскихъ вѣковъ. Они не хотѣли ее раздѣлить, а только перестроить на ея первоначальныхъ основахъ. На этомъ пути они столкнулись съ непобѣдимымъ сопротивленіемъ папства и могущественныхъ князей, которые, хотя и признавали реформу церкви необходимой, все же не хотѣли отказаться отъ традицій средневѣковья. Вмѣсто того, чтобы соединиться подъ знаменемъ реформации, христіанскіе народы переживали канунъ опаснаго конфликта, для предотвращенія

котораго у нихъ не было иной власти, кромѣ всеобщаго собора.

Уже на Нюренбергскомъ сеймѣ 1524 г. было предложено разрѣшить религіозный вопросъ съ помощью собора, и такъ какъ реформація еще не распространилась за предѣлы Германіи, то предполагался только помѣстный національный соборъ. Но императоръ Карлъ пятый, не хотѣвшій раздѣленія католическаго міра, совершенно отвергалъ эту мысль. Онъ предпочиталъ созвать вселенскій соборъ, который, устранивши злоупотребленія церкви, успокоилъ бы недовольныхъ и возстановилъ бы такимъ образомъ единство христіанства. Въ теченіи нѣкотораго времени самъ Римъ относился вполне благожелательно къ этимъ предположеніямъ, которыя на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, были бы въ состояніи, если не вполне задушить анти-католическое движеніе, то по крайней мѣрѣ ограничить его.

Но папа, а еще больше его дворъ, боялись собора, какъ своего страшнѣйшаго врага. Не примется-ли немедленно подобнаго рода собраніе, при тогдашнемъ состояніи умовъ, за то же, что дѣлали прежніе соборы, — Констанцскій и Базельскій; не объявитъ-ли оно себя выше папы и не ограничитъ-ли его власть въ пользу епископской и національной независимости? Во всякомъ случаѣ ему пришлось бы бороться и уничтожать многія изъ тѣхъ злоупотребленій, которыя для римской куріи были источниками опредѣленныхъ доходовъ. При первомъ же упо-

минаніи о вселенскомъ соборѣ цѣнность всѣхъ продававшихся куріей должностей значительно понизилась ¹. Поэтому всѣ тѣ, чьимъ интересамъ грозила опасность, — а таковыми оказывались почти всѣ лица, окружавшія папу, — интриговали противъ собора. Кромѣ того, для тогдашнихъ папъ была и еще одна специальная причина для того, чтобы желать избѣгнуть этого собранія: папы боялись, что Карлъ пятый, и безъ того уже очень могущественный, возобновитъ требованія прежнихъ императоровъ и будетъ оказывать значительное вліяніе на все собраніе, а между тѣмъ Карлъ, хотя и боролся съ радикальной реформациею Лютера, все же былъ сторонникомъ реформы управленія и церковной іерархіи на счетъ св. престола, его кардиналовъ и чиновниковъ.

Поэтому Климентъ VII, вмѣсто того, чтобы согласиться на требованіе императора, предпочелъ соединиться съ противникомъ Габсбурговъ, Францискомъ I французскимъ, но былъ побѣжденъ вмѣстѣ со своимъ новымъ союзникомъ, а осада Рима окончательно сломила его. По договору 1527 г. и на знаменитомъ болонскомъ свиданіи 1530 г., оба владыки принципиально столковались относительно созыва собора. Хотя на словахъ Карлъ и предназначалъ этотъ соборъ для разрушенія лютеровой ереси, но втайнѣ лелеялъ мысль выступить на немъ въ ка-

¹ *Письмо де Санга къ архіепископу Пимпинелло; Pallavicini, кн. III, гл. 7, § 1.*

чествѣ верховнаго вождя всѣхъ христіанскихъ народовъ, заставить реформировать духовенство строгими законами и измѣнить конституцію церкви въ пользу національной независимости и императорскаго вліянія ¹. Послѣ знаменитаго Аугсбургскаго сейма, на которомъ протестанты изложили свой символъ вѣры, папа, хотя и неохотно и съ колебаніями, все же долженъ былъ оффиціально согласиться на созваніе собора ². Довольный этимъ успѣхомъ, Карль потребовалъ тогда отъ протестантовъ, чтобы они заранѣе подчинились рѣшеніямъ императора, папы и всей Церкви, собранной на соборъ.

Правда, лютеране давно уже просили общаго собранія для того, чтобы помочь недугамъ церкви и для возстановленія ея единства. Но они понимали соборъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Карль пятый и Климентъ VII. Лютеръ безъ колебанія отринулъ авторитетъ соборовъ, предсѣдательствуемыхъ папой или его легатами. Было совершенно несомнѣнно, что въ настоящее время подобнаго рода соборъ осудилъ бы лютерово ученіе и одобрилъ бы, введя лишь нѣкоторыя реформы, всю совокупность ученія и даже іерархіи католической церкви. Подчиниться его декретамъ значило для протестантовъ отказаться отъ всѣхъ ихъ религіозныхъ убѣжденій. Поэтому они продолжали требовать церковнаго собора,

¹ Lanz, I, 341—360.

² *Documentos inéditos para la historia de Espana*, IX, 82.

но свободаго, основывающагося исключительно на Священномъ Писаніи и допускающаго мірянъ излагать свои мысли и желанія. Естественно, что они отказались отъ собора въ томъ видѣ, въ какомъ его предлагалъ императоръ, а такъ какъ Карль хотѣлъ употребить противъ нихъ силу, то они объединились въ видѣ Шмалькальденской лиги. Какъ разъ въ этотъ же моментъ императору угрожали турки, а въ лицѣ Франциска I онъ былъ почти увѣренъ встрѣтить союзника протестантовъ; при такихъ обстоятельствахъ императоръ принужденъ былъ, къ большой радости папы, отказаться на время отъ осуществленія своихъ плановъ.

Между тѣмъ нѣмецкіе князья, католическіе, пожалуй, еще больше чѣмъ протестантскіе, горячо желали примиренія обѣихъ религіозныхъ партій, конфликтъ которыхъ грозилъ разрушить самое существованіе ихъ родины. На Ратисбонскомъ сеймѣ въ 1532 г. оба противуположные лагеря соединились въ требованіи свободаго и безпристрастнаго собора и заявили, что, если таковой не будетъ созванъ, они потребуютъ національнаго собора. Такая перспектива была одинаково непріятна какъ императору, не хотѣвшему отказаться отъ своихъ притязаній на всемірное господство, такъ и папѣ, опасавшемуся, что на такомъ соборѣ будетъ окончательно рѣшено отдѣленіе Германіи не только отъ св. престола, но даже отъ самой католической церкви. Поэтому Карль снова сталъ убѣждать папу созвать на-

конецъ соборъ. Климентъ долго старался уклониться отъ этого непріятнаго и опаснаго для интересовъ Рима шага; наконецъ онъ согласился, но съ такими оговорками, которыя дѣлали его обѣщаніе весьма призрачнымъ. По совѣту кардинала Фарнезе, ставшаго вскорѣ папой подъ именемъ Павла III, котораго французскій дипломатъ непочтительно называлъ «старыя лисьи мозги», Климентъ поставилъ условіемъ предварительное соглашеніе дипломатическимъ путемъ всѣхъ европейскихъ державъ касательно порядка вопросовъ и обсужденія ихъ на соборѣ. Этимъ способомъ онъ надѣялся избѣжать національныхъ собраній и, по меньшей мѣрѣ, породить столько затрудненій, что общій соборъ никогда не собрался-бы. Между тѣмъ кардинальская коллегія оказалась болѣе ревниво оберегающей интересы церкви, чѣмъ Климентъ VII, и по смерти этого папы Павелъ III получилъ тиару только цѣною обѣщанія какъ можно скорѣе созвать собраніе, столь долго ожидавшееся и столь желанное. 12 іюня 1536 г. Павелъ III издалъ буллу, созывающую на май мѣсяць будущаго года вселенскій соборъ въ Мантую. Но въ этотъ самый годъ снова вспыхнула война между императоромъ и Франціей, и созваніе собора оказалось невозможнымъ. Очевидно какой то фатумъ преслѣдовалъ это дѣло, осуществленіе котораго такъ горячо желали Карлъ и всѣ умѣренныя и добросовѣстные католики!

Характерной чертой ума Карла пятаго была

замѣчательная твердость, чтобъ не сказать упрямство, въ его рѣшеніяхъ. Поставивъ разъ какуюнибудь цѣль своей политикѣ, онъ уже постоянно возвращался къ ней и никакая неудача, никакое разочарованіе не могли заставить его измѣнить своимъ планамъ. Онъ особенно стоялъ за соборъ, ибо хотѣлъ посредствомъ этого верховнаго собранія явиться истиннымъ вождемъ христіанства, истиннымъ императоромъ, покровителемъ церкви и поэтому ея господиномъ и управителемъ. Онъ хотѣлъ на этомъ соборѣ доставить торжество своимъ религіознымъ идеямъ, католическимъ, но примирительнымъ и реформаторскимъ, и заставить принять ихъ весь христіанскій міръ, который онъ объединилъ бы такимъ образомъ подъ своей верховной властью: честолюбивая и гордая мысль, ставившая его въ противорѣчіе съ тремя одинаково могущественными соперниками—съ папой Павломъ III, съ этимъ «*лисыимъ умомъ*», не отступавшимъ ни передъ какой интригой лишь бы не уступить императору перваго мѣста среди христіанства; съ протестантами, ничуть не склонными снова подчиниться католицизму, хотя-бы 'и умѣренному, и наконецъ съ иностранными державами, особенно съ Франціей, нетерпѣливо жаждавшей высвободиться изъ подъ австрійскаго преобладанія.

Съ своей стороны папа пустилъ въ ходъ хитрость. Несмотря на всѣ свои заявленія о дѣйствительномъ желаніи собрать соборъ, въ сущ-

ности онъ ему противился: таково было, по крайней мѣрѣ, твердое убѣжденіе его интимнаго круга ¹.

Когда третья война между Карломъ V и Францискомъ I закончилась миромъ въ Ниццѣ, Павель III снова созвалъ соборъ на 1-е мая 1538 года въ Виченцу; затѣмъ, воспользовавшись сопротивленіемъ протестантовъ этой идеѣ и новыми раздорами, возникшими между монархами Франціи и Испаніи, онъ опять отложилъ это собраніе сперва на нѣкоторый срокъ, а потомъ на неопредѣленное время. Онъ нисколько не скрывалъ, что онъ больше всего боялся честолюбія императора. Когда въ Римѣ распространился слухъ о смерти послѣдняго, всѣ открыто выражали желаніе, чтобъ этотъ слухъ подтвердился ¹. Однако, опасности, угрожавшія самому существованію католицизма, настолько увеличились, что папа, сохраняя свою антипатію къ императору, все же началъ мѣнять свой взглядъ относительно собора. Въ Германіи протестантизмъ дѣлалъ быстрые успѣхи: ежегодно новые князья, новые имперскіе города принимали новую религію. Англія окончательно отдѣлилась отъ Рима. Скандинавія цѣликомъ стала лютеранскою. Въ Италіи и во Франціи, несмотря на всѣ преслѣдованія, лютеранскія и кальвинистскія идеи пріобрѣтали все большее число послѣдователей.

¹ *Relazione di Antonio Suriano*; Albéri, серія II, т. III, стр. 314.

¹ Ribier, *Mémoires d'Etat*, I, 557.

Умнѣйшіе изъ римскихъ прелатовъ, какъ напри-
мѣръ нунцій въ Германіи, Мороне, начиная съ 1536
г., въ виду опасности окончательной гибели като-
лицизма, настойчиво совѣтывалъ созвать соборъ ¹.
Мороне осмѣлился сказать, что, даже исключивъ
вопросъ объ еретикахъ, все-же необходимо со-
звать соборъ для того, чтобы уничтожить много-
численные злоупотребленія всѣхъ слоевъ духо-
венства и чтобы возобновить искаженную рели-
гію. Кардиналь Садолетъ полагалъ, что если на-
дежда на созваніе собора исчезнетъ, то всѣ вра-
ги церкви воспрянутъ и ободрятся духомъ ².
Это-же мнѣніе раздѣлялось и наиболѣе предан-
ными и искренними католиками Германіи. Нѣ-
мецкіе епископы при всякомъ случаѣ настаивали
на необходимости подобнаго собранія ³. Во вре-
мя свиданія между императоромъ и папой
въ Луккѣ, въ 1541 г., Карлу удалось, наконецъ,
склонить Павла III къ созванію собора. 22 мая
1542 г. папа созвалъ Триентскій соборъ на
ноябрь мѣсяць того-же года; въ это время
Карль V и Францискъ I дѣятельно готовились

¹ См. между прочимъ, письма Мороне къ Павлу III
отъ 26 дек. 1536 г., къ Дуранте де Дуранти отъ 6 іюля
1539, къ кардиналу де-Санта-Фіоре отъ 18 апр. 1540 г.;
L a e m m e r, *Monimenta Vaticana*, стр. 180—256.

² Письма Садолета къ унсальскому архіепископу;
дек. 1538 г.; *Opera Sadoleti*, т. I, 247.

³ Письмо Кохлея къ Контарини отъ 1-го іюля 1537.
D i t t r i c h, *Regesten und Briefe Contarini's* (Braunsberg,
1881) стр. 116.—Контарини къ Фарнезе, отъ 18 іюня, и
19 іюля 1541; *ibid.*, стр. 216, 337.

къ четвертой войнѣ. Городъ, назначенный папой для собора, былъ новой уступкой Павла III императору. Нѣмцы всегда хотѣли, чтобы это собраніе было въ ихъ странѣ, такъ какъ необходимость главнымъ образомъ вызывалась состояніемъ ихъ націи; нѣмецкимъ епископамъ и теологамъ обѣихъ партій было-бы тогда легче съѣхаться и отцы собора могли бы лучше и съ большимъ знаніемъ дѣла разсудить жалобы и пожеланія германской націи. Между тѣмъ папа и слушать не хотѣлъ о нѣмецкомъ городѣ: прежде всего потому, что онъ боялся, что вліяніе императора будетъ слишкомъ сильно въ собраніи, съѣхавшимся въ его собственныхъ владѣніяхъ, а во-вторыхъ и потому, что онъ не хотѣлъ дать возможность нѣмецкимъ еретикамъ численностью или даже оружіемъ заставить соборъ занять положеніе, враждебное св. престолу. Рѣшившись, наконецъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ опасностей, грозившихъ католицизму въ Германіи, созвать этотъ соборъ, папа выбралъ Тріентъ, городъ, принадлежавшій имперіи и находившійся подъ протекторатомъ короля Фердинанда, брата Карла V, но заселенный преимущественно итальянцами. Большинство католическихъ государствъ имперіи само указало на него папѣ. Такимъ образомъ Павелъ III надѣялся сдѣлать соборъ пріятнымъ нѣмцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться благорасположеніемъ императора, помощь котораго ему была необхо-

дима для того, чтобы довести дѣло до благополучнаго конца.

Издавая буллу, которой созывался соборъ, папа убѣждалъ христіанскихъ монарховъ примириться между собой. Его убѣжденія были тщетны: война вспыхнула еще разъ безпощаднѣе и ужаснѣе, чѣмъ когда либо, и это обстоятельство очень отразилось на соборѣ. Папа назначилъ своими легатами лицъ очень уважаемыхъ и настроенныхъ въ очень примирительномъ духѣ: кардиналовъ Поля и Мороне—обоихъ, подозрѣваемыхъ въ соглашеніи съ Лютеромъ по нѣкоторымъ вопросамъ вѣры, въ особенности въ ученіи объ Оправданіи. Пріѣхавъ въ Тріентъ, они нашли въ немъ лишь нѣсколькихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ прелатовъ, но ни одного француза и ни одного испанца, ибо императоръ желалъ, чтобы соборъ былъ отложенъ до заключенія мира между Германіей и Франціей. Тѣмъ не менѣе папа приказалъ торжественно открыть засѣданія и снова потребовалъ у всѣхъ европейскихъ монарховъ командированія туда прелатовъ. Но такъ какъ по прошествіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ легаты тщетно продолжали ожидать прибытія другихъ епископовъ, то Павлу III, буллою 6-го іюля 1543 года ¹ снова пришлось отложить соборъ

¹ A. von Druffel, *Kaiser Karl V und die römische Kurie* (Abhandlungen der Bair. Akad., historische Classe, т. XIII, 1877, стр. 145), не могъ меня убѣдить въ томъ, что созваніе собора въ 1543 было лишь новымъ притворствомъ со стороны папы. Мнѣ кажется, что этотъ

Дѣйствительно, въ это время императоръ былъ очень дурно настроенъ противъ Фарнезе, потому что послѣдніе не хотѣли помогать ему противъ франко-турецкаго союза и старались создать всяческія затрудненія Карлу V, который, по ихъ мнѣнію, недостаточно заботился о славѣ ихъ дома. Поэтому онъ сталъ искать у протестантовъ ту помощь, въ которой ему отказывалъ папа. Очевидно за эту помощь Карлъ долженъ былъ такъ или иначе заплатить и онъ сдѣлалъ это въ наименѣе разорительной для себя формѣ: въ видѣ обѣщаній. Онъ обязался въ Шпейерѣ (1544) добиться созванія «общаго собора, свободнаго и христіанскаго», т. е. безъ папскаго вліянія; въ случаѣ же если бы это ему не удалось, онъ заявилъ свою готовность упорядочить религіозныя дѣла Германіи на имперскомъ сеймѣ, что, безъ сомнѣнія, привело-бы къ расколу. Уже при нѣмецкихъ дворахъ рассказывалось, что императоръ сдѣлался лютераниномъ¹. Что-же касается до папскаго двора, то тамъ особенно опасались, что императоръ созоветъ соборъ безъ папы и противъ папы. Побѣды, одержанные Карломъ надъ французами, дѣлали правдоподобнымъ объединеніе почти всѣхъ націй въ такомъ соборѣ,

почтенный и добросовѣстный писатель немного через чуръ полагается на рассказы имперскихъ государственныхъ людей, въ то время весьма раздраженныхъ противъ всѣхъ Фарнезе и готовыхъ видѣть во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ дьявольскія хитрости.

¹ Von Druffel, Abhandl., т. XIII, стр. 172.

который, действительно, ознаменовалъ бы собою конецъ папскаго могущества. Страхъ въ Римѣ былъ не малъ, когда туда пришли вѣсти объ этихъ переговорахъ, которые вызвали сильное раздраженіе папы. Къ несчастью для него, папа не имѣлъ ни малѣйшей возможности заставить Карла раскаяться въ тѣхъ уступкахъ, которыя онъ сдѣлалъ протестантамъ, ибо 14 сентября 1544 года императоръ подписалъ мирный договоръ съ Франціей, — выгодный для него и обезпечивавшій ему помощь этой страны во всѣхъ его политическихъ предпріятіяхъ. При такихъ обстоятельствахъ Павель счелъ нужнымъ скорѣе завоевать благосклонность императора, чѣмъ оказывать ему сопротивленіе. Поэтому онъ послалъ въ Германію кардинала Александро Фарнезе, которому и удалось снова попасть въ милость всемогущаго монарха, обѣщавъ, что святой отецъ будетъ угождать ему, въ дѣлахъ собора и всѣми силами поможетъ подчинить протестантовъ, «даже если это понадобится продать тиару».

Такимъ образомъ миръ между двумя вождями христіанскаго міра былъ восстановленъ, и восстановленъ главнымъ образомъ для того, чтобы спасти католическую религію, которой грозила полная гибель, и чтобы бороться съ ересью, требованіямъ которой Карлъ подчинился съ большимъ отвращеніемъ. Это соглашеніе оказалось фатальнымъ для духа, долженствовавшаго руководить преніями собора. Если-бы императоръ

остался въ добрыхъ отношеніяхъ съ протестантами, если-бы онъ сохранилъ свое враждебное положеніе по отношенію къ папѣ, собраніе быть можетъ и попыталось-бы пойти на примиреніе между католиками и протестантами за счетъ папства. Но съ того момента, какъ императоръ возвращался къ своей естественной склонности искать скорѣе союза съ папой и соглашенія съ нимъ для того, чтобы до крайности преслѣдовать протестантовъ,—путь, по которому направлялись всѣ соборныя пренія, оказывался намѣченнымъ въ совсѣмъ иномъ направленіи. Несомнѣнно, что отнынѣ соборъ встанетъ на точку зрѣнія исключительнаго и традиціоннаго католицизма; а исходя изъ него, хотя и можно было реформировать церковь, освободить ее отъ многихъ злоупотребленій, вернуть ей убѣжденность и религіозность, но нельзя было достигнуть мира съ лютеранами, съ «*les desviados*», съ заблудшими, какъ обыкновенно называлъ ихъ самъ Карлъ.

Цѣль, поставленная Карломъ собору, заключалась главнымъ образомъ въ излѣченіи внутреннихъ недуговъ, отъ которыхъ страдала католическая церковь. Это казалось ему дѣломъ гораздо важнѣйшимъ, чѣмъ новое провозглашеніе догматовъ, что могло раньше времени раздражить протестантовъ. Весь испанскій епископатъ вполне раздѣлялъ эту точку зрѣнія и приготовился защищать ее съ большою энергіей въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, явившихся въ Тріентъ, куда 17 сент. 1544 г. Павелъ III

созвалъ еще разъ всѣхъ епископовъ міра на 14 марта 1545 г. Равнымъ образомъ онъ пригласилъ и всѣхъ христіанскихъ монарховъ лично присутствовать на соборѣ или, по меньшей мѣрѣ, прислать туда своихъ представителей, и кромѣ того убѣждалъ ихъ привести въ исполненіе все то, что будетъ рѣшено относительно еретиковъ.

Городъ Триентъ, ставшій, благодаря всѣмъ этимъ событіямъ, на нѣсколько лѣтъ центромъ религіозной жизни Европы и точкой, на которую были устремлены взоры всѣхъ христіанскихъ націй, расположенъ въ широкой и плодородной долинѣ, перерѣзанной р. Эчомъ и окруженной высокими горами. Преобладающій въ ней итальянскій климатъ умѣряется свѣжимъ альпійскимъ воздухомъ. Ея залитыя солнцемъ поля, покрытыя кукурузой, виноградники, оливковыя рощи и каштановыя плантаціи образуютъ великолѣпный контрастъ съ отвѣсными вершинами горъ, сверкающихъ большую часть года снѣгомъ. Въ то время въ городѣ насчитывалось 1,050 домовъ и около 10.000 жителей¹. Часть населенія состояла изъ нѣмцевъ, нынѣ совершенно тамъ исчезнувшихъ; они отличались отъ итальянцевъ столько же своимъ костюмомъ и національными нравами, сколько и языкомъ, и жили въ особыхъ кварталахъ. Въ Триентѣ

¹ *Дневникъ Массарелли* у Döllinger, Ungedruckte Berichte und Tagebücher zur Geschichte des Concils von Trient (Noerdlingen, 1876). I, стр. 6.

было довольно много красивыхъ дворцовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялся великолѣпный дворецъ епископа Буонъ-Консильо, а изъ церквей— епископскій соборъ, построенный въ романскомъ стилѣ. Кромѣ него замѣчательна церковь Санта Марія Маджора, цѣликомъ сложенная изъ розоваго мрамора; она предназначалась для засѣданій собора. Въ ней до сихъ поръ видны многочисленные портреты прелатовъ, присутствовавшихъ на этомъ собраніи.

Номинальнымъ государемъ страны былъ епископъ, но онъ зависѣлъ отъ дома Габсбурговъ, не только въ качествѣ его имперскаго князя, но и потому еще, что графъ Тирольскій имѣлъ многочисленныя политическія права надъ городомъ, а между тѣмъ этимъ графомъ Тирольскимъ въ то время былъ Фердинандъ, младшій братъ Карла пятого, король Римскій, Богемскій и Венгерскій.

Въ 1545 г. княземъ-епископомъ тріентскимъ былъ Кристофъ, баронъ де-Мадруццо. Онъ былъ сыномъ одного изъ важнѣйшихъ генераловъ императора, самъ преданный слуга австрійскаго дома, благодаря которому въ 19 лѣтъ онъ уже былъ епископомъ тріентскимъ и бриксенскимъ, а 35 лѣтъ, незадолго до того момента, о которомъ идетъ рѣчь,—кардиналомъ святой церкви.

Павлу III было-бы выгодно лично присутствовать на засѣданіяхъ собора. Его присутствіе увеличило-бы его блескъ и авторитетность, и онъ могъ бы непосредственно предписывать свои же-

ланія собравшимся отцамъ, но онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы предпринять трудное и длинное путешествіе изъ Рима въ Тріентъ и испытать суровость зимы у подножія Альпъ: будучи восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ врядъ-ли выдержалъ-бы такое утомленіе. Къ тому-же Павлу вовсе не хотѣлось видѣть себя лично включеннымъ въ борьбу партій, подвергаться, быть можетъ, прямымъ нападеніямъ и горькимъ упрекамъ, которые, вѣроятно, поднимутся противъ римской куріи. Будучи отцомъ нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ онъ открыто признавалъ сына и дочь, его совѣсть врядъ-ли могла бы остаться спокойной въ присутствіи суровыхъ и воздержанныхъ испанскихъ епископовъ. Онъ предпочиталъ держаться вдали, какъ власть судящая и рѣшающая въ послѣдней инстанціи, предпочиталъ наглядно отдѣлить папство и въ извѣстномъ смыслѣ поставить его выше собора и его преній. вмѣсто себя онъ назначилъ трехъ кардиналовъ, долженствовавшихъ, въ качествѣ апостолическихъ легатовъ, руководить дебатами собора. Первымъ изъ этихъ президентовъ былъ кардиналъ Іоаннъ Марія де Монте человекъ низкаго происхожденія и неспособный; онъ не былъ лишенъ учености, но обладалъ нетерпѣливымъ, холерическимъ темпераментомъ и дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Другой легать, гораздо болѣе искусный и болѣе достойный своего назначенія, былъ Марчелло Червино, кардиналъ Санта-Кроче, весьма уважаемый за свое благочестіе и за

религіозное рвеніе. Онъ былъ учителемъ молодыхъ Фарнезе, внуковъ папы, и закадычный другъ кардинада Караффы, главы партіи сторонниковъ реформы, но реформы католической, папской и нетерпимой. Въ 1540 году эта партія хотѣла послать его вмѣсто Контарини, сочтеннаго слишкомъ умѣреннымъ, на официальное совѣщаніе въ Ратисбоннѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Червино желалъ дѣйствительной реформы, но въ смыслѣ строгой іерархіи, всемогущества святого престола и уничтоженія еретиковъ. Несмотря на всю строгость своихъ нравовъ, онъ былъ готовъ (въ качествѣ истиннаго итальянца) для достиженія своей цѣли пустить въ ходъ всѣ средства дипломатіи: какъ онъ самъ говорилъ, онъ хотѣлъ добиться своего ловко скомбинированными вознагражденіями и давленіемъ ¹. Третій легать былъ назначенъ для того, чтобы дать видимость удовлетворенія партіи примирительной. Это былъ кардиналъ Реджинальдъ Поль, англичанинъ королевской крови, изгнанный изъ Англіи королемъ Генрихомъ VIII за свою вѣрность римской церкви. Одаренный обширнымъ умомъ и богатыми познаніями, онъ желалъ, подобно своему другу Контарини, найти какіе нибудь средніе пути для того, чтобы сдѣлать возможнымъ примиреніе съ протестантами. Къ несчастью, сила его характера была гораздо меньше, чѣмъ его умственные способности. Къ тому-же, все было такъ устроено, что значеніе Поля было заранѣ

¹ Quirini, *Epistoli Poli*, т. IV, стр. 302.

уничтожено. Всѣ три легата должны были совместно руководить трудами собора; въ сущности же они должны были быть лишь слѣпыми орудіями въ рукахъ папы, который снабжалъ ихъ детальнѣйшими инструкціями и оставлялъ за собою окончательное рѣшеніе всѣхъ значительныхъ дѣлъ.

13 марта 1545 г. состоялся торжественный въѣздъ легатовъ въ Триентъ, но открытіе засѣданій собора въ день, назначенный папой, оказалось невыполнимымъ. Въ тѣ времена, когда пути сообщенія были такъ трудны, никто не любилъ торопиться. Къ тому-же епископы были принуждены обращаться за денежными средствами, необходимыми для путешествія и для пребыванія въ Триентѣ, къ своему-же духовенству¹. Поэтому прелаты съѣзжались лишь очень медленно и по одиночкѣ. 14 марта, день назначенный для открытія собора, въ Триентѣ находились только легаты, кардиналъ Мадруццо и епископъ фельтрскій¹. Къ концу лѣта ихъ собралось не больше тридцати. Въ то-же время крупныя событія дѣлали вопросомъ самое существованіе собора.

Протестанты никакъ не могли подчиниться этому собранію. Они хотѣли и просили вполнѣ

¹ Примѣръ тѣхъ многочисленныхъ формальностей и хлопотъ, какія нужны были въ такихъ случаяхъ, данъ епископомъ камбрейскимъ; *Le Plat*, III *passim*.

² *Raunaldi, Annales ecclesiastici*, XXI, т. I (Кельнъ, 1727). стр. 236, n° 4.

свободнаго собора, на которомъ-бы протестантскіе теологи были бы одинаково многочисленны, какъ и католическіе епископы, а папа не только не имѣлъ бы руководящей и предсѣдательствующей власти, но являлся бы только стороной и притомъ стороной обвиняемой, и на которомъ-бы ничего не было предрѣшено заранѣе, а все было-бы представлено рѣшенію большинства. Такой соборъ имъ обѣщаль императоръ лѣтомъ 1544 г. Но чего могли они ожидать отъ собранія, составленнаго исключительно изъ ихъ противниковъ, направляемаго властью, которая была ихъ смертельнымъ врагомъ?—Конечно только осужденія ихъ ученія и ихъ самихъ ¹. Очевидно, пока ихъ голосъ еще могъ выражать протестъ и ихъ руки были достаточно сильны, чтобы держать мечъ, они должны были обороняться отъ такого собора. Послѣдній угрожалъ имъ даже непосредственно, такъ какъ религіозный миръ имъ былъ дарованъ только до всеобщаго собора. Не воспользуются-ли ихъ противники Триентскимъ собраніемъ для того, чтобы объявить всѣ уступки недѣйствительными и лютеранство внѣ закона? Ввиду всего этого протестанты обратились къ императору съ просьбой гарантировать ихъ права и подтвердить договоры, не принимая во вниманіе соборъ. Императоръ отказалъ ². И этотъ

¹ См. письмо *Слейдана* къ *Штурму*, 4 апр. 1545. Baumgarten, *Sleidan's Briefwechsel* (Strasburg, 1881) стр. 40 и слѣд..

² Ranke, *Werke*, т. IV, стр. 259.

отказъ былъ тѣмъ знаменательнѣе, что въ то-же самое время Карлъ удвоилъ суровость противъ нидерландскихъ лютеранъ, а Францискъ I избилъ тысячи несчастныхъ Вальденцевъ. «Такъ вотъ что они называютъ реформаціей церкви и вотъ что служитъ основаніемъ ихъ собора», горестно восклицаетъ протестантскій историкъ Слейданъ ¹.

Соборъ, отъ котораго ждали объединенія и мира, становился очагомъ раздоровъ и войны.

Однако и самъ Карлъ былъ недоволенъ организаціей собора. Также какъ и протестанты, онъ не хотѣлъ его видѣть слѣпо подчиняющимся римской диктатурѣ. По его мнѣнію, соборъ, стоящій выше папы, какъ то было объявлено отцами Констанца и Базеля, долженъ былъ главнымъ образомъ заняться вопросомъ о злоупотребленіяхъ Рима и въ Римѣ. Онъ не только не долженъ былъ укрѣплять папское могущество, но, напротивъ, долженъ былъ уменьшить его въ пользу національной и епископской независимости, въ пользу вліянія государей. Онъ, императоръ, былъ главнымъ образомъ призванъ въ своемъ качествѣ защитника церкви и своимъ законнымъ вліяніемъ на собравшихся прелатовъ вернуть ее къ ея первоначальной чистотѣ. Его посланникъ въ Римѣ говорилъ вполне ясно: соборъ долженъ начать съ реформы, а реформа должна начаться съ римской куріи ².

¹ Baumgarten, стр. 51.

² Кардиналь Отонъ Труссесъ къ кард. Фарнезе.

Итакъ, Карлъ пятый не слишкомъ то былъ расположенъ къ Триентскому собору въ томъ видѣ, какой ему придалъ хитрый Фарнезе. Напротивъ того, въ данный моментъ это собраніе было ему весьма непріятно. Хотя послѣ мира въ Креспи Карлъ выказывалъ гораздо меньше благожелательности къ протестантамъ, чѣмъ до этого событія, все-же онъ не былъ еще достаточно силенъ, а его денежныя и военныя средства, истощенныя тремя годами войны, не были настолько приведены въ порядокъ, чтобы снова немедленно вступить въ борьбу съ нѣмецкими еретиками. Онъ хотѣлъ держать ихъ въ неизвѣстности, пока ему не удастся собрать столько денегъ и солдатъ, что можно будетъ сбросить маску. Къ тому же въ 1545 году опасались какъ бы турки не вторглись снова въ Венгрію; а тогда, какъ устоять противъ нихъ императору безъ помощи нѣмецкихъ лютеранъ ¹? Поэтому императоръ хотѣлъ отложить всѣ тѣ споры и обсужденія собора, которые, безъ сомнѣнія, только раздразили-бы протестантовъ, и съ этой цѣлью онъ разрѣшилъ послѣднимъ еще разъ обсудить религіозный вопросъ на Вормскомъ Сеймѣ 1545 г., за которымъ должны были послѣдовать новыя дебаты между протестантскими и католическими бого-

отъ 22 марта 1545. Druffel, въ *Abhandlungen der histor. Klasse der Bair Acad.*, т. XXVI (1881), стр. 48 и слѣд.

¹ См. по этому вопросу документы, опубликованные Druffel'емъ *Monumenta Tridentina* (Мюнхенъ, 1884). вып. I, стр. 15—19—41.

словами. Правда, эти дебаты предназначались только для того, чтобы занять протестантовъ тщетными попытками примиренія. Въ силу этого Карлъ попросилъ папу снова отложить соборъ до тѣхъ поръ, пока не кончится имперскій сеймъ. Онъ заявилъ Павлу III, что ничего не хочетъ слышать о соборѣ, если папа не гарантируетъ ему достаточныя средства для успѣшнаго сопротивленія протестантскимъ нападеніямъ, которыя неминуемо послѣдуютъ за произнесеніемъ отцами собора осужденія лютеранства ¹.

Но папѣ и его сторонникамъ Вормскій сеймъ и дебаты казались нестерпимой и вредной конкуренціей собору, «вещью, противной божескимъ и человѣческимъ законамъ». Возможно-ли было предпочесть оффиціальному представительству церкви собраніе, въ большей своей части сформированное изъ мірянъ и въ которомъ еретики участвовали по праву? Это было равносильно сомнѣнію въ самыхъ принципахъ католицизма и казалось актомъ, враждебнымъ и папѣ, и собору. Несомнѣнно, что нѣмецкіе протестантскіе князья попытаются этимъ путемъ совершенно отдѣлать «славную германскую націю» отъ ортодоксальнаго міра. Даже многіе католики, казалось, предпочли-бы національный синодъ. Поэтому Павелъ неоднократно и съ большой настойчивостью просилъ императора отказаться отъ Вормскаго сейма и дебатовъ и передать всѣ религіозныя дѣла

¹ *Письмо кард. Фарнезе къ Павлу III, Вормсъ 22 мая 1545; Druffel, Abhandl., т. XVI, стр. 57.*

на разсмотрѣніе собора, коего власть пострадала бы отъ чрезмѣрныхъ ограниченій ¹.

Но все было напрасно: императоръ не желалъ еще обнаружить свои тайныя приготовленія противъ еретиковъ. Даже самъ кардиналь-легать, Александръ Фарнезе, не смотря на всѣ обѣщанія своего дѣда, папы Павла III, не смогъ отговорить Карла и его брата Фердинанда отъ Вормскаго сейма. Онъ былъ такъ раздраженъ этимъ, что немедленно покинулъ Германію и вернулся въ Римъ, чтобъ доложить своему дѣду про неслыханное упрямство Габсбурговъ ¹.

Неудивительно поэтому, что при такихъ условіяхъ тріентскіе легаты, незнакомые съ истинными намѣреніями императора, стали очень недовѣрчивы по отношенію къ нему. Они находились въ довольно непріятномъ положеніи. Шестъ мѣсяцевъ уже прожили они въ Тріентѣ почти въ полномъ одиночествѣ; съѣздъ собора становился весьма сомнительнымъ, а у нихъ не было ни выработаннаго плана, ни регламента, ни малѣйшей идеи объ объемѣ и направленіи дебатовъ, если таковыя когда нибудь произойдутъ на этомъ соборѣ. И какой стыдъ, что соборъ откладывался со дня на день изъ ува-

¹ *Павелъ III къ римскому королю* 12 марта 1545 г. Le Plat, т. III, стр. 261.—*Кард. Фарнезе къ кард. Трухсесу*, 3 апрѣля; Druffel, *Abhandlungen*, т. XVI, стр. 51.—*Нунцій Миньянелло къ кард. Фарнезе*, 4, 9, 13 апр.; Druffel, *Monimenta Tridentina*, т. I, стр. 35, 43, 51 и сл.

² Maurenbrecher, *Karl V und die deutsches Protestanten*, стр. 23.

женія къ протестантамъ, къ еретикамъ ¹! Легаты негодовали за такое жалкое положеніе на императора. Они поняли, что въ Тріентѣ, въ непосредственной сферѣ его могущества, они слишкомъ зависѣли отъ его воли. Развѣ онъ уже не пытался усилить насколько возможно «свою банду», повелѣвъ, собственной властью и къ большому посрамленію легатовъ, всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ среди испанскихъ и неаполитанскихъ епископовъ, явиться на соборъ? Поэтому кардиналы боялись прежде всего императорскаго вліянія на будущее собраніе, а потому и посовѣтовали перенести соборъ въ какой нибудь папскій городъ — въ Римъ или въ Болонью; въ противномъ случаѣ они окажутся пойманными, какъ птицы въ клѣткѣ, и будутъ вынуждены либо дать измучить себя на смерть, либо перевести себя на нѣмецкую землю ². И въ самомъ дѣлѣ, императоръ обратился къ легатамъ черезъ посредство кардината тріентскаго съ просьбой перенести соборъ въ настоящій нѣмецкій городъ ³; онъ сдѣлалъ это быть можетъ съ серьезнымъ намѣреніемъ, а быть можетъ только для того, чтобы заручиться расположеніемъ лю-

¹ *Легаты къ кард. Фарнезе*, 26 мая 1545; Druffel, *Abhandl.*, т. XVI, стр. 59 и слѣд.

² Massarelli (Döllinger, *Zur Geschichte des Consils von Trident*), I, 101, 116 и слѣд.—Письмо легатовъ отъ 19 1545 г. цитировано Mendham'омъ въ *Memoirs of the Council of Trent*, стр. 27.

³ *Легаты къ кард. Фарнезе*, 7 авг. 1545; Quirini, *Epistolae Reginaldi Poli*, т. IV (Brescia, 1752), стр. 276 и слѣд.

теранъ, или просто обмануть ихъ. Но какъ бы то ни было, осуществленіе этой просьбы съ точки зрѣнія римской курии отдавало Церковь въ руки лютеранъ. «Мы воспротивимся, писали легаты кардиналу-племяннику Фарнезе, всякому перенесенію собора въ Германію, подъ какимъ-бы видомъ это ни дѣлалось, даже если-бы намъ давали по сту залоговъ и по сту ручательствъ въ безопасности ¹». Въ пользу-же перенесенія собора въ одинъ изъ итальянскихъ городовъ у нихъ былъ удобный предлогъ: неудобство путей сообщенія между Германіей и Италіей и недостатокъ продовольствія въ первой. Поэтому папа поспѣшилъ предложить императору временно отсрочить соборъ и затѣмъ снова открыть его въ какомъ-нибудь итальянскомъ городѣ, быть можетъ даже въ самомъ Римѣ... ². Здѣсь, подъ непосредственнымъ давленіемъ папскаго двора, пренія собора ужъ не могли угрожать могуществу и доходамъ св. престола! Павелъ III тайно снабдилъ своихъ легатовъ широкими полномочіями, разрѣшивъ имъ перенести соборъ, если они признаютъ это нужнымъ, въ любой изъ городовъ.

Императоръ испугался этихъ происковъ римскаго двора. Перенесеніе собора въ какой-нибудь итальянскій городъ имѣло бы для него самыя гибельныя послѣдствія. Этотъ фактъ не только погубилъ бы всю его политику умѣренныхъ ре-

¹ 20 іюля 1545; D r u f f e l, Abhandl. т. XVI. стр. 79.

² Инструкція, данная монсиньору Беккателло; Quirini, т. IV, стр. 281.

формъ, но онъ вызвалъ бы кромѣ того немедленную вражду со стороны нѣмецкихъ протестантовъ, которые сочли бы себя обманутыми императоромъ, дѣйствующимъ за одно съ папой. Даже сами католическіе князья имперіи никогда не одобрили-бы подобной мѣры. Поэтому Карлъ энергично отказалъ въ своемъ согласіи, поставивъ на видъ, что нѣмцы никогда не согласятся ни на какой другой соборъ, кромѣ такого, который будетъ происходить на почвѣ имперіи. Съ другой стороны Карлу казалось, что онъ долженъ былъ быть полюбезнѣе съ папой и доказать ему, что онъ принимаетъ соборъ въ серьезъ. Къ тому-же Вормскій сеймъ приближался къ концу и предварительныя приготовленія къ собору не помѣшали работамъ (вполнѣ, впрочемъ, безплоднымъ) нѣмецкихъ князей ¹. Поэтому Карлъ извѣстилъ Павла III, что всѣ переговоры сеймовъ по поводу религіозныхъ вопросовъ имѣли цѣлью лишь обмануть еретиковъ и отвлечь ихъ вниманіе до окончанія имъ его военныхъ приготовленій ². Онъ дѣйствительно отказался не только отъ оттягиванія засѣданій собора, но также и отъ всѣхъ своихъ прежнихъ требованій, касавшихся распредѣленія занятій собранія. Онъ просилъ у папы лишь одного: возможно скорѣйшаго открытія засѣданій (октябрь 1545) ³.

¹ Druffel, Abhandl., стр. 32.

² Maugenhocher, стр. 57.

³ Императорская инструкція, данная Іоанну де Вега; L. Maunier, *Etudes historiques sur le Consile de Trente*, t. I. (Paris, 1874). p. 192, note I.—Massarelli.

Эти уступки императора были для папы настоящей побѣдой. Онъ и воспользовался ими съ присущимъ куріи искусствомъ для того, чтобы направить дѣятельность собора согласно собственнымъ желаніямъ. Свѣтскіе князья, епископы и всѣ вѣрные сыны церкви, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, ждали отъ собора прежде всего радикальной реформы всей церкви, начиная съ ея главы, и потому требовали главнымъ образомъ исправленія тѣхъ многочисленныхъ злоупотребленій, отъ которыхъ она страдала. Но цѣль римскаго двора была какъ разъ обратная. Онъ не хотѣлъ дать собравшимся прелатамъ ни малѣйшей власти надъ св. престоломъ. Онъ не хотѣлъ допустить разрушенія всей той массы предразсудковъ, во имя которыхъ папы въ теченіи многихъ вѣковъ грабили епископства, монастыри и цѣлыя націи. Римъ ждалъ отъ собора новаго и торжественнаго провозглашенія католическихъ догматовъ, которое явится осужденіемъ протестантовъ представителями всего христіанскаго міра. Достигнувъ этого результата, папа предполагалъ распустить соборъ и оставить реформу церкви за собою, какъ за верховнымъ судьей во всѣхъ церковныхъ вопросахъ. Въ этомъ смыслѣ Павелъ III и далъ инструкціи своимъ легатамъ: «Что-же касается до реформы, то этого вопроса не должно подымать ни вмѣстѣ съ вопросомъ о догматахъ, ни послѣ нихъ, ни въ какомъ видѣ, ибо это есть лишь второстепенный и наименѣе значительный поводъ созыва собора. Но вы

должны дѣйствовать во всемъ этомъ дѣлѣ съ наипосторожнѣйшимъ искусствомъ ¹». Кромѣ того инструкція, вопреки всѣмъ раньше бывшимъ примѣрамъ, предписывала составлять всѣ документы исключительно отъ имени св. престола и легатовъ.

Характеризуя реформу, какъ вопросъ второстепенной важности, и ставя соборъ въ полную зависимость отъ св. престола, папа, съ самаго начала, пошелъ наперекоръ желаніемъ императора и всѣхъ *ультрамонтанскихъ* націй, какъ тогда называли въ Италіи всѣхъ, живущихъ по ту сторону Альпъ. Поэтому протестанты были вполне правы, когда отказались послать кого-бы то ни было въ качествѣ уполномоченнаго на соборъ, «ибо, говорилъ одинъ изъ нихъ ¹, на немъ присутствуютъ лишь тѣ, кто связанъ съ папой клятвой, и въ него не желаютъ допускать мірянъ съ правомъ голоса, такъ что все, что тамъ рѣшится, будетъ лишь пріятное папѣ. Какимъ же образомъ можетъ совершиться полезная реформа, если ее должны рѣшать именно тѣ, кто наименѣе въ ней нуждается и кто извлекаетъ наибольшія выгоды отъ ея отсутствія?»

¹ Le Plat, т. III, 295.

² Письмо ландграфа Гессенскаго къ императору 28 марта 1546; Druffel, *Briefe und Akten zur Geschichte des XVI Jahrhundert*, III, стр. 5.

ГЛАВА II.

Первый Триентскій соборъ.

Первоначальная малочисленность Триентскаго собора.— Старанія куріи уменьшить значеніе собора.— Поименное голосованіе обезпечиваетъ побѣду за итальянцами.— Право голоса.— Роль испанцевъ въ Триентѣ.— Ихъ борьба противъ легатовъ и папской партіи.— Три комиссіи.— Библия и Вульгата.— Римскій дворъ не одобряетъ значенія, приданнаго Вульгатѣ соборомъ.— Распредѣленіе проповѣди между епископами и монахами.— Пренія по поводу первороднаго грѣха.— Ученіе объ Оправданіи.— Угрожающее нападеніе шмалькальденскихъ союзниковъ.— Страстное столкновеніе легатовъ со сторонниками императора.— Новая намѣренія перенести соборъ въ папскій городъ.— Вопросъ объ Оправданіи рѣшается наперекоръ мнѣніямъ протестантовъ.— Важность этого рѣшенія.— Побѣда папской партіи и въ вопросѣ о мѣстопробываніи епископовъ.— Военные успѣхи императора противъ протестантовъ.— Павелъ III завидуетъ успѣхамъ Карла V и потому отдаляется отъ него.— Онъ рѣшаетъ перенести соборъ въ Болонью и его поддерживаетъ въ этомъ большинство собранія.

Полагая, что ему нечего больше опасаться собора, и желая сдѣлать угодное императору, съ которымъ онъ хотѣлъ заключить лигу противъ протестантовъ, папа окончательно отвергъ просьбу легатовъ перенести собраніе въ одинъ изъ итальянскихъ городовъ и приказалъ, чтобы торжественное открытіе собора состоялось 13 декабря 1545 г. Для того, чтобы доказать, какъ

серьезно онъ интересовался имъ, онъ предписалъ сорока епископамъ, находившимся тогда въ Римѣ, отправиться въ Тріентъ ¹. Однако, этотъ приказъ былъ исполненъ лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Это великое событіе (открытие собора) освободило всѣхъ благомыслящихъ католиковъ отъ тяжелаго гнета, какъ говорилъ кардиналъ Польш ². Они смотрѣли, какъ на позоръ, на постоянное откладываніе собора, который въ теченіи шести мѣсяцевъ прозябалъ, борясь между жизнью и смертью. Церковь, казалось, стала безплодной и безсильной ³; теперь же, они надѣялись, наступятъ лучшія и болѣе счастливыя времена.

Но пока соборъ не представлялъ особенно почетнаго вида и нисколько не походилъ на представительство всемірной церкви. Многіе изъ епископовъ, пріѣхавшіе своевременно въ Тріентъ, тщетно прождавъ втеченіи многихъ мѣсяцевъ своихъ не появляющихся коллегъ, снова покинули его. Ко дню торжественнаго открытія собора въ городѣ находились только четыре кар-

¹ Письмо епископа люсерскаго къ кардиналу Червино, 22 нояб. 1545 г.; Baluze-Mansi, т. III, стр. 493.—Послани Павла III къ кард. Трани, R a y n a l d i, ad an. 1545, nr 29.

² Польш къ Павлу III: Quirini, т. IV, 34 s.

³ 26 іюля 1545 г. легаты писали кардиналу Фарнезе: *Quelli che non sono infetti d'heresia gridano e chiamano il concilio, benchè nessuno puc oredere nè si vol lassar persuader che si habbia mai da celebrare; il che resulta tutto à carica della conscientia et honore di sua Santità et della sede Apostolica.* (Druffel, Abhandl., т. XVI).

динала, четыре архіепископа, двадцать одинъ епископъ и пять генераловъ монашескихъ орденовъ! Изъ нихъ было два француза, пять испанцевъ и ни одинаго нѣмца, за исключеніемъ Мадруццо. Швеція, Англія и Шотландія, страны уже болѣе или менѣе потеряанныя для церкви, были представлены на соборѣ только епископами *in partibus*. Не пріѣхало ни одного аббата, а изъ свѣтскихъ властителей только императоръ и король Фердинандъ прислали отъ себя *ораторовъ* ¹.

При этихъ условіяхъ надежда на успѣхъ быстро начала падать, въ особенности ввиду того, что папа доказывалъ на каждомъ шагу, что несмотря на то видимое участіе, которое онъ будто-бы принималъ въ собраніи, въ сущности онъ не хотѣлъ относиться къ нему съ подобающимъ вниманіемъ. Едва открылся соборъ, какъ Павелъ III захотѣлъ показать, что онъ ему вовсе не подчиненъ; что, говоря его собственными словами, онъ самъ можетъ назначать кардиналовъ и вообще дѣлать, что ему вздумается, не спрашивая ни одинаго смертнаго. Обычай требовалъ, чтобы во время собора не назначалось новыхъ кардиналовъ, а особливо изъ членовъ собранія; между тѣмъ папа назначилъ изъ нихъ четверо, изъ коихъ одинъ *Пашеко*, испанскій епископъ Хаэна, находился даже въ самомъ Триентѣ. Обычай требовалъ, чтобы въ священную коллегію не назначалось

¹ Протоколъ 1-й сессіи; Theiner, *Acta genuina consilii Tridentini*, I, стр. 27.

одновременно два брата,—Павель нарочно сдѣлалъ это для того, чтобы доказать, что «папская власть безгранична». Легать де-Монте пригласилъ Пачеко принять немедленно и не смущаясь знаки его новаго достоинства¹. Такимъ образомъ Римъ открыто бравировалъ всѣхъ, кто мечталъ о соглашеніи или даже о первенствѣ собора передъ папой.

Желаніе римской партіи съ самаго начала уменьшить авторитетъ собора, подчиняя его папѣ, проявилось равнымъ образомъ и въ той формѣ, которую придавали рѣшеніямъ собранія. Тѣ епископы, которые были на сторонѣ серьезной реформы, предложили дать собору титулъ «представителя вселенской церкви»,—*Ecclesiam universalem repraesentans*. Подобнаго рода названіе исключило бы, такъ сказать, папу изъ высшаго представительства христіанскаго міра: оно, по крайней мѣрѣ по формѣ, подчинило бы первосвященника собору. Но противъ этого предложенія рѣшительно возстали легаты (13 января 1546). Они стали утверждать, что такой титулъ совершенно излишенъ и что въ немъ заключался лишь вызовъ по адресу лютеранъ, не принимавшихъ никакого участія въ соборѣ; но истинный ихъ мотивъ, какъ они о томъ сами писали папѣ, сводился къ тому, что этотъ титулъ противорѣчилъ вселенской власти св. престола и воскрешалъ ненавистное воспо-

¹ D r u f f e l, т. III, стр. 256, прим. 18.

минаніе о Констанцскомъ и Базельскомъ соборахъ, присвоившихъ себѣ такое названіе ¹. Де Монте особенно отстаивалъ въ данномъ случаѣ интересъ папства. Говорили, что онъ дѣйствуетъ эгоистично, такъ какъ на основаніи астрологическихъ предсказаній былъ увѣренъ, что по смерти стараго Павла III тиара перейдетъ къ нему ².

Не довольствуясь поддержаніемъ престижа папскаго двора, легаты постарались также остаться распорядителями самаго собора, уничтожая вліяніе анти-римскихъ прелатовъ. Въ Констанцѣ и въ Базелѣ голоса собирались по націямъ для того, чтобы не предоставлять священнѣйшіе интересы христіанскаго міра рѣшенію случайнаго числа епископовъ, присутствующихъ отъ разныхъ странъ; въ Триентѣ легаты установили поименное голосованіе. Между тѣмъ извѣстно, что въ Италіи имѣется нѣсколько сотенъ епархій, часто совершенно ничтожныхъ, тогда какъ другія католическія націи имѣютъ относительно лишь весьма небольшое число, но обширныхъ діоцезовъ. Однако рангъ итальянскаго епископа, управляющаго пятью—шестью тысячами душъ, былъ совершенно равенъ рангу французскаго, нѣмецкаго или испанскаго епископа, руководившаго по крайней мѣрѣ 150.000 или 200.000 вѣрующихъ, а потому поименное голосованіе всегда обезпечивало побѣду за итальян-

¹ Письмо легатовъ 5-го янв. 1546; Mendham, стр. 38.

² *Laurentius Pratanus, Epilogus rerum in synodo Tridentino gestarum*; Le Plat, VII, II, стр. 8.

янцами, вѣрными сателлитами папы, съ которымъ они были связаны общностью расы, языка, многочисленныхъ интересовъ, и который избиралъ изъ ихъ среды архіепископовъ, апостолическихъ нунціевъ и кардиналовъ. Вся будущность этихъ маленькихъ прелатовъ зависѣла отъ доброй воли св. престола. Къ тому же большинство изъ нихъ было связано съ папой клятвой, обязывавшей ихъ, подъ страхомъ клятвопреступничества, къ полному повиновенію первосвященнику. «Я обязуюсь сохранять, защищать, содѣйствовать и увеличивать права, почести, привилегіи и авторитетъ святой римской церкви и господина нашего папы и не принимать никакого участія въ какихъ-бы то ни было обсужденіяхъ, дѣйствіяхъ или совѣщаніяхъ, въ которыхъ замышляется противъ нашего господина или церкви что бы то нибыло, противное или вредное для ихъ правъ, чести, положенія и власти». Могли ли люди, давшіе такую клятву, быть чѣмъ-нибудь другимъ, какъ не покорными рабами куріи?

Для того, чтобы еще увеличить численность итальянцевъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы помѣшать нѣмцамъ, склоннымъ вообще къ реформѣ, присутствовать въ большомъ числѣ на соборѣ, папа рѣшительно отказалъ, не взирая на всѣ прецеденты, въ правѣ голоса прокурорамъ отсутствующихъ епископовъ. Какъ мы только что указали, эта мѣра направлялась главнымъ образомъ противъ нѣмцевъ, не пользовавшихся въ то время расположеніемъ Рима, а между тѣмъ нѣ-

мецкіе епископы, удерживаемые въ своихъ епархіяхъ постоянной борьбой съ еретиками, могли участвовать въ Триентскомъ соборѣ только въ лицѣ своихъ прокуроровъ. Поэтому-то императоръ и настаивалъ на дарованіи послѣднимъ всѣхъ правъ отцовъ собора, и это предложеніе поддерживалось даже папскими легатами. Но все оказалось тщетнымъ: допускались только тѣ прокуроры, которые были по меньшей мѣрѣ епископами *in partibus* ¹. Папа предпочиталъ лучше вызвать неудовольствіе всей Германіи, даже той ея части, которая еще оставалась католической, чѣмъ допустить выраженіе на соборѣ, передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, смѣлыхъ желаній германской націи.

Папское вліяніе въ Триентѣ было еще увеличено тѣмъ, что, по предложенію легатовъ, нѣкоторымъ бѣднымъ епископамъ были выдаваемы крупныя субсидіи за все время ихъ пребыванія на соборѣ. Другіе неимущіе епископы, въ особенности тѣ, которые были удалены изъ своихъ епархій еретиками, надѣялись получить болѣе доходныя мѣста благодаря рекомендаціямъ легатовъ ².

Результаты этихъ смѣлыхъ и искусныхъ мѣръ не заставили себя долго ждать. Іерархическій духъ сталъ сильно преобладать въ собраніи. Въ

¹ Письмо Карла V къ кард. Хаэнскому, 7 февр. 1546 г. Maunier, I, 209, прим. 2.—Druffel, Monum. Trident., вып. I, стр. 89, 95, 109.

² Quirini IV, 14.

Констанцѣ, а еще того болѣе въ Базелѣ, не только аббаты и пріоры, но также доктора теологіи и даже простые священники и міряне были допущены къ подачѣ голосовъ. Этотъ же вопросъ возникъ немедленно по открытіи засѣданій въ Тріентѣ, но на этотъ разъ желаніе св. престола не дать высказаться революціоннымъ идеямъ низшаго духовенства и намѣреніе удержать въ своемъ повиновеніи собраніе, ограничивъ число голосующихъ, вполне совпадало съ духомъ исключительности, царившимъ среди епископовъ. Поэтому на генеральной конгрегациі 29 декабря было рѣшено предоставить право голоса, кромѣ епископовъ, только генераламъ орденовъ; три Монте-Кассинскихъ аббата получили всѣ вмѣстѣ только одинъ голосъ. Посланники монарховъ получили разрѣшеніе вносить свои предложенія; дворянамъ и богословамъ было разрѣшено присутствовать на собраніи, но не принимать участія ни въ преніяхъ, ни въ голосованіяхъ. Епископы даже превзошли легатовъ, которые охотно воспользовались бы аббатами, такъ какъ монастыри всегда бывали надежнѣйшими опорами папскаго всемогущества противъ епископовъ и мірянъ,—они яростно возстали противъ всякой попытки сравнять съ ними аббатовъ. «Привилегіи монаховъ, воскликнулъ епископъ Кіоджіи, весьма непріятны для епископовъ; мы собрались здѣсь не для того, чтобы ихъ одобрить или увеличить, но скорѣе для того, чтобы ихъ уничтожить или, по крайней мѣрѣ, измѣнить¹»; и

¹ Theiner, 355.

легатамъ пришлось уступить, хотя и противъ воли.

Очень скоро императоръ замѣтилъ, что легаты твердо рѣшили держать соборъ въ зависимости отъ св. престола и заставить его подчиниться авторитету папы и по существу, и по формѣ, что противорѣчило духу Констанцскаго и Базельскаго соборовъ, выставившихъ прямо противуположный принципъ. Между тѣмъ Карлъ ничуть не былъ расположенъ увеличивать власть Рима; поэтому онъ не переставалъ уговаривать главу испанскихъ епископовъ въ Триентѣ, кардинала Хаэнскаго, смѣло и постоянно сопротивляться узурпаціямъ папскаго двора и мѣшать росту его могущества¹. Сверхъ того онъ приказалъ испанскимъ епископамъ пріѣхать на соборъ въ возможно бѣльшемъ количествѣ. И дѣйствительно, испанцы сыграли на соборѣ крупную роль. За весь первый періодъ этого собранія, они оказались единственными *ультрамонтанами*, прибывшими въ значительномъ числѣ. Они энергично и искусно противились планамъ св. престола и махинаціямъ папской и итальянской партіи. Ихъ малочисленность сравнительно съ количествомъ ихъ противниковъ, искупалась блескомъ ихъ эрудиціи, ихъ рвеніемъ и возвышеннымъ и суровымъ благочестіемъ. Начиная съ конца XV столѣтія, великій кардиналъ Ксименесъ предпринялъ реформу испанскаго епископата и вполне успѣлъ въ этомъ благодаря помощи Изабеллы, Фердинанда

¹ Instructions de Charles V; Maunier.

и Карла V. Среди всеобщей порчи духовенства, испанскій епископатъ въ силу контраста блисталъ еще болѣе яркимъ свѣтомъ, и отличался своими добродѣтелями и своею богословскою наукою. Многочисленные университеты распространяли среди высшаго духовенства и ученыхъ орденовъ знанія и любовь къ наукамъ. Въ Триентъ эти епископы явились вмѣстѣ съ первостепенными теологами, каковыми были Доминикъ де Сото и Варѣоломей Карранца, лучшіе профессора въ Алкалъ и Саламанкѣ. Будучи преданы душой и тѣломъ католической вѣрѣ, эти испанцы хотѣли освободить ее отъ римской тираніи и отъ тѣхъ мірскихъ злоупотребленій, которыя проникли въ нее благодаря нерачителности и жадности папскаго двора. Ихъ намѣренія прекрасно резюмируются словами толедскаго архіепископа Фонсека: «Нужно стараться одновременно поразить и еретическіе догматы нашихъ противниковъ, и испорченные нравы нашихъ собратій». Вмѣстѣ съ галликанскою церковью они считали соборъ выше папы и представитель Карла въ Триентѣ, знаменитый Діего де-Мендоза, поэтъ, генераль, государственный человѣкъ и ученый—притомъ одинаково совершенный во всѣхъ этихъ роляхъ—вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе ¹.

Прибытіе испанскихъ прелатовъ и ихъ гордая манера держать себя сильно обезпокоили лега-

¹ Su parecer es segun lo que colige de los concilios antiguos y modernos y de otros scriptores, que el concilio es sobre el papa; Maurenbrecher, стр. 79.

товъ. На соборъ они смотрѣли только какъ на поле битвы, на которомъ они всячески желали увеличить число собственныхъ солдатъ противъ опаснаго непріятеля. Поэтому они настойчиво стали просить св. отца немедленно прислать имъ человекъ десять-двѣнадцать способныхъ и испытанной вѣрности итальянскихъ прелатовъ, для того, что выставить ихъ противъ *ультрамонтановъ*¹: до такой степени интересы папства являлись исключительно итальянскими, но при этомъ они не совпадали больше съ интересами всего христіанскаго міра.

Борьба вспыхнула впервые въ тотъ моментъ, когда былъ поднятъ вопросъ о порядкѣ работъ собора. Папа и легаты настоятельно требовали, чтобы начато было съ формулированія догматовъ, какъ самой существенной части религіи. Ихъ намѣреніе было ясно, какъ день. Послѣ того какъ соборъ снова провозгласилъ-бы католическіе догматы и тѣмъ навсегда сдѣлалъ бы невозможнымъ примиреніе съ еретиками, соборъ былъ-бы просто закрытъ, не дойдя даже до обсужденія злоупотребленій церкви, а въ особенности римской куріи. Напротивъ, императоръ желалъ, чтобы собраніе не высказывалось вполне открыто противъ протестантовъ и постаралось путемъ мудрыхъ реформъ сдѣлать возможнымъ примиреніе². Карлъ Пятый все еще продолжалъ считать великое реформаціонное

¹ Письма легатовъ къ кард. Фарнезе 14 янв. 1546; Quirini, IV, 233

² Письма императора къ послу Толеда: Que se hiziesse un

движеніе на столько не важнымъ, что полагалъ возможнымъ погасить его нѣкоторыми уступками, касавшимися внѣшнихъ обрядовъ и дисциплины духовенства. Кардиналъ Мадруццо являлся главнымъ представителемъ такой политики императора. Испанскіе епископы и та часть италіянскихъ, которые не были слѣпо преданы римскому двору, хотя и не вполне раздѣляли взгляды Карла, желали, однако, прежде всего серьезной реформы, которая помогла бы успокоиться поколебленной и взволнованной совѣсти вѣрныхъ. Безъ всякихъ обиняковъ они говорили легатамъ, что они не хотятъ быть также обманутыми, какъ былъ обманутъ Александромъ V Пизанскій соборъ и Мартиномъ V Констанцскій ¹. Съ своей стороны императоръ настаивалъ въ своихъ письмахъ, что, только ревностно работая на пользу реформы испорченной и разсхатанной церкви, можно надѣяться привлечь къ себѣ еретиковъ и воспрепятствовать отпаденію недовольныхъ и колеблющихся. Въ виду этого легаты прибѣгли къ способу, который они уже давно придумали ², а именно они стали доказывать, что реформа должна быть всеобщею и распространяться на мірянъ, въ особенности же на князей,

tal reformation, que los protestantes no tuviesen occasion de perseverar en sus errores fundados sobre los abusos; *M a u r e n b r e c h e r*, стр. 276.

¹ *Pallavicini*, VI, 7, 14.

² Письмо легатовъ къ кардиналу Фарнезе отъ 5 янв. 1546.; *Quirini*, т. IV, стр. 235.

и на столько же, какъ и на духовенство. Этимъ путемъ они надѣялись затянуть на неопредѣленное время дѣло реформы и въ особенности напугать императора; но ихъ уловка не оказала никакого дѣйствія. Напротивъ, превосходная рѣчь Мадруццо повліяла очень благопріятно въ пользу первенства реформы церкви ¹.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, легаты стали опасаться несомнѣнной неудачи въ томъ случаѣ, если бы они согласно приказу папы продолжали настаивать на первенствѣ вопросовъ догматическихъ. Поэтому они прибѣгнули къ уловкѣ, мысль о которой была имъ подана Томою Кампеджіо, епискомъ Фельтрскимъ, а именно обсуждать въ отдѣльныхъ комиссіяхъ одновременно оба вопроса. Это предложеніе было принято большинствомъ собора 22 января 1546 г., несмотря на оппозицію кардинала Мадруццо, имѣвшаго по этому поводу очень горячій споръ съ первымъ легатомъ де Монте,—споръ, дошедшій даже до непріятныхъ личныхъ столкновеній. Во всякомъ случаѣ этотъ инцидентъ можно считать неудачею крайней папской партіи, которой пришлось съ этого времени отказаться отъ своего любимаго плана сохранить за святымъ престоломъ исключительное право всѣхъ іерархическихъ и дисциплинарныхъ рѣшеній, помѣшавъ собравшимся отцамъ касаться его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Павелъ III былъ очень недоволенъ тѣмъ ходомъ, который при-

¹ Laur. Pratanus, стр. 11.

няли событія. Роль легата стала очень тяжелой. Въ письмѣ, наполненномъ горькими упреками, папа приказалъ своимъ тремъ представителямъ побудить соборъ отмѣнить свое постановленіе отъ 22 января, но легаты ему представили, что такое открытое давленіе на рѣшенія собранія весьма вѣроятно можетъ вызвать открытое возмущеніе большинства противъ папской власти и поведетъ къ новому успѣху императорской партіи ¹. Папа долженъ былъ признать справедливость этихъ соображеній. Онъ убѣдился, что легаты не могли дѣйствовать иначе и во избѣжаніе еще болѣе опасныхъ неудачъ онъ удовольствовался тѣмъ, что рекомендовалъ имъ не допускать никакого предложенія о реформѣ, касающагося римскаго двора. Впрочемъ, легаты, какъ это видно изъ того, что они писали 7 февраля кардиналу-племяннику Фарнезе ², сами прилагали старанія по возможности дольше затягивать обсужденія догматовъ до тѣхъ поръ, пока не получаютъ отъ папы указаній относительно его желаній по вопросамъ, касавшимся реформы, которыми они занимались въ это же время. Такимъ образомъ, говорили они, мы безъ шума достигнемъ намѣченной нами цѣли, т. е. сдѣлаемъ невозможнымъ какое бы то ни было постановленіе собора, которое могло бы быть неприятно святому отцу.

¹ Письма легатовъ къ кардиналу Фарнезе, 2 февраля; Quirini, т. IV, 238.

² Mendham, стр. 49; ср. стр. 51 и письмо отъ 15 мая. 1546 г., стр. 69.

Нельзя не удивляться дипломатическому искусству итальянскихъ епископовъ, умѣвшихъ даже изъ неудачъ извлекать новыя выгоды!

Были учреждены три отдѣльныя комиссіи для подготовленія декретовъ, которые должны были исходить отъ собора. Такое раздѣленіе собранія на частныя конгрегаціи казалось легатамъ превосходнымъ средствомъ для того, чтобъ держать каждого прелата подъ особымъ надзоромъ и строгимъ руководствомъ. Всякій вопросъ сначала обсуждался докторами теологіи, а потомъ въ спеціальной конгрегаціи, вѣдѣнію которой онъ подлежалъ, и, наконецъ, рѣшался въ общемъ собраніи. Торжественныя и публичныя собранія должны были служить только для обнародованія декретовъ. Такимъ образомъ нельзя было сказать, что рѣшенія собора были недостаточно хорошо и зрѣло подготовлены; однако, если посмотрѣть на дѣло безпристрастно, то слѣдуетъ признать, что онѣ страдали крупнымъ недостаткомъ. За очень рѣдкими исключеніями, собраніе состояло только изъ италіянцевъ и испанцевъ. Союзъ, который готовы были заключить между собою папа и императоръ, создалъ соборъ и только онъ одинъ и былъ въ немъ представленъ. Можно ли было сказать, что вся перковъ была призвана рѣшить важнѣйшіе вопросы религіи, культа, нравственной жизни?—Конечно, нѣтъ. Франція, германскіе и славянскіе народы не принимали въ немъ никакого участія, и собраніе теологовъ, бывшихъ дѣйствительными авторами декретовъ,

состояло исключительно изъ монаховъ и главнымъ образомъ доминиканцевъ, во все время пользовавшихся извѣстностью защитниковъ ортодоксіи и схоластическихъ идей. Духъ, господствовавшій въ этотъ первый періодъ Триентскаго собора, былъ духъ святаго Томы Аквинскаго, сочиненіе котораго *Summa* горячо изучалось и къ которому постоянно обращались, какъ легаты, такъ и прелаты¹.

Такъ какъ основою всѣхъ христіанскихъ исповѣданій служитъ Библия, то вполне естественно, что соборъ началъ свои обсужденія съ вопроса о церковномъ ученіи относительно каждой изъ книгъ Св. Писанія, ихъ текста и каноническихъ переводовъ. Само собою разумѣется, что всѣ прелаты единодушно провозгласили всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ одну изъ частей церковнаго устава. Однако нѣкоторые изъ нихъ и въ числѣ ихъ кардиналъ Триентскій и епископъ Фанскій въ видахъ опроверженія противниковъ и убѣжденія колеблющихся желали бы обсудить основанія такого рѣшенія. Даже два президента—Червино и Поль—раздѣляли эту точку зрѣнія, но 15 февраля она была отвергнута большинствомъ отцовъ, ограничившихся тѣмъ, что всѣ священныя книги были просто признаны и перечислены безъ всякаго обоснованія. Точно также было отвергнуто и другое предложеніе, состоявшее въ томъ, чтобы объявить нѣкоторыя книги Св. Писанія не обязательными съ

¹ Ranke, т. IV, стр. 347 и слѣд.

точки зрѣнія вѣры, но только полезными и назидательными.

Такимъ образомъ соборъ постановилъ, что всѣ части Библии, въ томъ числѣ и апокрифическія, были обязательны для католическаго ученія. Такой результатъ не представлялъ ничего удивительнаго и еще ни въ чемъ не мѣшалъ переговорамъ съ протестантами, которые, какъ извѣстно, также клали Библию въ основу своихъ вѣроученій. Но второй вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ гораздо важнѣе и рѣшительнѣе: дѣло шло о рѣшеніи того, должно ли было церковное преданіе имѣть для вѣрнаго католика то же значеніе, какъ и Библия, и если нѣтъ, то въ какой степени оно должно было уважаться? Если мы вспомнимъ основной принципъ протестантизма, что для христіанина обязательна одна только Библия и что объясненіе священныхъ книгъ должно быть предоставлено сознанію cadaго человека, просвѣщеннаго Св. Духомъ, то станетъ понятнымъ, что члены собора подошли къ одному изъ существеннѣйшихъ пунктовъ, которыхъ должны были коснуться работы собора. Общее собраніе 26 февраля занималось этимъ важнымъ вопросомъ, причемъ только одинъ прелатъ оказался на столько мужественнымъ, чтобы заявить, что одной Библии вполне достаточно для спасенія души и что поэтому нѣтъ никакой надобности ссылаться на преданія Церкви; это былъ Наккіанте, епископъ Кіуджіи. Мѣсяць спустя (27 марта) нѣкоторые епископы—Фаноскій, Тер-

молійскій и Вигорнійскій — присоединились къ мнѣнію Наккіанте. Ихъ смѣло можно назвать полу-протестантами. Кардиналь Мадруццо, бывшій также сторонникомъ умѣренной реформы, сообщилъ по секрету легатамъ, что онъ знаетъ среди отцовъ собора семь или восемь, *очень склонныхъ къ лютеранству*¹, повѣрившихъ ему подъ тайною исповѣди свои еретическія вѣрованія. Приокончательной подачѣ голосовъ 1 апрѣля, семь епископовъ высказались противъ авторитета преданія, т. е. какъ разъ то число лютеранъ, которое сообщалъ Мадруццо за три мѣсяца до этого. Кромѣ того, среди собравшихся была умѣренная группа, придававшая религіозное значеніе только дѣйствительно апостольской традиціи и отказывавшаяся провозгласить анаѹему противъ всѣхъ тѣхъ, которые отвергали всѣ преданія, каковы бы онѣ ни были, но и эта группа не добилаь бѹльшаго успѣха, чѣмъ друзья Наккіанте. Церковное преданіе во всемъ его объемѣ было объявлено настолько же обязательнымъ, какъ и сама Библия. Этимъ постановленіемъ была уничтожена всякая надежда на соглашеніе съ протестантами, и разрывъ между старымъ ученіемъ и новымъ сдѣлался непоправимымъ.

И дѣйствительно, придавъ неограниченное значеніе церковному преданію, соборъ тѣмъ самымъ подчинялся всѣмъ рѣшеніямъ предыдущихъ соборовъ; имъ признавалась вся доктрина и като-

¹ Lutteranissimi; Massarelli, *Diarium*, 11 января 1546 г.—Döllinger, *Zur Gesch. d. C. v. Trient*, I, 226

лическая іерархія въ томъ видѣ, какъ она установилась въ средніе вѣка. Принимая эту основу, можно было сдѣлать нѣкоторыя улучшенія во внѣшнихъ формахъ Церкви, можно было лучше объяснить догматы и сдѣлать ихъ болѣе ясными, но всякое фундаментальное измѣненіе было устранено и вмѣстѣ съ нимъ всякая мысль объ удовлетвореніи дѣйствительно реформаторскихъ стремленій, господствовавшихъ въ сѣверной Европѣ. Это являлось самымъ важнымъ пунктомъ для римскаго двора и можно смѣло сказать, что всѣ остальные рѣшенія Триентскаго собора были лишь неизбежнымъ послѣдствіемъ этого постановленія.

Въ то же время занятія собора коснулись злоупотребленій относительно пользованіи Св. Писаніемъ и въ это дѣло былъ внесенъ тотъ же консервативный, узкій и исключительный духъ. 17 марта докладчикъ, архіепископъ Эскій (d'Aix), предложилъ воспрепятствовать такимъ якобы злоупотребленіямъ, объявивъ единственно достовѣрнымъ переводомъ *Вульгату*, который надлежитъ напечатать въ Римѣ, при чемъ изданіе это должно было быть критически провѣрено; осудивъ всякое произвольное толкованіе Библии и запретивъ, подъ страхомъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, печатаніе или продажу библій или религиозныхъ сочиненій, неодобренныхъ духовными властями. Этимъ путемъ желали подвергнуть самому бдительному надзору католическихъ теологовъ всю религиозную и философскую литературу и совершенно прекратить всякое независимое обсужденіе

библейскихъ текстовъ. Этимъ своего рода церковнымъ государственнымъ переворотомъ хотѣли придать Вульгатѣ безусловною непогрѣшимость, несмотря на то, что многочисленныя ошибки и неправильныя выраженія въ ней были также ясны и извѣстны въ то время, какъ и теперь. Поэтому можно сказать, что легаты были совершенно правы, повторяя въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ въ Римъ, что тамъ могутъ быть покойны, такъ какъ дѣла въ Триентѣ идутъ очень хорошо ¹.

Среди собравшихся на соборѣ прелатовъ былъ одинъ, который шелъ еще дальше, будучи преисполненъ той нетерпимости, которая свойственна вообще испанцамъ; это былъ Пачеко, кардиналъ Хаенскій (Jaën). Этотъ глава испанскихъ прелатовъ въ Триентѣ былъ человекъ далеко не заурядный. Происходя изъ знатной и уважаемой семьи— онъ былъ сынъ графа Пуэбла де Монтальбанъ— онъ уже съ молодыхъ лѣтъ прославился своей эрудиціей, какъ теологъ, и краснорѣчіемъ. Вся Испанія его знала и уважала, какъ преобразователя Саламанкскаго университета. Одушевляемый гордостью и фанатизмомъ своей расы, онъ требовалъ отъ отцовъ, чтобы они запретили вообще переводъ Библии на разговорные языки народовъ; но кардиналъ триентскій, бывшій сторонникомъ умеренныхъ убѣжденій императора, энергически возсталъ противъ такой мѣры. «Чего только не скажутъ, вскричалъ онъ, наши противники своимъ слѣпымъ послѣдователямъ, когда они узнаютъ, что

¹ Quirini, т. IV.

вы хотите вырвать изъ рукъ людей Св. Писаніе, о которомъ апостоль Павелъ многократно говорилъ, что оно должно быть постоянно на нашихъ устахъ!» Когда же Пачеко возразилъ, что для Испаніи папа Павелъ II уже издалъ подобное запрещеніе, Мадруццо не поколебался отвѣтить, что Павелъ II и всѣ остальные папы могутъ ошибаться, но апостоль—никогда. Такой смѣлый языкъ въ то время не шокировалъ римскихъ легатовъ, которые очевидно еще не вѣровали тогда въ папскую непогрѣшимость. Они были такъ далеки отъ этого, что нѣсколько дней спустя послали къ Пачеко секретаря Массарелли съ цѣлью уговорить его не возвращаться къ этому вопросу, который—говорили они—вызоветъ только несогласія между собравшимися отцами и который можно бы спокойно предоставить частному законодательству отдѣльныхъ государствъ, но Пачеко, одинъ изъ самыхъ упрямыхъ людей, когда либо жившихъ, не уступилъ. Онъ настаивалъ на необходимости изданія соборнаго постановленія по столь важному дѣлу и сверхъ того потребовалъ, чтобы всѣ книги когда либо изданныя, хотя бы самыми благочестивыми и правовѣрными католиками, были очищены отъ имѣющихся въ нихъ заблужденій. Однако легаты оставили безъ вниманія, какъ первое его предложеніе, такъ и второе, которое было ужъ совершенно чудовищно и не могло быть выполнено, не произведя большого шума, и просто исключили его изъ программы засѣданій. Когда же

впослѣдствіи Пачеко попытался снова поднять этотъ вопросъ въ общемъ собраніи, то легаты стали оспаривать его и онъ остался почти одинокимъ. Такимъ образомъ соборъ не воспретилъ различныхъ католическихъ переводовъ Вульгаты.

Легаты въ этомъ случаѣ присоединились къ умѣренной партіи въ томъ соображеніи, что въ это время папа былъ наканунѣ заключенія тѣснаго союза съ императоромъ. Поэтому они перестали обнаруживать къ императору прежнее недоверіе и, напротивъ, старались по возможности угодить ему. Соборъ рѣшилъ возбудить преслѣдованіе противъ всѣхъ епископовъ, которые безъ достаточныхъ основаній не прибыли въ Триентъ. Императорскій посоль, донъ Францискъ де Толедо, протестовалъ предъ легатами противъ этой мѣры въ отношеніи нѣмецкихъ прелатовъ, задержанныхъ въ своихъ епархіяхъ не въ силу какихъ нибудь особенныхъ соображеній, но вслѣдствіе общаго политическаго положенія дѣлъ въ имперіи, и легаты пошли въ своей любезности къ Карлу Пятому такъ далеко, что просто обошли молчаніемъ постановленіе собора, касавшееся отсутствующихъ епископовъ. Въ четвертомъ общемъ собраніи (8 апрѣля 1546 г.) значительное число прелатовъ, охраняя свое достоинство и дѣйствительность своихъ постановленій, горячо возстало противъ такой продѣлки и легатамъ только съ большимъ трудомъ удалось успокоить поднявшуюся бурю. Въ концѣ концовъ въ этомъ засѣданіи были приняты декреты собора, касаю-

щіеся книгъ Св. Писанія, перевода ихъ и злоупотребленій ими.

Декреты четвертаго общаго засѣданія очень не понравились папѣ Павлу III. Во первыхъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что соборъ принялъ рѣшенія по самымъ важнымъ вопросамъ вѣры, не озаботившись о предварительномъ одобреніи и согласіи святаго престола. Соборъ какъ бы хотѣлъ стать выше папской власти! Затѣмъ ученымъ теологамъ римскаго двора казалось невозможнымъ объявить безъ всякой оговорки непогрѣшимость Вульгаты, т. е. переводъ, признававшійся всѣми неправильнымъ. Кардиналь-племянникъ Фарнезе самъ не постѣснился высказаться очень опредѣленно по этому предмету въ письмѣ, адресованномъ имъ къ легатамъ¹. Въ виду этого Павелъ приказалъ послѣднимъ, чтобы соборъ вторично обсудилъ и подвергъ новому пересмотру декреты четвертаго засѣданія. Легаты были очень испуганы приказаніемъ папы; они были увѣрены, что встрѣтятъ сильное сопротивленіе со стороны собора, который дѣйствительно не могъ, не совершивъ надъ собою извѣстнаго рода самоубійства, отмѣнить по одному приказу изъ Рима то, что онъ зрѣло обсудилъ. Въ чемъ же въ такомъ случаѣ состояло дѣйствіе Св. Духа, который почитался внушающимъ всякое рѣшеніе собранія? Соборъ могъ совершенно разстроиться къ великой радости всѣхъ еретиковъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній легаты поспѣшили оправдать

¹ Mendham, стр. 65.

соборъ передъ св. отцомъ. Они писали, что онъ желалъ только объявить подлинность Вульгаты лишь въ общемъ смыслѣ и не съ филологической точки зрѣнія, а исключительно въ отношеніи догматовъ и нравственныхъ предписаній, съ цѣлью положить конецъ произвольнымъ толкованіямъ скептиковъ и еретиковъ; указывали на опасность выразить порицаніе официальному, принятому съ незапамятныхъ временъ церковью, тексту Библии, въ такое время, когда она со всѣхъ сторонъ подвергается нападкамъ и хулѣ¹. Легаты убѣждали папу, что постановленія собора составляютъ цѣльность, очень важную и необходимую для поддержанія мира и единства среди католиковъ. Наконецъ, они ему напоминали, и вполне основательно, что большинство отцовъ, собравшихся въ Тріентѣ, слишкомъ преданы святому престолу для того, чтобы ему могла грозить какая либо опасность съ ихъ стороны². Павелъ III слался на эти увѣщанія и разрѣшилъ продолжать засѣданія собора. Болѣе того: въ это именно время онъ потребовалъ отъ Швейцаріи, чтобы она прислала на соборъ своихъ прелатовъ и пословъ и такимъ образомъ возстановила бы религіозное единство своей націи.

Эта податливость Павла III всего вѣроятнѣе

¹ Письмо кардинала Червино къ кардиналу Маффеи отъ 24 апрѣля; Quirini, т. IV, стр. 297 и слѣд. — См. также защиту точки зрѣнія собора у Philips, *Life of Reginald Pole*, т. II, стр. 317 и слѣд.

² Sarpi, стр. 145.—Raynaldi ad an. 1546, nr. 30—31.

объясняется желаніемъ угодить императору, съ которымъ онъ находился въ то время въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ этомъ духѣ онъ продолжалъ дѣйствовать и дальше. Вначалѣ онъ хотѣлъ ограничить сферу дѣятельности собора однимъ обсужденіемъ вопросовъ, касающихся догматовъ, оставивъ за папою рѣшающую власть по вопросамъ духовнаго управленія. Съ этою цѣлью онъ изготавилъ буллу, которою уничтожались всѣ наиболѣе вопіющія злоупотребленія церковнаго управленія. Но когда легаты представили ему, что эта булла не удовлетворитъ отцовъ и что они никогда не захотятъ отказаться отъ права обсуждать вопросы, ради которыхъ они главнымъ образомъ, по ихъ мнѣнію, собрались,—Павель снова уступилъ. Онъ предоставилъ собору полную свободу обсужденія съ условіемъ, чтобы онъ всегда представлялъ свои декреты на одобреніе папы прежде чѣмъ обнародовать ихъ (апрѣль, 1546) ¹.

Втеченіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ (отъ половины апрѣля до половины іюня) соборъ былъ занятъ обсужденіемъ чрезвычайна важнаго догматическаго вопроса и одновременно другого, не менѣе важнаго, вопроса дисциплинарнаго. Последній, разсматривавшійся соборомъ раньше другихъ, касался регламентаціи проповѣди. Съ этимъ вопросомъ было связано множество разныхъ вто-

¹ См. депешу Вега къ императору, Римъ 23 марта 1546; Maunier, т. I, стр. 291; примѣч.—Pallavicini, VI, 13, 6; VII, 2, 7.

ростепенныхъ вопросовъ: установленія правилъ для чтенія Евангелія, изданія катехизиса и организаціи религіознаго преподаванія во всѣхъ епархіяхъ; установленія обязательства для епископовъ или священниковъ говорить проповѣди самимъ или находить себѣ способныхъ замѣстителей; ограниченія въ пользу мѣстнаго духовнаго лица каждой епархіи права монаховъ говорить проповѣди, гдѣ имъ угодно. Этотъ послѣдній пунктъ вызвалъ особенно горячія пренія. Соборъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи. Епископы желали совершенно подчинить себѣ черное духовенство. Монахи же, имѣвшіе на Триентскомъ соборѣ многочисленныхъ представителей, выдающихся своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, пытались, напротивъ, обезпечить себѣ елико возможно большую независимость. Они нашли поддержку въ легатахъ, такъ какъ всемогущество папской власти всегда находило себѣ ревностную защиту среди монаховъ. Въ конгрегаціяхъ епископы и генералы орденовъ, прелаты и легаты обмѣнивались язвительными рѣчами. Епископы упрекали монаховъ въ томъ, что они не хотятъ подчиняться никакой власти и распространяютъ опасныя ученія; эти, въ свою очередь, отвѣчали, что лѣность и свѣтскія наклонности епископовъ принудили монаховъ взять проповѣдь въ свои руки, такъ какъ ею никто не занимался. Обѣ стороны были отчасти правы. Между кардиналомъ Монте, который отличался чрезвычайно раздражительнымъ характеромъ, и епископами произошли горячія

столкновения по поводу свободы слова на соборѣ. Власть перваго президента была сильно поколеблена этими дебатами. Отцы считали себя даже въ правѣ дѣлать предложенія противъ кардиналовъ и легатовъ. Происходили самыя бурныя сцены. Епископъ Асторгскій былъ лишенъ слова; епископъ Фьезолескій назвалъ одно рѣшеніе собора—безбожнымъ и призывалъ на него Божій судъ,—чудовищное оскорбленіе, которое онъ и долженъ былъ взять назадъ, какъ близкое къ ереси. Монте, говоря о рѣчи того же прелата, назвалъ ее «клеветническою, оскорбительною, возмутительною и еретическою». Несчастнѣйшій прелатъ почувствовалъ себя до такой степени униженнымъ, что въ концѣ концовъ сталъ со слезами просить прощенія. Тѣмъ не менѣе, легаты обратились къ кардиналу-племяннику съ просьбой просить папу отозвать съ собора епископовъ Фьезолескаго и Кюджійскаго, какъ сѣящихъ возмущеніе. Перваго они ненавидѣли за его враждебное отношеніе къ монахамъ¹; второй же былъ имъ еще болѣе непріятенъ тѣмъ, что во время своего пребыванія въ Триентѣ онъ получалъ жалованье изъ папской казны². Однакоже Павель III, будучи гораздо осторожнѣе раздражительнаго де-Монте, не захотѣлъ слишкомъ явно нарушать дарованную собору якобы свободу слова такими насильственными дѣйствіями. Къ тому же, забота о незави-

¹ Raynaldi ad an 1546. nr. 6.

² Gen. Calenzio, *Documenti inediti sul Concilio di Trento* (Roma, 1874), стр. 3.

симости епископовъ была присуща не однимъ только двумъ вышеназваннымъ прелатамъ. Очень многіе епископы имѣли намѣреніе воспользоваться этимъ случаемъ собранія верховнаго собора, чтобы принудить папу возвратить имъ ихъ старинныя привилегіи и въ то же время подчинить черное духовенство своей юрисдикціи. Каждый епископъ долженъ былъ, въ ихъ представленіи, быть, такъ сказать, папою въ своей епархіи¹. Съ особою настойчивостью они требовали того, чтобы обязанность епископа жить въ своей епархіи была признана божественнымъ установленіемъ и чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть избавляемъ отъ нея, тогда какъ до сихъ поръ въ Римѣ за деньги можно было уклониться отъ какой угодно обязанности. Епископъ Ланчіанскій обвинялъ римскій дворъ въ томъ, что онъ покровительствуетъ за деньги убійцамъ и прелюбодѣямъ. Епископъ Бадахозскій осмѣлился сказать, что препятствія къ упорядоченію злоупотребленій исходятъ главнымъ образомъ изъ Рима и что слѣдуетъ обратиться къ императору, который долженъ взять на себя защиту епископовъ¹. Было предложено объявить несовмѣстимымъ званіе епископа съ званіемъ кардинала, вынуждающимъ носящаго это званіе постоянно или по крайней мѣрѣ отъ времени до времени находиться въ Римѣ. Какъ это всегда бываетъ, излишнее рвеніе нѣкоторыхъ епископовъ и ихъ слишкомъ несдержанныя рѣчи дали возможность первому

¹ 10 іюня 1546; Theiner, т. I, стр. 140.

легату обойти по существу нападки, направленные противъ св. престола. Онъ сталъ жаловаться на то, что многіе отцы обвиняютъ папу въ *узурпированіи* нѣкоторыхъ правъ и говорятъ о немъ, какъ о равномъ себѣ; затѣмъ указалъ, что соборъ не имѣетъ права предписывать что либо папѣ и что лишь совмѣстныя рѣшенія собора и верховнаго владыки имѣютъ силу всеобщаго закона; наконецъ, что кардиналы не могутъ быть ни судимы, ни подчиняемы новымъ регламентамъ никѣмъ, кромѣ самого папы.

Большая часть остальныхъ епископовъ были напуганы крайностями, высказываемыми ихъ радикальными товарищами. Къ тому же, они понимали, что при тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожали церкви, они не могутъ рѣшиться на разрывъ съ папою и что только одно согласіе еще можетъ спасти католическую религію. Поэтому предложеніе кардинала Червино отложить вопросъ о резиденціи духовныхъ лицъ, было принято очень охотно. Найдено было также средство примирить епископовъ съ монахами: послѣднимъ было дано право проповѣдывать въ церквахъ ихъ орденовъ безъ епископскаго разрѣшенія, въ другихъ же церквахъ лишь съ разрѣшенія главы епархіи.

Такимъ образомъ, ловкая осторожность легатовъ и отсутствіе единомыслія среди епископовъ дали имъ возможность восторжествовать надъ послѣдними. Несправедливныя привилегіи римскаго двора не были уничтожены; монахи въ

значительной мѣрѣ сохраняли свою независимость въ дѣлѣ проповѣди. У епископовъ, дѣйствительно, руки были связаны. При тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожали церкви со всѣхъ сторонъ, ей невозможно было допускать раскола. Если-бы папа объявилъ распущеніе собора, то отцы, чтобы не дѣйствовать на пользу лютеранъ, должны были бы разѣхаться, между тѣмъ какъ достоинство папской власти отъ этого нисколько не пострадало бы. И потому въ общемъ, соборъ, проявляя отъ времени до времени протестъ противъ папской воли, въ концѣ концовъ всякій разъ снова подчинялся ей, исключая тѣхъ случаевъ, когда папа по особымъ обстоятельствамъ находилъ нужнымъ уступать требованіямъ собора. Какъ сильно ошибались тѣ, кто ожидалъ отъ этого собора коренного переворота въ церкви и церковной іерархіи!

Папа одержалъ верхъ и еще въ одномъ вопросѣ, въ которомъ его взглядъ діаметрально расходился со взглядами императора. Извѣстно, что Карль, хотя и рѣшившійся уже объявить войну ландграфу Гессенскому и курфюрсту Саксонскому, не желалъ однако открыто идти противъ своихъ протестантскихъ друзей и старался о томъ, чтобы не придавать враждѣ явно религіознаго характера ¹. Поэтому онъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы соборъ не касался такихъ догматовъ, въ которыхъ католиче-

¹ Письмо нунція Вералло къ легатамъ въ Триентъ, 13 іюля 1546; Quirini, IV, 304.

ское ученіе рѣзко расходилось съ ученіемъ лютеранъ и, въ особенности, чтобы былъ оставленъ въ сторонѣ вопросъ о первородномъ грѣхѣ. Папа же, напротивъ, желая безповоротно отвергнуть еретиковъ, требовалъ осужденія ихъ ученія на соборѣ. Поэтому онъ неоднократно приказывалъ, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, приступить къ обсужденію вышеупомянутаго вопроса, и, понятно, легаты повиновались, несмотря на протесты и даже угрозы императорскаго посла¹. Въ этомъ дѣлѣ легаты, имѣя на своей сторонѣ всѣхъ итальянцевъ и французовъ, одержали полную побѣду. Императоръ, все еще не хотѣвшій открыто дѣйствовать противъ протестантовъ, пытался отвлечь споръ въ другую сторону: его теологи и епископы, для того, чтобы затушить вопросъ о первородномъ грѣхѣ, старались возбудить трудный и еще гораздо болѣе спорный вопросъ о непорочномъ зачатіи дѣвы Маріи. Францисканцы и доминиканцы въ особенности постоянно препирались по этому поводу. Но большинство членовъ собора поняли въ чемъ дѣло и положительно отказалось вступить на этотъ опасный путь. Тогда открыто было предложено отложить обсужденіе догмата о первородномъ грѣхѣ, но и это оказалось безуспѣшно. Само собою разумѣется, что постановленія собора относительно вышеназваннаго догмата шли прямо въ разрѣзъ со взглядами реформатовъ. Тщетно

¹ Raynaldi, ad. an 1546 n-r 69, 70.—Pallavicini, VII, 3, 1.

пытался императоръ отсрочить по крайней мѣрѣ обнародованіе догмата, чтобы не слишкомъ устрашить своихъ протестантскихъ союзниковъ;—собръ и тутъ не уступилъ ему ¹.

Результаты неустанныхъ преній двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ были торжественно обнародованы на пятомъ засѣданіи собора, имѣвшемъ мѣсто 17 іюня 1546 г. Побѣда, одержанная папскимъ дворомъ почти во всѣхъ подлежавшихъ спору пунктахъ, позволила Павлу III безъ особаго труда выказать свое великодушіе. На пятомъ засѣданіи секретарь собора, Массарелли, человѣкъ въ высшей степени энергичный, ловкій и вполне преданный папѣ и его интересамъ, прочиталъ грамоту св. отца, которою онъ одобрялъ и утверждалъ всѣ декреты синода относительно проповѣдыванія слова Божія, не смотря на то, что они находились въ противорѣчій съ постановленіями предшествовавшихъ соборовъ и съ нѣкоторыми привилегіями папской власти. Этою самою грамотою Павелъ III еще разъ подтверждалъ притязаніе папскаго престола о необходимости утвержденія имъ постановленій собора для приданія имъ законной силы. Но прелаты испытывали такую радость отъ сознанія, что они находятся въ полномъ согласіи съ папою, что только одинъ непримиримый епископъ Фьезолескій имѣлъ мужество выразить формальный протестъ противъ этой узурпаціи власти со стороны римскаго двора.

¹ Maurenbrecher, т. I, стр. 80.

Такимъ образомъ, по мнѣнію папы, дѣла на соборѣ шли наилучшимъ образомъ; его авторитетъ и значеніе собора сильно повысились благодаря прибытію не только большаго числа епископовъ, но также и пословъ короля Франціи. Такъ какъ императоръ и короли римскій и португальскій уже имѣли своихъ представителей въ Триентѣ, то теперь, за исключеніемъ Польши, соборъ имѣлъ представителей отъ всѣхъ крупныхъ католическихъ государствъ.

Собраніе, слѣдуя ранѣе принятому правилу обсуждать одновременно два вопроса, одинъ касающійся догмата, и другой, касающійся управленія, приступилъ теперь къ обсужденію двухъ пунктовъ чрезвычайной важности: ученія объ Оправданіи и вопроса о резиденціи епископовъ. Первый изъ этихъ вопросовъ касался самой важной и самой характерной стороны всего протестантскаго ученія, которое, какъ извѣстно, ставитъ спасеніе людей исключительно только въ зависимость отъ вѣры въ Іисуса Христа, какъ Спасителя міра, видя въ добрыхъ дѣлахъ лишь подтвержденіе этой вѣры. Значеніе же второго вопроса заключалось въ томъ, что если бы епископы были признаны обязанными жить въ своихъ епархіяхъ, то этимъ былъ бы положенъ конецъ одновременному занятію ими многихъ высшихъ духовныхъ должностей, полученію кардиналами громаднхъ доходовъ и вообще произволу римскаго двора.

Въ виду того, что обсужденіе перваго изъ

этихъ вопросовъ неизбѣжно должно было привести къ новому осужденію протестантскаго ученія и сдѣлать невозможнымъ столь непріятное для папы соглашеніе съ еретиками, легаты приступили къ нему съ особою радостью. Они не хотѣли обращать вниманія на настойчивыя увѣщанія императора заботиться болѣе о реформѣ церкви и не поднимать споровъ о догматахъ, которые могли бы сдѣлать совершенно невозможнымъ для протестантовъ прибытіе въ Триентъ¹. Напротивъ того, тѣ слабыя попытки реформы, какія проявлялись на соборѣ, были крайне непріятны легатамъ и они охотно подавили бы или по меньшей мѣрѣ ослабили бы ихъ. Однако же, для этого нужно было бороться съ двумя препятствіями: съ одной стороны, съ вліяніемъ императора, которое нельзя было совершенно игнорировать въ городѣ, входящемъ въ составъ имперіи, и, съ другой, съ непосредственнымъ вліяніемъ кардинала Мадруццо, епископа и владыки Триентскаго, всецѣло стоявшаго на сторонѣ реформаторскихъ стремленій Карла - пятаго. Это и было причиною того, что легаты стали употреблять всѣ усилія на то, чтобы добиться двухъ цѣлей: сдѣлать для Мадруццо невозможнымъ дальнѣйшее участіе въ соборѣ и перенести собраніе изъ Триента въ другой, вполнѣ итальянскій и, буде возможно, даже папскій городъ. По всей вѣроятности, съ этою именно цѣлью легаты и обратились снова съ просьбою къ папѣ,

¹ Massarelli.

прислать имъ еще итальянскихъ епископовъ ¹, такъ какъ на ультрамонтановъ они всегда смотрѣли какъ на враговъ, вслѣдствіе ихъ нежеланія слѣпо идти за римскимъ знаменемъ.

Осуществленію этихъ хитрыхъ плановъ содѣйствовалъ весь дальнѣйшій ходъ политическихъ и военныхъ событій.

Втеченіи болѣе одного года императоръ все не рѣшался заключить предлагаемый ему папою оборонительный союзъ противъ лютеранъ. Ему въ особенности мѣшало сдѣлать это постоянно выказываемое св. престоломъ враждебное отношеніе ко всякой серьезной реформѣ церкви. Но вызывающій образъ дѣйствій и открытое неповиновеніе протестантскихъ государей довели его до такого раздраженія, что въ іюнѣ 1546 г. союзъ, долженствовавшій погубить протестантовъ, былъ наконецъ заключенъ. Императоръ далъ обѣщаніе не дѣлать имъ никакихъ религіозныхъ уступокъ безъ разрѣшенія папы. Но тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ скрывать ото всѣхъ свои истинныя цѣли и, такъ какъ ему удалось склонить на свою сторону нѣкоторыхъ протестантскихъ государей, то онъ придавалъ этому такой видъ, что война ведется вовсе не съ религіозными цѣлями, а единственно съ цѣлью наказанія непокорныхъ, въ особенности курфюрста Саксонскаго и ландграфа Гессенскаго. Папа же, съ своей стороны, наоборотъ, нисколько не задумался объявить,

¹ Письма легаговъ къ кардиналу Фарнезе; Quirini, т. IV, 271.

къ большому огорченію Карла, священную войну противъ всѣхъ еретиковъ, приглашая принять въ ней участіе всѣ важнѣйшія католическія государства, включая и Францію. Папская армія подъ предводительствомъ Александра Фарнезе, одного изъ внуковъ Павла III, выступила по направленію къ сѣверу, чтобы пройти мимо Тріента и явиться на подкрѣпленіе императора. Послѣдній же, тѣмъ временемъ, имѣя очень небольшое количество войска, находился въ довольно затруднительномъ положеніи. Шмалькальденскіе союзники, собравъ весьма значительныя силы и взявъ крѣпость Эренбергъ, защищающую входъ въ Тироль, заперли его въ Баваріи. Командующій ихъ войсками генераль Шертлинъ выказывалъ намѣреніе идти къ югу, быть можетъ, къ самому Тріенту. Какъ велико было бы торжество протестантской арміи, если бы ей удалось захватить всѣхъ представителей католической церкви и папскихъ легатовъ! Многіе изъ отцовъ наши, что имъ не безопасно оставаться въ Тріентѣ, или только воспользовались этимъ предлогомъ, и въ то время, какъ богословскія пренія тянулись медленно и съ трудомъ, архіепископъ Корфу въ общемъ собраніи 15 іюля рѣшительно заявилъ, что пребываніе въ этомъ городѣ предоставляетъ слишкомъ много опасностей и предложилъ отсрочку собора. Архіепископъ сіенскій вполне одобрилъ предложеніе. Съ этого момента легаты и тайно и явно направили всѣ свои усилія къ этой цѣли.

Они дѣлали это тѣмъ болѣе ревностно, что въ собраніи стали раздаваться смѣлыя и анти-ортодоксальныя мнѣнія. Какъ извѣстно, многіе сановники церкви, напр., кардиналы Поль, Контарини, Мароне и другіе, раздѣляли взгляды св. Августина и Лютера на Оправданіе. Въ общей конгрегціи 17 іюля епископъ Кавы, Санъ Фелицъ, высказался такъ открыто и такъ опредѣленно за этотъ взглядъ, что св. отцы были очень сильно встревожены. По окончаніи засѣданія греческій епископъ изъ Хирона, одинъ изъ *ультра*-ортодоксальныхъ приверженцевъ римскаго двора ¹, громко заявилъ, что его коллега изъ Кавы или крайне невѣжественъ, или же необычайно нахаленъ. При этихъ словахъ ревностный поборникъ милосердія бросился на грека и схватилъ его за бороду, вырвавъ изъ нея клокъ волосъ ². Легко себѣ представить какой скандалъ произвела эта мальчишеская выходка въ святомъ собраніи. Слишкомъ буйный епископъ былъ посаженъ въ заключеніе, судимъ соборомъ и приговоренъ къ исключенію изъ него, причемъ онъ долженъ былъ кромѣ того отправиться къ папѣ и просить у него прощенія за свой поступокъ. Павелъ III помиловалъ оказавшаго нѣкогда важныя услуги папскому престолу Санъ Фелица, и онъ могъ спокойно вернуться въ свою епархію.

¹ Полезно сравнить съ событіями на общей конгрегациі 29 декабря 1546 г., описанными у Theiner'a, т. I, стр. 347.

² Theiner, т. I, стр. 192.

Это событіе послужило новымъ поводомъ для стараній легатовъ отложить продолженіе собора. Поэтому они сначала стали дѣлать все, чтобы вывести изъ терпѣнія св. отцовъ, всячески мѣшая назначенію опредѣленнаго дня для шестого засѣданія, на которомъ должно было быть окончено обсужденіе вопросовъ объ Оправданіи и о мѣстожительствѣ епископовъ. Ихъ сторонники не переставали поднимать вопросъ объ отсрочкѣ собора. Императорскіе кардиналы, Мадруццо и Пачеко, были крайне недовольны этимъ, и на конгрегаціи 30 іюля у нихъ произошла самая бурная сцена съ президентомъ де-Монте. Пачеко открыто обвинилъ легатовъ въ злонамѣренномъ извращеніи вотумовъ и въ произвольномъ игнорированіи воли большинства собранія. Вспыльчивый де-Монте, отвѣчая на это, заговорилъ о болѣе здоровой и менѣе здоровой части собранія. Вмѣшательство Мадруццо послужило для де-Монте давно желаннымъ поводомъ для ссоры съ нимъ, которая сдѣлала бы невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе собора въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ епископомъ. Тщетны были всѣ усилія епископовъ удержать кардиналовъ въ предѣлахъ благоразумія; тщетно архіепископъ Палермскій всталъ даже на колѣна посреди собранія и со слезами просилъ вернуться къ миру и спокойствію. Де-Монте позволилъ себѣ такіа оскорбительныя выраженія по отношенію къ Тріентскому кардиналу, что послѣдній вышелъ изъ за-

сѣданія со словами: «Понимайте мои слова какъ вамъ угодно, я жантильомъ». Это былъ обидный намекъ на низкое происхожденіе перваго легата; тѣмъ не менѣе де-Монте добился того, чего онъ давно хотѣлъ. «Если вы благородны, отвѣтилъ онъ, то и я не принадлежу къ подлымъ людямъ; я удалюсь въ такое мѣсто, гдѣ никакой жантильомъ не посмѣетъ меня терроризировать». Такимъ образомъ онъ предсказалъ перенесеніе собора въ городъ, находящійся подъ юрисдикціей папы. Дѣйствительно, легаты вскорѣ получили папскую грамоту отъ 3 августа, разрѣшающую имъ перенести соборъ въ какой угодно городъ, съ условіемъ, чтобы выборъ его былъ одобренъ большинствомъ св. отцовъ; съ своей стороны папа особенно рекомендовалъ городъ Лукку¹.

Читая переписку легатовъ нельзя не придти къ безспорному убѣжденію, что гнѣвъ де-Монте былъ въ значительной степени искусственнымъ, намѣреннымъ, рассчитаннымъ на то, чтобы ссорю съ императорскими кардиналами и въ особенности съ епископомъ Триентскимъ, создать наиболее удобный поводъ для оставленія этого города². Впечатлѣніе, произведенное этими событіями на тѣхъ, кто не понималъ истиннаго ихъ смысла, было самое удручающее. Генераль августинскаго ордена, Серипандо, человекъ большого образо-

¹ Pallavicini, VIII, 8, 4.

² Mendham, стр. 85 и слѣд.—Raynaldi, ad an. 1546, nr. 127.

ванія, ревностный и умѣренный въ дѣлахъ вѣры, писалъ въ своемъ дневникѣ отъ 30 іюля: «Глупые и мелочные раздоры между грандами, между де-Монте, Триентомъ и Хаеномъ»¹.

Это было не такъ глупо и не такъ мелочно, какъ полагалъ добрый Серипандо. Де-Монте удалось совершенно устранить Мадруццо, главу независимой, реформаторской и императорской партіи. Онъ возвелъ на него такія обвиненія въ непочтительности къ представителямъ папы, что въ Римѣ Мадруццо встрѣтилъ самое грозное отношеніе къ себѣ и лишь съ большимъ трудомъ выпросилъ себѣ прощеніе подъ условіемъ, что онъ болѣе не подастъ президентамъ собора никакого повода для жалобъ противъ себя. Такимъ образомъ изъ собора мало по малу удалились всѣ тѣ, кто держался преобразовательныхъ идей и большей или меньшей независимости по отношенію къ римскому двору. Епископъ Фьезоле былъ глубоко оскорбленъ и униженъ; епископъ Кавскій, несмотря на то, что онъ былъ довѣреннымъ лицомъ императора и даже до нѣкоторой степени его представителемъ на соборѣ², былъ изгнанъ самымъ позорнымъ образомъ; кардиналъ Мадруццо былъ теперь совершенно связанъ. «Мы допускаемъ полную свободу выраженія мнѣній — такъ писали легаты 2 октября 1546 г.»³, — для

¹ Calenzio, стр. 189.

² Quirini (т. IV, стр. 265—268) приводитъ несомнѣныя доказательства этому.

³ Mendham, стр. 90.

того, чтобы знать всѣ намѣренія, и потому, что мы видимъ, какъ они сами подкапываютъ себя». Кардиналь Поль не принималъ никакого участія во всѣхъ этихъ интригахъ. Хотя номинально онъ и состоялъ однимъ изъ президентовъ, но онъ держалъ себя въ сторонѣ отъ собранія, все болѣе и болѣе удалявшагося отъ его собственныхъ умѣренныхъ и примирительныхъ мнѣній. Объ ученіи объ Оправданіи онъ высказалъ такіе взгляды, которые должны были сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ ортодоксальныхъ членовъ церкви¹. Затѣмъ, въ концѣ іюня, онъ удалился въ Падую подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья и подъ тѣмъ же предлогомъ не исполнилъ повелѣнія Павла возвратиться въ Триентъ², а въ октябрѣ испросилъ себѣ окончательный отпускъ. Съ этихъ поръ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывался даже высказывать свое мнѣніе по вопросамъ, обсуждаемымъ на соборѣ³. Недовѣріе, которое внушалъ къ себѣ папа, было такъ сильно, что императоръ былъ убѣжденъ, что Поль былъ посланъ однимъ изъ легатовъ единственно съ цѣлью обмануть его назначеніемъ человека, извѣстнаго своимъ примирительнымъ духомъ и благожелательнымъ отношеніемъ къ собору⁴.

¹ Pallavicini, VIII, 2, 2.

² Письмо кардинала Поль къ Павлу III, 26 авг. 1546 г., Quirini, т. IV, стр. 37.

³ Quirini, т. IV, стр. 182, 189, 199.

⁴ Письмо императора къ Іоанну де-Вега, 3 апр. 1546 Maugnier, т. I, стр. 408, примѣч.

Освободившись отъ всѣхъ своихъ противниковъ, Монте и Червино считали, что имъ не трудно будетъ побороть сопротивленіе еще нѣкоторыхъ прелатовъ относительно перемѣщенія собора. Протесты императорскихъ посланниковъ только сильнѣе раздражали ихъ и заставляли еще съ большимъ рвеніемъ добиваться своей цѣли¹. Кардиналу Мадруццо было обѣщано полное помилованіе, если онъ употребитъ свое вліяніе на императора въ пользу удаленія собора изъ своего города. Въ своихъ конфиденціальныхъ письмахъ къ ихъ вліятельнымъ со-товарищамъ въ Римѣ, эти два легата откровенно говорили, что германская война ничто иное, какъ предлогъ для перемѣщенія собора. Это же доказываетъ, что весь гнѣвъ де-Монте противъ Мадруццо былъ совершенно искусственнымъ. Они прибавляли еще, что немедленное перемѣщеніе собора тѣмъ болѣе важно, что предстоитъ рѣшать вопросъ о правахъ епископата по отношенію къ папской власти и что можно будетъ быть несравненно болѣе увѣреннымъ за рѣшенія собора, когда онъ будетъ находится въ одномъ изъ папскихъ городовъ, какъ на примѣръ въ Болоньи, а не въ имперскомъ, какъ Триентъ.—Вотъ какова была та римская дипло-

¹ Письма легатовъ къ кардиналу-камерарію (Raynaldi ad. an. 1546, nr. 128); къ кардиналу Фарнезе, 25 іюля (Quirini t. IV, стр. 275); къ кардиналу Маффеи, 25 іюля (Quirini, т. IV, стр. 276).

матія, которая такъ выставляла всегда на видъ, что она руководится единственно только благочестивыми и религіозными мотивами. Склонивъ на свою сторону папу, легаты приготовились внести на общую конгрегацію вопросъ о перемѣщеніи собора ¹.

Но тутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшался императоръ. Ему удалось отстоять себя отъ своихъ враговъ и соединиться съ испанскими, итальянскими и папскими войсками. Теперь его силы превосходили силы его противниковъ, положеніе сразу сдѣлалось блестящимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и авторитетъ его власти. Теперь уже его, защитника церкви и самой папской власти, игнорировать было нельзя, и онъ рѣшительно объявилъ папѣ и своимъ посламъ въ Триентѣ, что не допуститъ перемѣщенія собора; при этомъ онъ высказалъ прямую угрозу кардиналу Червино, котораго считалъ своимъ самымъ сильнымъ противникомъ, и даже просилъ папу отозвать его ². Карлъ заявилъ послѣднему, что онъ не станетъ болѣе оказывать никакой помощи церкви, если соборъ не будетъ продолжать своихъ засѣданій въ самомъ Триентѣ, и что онъ ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ, чтобы испанскіе епископы покинули этотъ городъ и участвовали въ соборѣ въ другомъ городѣ.

¹ Pallavicini, VIII, 8, 5.

² Письмо императора къ Іоанну де-Вега, его послу въ Римѣ, отъ 31 іюля; Maugenhocher, стр. 72.

Папа и его легаты не осмѣлились идти на открытый разрывъ съ могущественнымъ монархомъ, который держалъ въ своихъ рукахъ судьбу церкви. Они предпочли уступить въ данный моментъ и дожидаться другого, болѣе благопріятнаго времени для достиженія своихъ цѣлей. Въ конгрегациі 13 августа ко всеобщему изумленію, де Монте объявилъ, что втеченіе послѣднихъ недѣль занятія собора подвигались очень медленно, благодаря прохожденію войскъ и проѣзду кардинала Фарнезе черезъ Триентъ ко двору императора, но что теперь, въ виду того, что въ Германіи дѣла уладились, нужно серьезно приняться за работу и что покидать Триентъ никому не придется, такъ какъ всякая опасность миновала¹.

Въ дѣйствительности Червино, который былъ гораздо лучшимъ политикомъ, чѣмъ раздражительный и вспыльчивый де-Монте, придумалъ новый планъ кампаніи и убѣдилъ своего коллегу принять его. Они возымѣли намѣреніе заставить соборъ принять и обнародовать декреты, касающіеся доктрины Оправданія, и этимъ путемъ навсегда извергнуть лютеранство изъ католической церкви. Ересь, побѣжденная на германскихъ поляхъ битвы оружіемъ императора, была бы такимъ образомъ побѣждена также и на догматической почвѣ. По достиженіи этой цѣли—приблизительно мѣсяца черезъ два—можно было снова начать попытки добиться перемѣщенія со-

¹ Pallavicini, т. VІІІ, стр. 10, 4.

бора, или же прекращенія его засѣданій на неопредѣленное время.

Легаты получили согласіе папы на этотъ новый планъ. На кардинала Фарнезе была возложена обязанность подготовить къ нему императора. Онъ долженъ былъ снова поговорить съ нимъ о перемѣщеніи собора (1546 г.). Такъ какъ онъ не могъ болѣе ссылаться на опасности войны, то предлогомъ онъ выставилъ нарушеніе свободы собора, совершаемое будто бы вызывающимъ и насильственнымъ образомъ дѣйствіемъ кардинала Мадруццо и самими угрозами Карла противъ легата Червино. Онъ утверждалъ, что большинство отцовъ требовало перемѣны мѣста, такъ что, въ случаѣ внезапной смерти престарѣлаго папы, собору и всему христіанскому міру угрожала опасность раскола. Всѣ эти причины, говорилъ Фарнезе, являются достаточнымъ поводомъ для перенесенія собора въ Лукку, Ферраре или какой нибудь другой итальянскій городъ, находящійся внѣ зависимости отъ папы, и благоудный императору¹.

Карлъ Пятый не согласился съ этими доводами. Онъ и повиновавшіеся ему прелаты держались діаметрально противоположныхъ взглядовъ. Они хотѣли, чтобы соборъ продолжалъ засѣдать въ самомъ Триентѣ, но чтобы онъ занимался исключительно вопросами управленія и ре-

¹ Письмо императора къ де-Вега, отъ 30 апр. 1546 г. Maurenbrecher, стр. 78.

формы, оставляя въ сторонѣ ученіе объ Оправданіи и вообще всѣ догматическіе вопросы, чтобы не слишкомъ рано дать понять протестантамъ, что на самомъ дѣлѣ въ настоящей войнѣ дѣло идетъ объ ихъ религіи; императору важно было довершить сначала свою побѣду, разгромивъ Саксонію, Гессенъ и ихъ союзниковъ¹. Такимъ образомъ въ Триентѣ паписты стали всѣми силами торопить обсужденіе вопроса объ Оправданіи, имперцы же со своей стороны дѣлали все, чтобы затягивать ихъ.

Кардиналь Червино, богатая изобрѣтательность котораго всегда умѣла найти нужные способы дѣйствій, придумалъ новую комбинацію, долженствовавшую посредствомъ взаимныхъ уступокъ примирить интересы императора и папы. Онъ предложилъ отказаться отъ немедленнаго опубликованія ученія объ Оправданіи, чтобы дать императору возможность совершенно разбить протестантскія войска. Съ своей же стороны, Карль долженъ былъ разрѣшить отсрочку собора, сначала на шесть мѣсяцевъ, и предоставить все дѣло дисциплинарной реформы на усмотрѣніе папы. Легаты составили проектъ договора въ этомъ смыслѣ съ представителями императора въ Триентѣ, но этотъ договоръ не былъ одобренъ Карломъ Пятымъ (дек., 1546 г.). Тогда легаты, выведенные изъ терпѣнія тѣми преградами, которыя имъ постоянно ставилъ этотъ государь, пре-

¹ Императорскія инструкціи; Maignier, т. I *passim*.

кратили всякіе переговоры съ нимъ, и вечеромъ того же дня де-Монте предложилъ св. отцамъ (20 декабря) назначить день торжественнаго обнародованія декретовъ объ Оправданіи. Тщетно возставали противъ этого Пачеко и другіе испанскіе прелаты; тщетно снова дѣло доходило до рѣзкихъ, оскорбительныхъ рѣчей, въ которыхъ, по обыкновенію, особенно отличались де-Монте и Пачеко;—раболѣпное, итальянское большинство, какъ всегда рѣшило, что обнародованіе соевоится въ шестомъ засѣданіи, 13 января слѣдующаго года (29 декабря). Это было новымъ доказательствомъ того, какъ мало основанія имѣло утвержденіе будто въ Триентѣ соборъ былъ слишкомъ подчиненъ вліянію императора. Легаты въ этомъ случаѣ выиграли еще въ томъ, что во второй разъ помѣшали окончательному постановленію о мѣстожительствѣ епископовъ. Съ одной стороны, они не хотѣли допустить, чтобы у папы было отнято право рѣшать вопросъ о мѣстожительствѣ и изъ милости, или за деньги, жаловать прелатамъ по нѣскольку епископствъ; съ другой же стороны, они опасались, чтобы епископскій санъ не былъ признанъ прямымъ установленіемъ Іисуса Христа, тогда какъ римскій дворъ считалъ это установленіе происходящимъ отъ Христа лишь черезъ посредство папы.

Несмотря на отсутствіе представителей всѣхъ свѣтскихъ государствъ—они все еще хотѣли по

возможности щадить германскихъ протестантовъ—шестое засѣданіе получило въ высшей степени важное значеніе. На немъ были обнародованы капитулы и каноны относительно ученія объ Оправданіи, которые санкціонировали на вѣки раздѣленіе христіанскаго міра на двѣ враждующія церкви. Это было рѣшительнымъ моментомъ. Соборъ постановлялъ пятымъ капитуломъ, что началомъ Оправданія служитъ милосердіе Іисуса Христа, даруемое имъ безъ всякой заслуги человѣка, который можетъ лишь принять или отвергнуть его, такъ что въ концѣ концовъ его спасеніе зависитъ отъ него самого (кап. VI); что при помощи своей вѣры, раскаянія, принятія благихъ рѣшеній, умерщвленія плоти, повиновенія повелѣніямъ церкви, добрыхъ дѣлъ (капит. X и XVI) всякій вѣрующій можетъ надѣяться на спасеніе, но никто не можетъ быть въ немъ увѣренъ (капит. IX); что смертный грѣхъ влечетъ за собою потерю помилованія, хотя бы вѣра и оставалась искренною (капит. XV). Всѣ эти положенія кореннымъ образомъ противорѣчатъ протестантскому ученію; онѣ были подтверждены и разъяснены болѣе точнымъ образомъ 33 канонами, въ которые было включено проклятiе всѣмъ противнымъ ученіямъ.

Съ этого момента соборъ совершенно пересталъ принимать во вниманіе желанія императора. Киа свело подпаль подъ власть Червино, клерикальное рвеніе котораго еще усиливалось нена-

вистью и жаждою мщенія противъ Карла. Въ томъ же засѣданіи было рѣшено подвергнуть суду всѣхъ тѣхъ епископовъ, которые не явились въ Триентъ, не представивъ уважительныхъ поводовъ. Большинство совсѣмъ не скрывало, что это былъ ударъ, направленный болѣе всего противъ германскихъ епископовъ ¹. Запрещено было также присутствующимъ прелатамъ покидать городъ до слѣдующаго засѣданія подъ угрозою отлученія отъ церкви и лишенія всѣхъ доходовъ.

Папа не только одобрилъ декреты шестаго засѣданія, но, чтобы наградить соборъ за то, что онъ не занимался вопросомъ о мѣстожителствѣ епископовъ, онъ, по собственному побужденію, издалъ буллу, которою предписывалъ кардиналамъ, владѣющимъ многими епископствами, избрать изъ нихъ въ шестимѣсячный или, въ крайнихъ случаяхъ, въ годовой срокъ одно и отказаться отъ остальныхъ. Слѣдуетъ сказать, что эта булла, долженствовавшая отвести глаза общественному мнѣнію, осталась мертвою буквой: кардиналы подъ различными предлогами продолжали захватывать какъ можно больше богатыхъ бенефцій ². Хотя нѣкоторые изъ нихъ и отказались отъ владѣнія многими епископствами, но, отказываясь, они сумѣли сохранить за собою столь-

¹ Pallavicini, VIII, 18, 13; IX, 1, 1. 2.

² Письмо де-Діега де-Мендоза къ императору, 14 іюля 1547 г.; Maignier, т. I, стр. 459, примѣч.

КО ДОХОДОВЪ ОТЪ НИХЪ, ЧТО ПОЧТИ НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЛИ ВЪ ДЕНЕЖНОМЪ ОТНОШЕНІИ ¹.

Собранные въ Триентѣ отцы церкви ревностно трудились надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать догматическое ученіе церкви недоступнымъ ни для какой ереси. Какъ сильно ошибались тѣ, кто ожидалъ отъ этого съѣзда примиренія съ протестантами! Въ то самое время, какъ поднимаемый теперь уже въ третій разъ вопросъ о декретѣ относительно мѣстожителства епископа подвигался съ такимъ трудомъ, другое новое постановленіе о таинствахъ было выработано съ поразительною быстротою. Въ предшествовавшихъ соборахъ борьба велась не противъ ересей вообще, а лично противъ еретиковъ, и поэтому имъ давалось право и возможность защищать свои взгляды передъ самимъ собраніемъ. Въ Триентѣ же поступали иначе. Павелъ III боялся, что въ случаѣ, если протестанты будутъ призваны на соборъ, то въ немъ самомъ могутъ возникнуть разногласія и сдѣлается очевиднымъ, что нѣкоторые изъ епископовъ въ сущности во многомъ согласны съ лютеранскимъ ученіемъ. Поэтому онъ приказалъ, чтобы не упоминали ни одного имени, исключая самого Лютера, который передъ тѣмъ только что умеръ и, слѣдовательно, былъ уже безвреденъ, и избѣгать всякаго рода юридическихъ толкованій, могущихъ вести къ противорѣчіямъ. Такимъ

¹ Письмо кардинала де-Беллэ къ королю Генриху II: см. Druffel, т. I, стр. 115.

образомъ было легко нанести полное пораженіе отсутствующимъ врагамъ. Соборъ постановилъ четырнадцать пунктовъ относительно таинствъ вообще, семнадцать относительно крещенія и четыре относительно миропомазанія. Въ этихъ пунктахъ снова утверждалось, что таинствъ семь, что совершать таинства имѣютъ право одни священники, что онѣ необходимы для снисканія божьяго милосердія и что онѣ различаются другъ отъ друга по степени важности; что крещеніе необходимо для отпущенія грѣховъ, а конфирмація носить характеръ таинства. Всего болѣе подвергался обсужденію богослововъ и прелатовъ вопросъ о томъ нужно ли, для того чтобы таинство имѣло силу, чтобы совершающій его дѣлалъ это съ вполнѣ сознательнымъ намѣреніемъ? Наконецъ болѣшинство рѣшило, въ противность мнѣнію реформаторовъ и даже нѣкоторыхъ изъ епископовъ, что это послѣднее условіе необходимо.

Но гораздо болѣе жесточенные споры возбудилъ вопросъ, касавшійся постановленія относительно мѣстожителства епископовъ. Можетъ ли папа разрѣшить ихъ отъ обязательства жить въ своей епархіи, или нѣтъ? Если это обязательство имѣетъ только историческое происхожденіе и установлено людьми, то несомнѣнно папа можетъ разрѣшать отъ него; если же это повелѣно самимъ Богомъ, то тогда папа не имѣетъ этого права. Это послѣднее мнѣніе особенно отстаивалось испанцами.

Самый выдающійся изъ ихъ теологовъ, доминиканецъ Варфоломей Карранца, бывшій впоследствии архіепископомъ Толедскимъ и примасомъ всей Испаніи, написалъ по этому вопросу въ Триентѣ цѣлую книгу, которую онъ посвятилъ епископамъ своей страны¹. Тутъ дѣло шло не объ одномъ только теоретическомъ вопросѣ безъ всякаго практическаго значенія, какъ представляли дѣло легаты. Уже шесть разъ запрещалось соборами отсутствіе епископовъ изъ ихъ епархій, — и это запрещеніе оставалось мертвою буквой потому что папы постоянно освобождали ихъ отъ этой обязанности. Въ 1538 г. сами кардиналы удостовѣряли, что не было почти ни одного епископа, который бы постоянно жительствовалъ въ своей епархіи². Несомнѣнно было необходимо положить конецъ столь пагубному положенію вещей. Кромѣ того, наиболѣе независимые прелаты хотѣли обязать папу избирать лишь способныхъ и достойныхъ епископовъ, тогда какъ легаты и ихъ партизаны соглашались только на то, чтобы почтительнѣйше просить о томъ св. отца³.

Несмотря на продолжительность всей этой борьбы, конецъ ея было легко предвидѣть. Въ то время какъ число *ультрамонтановъ*, т. е. не итальянцевъ увеличивалось лишь очень мало,

¹ Она была издана въ Антверпенѣ въ 1554 г. — Le Plat, т. I, стр. 522, 584.

² Le Plat, т. II, стр. 601.

³ Raynaldi, ad. an. 1547, n° 3.

итальянскихъ епископовъ прибывало въ Триентъ все больше и больше. Они знали, что они находятся тутъ на виду у папы и у римской инквизиціи и что если они будутъ держать себя какъ слѣдуетъ, то могутъ надѣяться на получение наградъ, повышеній и даже быть можетъ кардинальскаго званія,—цѣли всѣхъ ихъ стремленій. Они были связаны національными узами съ этимъ папствомъ, которое все болѣе и болѣе принимало исключительно итальянскій характеръ. Имъ было очень мало дѣла до пламеннаго желанія другихъ народовъ добиться серьезныхъ реформъ. И потому они съ все болѣе возростающею смѣлостью, опираясь на свое численное превосходство, упорно возставали противъ всѣхъ предложеній иностранныхъ прелатовъ. Епископъ Салуцскій осмѣлился даже возражать противъ всемірной власти собора на томъ основаніи, что папа не присутствовалъ на немъ, и сдѣлалъ замѣчаніе относительно «испанскихъ лисицъ», которыя втайнѣ трудились надъ тѣмъ, чтобы подчинить папу собору¹. Приѣмъ, при помощи котораго *куріалистамъ* уже много разъ удавалось одерживать верхъ надъ своими противниками путемъ ихъ устраненія, былъ снова пушенъ въ ходъ. Въ конгрегациі 24 февраля 1547 г. Браччіо Мартелли, епископъ Фіезолескій, который, несмотря на свое итальянское происхожденіе, былъ од-

¹ Общая конгрегациа 15 янв. 1547; Theiner, т. I, стр. 383.

нимъ изъ самыхъ независимыхъ и самыхъ смѣлыхъ прелатовъ на соборѣ, высказалъ свое недовольство на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ епископовъ хотятъ превратить въ простыхъ делегатовъ папскаго престола, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они обладаютъ въ своихъ епархіяхъ всѣми духовными правами, безъ всякаго ограниченія. Тогда внезапно поднялся съ мѣста епископъ Алифскій, Пигино, ближайшій совѣтникъ кардинала де-Монте ¹ и, въ качествѣ аудитора папской камеры, въ самой рѣзкой формѣ потребовалъ отъ Мартелли рукописи произнесенной имъ рѣчи для того, чтобы предать его суду за еретическія слова противъ власти св. престола. Это заявленіе вызвало въ собраніи страшную бурю. Всѣ иностранные и имперскіе прелаты совершенно основательно протестовали противъ такого пріема, вполне уничтожающаго всякую свободу собора. Кардиналъ Хаенскій, епископы Калагорскій и Кастелламарскій горячо выступили на защиту правъ собора. Но другой аудиторъ папской камеры, Чикала, епископъ Альбенгскій, пришелъ на помощь своему коллегѣ и назвалъ епископа Фьезолескаго еретикомъ, снова впавшимъ въ расколь. Повидимому, Монте и самъ желалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подчинить соборъ волѣ папской партіи, потому что, пригрозивъ нѣсколько разъ Мар-

¹ *Relazione de Matteo Dandolo; Albèri, Relazione veneti al Senato*, т. VII, стр. 354.

тели отлученіемъ отъ церкви, онъ заставилъ его выдать рукопись. Но *куріалисты* зашли слишкомъ далеко. Архіепископъ Армагскій (въ Ирландіи), бывшій до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ихъ приверженцевъ, заявилъ, что онъ недавно слышалъ изъ устъ самого папы о желаніи послѣдняго предоставить полную свободу слова и предложеній собору. Епископъ Калагоррскій просилъ дозволенія выйти изъ собора, въ которомъ нельзя говорить или подавать свой голосъ по совѣсти. Тогда легаты поняли, что они перешли границы намѣченной цѣли. Де-Монте, хотя и съ самымъ недовольнымъ видомъ и съ рѣзкими упреками всему собору и въ особенности Мартелли, возвратилъ ему его рукопись. Кардиналь дела-Санта Кроче—Червино—даже выразилъ порицаніе обоимъ аудиторамъ за ихъ неумѣстное рвеніе и за узурпацію президентскихъ правъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на это кажущееся отступленіе, папская партія все же до извѣстной степени одержала побѣду.

Независимая партія, запуганная всѣми наносимыми ей ударами, стала сдаваться во всѣхъ обсуждаемыхъ вопросахъ. Легатамъ удалось добиться того, чтобы въ постановленіи о резиденціи не были упомянуты кардиналы, чего постоянно и съ большою настойчивостью требовали испанскіе епископы. Нужно сказать, что папа самъ придавалъ этому вопросу столько важности,

что написалъ по этому поводу къ испанцамъ письмо, полное упрековъ¹. Что же касается Пигино, которому легаты высказали публично передъ соборомъ порицаніе, то втайнѣ они похвалили его передъ папою, который продолжалъ осыпать его милостями.

Седьмое торжественное засѣданіе состоялось 5 марта 1547 г. На немъ были опубликованы постановленія относительно тайнствъ и относительно резиденціи епископовъ. Въ этомъ послѣднемъ постановленіи умалчивалось о томъ, божественнаго или чловѣческаго происхожденія обязательство находится въ своей епархіи. Имъ воспрещалось только соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ епископствъ, приходовъ и иныхъ духовныхъ бенефицій. Имъ повелѣвалось, чтобы каждый избранный епископъ былъ посвященъ въ шестимѣсячный срокъ и чтобы кандидаты на священнической санъ подвергались экзамену передъ епископомъ своей епархіи; послѣднему же давалось право осматривать и реформировать всѣ церкви своего округа и даже капитулъ его кафедральнаго собора. Все это были превосходныя предписанія, но такъ какъ легатамъ удалось добиться того, чтобы декретъ начинался со словъ: нисколько не уменьшая папской власти, то этимъ оставлялся широкой просторъ для всякихъ злоупотребленій римскаго двора, тѣмъ болѣе, что ничего не было сказано о томъ, что пребываніе епископовъ среди сво-

¹ Le Plat, т. III, стр. 509 и слѣд.

ей папствы установлено самимъ Богомъ. Такимъ образомъ за папой осталось право разрѣшать отъ этой обязанности; интриги и деньги попрежнему могли считать себя выше самыхъ строгихъ и самыхъ основныхъ законовъ церкви.

Засѣданіемъ 5 марта должны были временно закончиться занятія собора; никто не подозрѣвалъ, что онъ находился наканунѣ настоящей катастрофы.

Какъ извѣстно своимъ созывомъ соборъ былъ обязанъ Павлу III, который не могъ болѣе обойтись безъ помощи императора, чтобы спасти церковь, которая была со всѣхъ сторонъ окружена опасностями, въ особенности угрожавшими самому существованію католицизма въ Германіи, Венгріи и въ Польшѣ. Для того, чтобы пріобрѣсть папству защиту могущественнаго меча Карла-Пятаго, Павелъ исполнилъ желаніе императора, созвавъ представителей церкви въ городѣ, входящемъ въ составъ имперіи и находящемся подъ прямымъ вліяніемъ Габсбуроовъ. Между тѣмъ, въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ положеніе дѣлъ сильно измѣнилось.

Императору удалось выдержать натискъ всѣхъ многочисленныхъ войскъ непріятеля до тѣхъ поръ, пока къ нему не подоспѣла его нидерландская армія, приблизительно въ 20.000 чело-вѣкъ. Тогда король Фердинандъ и герцогъ Морицъ Саксонскій напали на владѣнія курфюрста Саксонскаго. При этомъ извѣстии протестантская

армія покинула южную Германію, которая такимъ образомъ цѣликомъ перешла во власть императора (ноябрь—декабрь, 1546 г.). Завоеваніе сѣверной Германіи въ слѣдующемъ же году представлялось императору дѣломъ несомнѣннымъ.

Эти побѣды Карла-Пятаго имѣли болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ того ожидалъ папа. Съ этого времени послѣдній совершенно пересталъ бояться протестантовъ, которыхъ онъ считалъ уже уничтоженными и которые во всякомъ случаѣ должны были остаться непримиримыми врагами императора, но самъ Карлъ-Пятый началъ внушать ему страхъ и зависть. Было болѣе чѣмъ вѣроятно, что, сдѣлавшись полнымъ властелиномъ Германіи, онъ съ удвоенною силою будетъ стремиться подчинить себѣ Италію и самую папскую власть. Онъ уже назначилъ губернаторомъ Милана Фердинанда Гонзага, смертельнаго врага дома Фарнезе, и между послѣднимъ и Петромъ-Людвикомъ Фарнезе, сыномъ папы, возведеннымъ отцомъ въ герцога Пармскаго и Пьяченскаго, уже успѣли возникнуть серьезныя непріятности. Было бы однакоже несправедливо утверждать, что только одни мірскія побужденія, вродѣ опасенія за свое положеніе владыки Италіи и заботы объ интересахъ семьи, заставили папу относиться враждебно къ побѣдоносному Карлу.

Причиною тому, и быть можетъ самою главною, служила также боязнь, чтобы папскій пре-

столь не попалъ въ полную зависимость отъ Габсбурговъ, хотя бы только по вопросамъ догматическимъ, и чтобы реформаторскія стремленія Карла Пятаго не восторжествовали надъ іерархическимъ консерватизмомъ, представителемъ котораго являлся римскій дворъ,—эта то боязнь и заставила Павла III измѣнить свое отношеніе къ императору, какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ. Различіе интересовъ той и другой власти сказывалось все болѣе и на самомъ Тріентскомъ соборѣ. Императоръ не былъ доволенъ ходомъ дѣла на соборѣ: онъ порицалъ принятую имъ слишкомъ узко ортодоксальную точку зрѣнія, безъ всякаго вниманія къ мнѣніямъ протестантовъ, и за то, что соборъ, настаивая на догматахъ, не занимается серьезно реформой. Его министръ и довѣренное лицо, Гранвелла, открыто насмѣхался надъ этими нѣсколькими итальянскими епископами, которые хотѣли предписывать законы всему міру¹. Испанцы проявляли большую долю непокорности, они предлагали цѣлый рядъ статей, которыя они называли *цензурами* и которыя всѣ были направлены противъ папской власти. Легатамъ постоянно приходилось повторять въ ихъ конфиденціальныхъ письмахъ, что они могутъ полагаться только на однихъ итальянцевъ, съ помощью которыхъ они до сихъ поръ и одерживали всѣ побѣды въ Тріентѣ. Опубликованіе декретовъ объ Оправданіи

¹ Ranke, *Werke*, т. IV, стр. 353.

на шестомъ засѣданіи (январь, 1547 г.) показалось всему міру настоящимъ враждебнымъ вызовомъ императору¹. Подобная же оппозиція сказывалась уже и въ политическихъ дѣлахъ.

Въ январѣ 1547 г. Карль былъ чрезвычайно неприятно пораженъ тѣмъ, что папа не только отозвалъ свои войска изъ императорской арміи, но и объявилъ ему, что папская казна не въ состояніи болѣе уплачивать суммы, обѣщанныя въ іюньскомъ договорѣ 1546 года. При этомъ было заявлено, что императоръ самъ нарушилъ этотъ договоръ, тщательно скрывъ религиозный характеръ войны и сдѣлавъ столь многія религиозныя уступки различнымъ государствамъ имперіи, не имѣя на то согласія папы или его нунція. Павель III даже пошелъ еще дальше: онъ отказался снова наложить контрибуцію на испанскую церковь, богатства которой до сихъ поръ главнымъ образомъ поддерживали императорскую армію. Наконецъ, племянники папы, Фарнезе, начали переговоры съ королемъ Франціи, Францискомъ I, который вопреки своимъ торжественнымъ обѣщаніямъ при заключеніи договора въ Креспи, имѣлъ намѣреніе положить конецъ военнымъ и политическимъ успѣхамъ Карла Пятаго, и дѣйствительно дѣлалъ приготовленія къ войнѣ². Между обоими монархами и

¹ Ribier, *Mémoires d'Etat*, т. I, стр. 607.

² Депеша Менажа, французскаго посланника при дворѣ Карла Пятаго, отъ 20 янв., 1547 г.; Bucholtz, *Geschichte Kaiser Ferdinand des Ersten*, т. VI, стр. 518 и слѣд.

ихъ посланниками уже произошелъ обмѣнъ довольно неприятныхъ рѣчей. Императоръ и его сестра, королева венгерская и правительница Нидерландовъ, также, съ своей стороны, дѣятельно вооружались. Французскій король старался образовать противъ императора сильную лигу при содѣйствіи Венеціи, Даніи и Шотландіи. При Гессенскомъ и Саксонскомъ дворахъ французскіе посланники убѣждали этихъ протестантскихъ государей продолжать сопротивленіе Карлу, обѣщая имъ со стороны Франциска I ежемѣсячную субсидію въ 40.000 экю ¹. Такимъ образомъ папа, хотя и косвенно, вступалъ въ союзъ съ еретиками противъ императора, защитника католическаго ученія противъ отступниковъ! Императоръ считалъ, что имѣетъ полное основаніе подозрѣвать не только французовъ, но также и Петра Людовика Фарнезе и самого Павла III въ участіи въ заговорѣ Фіески въ Генуѣ противъ преданныхъ испанцамъ Доріа (янв. 1547).

Карлъ былъ въ высшей степени раздраженъ противъ своего невѣрнаго союзника, который грозилъ вырвать у него изъ рукъ все то, чего онъ думалъ достигнуть своими побѣдами, и въ то самое время, когда онъ полагалъ, что достигъ уже цѣли. Онъ заявилъ апостолическому нунцію, что онъ потому не упоминалъ имени папы въ сво-

¹ Дешети различныхъ французскихъ посланниковъ въ январѣ и февралѣ 1547 г.; Ribier, *Lettres et Mémoires d'Etat* (Paris 1677), т. I, стр. 593—627 и слѣд.

ихъ манифестахъ и трактатахъ, что это имя сдѣлалось ненавистнымъ не только въ Германіи, но и во многихъ другихъ странахъ христіанскаго міра, благодаря его дурнымъ поступкамъ ¹. Онъ прямо заявилъ, что потребуетъ контрибуцію съ испанскаго духовенства и будетъ продавать церковныя имущества безъ согласія папы, потому что, говорилъ онъ, здѣсь дѣло идетъ о борьбѣ съ еретиками и онъ можетъ это дѣлать съ болѣе спокойною совѣстью, чѣмъ его Святѣйшество, которое при существующихъ обстоятельствахъ, желаетъ хранить свои деньги въ сундукѣ для обогащенія и возвеличенія своей семьи. Карлъ грозилъ даже, въ случаѣ если ему будутъ продолжать создавать препятствія, заключить миръ и, быть можетъ, даже союзъ съ протестантами и такимъ образомъ «отомститъ своимъ врагамъ съ помощью ихъ враговъ», какъ говоритъ псалмопѣвецъ.

Послѣ подобныхъ заявленій всякое согласіе между двумя главами христіанскаго міра сдѣлалось невозможнымъ. Папа боялся главнымъ образомъ, чтобы императоръ не выполнилъ своей угрозы прибыть самому въ Италію и привести въ порядокъ дѣла церкви. Поэтому онъ рѣшилъ вернуться къ своему прежнему плану и исполнить, наконецъ, желаніе легатовъ, т. е. удалить

¹ Por ser su nombre tan odioso y no solo en esta Germania mas aun en muchas otras partes de la christiantad por sus malas obras. — Императоръ къ Мендозѣ, 11 февраля 1547 г.; Maurenbrecher, стр. 92.

соборъ отъ вліянія императора и его испанцевъ, перемѣстивъ его туда, гдѣ онъ будетъ находится подъ непосредственною властью римскаго двора. Однако же Павелъ III былъ слишкомъ тонкимъ политикомъ, что бы дать Карлу поводъ обвинить его передъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, поэтому онъ одобрилъ планъ де Монте и Червино перенести соборъ въ Болонью, городъ принадлежащій папѣ, но приказалъ имъ не принимать этого рѣшенія самимъ, а сдѣлать такъ, чтобы оно было постановлено большинствомъ отцевъ церкви, находящихся въ Триентѣ¹. Нѣкоторые изъ безусловно преданныхъ святѣйшему престолу епископовъ, уже выѣхавшіе въ Венецію, получили приказъ немедленно вернуться въ Триентъ², чтобы оказать содѣйствіе перемѣщенію собора.

Предлогъ былъ найденъ довольно легко. Въ самомъ началѣ 1547 года умерли двое изъ членовъ собора и нѣсколько чловѣкъ изъ богослововъ и близкихъ къ прелатамъ лицъ, — обстоятельство весьма естественное при столь многолюдномъ съѣздѣ людей по большей части преклоннаго возраста. Легаты немедленно же заговорили о томъ, что въ Триентѣ эпидемія кори и назначили тщательное разслѣдованіе, которое они поручили произвести Фракастору, офиціальному

¹ Объясненіе, которое даетъ этимъ событіямъ Saggi (кн. II, стр. 253 въ оригинальномъ лондонскомъ изд. 1619 г.), можно назвать совершенно ошибочнымъ и неправдоподобнымъ.

² Mendham, стр. 114.

медику собора. Этотъ послѣдній, само собою разумѣется, поспѣшилъ объявить, что въ городѣ существуетъ чрезвычайно опасная зараза, быть можетъ даже чума ¹. Человѣкъ десять епископовъ съ радостью ухватились за этотъ предлогъ, чтобы покинуть Триентъ, котораго непостоянный и нерѣдко суровый климатъ и отдаленность были имъ очень непріятны. Такимъ образомъ легаты достигли своей цѣли. 9 марта 1547 г. они заговорили на общей конгрегациі о сильномъ распространеніи эпидеміи и о неудержимомъ бѣгствѣ епископовъ. Все ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ могло служить настоящимъ образцомъ тонкой и ни передъ чѣмъ не останавливающейся римской дипломатіи. «Мы не хотимъ вамъ давать никакихъ совѣтовъ, говорили они; напротивъ того, мы хотимъ поступать только такъ, какъ вы рѣшите, мы только будемъ протестовать противъ распущенія собора». Они отлично понимали, что большинство уже совсѣмъ готово къ мысли покинуть Тиролю. Послѣдняя фраза относительно несогласія на распущеніе собора могла даже

¹ Raunaldi самъ, несмотря на свою безусловную преданность римскому двору, говоритъ: Testimonia (de morbo) relata sunt Fracastori et Balduini medicorum, quae ex magna parte fuisse fallacia secutus rerum exitus comprobavit. — Посланникъ императора въ Римъ, Мендоза, прямо обвиняетъ легатовъ, говоря въ письмѣ къ своему повелителю: Puede ser certa V. M-d de que los legatos anduvieron secretamente hablando y subornando á los obispos come á los medicos; Ranke, *Werke*, т. IV, стр. 361.

быть выставлена, какъ особая заслуга передъ императоромъ ¹:

Все произошло именно такъ, какъ это предвидѣли легаты. Епископъ Триентскій, Мадруццо, не могъ помѣшать ничему, потому что, утомленный постоянными враждебными выходками легатовъ, онъ уже давно совершенно не показывался въ собраніи. Всѣ возраженія императорскихъ прелатовъ подъ предводительствомъ Пачеко противъ перемѣщенія были напрасны. Тщетно также отрицали триентскіе врачи существованіе эпидеміи, приводя въ подтвержденіе статистическія данныя. Папское большинство единодушно и быстро шло къ указанной ему цѣли. Нужно было торопиться для того, чтобы до императора не дошли свѣдѣнія о происходящемъ въ Триентѣ и чтобы онъ не имѣлъ времени принять свои мѣры. Легатовъ окружала вѣрная стража изъ пятнадцати или шестнадцати епископовъ, которые всѣ получали жалованье изъ папской казны ², и они составляли почти треть всѣхъ имѣющихся на лицо прелатовъ. Они всѣ возопили, что нельзя ставить на одну доску столь знаменитаго ученаго, какъ Фракасторе, и «дюжинныхъ врачей» Триента. 11 марта, на восьмомъ публичномъ засѣданіи, перемѣщеніе собора въ папскія владѣнія было постановлено большинствомъ 38 голосовъ противъ

¹ Документы, относящіеся къ перенесенію собора, въ Болонью, можно найти у Le Plat, т. III, стр. 584 и слѣд.

² Ихъ имена можно найти у Calenzio, стр. 29 и слѣд.

14 несогласныхъ и 4 отсутствующихъ ¹. Легаты до извѣстной степени раскрыли свою игру, такъ тщательно скрываемую ими до сихъ поръ, предложивъ мѣстомъ собранія папскій городъ Болонью. Нечего говорить, что это предложеніе было съ готовностью принято покорнымъ большинствомъ, которое рѣшило даже, что слѣдующее публичное засѣданіе, назначенное на 21 апрѣля, будетъ имѣть мѣсто уже тамъ. Легаты были настолько увѣрены въ своей побѣдѣ, что они все уже приготовили къ отъѣзду и были въ состояніи оставить городъ на слѣдующій же день, 12 марта. Ихъ сторонники послѣдовали за ними со всею возможною поспѣшностью; они даже на засѣданіи присутствовали въ дорожныхъ костюмахъ, тогда какъ на улицѣ уже сѣдлали ихъ лошадей ². «Въ Болоньи мы чувствовали себя вышедшими изъ египетскаго плѣненія и попавшими въ обѣтованную землю», — такъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя писалъ, торжествуя побѣду, одинъ изъ нихъ ³. Между тѣмъ Пачеко съ императорскими прелатами остались въ Триентѣ, какъ имъ было повелѣно Карломъ. Въ соборѣ произошелъ настоящій расколъ!

¹ Sargi, стр. 262, прямо причисляетъ этихъ послѣднихъ къ несогласнымъ.

² *Journal de Laurent Pratanus*, стр. 30.

³ Baluzi-Mansi, т. III, Приложение, стр. 145.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Второе собраніе Тріентскаго собора.

Торжество и радость папской партіи. — Гнѣвъ и угрозы императора. — Искусное поведеніе Карла Пятаго. — Ничтожество Болонскаго собора. — Убійство сына папы Петра Людовика Фарнезе. — Павелъ III желаетъ образовать противъ императора большую лигу. — Сильное положеніе послѣдняго. — Борьба государства противъ всемогущества церкви. — Протестъ императорскихъ пословъ противъ Болонскаго собора. — Interim. — Вопросъ о Пьяченцѣ и религіозный вопросъ. — Оставшіеся въ Тріентѣ прелаты. — Роспущеніе Болонскаго собора. — Отпаденіе Октавія Фарнезе и смерть Павла III. — Кардиналь де-Монте — папа Юлій III. — Онъ переходитъ на сторону императорской партіи и снова созываетъ Тріентскій соборъ. — Враждебность Генриха II, короля французскаго. — Новые предсѣдатели собора. — Затрудненія, препятствующіе успѣху собора. — Вопросъ объ евхаристіи и о чашѣ. — Юрисдикція епископовъ. — Легатъ Кресченціо противится стремленіямъ имперскихъ епископовъ. — Дѣло реформы нисколько не подвигается. — Прибытіе на соборъ протестантовъ. — Ихъ высокомерное и несговорчивое поведеніе. — Недоброжелательство папы къ собору. — Политическія опасности. — Протестантскіе князья нападаютъ на императора и угрожаютъ городу Тріенту. — Роспускъ собора. — Причины неуспѣшности втораго собранія Тріентскаго собора.

Несомнѣнно, что прелаты, оставшіеся въ Тріентѣ, съ формальной стороны были неправы. Папскіе легаты предъявили указъ папы, предоставляющій имъ право перевести соборъ въ ка-

койнибудь другой городъ; но они не воспользовались этимъ правомъ и сами собравшіеся прелаты рѣшили большинствомъ болѣе чѣмъ двухъ третей голосовъ перейти въ Болонью. Однако, было ясно, какъ день, что это рѣшеніе было принято не только съ согласія, но по внушенію легатовъ и самого святого отца. Развѣ безъ этого могли они рѣшиться назначить будущія собранія собора въ городѣ, находящемся въ предѣлахъ папскихъ владѣній? Хорошо освѣдомленные люди даже увѣряли, что Юліанъ Ардингелло, братъ кардинала того же имени, прибывшій въ Тріентъ въ февралѣ 1547 г., будто бы съ цѣлью выразить Мадруццо соболѣзнованіе папы по случаю кончины его брата, въ дѣйствительности имѣлъ порученіе сговориться съ легатами относительно перевода собора въ другое мѣсто¹. Ученый епископъ Джіовіо съ торжествомъ поздравлялъ своего друга Червино съ этимъ событіемъ. Онъ видѣлъ въ оставленіи Тріента побѣду итальянцевъ надъ нѣмцами, которые хотѣли играть роль св. Христофора, поднявшаго на своихъ плечахъ весь міръ. Легать отвѣчалъ ему, вполне соглашаясь съ его точкою зрѣнія².

¹ Деша Мендозы изъ Рима отъ 18 сентября 1547 г.; Doellinger, *Beitraege zur polit. Kirchl. u. Kulturgesch.* т. I, стр. 115.

² *Письма отъ Джіовіо къ Червино* отъ 29 марта и отъ *Червино къ Джіовіо* отъ 4 апрѣля 1547 г.; Baluze-Mansi, т. III, стр. 505.

Такимъ образомъ папа приготовился къ полному разрыву съ императоромъ. Онъ предложилъ Франциску I-му бракъ своего внука, Горация Фарнезе, съ побочною дочерью дофина Генриха Діаною, и совѣтовалъ французскому королю помочь нѣмецкимъ еретикамъ противъ императора, говоря, «что его величество не можетъ сдѣлать болѣе полезнаго расхода». Онъ публично выражалъ свою радость по поводу побѣды, одержанной саксонскимъ электоромъ надъ своими противниками¹. Хотя Павелъ III не предвидѣлъ, что событія пойдутъ такъ быстро на Триентскомъ соборѣ, однако, онъ извѣстилъ коллегію кардиналовъ о своемъ согласіи со всѣмъ, что произошло на немъ². Встрѣтивъ при этомъ смѣлую оппозицію со стороны нѣкоторыхъ членовъ священной коллегіи и зрѣло обсудивъ всѣ обстоятельства, онъ началъ опасаться за послѣдствія ихъ, тѣмъ болѣе, что одно за другимъ получались извѣстія, которыя не могли его успокоить въ отношеніи занятаго имъ положенія. Во первыхъ, предлогъ, на который ссылались для перенесенія собора, потерялъ свое значеніе, потому что едва боль-

¹ Письмо Франциска I къ его посланнику Дюмортье, отъ 28 марта, и депеша Дюмортье отъ 31 марта 1547 г.; Ribier, т. I, стр. 633—637.

² Raynaldi ad. an. 1547, nr. 55. Paulus Pontifex accepto translationis nuntio, rem gestam coacto Cardinalium Senatu comprobavit.

шинство прелатовъ покинуло Тріентъ, какъ воображаемая эпидемія прекратилась въ немъ, какъ по волшебству. «Дюжинные врачи» оказались правы въ спорѣ съ знаменитымъ Іеронимомъ Фракасторомъ. За исключеніемъ одного, всѣ имперскіе прелаты остались въ Тріентѣ, не смотря на приказанія и обѣщанія, шедшія изъ Рима, и объявили, что будутъ ждать въ немъ открытія единственно законнаго собора. Вслѣдъ затѣмъ Францискъ I, на котораго Павелъ возлагалъ всѣ свои надежды, умеръ 31 марта 1547 г., а наследникъ его Генрихъ II, находившійся сначала подъ вліяніемъ очень преданнаго католическому дѣлу коннетабля де Монморанси, занялъ положеніе, довольно благопріятное въ отношеніи императора. Новый король совѣтовалъ огорченному папѣ отложить соборъ впредь до примиренія съ императоромъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не вызвать раскола¹. Венеціанцы не обнаруживали никакого желанія вступить въ лигу, направленную противъ императора². Карлъ Пятый былъ теперь болѣе чѣмъ когда либо могуществененъ, побѣдоносенъ и опасенъ: 24 апрѣля 1547 г. онъ одержалъ большую побѣду въ битвѣ при Мюльбергѣ, которая отдала ему въ руки саксонскаго электора, а вскорѣ за тѣмъ и

¹ Raynaldi, ad. an. 1547, nr. 60.

² Депеши де Морвилльера, французскаго посланника въ Венеціи, отъ 29 апрѣля и 30 іюня 1547 г.; Ribier, т. II, стр. 10 и слѣд., 144 и слѣд.

ландграфа Гессенскаго, и повергла къ его ногамъ всю Германію. Въ то же время султанъ, на нападеніе котораго на Габсбурговъ папа сильно рассчитывалъ, заключилъ съ императоромъ миръ. Павелъ III счелъ поэтому нужнымъ послать къ Карлу Пятому кардинала Сфондрато съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ его въ пользу собора въ Болоньѣ.

Такая надежда не имѣла никакихъ шансовъ успѣха. Получивъ извѣстіе о всемъ происшедшемъ въ Триентѣ, Карлъ очень разсердился и грозилъ самыми строгими мѣрами. Утвержденіе папы, что переносъ собора въ Болонью произошелъ безъ его вѣдома, а тѣмъ менѣе — по его приказу, было встрѣчено Карломъ съ полнымъ недоувѣріемъ. Когда же нунцій попытался доказать ему, что во всякомъ случаѣ, для поддержанія авторитета собора и устраненія опасности раскола, необходимо, чтобы прелаты, оставшіеся въ Триентѣ, отправились въ Болонью, императоръ ему отвѣтилъ, что онъ готовъ приказать имъ ѣхать не только въ Болонью, но и въ Римъ, но въ такомъ случаѣ будетъ самъ сопровождать ихъ, чтобы обезпечить имъ свободу¹, а это являлось уже слабо прикрытой угрозою, которая напоминала о происшедшемъ двадцать лѣтъ тому назадъ взятіи и разграбленіи Рима императорскими войсками.

¹ Императорская инструкція, данная Діего де-Мендоза, 27 апрѣля 1547 г.; *Maugenbrecher*, стр. 107.

Поведеніе императора въ этомъ трудномъ и щекотливомъ положеніе было и разумно, и твердо. Его намѣреніе было—никогда не покидать лоно католической церкви и не разсориться окончательно съ святымъ престоломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—заставить его подчиниться своимъ взглядамъ, возстановленію собора въ Триентѣ и къ соглашенію съ нѣмецкими протестантами. Онъ сухо заявилъ кардиналу Сфондрато, что никогда не согласится ни на что иное, какъ простое и безусловное возвращеніе собора въ Триентъ. Когда же папа попытался отвратить его вниманіе и энергію, приглашая его напасть на еретическую Англию, Карль съ презрѣніемъ отклонилъ эту грубую ловушку. Императоръ, какъ всякій искусный государственный человѣкъ, умѣлъ, въ случаѣ надобности, очень преувеличивать свое раздраженіе и видимую враждебность своихъ намѣреній. Его посланникъ въ Римѣ, донъ Діего Гуртадо де Мендоза, долженъ былъ угрожать папѣ полнымъ расколомъ, если прелаты не возвратятся въ Триентъ¹; но это дѣлалось только для того, чтобъ напугать папу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Карль приказалъ кардиналу Пачеко и своимъ вѣрнымъ епископамъ оставаться въ Триентѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не покидать этого города, но и не совершать никакого соборнаго дѣйствія, чтобы не вызвать раскола. Триентскіе прелаты не

¹ Денеша Мендозы отъ 3 мая 1547 г.; Döllinger, *Beitraege zur polit. etc. Geschichte*, т. I, стр. 53 и слѣд.

должны были называть свои собранія *Триентскимъ соборомъ*, но только *святымъ соборомъ*, гдѣ бы онъ не собрался. Исторія Базельскаго собора была у всѣхъ на памяти, показывая какъ мало успѣха можно ждать отъ антипапскаго и, слѣдовательно, схизматическаго синода. Подражать ему имѣло бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы Карлъ рѣшился слѣдовать примѣру, данному Генрихомъ VIII, англійскимъ, и образовать независимую церковь. Но такое рѣшеніе противорѣчило всѣмъ идеямъ и намѣреніямъ императора, стремившагося съ единству; да къ тому же и Испанія, истинная основа и фундаментъ его могущества, никогда бы не послѣдовала за нимъ по этому пути. Такимъ образомъ угроза собрать отдѣльный соборъ дѣлалась съ исключительною цѣлью напугать папу и пребываніе имперскихъ прелатовъ въ Триентѣ должно было только служить протестомъ противъ собора въ Болоньѣ и облегчить возвращеніе остальныхъ прелатовъ въ первый изъ этихъ двухъ городовъ.

И дѣйствительно собраніе въ Болоньи не имѣло характера общаго собора. Представители французскаго и португальскаго духовенства, оставивъ Триентъ, не отправились въ Болонью. Здѣсь находилось не болѣе тридцати епископовъ, все итальянцевъ, изъ которыхъ половина была на жалованьи у легатовъ¹. Ни одного свѣтскаго

¹ Списокъ ихъ имѣется въ Calenzia, стр. 40 и слѣд. Число получавшихъ опредѣленное жалованье равнялось 14.

посланника не присутствовало на немъ. Напрасно Павелъ пытался денежными и другими выгодами привлечь въ Болонью большее число прелатовъ; напрасно Тома Кампедже, епископъ Фельтрии, составилъ длинную диссертацию въ доказательство законности перемѣщенія собранія¹,—императоръ остался непреклоненъ. Онъ продолжалъ говорить, что нуждается въ соборѣ на имперской территории для того, чтобы примирить на прочныхъ началахъ нѣмецкихъ протестантовъ съ церковью и удовлетворить какимъ нибудь способомъ ихъ справедливыя желанія. Его положеніе было очень удобно, потому что онъ могъ возвѣстить, что Маврикій Саксонскій, Иоакимъ Бранденбургскій² и вообще самые могущественные изъ лютеранскихъ князей торжественно обязались подчиниться такому собору; что же касается остальныхъ, приказалъ онъ сказать папѣ, т.-е. тѣхъ, которые не захотятъ сдѣлать этого добровольно, то онъ легко принудить ихъ признать постановленія³.

Лишившись какой бы то ни было помощи и боясь угрозъ императора, Павелъ III считалъ нужнымъ пойти на нѣкоторыя уступки. По личному желанію папы Болонское собраніе должно было отложить временно, до сентября, свои публичныя засѣданія и не приступать къ составленію какого либо постановленія⁴. Оно не осмѣ-

¹ Это сочиненіе помѣщено у Le Plat, III, 612—624.

² См. Druffel, т. I, стр. 59.

³ Maurenbrecher, стр. 115.

⁴ Raunaldi, ad. an. 1547, nr. 60, 62, 65.

лилось предать проклятію непослушныхъ прелатовъ, пребывающихъ въ Триентѣ, и, напротивъ, поддерживало съ ними постоянную переписку.

Однако, такая уступка далеко не удовлетворила Карла Пятаго. Этотъ признакъ слабости со стороны его противника скорѣе поощрилъ его настаивать на исполненіи его желанія. Онъ отвергъ всѣ примирительныя предложенія папы, снова приказалъ своему посланнику въ Римѣ потребовать безусловно и безъ всякихъ отговорокъ возвращенія собора въ Триентъ¹ и еще разъ пригрозилъ папѣ созваніемъ собора, противопоставленнаго Болонскому². Кардиналь Сфондрато, находившійся подъ личнымъ вліяніемъ императора и окружающихъ его, умолялъ папу не рисковать на такую мѣру и порицалъ его за то, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, борясь противъ воли самаго могущественнаго въ свѣтѣ государя³. Павелъ былъ раздраженъ столькими неудачами и, не желая окончательно унизиться, сталъ искать союзника. Онъ не переставалъ надѣяться найти его въ лицѣ французскаго короля Генриха II, который, все болѣе и болѣе подчиняясь могущественнымъ Гизамъ, дѣйствительно сталъ принимать болѣе опредѣленное положеніе про-

¹ Деша Диго де Мендоза отъ 19 іюня 1547 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 85.

² Инструкція Диго де-Мендозѣ, 23 августа 1547; Maugenhocher, стр. 112.

³ Pallavicini, X, 7, 1.

тивъ императора. Внѣшнимъ признакомъ дружбы между христіаннѣйшимъ королемъ и папою служило то, что нѣсколько посланниковъ и французскихъ епископовъ явились въ Болонью. Ободренный этимъ, Павелъ рѣшился увеличить число епископовъ въ Болоньѣ до ста и относиться къ собору, пребывающему въ этомъ городѣ, какъ къ дѣйствительному¹.

Положеніе Карла осложнялось. Такъ какъ въ сущности онъ не желалъ раскола, то онъ не могъ бы противиться рѣшеніямъ, принятымъ на Болонскомъ соборѣ, поэтому, чтобъ еще разъ испугать папу, онъ задумалъ такой актъ насилія, который долженъ былъ поразить Павла въ самыхъ дорогихъ его привязанностяхъ. Онъ рѣшилъ захватить въ Пьяченцѣ своего наиболѣе опаснаго противника изъ семьи Фарнезовъ, Петра-Людовика, и занять эту крѣпость испанскими войсками. Это предпріятіе было выполнено (въ сентябрѣ 1547 г.) черезъ посредство Фердинанда Гонзаго. Самъ Петръ-Людовикъ палъ въ происшедшей при этомъ стычкѣ.

Это былъ страшный ударъ для стараго папы; рана была нанесена его чувствамъ, и какъ отца, и какъ главы всей фамиліи. Несмотря на всѣ предосторожности, принятыя императоромъ, Павелъ ни на минуту не сомнѣвался откуда шель ударъ, а потому и не скрывалъ своихъ угрозъ. Кар-

¹ Деша Мендозы отъ 27 августа, 1547 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I. стр. 107.

диналь Фарнезе сказалъ испанскому посланнику: «Если императоръ не дастъ намъ удовлетворенія и не возвратитъ то, что намъ принадлежитъ, мы пошлемъ все къ чорту!». Въ первую минуту гнѣва Павелъ хотѣлъ составить оборонительную и наступательную лигу съ Франціей и Венеціей противъ Карла; въ планы намѣстника Исуса Христа входилъ даже союзъ съ турками и берберійцами¹. Франція должна была овладѣть Генуей и получить Сицилію съ частью Неаполитанскаго королевства къ югу отъ Гарильяно, тогда какъ остальная часть послѣдняго къ сѣверу отъ этой рѣки должна была войти въ составъ папскихъ владѣній. Въ Римѣ и Парижѣ велись переговоры съ недовольными и изгнанными изъ Неаполя, собравшимся тамъ, особенно въ Римѣ, въ большомъ числѣ. Венеціанцамъ былъ предложенъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ герцогства Миланскаго². Молодой король Генрихъ II сначала очень увлекался этимъ планомъ (въ октябрѣ 1547 г.) и велъ по этому поводу переговоры съ святымъ отцомъ въ Римѣ черезъ посредство кардиналовъ Гиза и дю-Белле³. Однако проэктъ встрѣтилъ очень холодный пріемъ у венеціанцевъ, всегда соблюдавшихъ благоразуміе и осмотрительность, и не желавшихъ компрометировать

¹ Maurenbrecher, стр. 163.

² Druffel, т. I, стр. 77 и слѣд.—Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 86 и слѣд., 117 и слѣд., 121 и слѣд.

³ Druffel, т. I, стр. 74.

себя столь важными и долженствовавшими затянуться предприятиями, начатыми по наущению болѣзненнаго старика, очевидно близкаго къ смерти. Съ своей стороны императорскій посоль въ Венеціи дѣлалъ все возможное, чтобъ внушить здѣсь опасеніе послѣдствій враждебныхъ дѣйствій къ своему государю¹. Карлъ грозилъ Павлу обойтись съ нимъ самымъ строгимъ образомъ, если онъ не прекратитъ своихъ интригъ, грозящихъ миру въ Италіи и владѣніямъ его величества (январь 1548 г.), а папа имѣлъ уже печальный опытъ дѣйствительности императорскихъ угрозъ.

Даже союзъ съ Франціей не удался несчастному папѣ. Его религіозная политика была въ рѣзкомъ противорѣчій съ его свѣтскою политикою. Галликанскіе епископы, прибытіе которыхъ въ Болонью онъ радостно привѣтствовалъ, оказались еще болѣе несговорчивыми, чѣмъ испанскіе. Они стали рѣшительно говорить о верховности соборовъ надъ папою, участіе котораго, по ихъ мнѣнію, вовсе не необходимо для работы собора, и легать Червино, прежде столь рѣшительный на отвѣты въ подобныхъ случаяхъ, если и возражалъ имъ, то возможно мягко². Французскіе посланники на соборѣ были снабжены

¹ Инструкція дону Хуану де-Мендоза, императорскому посланнику въ Венеціи, 7 іюля 1547 г.; *Maugenschescher*, стр. 110. Депеша де Морвилльера отъ 17 декабря 1547 г.; *Ribier*, т. II, стр. 95.

² *Pallavicini*, X, 7, 3.

инструкціями, требовавшими отмѣны почти всѣхъ доходовъ, которые получались папскимъ казначействомъ и чиновниками римскаго двора отъ странъ, лежащихъ по ту сторону горъ (ультрамонтанскихъ). И все это было результатомъ столь желаннаго и съ такимъ трудомъ достигнутаго перевода собора изъ Тріента! Между тѣмъ были открыты козни Юлія Чибо, маркиза де-Масса, желавшаго передать Геную въ руки французовъ; онъ былъ схваченъ и обезглавленъ на площади въ Миланѣ. Это событіе разрушило всѣ планы Генриха II, начавшаго охладѣвать къ папской лигѣ. Такъ какъ онъ былъ очень сильно заинтересованъ шотландскими дѣлами и вслѣдствіе этого вовлеченъ въ борьбу съ Англіею, то онъ далъ понять папѣ, что въ данный моментъ онъ даже не можетъ начать войну съ императоромъ, и, напротивъ, сообщилъ Карлу, что желаетъ войти съ нимъ въ дружбу, если тотъ съ своей стороны намѣренъ искренно соблюдать ее¹. Въ виду такого положенія вещей Павелъ долженъ былъ къ большому своему огорченію отказаться отъ мщенія за смерть Петра-Людовика, и Пьяченца осталась во власти Карла Пятаго.

Императоръ, принявъ наступательное положеніе въ области политики, теперь началъ нападеніе и на почвѣ религіи. Осенью 1547 г. на Аугсбургскомъ сеймѣ главы протестантизма по-

¹ *Письмо Генриха II къ кардиналу дю Беллэ* отъ отъ 15 января 1548 г.; Ribier, т. II, стр. 113 и слѣд.

вторили свое обѣщаніе подчиниться вновь созванному собранію въ Триентѣ. Съ своей стороны императоръ, не упоминая о папѣ, гарантировалъ имъ личную безопасность во время пребыванія въ Триентѣ и полную свободу изложенія ихъ мнѣній. Германія объединилась безъ папы и даже въ извѣстномъ отношеніи вопреки ему. Кардиналь Сфондрато пытался разнаго рода обѣщаніями отклонить отъ императора духовныхъ электоровъ и Вильгельма Баварскаго и привлечь ихъ на сторону папы, но вліяніе императора и необходимость реформы были слишкомъ сильны, а потому всѣ его усилія потерпѣли полную неудачу, послужа лишь къ обостренію отношеній императорскаго правительства къ Риму¹.

Тѣ самые князья церкви, которыхъ хотѣлъ привлечь Сфондрато, обратились изъ Аугсбурга къ папѣ съ энергическимъ требованіемъ снова перевести соборъ въ Триентъ, видя въ этомъ не только актъ справедливости, но и безусловной необходимости. Они даже прибѣгли къ угрозамъ: «если святой отецъ устраняется отъ Германіи, они будутъ искать совѣта въ другомъ мѣстѣ и поищутъ другихъ средствъ для умиротворенія своей родины». Примасъ Польши, архіепископъ Гнезненскій, присоединился къ шагу, сдѣланному его нѣмецкими товарищами, и въ письмѣ къ папѣ сухо замѣтилъ, что соборъ, созванный въ предѣлахъ папскихъ владѣній, не можетъ

¹ D r u f f e l, т. III, стр. 77.

считаться дѣйствующимъ свободно ¹. Такимъ образомъ римскій дворъ находился въ чрезвычайномъ затрудненіи.

Сильный своимъ превосходнымъ военнымъ, политическимъ и религіознымъ положеніемъ и считая, что папа боленъ и совершенно разбитъ ужасною кончиною своего сына, императоръ полагалъ, что теперь онъ можетъ диктовать ему свои условія. Онъ послалъ въ Римъ кардинала Мадруццо (въ ноябрѣ 1547 г.) съ рѣшительнымъ требованіемъ немедленнаго возвращенія прелатовъ изъ Болоньи въ Тріентъ, такъ какъ Карлъ вполнѣ удовлетворилъ условіе, поставленное папою, довести протестантовъ до согласія подчиниться рѣшеніямъ собора. Сверхъ того онъ требовалъ присылки въ Германію папскихъ нунціевъ, снабженныхъ достаточными полномочіями, чтобы воспринять отпавшихъ и дать отпущеніе тѣмъ, которые съ чувствомъ искренняго раскаянія пожелали бы возвратиться въ лоно церкви. Наконецъ онъ настаивалъ, чтобы соборъ главнымъ образомъ занялся реформою нравовъ и управленія духовенства. Въ вознагражденіе за всѣ эти уступки Карлъ обѣщалъ, что когда папскій престолъ сдѣлается вакантнымъ, онъ приметъ на себя заботу, чтобы выборъ новаго папы остался за коллегією кардиналовъ, безъ всякаго участія собора. Напротивъ, если папа не согласится принять пред-

¹ Оба эти документа приведены у Rainaldy, ad. an. 1547, nrs. 84—86 и у Le Plat, т. III, стр. 653 и слѣд.

ложенія императора, его посланники уже получили приказъ заявить торжественно протестъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Болоньѣ, противъ всякаго акта мнимаго собора.

Но Павелъ III не былъ такъ подавленъ, какъ думалъ Карлъ. Скорѣе онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ насильственной и грубой формой, съ которой обращались съ нимъ, и тѣмъ, что по дѣлу о Пьяченцѣ кардиналъ тріентскій далъ ему лишь самыя неопредѣленные обѣщанія¹. Вслѣдствіе всего этого между нимъ и испанскимъ посланникомъ происходили личные столкновенія и сцены, нерѣдко принимавшія неприличный характеръ². Перспектива прибытія протестантовъ въ Тріентъ,—хотя папа всегда настаивалъ на этомъ,—не могла его соблазнить. Напротивъ, это было однимъ изъ главныхъ основаній противъ возвращенія туда собора, потому что папа опасался, что ихъ присутствіе снова возбудитъ неприязненные чувства къ святому престолу и поведетъ къ побѣдѣ *ультрамонтанъ*³. Наконецъ, спустя три мѣсяца (1 января 1548 г.), папа отвѣтилъ нѣмецкимъ епископамъ, на тонъ отвѣта былъ очень рѣзокъ. Затѣмъ онъ собралъ войска для защиты папскихъ владѣній противъ насильственныхъ дѣйствій императора, хотя все это

¹ Ср. документы у Maugenhocher'a, стр. 125* и слѣд.

² Lafuente, *Historia general de Espana*, т. XII, стр. 511 и слѣд.

³ Pallavicini откровенно признается въ этомъ, X, 7, 3.

дѣлалось только для формы: и онъ, и соборъ были склонны возвратиться въ Триентъ, но на условіяхъ, которыя не могли быть приняты ни императоромъ, ни протестантами. Этотъ отвѣтъ, въ сущности представлявшій отказъ на предложенія, сдѣланныя Карломъ Пятымъ, былъ дѣломъ той партіи среди кардиналовъ, которая желала перестроить церковь на средневѣковыхъ основахъ и не желала слышать о равенствѣ свѣтской и духовной властей. Особенно усердно дѣйствовали фанатическій неаполитанецъ Караффа и Червино. Въ этомъ случаѣ борьба шла за торжество одного изъ двухъ великихъ принциповъ всемірной важности; обѣ стороны нисколько не обманывались на этотъ счетъ и въ этомъ лежитъ причина упорства, обнаруживаемаго съ той и другой стороны. Она же вызвала слѣдующія слова въ политическомъ завѣщаніи, обращенномъ Карломъ Пятымъ къ своему сыну, Филиппу: «Что касается теперешняго папы Павла III, то вы знаете, какъ онъ велъ себя въ отношеніи меня, и особенно, какъ дурно выполнилъ онъ свой договоръ въ послѣднюю войну, оставивъ меня въ самое трудное время. Вы знаете, какъ мало онъ обнаруживалъ и обнаруживаетъ вниманія къ общимъ дѣламъ христіанства и въ особенности ко всему тому, что касается торжества собора ¹».

¹ Это завѣщаніе помѣчено 18 января 1548 г.; Weiss, *Papiers d'Etats du cardinal de Granvelle*, т. III, стр. 267.

Когда императоръ писалъ эти строки онъ уже распорядился о нанесеніи жестокаго удара упорному папѣ. 18 января 1548 г. генеральный фискаль Кастиліи Францискъ Варгасъ и Мартинъ Веласкецъ заявили въ энергическихъ выраженіяхъ протестъ передъ прелатами, собравшимися въ Болоньи, противъ всѣхъ ихъ актовъ, которые они объявили ничтожными и не имѣющими силы, какъ не имѣетъ силы и самый переводъ собора въ другой городъ. Они заявили, что императоръ возьметъ въ свои руки интересы церкви, которымъ грозитъ опасность отъ невниманія папы и узурпацій незаконнаго собора. Такой же протестъ, но еще болѣе сильный, такъ какъ онъ былъ обставленъ самымъ торжественнымъ образомъ, былъ повторенъ императорскимъ посланникомъ дономъ Діего Гуртадо де Мендоза въ Римѣ предъ верховнымъ первосвященникомъ и предъ всѣми собравшимися кардиналами.

Положеніе, занятое Карломъ, было великолѣпно. Еще разъ онъ противопоставилъ папству могущественную императорскую власть, т. е. такую, какая существовала въ древнемъ Римѣ и въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, какъ власть, покровительствующая церкви. Онъ это сдѣлалъ съ энергіей и предусмотрительностью и, нужно признать, съ поразительнымъ успѣхомъ. Со времени Генриха III, т. е. въ теченіи пяти вѣковъ, ни одному императору не удалось такъ глубоко унижить передъ *императоромъ* папу и соборъ.

Тщетно Павелъ III предлагалъ, чтобы въ Триентѣ обсуждались только дѣла, касающіяся Германіи, а всѣ остальные въ италіянскомъ городѣ, — Мендоза отвергъ этотъ планъ съ неподражаемою ироніею, замѣтивъ, что ни его величеству, ни его святѣйшеству не принадлежитъ право налагать узду на Св. Духъ, который безпредѣльно свободенъ и можетъ внушить собору всякія, какія только пожелаетъ, рѣшенія¹. Папа видѣлъ, что всѣ его надежды разбиты. Союзъ съ Франціею, «на который онъ надѣялся болѣе чѣмъ на Бога», не подвигался впередъ. Папа уже подавилъ бѣдное населеніе папскихъ владѣній тяжестью новыхъ налоговъ, особенно налогомъ на муку, но безъ помощи французовъ онъ никогда не могъ бороться съ страшною силою императора. Въ Болоньи стали опасаться прибытія испанскихъ войскъ, которыя недавно такъ легко овладѣли Пьяченцей, а потому усилили ея гарнизонъ на 500 человекъ. Императоръ напугалъ Сфондрато, выразивъ ему намѣреніе подтвердить самымъ опредѣленнымъ образомъ протесты его уполномоченныхъ и призвать папу на законный соборъ (18 февраля 1548 г.). Однако въ данный моментъ эта угроза не была серьезна: кардиналъ Триентскій явился посредникомъ и написалъ въ Римъ, что ему удалось очень смягчить императора и что онъ надѣется сдержать его, но только при условіи отмѣнить Болонское собраніе, отложить

¹ Деша Діего де-Мендоза отъ 2 февраля 1548 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 135.

сужденіе о законности перемѣщенія собора и не взыскивать съ епископовъ, оставшихся въ Тріентѣ ¹.

Для того, чтобы сохранить, хотя бы внѣшнимъ образомъ, свою независимость, Павелъ III потребовалъ (февраль 1548 г.), чтобы Болонское собраніе прислало ему пословъ, которые бы оправдали передъ нимъ перемѣну мѣста собора, которую, какъ извѣстно, вызвали сами же папскіе легаты. Онъ хотѣлъ явиться судьей, — *si iusti iudicis partes postponere voluissemus*, какъ писалъ онъ легату ², — въ такомъ именно случаѣ, когда въ дѣйствительности онъ былъ побѣжденнымъ противникомъ, совершающимъ полное отступленіе. Соборъ не извлекъ никакой выгоды изъ того, что король Генрихъ II въ іюнѣ 1548 г. публично и торжественно призналъ его. Напротивъ, засѣданія этого собранія постоянно откладывались, если не по формѣ, то по существу.

Карлъ, однако, не желалъ слышать ни о какихъ отговоркахъ. Въ это же время миланскій сенатъ, по приказанію императора, лишилъ подъ разными предлогами кардинала де Монте всѣхъ его доходовъ съ павійской епархіи ³. Такъ какъ папа не исполнилъ требованія возобновить соборъ въ Тріентѣ, то императоръ выполнилъ свою угрозу взять въ свои руки дѣла церкви. Въ виду того, что папа не рѣшался, какъ того же-

¹ Pallavicini X, 14, 1, 3.

² Raynaldi, ad. an 1548 nr 32; Le Plat, т. IV, стр. 1 и слѣд.

³ Pallavicini, X, 17, 3.

лалъ Карлъ, послать въ Германію кардиналовъ съ достаточными полномочіями для разрѣшенія въ этой странѣ причастія подъ двумя видами, браковъ священниковъ и частичной секуляризаціи церковныхъ имуществъ¹, то императоръ собственною властью издалъ *Interim*, долженствовавшій служить временнымъ закономъ по дѣламъ вѣры въ Германіи. Этотъ *Интеримъ* не только во многихъ отношеніяхъ не согласовался съ буквальнымъ смысломъ постановленій Триентскаго собора, но еще разрѣшалъ, безъ предварительнаго согласія со стороны Рима, причастіе *sub utraque* и браки духовенства (май 1548 г.). Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ императоръ и сеймъ, не испросивъ разрѣшенія Рима, издали новый указъ относительно церковной реформы, содержащій въ себѣ много хорошаго и, между прочимъ, предписывавшій частые провинціальныя соборы, что было особенно непріятно римскому двору, какъ прямая опасность для его всемогущества. Дѣйствительно, въ эти года въ Германіи происходили многія провинціальныя и епархіальныя собранія духовенства, проявившія въ извѣстной мѣрѣ важную и полезную дѣятельность въ четырехъ архіепископскихъ провинціяхъ, остававшихся вѣрными католицизму: въ Майнцскомъ, Кельнскомъ, Трирскомъ и Зальцбургскомъ. Юньскій декретъ 1548 г. оказалъ свое вліяніе и за

¹ Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 151—153.—Druffel, т. I, стр. 113 и слѣд.

предѣлами Германіи въ тѣсномъ смыслѣ. Осенью того же года онъ былъ оффиціально принятъ во многихъ нидерландскихъ епархіяхъ¹.

Тщетно римскій дворъ протестовалъ противъ такого вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церкви; тщетно кардиналъ Фарнезе говорилъ, что онъ можетъ указать въ *интеримъ* семь или восемь ересей, которыя императоръ провозгласилъ къ соблазну всего христіанства,—Карлъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ отвергать всѣ предложенія о соглашеніи, исходившія отъ святого престола. Тогда Павель предложилъ ему вызвать папскимъ указомъ всѣхъ епископовъ, какъ изъ Болоньи, такъ и изъ Триента, въ Римъ, чтобы при самомъ папскомъ дворѣ обсудить дѣла реформы (1 іюля 1548 г.)². Онъ втайнѣ надѣялся, что епископы, находясь подъ его прямымъ вліяніемъ, объявятъ переносъ собора изъ Триента въ Болонью законнымъ и выскажутся за открытіе собора въ самомъ Римѣ. «Мы хотимъ обмануть самихъ обманщиковъ», сказалъ конфиденціально кардиналъ Караффа кардиналу дю Белле. И дѣйствительно этимъ соборъ былъ бы вполнѣ подчиненъ вліянію св. престола.

Императоръ не желалъ попасть въ сѣти, раз-

¹ De Ram, *De la part du clergé belge au concile de Trente*, стр. 23; Nouveaux mémoires de l'Académie de Belgique, т. XIV.

² Druffel, т. I, стр. 125 и слѣд.—Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 138.

ставленные для него *лисыимъ мозгомъ* Павла III. Его вниманіе на время было отвлечено отъ собора заботами относительно приведенія въ дѣйствіе его *Интерима*. Къ несчастью, онъ все же не могъ обойтись безъ папы, потому что для того, чтобы епископы допустили женатыхъ священниковъ къ совершенію богослуженія, согласились бы на причастіе въ двухъ видахъ, и съ другой стороны, чтобы протестантскіе князья не могли бы опасаться за конфискованныя ими церковныя имущества,—для всего это нужны были особыя разрѣшенія папы. Вслѣдствіе многократно выраженнаго императоромъ настойчиваго желанія, Павелъ въ сентябрѣ 1548 г. приказадъ аудиторю Роты епископу ферентинскому Пигино и веронскому коадьютору Липпомано отправиться въ Германію и вмѣстѣ съ апостолическимъ нунціемъ, епископомъ фаноскимъ, заняться тамъ возсоединеніемъ раскаявшихся еретиковъ, сообразно съ полномочіями, которыя имъ будутъ даны. Однако, все это было только кажущеюся уступкою, а не дѣйствительною. Карлъ желалъ, чтобъ такое важное порученіе было дано князьямъ церкви—кардиналамъ, а Павелъ далъ его простымъ епископамъ; но болѣе того: они получили приказаніе не разрѣшать браки священникамъ и допускать владѣніе бывшими церковными имуществами только въ частныхъ случаяхъ, но отнюдь не какъ общее правило, чтобы не вносить соблазна въ благочестивыя и правовѣрныя души. Затѣмъ легаты замедлили на нѣсколько мѣсяцевъ свой

отъѣздъ въ Германію и обнародованіе своихъ полномочій, такъ что нѣмецкія епархіи оказались въ большомъ затрудненіи, и приведеніе въ дѣйствіе Интерима было повсюду отложено. Всѣми этими махинаціями папа хотѣлъ прежде всего заставить императора возвратить ему городъ и округъ Пьяченцы¹. Онъ былъ убѣжденъ, что императоръ нуждался въ немъ для упорядоченія дѣлъ въ Германіи, а для того, чтобы послѣднія продолжали быть въ неопредѣленномъ положеніи еще въ теченіе нѣкотораго времени, Павелъ имѣлъ безстыдство совѣтовать французскому королю пожертвовать шотландскими католиками и заключить миръ съ еретическимъ англійскимъ правительствомъ, чтобы имѣть возможность помочь всѣми своими силами нѣмецкимъ протестантамъ противъ императора, остававшагося вѣрнымъ католичествомъ²! Вотъ до какой степени политическіе интересы первенствовали у Павла III надъ интересами религіи, защита которой была и основаніемъ и истинною цѣлью его высокаго сана! Но онъ еще разъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Франція оставалась спокойною относительно Германіи; посольство государственнаго секретаря Франціи Лобеспина, въ Римъ, осталось безъ результата и скорѣе послужило къ сближенію между Франціею и императоромъ.

¹ Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 155 и слѣд.

² Делеша кардинала дю Белле, отъ 28 марта 1549 г.; Druffel, т. I, стр. 211.

Французское правительство сильно не довѣряло папѣ и непрерывно обмѣнивалось съ Карломъ Пятымъ предложеніями мира и добраго согласія. Папа снова увидѣлъ себя вынужденнымъ отступить, но онъ уступалъ почву только шагъ за шагомъ. Въ маѣ 1549 г. полномочія трехъ легатовъ были переданы нѣкоторымъ германскимъ епископамъ¹, но были обставлены такими коварными оговорками, что отъ нихъ нельзя было ожидать большого успѣха. «Я хочу дѣлать императору кровопусканіе, но такъ, чтобы онъ не видѣлъ своей крови», сказалъ папа (8 августа 1549 г.) французскому посланнику Д'Юрфе. Притомъ же императоръ давалъ очень неопредѣленную надежду на возвращеніе Пьяченцы.

Какъ эта политика—и главнымъ образомъ со стороны намѣстника Іисуса Христа—недостойна, лишена какого бы то ни было величія общихъ взглядовъ и направлена исключительно въ эгоистичныхъ и личныхъ интересахъ! Хотя и императоръ и папа постоянно отрицали это, но совершенно ясно, что ихъ рѣшенія въ дѣлахъ, касавшихся вѣры, всегда зависѣли отъ спора за нѣсколько маленькихъ крѣпостей въ верхней Італіи.

Между тѣмъ у Павла III уже имѣлся новый зарядъ для выстрѣла. Такъ какъ императоръ не допускалъ и рѣчи о переводѣ собора въ Римъ, то папа придумалъ другой способъ сохранить за

¹ Le Plat, т. IV, стр. 121 и слѣд. — Druffel, т. I, стр. 224 и слѣд.

собою рѣшеніе въ дѣлахъ вѣры. Образовавъ въ Римѣ особую комиссію, составленную изъ кардиналовъ, онъ приказалъ четверемъ кардиналамъ, находившимся въ Болоньи, а также кардиналу Пачеко и тремъ испанскимъ епископамъ изъ бывшихъ въ Тріентѣ, не позже, какъ черезъ 40 дней, явиться въ Римъ, чтобъ присоединиться къ этой комиссіи и высказать свое мнѣніе о трудномъ положеніи церкви ¹. Но эта мѣра причинила ему только новое униженіе. Четыре тріентскихъ прелата обратились къ императору за приказаніями по этому предмету. Карлъ отлично понималъ къ чему клонить папа и рѣшился помѣшать сдѣлать изъ Рима центръ реформы, который безъ сомнѣнія послужилъ бы только къ увеличенію власти папы. Напрасно апостолическій нунцій старался убѣдить министровъ императора согласиться съ этимъ планомъ, которымъ по словамъ фаноскаго епископа, уничтожатся несогласія, вызванныя двумя соперничающими соборами. Карлъ предполагалъ—и, вѣроятно, не безъ основанія,—что курія стремилась больше всего окончательно положить конецъ тріентскому собору и снова подтвердить всемогущество папы въ церкви и его чрезмѣрные денежныя привилегіи ²; по этому онъ приказалъ четверемъ тріентскимъ прелатамъ отклонить приглашеніе папы, указавъ, что

¹ Копія съ папскихъ бреве кардиналу Пачеко и епископамъ Палермскому, Бадахосскому и Калагорскому отъ 18 іюля 1549 г. въ королевскихъ архивахъ въ Брюсселѣ.

² *Re'acion de lo del concilio*; M a u r e n b r e c h e r, 130.

они прибыли по его приказу въ Триентъ, чтобы работать въ общемъ соборѣ на пользу христіанства, и должны теперь ждать, когда соборъ возобновитъ свои труды ¹. Онъ прислалъ имъ готовый отвѣтъ, написанный по-латыни, и послушные прелаты отправили его въ Римъ. Въ то же время Карлъ съ горечью жаловался нунцію и черезъ своего посланника Мендозу самому папѣ на то, что онъ написалъ приказъ четыремъ прелатамъ въ Триентѣ, не доведя объ этомъ до его свѣдѣнія ².

Павель не отступилъ отъ своего намѣренія, но убѣдился, что нужно предварительно склонить къ нему императора. Съ этою цѣлью онъ рѣшился на довольно трудную жертву и 17 октября 1549 г. отмѣнилъ формально и окончательно Болонскій соборъ, мотивируя эту мѣру намѣреніемъ начертать декреты о реформѣ непосредственно въ самомъ Римѣ. Такимъ образомъ этотъ соборъ, продолжаясь тридцать мѣсяцевъ, не могъ издать ни одного декрета! Это было явною побѣдою императора.

Комиссія кардиналовъ и даже Червино совѣтовали папѣ не доводить дѣло еще дальше, тѣмъ болѣе, что Франція направила всѣ свои усилія на Шотландію ³. Во всякомъ случаѣ бездѣйствіе от-

¹ Манускриптъ. Копія письма императора къ тремъ епископамъ отъ 17 августа 1549 г. Королевскіе архивы въ Брюсселѣ.—*Письмо императора къ Мендозѣ*, Druffel, т. I, стр. 277.

² Palavicini, XI, 4, 3.

³ Pallavicini, XI, 5, 2.

цовъ въ Болоньи, то обстоятельство, что папа не посмѣлъ объявить законнымъ переводъ въ этотъ городъ собора и наконецъ его закрытіе,— все это составляло крупную неудачу для папства. Такъ разсуждали всѣ *крайніе* при св. престолѣ и между прочимъ кардиналъ де-Монте. Партія реформы въ Римѣ, имѣя во главѣ кардинала Поля, была не менѣе огорчена и смущена унижительнымъ концомъ собранія, которое она четыре года тому назадъ привѣтствовала съ такими горячими надеждами ¹. Казалось, что церковь поражена бесплодностью и медленно умираетъ отъ старческаго безсилія.

Папа занимался только своими жалкими интригами и мелкими интересами римскаго двора. Онъ дѣлалъ видъ, что считаетъ, что императоръ удовлетворенъ его извиненіями и закрытіемъ собора, а потому возобновилъ свои приказы четыремъ тріентскимъ прелатамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они явились въ Римъ въ самый короткій срокъ. Прелаты поставлены были въ большое затрудненіе такимъ настойчивымъ приказомъ. Они написали императору ², объясняя ему, что ихъ совѣсть будетъ крайне смущена, если они не послушаютъ приказанія своего главы, такъ какъ оно не содержитъ въ себѣ ничего незаконнаго. Они сверхъ того прибавляли, что опасаются стро-

¹ Quirini, *Epistolae Poli*, т. IV, стр. 68.

² 20 сентября 1549 г. Копія въ Брюссельскомъ Королевскомъ архивѣ.

гихъ наказаній со стороны папы. Они предоставляли самому императору на выборъ: или чтобы онъ добился отъ папы прощенія ихъ, или чтобы разрѣшилъ имъ отправиться въ Римъ.

Однако, Карлъ одного сдѣлать не могъ, а другого не хотѣлъ. Его положеніе было похоже на то, въ которомъ онъ находился два года тому назадъ, наканунѣ взятія Пьяченцы. При такихъ обстоятельствахъ онъ рѣшилъ дѣйствовать безпощадно относительно упорнаго старика и еще разъ поразить его въ личныхъ привязанностяхъ и въ семейномъ честолюбіи. Онъ просто объявилъ, что Парма и Пьяченца не принадлежали церкви, а составляли нераздѣльную часть герцогства Миланскаго. вмѣсто того, чтобъ возвратить Пьяченцу, онъ потребовалъ еще и Парму, выражая готовность вознаградить Октавія Фарнезе, котораго дѣдъ, Павелъ III, пожаловалъ герцогствомъ Пармы и Пьяченцы, но только послѣ того, какъ папа и коллегія кардиналовъ формально уступятъ оба эти города герцогству Миланскому. Это вознагражденіе, въ дѣйствительности очень богатое, должно было состоять въ большомъ количествѣ земель, но не въ средней Италіи, а въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и слѣдовательно не давало самостоятельности. Это предложеніе являлось совершенною насмѣшкою, если вспомнить, что Павелъ только и думалъ, какъ бы создать для своего семейства независимое государство. Въ бѣшенствѣ папа и кардиналы бросились безъ всякихъ оговорокъ въ руки фран-

цузовъ; но тогда ужасный ударъ поразилъ старого папу: тотъ самый Октавій Фарнезе, изъ за котораго онъ боролся, боясь что будетъ лишенъ герцогства Пармы въ пользу своего брата, любимца дѣда, отказался отъ феодальнаго главенства церкви и призналъ своимъ сюзереномъ императора. Такимъ образомъ Павелъ III, всегда стремившійся по чисто эгоистическимъ соображеніямъ помѣшать дѣйствительной реформѣ церкви, интересами которой онъ жертвовалъ для постыднаго nepотизма, былъ жестоко наказанъ тѣмъ самымъ дѣломъ, ради котораго онъ грѣшилъ. Всѣ эти, столько разъ повторявшіяся, несчастья и униженія разбили наконецъ сердце старика: онъ умеръ 10 ноября 1549 года на 83 году жизни.

Павелъ III, будучи избранъ папою, оставался проникнутымъ идеями и стремленіями уже исчезнувшей эпохи. Онъ мало интересовался опытами улучшенія внутренняго и внѣшняго положенія церкви: онъ былъ занятъ главнымъ образомъ желаніемъ сохранить всѣ привилегіи папства, какъ полезныя, такъ и вредныя, и добываніемъ своему семейству многихъ княжескихъ владѣній. Онъ обладалъ большими умственными способностями, былъ очень тонкимъ дипломатомъ, всегда умѣвшій выпутаться, не очень совѣстливый и весьма находчивый въ выборѣ средствъ. Въ то же время онъ былъ хорошимъ администраторомъ, вовсе не злымъ, и былъ любимъ своими подданными; но онъ боролся противъ стремленій своего времени

и поэтому былъ побѣжденъ, а папство было унижено при немъ такъ, какъ никогда до него.

Императоръ уже давно ждалъ этого событія и рассчитывалъ на него. Кто знаетъ, быть можетъ тѣ послѣднія мѣры, о которыхъ мы только что говорили, были приняты именно для того, чтобъ ускорить конецъ маститаго папы, часто хвалившагося тѣмъ, что переживетъ болѣзненнаго императора. Карлъ очень желалъ, чтобы наслѣдникомъ Павла III былъ избранъ кардиналъ, склонный къ реформамъ, особенно Реджинальдъ Поля, на котораго вся либеральная и *загорняя* (ультрамонтанская) партія церкви возлагала всѣ свои надежды. И дѣйствительно этой партіи удалось заставить кардиналовъ взять на себя обязательство, что тотъ изъ нихъ, кто будетъ избранъ папою, долженъ возобновить соборъ и довести его до конца. Въ началѣ конклава Поля дѣйствительно имѣлъ много шансовъ быть выбраннымъ; ему недоставало только двухъ голосовъ, чтобы получить двѣ трети, необходимыя для избранія, но въ рѣшительный моментъ французскіе и другіе, преданные Франціи, кардиналы, которые вообще дѣйствовали противъ видовъ императора, самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились кандидатурѣ Поля и пришлось отказаться отъ его избранія. Съ своей стороны, имперіалисты высказались противъ самого даровитаго изъ партіи ревнителей—Червино, котораго они всегда считали самымъ опаснымъ противникомъ въ Триентѣ и среди окружающихъ Павла III. Правда, другой легатъ на Триенскомъ и Болон-

скомъ соборѣ, де-Монте, обнаруживалъ и болѣе пылкости и крайности, но всѣ знали, что по способностямъ онъ гораздо ниже кардинала Червино и что имъ легко овладѣть и управлять, главнымъ образомъ въ силу его эгоизма, впечатлительности и неудержимыхъ страстей. Вслѣдствіе этого донъ Діего де-Мендоза не воспротивился его избранію, которое и произошло 7 февраля 1550 года. Онъ принялъ имя Юліа ІІІ.

Испанскій посланникъ не ошибся. Достигнувъ вершины церковныхъ почестей, новый верховный владыка отдался прежде всего свѣтскимъ и художественнымъ наслажденіямъ своего новаго положенія. Чтобъ имѣть возможность пользоваться ими безъ помѣхи и чтобъ добыть богатство своей семьѣ, онъ стремился жить въ мирѣ со всѣми, особенно же съ могущественнымъ и страшнымъ императоромъ, который своими повторными ударами довелъ до могилы его предшественника. Когда на другой день послѣ его избранія, испанскій посоль въшелъ въ его комнату, изображая своею манерою нѣкоторый страхъ, папа ему крикнулъ: «Сеньоръ донъ Діего, зачѣмъ такой страхъ? ¹» Дѣйствительно онъ дѣлалъ все, чтобъ заслужить благоволеніе Карла Пятаго и обращалъ мало вниманія на обѣщанія, которыя далъ до своего избранія французскимъ кардиналамъ ². Напротивъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ

¹ *Донесеніе Матвея Дандоло*, изъ Рима, 1551; Albéni т. VII, 347.

² Druffel, т. I, стр. 355.

восшествія, онъ обѣщаль императору вновь открыть соборъ, и сдѣлалъ это по личному побужденію ¹. Два мѣсяца спустя онъ добился отъ кардиналовъ согласія на переводъ собора въ Триентъ ². Юлій самъ написалъ очень вѣжливое письмо къ протестантскимъ электорамъ съ цѣлью сдѣлать ихъ болѣе склонными къ соглашенію, и приглашалъ ихъ на соборъ ³. Такимъ образомъ онъ дѣйствовалъ вполне согласно съ видами императора. Взамѣнъ этого онъ требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ, добиться которыхъ отъ императорскихъ министровъ было спеціально поручено епископу и аудитору папскаго двора Пигино, также отказавшемуся отъ своихъ крайнихъ воззрѣній. Инструкціи, данныя ему, помѣчены 1 іюля 1550 г. ⁴. Папа находилъ, что для того, чтобы склонить французскаго короля къ дѣлу собора, должно обѣщать ему не затрогивать никакихъ вопросовъ, касающихся свѣтской власти и всего, что можетъ вести къ уменьшенію привилегій короны и церкви во Франціи. Онъ требовалъ, какъ необходимаго условія возвращенія въ Триентъ, формальнаго удостовѣренія, что нѣмцы явятся туда и что, если потребуется, императоръ заставитъ ихъ явиться; кромѣ того онъ требовалъ, чтобы папская власть осталась неприкосновенною.

¹ Druffel, т. I, стр. 364-393.—Pallavicini, XI, 8, 1.

² Massarelli у Döllinger'a, *Zur Geschichte des Concils von Trient*, т. I, стр. 273.

³ Raynaldi, ad. an. 1550, nr. 4.

⁴ Druffel, т. I, стр. 423 и слѣд.

Любимый министр императора Гранвелла легко согласился на всѣ эти условія и между нимъ и Пигино былъ заключенъ формальный договоръ. Они согласились обойти молчаніемъ всѣ старыя спорныя пункты и просто открыть въ Триентѣ будущую весною соборъ, пригласивъ на него лютеранъ. Сверхъ того, папа обѣщаль немедленно приступить къ необходимой реформѣ римскаго двора, а императоръ—оставаться поблизости отъ Триента и оттуда препятствовать всякому покушенію на папскую власть. Они благоразумно умолчали относительно того, былъ ли законенъ переводъ собора въ Болонью; затѣмъ по настоянію императора папа временно согласился на то, чтобъ не упоминать, что постановленія прежняго Триентскаго собора должны считаться обязательными. Самъ императоръ не подвергалъ ни малѣйшему сомнѣнію ихъ законность, но ему хотѣлось прежде всего привлечь на новый соборъ протестантовъ, которые ни за что бы не согласились признать всѣ безъ исключенія постановленія первыхъ засѣданій.

Юлій III казалось совершенно отдался дѣлу реформы и вполне примирился съ Пачеко, главою прелатовъ, оставшихся въ Триентѣ. Онъ учредилъ комиссію изъ шести кардиналовъ для реформированія условій назначенія церковныхъ бенефицій; въ составъ ея вошли, между прочими, Сфондрато и Поль, склонявшіеся къ умѣренному прогрессу. Другая комиссія была учреждена для выработки мѣръ противъ злоупотребленій во

время конклавовъ, собирающихся для выбора новаго папы ¹.

Къ несчастью являлось большое затрудненіе, если не совершенная невозможность, соединить въ одномъ дѣлѣ два самыхъ крупныхъ и соперничествовавшихъ между собою правительства того времени.

Французскій король Генрихъ II, болѣе чѣмъ прежде рѣшившійся не допускать дальнѣйшаго увеличенія силы императора, обратился къ Юлію III, какъ мы видѣли, избранному главнымъ образомъ благодаря французскому вліянію, и предложилъ возобновить переговоры его предшественника относительно союза между Франціею, папою и Венеціею противъ Карла. Юлій III вовсе не былъ склоненъ пускаться въ такія широкія и опасныя предпріятія; онъ отвѣтилъ христіаннѣйшему королю, что до тѣхъ поръ, пока императоръ не покусится на его власть, онъ не желаетъ ссориться съ нимъ ². Этотъ отвѣтъ возбудилъ Генриха II противъ Юлія, и такъ какъ послѣдній обнаруживалъ большое расположеніе къ императору, то негодованіе короля противъ папы усиливалось съ каждымъ днемъ. Поэтому онъ сухо отказался послать на соборъ своихъ посланниковъ и епископовъ, выставляя главнымъ предлогомъ то обстоятельство, что Триентъ—городъ, находящійся подъ властью Габсбурговъ, а

¹ Raunaldi, ad. an. 1550.

² Депеша Мендозы отъ 27 мая 1550 г.; Druffel' t. I, стр. 400.

потому не представляетъ достаточно гарантій для свободы собора, на что было указано самимъ его святѣйшествомъ, когда онъ былъ первымъ легатомъ въ 1546 и 1547 годахъ ¹. Папа убѣждалъ его рядомъ посланій, обѣщалъ ему измѣнить свое рѣшеніе, исполнить всѣ его желанія и удовлетворить всѣ предложенія, но все было напрасно. Генрихъ грозилъ ему даже созваніемъ французскаго національнаго собора—перспектива, всегда очень непріятная для римскаго двора. Однако, Генрихъ все же былъ далеко, а императорскіе гарнизоны въ Сиеннѣ и Пьяченцѣ, въ Гаетѣ и Капуѣ—очень близки, а потому Юлій III, не обращая вниманія на протесты Франціи, снова буллою отъ 14 ноября 1550 г. ², созвалъ Тріентскій соборъ на первое мая слѣдующаго года.

Выборъ президентовъ, которые должны были руководить этимъ собраніемъ, былъ очень важенъ. Юлій назначилъ первымъ президентомъ кардинала Марчела Кресченціо, по происхожденію римскаго дворянина, хорошаго канониста, считавшагося сторонникомъ императора, но въ сущности горячаго и даже несговорчиваго защитника прерогативъ апостолическаго престола.

¹ *Письмо кардинала де-Турнона* отъ 20 апрѣля и *письмо Генриха II къ Д'Юрфе* отъ 5 августа 1550. Ribier, т. II, стр. 275—279.

² Theiner, т. I, стр. 476, указываетъ правильно мѣсяць и число изданія буллы, но пишетъ вмѣсто 1550 года 1551-й.

Онъ былъ убѣжденъ, что всѣ сомнѣвающіеся въ верховности папъ надъ соборами ничто иное, какъ еретики ¹. Во избѣжаніе столкновеній, происходившихъ на первомъ Триентскомъ собраніи, къ нему не были назначены другіе кардиналы-легаты, а посланы простыя епископы съ титуломъ нунціевъ, которые должны были присутствовать вмѣстѣ съ нимъ, но были подчинены ему; это были: Пигино, архіепископъ сипонтскій или манфредонійскій, и Липпомано, епископъ веронскій. Оба они были извѣстны императору по посольству въ Германію и вмѣстѣ съ тѣмъ были безусловно преданы интересамъ святого престола.

Но во всей этой комбинаціи имѣлась сторона, которая дѣлала невозможнымъ благополучный исходъ собора. Какъ во времена Павла III, папа и императоръ еще разъ соединились для его созванія. Юлій, казалось, такъ желалъ его, что даже предложилъ Карлу личное свиданіе въ самомъ Триентѣ; въ дѣйствительности же намѣренія обоихъ монарховъ были очень различны. Папа желалъ, чтобы прежде всего были снова установлены догматы церкви съ такою ясностью и опредѣленностью, которыя бы вполне уничтожали протестантовъ, и чтобы послѣдніе такимъ образомъ оказались бы уже въ противорѣчій не съ однимъ только св. престоломъ, но съ самою церковью, вслѣдствіе чего самъ императоръ долженъ былъ бы принудить ихъ къ

¹ Maurenbrecher, стр. 277.

полному и безотговорочному подчиненію. Карлъ, напротивъ, болѣе всего желалъ реформъ, настолько важныхъ и дѣйствительныхъ, чтобы онѣ могли удовлетворить лютеранъ и привести къ добровольному примиренію ихъ съ римскою церковью¹. Вполнѣ понятно, что по этому пункту соглашеніе было невозможно и что, рано или поздно, соборъ по необходимости долженъ будетъ снова вызвать разрывъ между папою и императоромъ.

Затрудненія увеличивались еще тѣмъ, что, не смотря на всѣ обѣщанія, ни протестанты, ни нѣмецкіе епископы не торопились отправиться на соборъ, между тѣмъ какъ послѣдній былъ снова перенесенъ въ Триентъ съ цѣлью облегчить имъ доступъ въ него. Основаніе для этого было очень просто; оно заключалось въ томъ, что нѣмецкій епископатъ, а тѣмъ болѣе лютеране, чувствовали большое нерасположеніе къ собору, который не только былъ созванъ папою, но вполнѣ и внѣ всякаго сомнѣнія долженъ былъ находиться подъ безусловнымъ вліяніемъ папы, какъ по характеру и личнымъ качествамъ его предсѣдателей, такъ и по численному преобладанію въ

¹ См. инструкцію императора къ его уполномоченному на соборъ Франциску Толедскому, отъ 5 янв. 1552 г. (M a u r e n b r e c h e r, стр. 276): Considerando que la principal causa porque se congreco el concilio no fue solo por lo tocante a los dogmas, que estas ya estaban determinadas por otros muchos concilios, sino porque se hiziesse una devida y tal reformation que los protestantes no tuviesen de perseverar en sus errores fundados sobre los abusos.

немъ итальянцевъ. Лѣтомъ 1550 г. на Аугсбургскомъ сеймѣ протестанты указали еще и на другія обстоятельства, препятствующія ихъ участию соборѣ¹. Тщетно Карлъ употреблялъ всѣ мѣры, какія только могъ придумать, — прямые приказы, собственноручныя письма, охранныя грамоты для католиковъ и лютеранъ, — чтобы заставить имперскихъ князей отправиться въ Триентъ. Они были раздражены тѣмъ, что папа и его легаты признавали, хотя и въ замаскированныхъ выраженіяхъ, что новый соборъ есть только продолженіе прежняго и вслѣдствіе этого считали имѣющими силу всѣ декреты, изданные въ 1546 и 1547 гг., но которые рѣшительно отвергались почти всѣми нѣмцами. Прошло много мѣсяцевъ прежде чѣмъ появился на соборѣ первый нѣмецкій епископъ, вынужденный къ этому давленіемъ императорской власти, — давленіемъ, становившимся со дня на день все болѣе ненавистнымъ.

Но не въ одномъ только этомъ заключались препятствія къ успѣшному ходу засѣданій собора; политическое положеніе становилось все болѣе неблагопріятнымъ для него. У обоихъ союзниковъ, папы и императора, произошло серьезное столкновеніе съ Франціею по поводу Пармскаго герцогства. Лѣтомъ 1551 г. война вспыхнула уже въ Италіи, и хотя не была объявлена офи-

¹ Письмо архіепископа Сипонтскаго къ епископу Имоли отъ 21 авг. 1550 г.; Laemmer, *Meletematum Romanorum Mantissa*, стр. 165.

ціально, но начались сраженія. Король безъ всякаго повода воспретилъ отправку денегъ въ Римъ и заранѣе не признавалъ наказанія или интердикта, который могъ бы наложить папа на Францію. Такимъ образомъ участіе французовъ на соборѣ сдѣлалось невозможнымъ; кромѣ того, Генрихъ II воспрепятствовалъ швейцарцамъ послать на него своихъ представителей ¹.

Въ срокъ, предположенный для открытія собора, т. е. 1 мая 1551, въ Тріентѣ собралось только 14 прелатовъ, не считая президентовъ и кардинала Мадруццо. Въ виду такого, не особенно ободряющаго, обстоятельства, большинство этого маленькаго собранія порѣшило отложить публичныя засѣданія до 1 сентября того же года. Оказывалось, что Карль напрасно постарался, чтобъ изъ его наслѣдственнаго королевства Испаніи отправилось въ Тріентъ значительное число прелатовъ ²: они чувствовали себя такими заброшенными въ маленькомъ Альпійскомъ городкѣ, что не дѣлали рѣшительно ничего. Тогда папа, видя, что онъ ничего не выгадалъ отъ своего союза съ императоромъ, кромѣ столкновеній и опасностей, пригрозилъ ему въ довольно откровенныхъ выраженіяхъ полнымъ разрывомъ, если онъ не будетъ въ состояніи выполнить своего

¹ De Thou, lib. 8.

² *Documentos ineditos par la historia de Espana*, т. IX, стр. 88 и слѣд.

обѣщанія привлечь на соборъ нѣмецкихъ епископовъ и князей ¹.

Карль долженъ былъ признать, что жалобы папы были основательны и потому прибѣгъ къ крайнимъ средствамъ, вслѣдствіе чего за два дня до открытія засѣданія прибыли въ Триентъ архіепископы-электоры Майнцскій и Трирскій, а на слѣдующій день еще два нѣмецкихъ епископа и два испанскихъ прелата. Особенно были довольны прибытіемъ двухъ электоровъ, такъ какъ это были князья, имѣвшіе общеевропейское значеніе. Имъ были предоставлены первыя мѣста въ ряду архіепископовъ и поставлены нѣсколько по отдалѣ отъ кресель другихъ прелатовъ два болѣе разукрашенные кресла ². Самъ папа придавалъ такую цѣну этому прибытію, что послалъ Майнцскому электору особенное благодарственное письмо. Римскій кэроль Фердинандъ съ своей стороны отправилъ въ Триентъ епископовъ вѣнскаго и аграмскаго, которые должны были засѣдать на соборѣ и въ качествѣ его посланниковъ ³. Наконецъ прибыли еще пять депутатовъ отъ Лувенскаго университета, все перворазрядныхъ теологовъ, игравшихъ въ качествѣ редакторовъ правилъ церкви важную роль въ послѣдующихъ обсужденіяхъ собора. Болѣе извѣстные между

¹ *Собственноручное письмо Юлія III къ императору* отъ 27 іюля 1551 г.; Maurenbrecher, стр. 154.

² Massarelli у Döllinger'a, *Zur Gesch. d. C. v. Trient*, I, 325.

³ Druffel, I, 711,

ними были Францъ Сонніусъ, Рено Тапперъ и Юссія Равенштейнъ.

Однако для засѣданія 1 сентября ничего не было подготовлено и оно не имѣло бы никакого результата, еслибы, откладывая его до 11 октябрю, не было бы сдѣлано постановленія начать обсужденіе съ того пункта, на которомъ остановились предшествующія засѣданія. Такое постановленіе было равносильно объявленію безъ всякихъ обиняковъ о признаніи имѣющими силу всѣхъ декретовъ перваго Тріентскаго собора, не смотря на противоположное желаніе императора и протестантовъ, и оно было сдѣлано какъ разъ въ то время, когда императоръ и папа были въ тѣсномъ союзѣ и ежедневно ожидалось прибытіе лютеранъ. Это показываетъ, какъ мало можно было надѣяться безъ участія меча и костра на соединеніе двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Засѣданіе 1 сентября получило еще другое значеніе вслѣдствіе вмѣшательства посланника короля Франціи, который хотя и не присутствовалъ, но письменно и въ вѣжливой формѣ заявилъ свой протестъ противъ собранія собора и оспаривалъ какую бы то ни было обязательность его для Франціи. Само собою разумѣется, что собраніе отвѣтило на это контръ-протестомъ. По этому поводу Генрихъ II выразилъ своимъ подданнымъ подозрѣніе, что папа, начавъ политику, ведущую къ войнѣ, какъ разъ во время созыва собора, тѣмъ самымъ хотѣлъ помѣшать

галликанскимъ прелатамъ принять участіе въ преніяхъ Триентскаго собора¹. Такимъ образомъ, враждебныя отношенія дошли до такой степени, что уже съ самаго начала благополучный исходъ собора сдѣлался очень сомнительнымъ. Юлій III, сохранившій такую же страстность, какую проявлялъ, когда былъ только кардиналомъ де-Монте, не только снова потребовалъ отъ императора личнаго свиданія въ Триентѣ (въ октябрѣ 1551 г.), но хотѣлъ также возбудить дѣло противъ французскаго короля и объявить его низложеніе, или съ одобренія собора, или даже безъ него². Таковы были ребяческіе мечты, занимавшіе умъ этого легковѣрнаго и вспыльчиваго папы!

Послѣ перваго засѣданія, которое состоялось только для формы, въ Триентѣ больше всего занимались ученіемъ о таинствѣ евхаристіи. Извѣстно, что сами реформаторы держались очень различныхъ мнѣній по этому весьма трудному и спорному вопросу; но собору, въ противоположность различнымъ протестантскимъ воззрѣніямъ, было не трудно держаться ученія церкви объ этомъ таинствѣ, установленному уже пять вѣковъ тому назадъ, и, формулировавъ десять еретическихъ положеній, осудить ихъ всѣ за-разъ. Такимъ образомъ было отвергнуто ученіе Цвингли, видѣвшаго въ причащеніи только церемонію безъ внутренняго содержанія; ученіе Лютера, который, признавая дѣйствительное присутствіе

¹ Le Plat, IV, 244.

² Druffel, I, 622; III, 239 и слѣд.

Христа при евхаристіи, отрицалъ однако пресуществленіе, и всѣ среднія и болѣе умѣренныя ученія, стремившіяся согласить эти разногласія. Было отвергнуто предположеніе, что Іисусъ Христосъ пребываетъ только въ соединеніи хлѣба и вина, а не въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно и т. д. Только одинъ пунктъ представлялъ затрудненіе, а именно восьмой: предоставленіе мирянамъ права принимать причастіе изъ чаши, т. е. въ двухъ видахъ. Первобытная Церковь, до XII вѣка, всегда разрѣшала всѣмъ вѣрующимъ принимать и хлѣбъ и вино, и только въ послѣдствіи вошло въ обычай отказывать мирянамъ въ причащеніи изъ Чаши. Правда, со времени четвертаго Латранскаго собора было установлено, что І. Христосъ соприсутствуетъ въ каждой частицѣ облатки, а потому причащеніе въ двухъ видахъ не представляетъ необходимости, такъ какъ кровь Христова заключается въ тѣлѣ его, являясь его нераздѣльнымъ спутникомъ (*consociatus*). Во избѣжаніе возможной профанаціи, когда капли вина случайно упадутъ на полъ, употребленіе Чаши сохранено только для совершающихъ богослуженіе священниковъ. Однако съ той поры церковь въ этомъ отношеніи сдѣлала много уступокъ. Для довершенія примиренія съ гусситами Базельскій соборъ рѣшилъ, что «по уважительнымъ причинамъ можно согласиться на то, чтобы народъ принималъ причастіе въ двухъ видахъ»¹. Такое же разрѣшеніе было дано грекамъ, под-

¹ Mansi, XXX, col. 695.

властнымъ венеціанской сеньѳри. Будучи во всемъ остальномъ въ полномъ согласіи съ католической церковью, они, съ согласіа Рима, сохранили причащеніе изъ Чаши для мирянъ. Такихъ грековъ-уніатовъ насчитывалось тогда до 600.000. Во Франціи нѣкоторые монастыри и королевская фамиліа также имѣли подобную привилегію. Даже въ послѣднее время употребленіе Чаши было предоставлено мирянамъ въ Германіи на основаніи *Интерима* и самъ папа Павелъ III изъявилъ согласіе на это въ тѣхъ полномочіяхъ, которыя были даны имъ тремъ епископамъ, которыхъ онъ послалъ въ Германію въ 1548 г.

Вслѣдствіе этого на соборѣ образовалась довольно большая партія, желавшая удовлетворить требованія протестантовъ и возобновить древній обычай церкви, не въ видѣ предписанія, но въ видѣ разрѣшенія принятія причастія въ двухъ видахъ. Однако среди теологовъ, которымъ были поручены подготовительныя работы для обсужденія прелатовъ, не нашлось ни одного, который бы осмѣлился противорѣчить іезуитамъ Лайнецу и Сальмерону, посланныхъ папою въ качествѣ его собственныхъ теологовъ и объявившихъ еретическими 8 и 10 пункты, изъ которыхъ послѣдній относился къ принятію причастія дѣтьми. Интересно прослѣдить, какъ они всячески изворачивались, чтобъ ослабить значеніе неоспоримаго факта, что церковь въ продолженіи болѣе тысячи лѣтъ давала причастіе мирянамъ въ двухъ видахъ. Это былъ пунктъ нападенія нѣмец-

кихъ епископовъ. Кардиналь Мадруццо, архієпископы майнцскій и трирскій, епископы вѣнскій и аграмскій убѣждали соборъ возстановить въ интересахъ мира и согласія силу этого древняго обычая церкви въ Германіи, Богеміи и Венгріи. Архієпископъ гренадскій, епископы кастелламарскій, сиракузскій, орензскій, бадахосскій и калагорскій также допускали его на извѣстныхъ условіяхъ. Суффраганъ вюрцбургскій и епископъ вердюнскій совѣтовали совершенно отказаться отъ обсужденія этого пункта и не принимать по этому вопросу никакого рѣшенія, но большинство испанскихъ и особенно итальянскихъ епископовъ не допускали ни малѣйшей уступки, потому что, по ихъ мнѣнію, это значило бы придать церкви характеръ непостоянства и неустойчивости и поощрить недовольныхъ возбудить еще новыя требованія. Съ другой стороны, было очевидно, что такое рѣшеніе сдѣлаетъ невозможнымъ соглашеніе съ протестантами,—не такое, какъ то, которое было достигнуто на короткое время побѣдоноснымъ оружіемъ императора, а дѣйствительное и серьезное.

Одновременно епископы обсуждали вопросы о реформѣ церкви. Они ограничили злоупотребленіе слишкомъ частыми апелляціями римскому двору на рѣшенія епископовъ и такимъ образомъ усилили вліяніе епископа на свою паству и подчиненныхъ ему священниковъ. Епископы также озаботились обезпечить себя отъ взысканій и особенно отъ произвольныхъ смѣщеній, которыя

на будущее время могли производиться однимъ только папою, лично, а не трибуналами или духовными судьями. Этимъ рѣшеніемъ въ извѣстной мѣрѣ удовлетворялась часть прежнихъ жалобъ нѣмецкаго народа.

Наконецъ дали удовлетвореніе нѣмцамъ и по вопросу объ евхаристіи. Представитель имперіи въ Триентѣ, графъ де Монфоръ, по приказанію императора, просилъ президентовъ временно устранить отъ обсужденія пункты 8 и 10, касающіеся ученія о Причастіи, чтобы не оттолкнуть протестантовъ, часть которыхъ уже находилась въ пути въ Триентъ. Въ то же время онъ потребовалъ отъ собора охранительной грамоты для протестантовъ. Такъ какъ теперь не было основаній для отказа императору во что бы то ни стало, то президенты и прелаты согласились съ предложеніями де Монфора.

Дѣйствительно, 11 октября 1551 г., на тринадцатомъ засѣданіи собора появились два посланника Іоахима II, электора Бранденбургскаго. Они заявили, хотя и въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что ихъ государь готовъ дѣйствовать, какъ вѣрный сынъ церкви, и подчиниться постановленіямъ собора. Такой шагъ со стороны протестантскаго князя объясняется очень просто тѣмъ, что Іоахимъ желалъ признанія папою его сына Фридриха архіепископомъ магдебургскимъ и епископомъ гальберштадтскимъ, хотя этотъ молодой человѣкъ и не достигъ еще возраста, требуемаго каноническими правилами.

Тѣмъ не менѣе посольство было привѣтствуемо съ радостью ¹, какъ признакъ близкаго подчиненія всѣхъ другихъ протестантовъ и ихъ участія въ соборѣ.

Важность этого собранія и его увѣренность въ своей будущности увеличилась еще болѣе вслѣдствіе прибытія третьяго духовнаго электора, архіепископа кельнскаго Адольфа фонъ-Шауенбурга. Этотъ ученый и краснорѣчивый прелатъ игралъ въ Триентѣ гораздо болѣе значительную роль чѣмъ оба его товарища, архіепископы майнцскій и трирскій, принимавшіе очень незначительное участіе въ преніяхъ. Собравшіеся прелаты считали его «земнымъ выразителемъ божественной мудрости». Не меньшее удивленіе вызывали и депутаты Кельнскаго университета, д-ра Іоаннъ Гропперъ и Эвраръ Билликъ ². Эти, а также и лувенскіе, теологи часто имѣли случаи черезъ посредство секретаря дѣлать поправки въ протоколахъ собора въ неправильныхъ опредѣленіяхъ преосвященнѣйшихъ отцовъ ³.

Въ засѣданіи 11 октября были объявлены каноны и декреты, касавшіеся таинства евхаристіи и юрисдикціи епископовъ. По первому вопросу къ рѣшеніямъ собора была прибавлена декларация, въ которой говорилось, что соборъ вы-

¹ *Письмо епископа Орензскаго къ Гранвелль*, 12 окт.; Levassor, 156.

² De Ram, 37 и слѣд.

³ *Письма Мальвенды*, 12 окт., и *Варгаса*, 28 ноября къ Гранвелль; Levassor, 66. 146.

пустилъ пункты, касающіеся причащенія въ двухъ видахъ, «потому что тѣ изъ высокоблагородной страны Германіи, которые называются протестантами, желаютъ быть выслушанными святымъ соборомъ прежде, чѣмъ будетъ сдѣлано окончательное опредѣленіе по этимъ пунктамъ¹». Чтобъ облегчить имъ прибытіе въ Триентъ и возвращеніе въ лоно церкви, собраніе выдало всѣмъ имъ общую охранительную грамоту, предоставило неограниченную свободу слова и право подлежать особой юрисдиціи судей, которыхъ они могутъ сами себѣ выбрать.

Казалось, все шло какъ было желательно, но радость тѣхъ прелатовъ, которые не были заняты исключительно интересами римскаго двора и ихъ надежды на счастливый конецъ, сильно ослаблялась высококомѣрнымъ и повелительнымъ поведеніемъ легата Кресченціо. Онъ былъ очевидно раздраженъ оказывавшимся вниманіемъ къ протестантамъ и тѣмъ, что епископы начали расширять свои права въ ущербъ святаго престола. Папа и его представители были непріятно поражены видя, что присланные императоромъ на соборъ посланники и теологи заняли сообразно съ духомъ *Интерима* анти-папское положеніе и по многимъ вопросамъ благопріятное даже для протестантовъ. Дѣйствительно они были удивлены, когда такіе ученые канонисты, какъ

¹ См. письмо Вильгельма Пуатье, нидерландскаго посланника, къ королевѣ-правительницѣ Маріѣ отъ 10 окт.; *Королевскіе Архивы въ Брюссель*.

Варгасъ, Мальвенда и другіе, стали съ самого начала преній въ прямую оппозицію къ Риму и его легатамъ и нунціямъ: ужъ не боялся ли Карлъ въ это время новаго возстанія протестантовъ, когда такъ мало считался съ соборомъ? Во всякомъ случаѣ такое поведеніе было очень оскорбительно для куріи, и папа сталъ называть отцовъ Тріентскаго собора «людьми пристрастными и партійными¹».

При такихъ обстоятельствахъ Кресченціо, уже не ожидавшій ничего хорошаго отъ собора, рѣшился вести обсужденіе какъ можно быстрее къ концу, пользуясь для этого самымъ строгимъ и стѣснительнымъ образомъ правами предсѣдателя. Въ особенности онъ хотѣлъ помѣшати появленію еретическихъ теологовъ на соборѣ, чтобы они не могли предъ цѣломъ свѣтомъ изложить свои жалобы, идеи и стремленія. Кресченціо заявилъ, что соборъ долженъ окончиться къ іюлю 1552 г. и что, по этому, послѣ слѣдующаго засѣданія ему уже нельзя будетъ обсуждать реформы, и онъ долженъ будетъ заниматься исключительно догматами². Что касается императора, то онъ его больше не боялся и имѣлъ для этого полное основаніе, потому что Карлъ, находясь въ очень затруднительномъ положеніи между Франціей, Турціей и протестантами, тщательно избѣ-

¹ *Инструкція папы, данная Камаяно* (сентябрь 1551 г.) Duffel, III, 242.

² *Письмо Варгаса къ Гранвелль*, 13 окт., Levassor, 162 и слѣд.

галъ производить сильное давленіе на папу изъ опасенія бросить его въ объятія французовъ ¹. Такимъ образомъ у Юлія и его легата руки были развязаны и они могли вести соборъ согласно своему желанію.

Кресченціо коротко предложилъ общему собранію 5 ноября, чтобы отцы признали разные пункты въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ заранѣе установили теологи. Между тѣмъ эти теологи находились подъ совершеннымъ вліяніемъ двухъ іезуитовъ, которые въ качествѣ уполномоченныхъ папы, всегда говорили первыми и очень пространно; что же касается остальныхъ епископовъ, то легатъ оставлялъ за ними право только заявлять какіе пункты они признаютъ и какіе отвергають. Однако на этотъ разъ онъ потерпѣлъ обидную неудачу. По совѣту архіепископа гренадскаго Гверреро, — который, не смотря на свой католическій фанатизмъ, былъ, какъ и значительное большинство испанскаго духовенства того времени, мало склоненъ къ признанію всемогущества папы, — большинство голосовъ отвергло предложеніе легата, сохранивъ за самими прелатами разъясненіе и окончательную редакцію каноновъ.

¹ *Инструкція Гранвеллы епископу Орэнзскому* отъ 9 ноября 1551 (Levassor, 185 и слѣд.); «Bien es verdad que hay muchas cosas que se podian pedir, y que seria bien que fuesen concedidas. Sobre las quales qui en apretasse à Su Santidad podria causar rotura, que seria la cosa de mayo rinconveniente que se podria hazer.

Эта неудача повергала высокомернаго легата въ страшное раздраженіе и онъ не пропускалъ случая, чтобы проявить свою месть. То онъ упрекалъ какого нибудь прелата въ невѣжествѣ и незнаніи того, о чемъ говорить; то заявлялъ другому, что онъ явный еретикъ. Казалось, что, потерявъ страхъ передъ императоромъ, онъ считалъ себя вправѣ позволить себѣ все. Такое отношеніе его стало невыносимымъ для гордыхъ имперскихъ духовныхъ князей и для испанскихъ епископовъ, полныхъ національнаго достоинства и независимаго духа. Всѣ желали какъ можно скорѣе уѣхать изъ этого удаленнаго альпійскаго угла, гдѣ они видѣли себя предоставленными безъ всякой защиты наглости и оскорбленіямъ папскаго легата. Къ тому же послѣдній самъ приглашалъ болѣе важныхъ прелатовъ оставить соборъ ¹. Были и другія обстоятельства, усиливавшія опасенія епископовъ. Число собравшихся прелатовъ постоянно было очень ограничено и едва превосходило 50 человекъ; французы все время отсутствовали, а тотъ фактъ, что 120 итальянскихъ епископовъ находились въ Римѣ вмѣсто того, чтобы явиться на соборъ, представлялъ лучшее доказательство, что папа относится къ нему враждебно или, по крайней мѣрѣ, что онъ намѣревается снова перевести его куда нибудь въ папскія владѣнія. И дѣйствительно, Юлій все болѣе и болѣе выказывалъ нерасположеніе къ собранію, которое обнаруживало такъ мало покор-

¹ *Письмо Варгаса, Levassor, 67.*

ности его волѣ. Обычай требовалъ, чтобы во время собора папа воздерживался отъ какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ проявленій своей власти, чтобы не казаться, какъ бы независящимъ отъ собранія и даже какъ бы выше его. Нарушая эти приличія и постоянно отрицая преднамѣренность своихъ дѣйствій, Юлій III внезапно назначилъ шесть новыхъ кардиналовъ (20 ноября 1551 г.) Это было уже настоящимъ оскорбленіемъ собору. Ни одинъ изъ духовныхъ электоровъ, ни одинъ изъ многихъ кандидатовъ императора не попалъ въ число этихъ кардиналовъ. Всякая надежда на то, что легатъ позволитъ удовлетворить протестантовъ, исчезла; напротивъ, въ концѣ ноября 1551 г. въ Триентѣ распространился слухъ о враждебномъ настроеніи протестантовъ и французовъ противъ императора и, слѣдовательно, противъ собора.

Сверхъ того, если не трудно было сговориться относительно продолженія составленія декретовъ догматическаго характера, касавшихся таинства покаянія и миропомазанія, то дѣло стояло совсѣмъ иначе по вопросу о реформѣ. «En la matiere de réformation nest besogné si fervement que en celle de la foy et religion, pource que les prelates et peres nosent presser le legat touchant icelle, comme aussy ne font les ambassadeurs, attendant ordonnance et la commandement de sa majesté», — такъ писалъ нидерландскій теологъ въ официальномъ отчетѣ правительницѣ Маріѣ ¹. Кресченціо

¹ «Въ отношеніи реформы здѣсь трудятся не такъ го-

допускалъ разсужденія только по малозначущимъ пунктамъ и даже эти послѣдніе излагались такъ, чтобы дать возможность куріи для новыхъ захватовъ, но только съ большею осторожностью, чѣмъ это было раньше. «Задумать здѣсь что бы то ни было противъ воли папы, это значило бы задаться совершенно невозможною мыслью», писали своему государю теологи возмущеннаго этимъ императора¹. 25 ноября, въ четырнадцатомъ засѣданіи, были провозглашены каноны, о которыхъ мы только что говорили. Тринадцать главъ по вопросамъ о реформахъ, касающіяся права назначенія на духовныя должности, пріема послушниковъ въ монастыри и экстраординарнаго духовнаго суда, не удовлетворили никого, потому что *куріалисты* находили, что соборъ зашелъ слишкомъ далеко, а независимые выражали противоположное мнѣніе. Кастильскій фискаль Варгасъ писалъ епископу Гранвеллѣ: «Съ нашею постыдною и нелѣпою реформою мы сдѣлаемся баснею и предметомъ насмѣшекъ всего свѣта²», а знаменитый наумбургскій епископъ Юлій Пфлюгъ въ письмѣ, посланномъ изъ Триента, къ одному

рячо, какъ по всему, касающемуся вѣры и религіи, потому что прелаты и отцы не осмѣливаются понуждать легата по этому предмету, какъ не дѣлаютъ этого и посланники, ожидающіе повелѣнія и приказанія его величества». Письмо G. de Poitiers отъ 30 ноября; *Archives de Royaume*. Bruxelles.

¹ Письмо Варгаса, отъ 26 ноября 1551 г., и Мальвенды отъ 26 февраля 1551 г. къ Гранвеллѣ.

² Levassor, стр. 208.

своему другу выражался такъ ¹: «Сказать вамъ по секрету, то мнѣ кажется, что нѣкоторые здѣшніе люди болѣе склонны осудить, но не уничтожить причины раскола,—наблюденіе, наводящее меня на многія размышленія».

Единственный человекъ, продолжавшій дѣйствительно интересоваться соборомъ, какъ своимъ личнымъ созданіемъ и какъ единственнымъ средствомъ достигнуть религіознаго мира, былъ Карлъ Пятый. Дѣйствительно, если бы это собраніе разошлось еще разъ и безъ всякаго результата,—то дѣло всей жизни его осталось бы не разрѣшеннымъ. Тутъ ставился вопросъ не только объ удовлетвореніи личнаго самолюбія Карла. Преждевременный роспускъ собора долженъ былъ поставить предъ протестантами такую дилемму: или слѣпо подчиниться папству, или вновь начать борьбу съ императоромъ католикомъ, и онъ зналъ, что они остановятся на второмъ рѣшеніи, а между тѣмъ въ это время снова началась война между Карломъ и Франціею и отношенія между папою и императоромъ изо дня въ день становились хуже по поводу того же собора. Такимъ образомъ и для политическаго и для религіознаго положенія Карла распушеніе собора являлось крайне невыгоднымъ. Однако онъ не думалъ, чтобы съ его стороны было возможно прибѣгнуть къ единственному оставшемуся въ его распоряженіи средству—къ принужденію папы, и ему оставалось только пользоваться

¹ 26 ноября; D r u f f e l, I, 831.

палліативными мѣрами, состоявшими въ томъ, чтобъ показать, что онъ не отвѣтственъ за неудачный результатъ соборныхъ совѣщаній. Съ этою цѣлью онъ воспрепятствовалъ угрозами и выговорами отъѣзду, хотя бы даже временному, нѣмецкихъ и испанскихъ прелатовъ изъ Триента. Даже болѣзнь, по его мнѣнію, не могла служить оправданіемъ, чтобы покинуть этотъ городъ. Съ другой стороны онъ постоянно уговаривалъ имперскія правительства послѣдовать примѣру Бранденбургскаго электора и послать отъ себя на соборъ пословъ и теологовъ. До извѣстной степени ему повиновались, но скорѣе для того, чтобы до времени не раздражать его, чѣмъ въ силу дѣйствительной надежды и искреннаго желанія достигнуть этимъ путемъ религіознаго мира. Герцогъ Вюртембергскій, электоръ Морицъ Саксонскій и нѣсколько южно-германскихъ имперскихъ городовъ поручили своимъ дипломатамъ и теологамъ отправиться въ Триентъ. Между прочимъ Страсбургъ былъ предстановленъ знаменитымъ историкомъ Слейданомъ ¹.

Напротивъ Кресченціо питалъ совсѣмъ иные виды. Такъ какъ собору надлежало теперь за-

¹ Письма Слейдана, писанныя имъ во время присутствія его на соборѣ, были изданы Баумгартеномъ (Страсбургъ, 1881). Въ нихъ нѣтъ ничего новаго, но замѣчательно то, что съ самаго своего прибытія Слейданъ уже предсказывалъ дурной исходъ собора. Въ этомъ отношеніи онъ оказался болѣе проницательнымъ, чѣмъ императоръ и его государственные люди.

няться вопросами объ обѣднѣ и о безкровной жертвѣ, то легать желалъ воспользоваться вторымъ изъ нихъ, чтобы ввести въ отношеніи духовной іерархіи нѣкоторыя статьи, касавшіяся папской власти,—статьи, долженствовавшія установить и закрѣпить верховенство папъ надъ соборами и полную зависимость епископовъ отъ св. престола. Между прочимъ онъ предложилъ, «чтобы всѣ духовныя должности распредѣлялись между всѣми членами церкви только волею викарія Іисуса Христа, дабы всѣ онѣ предоставлялись въ надлежащей постепенности и исполнялись каждымъ на пользу всей церкви въ мирѣ и въ соотвѣтствующемъ порядкѣ». Однако всѣ теологи, епископы и посланники императора горячо воспротивились этой мѣрѣ, опираясь на божественное установленіе епископата, потому что съ одной стороны испанскіе монархи всегда помогали независимости ихъ національной церкви относительно Рима, такъ какъ это давало имъ возможность держать ее въ подчиненіи только своей власти, а съ другой, потому что боялись такимъ новымъ расширеніемъ папской власти вызвать полное отпаденіе нѣмцевъ.

Такимъ образомъ интересы императора и папы снова оказались въ непримиримомъ противорѣчьи. Такое, почти неизбежное, послѣдствіе собора не замедлило рѣзко обнаружиться. Тогда какъ Кресченціо опасался, что императоръ не проститъ ему его поведенія, отъ папы онъ получилъ полное одобреніе его образа дѣйствій и

даже обѣщаніе наслѣдованія папской тіары. Посылая въ Тріентъ епископа Монтефіасконе, Юлій далъ ему особое порученіе: «Прежде всего выразите самое большое удовольствіе нашему дорогому и возлюбленному кардиналу Кресченціо, высказавъ ему, что кардиналы, которыхъ мы недавно назначили, и всѣ другіе, если бы мы назначали ихъ еще сто, поймутъ, какъ они при случаѣ должны дѣйствовать въ его пользу ¹». Со стороны папы нельзя было высказаться яснѣе относительно кардинала, который былъ моложе его. Важнѣйшій изъ нунціевъ, Пигино, за услуги, оказанныя легату, получилъ подобно послѣднему также свою награду: онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ *in petto*, т.-е. безъ публичнаго провозглашенія, до открытія вакансіи.

Казалось, борьба между императоромъ и папствомъ была неизбежна, а вмѣстѣ съ нею и преждевременный конецъ собора. Положеніе собранія ухудшалось еще тѣмъ, что протестанты явились на него не съ тѣми идеями о соглашеніи, которое предполагалъ императоръ. Они были оскорблены полнымъ господствомъ на соборѣ папы и находили, что императоръ ихъ обманулъ и что это вовсе не былъ тотъ соборъ, который онъ обѣщалъ нѣмцамъ ². Это являлось для нихъ основаніемъ еще болѣе упорствовать противъ какой бы то ни было уступки папской

¹ Инструкція Монтефіасконе отъ 23 ноября 1551 г.; *D r u f f e l*, I, 284.

² Депеша Слейдана отъ 29 ноября; *В a u m g a r t e n*, 176.

системѣ. Они не сдѣлали ни одного визита ни легату, ни нунціямъ папы, чтобы не дать повода предполагать, что они признають римскаго первосвященника, и сносились съ соборомъ черезъ посредство имперскихъ пословъ, духовныхъ электоровъ и кардинала Триентскаго¹. Уполномоченные Вюртемберга представили отъ имени своего герцога исповѣданіе вѣры, составленное Іоанномъ Бренцомъ, которое въ отношеніи ученія объ Оправданіи, добрыхъ дѣлахъ, святыхъ, таинствахъ, особенно о таинствѣ евхаристіи и брака, о папѣ и т. д., содержало мысли, совершенно несовмѣстимыя съ католическими воззрѣніями. Не менѣе опредѣленное положеніе было занято и «саксонскимъ исповѣданіемъ», написаннымъ Меланктономъ и признаннымъ профессорами и пасторами странъ, подчиненныхъ электору Морицу, маркграфу Анспахскому, герцогамъ Помераніи и графамъ Гарцскимъ. Страсбургцы составили два исповѣданія, которыя, впрочемъ, были очень сходны между собою. Сверхъ того протестантскіе посланники заявили другія требованія, которыхъ соборъ никакъ не могъ удовлетворить, такъ какъ основа ихъ была въ совершенномъ противорѣчій съ католическимъ ученіемъ. Главнымъ образомъ они требовали выбора безпристрастныхъ судей, которые должны были высказаться по поводу протестантскихъ доктринъ и доктрины римской. Само собою разумѣлось, что всѣ предшествующіе декреты Три-

¹ Sleidan, lib. 23.

ентскаго собора должны были считаться недѣйствительными и подлежали разсмотрѣнію тѣхъ же судей, при чемъ протестанты указывали на нѣкоторые изъ этихъ декретовъ, какъ совершенно ошибочные и противные св. Писанію. Соборъ не только не могъ предоставлять никакой власти ни папѣ, ни его легатамъ, но долженъ былъ освободить всѣхъ собравшихся отцовъ отъ данной раньше присяги въ вѣрности св. престолу. Какъ далеки отъ этого были условія, поставленныя Юліемъ протестантамъ на томъ же соборѣ! Папа требовалъ, чтобы они прежде всего признали единство церкви, подчиненной папѣ, какъ викарію Иисуса Христа, а также законодательную власть и всѣ рѣшенія собора¹. Очевидно, что между столь расходящимися воззрѣніями не могло быть никакого соглашенія и положеніе дѣлъ было таково, что посланники императора боялись разрыва уже къ началу будущаго года².

Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ съ стремленіемъ къ реформѣ нѣкоторыхъ епископовъ, желавшихъ возстановить, по крайней мѣрѣ, хотя бы частью, прежній выборъ епископовъ самимъ населеніемъ и духовенствомъ, вызвали въ Триентѣ безвыходную путаницу. Легатъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался допустить протестантовъ на публичное засѣданіе, если они заранѣе не обяжутся подчиниться всѣмъ рѣшеніямъ собора. По-

¹ Le Plat, IV, 147.

² Письмо Варгаса къ Гранвелль отъ 11 янв. 1552; Levassor, 394.

пытки императорскихъ уполномоченныхъ и кардинала Триентскаго добиться для Вюртембергскаго и Страсбургскаго пословъ оффиціального выслушанія ихъ потерпѣли неудачу¹. Императоръ вмѣстѣ съ протестантами требовалъ, чтобы соборъ пріостановился съ опредѣленіемъ догматовъ до тѣхъ поръ, пока реформаторскіе теологи, уже отправившіеся въ Триентъ, не прибудутъ туда и не будутъ въ состояніи изложить свои мнѣнія передъ соборомъ. Кресченціо же, напротивъ, рѣшительно отказался предоставить протестантамъ опубликовать ихъ постановленія о реформѣ до заключенія догматическихъ опредѣленій. Результатомъ все этого было то, что публичное засѣданіе 25 января 1552 г. не дало ничего другого, кромѣ постановленія объ отсрочкѣ и выдачи новой охранительной грамоты протестантамъ, болѣе опредѣленной и подробной, чѣмъ первая. Между тѣмъ посланники отщепенцовъ, государи которыхъ уже втайнѣ подготавливали возстаніе противъ императора, ежедневно возбуждали новыя затрудненія, которыя давали основаніе сомнѣваться въ ихъ желаніи достигнуть соглашенія. Въ особенности оба саксонскіе посла требовали, чтобы, по примѣру гусситовъ на Базельскомъ соборѣ, протестантамъ были предоставлены одинаковыя съ отцами собора права,—обсуждать, заключать и постановлять, и чтобы миряне имѣли такія

¹ Депеши Слейдана отъ 10 декабря 1551 г. и 7 янв. 1552 г., Baumgarten, 184—197 и слѣд.

же права, какъ епископы, такъ какъ и они суть члены всемірной церкви ¹.

Карль Пятый приказалъ своимъ *ораторамъ* постараться, чтобы соборъ внимательно выслушалъ протестантовъ, указывая при этомъ на примѣръ прежнихъ соборовъ, которые также спокойно выслушивали еретиковъ и старались убѣдить ихъ мягкостью и милосердною властью ². Во всякомъ случаѣ императоръ хотѣлъ убѣдить протестантовъ въ своемъ личномъ добромъ желаніи и сохранить въ отношеніи къ себѣ ихъ доброе расположеніе. «Наше и ваше дѣло—тождественны» говорили протестантскимъ посламъ въ Триентѣ ораторы Карла Пятого ³, и имъ наконецъ удалось преодолѣть сопротивленіе легата, такъ что протестантскіе уполномоченные, не выполнивъ условій, поставленныхъ папою, могли свободно говорить предъ общимъ собраніемъ 24 января 1552 г. Однако это обстоятельство имѣло только послѣдствіе, что вызвало новыя осложненія. Два принципа—католическій и протестантскій—столкнулись здѣсь съ большою силою. Предварительно соборъ заявилъ, что, выслушивая изъ снисходительности къ протестантамъ ихъ депутатовъ, онъ не допуститъ ущерба религіи. Но затѣмъ легатъ былъ сильно потрясенъ, видя, что рѣчи лютеранъ и даже заявленія саксонцевъ,

¹ Депеша Слейдана отъ 16 янв. 1552; стр. 206.

² Инструкція императора своимъ ораторамъ отъ 18 янв. 1552 г.; *Maugenbrecher*, 160.

³ Депеша Слейдана отъ 29 янв. 1552; стр. 211.

требовавшихъ ничего иного, какъ того, чтобы всѣ рѣшенія собора основывались исключительно на одномъ только авторитетѣ Библии; — произвели глубокое впечатлѣніе на прелатовъ. Испанскій прелатъ, епископъ орензскій, писалъ Гранвелль, что лютеране на собраніи высказали много хорошаго, чего отцы собора не смѣли сами сказать. «Какое счастье, восклицаетъ онъ, что народъ ихъ не слышалъ!» — «Многіе прелаты — писалъ теологъ Мальвенда тому же министру — были очень обрадованы требованіями протестантовъ»¹. Наоборотъ, легатъ и его сторонники уклонялись отъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта своимъ противникамъ. Что касается самого папы и его приближенныхъ, то они пришли въ совершенный ужасъ отъ смѣлаго поведенія протестантовъ, которые могли оказать вредное вліяніе на самихъ епископовъ. Онъ рѣшился скорѣе распустить соборъ, чѣмъ терпѣть дольше подобныя сцены². Римскій дворъ не въ какомъ случаѣ не желалъ сдѣлать протестантамъ сколько нибудь серьезной уступки.

Вслѣдствіе такой рѣшимости, Юлій III приказалъ легату не допускать, чтобы соборъ отступилъ отъ своей роли верховнаго судьи. Онъ могъ быть умѣреннымъ по формѣ, но долженъ дать доказательство твердости и увѣренности по существу. Папа жаловался императору «на без-

¹ Письма отъ 24 и 27 янв. 1552; Levassor, 468—477.

² Письмо Франциска Толедскаго къ Гранвелль, 28 янв., Levassor, 501.

стыдство, нечестіе и несправедливость» протестантовъ и заявилъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не позволитъ, чтобы еретикамъ и раскольникамъ было предоставлено право голоса и мѣста на соборѣ¹. При этомъ онъ не ограничился только словами: не смотря на горячія жалобы протестантовъ, ихъ теологовъ не ждали болѣе, а ускорили рѣшенія собора. Президенты заставили начать обсужденіе ученія о бракѣ съ твердымъ намѣреніемъ разрѣшить относящіяся сюда вопросы какъ можно скорѣе, до прибытія и участія протестантскихъ богословомъ. Лютеранъ пытались успокоить, говоря имъ, что всѣ эти вопросы, какъ и всѣ предыдущія постановленія собора, будутъ разсмотрѣны еще разъ совмѣстно съ ихъ богословами; но на дѣлѣ и папа, и курія, и всѣ ихъ сторонники твердо рѣшили не допустить ни малѣйшаго измѣненія ни въ одномъ изъ постановленій собора. И, во имя справедливости, нужно сказать, что они не могли этого сдѣлать, не сойдя съ католической точки зрѣнія. Такимъ образомъ всѣ надежды Карла Пятаго достигнуть удовлетворительнаго рѣшенія религіознаго вопроса посредствомъ собора, во главѣ котораго стояли представители Рима, и находившагося подъ вліяніемъ послѣдняго, — оказались бесплодною мечтою.

Папа даже выразилъ порицаніе легату, позволившему лютеранамъ, хотя и съ предваритель-

¹ Le Plat, IV, 533 и слѣд.

ною оговоркою, публичное изложеніе ихъ мнѣній. Раздраженный и испуганный этимъ легать отказался принять письменное изложеніе исповѣданія вѣры, прочитанное вюртембергцами. Богословъ Трирскаго электора Пеларгій сказалъ передъ всѣмъ соборомъ проповѣдь о необходимости выпалывать изъ пшеницы плевелы, а изъ среды католиковъ вырывать съ корнемъ еретиковъ. Протестанты пожаловались на это имперскимъ посламъ и католическій теологъ долженъ былъ извиниться передъ ними ¹.

По мѣрѣ того какъ партія папы становилась болѣе исключительною, оппозиція не только не улеглась, но усилилась еще болѣе, и соборъ не могъ прійти ни къ какому заключенію. Ученые теологи Кельнскаго электора были очень недовольны способомъ, какимъ «фабриковались» въ Триентѣ догматы ²; испанцевъ, большая часть которыхъ оставила свою страну и церкви уже шесть лѣтъ тому назадъ и которые теперь потеряли всякую надежду на благопріятный исходъ собора, — нельзя было долѣе удерживать здѣсь. Они впервые открыто возстали противъ императорскихъ пословъ, рѣшительно и настойчиво требуя закрытія собора. Нѣмецкіе электоры, особенно Майнцскій ³, были очень раздражены, потерявъ надежду получить при новыхъ назначеніяхъ кардинальскую шапку; отъ собора

¹ *Письмо Слейдана Рожеру Ашаму* отъ 29 февр. 1552 г.

² *Письмо Варгаса къ Гранвелль*, 26—28 ноября.

³ *Инструкція папы Камаяно*; D r u f f e l, т. III, 244.

же они могли ждаты только неблагопріятныхъ послѣдствій и еще большаго неудовольствія во всей Германіи. Они желали, чтобы соборъ возстановилъ единство въ Германіи, сдѣлавъ протестантамъ нѣкоторыя уступки, отъ которыхъ они ожидали полнаго успѣха въ смыслѣ умиротворенія религіозной борьбы,—особенно же эти уступки были важны въ отношеніи причастія подѣ двумя видами и браковъ священниковъ. Хотя чувства патріотизма еще не совсѣмъ угасли въ сердцахъ этихъ духовныхъ князей¹, но, получивъ извѣстіе о только что заключенномъ секретномъ союзѣ между Франціею и нѣмецкими протестантами и опасаясь за свои собственныя владѣнія, они открыто заявили свое согласіе съ испанцами и, вопреки приказаніямъ императора, уѣхали въ февралѣ 1552 г. Вскорѣ за ними послѣдовалъ епископъ наумбургскій и наконецъ даже кардиналъ тріентскій оставилъ соборъ. Самъ папа, который уже былъ наканунѣ подписанія мира съ Генрихомъ II, въ этомъ отношеніи держался почти одинаковаго съ ними мнѣнія. Уже въ январѣ 1552 г. Юлій III жаловался, что его хотятъ лишить законныхъ правъ и что испанскіе епископы не менѣе самихъ лютеранъ враждебны папской власти, «но я не потерплю, вскричалъ онъ, чтобъ подѣ видомъ

¹ Инструкція папы, данная Камаяно; Druffel, т. III, 244.

² Депеша Слейдана отъ 7 янв.; Baumgarten, стр. 197 и слѣд.

злоупотребленій отъ насъ отняли то, что вовсе не есть злоупотребленіе, но существенная принадлежность нашей власти. Этого не будетъ, мы никогда не позволимъ этого, хотя бы отъ этого провалился весь міръ»¹. Итальянскіе епископы, хорошо понимая куда дуетъ вѣтеръ при римскомъ дворѣ, одинъ за другимъ покинули соборъ, такъ что къ концу его оставалось ихъ всего пять или шесть. Въ это время въ Римѣ собралось около 120 италіянскихъ прелатовъ, но папа не предпринималъ ничего, чтобы заставить ихъ отправиться въ Триентъ. Такимъ образомъ, этотъ соборъ, который отвергался французами, въ которомъ италіянцы сначала принимали лишь небольшое участіе, а затѣмъ и вовсе его оставили, и который состоялъ только изъ немногихъ испанцевъ и нѣмцевъ, не имѣлъ болѣе никакого права присвоить себѣ значеніе представителя всей Церкви; онъ являлся простымъ собраніемъ нѣсколькихъ прелатовъ, подданныхъ императора, собравшихся здѣсь по его повелѣнію².

Какъ могло бы такое собраніе издать законы для всего христіанства? Что нѣмцы никогда не подчинятся собору, который не сдѣлалъ имъ ни малѣйшей уступки, не предоставилъ имъ права причастія подъ двумя видами, ни права священникамъ вступать въ бракъ,—въ этомъ не могло

¹ Ranke, *Werke*, т. XXXVII, стр. 180.

² Деша д. Франциска Толедскаго, 7—25 дек. 1551 г.; *Maurenbrecher*, стр. 154 и слѣд.

Быть даже тѣни сомнѣнія для всякаго разумнаго и не предубѣжденнаго чловѣка. Императоръ поступилъ бы гораздо лучше, даже въ своихъ собственныхъ интересахъ, если бы сдѣлалъ такъ, какъ ему уже давно совѣтовалъ майнцскій электоръ, т. е. отложилъ бы соборъ до болѣе благопріятнаго времени, когда былъ бы заключенъ миръ между Германією и Францією, и тогда его вновь возобновилъ; но онъ былъ точно ослѣпленъ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ успѣховъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить ни въ возможность вѣроломныхъ-козней Морица Саксонскаго, о которыхъ ему сообщали со всѣхъ сторонъ, ни въ близкое возстаніе протестантовъ, которое предвидѣли въ то время всѣ, ни понять, что соборъ не имѣлъ никакихъ шансовъ успѣха. Напротивъ, когда уже всѣ извѣрились въ соборъ, императоръ продолжалъ еще въ теченіи нѣкотораго времени держаться за него. Онъ дѣлалъ лихорадочныя усилія, чтобы черезъ посредство своихъ пословъ въ Триентѣ достигнуть соглашенія съ Кресченціо относительно необходимыхъ реформъ ¹. Наконецъ и при императорскомъ дворѣ поняли, что это невозможно, и Гранвелла очень вѣрно изложилъ ему истинное положеніе дѣлъ ². Уже нельзя было надѣяться, что протестантскіе теологи явятся въ Триентѣ. «Все готовится къ перерыву собора; сами католики желаютъ,

¹ Maurenbrecher, 282.

² Письмо къ Варгасу отъ 5 марта; Levassor, 556.

чтобы онъ былъ закрытъ. Они открыто заявляютъ, что не хотятъ подчиняться рѣшенію одного народа, т. е. итальянцевъ. Они требуютъ, чтобы соборъ не продолжался, потому что нѣтъ сомнѣнія, что на немъ ничего не будетъ сдѣлано для реформы и результатомъ его явится только еще большее ограниченіе власти соборовъ. Наконецъ, въ Германіи ни коимъ образомъ не примутъ его постановленій». Къ чему же было еще долѣе продолжать всю эту комедію? Очень неохотно, но императоръ былъ вынужденъ наконецъ дать разрѣшеніе закрыть собраніе (5 марта 1552). Судьба собора никому не внушала сомнѣній, но онъ продолжалъ еще въ теченіе нѣсколькихъ недѣль свое безплодное существованіе, потому что ни представители папы, ни представители императора не хотѣли взять на себя предъ христіанскимъ міромъ отвѣтственность за его распущеніе. Каждая изъ двухъ партій желала взвалить на другую это печальное рѣшеніе съ опслѣдующимъ осужденіемъ его. Изъ этого затрудненія ихъ вывели протестанты. Сначала потихоньку уѣхали саксонцы (13 марта), «какъ бы гонимые своею нечистою совѣстью»¹; потомъ вюртембергскіе и страсбургскіе посланники, удерживаемые до тѣхъ поръ любезнымъ отношеніемъ къ нимъ и обѣщаніями императорскихъ ораторовъ, стали жаловаться въ раздражительномъ тонѣ на неполученіе отвѣта на ихъ предложенія и жалобы (22

¹ *Записки Слейдана*; Baumgarten, 243.

марта) и въ началѣ апрѣля тоже покинули Тріентъ. Въ это время уже Саксонія и гессенскія войска, а также и войско Альберта Бранденбургъ-Кульмбаха шли походомъ на югъ, чтобъ выгнать императора изъ Германіи; вмѣстѣ съ тѣмъ французскому королю сдался городъ Метцъ, а саксонскій электоръ уже подходилъ къ Тиролю. Эти событія заставили наконецъ папу приказать президентамъ закрыть соборъ и отправить нѣкоторыхъ прелатовъ въ Римъ на помощь св. отцу для продолженія имъ самимъ дѣла реформы. Однако президенты нашли нужнымъ держать этотъ приказъ въ секретѣ, чтобы не затронуть щепетильность отцовъ, которые могли заявить протестъ противъ исполненія столь важнаго распоряженія папы; они предпочли предложить собору, чтобы онъ самъ постановилъ отложить засѣданія на два года, при чемъ это время могло быть продолжено или сокращено сообразно съ требованіями политическаго и религіознаго положенія дѣлъ. Это предложеніе было принято 28 апрѣля 1552 г. всѣми голосами за исключеніемъ двѣнадцати испанцевъ, которые хотѣли этимъ выразить свою преданность несчастному императору. Кресченціо, уже съ 20 марта тяжело заболѣвшій ¹, былъ перевезенъ въ Верону, гдѣ черезъ нѣсколько дней скончался, не получивъ той бле-

¹ Вильгельмъ де Пуатье къ королевѣ Венгерской, 30 апрѣля; *Archives de Royaume*, Bruxelles, Inventaire de 1864, 8.

стящей награды за свои услуги, которую ему обѣщаль Юлій III. Отцы собора, какъ тѣ, которые сопротивлялись его закрытію, такъ и тѣ, которые желали его, всѣ очень быстро разсѣялись, и бѣжали на югъ при первомъ извѣстіи о вступленіи Морица въ Иннсбрукъ и о бѣгствѣ императора. Сами жители Тріента, боясь прибытія протестантовъ, покинули свои дома, ища убѣжища въ горахъ и лѣсахъ, и городъ, бывшій нѣскольکو недѣль тому назадъ полнымъ жизни, дѣль и празднествъ, сдѣлался пустъ, покинутъ и необитаемъ¹.

Императоръ потерпѣль такую же полную неудачу въ области церковныхъ дѣль, какъ и въ политическихъ. Соборъ, будучи по формѣ только отложенъ, въ дѣйствительности былъ распущенъ и казалось мало вѣроятнымъ, чтобъ онъ снова могъ быть собранъ.

Не трудно указать на причины несчастнаго исхода втораго Тріентскаго собора. Если Юлій III вполне согласился съ желаніемъ императора созвать его, то это вызывалось тѣмъ, что онъ думалъ, что Карль легко преодолѣетъ сопротивленіе французовъ и протестантовъ. Какъ владыка Италіи, императоръ былъ очень опасенъ для слабаго и склоннаго къ наслажденіямъ папы, который не смѣлъ ему противиться. Напротивъ, онъ надѣялся, что, благодаря союзу съ императоромъ, онъ самъ сдѣлается рѣшителемъ судьбы Франціи, которая

¹ Raynaldi ad. an. 1552, nr. 30.

осмѣлилась противодѣйствовать его политическимъ и личнымъ намѣреніямъ. Онъ полагалъ, что Генрихъ II будетъ изгнанъ изъ своей страны соединенными силами церковныхъ громовъ и свѣтскаго оружія Карла Пятаго. По его расчетамъ, императоръ долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ принудить протестантовъ подчиниться рѣшеніямъ собора, предсѣдательствуемаго и направляемаго представителями св. престола. Но всѣ эти химерическія надежды теперь разсѣялись. Карлъ, не имѣвшій намѣренія однѣ временно бороться съ лютеранами и французами, дѣлалъ, напротивъ, все, чтобы прійти въ соглашеніе съ еретиками и на соборѣ сдѣлался ихъ поборникомъ и защитникомъ, вслѣдствіе чего они могли свободно и публично излагать тамъ свои идеи,—съ римской точки зрѣнія свои кощунства,—и даже произвести глубокое и не желательное впечатлѣніе на прелатовъ. Болѣе того: испанскіе и германскіе епископы дали на немъ доказательство неподчиненности и глухого сопротивленія римскому двору. Въ то же время политическія и военныя дѣла отнюдь не шли такъ, какъ того желалъ Юлій III. Французы дѣйствовали успѣшно въ Италіи; вмѣсто того, чтобы подвергнуться нападению въ своемъ королевствѣ, Генрихъ II перешелъ границу и овладѣлъ нѣсколькими лотарингскими епархіями. Императоръ обнаруживалъ большое равнодушіе къ дѣлу своего друга—папы. Неоднократно повторенныя предложенія

послѣдняго о личномъ свиданіи съ своимъ союзникомъ были отвергнуты, и онъ никогда не обнаружилъ желанія вступить въ переговоры относительно предполагавшагося папою каноническаго наказанія французскаго короля въ смыслѣ объявленія его лишеннымъ королевской власти. Карлъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые согласились бы подчинить такимъ образомъ свѣтскихъ государей благоусмотрѣнію римскаго епископа. Юлій III, будучи очень скупъ, не хотѣлъ жертвовать богатствами и доходами св. престола на войну, которая приносила только неудачи; когда же она принимала счастливый оборотъ, то выгоды отъ нея доставались одному императору. Наконецъ успѣхи французовъ въ Италіи, укрѣпленіе ихъ союзниковъ близъ самыхъ папскихъ владѣній,—все это вызывало въ папѣ большой страхъ. При чрезвычайно податливой природѣ, не имѣя никакого установившагося взгляда въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ, отдаваясь измѣнчивымъ впечатлѣніямъ минуты, онъ скоро перешелъ на другую сторону. Уже въ октябрѣ 1551 г., т. е. немного спустя послѣ дѣйствительнаго начала собора, онъ началъ переговоры съ французами, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года заключилъ съ ними перемиріе.

Съ этого времени папа не имѣлъ никакого расчета щадить императора. Положеніе, занятое Карломъ и его прелатами на соборѣ, чрезвычайно раздражало его. Онъ рѣшилъ положить

конецъ этому собранію, представлявшему серьезную опасность власти и интересомъ папства, и въ этомъ ему помогли его непримиримые враги, нѣмецкіе протестанты. Быстрые успѣхи, одержанные ими, теперъ на столько грозили опасностью городу Триенту, что отцы собора съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ шесть лѣтъ тому назадъ, могли испугаться, и разсѣялись по собственному побужденію. Если бы Карль встрѣтилъ у своихъ подданныхъ и у нѣмецкихъ католиковъ достаточно желанія помочь ему организовать необходимыя силы, то быть можетъ снова повторилась бы драма Шмалькалденской войны; онъ могъ бы потомъ побѣдить французовъ и тогда папа былъ бы вынужденъ снова собрать третій соборъ въ Триентѣ, но собыія приняли совершенно иное направленіе. Карль былъ покинутъ рѣшительно всѣми, даже своимъ братомъ, который хотя и не обнаруживалъ явной враждебности къ нему, но во всякомъ случаѣ не желалъ укрѣпленія испанскаго вліянія въ Германіи, которое грозило его собственному праву на наслѣдованіе имперіи. Требования протестантовъ были удовлетворены и санкціонированы двумя договорами—въ Пассау и въ Аугсбургѣ, и надежда заставить ихъ возвратиться въ лоно прежней церкви исчезла навсегда. вмѣстѣ съ тѣмъ Карлу не удалось не только нанести какой нибудь вредъ французамъ на ихъ территоріи, но даже отнять отъ Генриха II его послѣднія завоеванія. Разбитый всѣми этими ра-

зочарованіями и изнуренный излишествами, видя неудачу всей своей политической и религіозной системы, онъ отказался въ 1556 г. отъ всѣхъ своихъ королевствъ и владѣній и скрылся въ монастырь св. Юста, гдѣ вскорѣ и умеръ. Съ нимъ, казалось, исчезли всѣ поводы и надежды, которые привели къ двукратному созыву собора въ Триентѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пій IV, свѣтскія правительства и соборъ.

Смерть папы Юлія III и Маркела II.—Павель IV враждебенъ къ Испаніи и къ соборамъ.—Большія потери, понесенныя католицизмомъ.—Признаніе необходимости собора для спасенія церкви.—Новый папа Пій IV обнаруживаетъ склонность снова созвать Тріентскій соборъ.—Требованія императорскаго и французскаго правительствъ возбуждаютъ колебанія папы.—Угроза созвать національный синодъ во Франціи заставляетъ его созвать въ третій разъ общій соборъ въ Тріентѣ.—Новый соборъ или только возобновленіе предшествующаго?—Протестанты враждебны собору.—Правительство Екатерины Медичи и соборъ.—Религіозныя идеи императора Фердинанда I.—Имперія держится вдали отъ собора.—Императорскій *Списокъ реформъ*; общественное настроеніе къ сѣверу отъ Альпъ.—Программа португальскаго короля для собора.—Филиппъ II, относясь неблагоклонно къ собору, соглашается на него во избѣжаніе собранія національнаго синода во Франціи.—Намѣренія Филиппа II: поддержаніе католическихъ догматовъ, реформа іерархіи и ослабленіе всемогущества папъ.—Пій IV въ виду противодѣйствія *загорныхъ* (ультрамонтанскихъ) епископовъ посылаетъ на соборъ множество итальянскихъ епископовъ.—Легаты.—Открытіе собора.

Примирительныя идеи и стремленія находили себѣ самаго сильнаго представителя въ лицѣ Карла Пятаго. Когда онъ, благодаря своимъ неудачамъ въ войнѣ и мирнымъ договорамъ съ протестантами, утратилъ всякую власть надъ Римомъ, то никто тамъ уже не помышлялъ болѣе

о созваніи новаго всеобщаго собора, который, къ тому же, сдѣлался и почти невозможнымъ вслѣдствіе долгой и жестокой войны, которую втеченіе восьми лѣтъ, начиная съ 1551 г., не переставали вести между собою двѣ главныя католическія державы, вовлекая въ нее почти весь христіанскій міръ. Какимъ образомъ могли бы мирно совѣщаться между собой на соборѣ представители Испаніи, Франціи, Англіи и Германіи?

Между тѣмъ, въ 1555 г., умеръ Юлій III. На папскій престолъ вступилъ послѣ него подъ именемъ Маркела II его давній товарищъ по первому Триентскому собору, Червино, кардиналъ Санта-Кроче, но онъ занималъ этотъ престолъ всего втеченіе трехъ недѣль. Съ нимъ исчезли всѣ тѣ блестящія надежды, которыя возлагалъ весь міръ на этого просвѣщеннаго, преисполненнаго самыхъ благихъ намѣреній и по существу крайне терпимаго человѣка и искуснаго дипломата. Послѣ его смерти на престолъ св. Петра вступилъ человѣкъ совсѣмъ иного характера, — кардиналъ Караффа, страстный, неукротимый и упорный неаполитанецъ, отъявленный противникъ всякаго соглашенія съ сколько нибудь либеральными идеями. Павель IV, — имя принятое Караффою, — заключалъ въ темницы кардиналовъ и епископовъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ ереси, отозвалъ Поля за его модерантизмъ изъ Англіи и вообще принималъ самыя суровыя мѣры относительно всѣхъ, кого онъ находилъ недоста-

точно ревностными приверженцами папскаго всемогущества и строго ортодоксальнаго римскаго ученія. Такого рода папа не могъ желать собора и, дѣйствительно, мы видимъ съ его стороны дѣятельныя попытки осуществленія самою куріей самыхъ необходимыхъ реформъ церковнаго управленія. Однако всѣ эти попытки не имѣли никакого успѣха и лишь дали возможность убѣдиться, что только одинъ соборъ въ состояніи провести серьезныя реформы, но Павла IV нельзя было заставить согласиться на созваніе собора. Впрочемъ, онъ гораздо менѣе интересовался религіозными дѣлами, чѣмъ войною, которую онъ предпринялъ и велъ съ большею страстью, но безъ всякаго успѣха, противъ Испаніи, т. е. противъ императора и его сына, Филиппа II. Будучи заклятымъ врагомъ Габсбурговъ, онъ ни за что не хотѣлъ признать императоромъ Фердинанда I послѣ отреченія его брата.

Вооружась противъ одной изъ двухъ могущественнѣйшихъ католическихъ державъ и содѣйствуя ихъ враждѣ между собою, Павелъ IV, вмѣсто того, чтобы направить всѣ силы католицизма на борьбу съ ересью, напротивъ того, въ сильной степени способствовалъ распространенію протестантизма. Этотъ ограниченный, ревностный и воинствующій католикъ болѣе чѣмъ кто либо иной способствовалъ быстрому ходу развитія лютеранства и кальвинизма. Нѣмецкіе ланскнехты распространяли эти ученія во Франціи и въ Нидер-

ландахъ. Филиппъ II и Генрихъ II, всецѣло занятые военными и политическими дѣлами, не имѣли времени заниматься этими вопросами. По отношенію къ Англіи, въ которой Маріи Тюдоръ было такъ трудно возстановить католицизмъ, папа проявлялъ такой властный и вызывающій образъ дѣйствій, что возбудилъ въ этой странѣ реакцію, которая дала возможность восторжествовать въ ней протестантскимъ идеямъ, такъ что вступившая въ 1538 году на престолъ послѣ своей сестры новая королева Елизавета могла навсегда освободить свою страну отъ верховной власти папства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ католической религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ была отнята у католицизма и Шотландія. Въ скоромъ времени, вражда, которую папа питалъ къ Фердинанду I, и безпрестанныя нападенія со стороны турокъ¹ заставили этого императора искать сближенія съ протестантскими государями, какъ съ наиболее могущественными въ имперіи. Съ этихъ поръ преобладаніе протестантовъ въ Германіи сдѣлалось безспорнымъ и они распространили свое ученіе на всю страну. Въ то время девять десятыхъ германцевъ были протестантами; даже Баварія была близка къ тому, чтобы принять лютеранство¹. Фердинандъ предоставилъ также новому вѣроученію распространяться и въ его наслѣдственныхъ земляхъ: въ Богеміи, Австріи, и Венгріи большинство дворянства и буржуазіи исповѣдывало уже новую вѣру. Собственный

¹ R a n k e, *Zur deutschen Geschichte*, стр. 80.

сынъ императора и наслѣдникъ его престола, Максимилианъ, король Богеміи, замѣтно склонялся къ принятію ея. Этотъ примѣръ не остался безъ вліянія и на Польшу. Дворянство этого королевства сильно желало удаленія епископовъ изъ своего сейма, такъ какъ они находились въ слишкомъ большой зависимости отъ Рима; поэтому оно настойчиво требовало созванія національнаго собора и способствовало тому, что реформатское ученіе стало быстро распространяться среди населенія. Востокъ же Европы, также какъ и средняя Германія и скандинавскій сѣверъ, по видимому совсѣмъ были готовы отпасть отъ католицизма.

Это явленіе, наблюдавшееся во всѣхъ странахъ христіанскаго міра, объясняется испорченностью католическаго духовенства, которая дошла въ то время до такихъ глубокихъ и широкихъ размѣровъ, какъ еще никогда. Мы не станемъ приводить въ доказательство этого обвиненій, исходившихъ отъ противниковъ его, но укажемъ на жалобы наиболѣе ревностныхъ и преданныхъ его защитниковъ, профессоровъ богословія въ Лувенѣ. Постановленія Тріентскаго собора, пишутъ они въ запискѣ, поданной ими въ 1558 г. королю Филиппу II, совершенно не исполняются ¹. «Для того, чтобы помочь злу, губящему то, что оста-

¹ 11 мая 1558 г.; *Archives du Royaume, Brux.*, Invent. de 1864, 8.

лось отъ церкви; для того, чтобы не заставлятъ людей благочестивыхъ страдать при видѣ столь тяжкихъ и столь позорныхъ грѣховъ большинства членовъ церкви, не только изъ малыхъ, но изъ самыхъ высокопоставленныхъ, мы считаемъ, что необходимо самое коренное и серьезное преобразование всей церкви. Нужно, чтобы жадность не царила болѣе надъ всѣмъ, та жадность, которая въ настоящее время охватила почти весь составъ служителей церкви, такъ что все, отъ самыхъ священныхъ вещей и до самыхъ мелочей, сдѣлалось продажнымъ и отдается тому, кто больше предлагаетъ, и самые необходимые законы теряютъ свою силу передъ деньгами. Нужно чтобы церковь не позорилась грязнымъ и распущеннымъ образомъ жизни ея служителей. Развѣ священники, служащіе Господу Богу нашему и совершающіе священное таинство жертвоприношенія, не исполняютъ своихъ божественныхъ обязанностей съ величайшею небрежностью и непочитаніемъ, живя въ позорномъ грѣхѣ со своими сожительницами и незаконными дѣтьми? Развѣ монахи и монахини не предаются разврату, вопреки всѣмъ ученіямъ религіи и обѣтамъ, даваемымъ ими Богу? Развѣ не расточается имущество церкви на свѣтскую роскошь, празднества, богатая одежды, дворцы, игру въ кости, собакъ, птицъ, актеровъ и шутовъ, въ то время, какъ бѣдные члены церкви и наслѣдники Христа умираютъ съ голоду?» Для того, чтобы поло-

жить конецъ всѣмъ этимъ печальнымъ явленіямъ, губящимъ церковь, существовало только одно средство: нужно было соблюдать декреты Павла III противъ злоупотребленій римской куріи, которую лувенскіе богословы считали прямою виновницею всѣхъ бѣдствій, тяготѣющихъ надъ католицизмомъ.

Король Филиппъ II и Генрихъ II были объаты ужасомъ при видѣ всѣхъ ударовъ, наносимыхъ католической религіи протестантствомъ. У самыхъ воротъ Италіи и Франціи ересь имѣла сильнѣйшую свою крѣпость въ Женевѣ, гдѣ жилъ Кальвинъ, распространяя оттуда по всему свѣту свои книги, свои зажигательныя письма и разсылавъ своихъ довѣренныхъ людей. Оба эти монарха выказали гораздо болѣе заботы объ интересахъ католической религіи, чѣмъ самъ папа. Они рѣшили положить конецъ войнѣ, столь долгое время раздѣлявшей католическій міръ, и заключили, весною 1559 г., миръ въ Като-Камбресисъ съ твердымъ намѣреніемъ соединить свои силы, чтобы уничтожить, какъ въ ихъ собственныхъ странахъ, такъ въ другихъ, ересь, съ каждымъ днемъ все болѣе смѣло поднимавшую свою голову. Но они принуждены были признать вмѣстѣ съ остальнымъ міромъ, что однѣ мѣры строгости не въ состояніи остановить этотъ потокъ. Всѣ здравомыслящіе католики сходились въ мнѣніи, что если не будетъ удовлетворено горячее желаніе христіанскихъ народовъ и не

произвести при помощи всеобщаго собора необходимую и дѣйствительную реформу церкви, догматовъ и самой среды духовенства, то католицизму угрожаетъ окончательная гибель. Вселенскій соборъ былъ необходимъ для того, чтобы прекратить наконецъ злоупотребленія, возстановить епископскую власть, упорядочить церковную службу, придать всему вѣроученію, посредствомъ лучшаго истолкованія догматовъ, необходимую ясность, точность и непоколебимость, внушить вѣрующимъ большую увѣренность, новыя упованія и новое рвеніе. Таково было мнѣніе короля Франціи. Венеціанскій посланникъ въ Римѣ, Людовикъ Мочениго, высказалъ его въ офиціальномъ заявленіи, прочитанномъ имъ въ сенатѣ его роднаго города, который, несомнѣнно вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе¹. Герцогъ флорентинскій, Косьма I, не переставалъ убѣждать папу созвать наконецъ соборъ, необходимый для всего христіанскаго міра². И наравнѣ съ этими умными и образованными итальянцами, католическіе государи имперіи точно также признали на сеймѣ въ Аугсбургѣ въ 1559 г., что для католицизма единственная возможность спасенія заключается во вселенскомъ соборѣ³.

Къ счастью для католической церкви, Па-

¹ Albéri, т. X, стр. 24.

² Cantu, *Gli heretici d'Italia*, т. II, (Туринь, 1866 г.), стр. 419.

³ Bucholtz, *Geschichte Ferdinand des Ersten*, т. IX, стр. 564 и слѣд.

вель ІV умеръ вскорѣ послѣ заключенія Като-Камбрезискаго мира (18-го августа 1559 г.). Коллегія кардиналовъ не могла, конечно, оставаться совершенно непричастною къ идеямъ, наполнявшимъ весь христіанскій міръ. На конклавѣ каждый изъ кардиналовъ далъ формальное обѣщаніе, въ случаѣ если ему выпадетъ тіара, созвать соборъ, преобразовать самую курію и уничтожить множество царящихъ въ церкви злоупотребленій¹. Но выборъ новаго первосвященника происходилъ очень долго и съ большими затрудненіями. Междуцарствіе длилось не менѣе четырехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, 26-го декабря 1559 г., Анджело Медичи, уроженецъ Милана и, слѣдовательно, подданный Филиппа II, испанскаго, былъ возведенъ въ папское достоинство и вступилъ на престоль подъ именемъ Пія ІV.

Джовани-Анджело Медичи, родившійся въ 1499 г., совсѣмъ не принадлежалъ къ знаменитой флорентійской фамиліи, носившей это имя. Напротивъ того, онъ былъ совсѣмъ незнатнаго происхожденія и своимъ возвышеніемъ былъ обязанъ своему брату Джовани-Джакомо, служившему на военной службѣ, чловѣку столько же смѣлому и ловкому, какъ лживому и жестокому. Сдѣлавшись генераломъ на службѣ у императора и получивши отъ послѣдняго титулъ мар-

¹ Подлинная формула этой *конфирмаціи* приведена у Зиккеля, *Zur Geschichte des Concils v. Trient.* (Вѣна, 1872), стр. 12 и слѣд.

киза Мариньянскаго, Джовани-Джакомо ввелъ своего брата, Джовани-Анджело, въ число приближенныхъ къ папѣ лицъ. Женатый на Орсини, невѣсткѣ Петра-Людовика Фарнезе, онъ добился, чрезъ посредство этого сына Павла III, чтобы его брата сдѣлали кардиналомъ римской церкви¹. Джовани-Анджело, впрочемъ, не былъ недостойнъ этого новаго званія. Это былъ человекъ очень свѣдущій въ церковномъ правѣ и докторъ правъ. Онъ отличался мягкимъ и любезнымъ характеромъ, и желалъ быть всегда со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ; онъ былъ вспыльчивъ, но также легко и забывалъ свой гнѣвъ. Вся его внѣшность выражала мягкость и внушала довѣріе. Онъ выходилъ изъ себя, когда ему противорѣчили, но былъ готовъ исполнить все, когда съ нимъ обходились мягко или когда ему становилось стыдно за свою горячность. Онъ былъ неутомимый ходокъ, пилъ самую крѣпкія вина, ѣлъ самую обыкновенную и трудно переваримую пищу и представлялъ изъ себя, въ сущности, довольно грубую и эгоистичную натуру, не любящую никого особенно, съ слабымъ, не злымъ, боязливымъ характеромъ; онъ боялся гнѣва сильныхъ и былъ готовъ служить кому угодно. Въ то время, какъ Павелъ IV говорилъ, что папа долженъ господствовать надъ императорами и королями, Медичи полагалъ, что на нихъ слѣдуетъ опираться, чтобы удержать

¹ *Relaz. di Girolamo Soranzo* (Римъ, 1563 г.), Alberi, серия II, т. IV, стр. 72 и слѣд.—*Relaz. di Giac. Soranzo*, *ibid.*, стр. 129 и слѣд.

власть и достоинство папскаго престола среди всѣхъ опасностей этого труднаго времени; и онъ не былъ неправъ. Ненавидимый Павломъ ІV за свою преданность австрійскому дому и свою религиозную терпимость, онъ былъ принужденъ покинуть Римъ и жилъ блестящею и полезною жизнью въ Пизѣ или въ Миланѣ, занимаясь литературой, постройкой великолѣпнаго дворца и творя много добра. Вернувшись послѣ смерти Павла ІV въ Римъ, чтобы принять участіе въ конклавѣ, онъ громко высказывался за необходимость привлечь къ себѣ снова Германію, предоставивъ ей *чашу* и бракъ священниковъ, такъ какъ первая была уже разрѣшена богемцамъ на Базельскомъ соборѣ, а второй—членамъ восточной церкви¹. Своими симпатіями къ императору и умеренностью своихъ взглядовъ онъ являлся совершенною противоположностью Павла ІV, вслѣдствіе чего, быть можетъ, кардиналы и выбрали его папою.

Пій ІV проявилъ сначала намѣреніе выполнить обязательство, взятое имъ на себя вмѣстѣ съ другими кардиналами на конклавѣ, т. е. немедленно созвать вселенскій соборъ. Въ январѣ 1560 г. онъ рѣшилъ даже избрать для этого снова городъ Триентъ и официально оповѣстилъ объ этомъ священную коллегію².

¹ Sickel, *Zur Gesch. des Conc. v. Trient*, стр. 17 и слѣд.

² Письмо кардинала Сигуенца къ Филиппу ІІ, 18 янв.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 228.

Но онъ встрѣтилъ на этомъ пути серьезныя препятствія со стороны католическихъ государей, которые, горячо присоединяясь къ мысли о созывѣ собора, предполагали, однако, придать ему характеръ, противорѣчащій интересамъ папскаго престола. Императоръ Фердинандъ и французскій король потребовали рядъ чрезвычайно важныхъ уступокъ; кромѣ того, они ставили неуремѣннымъ условіемъ абсолютную свободу собора въ его разсужденіяхъ и рѣшеніяхъ и, наконецъ, просили Пія IV созвать соборъ въ имперскомъ, дѣйствительно нѣмецкомъ, а не полуйтальянскомъ, городѣ; каковъ Триентъ. Они предлагали Кельнъ, Ратисбоннъ, Констансъ и даже Безансонъ, который былъ очень удобенъ для испанцевъ, французовъ и нидерландцевъ. Въ этихъ городахъ можно было быть увѣреннымъ въ участіи нѣмецкихъ епископовъ, можно было даже надѣяться на прибытіе протестантовъ. Это тѣмъ болѣе было желательно, говорили они, что соборъ созывается главнымъ образомъ для нуждъ нѣмецкаго народа и для соглашенія съ протестантами ¹.

Кардиналь Медичи былъ человѣкъ умѣренный, склонный къ уступчивости и терпимости, но, сдѣлавшись папою, ему приходилось считаться не только съ одними своими личными склонностями. Онъ признавалъ себя преемникомъ безконечно длиннаго ряда первосвященниковъ и обязаннымъ слѣдо-

¹ Le Plat, т. IV, стр. 631.—Bucholtz, *Gesch. Ferdin.-d. Ersten*, т. IX, стр. 672.

вать той боевой политикѣ, которую они вели съ такимъ постоянствомъ и послѣдовательностью. Отвѣтственность, лежащая на немъ, какъ на главѣ церкви, мѣшала ему согласиться на тѣ уступки которыя онъ совершенно одобрилъ бы, будучи кардиналомъ. Чувствуя себя далеко несильнымъ въ богословіи, онъ не рѣшался самъ разрѣшать вопросы подобнаго рода и предпочиталъ предоставлять это кардиналамъ. Будучи лично врагомъ инквизиціи и всегда избѣгая заниматься ея дѣлами, доставлявшими такое удовольствіе суровому Павлу IV, онъ предоставлялъ ей, однако, свободу дѣйствій, считая это своимъ долгомъ¹. Сынъ его сестры, Карлъ Борромео, котораго онъ сдѣлалъ своимъ государственнымъ секретаремъ и котораго онъ во всемъ слушался, укрѣплялъ въ немъ этотъ образъ мыслей. Этотъ знаменитый Карлъ Борромео, впоследствии канонизированный Павломъ V, былъ человѣкъ высокихъ качествъ, очень свѣдущій и въ духовной и свѣтской литературѣ; онъ былъ совершенно чуждъ эгоизма и среди всего окружающаго его богатства и роскоши велъ самый простой образъ жизни, полагая всѣ свои силы на служеніе католической церкви и исполненіе своихъ обязанностей епископа и кардинала. Конечно, онъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы дѣлать уступки еретикамъ и ихъ защитникамъ. Поэтому и Пій IV всѣми

¹ *Relaz. di Girol. Soranzo*, стр. 72 и слѣд. — *Relaz. di Giacomo Soranzo* (1565), стр. 129 и слѣд.

силами возсталъ противъ требованій Фердинанда I и юнаго короля Франциска II. Онъ находилъ, что въ германскомъ городѣ соборъ будетъ находится въ слишкомъ большой зависимости отъ нѣмцевъ или еретиковъ, жаждущихъ радикальныхъ реформъ, въ особенности же въ виду слабости характера императора и его полного подчиненія своему сыну Максимилиану, который былъ наполовину лютераниномъ. Онъ полагалъ, что только въ одной Италіи ортодоксальное ученіе можетъ взять верхъ на соборѣ, и ради этого, говорилъ онъ, онъ былъ готовъ пожертвовать своею кровью и жизнью. Онъ не хотѣлъ слышать ни о свободномъ соборѣ, какового хотѣлъ императоръ, ни о новомъ соборѣ, какового желали протестанты, а требовалъ непременно общаго вселенскаго собора, который былъ бы продолженіемъ двухъ предыдущихъ триентскихъ соборовъ и принялъ бы цѣликомъ всѣ постановленія послѣднихъ¹.

Требованія, выставляемыя императорскимъ и французскимъ правительствами, заставили его даже вообще неприязненно относиться къ собору. Онъ началъ говорить о томъ, что предпочитаетъ призвести реформу самъ при помощи конгрегацій кардиналовъ. Правда, онъ прибавлялъ, что, въ случаѣ нужды, онъ дастъ согласіе и на созваніе собора, но не иначе какъ при условіи,

¹ E. Reimann, *Unterhandlungen Ferdinands des Ersten mit Pius IV; Forschungen zur deutschen Geschichte*, т. VI, (1866), стр. 591.—Sickel, l. c., стр. 50.

что всѣ кардиналы потребуютъ этого. Это означало въ сущности оставить всякую мысль о соборѣ, и дѣйствительно съ этой поры, ни онъ, ни римскіе прелаты ничѣмъ болѣе не проявляли желанія содѣйствовать созыву собора, хотя публично и продолжали говорить о немъ ¹.

Въ это самое время совершилось событіе, давшее новое направленіе дѣйствіямъ куріи.

Королева-мать, Екатерина Медичи, страстно желала возстановленія внутренняго мира во Франціи. Она думала, что мѣры строгости могутъ только озлобить протестантовъ и вызвать лишь новыя смуты и возмущенія. Поэтому она желала примирить французскихъ кальвинистовъ съ католическимъ большинствомъ страны путемъ такихъ религіозныхъ уступокъ, которыя приблизили бы самый католицизмъ къ протестантскимъ идеямъ, такъ чтобы обѣ стороны могли соединиться въ одномъ вѣроисповѣданіи. Подъ вліяніемъ своей матери и согласно мнѣнію государственнаго совѣта, юный Францискъ II созвалъ въ Фонтэнбло собраніе нотаблей для обсужденія печальнаго положенія религіи во Франціи. Это было принято всѣми, какъ подготовленіе къ созыву національнаго собора, и предположеніе это вполне оправдывалось. На собраніи въ Фонтэнбло, сами прелаты выступили съ жестокими обвиненіями противъ св. престола и просили объ

¹ *Relazione de Louis Mocenigo*; Albéri, серия II, т. IV, стр. 25. Мочениго покинулъ Римъ въ іюль 1560 г.

исцѣленіи золь, губящихъ религію и вносящихъ смуту въ государство, путемъ созванія національнаго собора, не обращая никакого вниманія на папу. Собраніе постановило созвать генеральныя штаты въ Орлеанѣ на 10 декабря 1560 г., и если папа не пожелаетъ удовлетворить всеобщее желаніе всего христіанскаго міра, то французскіе епископы должны были собраться 10 января 1561 г. для того, чтобы приготовить немедленный созывъ національнаго собора. Папа былъ офіціально увѣдомленъ объ этомъ рѣшеніи.

Уже самое собраніе въ Фантэнбло преисполнило ужасомъ всѣхъ ортодоксальныхъ католиковъ. Папа отправилъ къ французскому двору стараго кардинала Турнона, имѣвшаго когда то такое сильное вліяніе на Франциска I и на Генриха II, чтобы помѣшати созванію національнаго собора, отъ котораго опасались такого же полнаго отпаденія Франціи, какое совершилось въ Англіи при Генрихѣ VIII. Филиппъ II также послалъ въ Парижъ Антонія Толедскаго, чтобы убѣдить юнаго короля, что собраніе національнаго собора принесетъ страшный вредъ. Онъ предлагалъ къ его услугамъ всѣ испанскія войска, чтобы сражаться съ еретиками и отступниками во Франціи. «Если король не можетъ отказаться отъ созванія національнаго собора, то пусть онъ отложитъ его насколько возможно»¹. Но все

¹ Weiss, *Papiers d'Etat du cardinal de Granvelle* т. VI, стр. 137 и слѣд.

было тщетно и французское правительство осталось при своемъ рѣшеніи.

Въ этихъ обстоятельствахъ и папа и Филиппъ II не видѣли болѣе иного средства помѣшать этому столь опасному собранію галликанской церкви, какъ только созваніе вселенскаго собора. Пій IV довольно откровенно высказалъ это одному изъ близкихъ къ нему лицъ, венеціанскому посланнику Марку Антонію Мула: только для того, чтобы помѣшать собранію французскаго духовенства, онъ намѣренъ какъ можно скорѣе созвать вселенскій соборъ ¹. Карлъ Борромео высказывался еще прямѣе въ одномъ письмѣ къ вѣнскому нунцію ²: папа, хотя вообще и желалъ собранія триентскаго собора, но предполагалъ дожидаться формальнаго предложенія со стороны императора, которому онъ хотѣлъ предоставить полную свободу устроить все по его желанію. Но тутъ возникла опасность французскаго національнаго собора и для предотвращенія ея папа рѣшилъ созвать вселенскій соборъ немедленно же.—Получивъ этимъ способомъ согласіе императора ³,

¹ Raunaldi ad an. 1560 nr. 57.—Преемникъ Мула, Дж. Соранцо, понимаетъ рѣшеніе Пія IV въ томъ же смыслѣ; Albéгі, т. X, стр. 117.

² Surnianus, *Tabularium ecclesiae Romanae saeculi XVI* (Франкф. и Лейпцигъ, 1743 г.), стр. 84: VII, Kal Junias.

³ Письмо кардинала Борромео (20 іюня) и кардинала Трухсесса (3 іюня) къ Гозиусу; Surnianus, стр. 95 и слѣд., 101 и слѣд.

который все еще, по крайней мѣрѣ въ теоріи, считался верховнымъ защитникомъ и покровителемъ церкви, Пій IV 2-го іюля 1560 г. официально сообщилъ о своемъ рѣшеніи находящимся въ Римѣ посланникамъ другихъ государствъ.

Но прежде, чѣмъ издать буллу о созывѣ собора, ему предстояло еще преодолѣть два крупныхъ затрудненія.

Первое заключалось въ выборѣ мѣста для собранія. Какъ мы знаемъ, желанія папы въ этомъ отношеніи были совершенно противоположны желаніямъ императора и Франциска. Къ счастью для Пія IV, его противники были слабы въ томъ отношеніи, что никогда не умѣли дѣйствовать дружно. Пій IV сначала направилъ всѣ свои усилія, чтобы воздѣйствовать на императора, особенно заинтересованнаго въ этомъ вопросѣ и имѣвшаго наиболѣе значенія, во-первыхъ, потому, что Триентъ находился въ его владѣніяхъ, и, во-вторыхъ, потому, что онъ представлялъ изъ себя гораздо болѣе могущественную силу въ Европѣ, чѣмъ слабое и со всѣхъ сторонъ угрожаемое правительство молодого французскаго короля. Римскій дворъ началъ оказывать Фердинанду всевозможныя любезности; послалъ ему освященныя шпагу и шляпу, что очень сильно польстило императору, горько жаловшемуся до сихъ поръ на то, что Пій IV оказывалъ ему весьма мало уваженія. Послѣ этихъ первыхъ подготовительныхъ мѣръ, къ императору былъ посланъ новый нунцій, Дель-

финъ, епископъ Фано, хитрый венеціанецъ, который сумѣлъ дѣйствовать на императора, одинаково какъ обѣщаніями, такъ и угрозами. Онъ увѣрилъ его, что протестантовъ можно успокоить, обезпечивъ имъ какими угодно гарантіями полную безопасность пребыванія въ Триентѣ, и въ то же время заявилъ императору, что если онъ не согласится на Триентъ, то папа созоветъ соборъ въ самомъ Римѣ. Тикимъ образомъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль убѣдилъ Фердинанда дать свое согласіе на избраніе мѣстомъ собранія Триента ¹. Такое начало не могло быть хорошимъ предзнаменованіемъ для осуществленія всѣхъ другихъ плановъ реформъ, лелѣемыхъ императоромъ. Впослѣдствіи намъ еще не разъ придется пожалѣть о полномъ отсутствіи твердости характера, которое послѣдній проявлялъ почти во всѣхъ важныхъ вопросахъ. Послѣ согласія императора, побѣдить сопротивленіе Франціи было уже дѣломъ нетруднымъ, и она тоже согласилась на выборъ Триента ². Это было первою крушною побѣдою римской дипломатіи.

Относительно второго пункта императоръ и французское правительство проявили гораздо болѣе упорства и настойчивости. Они желали, чтобы соборъ былъ непременно объявленъ новымъ соборомъ, а не продолженіемъ предше-

¹ Bucholtz, т. VIII, стр. 373 и слѣд.

² Письмо кардинала Лотарингскаго къ епископу Реннскому отъ 11 ноября 1560; Le Laboureur, *Mémoires de Castelnau*, т. I, стр. 475 и слѣд.

ствующимъ. Это не было вопросомъ только формы, потому что если бы соборъ былъ признанъ продолженіемъ прежнихъ, то декреты, постановленные послѣдними въ 1546, 1547 и 1551 гг., дѣлали почти невозможными многія изъ реформъ, которыя императорское и французское правительства предполагали внести на обсужденіе собора. Они предвидѣли, кромѣ того, что ихъ подданные лютеранскаго и кальвинистскаго вѣроисповѣданія, которыхъ они хотѣли привести къ примиренію съ церковью, согласятся участвовать только въ новомъ соборѣ, а никакъ не въ такомъ, который будетъ лишь продолженіемъ прежнихъ, такъ рѣзко отвергнувшихъ уже главные принципы ихъ ученія. Напротивъ того, король Испаніи и испанское духовенство, представители которыхъ играли такую видную роль въ прежнихъ собраніяхъ въ Триентѣ и которые, кромѣ того, твердо держались безусловной непоколебимости ортодоксальнаго вѣроученія, упорно стояли за признаніе этого собора продолженіемъ прежнихъ ¹. Нѣтъ сомнѣнія, что все сочувствіе куріи было на сторонѣ испанцевъ ², такъ какъ она не хотѣла ни дѣлать никакихъ уступокъ еретикамъ, ни допустить какого-либо сомнѣнія относительно законности прежнихъ триентскихъ собраній и

¹ *Acta concilii Tridentine a cardinale Paleotto conscripta*; Theiner, II, стр. 527.

² *Письмо кардинала Пучео къ Гозиусу* отъ 2 ноября 1560 г.; Surianus, *Tabularium*, стр. 119.

ихъ постановленій. Невозможно было, однако же, собирать вселенскій соборъ помимо нѣмцевъ и французовъ, или даже противъ нихъ. Франція никогда не признавала второго Триентскаго собора и упорно отказывалась считать его законнымъ, что имѣло бы мѣсто при объявленіи *продолженія* его. Съ другой стороны, императору мѣшала сдѣлать эту уступку папскому правительству его безхарактерность: Онъ боялся протестантовъ, которые открыто заявляли, что если императоръ и католическія государства имперіи примутъ участіе въ продолженіи прежняго собора, проявившаго такое враждебное отношеніе къ нимъ, то они сочтутъ это за нарушеніе Пассаускаго мира и, слѣдовательно, за объявленіе войны ¹. Этою угрозою Фердинандъ не могъ пренебрегать.

Чтобы никого не обидѣть папа составилъ свою буллу о созывѣ собора въ уклончивой формѣ, не утверждая и не отрицая его значенія, какъ продолженія прежнихъ соборовъ. Булла появилось 29 ноября 1560 г. Она приглашала всѣхъ прелатовъ и отцовъ христіанской церкви прибыть въ Триентъ, гдѣ соборъ долженъ былъ открыться въ праздникъ Пасхи слѣдующаго года, т.-е. 6 апрѣля 1561 г. Какое громадное, хотя и позднее, торжество для идей Карла-Пятаго, и какъ велико было значеніе этого событія для католической церкви, и въ настоящемъ, и въ будущемъ!

¹ Bucholtz, *Geschichte Ferd. d. Ersten.*, т. VIII, стр. 377, и слѣд.

Папа счелъ теперь необходимымъ, для поддержанія своей власти, придать созываемому собору дѣйствительно вселенскій характеръ. Будучи болѣе добросовѣстнымъ, чѣмъ Павелъ III и далеко не такимъ непостояннымъ, какъ Юлій III, и признавъ созваніе вселенскаго собора необходимымъ, онъ имѣлъ серьезное намѣреніе, осуществить его на самомъ дѣлѣ. Онъ поручилъ своимъ нунціямъ разослать пригласительныя письма не только католическимъ государямъ и правительствамъ, но также и въ страны другихъ вѣроисповѣданій въ Европѣ, Азіѣ и Африкѣ, — русскимъ, грекамъ, коптамъ, армянамъ и т. д., а главное протестантскимъ государямъ и городамъ, какъ ему совѣтовалъ императоръ. Но протестанты выказали мало готовности поспѣшить на это предложеніе. Нѣмецкіе лютеране, благодаря заключенію Аугсбургскаго религіознаго мира, получили гораздо больше, чѣмъ могъ имъ дать какой бы то ни было соборъ. Кромѣ того, они были крайне раздражены, и не безъ основанія, жестокими преслѣдованіями со стороны Рима, отъ которыхъ въ это самое время сильно страдали ихъ единовѣрцы въ Италиі. Тотъ самый папа, который приглашалъ ихъ къ пріисканію способа примиренія между ними и католическою церковью, казнилъ въ томъ же самомъ 1561 г. нѣсколько сотъ тысячъ несчастныхъ пьемонтцевъ и и тысячи калабрійцевъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ протестантской вѣрѣ! Съ та-

кимъ противникомъ надо было быть болѣе чѣмъ осторожными. Поэтому лютеране поставили такія условія, которыя были совершенно естественны съ ихъ точки зрѣнія, но которыя никакъ не могли быть приняты папою. Они потребовали, чтобы епископы были освобождены отъ присяги въ вѣрности папскому престолу; чтобы слово Божье, т.-е. Библия, было единственнымъ основаніемъ для рѣшеній собора и чтобы ихъ богословы пользовались полною равноправностью со всѣми остальными прелатами. Они говорили, что если они отправятся на соборъ, не заручившись этими обязательствами, то будутъ подобны «зайцамъ, отправившимся проповѣдывать среди волковъ», и приготовились защищаться противъ всякаго стѣсненія ихъ правъ со стороны собора¹. Французскіе кальвинисты, которые со смерти Генриха II и Франциска II (въ дек. 1560 года) надѣялись добиться полнаго торжества во Франціи, тоже не спѣшили принять приглашеніе. Такъ же холодно отнеслись и сѣверные государи. Король Даніи прямо велѣлъ объявить нунцію чрезъ посредство императорскаго посланника, что онъ не желаетъ ни видѣть его въ своей странѣ, ни

¹ Ср. подробныя сообщенія Коммендоне и Дельфина кардиналу Борромео; Наумбургъ, 8 февр. 1561 г.; *Miscellaneous di storia Italiana*, (Туринъ, 1864), т. VI, стр. 54 и слѣд. — *Письмо Дельфина къ императору*, Naumburg, 10 ф. 1561 г.; Bucholtz, т. IX, стр. 673 и слѣд.—Документы, приводимые у Raynaldi ad. an. 1561, nr. 19 ss.

входить въ какія-либо сношенія съ папой ¹. Королева Англіи также воспретила папскому послу въѣздъ въ свою страну. Шведскій король, Эрикъ XIV, чтобы избѣжать посѣщенія нунція, воспользовался представившимся предлогомъ поѣздки въ Англію, чтобы просить руки королевы Елизаветы ².

Все это давало основаніе думать, что соборъ будетъ исключительно католическимъ, при участіи только тѣхъ странъ и государей, которые остались вѣрными римской церкви. Но въ чемъ состояли желанія и стремленія различныхъ христіанскихъ властителей, осуществленія которыхъ они ждали отъ собора? Для яснаго пониманія послѣдующаго хода событій необходимо разсмотримъ прежде всего, какъ смотрѣли на это предстоящее собраніе различные католическіе государи и чего они отъ него ждали.

Французское правительство выказало большое сочувствіе и рвеніе этому дѣлу, что было совершенно естественно съ его стороны, такъ какъ оно надѣялось достигнуть при помощи собора примиренія между своими католическими и протестантскими подданными, которые до сихъ поръ не переставали враждовать между собою, и возстановить такимъ образомъ внутренній миръ въ королевствѣ. Вскорѣ послѣ своего вступленія на

¹ Raunaldi ad. an. 1561, nr. 49.

² Письмо Коммендоне къ Борромео, Любекъ, 1 сент. 1561 г., *Miscaell. di storia Ital.*, т. VI, стр. 231 и слѣд.

престолъ Францискъ II обратился къ папѣ и къ испанскому королю съ просьбою какъ можно скорѣе¹ созвать вселенскій соборъ. Когда Пій IV отнесся благосклонно къ этой идеѣ, то Францискъ II, несмотря на то, что онъ былъ ревностнымъ католикомъ, потребовалъ лѣтомъ 1560 г., чтобы созванъ былъ новый соборъ, и не въ Триентѣ, а въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, съ цѣлью, съ одной стороны, привлечь протестантовъ Германіи, а съ другой — совершенно ясно показать, что этотъ соборъ дѣйствительно новый. Потому что — говорилъ Францискъ II — если Германія останется недовольною, то не можетъ быть надежды на благоденствіе христіанскаго міра². Мы знаемъ, что эти попытки его не имѣли успѣха.

Послѣ преждевременной смерти Франциска II, королева-мать, Екатерина Медичи, управлявшая въ качествѣ регентши вмѣсто своего малолѣтняго сына Карла IX, употребила всѣ усилія для достиженія соглашенія съ гугенотами и возстановленія мира и спокойствія въ королевствѣ, измученномъ непрестанными религіозными раздорами. Съ этою же цѣлью, она обратилась, еще до открытія собора, къ папѣ съ просьбою разрѣшить ввести во Франціи причастіе въ двухъ видахъ, что

¹ Письмо Филиппа II къ императору Фердинанду I, 12 мая 1560 г.; *Docum. ineditos*, т. II, стр. 554.

² Инструкція епископу реннскому, французскому посланнику при дворѣ императора, 23 мая 1560 г.; *Le Laboureur*, т. I, стр. 446.—*Raynaldi ad an. 1560, nr. 52.*

вполнѣ одобрялось галликанскими епископами¹. Этою мѣрою она надѣялась примирить съ церковью большинство французскихъ кальвинистовъ. Взамѣнъ этого она обѣщала немедленно прислать въ Тріентъ двадцать пять еписковъ, самыхъ ученыхъ и наиболѣе вліятельныхъ въ странѣ, а также и пословъ, представителей короля, ея сына. Кромѣ того, она убѣждала св. отца какъ можно скорѣе открыть соборъ². Такъ какъ правительство Екатерины Медичи находилось въ наилучшихъ отношеніяхъ съ протестантскими государями Германіи, то оно всѣми силами старалось облегчить имъ возможность участія въ соборѣ и потому обратилось къ нимъ съ вопросомъ (въ ноябрѣ 1561 г.) въ какой именно городъ они желали бы перенести вселенскій соборъ³?

Однако же римскій дворъ относился довольно пренебрежительно къ Екатеринѣ Медичи, которой ему нечего было бояться въ виду ея малаго значенія въ самой Франціи и которою онъ былъ недоволенъ за ея потворство еретикамъ. Правда, Пій IV увѣрялъ французскаго посланника, что лично онъ ничего не имѣетъ противъ причастія изъ чаши и даже противъ брака священниковъ, такъ какъ онъ всегда считалъ, что и то, и другое

¹ Инструкція г. де-Лилю, французскому посланнику въ Римѣ, 24 окт. 1561 г.; *Le Plat*, т. IV, стр. 725.

² Подробности этихъ переговоровъ имѣются у де-Лабурера, т. I.

³ *Le Plat*, т. IV, стр. 730 и слѣд.

относится болѣе къ области положительнаго и историческаго права, чѣмъ права, божественнаго, за что его даже обвиняли въ лютеранствѣ на послѣднемъ конклавѣ. Но онъ добавилъ, что по вопросу столь важному онъ долженъ сперва посоветоваться со своими братьями кардиналами. Пій IV дѣйствительно намѣревался представить этотъ вопросъ на обсужденіе священной коллегіи и рѣшеніе ея внести на соборъ. Но онъ немедленно же встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны непримиримой партіи этой коллегіи и испанскаго посланника. Филиппъ II далеко не унаслѣдовалъ умѣренныхъ и примирительныхъ взглядовъ своего отца; напротивъ того, онъ требовалъ сохраненія ортодоксальнаго ученія во всей строгости. Его посланникъ въ Римѣ, Францискъ Варгасъ, умолялъ папу не уступать столь «преступному» требованію¹, не заслуживающему даже того, чтобы его разсматривали въ собраніи коллегіи, а тѣмъ менѣе представляли на соборъ, такъ какъ это являлось бы уже въ нѣкоторомъ родѣ молчаливымъ согласіемъ. Пій IV, забывая все болѣе о своихъ почти формальныхъ обѣщаніяхъ де-Лилію и не полагаясь на свои собственныя богословскія познанія, согласился съ мнѣніемъ большинства кардиналовъ и испанскаго короля, котораго онъ не безъ основанія считалъ самою на-

¹ V e l l a s a, Депеша Варгаса отъ 21 ноября 1561 г.; Weiss, *Papiers d'Etat du cardinal Granvelle*, т. VI, стр. 429.

дежною опорою католическаго дѣла. Наконецъ, онъ отвѣтилъ, что нельзя, не оказывая неповиновенія церкви, устанавливать въ одной странѣ иной обрядъ таинства причащенія, чѣмъ въ другихъ, и совѣтовалъ французскому правительству обратиться прямо къ собору (10 ноября 1561 г.)¹.

Такая неуступчивость со стороны папы въ дѣлѣ, которое нисколько не затрогивало католическаго догматическаго ученія и по которому 130 лѣтъ тому назадъ было дано полное удовлетвореніе требованіямъ гусситовъ, произвело очень непріятное впечатлѣніе на французское правительство и значительно ослабило его надежды на благотворные результаты собора (январь 1562 г.). Вслѣдствіе этого оно снова стало угрожать Риму собраніемъ французскихъ епископовъ и богослововъ, которые сами разсмотрятъ разногласія между протестантами и католиками и постараются согласить ихъ помимо собора и Рима². Въ виду этого Франція не послала своихъ прелатовъ въ Триентъ, а ограничилась посылкою, и то спустя нѣкоторое время, трехъ пословъ, де-Лансака, дю-Феррье и де-Пибрака, которые должны были сообщить собору подробную программу реформъ, предполагаемыхъ французскимъ правительствомъ³. Инструкціи, данныя этимъ послан-

¹ Le Plat, т. IV, стр. 733, 739 и слѣд. — Sickel, стр. 234. — Döllinger, *Beitraege*, стр. 366 и слѣд.

² Инструкція де-Лиллю 20 января 1562 г.; Le Plat, т. V, стр. 11 и слѣд.

³ Le Plat, т. V, стр. 148 и слѣд.

никамъ, даютъ точное представленіе о намѣреніяхъ королевы-матери относительно церковныхъ споровъ. Здѣсь опять высказывается требованіе, чтобы соборъ былъ объявленъ новымъ соборомъ, не имѣющимъ отношенія къ двумъ предшествовавшимъ соборамъ въ Триентѣ. Посланникамъ повелѣвалось даже въ случаѣ, если соборъ все-таки будетъ объявленъ продолженіемъ прежнихъ, заявить формальный протестъ и удалиться. Кромѣ того, они должны были предложить, во вниманіе къ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ протестантамъ, перенести соборъ въ одинъ изъ имперскихъ городовъ южной Германіи и требовать гарантіи полной свободы для всѣхъ тѣхъ, кто пожелаетъ явиться на соборъ и высказывать на немъ свои религіозныя мнѣнія. Эти требованія были сами по себѣ уже достаточно смѣлы, но французское правительство пошло еще дальше. Оно потребовало ни болѣе ни менѣе, какъ полного освобожденія собора отъ всякаго вліянія папы и его легатовъ, въ видѣ формальнаго заявленія о томъ, что св. отецъ не будетъ имѣть права измѣнять что-либо въ постановленіяхъ собора или освободить отъ выполненія ихъ. Согласно этимъ инструкціямъ главною задачею собора должно было быть преобразование управленія и нравовъ духовенства, какъ главы церкви, такъ и всѣхъ ея членовъ, и приведенія ея іерархіи къ первобытному состоянію церкви. При этомъ случаѣ высказано было множество давнишнихъ

поводовъ неудовольствія, вызываемыхъ произволомъ и денежными злоупотребленіями со стороны куріи. Наконецъ, королева-мать, отъ имени своего сына, рекомендовала посламъ для вѣрнаго и легкаго достиженія успѣха, поддерживать наилучшія отношенія съ *ораторами* императора, также сочувствующими кореннымъ преобразованіямъ. При такомъ положеніи вещей всѣхъ чрезвычайно интересовалъ вопросъ, какъ отнесется къ собору императоръ? Сторонники преобразованія возлагали на него всѣ свои надежды; Римъ и его преданные приверженцы боялись его.

Фердинандъ, рожденный и воспитанный въ Испаніи, получившій свое образованіе подъ руководствомъ знаменитаго кардинала Хименеса, былъ въ юности самымъ ревностнымъ католикомъ, гораздо болѣе набожнымъ и нетерпимымъ, чѣмъ самъ императоръ, его братъ. Вначалѣ Германія ему очень не нравилась, и онъ съ трудомъ научился ея языку, но съ годами образъ мыслей его измѣнился. Получивъ отъ своего брата управленіе довольно обширными нѣмецкими странами и вѣдѣніе общеимперскихъ дѣлъ, онъ мало-помалу сталъ лучше понимать идеи и характеръ германскаго народа. Онъ убѣдился въ томъ, что, стоя на исключительной и узко традиціонной точкѣ зрѣнія, никогда не удастся привести протестантовъ къ соглашенію и, слѣдовательно, никогда не изсякнетъ источникъ раздоровъ и без-

престанныхъ междоусобныхъ войнъ. Онъ уже нашелъ необходимымъ даровать въ Пассаускомъ и Аугсбургскомъ договорахъ почти безусловную свободу вѣроисповѣданія въ имперіи. Его наслѣдственныя австрійскія страны сами вынудили у него разрѣшеніе проповѣди исключительно только на основаніи слова Божія. Обладая открытымъ и веселымъ, хотя и вспыльчивымъ характеромъ, любя окружать себя роскошью и торжественностью въ жизни и не имѣя большой устойчивости мнѣній, Фердинандъ совсѣмъ не подходилъ къ роли героя или мученика. Политика заставила его сознать необходимость серьезной реформы. Онъ надѣялся, путемъ уступокъ въ отношеніи формы, снова привлечь отпавшихъ и потому охотно шелъ навстрѣчу религіозному прогрессу, оставаясь въ душѣ убѣжденнымъ католикомъ. Правда, что такимъ образомъ въ его образѣ дѣйствій было много неопредѣленности и онъ часто мѣнялъ свои мнѣнія о духовныхъ дѣлахъ, подчиняясь внушеніямъ то ревностныхъ католиковъ, то реформаторовъ. Сынъ его Максимилианъ, носившій въ то время титулъ короля богемскаго, былъ, напротивъ того, протестантомъ по убѣжденіямъ и не скрывалъ этого. Кальвинъ, Вертеріо и другіе протестанты уже смотрѣли на него, какъ на своего единомышленника¹. Епископъ алифскій, апостолическій нунцій въ Вѣнѣ, избѣгалъ даже говорить съ нимъ, считая его однимъ изъ

¹ Boehmer, *Spanish reformers*, т. II, стр. 78 и слѣд.

главныхъ защитниковъ ереси¹. Вообще это былъ человекъ просвѣщенный, хорошо знакомый съ литературою и національными особенностями различныхъ европейскихъ народовъ, любившій науки, музыку и очень остроумный; онъ не могъ не относиться сочувственно къ новымъ идеямъ. Но, съ другой стороны, этому тонкому, артистическому уму не доставало твердости характера. Въ описываемое время, будучи подъ двойнымъ вліяніемъ своего отца и своего двоюроднаго брата и зятя, Филиппа II испанскаго, — онъ тщательно скрывалъ свой образъ мыслей; но отъ него всегда можно было ожидать, что онъ открыто станетъ на сторону ереси, если его совѣсть не будетъ успокоена какими нибудь уступками.

До открытія собора, императоръ терпѣлъ неудачу во всемъ, въ чемъ ни обращался съ просьбою къ папѣ. Онъ просилъ разрѣшить его сыну Максимилиану причастіе въ двухъ видахъ и затѣмъ просилъ того же для всѣхъ своихъ подданныхъ, но кардиналы ни за что не хотѣли согласиться на это. Потомъ онъ, также какъ и король французскій, просилъ о томъ, чтобы мѣстомъ собора былъ избранъ одинъ изъ дѣйствительно нѣмецкихъ городовъ и чтобы папа самъ внесъ въ программу реформъ, подлежащихъ об-

¹ Maurenbrecher, *Beitrage zur deutschen Geshichte, Historische Zeitschrift*, вып. II, т. XIV, стр. 58.

² Reimann, *Maximilian 1554—1564; Historische Zeitschrift*, вып. I, т. XV, стр. 1. и слѣд.

сужденію собора, вопросъ о чашѣ и о бракѣ священниковъ¹. Но на все это ему отвѣчали изъ Рима отказомъ. Намъ придется не разъ еще видѣть Фердинанда въ этомъ положеніи. По своему характеру онъ былъ способенъ предъявлять широкія либеральныя требованія и немедленно же безъ всякаго сопротивленія отказываться отъ нихъ, если онъ встрѣчалъ затрудненія со стороны папы или его сторонниковъ.

При открытіи собора имперскіе ораторы явились первыми. Наравнѣ съ французами имъ было вмѣнено въ обязанность не допускать ничего, что указывало бы на то, что соборъ этотъ служить лишь продолженіемъ прежнихъ². Кромѣ того, они должны были просить соборъ воздержаться отъ всякаго прямого осужденія Аугсбургскаго договора и о томъ, чтобы протестантамъ былъ данъ охранный листъ, написанный въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ. Наконецъ, они должны были энергично противостоятъ всякой попыткѣ перемѣщенія или отсрочки собора, равно какъ и ограниченія его правъ.

Въ скоромъ времени отъ имени императора

¹ Reimann, въ *Forschungen zur deutsch. Gesch.*, т. VI, стр. 592 и слѣд.—Sickel, стр. 53 и слѣд.—*Docum. inéd.* т. III, стр. 569 и слѣд.

² Инструкція для имперскихъ уполномоченныхъ, 1 янв. 1562 г., Sickel, стр. 252.—*Articuli legatis exhibiti per oratores Caesareos*, 13 февр.; Le Plat. т. V, стр. 33 и слѣд.

были сдѣланы и болѣе серьезныя предложенія, поднимавшія принципиальные вопросы большой важности. Къ несчастью, на соборѣ не было почти никого, кто бы могъ ихъ отстаивать. Протестанты, удовлетвореніе которыхъ они имѣли въ виду, не прибыли. Католическіе государи имперіи сразу заявили нунцію Коммендоне, что если протестанты не придутъ въ Триентъ, то и они тоже не поѣдутъ туда въ виду той опасности, которою имъ грозитъ близкое сосѣдство съ еретиками и изъ за страха, чтобы зараза не распространилась и на ихъ подданныхъ¹. Епископъ оснабрюкскій предложилъ избрать средній путь въ видѣ созыва въ Германіи провинціальныхъ соборовъ, которые могли бы послать въ Триентъ по одному или по два епископа депутатами отъ каждой епархіи; оставшіеся же епископы охраняли бы діоцезы уѣхавшихъ. Но апостолическій нунцій, считавшій подобныя собранія черезъ чуръ опасными, въ особенности въ Германіи, отклонилъ это предложеніе². Наконецъ, въ мартѣ 1562 гдоа, всѣ трое духовные электоры открыто объявили императору, что они не могутъ принимать никакого участія въ соборѣ безъ протестантовъ, изъ боязни, чтобы послѣдніе не уви-

¹ *Письмо Коммендоне къ кард. Борромео*, 13 янв. 1561 г.; *Miscellanea di storia Italiana*, т. VI, стр. 40.

² *Письмо Коммендоне къ кардин. Борромео*, 25 апр. 1561 г. *Miscellanea di storia Italiana*, т. VI, стр. 111 и слѣд.

дѣли въ этомъ враждебнаго дѣйствія по отноше-
нію къ нимъ ¹.

Такимъ образомъ вся имперія оказалась не-
участвующею въ соборѣ и Фердинандъ былъ
принужденъ ограничиться посылкою нѣсколь-
кихъ представителей своихъ наслѣдственныхъ
странъ, большею частью защитниковъ протес-
тантства. Однакоже, такъ какъ самый его импе-
раторскій титулъ давалъ ему нѣкоторую власть,
то онъ и рѣшилъ употребить ее на пользу ре-
формы и примиренія. Онъ учредилъ комиссію,
составленную изъ нѣсколькихъ епископовъ и
докторовъ богословія, которая представила ему
въ сентябрѣ 1561 г. подробную записку относи-
тельно необходимыхъ улучшеній въ церкви ².
Между прочимъ въ этой запискѣ требовалось
ограниченія власти кардиналовъ, пользовавшихся
до сихъ поръ слишкомъ большими привиллегіями,
въ томъ смыслѣ, чтобы она стояла ниже власти
епископовъ, а также уменьшенія ихъ числа и равно-
мѣрнаго распредѣленія ихъ по всѣмъ странамъ
и даже лишенія ихъ права избирать папъ. Въ
ней высказывалось желаніе, чтобы соборъ поло-
жилъ конецъ папскому всемогуществу, для чего

¹ Sickel, стр. 274.

² Le Plat, т. V, стр. 213 и слѣд.—Зиккель доказы-
ваетъ въ Arch. für oesterreich. Gesch., т. XLV (1871 г.)
стр. 24 и слѣд., что эта записка была составлена не зна-
менитымъ Стафилусомъ, а комиссіей, въ составъ которой
входили между прочимъ епископы пражскій и мерзе-
бургскій.

власть папы должна быть ограничена точными постановленіями собора, которыя освободили бы отъ римской тираніи церковь съ ея національными и вѣроисповѣдными особенностями. Если соборъ не постарается исправить всего этого, говорилось въ запискѣ, то свѣтскіе владыки божьею милостью обладаютъ правомъ противо-дѣйствовать злоупотребленіямъ духовенства и раздать неимущимъ излишекъ ихъ богатствъ. Цѣломудренный бракъ священниковъ лучше чѣмъ ихъ конкубинаты. Наконецъ комиссія со-вѣтовала ограничить случаи отлученій и интердиктовъ.

Таковы были мнѣнія, которыя комиссія, состоящая изъ богослововъ и епископовъ, осмѣливалась въ половинѣ XVI вѣка высказывать императору - католику! Изъ этого можно видѣть, что долженъ былъ сдѣлать Триентскій соборъ, съ католическимъ міромъ, чтобы навсегда уничтожить возможность чего либо подобнаго.

Эта записка показалась императору идущею слишкомъ далеко и онъ обратился къ другимъ, близкимъ къ нему лицамъ, съ просьбою составить ему другія предложенія реформъ, которыхъ онъ хотѣлъ требовать отъ собора: сначала къ вице-канцлеру Зельду и своему духовнику Цитардусу, затѣмъ къ своему частному секретарю д-ру Гингеру и епископу гуркскому, умѣренный образъ мыслей которыхъ всего болѣе отвѣчалъ его религиознымъ воззрѣніямъ. Впослѣдствіи секретарь

Фердинанда Зинкмозеръ и Стафилусъ, бывшій прежде протестантомъ, а послѣ перехода въ католичество ставшій профессоромъ въ Ингольштадтѣ, редактировали въ окончательной формѣ такъ называемый *реформаціонный списокъ* императора. Ихъ записка ¹ была умѣреннѣе и по формѣ и по содержанию, чѣмъ записка первой комиссіи, хотя, съ другой стороны, гораздо подробнѣе и обширнѣе. Въ списокѣ требовалось полного преобразования куріи, сокращенія числа кардиналовъ до 26; уничтоженія противозаконныхъ привилегій и возмутительныхъ разрѣшеній, какъ, на примѣръ, владѣніе многими бенефиціями, которое все еще продолжало существовать; строгаго указанія резиденціи всѣхъ духовныхъ властей и прекращенія симоніи въ назначеніи бенефицій; ограниченія случаевъ отлученій; очищенія всего религіознаго культа; составленія новыхъ молитвенниковъ и пересмотра церковныхъ обрядовъ съ удаленіемъ изъ нихъ всего недостойнаго и лишняго; употребленія въ богослуженіи простого современнаго языка; подчиненія церковнослужителей правиламъ строгой морали; разрѣшенія причастія въ двухъ видахъ, разрѣшенія употребленія мяса въ посту и, наконецъ, брака для священниковъ, „позволительность котораго можетъ быть доказана священнымъ писаніемъ“. Затѣмъ давалось множество практическихъ совѣтовъ для облегченія протестантскимъ

¹ Le Plat, т. V, стр. 232. и слѣд.

народамъ и государямъ возвращенія въ лоно церкви.

Эта записка была послана императоромъ его уполномоченнымъ въ Триентъ 22 мая 1562 г., чтобы быть доложенною собору въ качествѣ официальныхъ предложеній Фердинанда подъ именемъ „Списка реформъ“¹.

Требованія, выраженные въ спискѣ быть можетъ и могли бы быть осуществлены, если бы имперскіе уполномоченные заключили тѣсный союзъ съ французами, которые были гораздо сильнѣе на соборѣ, благодаря все возрастающему числу ихъ епископовъ. Къ несчастью, партія реформы страдала недостаткомъ единства и настойчивости. Благодаря именно недостатку энергии и ловкости французское и имперское правительства уже должны были уступить въ вопросѣ о выборѣ мѣста для собора, и благодаря тому же они были побѣждены и на соборѣ.

А между тѣмъ большинство католиковъ того времени раздѣляло воззрѣнія Фердинанда и Екатерины Медичи. Герцогъ баварскій, Альбертъ V, который ввелъ въ свою страну іезуитовъ, высказывалъ почти тѣ же требованія. Такъ же какъ

¹ Рейманнъ доказалъ въ *Forschungen zur deutschen Geschichte* (т. VIII, стр. 177, 1868 г.), что такъ долго разыскиваемый «Списокъ реформъ» есть ничто иное, какъ записка комиссіи. -- Дата ея съ большею достоверностью установлена Зиккелемъ, *Arch. für oesterr. Geschichtsforsch.*, т. XLV, стр. 29.

и Фердинандъ, онъ требовалъ созыва новаго собора¹, равно какъ и разрѣшенія брака священникамъ и коренного исправленія нравовъ духовенства. Онъ поручилъ доложить собору, что во время послѣдней ревизіи, произведенной въ Баваріи, было констатировано, что только три или четыре священника не живутъ въ открытомъ конкубинатѣ. Онъ же просилъ, чтобы излишнія имущества духовенства, служащія только для распространенія роскоши и разврата, были употреблены на устройство семинарій для молодыхъ священниковъ². Какъ либеральны были въ то время идеи самыхъ ревностныхъ католиковъ въ Германіи! И развивалъ эти идеи на Триентскомъ соборѣ докторъ богословія.

Тѣ же самыя мысли высказывалъ герцогъ Клевскій нунцію Коммендоне весною 1561 г.³

Однимъ словомъ, можно сказать, что всѣ католики къ сѣверу Альпъ, за немногими исключеніями, единогласно требовали самыхъ коренныхъ реформъ, имѣя, очевидно, въ виду примиреніе старой и новой церкви.

Южная Европа была мало затронута нѣмецкими и швейцарскими реформаторскими ученіями

¹ Sickel, *Zur Geschichte des Trienter Concils*, стр. 128. Письмо герц. Альберта къ императору 3 ноября 1560 г.

² Le Plat, т. V, стр. 335 и слѣд.

³ Письмо Коммендоне къ кард. Борфомоео, 5 мая 1561 г.; *Miscell. di st. Ital.*, т. VI, стр. 121.

ми, но и въ ней ощущалась необходимость внести крупныя перемѣны въ іерархическомъ строѣ, чтобы успокоить недовольство въ отдѣльныхъ народахъ и лицахъ и влить въ церковь струю новой жизни. Самъ король португальскій, несмотря на весь свой фанатизмъ, формулировалъ рядъ требованій, которыя не могли нравиться святѣйшему владыкѣ¹. — Преобразование и сокращеніе должностей при папскомъ дворѣ, уменьшеніе числа кардиналовъ, возведеніе папою въ кардиналы лицъ не моложе тридцати лѣтъ и не иначе, какъ съ согласія священной коллегіи; обязательность для епископовъ жить въ своей резиденціи; уничтоженіе такъ называемыхъ экспектативъ и резервацій²; прекращеніе такъ часто даваемыхъ разрѣшеній отъ исполненія обязанностей; отмена возведенія въ епископскій санъ лицъ, носящихъ его лишь какъ почетное званіе; большая свобода и независимость для епископовъ, меньшее количество отлученій и

¹ Le Plat, т. V, стр. 78.

² *Эспектативою* называлось право, даваемое духовному лицу на полученіе бенефиціи, какъ только послѣдняя станетъ вакантною. Дарованіе права экспектативы находилось во власти папъ. Этотъ обычай, дававшій поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, былъ, какъ мы увидимъ ниже, уничтоженъ Триентскимъ соборомъ. *Резерваціею* называлось оставленіе папою за собою права распоряжаться вакантною бенефиціею. Климентъ IV, первый изъ папъ, присвоилъ себѣ право распоряжаться всѣми вакантными бенефиціями.

интердиктовъ, — все это входило въ программу реформъ, предлагаемыхъ королемъ собору. Весь католическій міръ раздѣлялъ эти желанія, и однако же соборъ выполнилъ ихъ лишь въ весьма слабой мѣрѣ.

На сторонѣ собора вначалѣ не былъ и государь, несравненно болѣе могущественный чѣмъ король португальскій, — самъ Филиппъ II, который и въ своихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ, другихъ былъ сильнѣйшею и, быть можетъ, единственною дѣйствительною опорой подрываемой и колеблемой со всѣхъ сторонъ церкви. Филиппъ полагалъ, что его вліяніе гораздо сильнѣе на самого папу, какъ лично, такъ и въ качествѣ свѣтскаго владыки Италіи, чѣмъ на многочисленное собраніе, въ которомъ безъ сомнѣнія будетъ довольно много епископовъ, пропитанныхъ ересью¹. Онъ не могъ принципиально возставать противъ собора, но онъ заявилъ, что послѣдній не долженъ заниматься вопросами о реформахъ, по крайней мѣрѣ еще долгое время². Подобное требованіе до такой степени шло въ разрѣзъ съ намѣреніями императора и Франціи и такъ противорѣчило горячимъ желаніямъ всѣхъ христіан-

¹ Въ ноябрѣ 1561 г. испанскій уполномоченный въ Триентѣ открыто высказалъ, что вначалѣ его государь не хотѣлъ и слышать о соборѣ; Pallavicini, XXIII, 6, 12.

² Инструкція Варгасу, испанскому послу въ Римѣ, 22 ноября 1560 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 344 и слѣд.

скихъ народовъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что при такомъ условіи соборъ никогда не собрался бы. Лучшимъ доказательствомъ того, что Филиппъ въ глубинѣ души совсѣмъ не желалъ собора, служитъ то, что, несмотря на предъявленное имъ условіе, онъ ставилъ свое согласіе на созваніе собора въ зависимость отъ согласія императора и короля Франціи¹. Впрочемъ, онъ, въ своихъ конфиденціальныхъ разговорахъ съ уполномоченными, не скрывалъ своихъ истинныхъ намѣреній². Сверхъ того, событія вскорѣ сложились такъ, что у него получились особыя причины желать сдѣлать непріятное папѣ. Стремясь сильнѣе привлечь на сторону католическаго дѣла главу Бурбонскаго дома, Антуана Вандомскаго, папа призналъ его королемъ наваррскимъ, тогда какъ Наварра въ дѣйствительности уже болѣе пятидесяти лѣтъ принадлежала Испаніи. Это сильно раздражило Филиппа противъ св. отца и было причиною того, что, по совѣту архіепископа севильскаго, онъ упорно отказывался, какъ за себя, такъ и за епископовъ Испаніи, принять папскую конвокаціонную буллу. Предлогомъ для этого онъ выставилъ то, что въ буллѣ не говорилось опредѣленно, что новый соборъ есть продолженіе прежнихъ, и прибавлялъ, что это создастъ такую смуту и такую опасность для религіи, что при

¹ Raynaldi, ad an. 1560, nr. 58.

² См. секретную инструкцію Д. Жуану д'Айала, 13 марта 1561 г. (*Docum. ined. para la hist de Esp.*, т. IX, стр. 94).

подобныхъ условіяхъ лучше совсѣмъ не созывать собора. Возможно ли было снова подвергать сомнѣнію и обсужденію постановленіе «о догматѣ оправданія»,—самомъ надежномъ оплотѣ противъ ереси¹? Для представленія св. отцу этихъ возраженій онъ послалъ въ Римъ, въ мартѣ 1561 г., дона Жуана де-Айала.

Однако извѣстіе о намѣреніи Франціи созвать національный соборъ произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что измѣнило все его отношеніе къ этому вопросу. Въ виду того, что всѣ его попытки помѣшати этому остались безуспѣшны и въ Пуасси былъ дѣйствительно назначенъ съѣздъ духовенства, онъ рѣшилъ избрать изъ двухъ золь меньшее, и вслѣдствіе этого, начиная съ іюня 1561 г., онъ началъ выказывать большее рвеніе къ Триентскому собору², и не только принялъ конвокаціонную буллу, что онъ отказывался до сихъ поръ сдѣлать, но и повелѣлъ испанскимъ прелатамъ отправиться въ возможно большемъ числѣ на соборъ, чтобы имѣть болѣе сильное вліяніе на постановленія послѣдняго³.

Разъ, что соборъ долженъ былъ состояться, Филиппъ хотѣлъ руководить имъ по своему желанію. Несмотря на противоположныя требованія сво-

¹ Dollinger, *Beitraege*, т. I, стр. 358 и слѣд.

² Le Laboureur, т. I, стр. 459 и слѣд.

³ Ibid., стр. 781. Инструкція епископу реннскому.
30 іюня 1561 г.

его дяди, императора, онъ ¹ онъ непремѣнно желалъ сохраненія въ силѣ всѣхъ постановленій прежнихъ соборовъ и, во избѣжаніе всякаго сомнѣнія на этотъ счетъ, требовалъ объявленія этого собора продолженіемъ прежнихъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Его уполномоченные употребляли для достиженія этой цѣли и просьбы и угрозы. Кромѣ того, онъ не соглашался ни на какія уступки реформаторамъ, ни въ догматахъ, ни въ обрядахъ, видя въ этомъ униженіе достоинства церкви. По этой же причинѣ онъ, несмотря на близкія отношенія, связывавшія его съ германскою вѣтвью его дома, упорно и энергично противился требованіямъ имперцевъ и французовъ касательно причастія въ двухъ видахъ. Если всѣ усилія этихъ двухъ правительствъ не привели ни къ чему, то именно благодаря, главнымъ образомъ, Филиппу II, который, впрочемъ, являлся въ этомъ отношеніи только вѣрнымъ [выразителемъ идей, господствовавшихъ среди его подданныхъ и, въ особенности, духовенства; насквозь пропитаннаго самымъ непримиримымъ католическимъ фанатизмомъ.

Въ то время, какъ эти взгляды Филиппа совершенно сходились съ взглядами куріи, его отношеніе къ вопросу о распредѣленіи власти въ церкви, наоборотъ, шло совершенно въ разрѣзъ съ нею. Испанцы, съ ихъ сильно развитымъ чув-

¹ Письмо импер. къ Филиппу II, 27 іюня 1560; *Doc. ineditos*, т. II, стр. 559 и слѣд.

ствомъ и личной и національной гордости, ни за что не хотѣли согласиться на безусловное подчиненіе церкви диктатурѣ папскаго престола. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ предыдущемъ, главная сила заключалась не въ королѣ Филиппѣ, а въ его министрахъ и прелатахъ, руководившихъ имъ въ его отношеніи къ тріентскому собранію¹. Въ качествѣ выразителя народныхъ стремленій, Филиппъ II, подобно нѣмцамъ и французамъ, требовалъ безусловной свободы для собора. Всѣ они допускали, чтобы предсѣдательствовали на соборѣ представители папы, какъ главы церкви, который не могъ присутствовать лично, но въ то же время они требовали, чтобы соборъ не подвергался никакому вмѣшательству или руководительству со стороны папы. Это должно было означать, что папа передалъ представительство своей власти на соборѣ своимъ легатамъ, а соборъ вмѣстѣ съ ними представляетъ собою верховную, законную и непогрѣшимую власть церкви. Вслѣдствіе этого Испанія требовала прямого заявленія, что соборъ представляетъ всемірную церковь, и настаивала, чтобы каждый членъ его могъ свободно высказывать свои предложенія и чтобы за папой оставалось только право утверждать и обнародывать рѣшенія собранія, касаясь только формы, но никакъ не ихъ существа.

¹ Ср. различные документы, приводимые по этому поводу Дёллингеромъ, *Beitraege*, т. I, *passim*.

Такимъ образомъ всѣ три великія католическія державы совершенно сходились въ требованіи безусловной свободы собора. И тѣмъ не менѣе онѣ были побѣждены въ этомъ вопросѣ куріей, которую поддерживала только часть итальянскихъ епископовъ. Причина этого заключалась въ томъ, что Римъ былъ послѣдователемъ, виолнѣ ясно признавалъ чего онъ хочетъ и не останавливался ни передъ какими хитрыми дипломатическими приемами, тогда какъ Франція, императоръ и Испанія никогда не могли придти къ полному согласію, а часто даже прямо враждовали между собою, какъ по поводу политическихъ, такъ и по поводу религіозныхъ вопросовъ. Къ тому же, только одна Испанія имѣла съ самаго начала достаточное и надлежащее представительство на соборѣ, приславъ очень многихъ прелатовъ выдающейся учености и блестящихъ способностей. Если бы Франція и Германія послѣдовали ея примѣру, то Италия и римскій дворъ были бы побѣждены и вся судьба христіанскаго міра была бы иная. Но изъ Германіи почти никто не прибылъ въ Триентъ, изъ Франціи же лишь весьма незначительное число епископовъ подъ предводительствомъ высшаго духовнаго сановника, преданнаго лишь собственнымъ интересамъ и совсѣмъ неустойчиваго въ своихъ воззрѣніяхъ; да и эти прибыли гораздо позже. Благодаря этому три великія державы потерпѣли полное пораженіе въ своей борьбѣ съ папскою властью.

Правда, что испанцы, основываясь на громадномъ значеніи ихъ короля и ихъ страны для блага католицизма и на той важной роли, которую они сами играли на этомъ соборѣ, желали занимать на немъ совершенно особое положеніе и оказывать рѣшающее вліяніе на его постановленія, и такимъ образомъ и на весь послѣдующій ходъ развитія догматовъ и іерархіи католической вѣры. Они очень часто держали себя, какъ полновластные и притомъ заносчивые и высокомерные хозяева собора. Нельзя отрицать, что они въ значительной мѣрѣ помѣшали тому, чтобы соборъ и папа, лично склонный къ умѣренной реформѣ, исполнили хотя бы самыя скромныя изъ требованій французовъ и Фердинанда I. Однакоже, надо признать, что это имъ удалось лишь потому, что въ этомъ отношеніи они раздѣляли взгляды почти всей римской куріи и громаднаго большинства итальянскихъ епископовъ. Каждый же разъ, какъ они становились въ оппозицію противъ этихъ двухъ силъ, напри- мѣръ, въ вопросѣ о независимости и о продолжительности собора, они терпѣли пораженіе.

Пій IV питалъ большія описанія относительно намѣреній враждебныхъ ему *загорныхъ* странъ. Итальянцы вначалѣ выказывали очень мало желанія принимать участіе въ соборѣ, въ которомъ они видѣли большую опасность для церкви и, главнымъ образомъ, для самого Рима. Пій же боялся преобладанія иностранцевъ въ

Тріентъ и, поэтому, несмотря ни на какія возраженія итальянцевъ, онъ заставилъ ихъ прибыть въ Тріентъ въ большомъ количествѣ. Чтобы придать имъ больше бодрости и дать имъ возможность лучше защищаться отъ нападеній испанцевъ и французовъ, онъ назначилъ пятерыхъ изъ нихъ легатами (въ февралѣ 1561 г.). Вначалѣ онъ имѣлъ намѣреніе назначить первымъ легатомъ кардинала Мороне, бывшаго въ прежнее время еще болѣе рѣшительнымъ сторонникомъ церковной реформы, чѣмъ онъ самъ, и назначеніе котораго принесло бы много пользы собору, но именно по этому другіе кардиналы, болѣе всего заботившіеся о неприкосновенности привилегій и имущественныхъ правъ римскаго двора, возстали противъ этого назначенія и одержали въ этомъ отношеніи побѣду. Мороне былъ устраненъ, по крайней мѣрѣ, на время ¹.

Тѣмъ не менѣе, даже и безъ Мороне, составъ легатовъ являлся во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ представительствомъ св. престола и былъ достаточно блестящимъ, чтобы президировать на вселенскомъ соборѣ.

Самый знатный изъ нихъ по рожденію и потому назначенный первымъ президентомъ былъ Эрколе Гонзагъ, кардиналъ Мантуанскій, братъ правителя этого маленькаго герцогства, который

¹ Деша Варгаса, 13 окт. 1560 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 341.

былъ чрезвычайно преданъ императору и преисполненъ самихъ благихъ намѣреній. Затѣмъ слѣдовали Джакобо Пучео изъ Ниццы, большой знатокъ каноническаго права; Джироламо Серипандо, бывшій генераль ордена августиновъ, отличившійся еще на первомъ триентскомъ соборѣ своею ученостью, знаніемъ языковъ, краснорѣчіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительною умѣренностью своихъ взглядовъ. Послѣ собора, несмотря на противодѣйствіе нецримиримой партіи, Карлъ V назначилъ его архіепископомъ въ Салерно, а Пій IV возвелъ его въ кардиналы. Четвертымъ былъ кардиналь Лодовико Симонетта, извѣстный канонистъ и одинъ изъ главныхъ лицъ консервативной партіи священной коллегіи; пятымъ былъ Станиславъ Гозій, сынъ краковскаго гражданина, который послѣ блестящаго прохожденія курса наукъ въ падуанскомъ университетѣ былъ епископомъ въ Варми и велъ успѣшную борьбу съ реформаціей въ восточной Европѣ. Бывъ въ теченіи многихъ лѣтъ апостолическимъ нунціемъ при императорскомъ дворѣ, Гозій превосходно зналъ возрѣнія этого монарха и положеніе вещей въ Германіи. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда заболѣлъ Пучео, папа замѣнилъ его сыномъ своей сестры, Маркомъ Альтамомъ, совсѣмъ юнымъ и совершенно неопытнымъ прелатомъ, еще учившимся читать по-латыни *pater noster*¹. Такой выборъ вызвалъ всеобщее

¹ S i c k e l, стр. 235.

удивленіе, но Пій привелъ въ свое оправданіе, что Альтамъ — нѣмецкаго происхожденія, состоитъ епископомъ въ нѣмецкой епархіи, въ Констанцѣ, и что это назначеніе сдѣлано въ угоду императору и германской націи.

Этихъ кардиналовъ окружала многочисленная толпа священниковъ, очень свѣдущихъ, — одни въ богословіи, въ собственномъ смыслѣ, другіе въ каноническомъ правѣ, — и превосходныхъ дѣльцовъ. Подобный штабъ вполне обеспечивалъ легатамъ сильное вліяніе на ходъ обсужденій и рѣшеній собора. Наибодѣе извѣстны изъ этихъ прелатовъ были Габріеле Палеотто, аудиторъ Роты, и Сципіонъ Ланчелотти, адвокатъ кардинальской коллегіи, два самыхъ ученыхъ и талантливыхъ служителя римскаго двора, впоследствии оба возведенные въ кардинальскій санъ. Первый изъ нихъ, оставившій очень правдивое описаніе третьяго періода Тріентскаго собора, впоследствии былъ очень близокъ къ тому, чтобы быть избраннымъ папою.

Тѣ изъ легатовъ, которые первыми отправились въ Тріентъ, прибыли туда, однакоже, лишь десять дней спустя послѣ указаннаго въ буллѣ срока открытія собора и нашли тамъ не болѣе девяти прелатовъ, исключительно итальянцевъ. Главною причиною случившагося промедленія было то, что Филлиппъ II все еще противился собору. Желая прежде привлечь его на свою сторону, Пій IV нашелъ нужнымъ отсрочить соборъ,

задержавъ остальныхъ итальянскихъ епископовъ, а также и прїѣздъ имперскихъ уполномоченныхъ ¹, чѣмъ снова подалъ поводъ къ сомнѣнію въ его желаніи осуществить соборъ.

Филиппъ II согласился принять конвокаціонную буллу лишь 13 іюня 1561 г. Пій IV немедленно же доказалъ всѣмъ, кто сомнѣвался въ искренности его намѣреній, всю неправоту ихъ и снова воззвалъ къ епископамъ всего міра и въ особенности итальянскимъ, приглашая ихъ отправляться въ Тріентъ. Онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы какъ можно болѣе расположить Филиппа въ пользу собора. Въ угоду ему онъ отказалъ королю наваррскому въ своемъ посредничествѣ между нимъ и королемъ Испаніи, не хотѣвшимъ обращаться съ Антоніемъ Вандомскимъ, какъ съ равнымъ. Пій IV и кардиналъ Борромео дали также формальное обѣщаніе послу Варгасу, что Симонетта, который долженъ былъ отправиться въ Тріентъ лишь 19 ноября, привезетъ съ собою особое повелѣніе и всѣ надлежащія полномочія для постановленія о *продолженіи* собора и о сохраненіи въ силѣ всѣхъ прежнихъ его декретовъ ².

Прелаты, постепенно съѣзжавшіеся въ Тріентъ.

¹ Письмо Кардинала Борромео къ Гозію, 16 апрѣля. 1561 г.; Сургіанус, *Tabul.*, стр. 163 и слѣд.

² Депеши Варгаса отъ 30 сент., 7 окт. 7—21 ноября 1561 г.; Weiss, *Papiers de Granvelle*, т. VI, стр. 342, 380 и слѣд., 407, 427.

все въ большемъ и большемъ количествѣ, встрѣчали тамъ въ высшей степени любезный пріемъ со стороны молодого барона Людовико Мадруццо, которому его дядя кардиналъ Кристофъ Мадруццо, хорошо знакомый намъ по его участию въ первомъ собраніи синода, передалъ тріентское епископство и котораго папа, съ своей стороны, только что возвелъ въ кардиналы.

Въ ожиданіи пріѣзда испанскихъ и другихъ прелатовъ, засѣданія собора были отсрочены на неопредѣленное время, и все лѣто и осень прошли въ разсужденіяхъ о распредѣленіи прелатовъ по степенямъ и рангамъ, объ одеждѣ, въ которую они должны облекаться, и о другихъ вопросахъ, касающихся этикета. Къ концу года число съѣхавшихся было уже довольно велико, но все еще не было никого ни изъ Франціи, ни изъ Германіи. Императоръ, все еще питавшій надежды придти въ соглашеніе съ нѣмцами, добился еще отсрочки на нѣсколько недѣль. Но, наконецъ, папа потерялъ терпѣніе: Положеніе вещей во Франціи принимало все болѣе и болѣе угрожающій для католической церкви характеръ. Съѣздъ французскаго духовенства, высказанныя на немъ требованія коренного преобразованія, совѣщанія въ Пуасси, его благопріятныя для гугенотовъ заключенія,—все это приводило папу въ ужасъ. Было болѣе чѣмъ пора, чтобы раздался голосъ официальныхъ представителей вселенской

церкви¹. Посовѣтовавшись съ легатами, онъ назначилъ первое засѣданіе возобновленнаго собора на 18 января 1562 года.

¹ *Acta Massarelli*; Theiner, т. I, стр. 671. — Инструкція де-Лилю, французскому посланнику въ Римѣ, 24 октября 1561 г.; Le Plat, т. IV, стр. 728.

ГЛАВА V.

Первыя дѣйствія третьяго собора.

Дѣятельность и цѣли испанскихъ прелатовъ. — Вопросъ о *продолженіи*. — Формула *proponentibus legatis*. — Раздраженіе испанцевъ. — *Index*. — Новое приглашеніе протестантовъ. — Вопросъ объ епископской резиденціи. — Борьба между партіями папской и епископской. — Папа чрезвычайно недоволенъ нѣкоторыми изъ своихъ легатовъ. — Собору грозитъ распаденіе. — Императоръ и Франція борются противъ папы и Испаніи въ вопросѣ объ объявленіи собора *продолженіемъ*. — Угрожающія рѣчи французскихъ ораторовъ. — Требованіе *Чаши* для мірянъ. — Пій IV чрезвычайно недоволенъ ходомъ дѣлъ на соборѣ и свѣтскими владыками. — Онъ хочетъ снова перенести соборъ въ Италію. — Вмѣшательство великихъ державъ. — Пій IV смиряется и соборъ продолжается. — Месса. — Вопросъ о *Чашѣ* передается на рѣшеніе папы. — Маловажныя реформы. — Довольство Пія IV.

Папа изъ политическихъ соображеній выказывалъ удивительное рвеніе къ собору. Онъ собственноручно писалъ легатамъ: «Мы, какъ жантильомъ, какъ добрый папа и какъ хорошій христіанинъ, желаемъ, чтобы состоялся надлежащій соборъ. Мы желаемъ довести этотъ соборъ до конца, утвердить и выполнить его постановленія»¹. Въ то же время онъ отправилъ въ Триентъ всѣхъ находившихся въ Римѣ епископовъ².

¹ Письмо Пія IV къ легатамъ въ Триентъ, 19 декабря 1561 г.; Vesadelli, *Monumenti*, т. II, стр. 304.

² S.S. haze yr los mas obispos que aqui se quedran; Деша Варгаса, 21 ноября 1561 г.; Weiss, т. IV, стр. 42°.

Испанцы все еще были одни лицомъ къ лицу съ многочисленными мелкими итальянскими епископами, которыхъ папа продолжалъ присылать въ Триентъ. Но, несмотря на свое одиночество и свою численную слабость, они немедленно же проявили такую твердость, которая, наряду съ ихъ несомнѣнною ортодоксальностью и чистотою ихъ нравовъ, тотчасъ же завоевала имъ еще болѣе сильное вліяніе, чѣмъ то, которымъ они пользовались шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Во главѣ ихъ находился опять все тотъ же неустрашимый архіепископъ гренадскій, тотъ самый Гверреро, который и тогда уже былъ такъ непріятель папской партіи. У него собирались они для обсужденія своего образа дѣйствія по каждому изъ предстоящихъ вопросовъ, чтобы единствомъ и твердостью замѣнить недостающую имъ численную силу. Какъ и прежде, они преслѣдовали двойную цѣль, никогда и ни въ чемъ не теряя ее изъ вида: съ одной стороны, поставить епископатъ и самый соборъ въ возможно болѣе независимое положеніе отъ папы, оставляя за послѣднимъ лишь почетное главенство въ церкви; съ другой—воспрепятствовать всякому измѣненію, какъ въ догматахъ, такъ и въ важнѣйшихъ обрядахъ католической религіи. Увѣренные, что эти стремленія ихъ встрѣтятъ полное одобреніе ихъ короля, они не задумывались очень часто идти наперекоръ императору, главѣ младшей линіи австрійскаго дома, котораго они обвиняли въ преслѣдованіи мирскихъ выгодъ и даже въ

склонности къ протестантизму. Этотъ опасный разладъ, который въ сущности и обезсилилъ всю оппозицію противъ папской власти, обнаружился очень скоро послѣ начала засѣданій.

Испанцы, согласно обѣщанію, данному Піемъ IV ихъ посланнику Варгасу, потребовали, чтобы на первомъ же публичномъ засѣданіи соборъ былъ объявленъ продолженіемъ прежнихъ; но легаты были осмотрительнѣе св. отца. Они предвидѣли, что подобное заявленіе, сдѣланное въ самомъ началѣ, вызоветъ энергическій протестъ со стороны императора и французовъ и даже, по всей вѣроятности, отказъ ихъ отъ самаго собора, который въ такомъ случаѣ уже совершенно не будетъ имѣть характера вселенскаго. Вслѣдствіе этого они, хотя и съ большимъ трудомъ, вынудили у испанцевъ обѣщаніе временно не поднимать этого щекотливаго вопроса.

Однако, по другому пункту, часть испанцевъ оказали легатамъ болѣе сильное сопротивленіе. Кардиналы представили каждому прелату на одобреніе декретъ объ открытіи засѣданій собора, гдѣ говорилось, что рѣшенія его будутъ постановляться подъ президенствомъ легатовъ (*praesidentibus legatis*). Послѣ одобренія прелатами этого декрета они обманнымъ образомъ замѣнили эти послѣднія слова фразою, имѣвшею совсѣмъ иное значеніе, а именно: *по предложеніямъ и подъ президентствомъ легатовъ (proponentibus legatis ac praesidentibus)*. Такимъ образомъ всѣ дѣйствія собора должны были получить такой харак-

теръ будто все происходившее на немъ исключительно вытекало изъ предложеній легатовъ, а сами собравшіеся прелаты были лишены права инициативы и внесенія отъ себя предложеній. Легаты имѣли при этомъ двойную цѣль: они хотѣли, во-первыхъ, умалить власть собора передъ властью папы и, во-вторыхъ, имѣть возможность отклонять *a limine* всякое предложеніе отцовъ церкви, направленное противъ всемогущества куріи. Когда въ дѣло замѣшивались властолюбивыя стремленія св. престола, то онъ очень мало церемонился съ протестантами, которые при такихъ условіяхъ совершенно устранялись отъ участія въ соборѣ. На первой общей конгрегаціи 15 января 1562 г. только нѣсколько испанцевъ и, главнымъ образомъ, Гверреро протестовали противъ этого недобросовѣстнаго приѣма. Легаты представили объясненія, обставили все дѣло смягчающими туманными обѣщаніями и у большинства не хватило мужества заставить вычеркнуть эту фразу, заключающую въ себѣ громадную опасность для свободы собора. Это было первою побѣдою папской партіи, и побѣдою немаловажною. Извѣстно, какъ велика въ вопросахъ религіи и въ особенности іерархіи сила формъ и формулъ надъ самою сущностью вещей.

Если испанцамъ предстояло оставаться однимъ предъ лицомъ подавляющаго большинства итальянскихъ епископовъ, то они могли быть увѣрены, что ни въ чемъ не будутъ имѣть желаннаго успѣха.

Мѣсяць спустя Гверреро писалъ своему королю ¹: «Если ваше величество не придетъ къ намъ на помощь, то лучше будетъ вамъ повелѣть намъ уѣхать отсюда, чтобы возвратиться въ наши церкви, потому что здѣсь мы ничего не добьемся. Его святѣйшество передаетъ свои рѣшенія легатамъ, эти послѣдніе предлагаютъ ихъ, и немедленно же всѣ итальянцы и даже нѣкоторые не-итальянцы принимаютъ ихъ». Въ этихъ словахъ Гверреро заключался горькій упрекъ нѣкоторымъ его соотечественникамъ. Чтобы сломить или, по крайней мѣрѣ, ослабить сопротивленіе испанцевъ, папа прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ далъ почувствовать испанскимъ епископамъ наиболее высокаго происхожденія, какъ неприлично имъ рабски подчиняться чловѣку такого низкаго происхожденія, какъ Гверреро. Но еще болѣе дѣйствительнымъ образомъ повліялъ онъ на нихъ, указавъ имъ перспективу тѣхъ апостолическихъ милостей, которыя могутъ выпасть на ихъ долю, если они окажутъ ему повиновеніе, и даже подалъ надежду на полученіе ими кардинальской шапки. Трое прелатовъ, изъ которыхъ самымъ знатнымъ былъ епископъ саламанкскій, Педро Гонзалесъ де-Мендоза, сынъ герцога Инфантадо, не устояли противъ соблазна и принесли громадную пользу папской партіи, не только возставъ противъ предложеній своихъ соотечественниковъ, но еще

¹ 16 февраля; Doellinger, *Beitraege*, т. I, стр. 399 и слѣд.

и сообщая заранѣе легатамъ объ ихъ намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ¹.

Посланникъ Варгасъ былъ раздраженъ еще болѣе, чѣмъ архіепископъ гренадскій. Его обманули самымъ недостойнымъ образомъ лживыми обѣщаніями. Онъ посылалъ въ Триентъ длинные богословскіе трактаты, чтобы доказать испанскимъ прелатамъ, что они не должны уступать ни по вопросу о продолженіи собора, ни по формулѣ *proponentibus legatis*. Онъ писалъ Гран-веллѣ: «До сихъ поръ дѣла на соборѣ идутъ совершенно противъ всѣхъ моихъ желаній, такъ какъ *neque verbo neque facto* не только не видно, чтобы онъ былъ продолженіемъ прежнихъ, но дѣлается обратное.

¹ Musotti, Sommario; Döllinger, *Zur Geschichte des Concils v. Trient*, т. II, стр. 10. —Музотти былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ слугъ легатовъ (Pallavicini, XV, 13, 1), и въ особенности Серипандо. Его описанія вообще очень хороши и достовѣрны, и вообще книга написана не безъ нѣкоторой претензіи на литературный стиль. Онъ кончаетъ ее на описаніи смерти Серипандо и своего перехода на службу кардиналу лотарингскому, «потому что,—говоритъ онъ,—съ этой поры я не могу больше описывать событія съ тою увѣренностью въ истинѣ, съ какою я это дѣлалъ до сихъ поръ». —Что его сообщенія о трехъ прелатахъ совершенно согласны съ истиной, подтверждается еще и дневникомъ самаго главнаго изъ нихъ, епископа саламанкскаго, Мендозы (Döllinger, Id., т. II, стр. 64). Во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ онъ выступаетъ противъ большинства своихъ испанскихъ коллегъ и держитъ себя ярымъ *куріалистомъ* (см. стр. 64, 73, 80, 156). Вслѣдствіе этого остальные испанцы относились къ нему чрезвычайно враждебно (стр. 74, 159).

Значить это продолженіе разлетѣлось какъ дымъ, несмотря на весь трудъ, на переговоры и обѣщанія»¹.

Филиппъ II и самъ по себѣ принялъ очень къ сердцу обиды своихъ прелатовъ и своего посланника; онъ обратился къ папѣ, настойчиво прося его уничтожить формулу *proponentibus legatis*, но сперва безъ всякаго успѣха. Папа, все время утверждавшій, что формула эта не имѣетъ никакого существеннаго значенія, самъ явно опровергалъ свои слова, держась за нее съ такимъ упорствомъ. Онъ упрекалъ испанскаго короля за то, что тотъ безпрестанно, гораздо больше нѣмцевъ и французовъ, беспокоитъ его, требуя отъ него невозможныхъ вещей, и жаловался на испанскихъ прелатовъ въ Триентѣ, «изъ которыхъ каждый хотѣлъ играть роль папы»².

Первое публичное засѣданіе, 18 января 1562 г., было лишь подготовительнымъ собраніемъ, посвященнымъ внутреннимъ дѣламъ собора. Но число участвовавшихъ въ немъ прелатовъ было уже очень велико: присутствовало 5 кардиналовъ, 104 патріарха, архіепископа и епископа, 4 аббата, 4 генерала орденовъ,—т. е. болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, какъ въ Триентѣ, такъ и въ Болоньи. Причина этого заключалась въ томъ, что на этотъ разъ папа серьезно хотѣлъ собора. Но всѣ съѣхавшіеся отцы церкви принадлежали къ латин-

¹ Письма Варгаса отъ 31 января, 11 — 28 февраля 1562 г.; Weiss, т. VI, стр. 470—502, 505—510, 517.

² Деша Варгаса, 4 мая; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 415 и слѣд.

ской расѣ и даже, болѣе того, принадлежали исключительно къ южнымъ латинянамъ. И эта незначительная часть христіанскаго міра хотѣла предписывать законы всей Европѣ, галликанской, германской, скандинавской и славянской! Папскій престоль болѣе чѣмъ когда-либо считалъ себя итальянскимъ, и итальянцы чувствовали себя господами всей церкви.

Рѣшено было начать съ самаго легкаго и наименѣе важнаго и перейти затѣмъ къ самому трудному и серьезному. Поэтому собраніе послѣ долгихъ дебатовъ рѣшило, прежде всего, пересмотрѣть и дополнить *Index*,—списокъ запрещенныхъ книгъ, составленный нѣкогда Павломъ IV; оно хотѣло даже пригласить авторовъ инкриминированныхъ книгъ явиться защищать свои сочиненія передъ соборомъ. Для исправленія этого списка была назначена комиссія изъ восемнадцати прелатовъ, въ числѣ которыхъ былъ архіепископъ пражскій, первый *ораторъ* императора Фердинанда. По этому поводу сначала рѣшено было выдать всеобщій свободный пропускъ безъ всякихъ ограниченій всѣмъ еретикамъ, которые пожелали бы явиться въ Триентъ для защиты своихъ мнѣній. Но испанцы воспротивились этому на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ всѣ обвиненные ихъ инквизиціей и содержащіеся въ заключеніи еретики могли бы потребовать, чтобы ихъ выпустили на свободу, чтобы ѣхать въ Триентъ, и это было бы и чрезвычайно пагубно для религіи въ Испаніи и совершенно противно точному повелѣнію ихъ ко-

роля, который строго воспретилъ касаться дѣлъ инквизиціи. Легаты признали основательность этихъ доводовъ, и къ тому же они въ глубинѣ души вовсе не желали дать еретикамъ, заключеннымъ ихъ собственной римской инквизиціей, предлогъ для возвращенія себѣ свободы. Долго искали способа согласовать интересы инквизиціи съ даннымъ обѣщаніемъ свободного пропуска протестантамъ, но не нашли ничего удовлетворительнаго и въ концѣ концовъ остановились на совершенно безсмысленномъ рѣшеніи: обѣщать всѣмъ отлученнымъ отъ церкви милостивый приемъ въ Триентѣ¹. Вслѣдствіе этого кардиналъ мантуанскій долженъ былъ послѣ отказа диссидентамъ въ дѣйствительно свободномъ пропускѣ пригласить протестантовъ, по настояніямъ императорскихъ уполномоченныхъ², прибыть въ Триентъ на 14 мая, — день, назначенный для третьяго засѣданія. Въ глазахъ многихъ отцовъ собора и въ особенности испанцевъ этотъ долгій, почти трехмѣсячный промежутокъ между вторымъ и третьимъ засѣданіемъ, очевидно, клонился къ новой отсрочкѣ собора. Они обвиняли главнымъ образомъ императора въ томъ, что онъ уничтожаетъ всѣ ихъ труды въ угоду протестантамъ, которые къ тому же не пріѣдутъ. Кромѣ того, они были оскорблены тѣмъ, что легаты, по просьбѣ Фердинанда I, воздерживались

¹ Paleotto; см. Theiner, II, 544 и слѣд.

² Предложеніе ихъ, внесенное 13 февраля, помѣщено у Raynaldi, XXI, ч. II, стр. 325.

отъ прямого осужденія Аугсбургскаго исповѣданія вѣры и не помѣщаютъ его въ числѣ книгъ, указанныхъ въ *Index prohibitorum* ¹.

Въ это время легаты, подвергаясь сильнымъ нападкамъ со стороны испанцевъ, все еще старались заслужить расположеніе императора. Они сообщили его посламъ о неудовольствіи испанцевъ (въ началѣ апрѣля) ² и со своими интимными совѣтниками занялись обсужденіемъ средства найти такую форму охранныхъ листовъ, которая, щадя инквизицію, удовлетворяла бы и протестантовъ. Они не хотѣли даже упоминать слова инквизиція, чтобы не оскорблять еретиковъ. Въ концѣ концовъ они согласились дать нѣмцамъ такіе же охранные листы, которые они получили въ 1561 г. при Юліи III и которыми они тогда вполне удовлетворились, распространивъ ихъ на диссидентовъ всѣхъ странъ, гдѣ противъ нихъ не было издано особыхъ уголовныхъ законовъ. Такъ какъ въ Испаніи, Португаліи и Италіи такіе законы были изданы, то протестанты этихъ странъ были косвенно исключены изъ числа имѣющихъ право на полученіе охранныхъ листовъ и предоставлены всей строгости инквизиціонныхъ трибуналовъ. Филиппъ II, очень ревностно охранявшій привилегіи своей инквизиціи, которой онъ былъ покровителемъ и дѣйствительнымъ распорядителемъ, выражалъ большія

¹ Деша Варгаса отъ 8 февраля; Döllinger, *Beitraege*, I, 413.

² Sickel, стр. 289 и слѣд.

опасенія насчетъ этихъ охранныхъ грамотъ, и легаты особымъ письмомъ его увѣряли, «что никому и не взирая на занимаемое положеніе изъ тѣхъ, которые могли бы быть привлечены къ суду святой испанской инквизиціи, не будетъ позволено на Триентскомъ соборѣ возбуждать вопросы, касающіеся ихъ дѣлъ¹». Этимъ путемъ инквизиція и ея жертвы были исключены изъ вѣдѣнія собора.

Все это было очень ловко, очень искусно и прекрасно устроено, но не было ни честно, ни откровенно, и въ силу этого оказалось совершенно недѣйствительно. Да развѣ президенты собора на самомъ дѣлѣ ожидали какого-нибудь вліянія ихъ мѣръ на протестантовъ?—Это прямо невѣроятно. Они просто хотѣли получить право говорить впослѣдствіи, что ими былъ предоставленъ еретикамъ случай примириться съ церковью и тѣмъ возложить на нихъ отвѣтственность за то, что они имъ не воспользовались. И дѣйствительно, объ охранныхъ грамотахъ было объявлено по всей Франціи и Германіи, гдѣ онѣ были разосланы въ большомъ числѣ печатныхъ экземпляровъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, представлявшимъ одну формальность, прелаты ревностно занялись реформою духовнаго управленія. Особенно Серипандо, всегда убѣжденно и горячо стоявшій за порядокъ и благоустройство церкви, употреблялъ

¹ Письмо легатовъ къ Филиппу II отъ 10 мая 1562; *Docum. ineditos*, т. IX, стр. 183 и слѣд.

всѣ усилія, чтобы двинуть это дѣло. Большинство легатовъ подъ предлогомъ, что Симонетта считался лучшимъ канонистомъ между ними, поручило ему выработать пункты необходимыхъ реформъ. Это было равносильно умышленному обреченію ихъ на неудачу, такъ какъ консервативныя взгляды этого кардинала были всѣмъ хорошо извѣстны. Комиссія предложила двѣнадцать пунктовъ реформъ, которые было предложено обсудить членамъ собора. Первый изъ нихъ относился къ вопросу объ обязательности для епископовъ и приходскихъ священниковъ пребыванія (резиденціи) среди своей паствы; въ третьемъ запрещалась всякаго рода симонія всѣмъ посвященнымъ въ духовный санъ; пятый и шестой упорядочивали распредѣленіе духовенства по приходамъ; въ седьмомъ предписывалось назначеніе хорошихъ викаріевъ при неспособныхъ приходскихъ священникахъ; въ десятомъ и одиннадцатомъ трактовался вопросъ о тайныхъ бракахъ.

Единственно важнымъ пунктомъ былъ первый, касавшійся резиденціи духовныхъ лицъ, и именно этотъ пунктъ Симонетта, по зрѣломъ размышленіи, предложилъ совершенно устранить изъ страха вызвать споры, которые могли сдѣлаться опасными для власти св. престола. Изъ этого видно, до какой степени въ глазахъ легатовъ интересы папства господствовали надъ самыми важными интересами церкви, даже въ этомъ третьемъ періодѣ собора, единственномъ, котораго серьезно желалъ самъ римскій дворъ. Однако императорскіе послы

разстроили эту интригу, категорически заявивъ, что устранить единственно серьезный пунктъ всей программы реформъ значило бы убѣдить императора, что надъ нимъ и надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ просто издѣваются, и тѣмъ заставить его вполне отказаться отъ собора. Испуганные этою угрозою легаты передали всѣ, безъ исключенія, двѣнадцать пунктовъ на разсмотрѣніе общей конгрегации въ засѣданіи 11 марта, но они никогда не простили императору этого непріятнаго для нихъ вмѣшательства и искали только случая, чтобы показать ему и его уполномоченнымъ свое нерасположеніе къ нимъ. Его второй *ораторъ*, епископъ фюнфкирхенскій (въ Венгріи), убѣждалъ собраніе помочь императору въ его настойчивыхъ усиліяхъ привлечь въ Триентъ многихъ нѣмецкихъ епископовъ, подвергнувъ запоздавшихъ епископовъ строгимъ взысканіямъ. Легаты воспротивились такой справедливой и необходимой мѣрѣ, подъ предлогомъ, что число присутствующихъ прелатовъ настолько значительно, что нѣтъ никакого основанія подвергать отсутствующихъ большей строгости, чѣмъ на прежнихъ соборахъ. Правда, у легатовъ былъ достаточно серьезный поводъ, чтобы не желать прибытія большого числа *ультрамонтанскихъ* епископовъ, о которомъ они однако не могли говорить, а именно они не желали усиленія независимой партіи и потери того значительнаго большинства, которое обезпечивали за ними итальянскіе епископы.

То, чего такъ опасались легаты и особенно Симонентта, вскорѣ случилось. Вопросъ объ обязательности пребыванія среди паствы (вопросъ о резиденціи), вызвавшій уже на первомъ созывѣ собора большія затрудненія и потому не рѣшенный тогда окончательно, возбудилъ въ собраніи 1562 г. такую бурю, которая грозила полнымъ его распаденіемъ.

Очень многіе изъ присутствовавшихъ на немъ прелатовъ считали, — и не безъ основанія, — что обязательность резиденціи была необходимою основою серьезной реформы церкви и въ силу этого желали придать ей характеръ божественнаго установленія съ цѣлью сдѣлать на будущее время для папъ невозможнымъ, какъ это было въ прошломъ, терпѣть нарушенія этого правила, а тѣмъ болѣе открыто допускать изъятія изъ него. Сколько разъ не только епископы, но даже приходскіе священники покупали у папъ или получали въ знакъ милости право никогда не видѣть свое стадо и управлять имъ черезъ недостойныхъ наемниковъ, смѣясь надъ епископомъ, желавшимъ заставить ихъ жить въ своемъ приходѣ! Въ Испаніи число такихъ приходскихъ священниковъ, не живущихъ въ своей резиденціи, составляло одну десятую всего числа ихъ. Многіе члены собора находили, что такая основная и необходимая реформа послужитъ только

¹ *Письмо архіепископовъ гренадскаго и мессинскаго и епископа Сеговіи къ Филиппу II, отъ 10 іюня 1562 г.; Villanueva, Vida literaria, II, 422,*

на пользу интересовъ и власти самого св. престола¹. Другіе епископы, особенно же италіянскіе, смотрѣли—и также имѣли на это основаніе—на подобное требованіе, какъ на нововведеніе, стремящееся значительно ограничить папскую власть. При этомъ они прибавляли, что если ихъ противникамъ удастся одержать верхъ, то вслѣдъ затѣмъ они запретятъ святому отцу свободное рѣшеніе многаго другого, что теперь въ его власти, подъ тѣмъ же предлогомъ, будто все это—божественное установленіе. Но больше всего боялись счастливые обладатели многихъ духовныхъ бенефицій лишенія папы права дѣлать исключенія изъ запрещеній, провозглашенныхъ предшествующими тріентскими соборами, противъ сосредоточенія бенефицій въ однѣхъ рукахъ. Сами легаты не были единодушны въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ то время, какъ Гонзагъ и Серипандо были склонны подчиниться тому рѣшенію, которое будетъ принято соборомъ, Симонетта намѣренъ былъ не уступать и уговаривалъ папу противиться всякому посягательству собора на свои права. Вскорѣ весь соборъ раздѣлился на два враждебныхъ лагеря, борющихся между собою не только аргументами, но и всякаго рода оскорбленіями и клеветою. Одинъ изъ довѣренныхъ совѣтниковъ легатовъ, аудиторъ Роты и позже кардиналъ, писалъ: «Эпидемія клеветы очень скоро овладѣла рѣшительно всѣми; почти никто изъ легатовъ, прела-

¹ Письмо епископа жеронскаго къ Филиппу II, отъ 18 апрѣля; *Doc. ineditos*, IX, 121 и слѣд.

товъ и другихъ членовъ не избѣгъ этой заразы, такъ что часто казалось, будто злой геній посѣялъ среди нихъ свой ядъ злобы¹».

Наконецъ 7 апрѣля 1562 г. началось публичное обсужденіе пунктовъ реформы. Споры продолжались втеченіе многихъ дней, потому что каждый членъ собора произносилъ длинныя рѣчи. Всѣ единодушно признавали необходимость установленія резиденціи и, по злому замѣчанію кардинала Палеотто, самыми ревностными сторонниками ея были именно тѣ, которые не имѣли обыкновенія жить въ своихъ епархіяхъ. Въ это время непреклонный Гверреро, архіепископъ гренадскій, неожиданно поднялъ² опасный вопросъ о томъ слѣдуетъ ли признать обязательность резиденціи божественнымъ установленіемъ и, само собою разумѣется, что самъ онъ отвѣчалъ на него утвердительно. Съ этого момента пренія казалось никогда не будутъ имѣть конца и принимали все болѣе страстный характеръ. Каждая партія старалась заглушить рѣчь противника топаніемъ ногъ; посыпались взаимныя обвиненія въ ереси, въ дерзости, въ невыносимомъ поведеніи³. Когда же для возстановленія порядка легаты вмѣшивались въ споры, то ихъ обвиняли въ стремленіи ограничить свободу собора.

¹ Paleotto, см. Theiner, II, 551.

² Acta Massarelli; Theiner, I, 697.

³ *Письмо зарскаго архіепископа къ кард. Корнаро* отъ 13 апр.; Baluze-Mansi, *Miscellanea*, т.IV, 2-е изд., (Лукка, 1764), стр. 223 и слѣд.

При такихъ обстоятельствахъ Гонзагъ и Серипандо приняли неожиданное рѣшеніе. Оттого ли, что они не знали, какъ иначе выйти изъ затрудненій, или отъ того, что они сами склонялись къ провозглашенію божественнаго установленія обязательности резиденціи,—но они рѣшились поставить на разрѣшеніе собора вопросъ желаетъ ли онъ или не желаетъ сдѣлать подобное постановленіе? Всѣ были очень удивлены, что легаты обратились къ собору съ столь щекотливымъ дѣломъ, которое они напротивъ должны были стараться замять. Особенно были раздражены горячіе сторонники св. престола, такъ какъ передъ ними ставилась альтернатива или показаться совершенно равнодушными къ важнѣйшей изъ всѣхъ реформъ, или враждебными папской власти. Когда же послѣ продолжительнаго волненія было приступлено къ голосованію, можно было убѣдиться, что ихъ опасенія было вполне основательны: нашлось только тридцать членовъ собора, т. е. четвертая часть всего состава, которые имѣли храбрость открыто отрицать божественный характеръ обязательности резиденціи; половина же—66¹—утверждала его безъ всякихъ оговорокъ, остальные — нѣсколько бо-

¹ Мы принимаемъ данныя офіціального протокола Массарелли. Цифры, приводимыя Палеотто и встрѣчающіяся въ документѣ, хранящемся въ архивахъ Симанка (*Doc ineditos*, IX, 131), нѣсколько отличаются отъ нихъ. Сагри (кн. VI) сообщаетъ совершенно фантастическія цифры, которыя онъ повидимому намѣренно измѣнилъ.

лѣе четвертой части собранія — высказались за то, чтобы передать дѣло на рѣшеніе папы.

Было очевидно, что въ сущности большинство собора, составленнаго въ большей своей части изъ итальянцевъ, склонялось къ провозглашенію божественнаго установленія резиденціи, но такъ какъ съ формальной стороны вопросъ не былъ рѣшенъ утвердительно, то легаты воспользовались этимъ, чтобы предложить среднюю мѣру, т. е. предоставить дѣло рѣшенію св. отца. Это было худшее, что можно было придумать, такъ какъ нельзя же было ожидать, чтобы сама курія высказалась за такое ограниченіе своего могущества. Крмѣ того, добровольно отказываясь высказаться по столь важному дѣлу, соборъ становился подъ опеку Рима и давалъ своимъ противникамъ предлогъ относиться къ членамъ собранія, какъ къ ничтожнымъ рабамъ папы. На другой день послѣ засѣданія архіепископъ пражскій, какъ первый представитель императора, открыто высказался, что передавать папѣ то, что должно быть рѣшено соборомъ, было и ошибочно, и вредно, и недостойно, и что самъ папа не одобритъ этого.

Дѣйствительно почти всѣ прелаты были очень недовольны такимъ оборотомъ дѣла и старались оправдать себя, сваливая ошибку на другихъ и особенно приписывая ее то тому, то другому легату. Одинъ только Гозиусъ почти не принималъ участія въ происходившихъ преніяхъ. Горячая борьба посредствомъ клеветы продолжалась по

прежнему въ Триентѣ и ревностные сторонники римскаго двора, честолюбцы и искатели бенефицій посылали въ Римъ массу обвинительныхъ писемъ, особенно противъ Гонзага и Серипандо ¹.

Приходилось ждать рѣшенія Рима по вопросу о резиденціи. Отвѣтъ не могъ быть полученъ въ день, назначенный для слѣдующаго засѣданія, т. е. 19 мая. Другіе пункты реформы, хотя представляли менѣе затрудненій, были тѣмъ не менѣе переданы въ спеціальныя комиссіи для окончательной редакціи. Работы ихъ затягивались и такимъ образомъ третье общее собраніе (девятнадцатое со времени перваго созыва собора) ограничилось изданіемъ декрета, откладывающаго засѣданіе на 4 іюня.

Въ промежуткѣ между 19 мая и 4 іюня изъ Рима были получены письма, произведшія сильное впечатлѣніе.

Во первыхъ, папа въ полномъ составѣ консисторіи кардиналовъ заявилъ, что онъ убѣжденъ въ божественномъ установленіи обязательности резиденціи ². Однако его подвижной и непослѣдовательный характеръ никогда не могъ противостоять вліяніямъ окружающихъ. Римскій дворъ рѣшилъ не предоставлять епископамъ ни при какихъ обстоятельствахъ какого бы то ни было

¹ Палеотто даетъ очень живое и подробное описаніе этихъ интригъ (стр. 555 и слѣд.).—Ср. письмо архіеп. Зары къ кард. Корнаро; Baluze-Mansi, IV, 232.

² Депеша Варгаса отъ 4 мая; Dollinger, *Beitraege*, I, 422.

личнаго и независимаго отъ папства права, такъ такъ боялись, что оно породитъ сопротивленіе епископата и уменьшеніе папскихъ доходовъ въ каждой епархіи всего католическаго міра. Въ Римѣ открыто говорили, что испанскій король пользуется соборомъ для уменьшенія власти папы¹. Съ другой стороны тамъ не смѣли рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ, казавшійся важнѣйшимъ всему христіанскому міру и въ пользу котораго высказались всѣ иностранные народы и даже значительная часть итальянцевъ. Пій IV, предоставлявшій прежде собору полную свободу обсужденія и рѣшеній, сразу сталъ на сторону мнѣній кардиналовъ и чиновниковъ своего двора и пришелъ въ негодованіе на легатовъ, позволившихъ возбудить этотъ щекотливый и затрудняющій вопросъ; особенно же онъ былъ недоволенъ Гонзагомъ, Серипандо и всѣми тѣми, которые подали голосъ за божественное установленіе резиденціи. Симонетта, только и думавшій какъ бы угодить большинству кардиналовъ, сколько могъ еще сильнѣе раздувалъ огонь своими секретными письмами, которыя онъ во множествѣ писалъ въ Римъ². Въ нихъ онъ рѣшительно обвинялъ своихъ товарищей въ измѣнѣ интересамъ св. престола, въ союзѣ съ *ультрамонтанами*, „составившими заго-

¹ Деша де Лиля отъ 6 мая; Le Plat, V, 165.

² Содержаніе этихъ писемъ, которыя онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ, сообщаетъ рѣшительный сторонникъ папства, Паллавичини (XVI, 97, и слѣд.).

воръ противъ Господа и Его помазанника“. Въ самомъ Триентѣ онъ во всемъ противорѣчилъ товарищамъ, вслѣдствіе чего находился въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ кардиналами Серипандо и Гонзагомъ ¹. Послѣдніе были совершенно опровержены въ Римѣ. Папа, относившійся въ это время съ большимъ раздраженіемъ и нетерпимостью ко всякому противорѣчію, публично обвинялъ Серипандо въ томъ, что онъ во всемъ слушается Гонзага. «Я считалъ его, говорилъ онъ, за очень полезнаго человѣка, но теперь я предпочелъ бы лучше заплатить 50.000 дукатовъ, чтобы не дѣлать его кардиналомъ. Это—врагъ св. престола» ². Таковъ ужъ былъ характеръ этого папы. Человѣкъ въ сущности добрый, но очень вспыльчивый и раздражавшійся при малѣйшей оппозиціи себѣ, онъ сразу принималъ свои политическія рѣшенія и не любилъ совѣтоваться. „Св. Духъ со мною,—часто говорилъ онъ, а потому я не нуждаюсь въ совѣтахъ другихъ ³“. Онъ до такой степени позабылъ доктрину, которую прежде онъ самъ проповѣдывалъ, что теперь считалъ, что только онъ одинъ имѣетъ право, какъ всемірный пастырь, заставить

¹ Musotti, *Sommario*, стр. 17. Само собою разумѣется, что Музотти держитъ сторону своего патрона Серипандо и кардинала Мантуанскаго.

² Депеша Варгаса, 23 мая; Döllinger, *Beitraege*, I, 438.

³ *Relaz di Girol Soranzo* (1563), стр. 75; *de Giac. Soranzo* (1565), стр. 130.

епископовъ исполнять доліъ пребыванія въ резиденціи ¹. Онъ обвинялъ легатовъ, за исключеніемъ Симонетто, въ заговоръ съ испанцами противъ св. престола, чѣмъ они совершили великій грѣхъ ², и вслѣдствіе этого заявилъ, что для окончанія всѣхъ распрей онъ вскорѣ отправитъ въ Триентъ трехъ новыхъ легатовъ, одинъ изъ которыхъ, Санъ-Клементе, состоя въ качествѣ кардинала-священника, въ высшемъ рангѣ, чѣмъ Гонзагъ, долженъ будетъ на будущее время председательствовать на соборѣ. При этомъ черезъ своего племянника Борромео онъ сообщилъ Симонеттѣ, что въ ожиданіи ихъ прибытія, все должно идти такъ, какъ онъ желаетъ, и приказывалъ рѣшительно и энергически противиться тѣмъ изъ его товарищей, которые пожелали бы нанести вредъ привилегіямъ св. престола ³.

Эта мѣра, въ томъ видѣ, какъ папа намѣренъ былъ принять ее, должна была повлечь за собою важныя послѣдствія. Она не только понуждала настоящаго перваго президента, кардинала мантуанскаго, пользовавшагося большимъ авторитетомъ и очень уважаемаго императоромъ и испанскимъ королемъ, отказаться отъ всѣхъ своихъ обязанностей на соборѣ, но она также неоспоримо свидѣтельствовала о полной зависимости собора отъ римскаго двора. Результатомъ ея могло быть

¹ *Mémoire de Lisle*, 29 mai 1562; Le Plat, V, 196.

² Письмо епископа леридскаго къ Варгасу, 18 мая; *Docum. ineditos*, IX, 188.

³ Pallavicini, XVI, 8, 13.

совершенное распаденіе собранія, такъ какъ ни испанцы, ни нѣмцы, ни французы не потерпѣли бы такого униженія. Уже раньше этого французскій *ораторъ*, Луи де-Сентъ-Желе де-Лансакъ, жаловался, что соборъ не пользуется общанной свободой и что ему посылаютъ Св. Духъ въ чемоданѣ изъ Рима ¹.

Легаты, за исключеніемъ, конечно, Симонетты, который открыто торжествовалъ, были поражены, они стали «точно статуи», — какъ выразился одинъ испанскій свидѣтель-очевидецъ ². Несогласія, столкновенія, клеветы, взаимное недоверіе — таково было состояніе собора, которому ежеминутно грозило распаденіе. Общество давно уже ждало этого событія, такъ какъ внутреннія затрудненія собора были достаточно хорошо извѣстны во всей Европѣ ³.

Чтобы смягчить гнѣвъ святого отца и спасти по крайней мѣрѣ внѣшность свободы собранія, легаты обратились къ сторонникамъ божественнаго установленія резиденціи, настойчиво прося ихъ согласиться на время оставить въ сторонѣ первый пунктъ реформы, но встрѣтили упорное сопротивленіе, особенно со стороны испанцевъ. Послѣдніе вмѣстѣ со своими португальскими товарищами грозили формальнымъ протестомъ

¹ *Письмо де-Лансака де-Лиллю*, 19 мая; *Le Plat*, V, 169.

² Епископъ леридскій, 18 мая; 1. с.

³ *Письмо Кромера къ Гозиусу*, 8 іюня; *Surgianus Tabul.*, 233.

на общемъ собраніи, если вопросъ о божественномъ устанавленіи резиденціи не будетъ, наконецъ, поставленъ на окончательное рѣшеніе и не внесень въ первую очередь программы засѣданія ¹. Поставленный между требованіями прелатовъ и гнѣвомъ папы и потерявъ надежду найти почетный выходъ, кардиналъ Гонзагъ послалъ въ Римъ просьбу объ отставкѣ, мотивируя ее потерю имъ довѣрія св. отца. Очевидно, Пій IV признавалъ свободу собора только до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствовалъ сообразно его желаніямъ.

Къ несчастью, не одно только это затрудненіе грозило легатамъ и вмѣстѣ съ ними собору. Нужно вспомнить, что Филиппъ испанскій желалъ, чтобы этотъ соборъ считался продолженіемъ предъидущихъ двухъ собраній, тогда какъ императоръ и французскій король желали придать ему характеръ новаго собора, всеобщаго и дѣйствительно вселенскаго, хотя до сихъ поръ на соборѣ присутствовало очень немного нѣмецкихъ и французскихъ прелатовъ и ни одного протестанта. Филиппъ же II и испанцы обнаруживали чрезвычайное усердіе, при чемъ король еще разъ обратился непосредственно къ самому папѣ и черезъ посредство миланскаго губернатора маркиза де-Пескара къ легатамъ, настаивая на томъ, чтобы они удовлетворили его желаніе ².

¹ Письмо епископа Тортозы и Геркулы Паньяно къ маркизу де-Пескара отъ 26 мая; *Doc. ineditos*, IX, 216 и слѣд.

² Инструкція Варгасу отъ 30 мая; *Sickel*, 305.—Де-

Нѣтъ ничего удивительнаго, что по прямому приказанію папы легаты торжественно и формальнымъ документомъ обѣщали маркизу Пескара непременно постановить въ ближайшемъ, четвертомъ или, вѣрнѣе, двадцатомъ, засѣданіи, что этотъ соборъ есть продолженіе предшествующихъ триентскихъ собраній¹.

Однако, какъ только узнали объ этомъ послы императора, то заявили, что если будетъ выполнено это обѣщаніе, они на основаніи строгаго приказа своего государя не будутъ болѣе принимать участія въ засѣданіяхъ собора и что ихъ примѣру послѣдуютъ нѣмецкіе и венгерскіе епископы, находящіеся въ Триентѣ². Къ этому заявленію императорскихъ пословъ немедленно присоединились отъ своего имени и отъ имени своихъ прелатовъ французскіе послы³. Французы вообще являлись постояннымъ источникомъ заботъ для несчастныхъ легатовъ, и даже двое изъ трехъ пословъ, президентъ дю-Феррье и совѣтникъ тулузскаго парламента Фабръ, сильно заподозрѣвались въ склонности къ ереси⁴. Дѣйствительно,

пеша Варгаса отъ 4 мая; Döllinger, *Beitraege*, I, 415 и слѣд. — Пескара послалъ съ этою цѣлью особаго гонца къ легатамъ; *Docum. ineditos*, IX, 127 и слѣд.

¹ Письмо Пескара къ Филиппу II отъ 14 мая; *Doc. ineditos*, IX, 173.

² Инструкція императора отъ 22 мая; Sickel, 314 и слѣд.—Императоръ дѣйствовалъ такъ изъ страха передъ протестантами.

³ Le Plat, V, 184.

⁴ Письмо кард. феррарскаго къ кард. Борромео 4—8 апрѣля; Valuze Mansi, IV, 401.

они и даже первый ораторъ де-Лансакъ съ самаго начала заняли почти враждебное положеніе къ собору. Рѣчь, произнесенная ими передъ соборомъ послѣ допущенія ихъ въ засѣданіи, очень отличалась отъ текста, представленнаго ими заранѣе секретарю собора, и была до такой степени сурова и рѣзка ¹, что многіе члены собора предложили не включать ее въ акты собора или по меньшей мѣрѣ не отвѣчать на нее. Въ этой рѣчи они убѣждали прелатовъ не поддаваться соблазнамъ дьявола, который легко можетъ возбудить ихъ эгоизмъ противъ столь желанныхъ реформъ. Они указывали, какъ мало принесли пользы христіанскому міру соборы, предшествовавшіе Триентскому, потому что они были и незаконны, и не свободны, и находились подъ исключительнымъ вліяніемъ одного лица—папы. По этому они просили настоящее собраніе удаляться отъ интригъ и искательства челоуѣческой благосклонности, ибо Св. Духа не слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь, кромѣ неба. Всѣ эти намеки не заключали въ себѣ ничего лестнаго ни для епископовъ, ни для легатовъ, ни для папы. Французскіе послы совершенно отождествились съ послами императора; они говорили, что прежде всего должно считаться съ желаніями и жалобами Германіи. Это именно имъ было предписано ихъ правительствомъ ². Они получили приказъ

¹ Le Plat, V, 176 и слѣд.

² Письмо кард. феррарскаго къ кард. Борромео отъ 18 іюня и 28 іюля 1562 г. Baluze Mansi, IV, стр. 421—435.

стѣдовать за императорскими ораторами даже въ томъ случаѣ, если послѣдніе будутъ вынуждены протестовать и окончательно покинуть соборъ. Можно было предвидѣть, что послѣдствіемъ такого событія будетъ немедленное созваніе національныхъ соборовъ во Франціи и Германіи и, быть можетъ, обращеніе этихъ государствъ къ кальвинизму или лютеранству ¹.

При такомъ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, въ виду угрозы немедленнаго отъѣзда нѣмцевъ и французовъ, легаты не видѣли другого выхода, какъ испросить разрѣшеніе папы нарушить обѣщаніе, данное ими испанскому королю и маркизу Пескара. Пій IV, повидимому, относился благосклонно къ этому предложенію, вызывавшемуся необходимостью. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ удалось убѣдить пословъ свѣтскихъ государей, что слѣдуетъ отложить еще на короткій срокъ, до болѣе благопріятной минуты, обсужденіе наиболее трудно разрѣшимыхъ вопросовъ реформы. Въ томъ же духѣ они дѣйствовали, чтобы успокоить на время испанскихъ и португальскихъ прелатовъ, ведя съ ними умышленно затягиваемые и неискренніе переговоры о резиденціи духовныхъ лицъ, и такимъ образомъ они надѣялись, хотя бы на время, избѣжать неминуемой опасности при данномъ положеніи вещей.

Вдругъ, 2 іюня, за два дня до публичнаго засѣданія, легаты получили письмо папы, предписы-

¹ Письмо папы къ Филиппу II отъ 1 іюня 1562 г.; *Doc. ineditos*, IX, 242 и слѣд.

вающее имъ немедленно заявить о томъ, что соборъ этотъ есть продолженіе предыдущаго. Это приказаніе было вырвано у папы тѣми кардиналами, которые желали распущенія собора и полагали, что таковое явится естественнымъ послѣдствіемъ этой мѣры. Самъ Пій IV намѣревался отсрочить соборъ, становившійся все болѣе и болѣе опаснымъ для папской власти. Его раздраженіе совершенно явно выразилось въ письмѣ, посланномъ имъ королю Филиппу II, въ которомъ онъ увѣщевалъ послѣдняго позаботиться, чтобы его уполномоченные перестали «непрерывно оскорблять и распинать святого отца ¹». Какъ ни были подавлены этимъ легаты, однако они рѣшили выждать и не дѣлать требуемаго заявленія въ засѣданіи 4 іюня, а послали къ папѣ прелата, чтобы попытаться убѣдить его измѣнить свое рѣшеніе. Такимъ образомъ прошло безъ важныхъ результатовъ и среди неописуемаго волненія двадцатое засѣданіе. Легаты, принадлежавшіе къ умѣренной партіи, представили французскимъ посламъ отвѣтъ въ довольно мягкой формѣ, при чемъ въ немъ ничего не говорилось по вопросу о продолженіи собора.

Рѣшительно всѣ были недовольны. Соборъ уже длился шесть мѣсяцевъ и до сихъ поръ не было принято ни одного рѣшенія общаго характера. Прелаты, особенно тѣ, которые не зависели отъ римскаго престола, и посланники свѣт-

¹ Брeve папы къ Филиппу II отъ 23 мая; *Doc. ineditos*, т. IX, стр. 197.

скихъ государей громко жаловались, что легаты допускаютъ обсуждать только то, что нравится папѣ, и что при голосованіяхъ масса мелкихъ итальянскихъ епископовъ, изъ которыхъ значительная часть была просто пенсіонерами римскаго двора, всегда помогаетъ имъ одерживать верхъ надъ сторонниками реформы¹. Надежды на удачный исходъ собора исчезали все болѣе и болѣе. Привсякомъ требованіи, обращенномъ къ легатамъ, они прикрывались волею папы, а если обращались къ послѣднему, онъ съ умиленіемъ говорилъ о полной свободѣ собора. Такимъ образомъ безплодно прошло шесть мѣсяцевъ въ такой комедіи, которая начала возмущать всѣхъ благомыслящихъ людей. Пункты реформъ, публичнаго прочтенія которыхъ на соборѣ желалъ императоръ, были вмѣсто этого отосланы въ Римъ, какъ цѣнный матеріалъ для папы, и между тѣмъ, какъ Пій IV осуждалъ этимъ путемъ все собраніе на полное бездѣйствіе, онъ по собственному почину и какъ бы для того, чтобы показать, что спасенія церкви можно ожидать только отъ св. престола, обнародовалъ три буллы о реформѣ (4 — 27 мая), — одну, касающуюся исповѣдниковъ, другую — объ апостолической камерѣ и третью объ обязанностяхъ корректора папской канцеляріи.

Однако такое положеніе вещей не могло продолжаться долѣе, если Римъ не желалъ вызвать окончательнаго возмущенія неитальянскихъ пра-

¹ Дешеша де-Лансака отъ 7 іюня; Le Plat, V, 211.

вительствъ Легаты признали необходимымъ приступить къ болѣе важнымъ и полезнымъ работамъ, и перешли къ обсужденію вопросовъ, касающихся таинства евхаристіи, не разрѣшенныхъ окончательно на второмъ Триентскомъ соборѣ. Главнымъ образомъ нужно было рѣшить, допустить ли и при какихъ условіяхъ причастіе подъ двумя видами. Въ этомъ вопросѣ легаты встрѣтили самое упорное сопротивленіе со стороны испанцевъ. Снова руководимые непреклоннымъ архіепископомъ Гренады, они утверждали, что ученіе объ евхаристіи уже достаточно установлено предшествующими соборами и что церкви неприлично дѣлать уступки еретикамъ и недовольнымъ. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы немедленно заняться важнымъ вопросомъ объ обязательности резиденціи духовныхъ лицъ. Эти требованія еще разъ вызвали въ конгрегаціяхъ очень бурныя столкновенія, такъ что потребовался весь авторитетъ и все искусство легатовъ, чтобъ уклониться отъ этого щекотливаго вопроса и удержать внесенное въ программу засѣданія, согласно желанію императора и французовъ, обсужденіе ученія объ евхаристіи. Имъ удалось это только послѣ обѣщанія вскорѣ заняться дѣломъ о резиденціи, и дѣйствительно они обратились къ папѣ, прося его безъ замедленія принять опредѣленное рѣшеніе по этому вопросу, потому что безъ этого имъ будетъ очень трудно обуздывать воинственное настроеніе испанскихъ епископовъ.

Въ подготовительныхъ обсужденіяхъ теологами таинства евхаристіи выражено было отрицаніе божественнаго установленія причастія подъ двумя видами, но вмѣстѣ съ тѣмъ было единогласно признано, что церковь можетъ предоставлять его мірянамъ. Относительно-же того, должна ли она это сдѣлать,—мнѣнія очень раздѣлились. Нашелся только одинъ докторъ богословія, считавшій возможнымъ разрѣшить его вообще всѣмъ, тогда какъ очень большое число остальныхъ, имѣя въ виду сохраненіе существующаго порядка и поддержаніе авторитета церкви, не желали вовсе допускать его. Другіе совѣтовали допустить причастіе изъ Чаши только на извѣстныхъ условіяхъ и только тѣмъ, кто во всемъ остальномъ подчинится всѣмъ предписаніямъ католической церкви. Извѣстно, что не только гусситы, но и очень многіе греко-уніаты получили отъ папы разрѣшеніе принимать причастіе подъ двумя видами; наконецъ, Павелъ III временно разрѣшилъ нѣмецкимъ епископамъ допускать его для тѣхъ, кто пожелаетъ принимать причастіе въ двухъ видахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что на общемъ собраніи 27 іюня ораторы императора обратились къ собору съ настояніемъ, чтобы онъ принялъ соответствующее рѣшеніе, особенно имѣя въ виду положеніе дѣлъ въ Богеміи, Германіи и Венгріи. Даже такая строго католическая страна, какъ Баварія, совѣтовала принять это нововведеніе.

Однако легаты, хотя и дѣлали видъ, что

желаютъ удовлетворить требованія императора и французовъ въ отношеніи евхаристіи, тѣмъ не менѣе приложили стараніе, чтобы не допустить этой уступки. Съ одной стороны они боялись противодѣйствія со стороны испанскаго короля, а съ другой, становясь на болѣе общую точку зрѣнія, они не хотѣли снова ставить церковь, какъ было съ гусситами, въ положеніе, близкое къ пораженію. Кромѣ того они полагали, что, уступивъ по этому пункту, они рисковали вызвать требованія, еще болѣе смѣлыя и опасныя. Наконецъ, при римскомъ дворѣ, за исключеніемъ самого папы, не было никого, кто бы желалъ позволить мірянамъ причастіе изъ Чаши ¹. Со времени Павла IV періодъ снисходительности миновалъ, и курія теперь держалась положенія: „кто не за меня, тотъ противъ меня“. И нельзя не признать, что, благодаря этому смѣлому и настойчивому поведенію, она достигла громаднаго успѣха. Уже въ это время повсюду стали обнаруживаться благопріятные результаты его. Такимъ образомъ императоръ Фердинандъ съ его спискомъ реформъ не нашелъ поддержки у легатовъ. Они считали, что онъ вызоветъ только скандалъ и смуту на соборѣ и нанесетъ большой вредъ авторитету св. престола. Вслѣдствіе этого они просто отложили его въ сторону. Вѣнскому нунцію дано было порученіе сообщить императору это непріятное извѣстіе и посоветовать ему обратиться съ его требованіями непосредственно

¹ Делеша баварскаго уполномоченнаго; Le Plat, V, 345.

къ папѣ ¹, и Фердинандъ не посмѣлъ настаивать на своемъ, такъ старательно и съ такимъ шумомъ подготовленномъ, спискѣ. Онъ удовольствовался посылкою легатамъ (30 іюня) робкаго отвѣта ², похожаго скорѣе на извиненіе, въ которомъ онъ въ концѣ концовъ требовалъ увеличенія числа священниковъ въ Германіи и улучшенія нравовъ духовенства. Понятно, что французы не захотѣли рисковать чѣмъ бы то ни было для такого союзника; хотя они и относились благопріятно къ уступкѣ по вопросу о Чашѣ, но заняли сдержанное положеніе, тѣмъ болѣе, что теперь ихъ король самъ нуждался въ поддержкѣ папы противъ своихъ непокорныхъ протестантскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ легаты съ самага начала одержали верхъ. Путемъ всякихъ проволочекъ и всевозможныхъ возраженій ³ имъ удалось убѣдить посланниковъ императора, которые въ этомъ дѣлѣ обнаружили такую же слабость и неумѣлость, какъ и ихъ глава, удовольствоваться надеждою на будущее и на данное имъ письменное обѣщаніе, что вопросъ о томъ, можетъ ли быть допущено причастіе для мірянъ подъ двумя видами и на какихъ условіяхъ, будетъ обсужденъ и рѣшенъ при первомъ удобномъ случаѣ; въ данное же время соборъ ограничился тѣмъ, что особыми канонами осудилъ тѣхъ, которые утверждали обязательность допущенія для мірянъ

¹ Raynaldi, ad an. 1562, nr. 59.

² Baluze-Mansi, IV, 466 и слѣд.

³ Paleotto, 562.

Чаши, недостаточность причастія подъ однимъ видомъ и божественность установленія причащенія дѣтей,—заявленія, въ сущности, совершенно безполезныя, всѣмъ хорошо извѣстныя и уже установленныя на самомъ Триентскомъ соборѣ въ 1551 г. Партія реформы еще разъ была обманута и осталась на заднемъ планѣ.

Тѣмъ не менѣе необходимость реформы снова стала на очереди передъ соборомъ. 27 іюня посланникъ герцога Альберта V, баварскаго, явился въ Триентъ¹ и, хотя былъ представителемъ строго католическаго государя, не затруднился заявить, что быстрое распространеніе ереси въ Германіи зависитъ главнымъ образомъ отъ «преступленій, небрежности и чрезвычайной лѣности духовенства», а также отъ «неописуемой безнравственности» епископовъ и аббатовъ. Онъ прибавилъ еще, «что всякое улучшеніе ученія останется безплоднымъ, если предварительно не обезпечить народу ученыхъ богослововъ и воспитателей, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на сосуды вѣры, очищенные и освобожденные отъ всякой грязи и порчи нравовъ».

Но всеобщему требованію народовъ и государей быстрой и дѣйствительной реформы Римъ противопоставилъ свою столько же искусную, сколько и эгоистическую дипломатію. Легаты, чтобы сдѣлать видъ, что они исполняютъ свои обѣщанія, возобновили обсужденіе прежнихъ пунктовъ реформы, однако тщательно

¹ Le Plat, V, 335 и слѣд.

оставляя въ сторонѣ самый важный изъ нихъ,—вѣрнѣе единственно важный,—именно вопросъ о резиденціи духовныхъ лицъ. Нѣмцы и испанцы горячо, хотя и совершенно напрасно, протестовали противъ такого приѣма разсуждать только о малозначащихъ предметахъ и устраненія самыхъ насущныхъ дѣлъ: италіянское большинство продолжала пренія о второстепенныхъ вопросахъ до тѣхъ поръ, пока папа не сообщилъ свою волю по дѣлу о резиденціи.

Легаты, очень испугавшись приказа папы объявить теперешній соборъ продолженіемъ двухъ предшествующихъ, поспѣшили отправить въ Римъ архіепископа ланчіанскаго (8 іюня), которому съ помощью самыхъ старыхъ и благоразумныхъ кардиналовъ удалось убѣдить папу переменить его взгляды и одобрить поведеніе легатовъ. Въ то же время послѣдніе, по примѣру самого Пія IV, они послали непосредственно Филиппу II письма съ извиненіями по поводу нарушенія ими своихъ обѣщаній. Правда, въ своемъ письмѣ папа возлагалъ всю вину на легатовъ и особенно на кардинала мантуанскаго; за то легаты обѣщали возобновить обсужденіе догматовъ съ того именно пункта, на которомъ оно было прервано въ 1552 г., такъ что этимъ путемъ продолженіе собора устанавливалось самимъ ходомъ его занятій¹.

¹ Оригиналы этой корреспонденціи напечатаны въ *Documentos ineditos*, т. IX, стр. 226—227. Они во многихъ отношеніяхъ измѣняютъ разсказъ Палеотто.

Пій IV, простивши на этотъ разъ легатовъ, еще болѣе разсердился, узнавъ объ обѣщаніи кардинала мантуанскаго поставить на очередь при удобномъ случаѣ, вопросъ о резиденціи, считавшійся въ Римѣ предоставленнымъ разрѣшенію папы, который, конечно, не спѣшилъ бы высказаться по этому щекотливому дѣлу. Гнѣвъ папы и его двора перешелъ всякія границы. Опять стали называть «предателями» Гонзага и вообще сторонниковъ божественнаго установленія резиденціи. Первый президентъ снова подалъ въ отставку, а нѣкоторые изъ числа независимыхъ прелатовъ просили разрѣшенія оставить Триентъ, другіе-же прислали папѣ письма съ извиненіями ¹. Симонетта дѣйствовалъ противъ своихъ сотоварищей, которые—что вполнѣ естественно—ненавидѣли его. Гонзагъ негодовалъ, видя, что епископы и монахи, которыхъ считали людьми, пользовавшимися особымъ довѣріемъ папы въ Триентѣ, громко и открыто отзывались о немъ, какъ о подвергшемся совершенной опалѣ первосвященника ². Въ ожиданіи своей отставки, онъ, подъ предлогомъ нездоровья, держался въ сторонѣ отъ собраній собора. Серипандо, къ которому въ Римѣ относились не менѣе враждебно, намѣревался отправиться въ Римъ для

¹ Le Plat, V, 199 и слѣд.

² Письмо кардинала мантуанскаго къ Арривабене его уполномоченному въ Римѣ, отъ 6 іюля 1562 г. Musotti, 396 и слѣд.

оправданія своего поведенія ¹. Казалось, весь соборъ долженъ былъ распасться по частямъ. Римскіе друзья наиболѣе вліятельныхъ членовъ изъ италіянцевъ независимой партіи, напр., Беккаделли, архіепископа рагузскаго, Калино, архіепископа зарскаго, Фоскарари, епископа моденскаго, — потерявшихъ въ силу этого всякую надежду получить обѣщанную имъ кардинальскую шапку, — убѣждали ихъ отказаться отъ своихъ мнѣній, «потому что они вызывали большое неудовольствіе важныхъ особъ ²», давая этимъ понять, что ихъ поведеніе помѣшаетъ ихъ будущему повышенію. Этихъ епископовъ обвиняли въ секретныхъ совѣщаніяхъ и составленіи всякаго рода тайныхъ заговоровъ противъ св. престола. Одинъ изъ императорскихъ пословъ, епископъ фюнфкирхенскій Георгій Драшковичъ, подвергся столь жестокимъ нападкама за свою вполне свободную рѣчь по поводу обязательности резиденціи, что обратился къ императору за разрѣшеніемъ уѣхать изъ Триента ³. Напротивъ, епископы, возражавшіе противъ божественности установленія резиденціи, удостоивались всяческихъ похвалъ и имъ было обѣщано полученіе по окончаніи собора достойной награды за свои заслуги. Они могли

¹ Musotti, 20. Серипандо хотѣлъ послать Музотти въ Римъ для увѣдомленія объ этомъ.

² Письмо Мороне къ Беккаделли отъ 20 іюня и письмо Фоскарари къ Мороне отъ 18 марта; *Monumenti de Beccadelli* (Bologna 1797), I, 327 и слѣд.

³ Sickel, 324 и слѣд.

безнаказанно наносить самыя тяжелыя обиды и дѣлать самыя дерзкіе вызовы своимъ противникамъ, тогда какъ послѣднимъ разрѣшалось только немедленно уѣхать ¹. И при такихъ-то условіяхъ постоянно и съ особою горячностью толковалось о свободѣ собора!

Одновременно была сдѣлана попытка оказать такое же давленіе и на иностранныя правительства. Папа горько жаловался на пословъ Карла ІХ, говоря, что было бы правильнѣе считать господъ французовъ уполномоченными гугенотовъ ². Кардиналу Ферраре, находившемуся при французскомъ дворѣ въ качествѣ апостолическаго легата, поручено было принести оффиціальную жалобу на поведеніе де-Лансака. Ему было также приказано не настаивать болѣе на посылкѣ французскихъ прелатовъ въ Тріентъ, потому что они только увеличатъ число недоброжелателей ³, т.-е. независимыхъ членовъ собора. Дворъ папы до такой степени былъ не расположенъ серьезно говорить о реформѣ, что предпочиталъ отказаться отъ участія въ соборѣ такой важной страны, какъ Франція. Такое настроеніе Рима отразилось въ Тріентѣ тѣмъ, что тамъ стали открыто обвинять французскихъ пословъ въ ереси ⁴.

¹ *Письмо архіеп. зарскаго къ кард. Корнаро*, 16—25 мая, 22 іюня; Baluze-Mansi, IV, стр. 232, 240 и слѣд.

² *Письма де-Лансака къ де-Лиллю*, 6 іюля; Le Plat, V, 270.

³ *Письмо кард. Ферраре къ кард. Борромео*, 22 іюня; Baluze-Mansi, IV, 422.

⁴ *Письмо архіеп. зарскаго къ кард. Корнаро*, 1 іюня Baluze-Mansi, IV, 235.

Пій былъ не менѣе раздраженъ и противъ испанскаго короля за постоянныя требованія его предоставить собору большую власть и свободу. Онъ неоднократно проявлялъ въ отношеніи испанскаго посла Варгаса взрывы гнѣва и, наконецъ, черезъ кардинала Куэва формально потребовалъ его отозванія¹. Во всемъ царила смута, противорѣчія и неудовольствіе. Испанскій король тянулъ въ одну сторону, императоръ и Франція—въ другую, а папа и кардиналы заботились только о сохраненіи своей власти и доходовъ и не желали принести ни малѣйшей жертвы. Казалось, что вселенскій соборъ долженъ будетъ, подобно Констанцскому, Базельскому и двумъ предшествующимъ Триентскимъ, сдѣлаться источникомъ всеобщаго столкновенія, не принеся никакого положительнаго результата.

Будучи недоволенъ и прелатами, и государями, папа рѣшился перевести соборъ въ одинъ изъ итальянскихъ городовъ. Онъ былъ готовъ начать вооруженія, чтобы защитить его отъ внезапнаго нападенія, если бы, какъ то можно было предполагать, нѣмцы и французы покинули при такихъ обстоятельствахъ соборъ². Между папствомъ, съ одной стороны, и «загорными»

¹ Письмо кард. Куэва къ Филиппу II, 2 іюня; Döllinger, *Beitraege*, I, 441.

² Письма д'Арко къ императору, 24 іюня, и Кузано къ королю Максимилиану, 24—27 іюня; Sickel, 339 и слѣд.—Депеша Варгаса отъ 1 іюля; Döllinger, *Beitraege*, I, 446.—Musotti, *Sommario*, 15.

(ультрамонтанскими) странами—съ другой, готова была вспыхнуть открытая борьба.

Однако такія рѣшительныя намѣренія немедленно же встрѣтили возраженія со стороны благоразумныхъ людей. Венеціанцы, мнѣнію которыхъ папа придавалъ очень большое значеніе, опредѣленно высказались противъ такого образа дѣйствій. Послы всѣхъ безъ исключенія правительствъ въ Триентѣ выказывали очень большое уваженіе и преданность къ кардиналу мантуанскому и не меньшее раздраженіе противъ римской куріи. Возмущенный императоръ говорилъ: «кажется, что власть собора находится не въ Триентѣ, но въ Римѣ¹». Императорскій посланникъ въ Римѣ, графъ д'Арко, жаловался самому папѣ, что онъ лишаетъ соборъ всякой свободы. Епископъ вентимильскій Карль Висконти, бывшій довѣреннымъ лицомъ Пія въ Триентѣ, энергически совѣтовалъ ему не быть столь строгимъ къ первому легату и къ независимой партіи епископовъ. Такое поведеніе, говорилъ онъ, сдѣлаетъ неизбѣжнымъ распущеніе собора, что повлечетъ за собою страшныя опасности для церкви, и даже отпаденіе половины католическаго міра.

Пій IV и его совѣтники сочли нужнымъ сдѣлать шагъ назадъ. Для нихъ это было тѣмъ легче, что кампанія, начатая римскимъ дворомъ противъ независимости отцовъ собора, дала уже очень важные результаты. Всѣ тѣ, которые раньше имѣли смѣ-

¹ Инструкція императора своимъ ораторамъ на соборѣ, отъ 4 іюня; Sickel, 326.

лостъ противиться папской диктатурѣ, были теперь совершенно обезкуражены и подавлены. Подвергаясь самымъ жестокимъ нападкамъ тѣхъ, кого они почитали своими главами и отъ кого зависла вся ихъ будущность, большая часть либеральныхъ итальянскихъ епископовъ отказалась отъ борьбы. Не менѣе рѣшительный успѣхъ былъ одержанъ и во внѣшнихъ дѣлахъ. Филиппъ II приказалъ своимъ прелатамъ въ Триентѣ замалчивать вопросъ о божественномъ установленіи епископской резиденціи; а для удовлетворенія своего дяди императора согласился, чтобы вопросъ о томъ, является ли теперешній соборъ совершенно новымъ или только продолженіемъ двухъ предыдущихъ, остался вовсе не разрѣшеннымъ¹.

Насколько Пій IV былъ раньше раздраженъ и негодовалъ, настолько теперь, восторжествовавъ, онъ видѣлъ все въ розовомъ цвѣтѣ. Послѣ такихъ уступокъ католическаго короля онъ былъ вполне увѣренъ въ соборѣ, а слѣдовательно, въ своемъ господствѣ надъ нимъ. Сверхъ того, какъ разъ въ это время вспыхнула первая религіозная война во Франціи, что давало ему возможность не обращать никакого вниманія на правительство этой страны; что же касается императора, то онъ далъ достаточно доказательствъ своей слабости, чтобы его можно было серьезно опасаться. Поэтому папа имѣлъ полное основа

¹ Инструкція Филиппа II отъ 6 іюля; Sickel, стр. 352.

ніе выражать свою радость и увѣренность относительно будущаго.

При такихъ обстоятельствахъ онъ рѣшилъ выразить знаки своей благосклонности независимымъ прелатамъ Тріентскаго собора. Онъ успокоилъ кардинала мантуанскаго и оппозиціонныхъ епископовъ чрезвычайно любезными и благосклонными письмами. Симонетта, въ которомъ болѣе не нуждались, получилъ приказанія, которыя, хотя въ очень мягкой и обязательной формѣ, свидѣтельствовали, что онъ лично потерпѣлъ поражение. Онѣ требовали отъ него, чтобы онъ обнаруживалъ въ отношеніи перваго президента совершенную преданность и даже повиновеніе и избѣгалъ всего, что могло бы показаться проявленіемъ особаго значенія, которымъ Симонетта пользуется въ Римѣ. Папа, всегда неумѣренный во всемъ, что онъ дѣлалъ, на столько же теперь осыпалъ свидѣтельствами своей дружбы и уваженія того самаго кардинала мантуанскаго, на сколько онъ за недѣлю передъ этимъ всячески унижалъ и оскорблялъ его; онъ даже назначилъ его главою и ректоромъ его товарищей по собору и всего собора ¹. Вліятельные при дворѣ кардиналы писали своимъ друзьямъ въ Тріентъ, особенно же легатамъ, что слухъ о томъ, что папа намѣренъ отложить или даже распустить соборъ, совершенно ложенъ, и что, напротивъ, святой отецъ желаетъ, чтобы всѣ дѣла въ Тріентѣ шли возможно

¹ Pallavicini, XVII, 5, 1; на основаніи писемъ Борромео и самого папы.

дружелюбно и при взаимной любви¹. Пій IV удовольствовался совѣтомъ легатамъ избѣгать обсуждения дѣла о резиденціи, который они могли очень легко исполнить послѣ однороднаго приказа Филиппа II испанскимъ прелатамъ. По приказанію папы, кардиналы мантуанскій и Симонетта должны были публично примириться.

Однако, несмотря на всѣ эти доказательства благосклонности, въ дѣйствительности римская курія никогда не простила упорнымъ прелатамъ. Ни одинъ изъ итальянцевъ, вотировавшихъ за божественное установленіе духовной резиденціи, не получилъ потомъ никакого повышенія, а тѣмъ болѣе кардинальской шапки, несмотря на самыя горячія ходатайства. Камилль Оливо, секретарь кардинала мантуанскаго, въ наказаніе за поведеніе своего патрона, послѣ смерти послѣдняго былъ арестованъ инквизиціей и содержался въ тюрьмѣ въ теченіи многихъ лѣтъ². Несмотря на офіціальное примиреніе Симонетты съ кардиналомъ мантуанскимъ, легаты продолжали относиться къ нему съ презрѣніямъ, такъ же, какъ и всѣ тѣ члены собора, не бывшіе слѣпыми рабами римскаго двора³.

Буря, грозившая разсѣять Тріентское собраніе, улеглась, и спокойствіе снова возврати-

¹ Письма кардиналовъ аугсбургскаго и Борромео къ Гозиусу, 14 іюля, 15; Surlan, *Tabul.*, 234.

² Паоло Сарпи лично зналъ его; *Concilio di Trento*, кн. 6.

³ Pallavicini, XIV, 4, 1.

лось, такъ что можно было отпраздновать безъ особаго волненія пятое или двадцать первое общее засѣданіе. На немъ были провозглашены каноны, касающіеся евхаристіи, и девять статей реформъ,—очень жалкій результатъ восьмимѣсячной работы всемірнаго собора!

Но за то для будущаго общаго собранія, назначеннаго на 17 сентября, намѣчена была большая задача. Ему предстояло разсмотрѣть: ученіе объ обѣднѣ; о неправильностяхъ при совершеніи ея и о необходимыхъ улучшеніяхъ въ ней; о реформѣ духовнаго управленія и, наконецъ, щекотливый вопросъ о Чашѣ. Заранѣе было извѣстно, что самое большее, если послѣдняя будетъ допущена только для совершенно исключительныхъ случаевъ.

Всѣ статьи, касающіяся обѣдни, были закончены безъ особаго затрудненія. Наибольшіе дебаты вызвало только разсмотрѣніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли ограничиться изложеніемъ ученія въ нѣсколькихъ короткихъ канонахъ или же подробно развить его, повторивъ всѣ постановленія предыдущихъ соборовъ. Въ концѣ концовъ восторжествовало послѣднее мнѣніе въ виду желанія дать вѣрнымъ католикамъ, а тѣмъ, болѣе колеблющимся, правильное и точное руководство и въ то же время опровергнуть возраженія противниковъ. На будущее время было опредѣлено, подъ угрозою проклятія, понятіе объ обѣднѣ, какъ объ общемъ искупительномъ жертвоприношеніи за умершихъ и живыхъ; уста-

новлена возможность совершенія ея въ честь одного или нѣсколькихъ святыхъ и исключительное употребленіе латинскаго языка во время служенія ея.

Самымъ важнымъ вопросомъ былъ вопросъ о Чашѣ. Императоръ снова потребовалъ, чтобы соборъ занялся, наконецъ, реформою, прибавляя къ этому вполне понятную угрозу. Возможно, говорилъ онъ, что Испанія вовсе не нуждается въ реформахъ, но было бы очень печально, если католической религіи пришлось бы ограничиться только этимъ небольшимъ уголкомъ земли¹. Какъ и всегда, французскіе послы поддержали предложенія императора, который особенно настаивалъ на вопросѣ о разрѣшеніи употреблять Чашу, и его первый ораторъ, пражскій архіепископъ, только что возвратившійся изъ Вѣны въ Триентъ, энергически настаивалъ передъ отцами собора, чтобы они приняли, наконецъ, рѣшеніе по этому предмету. Къ сожалѣнію, французы, хотя и помогали архіепископу, подавъ особое прошеніе², но не питали большой надежды на счастливый исходъ его. Одинъ изъ нихъ писалъ въ это время Екаторинѣ Медичи³: «Легаты вмѣстѣ съ итальянскими епископами, которыхъ они привезли изъ Рима, постоянно откладываютъ голосованіе его для другихъ вопросовъ и нисколько не заботятся о предложеніяхъ свѣтскихъ государей. Здѣсь хо-

¹ Le Plat, V, 454.

² Raynaldi, ad an. 1562, nr. 66.

³ Le Plat, V, 456 и слѣд.

тять все установить не на основаніи Библии и правилъ первоначальной Церкви, но согласно съ приказаніями папы. Такимъ образомъ не предлагаютъ никакихъ средствъ для улучшенія нравовъ духовенства и управленія, а предпочитаютъ устанавливать догматы, которые только бесполезно раздражаютъ протестантовъ. Если вскорѣ не придутъ французскіе епископы и не дадутъ противовѣса ихъ власти, то было бы лучше, если бы соборъ былъ распущенъ».

Однако вопросъ о Чашѣ, какъ ни былъ онъ непопуляренъ на соборѣ, находился не въ такомъ безнадежномъ положеніи, какъ думалъ де-Лансакъ и его сотоварищи, потому что за нѣсколько недѣль до этого папа уполномочилъ перваго президента поставить его на очередь и на этотъ разъ дѣйствительно хотѣлъ удовлетворить желаніе императора ¹. Пій IV всегда смотрѣлъ на все это дѣло скорѣе какъ на вопросъ о формѣ, чѣмъ о существѣ дѣла, а положеніе вещей въ Германіи и Австріи, по его мнѣнію, подсказывало необходимость такой вовсе неважной уступки. И такъ, 22 августа, кардиналъ мантуанскій предложилъ собору разсмотрѣть требованіе Фердинанда I, причемъ высказалъ большія похвалы ревности и благочестію императора, но прибавлялъ, что предлагаемую мѣру слѣдовало обставить многими предосторожностями:—она распространялась только на нѣмцевъ, чеховъ и венгровъ, и притомъ на тѣхъ изъ нихъ, которые во всемъ осталь-

¹ Pallavicini, XVII, 7, 1. 14, 10.

номъ являются хорошими католиками. Священники должны настойчиво поучать, что причастіе одного хлѣба не менѣе дѣйствительно и затѣмъ надлежитъ тщательно сохранить весь существующій іерархическій чинъ, отъ діакона до папы. Для успокоенія итальянцевъ, опасавшихся распространенія этого нововведенія на полуостровъ, епископъ фюнфкирхенскій еще разъ заявилъ, что оно ни въ какомъ случаѣ не касается императорскихъ удѣловъ въ Италіи. Кардиналъ мантуанскій, вообще относившійся благопріятно къ умѣренной реформѣ и сверхъ того связанный съ императоромъ личною дружбою и родствомъ, сдѣлалъ все, чтобы склонить собраніе въ пользу его предложеній. Другой легатъ, Гозіусъ, хорошо знавшій Германію, такъ какъ онъ былъ прежде посланникомъ въ Вѣнѣ и имѣлъ разнообразныя сношенія въ странѣ, секретно поддерживалъ его¹. Наконецъ и прокураторы зальцбургскаго архіепископа сильно стояли за требованія императорскихъ пословъ.

Однако, когда 28 августа начались пренія по этому вопросу, то сразу стало ясно, что онъ имѣетъ очень мало вѣроятности на благопріятное разрѣшеніе на соборѣ. Большое число членовъ послѣдняго и между ними почти всѣ испанцы безусловно отвергали допущеніе причастія мірянъ изъ Чаши, многіе же другіе желали передать все дѣло на усмотрѣніе папы, подобно вопросу объ обязатель-

¹ *Письмо кардинала аугсбургскаго къ Гозіусу, 31 окт.; Surlan, Tabul., стр. 255.*

ности резиденціи. Только слабое меньшинство прелатовъ, не доходившее до одной трети собранія, относилось вполнѣ благопріятно къ желанію Фердинанда и нѣмцевъ. Генераль ордена іезуитовъ Лайнецъ, присутствовавшій на соборѣ въ качествѣ папскаго теолога, не только произнесъ противъ императорскаго предложенія длинную и рѣзкую рѣчь, но, несмотря на миролюбивое настроеніе папы, употребилъ все свое личное вліяніе на епископовъ, чтобъ побудить ихъ отвергнуть это предложеніе¹.

Голосованіе происходило 6 сентября². На немъ только 29 отцовъ собора одобрили допущеніе Чаши въ Германіи и въ другихъ странахъ, зависящихъ отъ нея; 19 высказались за допущеніе ея только въ Венгріи и Богеміи, 38 отвергли безусловно, 14 заявили, что вопросъ еще недостаточно выясненъ; 31 подали голосъ за обращеніе къ папѣ; 10 подали свои голоса противъ допущенія, предоставляя окончательное рѣшеніе вопроса св. престолу, а 24 желали безусловно передать его на волю папы; одинъ уклонился отъ подачи мнѣнія. Въ концѣ концовъ за принятіе предложенія высказалось 48 голосовъ, противъ — 52 и за передачу его на усмотрѣніе папы — 65.

Епископъ фюнфирхенскій былъ совершенно подавленъ такимъ результатомъ. Такъ какъ ни

¹ Денеша императорскихъ ораторовъ отъ 18 сент.; Le Plat, V, 504.

² Я снова принимаю официальные цифры, сообщаемыя Массарели; Theiner, II.

одно рѣшеніе не получило большинства, то все предложеніе казалось ему похороненнымъ. Такъ именно и понимало его большинство членовъ собора; однако Драшковичъ быстро оправился и, благодаря благосклонному отношенію къ дѣлу Гонзага, а также вѣроятно и Гозиуса, онъ добился того, чтобы легаты предложили собору сдѣлать постановленіе объ обращеніи вниманія папы на желаніе императора. Можно было надѣяться, что въ такомъ видѣ его удастся провести, хотя бы незначительнымъ большинствомъ, еслибы къ 48 голосамъ, высказавшимся раньше въ пользу проекта, присоединились тѣ 31, которые были поданы 6 сентября за обращеніе къ папѣ; но прелаты не желали болѣе возвращаться къ этому дѣлу. Они были очень недовольны формою декрета, составленнаго Драшковичемъ, и онъ былъ отвергнутъ большинствомъ 79 голосовъ противъ 69¹.

Къ счастью, кардиналъ мантуанскій стоялъ за то, чтобы проектъ императора не былъ совершенно отвергнутъ, и желалъ достигнуть хотя бы такого результата, который сохранялъ бы дѣлу, защищаемому нѣмцами, нѣкоторую надежду на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что послѣ двукратнаго голосованія собора самъ папа не могъ бы ничего сдѣлать для Фердинанда по этому вопросу. Въ виду этого Гонзагъ составилъ новый декретъ, которымъ все дѣло просто передавалось верховному первосвященнику, и въ такой формѣ предложилъ его на разсмотрѣніе общей конгрегации

¹ Paleotto, 586.

наканунѣ засѣданія, 16 сентября, оправдывая свой образъ дѣйствій настояніями имперскихъ пословъ и опасеніемъ оскорбить императора. Это предложеніе вызвало бурную сцену. Многіе члены собора стали кричать, что они подвергаются открытому насилію и имъ хотятъ навязать рѣшенія, которыя они уже раньше отвергли; нѣкоторые даже грозили оставить соборъ, такъ какъ они не пользуются на немъ свободою. При такихъ критическихъ обстоятельствахъ Симонетта явился на помощь свою товарищу, кардиналу монтуанскому: онъ замѣтилъ, что императоръ ожидаетъ отъ собора только опредѣленнаго рѣшенія и, слѣдовательно, можно совершенно безопасно и въ какомъ угодно смыслѣ вотировать предложенный декретъ. Онъ дѣйствовалъ такъ потому, что зналъ, что лично Пій IV вовсе не относился враждебно къ мысли предоставить подданнымъ императора причащаться подъ двумя видами. Когда члены собора увидѣли, что Симонетта, котораго считали человѣкомъ, наиболѣе цѣнимымъ папою и римскою куріею, высказывается за проектъ,—послѣдній былъ, наконецъ, принятъ значительнымъ большинствомъ 98 голосовъ противъ 38¹.

Нельзя сказать, чтобы посланники императора обнаружили во всемъ этомъ дѣлѣ большое искусство. Въ началѣ они предоставили затянуть и отложить его, такъ что многіе прелаты начали

¹ Архіепископъ зарскій говоритъ, что болѣе 40 отцовъ „съ гнѣвомъ и неудовольствіемъ“ высказались противъ *Monimenti di Beccadelli*, II, 38.

думать, что, въ сущности, императоръ относится къ нему не съ особенно большимъ интересомъ; потомъ вдругъ они начали торопить его, вмѣсто того, чтобы дожидаться прибытія французскихъ епископовъ, которыхъ положительно ждали въ октябрѣ и ноябрѣ и которые, согласно волѣ своего правительства, несомнѣнно въ полномъ составѣ подали бы свои голоса за разрѣшеніе причащаться изъ Чаши. Правда, послы снова получили приказъ отъ императора настаивать немедленно на рѣшеніи этого вопроса соборомъ¹, но такъ какъ они были на мѣстѣ и, слѣдовательно, могли лучше судить объ общемъ положеніи дѣлъ, то должны были бы по крайней мѣрѣ послѣдовать совѣтамъ кардинала Гонзага и всѣхъ тѣхъ, кто имъ желалъ добра, и отложить его на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобъ обезпечить себя содѣйствіемъ французскихъ епископовъ. Теперь же только вмѣшательство легатовъ могло ихъ спасти отъ унижительнаго отверженія ихъ требованій. Сами ораторы писали императору², что послѣдній декретъ былъ „почти насильно вырванъ отъ отцовъ собора“, и дѣлали видъ, что вполне удовлетворены полученнымъ результатомъ, потому что были почти убѣждены, что такъ какъ соборъ не высказался окончательно противъ предоставленія мірянамъ причастія изъ Чаши, то самъ папа разрѣшитъ его³.

¹ Инструкція императора отъ 16 іюня; Sickel, 358.

² 18 сентября; Le Plat, V, 204.

³ Письмо де-Лансака къ Екат. Медичи отъ 20 сент. *цит. соч.*, 505.

Наконецъ, соборъ приступилъ къ обсужденію того, что носило громкое названіе „реформы“.

Послы Фердинанда I и Карла IX требовали, чтобы было предпринято серьезное преобразование Церкви сообразно желаніямъ *ультрамонтанскихъ* народовъ и въ смыслъ сближенія съ протестантизмомъ. Первые желали представить собору „списокъ реформъ“, заявленный въ маѣ 1562 г., вторые—резолюціи собранія духовенства въ Пуасси. Но принять эти различныя предложенія значило кореннымъ образомъ измѣнить характеръ католической церкви, какъ она сложалась со временъ XI вѣка. Среди разныхъ нововведеній онѣ заключали въ себѣ: браки священниковъ, отказъ отъ церковныхъ имуществъ, которыми овладѣли еретики; разрѣшеніе протестантскимъ священникамъ совершать таинства тамъ, гдѣ не случилось бы католическихъ священниковъ; общее ограниченіе финансовыхъ и юридическихъ правъ курии во всѣхъ неитальянскихъ странахъ и ещемногое, одинаково невыгодное для частныхъ интересовъ св. престола. На этихъ основахъ, быть можетъ, возможно было достигъ, если не соединенія двухъ враждебныхъ церквей, то, по крайней мѣрѣ, миролюбиваго соглашенія между ними; однако, легаты, хотя и сознававшіе громадную и универсальную важность такого рѣшительнаго момента, постарались какъ можно опредѣленнѣе уничтожить всякую вѣроятность подобной перспективы. Они заявили, что предпочтутъ умереть, чѣмъ допустить къ обсужде-

нію предложенные пункты, столь рѣшительно враждебные истинному христіанскому благочестію. Вмѣсто этого они получили отъ папы и кардинала Борромео разрѣшеніе передать на разсмотрѣніе собора нѣсколько совершенно незначительныхъ пунктовъ изъ императорскаго *списка* и актовъ пуассійскаго собранія съ исключительною цѣлью, какъ они сами выражались, „зажать ротъ нѣмцамъ и французамъ“¹.

Дѣйствительно, первый изъ составленныхъ ими четырнадцати каноновъ, изъ которыхъ было принято одиннадцать, былъ заимствованъ изъ знаменитаго *списка реформъ*. Это было сдѣлано, чтобы дать императору внѣшнее удовлетвореніе. Канонъ, въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, требовалъ отъ клириковъ нравственной и религіозной жизни, и затѣмъ въ немъ воспроизводились наказанія, опредѣленные съ давнихъ временъ для нарушителей этихъ предписаній. Въ силу своей неопредѣленности этотъ канонъ терялъ всякое практическое значеніе. Другіе каноны касались только мелочей іерархическихъ правилъ: вродѣ, на примѣръ, предписанія, чтобы на будущее время епископскій санъ могли получать только имѣющіе ученую университетскую степень. Съ другой стороны, эта „реформа“ стремилась значительно увеличить власть епископовъ на счетъ свѣтскихъ властей, присвоивая однимъ епископамъ право кассации завѣщаній, управленіе и инспекцію прию-

¹ „Ut obstruantur eorum ora“; Raynaldi ad an. 1562 nr. 63.

товъ и благотворительныхъ учрежденій, испытаніе и устраненіе нотаріусовъ. Конечно, было очень мало вѣроятности, чтобы правительства согласились на такіе смѣлые захваты со стороны духовенства.

Наконецъ, три послѣдніе канона осуждали разныя неправильности при служеніи обѣдни. Даже многіе изъ среды самихъ прелатовъ находили, что вселенскому собору не вполне достойно заниматься такими мелочами.

Наконецъ, настало 17 сентября, день шестого или двадцать второго торжественнаго публичнаго засѣданія. Нашлось 31 членъ, и въ числѣ ихъ были почти всѣ испанцы, которые открыто голосовали на немъ противъ передачи папѣ дѣла о Чашѣ для мірянъ; одинъ изъ нихъ, епископъ жеронскій, формально протестовалъ противъ декрета, какъ „неприличнаго, излишняго и представляющаго нововведенія“, и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ занесенъ въ протоколы собора.

Курія была, очевидно, очень довольна тѣмъ, что соборъ ограничился такими маловажными постановленіями и предоставилъ верховному первосвященнику окончательныя рѣшенія всѣхъ серьезныхъ вопросовъ. Пій IV выразилъ передъ священной коллегіею свое удовольствіе по поводу образа дѣйствій кардинала мантуанскаго; онъ назначилъ послушнымъ прелатамъ разныя награды, которыя должны были удержать ихъ на ихъ добромъ пути, т.-е. на слѣпомъ подчиненіи волѣ папскаго двора. Напротивъ, упорствующіе, и осо-

бенно испанцы, подверглись строгому выговору и были совершенно подавлены неудачею всѣхъ ихъ усилій; самъ Гверреро въ минуту раздраженія и огорченія просилъ папу разрѣшить ему возвратиться къ своей паствѣ¹. Вскорѣ, однако, онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и затѣмъ сталъ дѣйствовать еще болѣе смѣло и неутомимо.

¹ Письмо архіеп. гренадскаго къ Варгасу отъ 12 окт.; *Doc. ineditos*, IX, 303.

ГЛАВА VI.

Оппозиція испанцевъ, нѣмцевъ и французовъ.

Нѣмцы, французы и испанцы требуютъ реформы іерархіи въ виду ея злоупотребленій; итальянцы и римская курія противятся этому. — Важный вопросъ о *божественномъ* установленіи епископской власти. — Прибытіе въ Триентъ кардинала лотарингскаго и французскихъ епископовъ. — Боязнь папской партіи кардинала лотарингскаго. — Неприличныя сцены между италіянцами и испанцами. — Французскій *списокъ реформъ*. — Противодѣйствіе куріи какой бы то ни было коренной реформѣ. — Формула *Rector universalis Ecclesiae*. — Вслѣдствіе несогласій, работы собора становятся очень ограниченными. — Императоръ въ Инсбрукѣ. — Большой наплывъ князей и епископовъ въ Инсбрукъ. — Обсужденіе при императорскомъ дворѣ положенія собора. — Фердинандъ I, разувѣрившись въ соборѣ, обращается непосредственно къ папѣ съ требованіемъ есерьезныхъ реформъ. — Твердость папы. — Французскія предложенія также отвергнуты. — Смерть двухъ легатовъ. — Вмѣсто ихъ назначены Мороне и Наваджеро.

Слѣдующее засѣданіе собора было назначено на 12 ноября. Курія надѣялась, что оно будетъ если не послѣднимъ, то предпослѣднимъ, и что засѣданія собора можно будетъ закрыть самое позднее въ декабрѣ текущаго года¹. Однако это событіе совершилось гораздо позже, подъ пред-

¹ Дешеша де-Лиля отъ 28 сент.; Le Plat, т. V, стр. 514. — Дешеша Варгаса отъ 8 окт.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 450.

сѣдательствомъ другихъ легатовъ и послѣ многихъ затрудненій, нерѣдко казавшихся непреодолимыми.

Пій IV рассчитывалъ главнымъ образомъ на своихъ излюбленныхъ теологовъ - іезуитовъ, въ надеждѣ, что они помогутъ папской партіи выйти побѣдительницею. Дѣйствительно, въ Триентѣ іезуиты держали себя, какъ хозяева положенія; они обнаруживали ту смѣлость, чтобъ не сказать высокомеріе, которая всегда характеризовала ихъ положеніе въ Церкви. Одинъ изъ нихъ, Сальмеронъ, присутствовалъ на соборѣ съ самаго его начала въ качествѣ папскаго богослова, и 21 іюля 1562 г. воспользовался этимъ положеніемъ, чтобъ нарушить порядокъ голосованія и даже распоряженіе легатовъ, говоря въ теченіе всего засѣданія общаго собранія и несогласно съ тѣмъ положеніемъ, которое онъ оффиціально занималъ. Онъ нагло заявилъ, что не будетъ повиноваться легатамъ. Послѣдніе принесли жалобу Пію IV, и папа нѣсколько умалилъ надменность отца іезуита. Лайнець, по прибытіи въ Триентъ, немедленно потребовалъ себѣ мѣсто выше генераловъ нищенствующихъ орденовъ, и предсѣдатели были вынуждены представить ему особое мѣсто, что вызвало неудовольствіе многихъ прелатовъ, враждебныхъ такому высокомерію іезуита¹. Онъ постоянно являлся горячимъ противникомъ епископской власти и какой бы то ни было уступки

¹ Döllinger, *Berichte und Tagebuecher*, стр. 22, 24; *Дневникъ Музотти*.

новаторамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ защитникомъ полновластія папъ и самой строгой традиціонной ортодоксальности.

Первый предметъ, подлежавшій, по предложенію легатовъ, обсужденію, былъ таинство священства. Для осужденія соборомъ было представлено семь еретическихъ положеній: утвержденіе, что посвященіе въ священники не есть таинство; что всѣ христіане суть священники; что ни о какомъ духовномъ санѣ нѣтъ упоминанія въ Новомъ Завѣтѣ; что епископы равны обыкновеннымъ священникомъ и т. д.

При этомъ немедленно же возникли новыя затрудненія, и притомъ самаго опаснаго свойства.

Прежде всего французскіе и императорскіе послы, постоянно дѣйствовавшіе заодно, обратились къ легатамъ съ жалобою на продолженіе обсужденія догматовъ, которыхъ, въ виду отсутствія на соборѣ протестантовъ, никто не оспариваетъ, а потому было бы умѣстнѣе дать имъ окончательное опредѣленіе послѣ прибытія французскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ епископовъ, находящихся уже въ пути¹. Было бы гораздо полезнѣе, говорили послы, заняться немедленно дѣйствительно существенными реформами, въ которыхъ Церковь имѣетъ столь настоятельную нужду.—Легаты, по обыкновенію, отвѣчали, что соборъ усвоилъ правило заниматься обѣими дѣлами одновременно. Кромѣ того, посланники порицали обычай легатовъ сообщать

¹ Paleotto, 591.

имъ и прелатамъ всѣ предложенія, касающіяся реформы, лишь за два дня до засѣданій, вслѣдствіе чего никто изъ нихъ не имѣлъ времени для надлежащаго ознакомленія съ ними; наконецъ, они требовали, чтобы уполномоченнымъ посламъ свѣтскихъ государствъ было предоставлено, какъ то было на предыдущихъ соборахъ, право представленія ими самими своихъ предложеній собравшимся отцамъ и грозили возбужденіемъ вопроса о подачѣ голосовъ по націямъ¹,—способъ, ненавидимый Римомъ, потому что онъ отнималъ большинство у рабскихъ итальянцевъ и переносилъ его на людей независимыхъ.

Въ Римѣ начинали все болѣе опасаться прибытія въ Тріентъ французскихъ епископовъ и въ особенности кардинала лотарингскаго, который долженъ былъ стать ихъ руководителемъ и главою. Боялись, что они могутъ потребовать не только коренной реформы внутренняго управленія и уменьшенія папской власти, но еще всеобщаго допущенія для свѣтскихъ людей причастія изъ Чаши и браковъ священниковъ. По всей вѣроятности, они также должны будутъ поддерживать всѣ заявленія императора, которыя были такъ непріятны Пію IV, что онъ приказалъ легатамъ не представлять собору ни одного изъ важныхъ предложеній Фердинанда¹. Встревоженный папа послалъ наскоро въ Испанію курьера, чтобъ добиться отъ Филиппа II прика-

¹ Musotti, стр., 26.

² *Ib.*, стр. 27.

занія всѣмъ испанскимъ епископамъ противиться подобнымъ мѣрамъ¹. Губернаторъ Милана, маркизь Пескара, номинальный представитель короля по дѣламъ собора, котораго римскій дворъ уже давно склонилъ на свою сторону, далъ въ этомъ смыслѣ приказаніе испанскимъ епископамъ², но они, зная хорошо, что маркизь отнюдь не выражалъ истинныхъ намѣреній Филиппа, не обратили никакого вниманія на его указанія. Наконецъ, папа приказалъ всѣмъ, какихъ только могъ набрать, мелкимъ итальянскимъ епископамъ, — людямъ безъ всякаго личнаго значенія, нерѣдко совершенно преданнымъ свѣтскимъ дѣламъ, лишеннымъ всякаго образованія и никогда не видѣвшимъ своихъ епархій, — отправиться въ Тріентъ. Въ то же время прелаты, которые дали доказательство своей независимости на соборѣ, — и между ними были многіе, отличавшіеся своими знаніями и строгостью нравовъ, — получили отпускъ и разрѣшеніе уѣхать изъ Тріента³. Испанцы, въ особенно же Гверреро, снова были осыпаны горькими упреками за свое враждебное поведеніе, какъ называли его въ Римѣ. Этимъ путемъ Пій IV

¹ Деша де-Лиля отъ 10—17 окт.; Le Plat, т. V, стр. 521—524.—Деша Варгаса, 24 окт.; Dollinger, *Betraege*, т. I, стр. 455.

² Дневникъ Мендозы; Döllinger, *Berichte und Tagebücher*, т. II, стр. 95.

³ Всѣ эти факты сообщаются свидѣтелями, которыхъ нельзя заподозрить во враждебности къ дѣлу папства, наконецъ двумя кардиналами, — Paleotto, стр. 592 и слѣд., и Pallavicini, XIX, 2, 3.

старался усилить свою партію и ослабить партію своихъ противниковъ. Такими лукавыми пріемами и дипломатическими уловками, въ которыхъ религія не играла никакой роли, думали направлять св. Духъ. Но что всего удивительнѣе, такъ это наивность тѣхъ же епископовъ меньшинства, которые, безпрестанно жалуясь на интриги римской куріи съ цѣлью вести дѣло собора согласно своему желанію, подымали немедленно крики о ереси, если кто-либо хотя намекалъ на возможность сомнѣнія относительно непогрѣшимости собора, который былъ подготовленъ, составленъ и руководимъ съ такимъ коварствомъ и недобросовѣстностью.

Епископъ орлеанскій писалъ въ это время изъ Тріента къ своему реннскому собрату: „Вся Италія рѣшилась удержатъ то положеніе вещей, въ которомъ онѣ находятся теперь, и не потерпѣть ни на волосъ уменьшенія авторитета папскихъ притязаній и другихъ прекрасныхъ вещей, называемыхъ излишествами, потому что они вполнѣ увѣрены, что стоитъ только начать, а ужъ не кончили бы раньше, чѣмъ не обчистили бы все до вершины конуса, и я думаю, что они въ этомъ не ошибаются“.

Увеличеніе папскаго легіона было тѣмъ необходимо, что испанцы снова возбудили вопросъ по предмету, очень непріятному для св. престола и бывшему главною причиною бесплодности работъ собора въ теченіе почти де-

¹ Le Laboureur, т. I, стр. 806.

сяти мѣсяцевъ. Они требовали внесенія въ каноны, касающіеся таинства священства, провозглашенія божественнаго установленія и божественнаго права епископскаго сана. Это не былъ вопросъ одной только формы или споръ о словахъ; напротивъ, это затрогивало самые важные принципы іерархіи, которые обсуждались въ католическомъ мірѣ въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія, такъ какъ папа и его сторонники утверждали, что судебная и административная власть епископовъ исходитъ исключительно только отъ верховнаго владыки-папы, какъ земного викарія самого І. Христа. Согласно одному мнѣнію, папа только первый между равными, по другому же, онъ—всемирный и всемогущій епископъ, а всѣ остальные суть только его уполномоченные и орудія. Такъ дѣло стояло въ теоріи, на практикѣ же божественное право епископовъ имѣло своимъ естественнымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ то, что они обладали, *de jure divino*, и всѣмъ тѣмъ, что было необходимо для управленія подвѣдомственными имъ церквами и душами вѣрныхъ, и что, вслѣдствіе этого, апостолическій престоль не имѣетъ права сохранять за собою, какъ спеціальные случаи епископской юрисдикціи, такъ и назначеніе во всей цѣлости или только части духовныхъ бенефицій.

Въ то же время непоколебимые защитники божественнаго установленія обязательности пребыванія епископовъ въ своей резиденціи напомнили легатамъ ихъ обѣщаніе снова поставить на оче-

редь этотъ вопросъ при обсужденіи таинства священства. И дѣйствительно, оба вопроса были тѣсно связаны между собою и послѣдній изъ нихъ не могъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго рѣшенія перваго, ибо, если епископъ не былъ божественнаго происхожденія, то тѣмъ болѣе не могло существовать обязательности пребыванія епископа въ своей епархіи ¹.

Затрудненія этимъ не ограничились. Испанскій король обратился къ императору и къ французскому и португальскому королямъ съ предложеніемъ присоединиться къ нему, чтобы общими усиліями добиться уничтоженія въ постановленіяхъ собора формулы *proponentibus legatis* ².

Легко можно представить себѣ ужасъ легатовъ при видѣ такого накопленія угрожающихъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, они находились въ очень трудномъ положеніи между партіей, склонной къ независимости, и деспотическими стремленіями римскаго двора. Въ досадѣ, они грубо обрывали рѣчи непріятныхъ ораторовъ и жаловались на враждебность многихъ прелатовъ и на непочтительность ихъ выраженій противъ его святѣйшества ³. Во избѣжаніе новыхъ упре-

¹ Письмо епископа тортозскаго къ Гонз. Перецу, 20 августа 1562 г.; Villanueva, *Vida litteraria*, т. II, стр. 453.

² Письмо Альбы къ Варгасу, 14 дек. 1562 г.; Döllinger, *Beitraege*, т. I, стр. 471.

³ Mendoza, стр. 97.

ковъ, они обратились къ папѣ, испрашивая у него необходимыя инструкціи для приведенія къ концу страшнаго вопроса о резиденціи. Пій IV совѣтовалъ ограничиться установленіемъ строгихъ всысканій для нерадивыхъ епископовъ и приходскихъ священниковъ, но вовсе не касаться божественнаго установленія ихъ мѣстопробыванія. На основаніи этого приказа былъ составленъ декретъ, представленный собору 6 ноября кардиналомъ мантуанскимъ¹. Основываясь на подобномъ же рѣшеніи перваго собранія Триентскаго собора относительно епископовъ и приходскихъ священниковъ, не пребывающихъ на мѣстѣ своего служенія, въ декретѣ подробно указывались законные поводы отсутствія и дѣлались угрозы нерадивымъ потерю всѣхъ доходовъ и объявленіемъ ихъ навсегда неспособными нести какую бы то ни было духовную должность или даже преданіемъ суду. Съ другой стороны, декретъ предоставлялъ епископамъ, дѣйствительно пребывающимъ въ епархіи, рѣшеніе многихъ дѣлъ, которыя до тѣхъ поръ принадлежали папѣ, и обезпечивалъ ихъ до нѣкоторой степени отъ папскихъ вымогательствъ.

Такимъ образомъ можно было надѣяться, что наконецъ будетъ поконечно съ этимъ затруднительнымъ вопросомъ; но оставалось еще много другихъ спорныхъ пунктовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ событій, Пій IV волновался все болѣе и болѣе. Прежняя его увѣ-

¹ *Acta Massarelli*; Theiner, т. II, стр. 161.

ренность исчезла. „Всѣ епископы, — вскричалъ онъ, которые, благодаря моимъ благодѣянїямъ, живутъ въ Тріентѣ, всѣ они — мои противники; я вскормилъ армію враговъ“! Члены курии стали выдвигать противъ прелатовъ, защищавшихъ божественность установленія епископата, тѣ же упреки, которые они высказывали шесть мѣсяцевъ раньше противъ сторонниковъ божественнаго установленія пребыванія въ своей резиденціи; ихъ обвиняли въ гордости и желаніи во что бы то ни стало отличиться. Съ своей стороны Пій IV послалъ въ Тріентъ двухъ епископовъ изъ папскихъ владѣній для наблюденія за кардиналомъ лотарингскимъ¹, который долженъ былъ вскорѣ прибыть туда и котораго сильно опасались.

Гверреро уже 3 ноября открылъ сраженіе требованіемъ, чтобы седьмымъ канономъ было установлено, что епископы имѣютъ божественное право викаріевъ І. Христа подъ главенствомъ его верховнаго викарія, римскаго первосвященника. Архіепископы соррентскій, браганскій (въ Португаліи), генуэзскій, никозійскій, мессинскій и палермскій были одного съ нимъ мнѣнія. Тщетно архіепископъ ланчіанскій настаивалъ, что папа даетъ власть епископа потому, что самъ І. Христосъ непосредственно далъ ему это право. Многіе испанскіе и даже итальянскіе епископы стали, и

¹. Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро, 5 ноября; *Valuzе-Mansi*, т. IV, стр. 268. — Депеша де-Лиля отъ 20 ноября и письмо кардинала лотарингскаго отъ 27 ноября; *Le Plat*, т. V, стр. 547, 569.

притомъ иногда съ большою энергіею, на сторону Гверреро. Совѣтъ кардинала мантуанскаго отказатья отъ опредѣленія этого спорнаго пункта остался безъ результата и не могъ охладить возбужденнаго пыла двухъ партій. Другіе проекты соглашенія, на примѣръ, епископа кіоджіанскаго, были также отвергнуты. Наиболѣе глубокое впечатлѣніе произвела рѣчь епископа сеговійскаго, неоспоримо доказавшаго, что въ первобытной церкви были епископы, но вовсе не было верховенства римскаго папы. Епископъ орензскій прибавилъ, что ключи царствія небеснаго были ввѣрены не одному св. Петру, но и всѣмъ долженствовавшимъ сдѣлаться пастырями Церкви. Одинъ изъ отцовъ собора утверждалъ, что каждый епископъ имѣетъ верховную власть въ своей епархіи и что митрополиту, а въ послѣдней инстанціи верховному первосвященнику — папѣ, предоставлено лишь право наблюденія за его дѣйствіями. Страстная рѣчь генерала іезуитовъ Лайнеца, въ которой онъ старался умалить епископскую власть въ пользу папской власти, превращая первую въ безсильную тѣнь, своими преувеличеніями и явною враждебностью къ епископату произвела впечатлѣніе совершенно противоположное тому, на которое надѣялись легаты. Такіе, до сихъ поръ рабски почтительные епископы, какъ, на примѣръ, епископъ парижскій, возстали противъ такого постыднаго порабощенія ихъ сана и наглаго ниспроверженія установленій первыхъ временъ христіанства. Всѣ богословы, всѣ епископы произносили безконечныя рѣчи,

такъ что пришлось сдѣлать постановленіе отложить срокъ ближайшаго засѣданія.

Среди всей этой сумятицы прибылъ, наконецъ, въ Триентъ, 13 ноября 1562 г., страстно ожидаемый одними, предметъ страха для другихъ, кардиналь лотарингскій въ сопровожденіи восемнадцати епископовъ и трехъ французскихъ аббатовъ. Карль Лотарингскій-Гизъ, реймскій кардиналь-архіепископъ, обыкновенно называемый кардиналомъ лотарингскимъ, — прелать и государственный человекъ, столь же замѣчательный самою тонкою обрзованностью, острымъ и проницательнымъ умомъ, какъ и полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ и возвышенныхъ чувствъ, — считалъ всякое средство хорошимъ, если оно вело его къ власти и богатству. Жадный, мстительный, хитрый, онъ пользовался своимъ глубокимъ знаніемъ государственныхъ дѣлъ и своимъ дѣйствительно литературнымъ краснорѣчіемъ исключительно только для своихъ личныхъ выгодъ, но онъ старался скрывать свой возмутительный эгоизмъ подъ покровомъ безупречной внѣшней жизни, большого достоинства своего поведенія и лицемѣрнаго благочестія, хотя въ глубинѣ души онъ былъ чуждъ всякой религіи.

Въ этотъ моментъ во Франціи вѣтеръ дулъ въ сторону реформъ и королева-мать, Екатерина Медичи обнаруживала благорасположеніе къ нимъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Карль Гизъ присоединился къ

партіи реформы. Курія очень опасалась этого прелата: лѣтомъ 1560 г. его считали главнымъ авторомъ мысли о національномъ соборѣ¹. Осенью того же года онъ убѣдилъ французскаго короля отвергнуть буллу о созваніи собора, такъ какъ она не придавала послѣднему характеръ новаго собора²; затѣмъ послѣ совѣщанія въ Пуасси онъ, во главѣ большого числа французскихъ прелатовъ, просилъ регентшу склонить св. престоль къ допущенію всѣхъ мірянъ причащаться въ двухъ видахъ. Онъ показывалъ также большую снисходительность къ духовнымъ лицамъ, подозреваемымъ въ ереси; еще позже онъ дѣлалъ видъ, что намѣренъ требовать отъ собора разрѣшенія браковъ священникамъ. Сверхъ того увѣряли, что онъ желаетъ отмѣны почитанія святыхъ и иконъ и намѣренъ представить папѣ и собору длинный списокъ злоупотребленій, подлежащихъ уничтоженію. Явнымъ признакомъ враждебнаго настроенія его служило также его рѣшеніе прибыть въ Тріентъ какъ разъ въ то время, когда папа пересталъ требовать пріѣзда туда французскихъ епископовъ. Въ Римѣ и Тріентѣ говорили, что его честолюбіе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться независимымъ примасомъ всей Галліи³.

¹ Инструкція Филиппа II Антонію толедскому, 2 сент. 1560 г.; Weiss, *Papiers d'État de Granvelle*, т. VI, стр. 137 и слѣд.

² Письмо кард. Борромео къ Гозиусу, 13 янв. 1561 г.; Surlan, *Tabular.*, стр. 139 и примѣч. 14.

³ Письмо кардинала феррарскаго къ кардиналу Барромео, отъ 30 янв., 18 іюня и 8—28 іюля 1562 г.; Sala,

По приїзді въ Трієнтъ онъ заболѣлъ и вслѣдствіе этого втеченіе нѣкотораго времени не могъ выходить изъ дому, такъ что только 23 ноября онъ явился въ засѣданіе собора. Его первая рѣчь, казалось, вполне подтвердила опасенія римскаго двора. Въ ней онъ пространно изложилъ безнадежное положеніе Франціи, средство для исцѣленія котораго можетъ дать только соборъ посредствомъ основательной реформы нравовъ и управленія духовенства. Другой французскій посоль, Дю Феррье, повторилъ это же требованіе въ одушевленной рѣчи, пересыпанной текстами изъ Библии и содержащей довольно непріятные намеки на современное состояніе Церкви и собора. Инструкціи, данныя кардиналу королевскимъ совѣтомъ Карла IX, содержали рядъ очень рѣшительныхъ требованій. Въ нихъ заявлялось объ установленіи богослуженія, освобожденнаго отъ всякаго суевѣрія и бесполезныхъ церемоній; объ улучшеніи духовнаго управленія; о всеобщемъ употребленіи національнаго языка при совершеніи таинствъ; о проповѣди и катехизаціи дѣтей на французскомъ языкѣ; о пѣніи французскихъ псалмовъ; о допущеніи, если, возможно, браковъ священниковъ и о всякихъ дру-

Documenti circa S. Carlo Borromeo, т. III (Milan, 1861), стр. 113, 190, 211 и 219.—Депеши Санта Кроче, апост. нунція во Франціи, отъ 5 авг. и 28 сент.; Cimber et Danjou, *Archives curieuses*, 1-re série, т. VI, ст. 108 и слѣд.—Письмо епископа леридскаго къ Варгасу, 18 мая 1562 г.; *Docum. ineditos*, т. IX, стр. 189.

гихъ уступкахъ, которыя только возможны для установленія единства Церкви.

Но можно ли было надѣяться добиться отъ итальянскихъ *папистовъ* и испанскихъ фанатиковъ какой бы то ни было уступки въ вопросахъ такой важности?

Чтобы насколько возможно обезпечить себя противъ плановъ кардинала лотарингскаго, легаты устроили вокругъ него цѣлую систему шпіонства, организованную епископомъ винтимильскимъ, Карломъ Висконти, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ кардинала-племянника Борромео. Цѣною золота онъ подкупилъ многихъ слугъ Лотаринга,—болѣе чѣмъ странный способъ вліять на рѣшенія собора, руководимаго Св. Духомъ! Съ своей стороны, кардиналъ лотарингскій нисколько не стѣснялся открыто выражать свое крайнее нерасположеніе къ Симонеттѣ и окружающимъ его фанатикамъ и спорщикамъ, которые платили ему еще большею ненавистью¹. Чѣмъ больше увеличивалось число *ультрамонтанъ* на соборѣ, тѣмъ больше обнаруживали ихъ противники враждебности и рѣшимости; такимъ образомъ нельзя было избѣжать страстной борьбы.

Такъ какъ епископы продолжали читать на соборѣ безконечные трактаты съ цѣлью доказать или опровергнуть божественное установленіе епископата, то срокъ прекращенія преній былъ снова отложенъ и на этотъ разъ на неопредѣ-

¹ Pallavicini, XIX, 4, 1.

ленное время. Болѣе умѣренные люди изъ числа легатовъ, Гонзагъ и Серипандо, охотно бы согласились сдѣлать испанцамъ нѣкоторыя уступки по вопросу объ установленіи епископата и даже имѣли съ ними по этому поводу нѣсколько совѣщаній¹, но толпа италіянцевъ противилась этому, частью въ силу національной вражды противъ испанцевъ, частью же, чтобы обезпечить себѣ благосклонность курии и, слѣдовательно, дальнѣйшее повышение². Рѣчь Мельхиора Восмедіанэ, епископа кадикскаго (1 декабря 1562 г.), показала имъ превосходнымъ случаемъ для того, чтобы терроризировать своихъ противниковъ. Въ доказательство того, что епископы не безусловно всегда должны ставиться папою, ораторъ привелъ примѣръ многихъ суффрагановъ архіепископа зальцбургскаго, которые, будучи свободно выбраны капитуломъ своихъ епархій, поставляются своимъ архіепископомъ, а на папою, и тѣмъ не менѣе становятся столь же законными епископами, какъ тѣ, которыхъ посвящаетъ самъ папа. Симонетта прервалъ его замѣчаніемъ³: „Достопочетный отецъ, вспомите, что то, что дѣ-

¹ В е с с а d e l l i, т. II, стр. 45 и слѣд.

² На эти основанія указываетъ кардиналъ Палеото, стр. 597.

³ Официальный секретарь собора М а с с а р е л л и представляетъ дѣло такъ, какъ будто итальянскіе епископы первые прервали испанца, а Симонетта уже вмѣшался потомъ, но это—только официальная попытка его оправдать, П а л е о т т о, М у з о т т и (Дневникъ, стр. 30), архіепископъ зарскій въ своемъ дневникѣ (у Б е к к а д е л л и, т. II, стр. 50 и слѣд.) и въ письмѣ отъ 3 декабря (В а л у з е-

лаеть архіепископъ зальцбургскій, онъ дѣлаеть съ разрѣшенія папы“. Когда итальянцы увидѣли, что легатъ, котораго считали довѣреннымъ лицомъ папы¹, сталъ противъ испанца, они вдругъ, какъ бы по приказу, всѣ возмутились и подняли крики: „вонъ, вонъ! не слушайте его болѣе!..“ Другіе прибавляли: „да будетъ онъ проклятъ!“ А иные кричали: „всѣ испанцы проклятые еретики!“ Тогда архіепискъ гренадскій поднялся и крикнулъ имъ въ свою очередь: „Вы сами—проклятые!“ Мужественное поведеніе испанцевъ и въ особенности кадикскаго епископа, —который спокойно продолжалъ свою рѣчь, вполнѣ признавая въ ней главенство папы, но жалуясь вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣхъ, кто его прервалъ,—разрушило планъ итальянцевъ. Четыре или пять испанскихъ епископовъ, которыхъ легаты раньше склонили на свою сторону, заявили послѣднимъ, что если будутъ продолжаться оскорбленія ихъ

М а н с і, т. IV, стр. 275.) и наконецъ Мендоза (стр. 101), при всей своей преданности Риму, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ противное, а именно, что сигналъ къ столкновению данъ былъ Симонеттою. Архіепископъ даже опредѣленно говоритъ, что весь скандалъ былъ результатомъ предшествующаго рѣшенія легатовъ обуздать испанцевъ. П а л л а в и ч и н и (XIX, 5,5) рассказываетъ, что Симонетта началъ, хотя и *dolcemente*, общій вопль противъ Восмедіанэ.

¹ Деша императорскихъ представителей отъ 7 іюля 1562 г.: Est hic inter cardinales legatos unus Simonetta, a cuius nutu pendant omnes isti episcopi, idque ob id maxime quod ipsi S-mi D. N. (papae) sensum et cardinalium in Urbe agentium mentem probe cognitam esse persuasum habent. S i c k e l, стр. 348.

націи, они стануть подавать голосъ вмѣстѣ съ своими соотечественниками¹. Кардиналь мантуанскій, а потомъ и кардиналь лотарингскій высказали строгое порицаніе тѣмъ, кто вызвалъ безпорядки на соборѣ, а епископъ парижскій предложилъ даже издать противъ нихъ особый канонъ. Однако, когда рѣчи кардинала лотарингскаго и пражскаго архіепископа, сказанные ими въ защиту права епископата, произвели ни собраніе глубокое впечатлѣніе, то легаты, чтобы ослабить эти рѣчи, прибѣгли къ повторенію возмутительной сцены. Кардиналь Гозиусъ, самый умѣренный между ними, произнесъ 3 декабря жестокое осужденіе епископа алифскаго по очень ничтожному поводу и, когда послѣдній пожелалъ оправдаться, Симонетта лишилъ его слова высокоумнымъ замѣчаніемъ, что никто не имѣетъ права отвѣчать апостолическимъ легатамъ². Въ Римѣ вполне одобряли такіе тиранническіе приемы легатовъ и побуждали ихъ поступать какъ можно энергичнѣе съ недовольными и упорствующими³.

Тѣмъ не менѣе такія насилія не имѣли того успѣха, на какой рассчитывали легаты. Пренія продолжались недѣлями, а все не удавалось придать седьмому канону такую форму, которая бы удовлетворила всѣхъ. Тогда члены римской партіи

¹ Pallavicini, XIX, 7, 1.

² Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро отъ 3 дек.; Baluze-Mansi, т. IV, стр. 276.

³ Письмо Борромео къ Гозиусу отъ 9 декабря; Surlan-pus, *Tabul.*, стр. 264.

возобновили перерывы рѣчей непріятныхъ ораторовъ противной партіи, кашляя и громко сморкаясь, что подало поводъ де-Лансаку насмѣшливо замѣтить, что интересно видѣть какъ *ius divinum* вызываетъ насморкъ¹.

Наконецъ, по обыкновению, все дѣло было передано папѣ, который отвѣчалъ, что сначала и прежде всего необходимо опредѣленно признать верховенство и безграничное право святого престола; но этотъ принципъ былъ отвергнутъ французами и испанцами, причемъ первые особенно настаивали, что собраніе епископовъ на соборѣ не можетъ быть подчинено папѣ. Такимъ образомъ соборъ былъ болѣе чѣмъ когда либо далекъ отъ соглашенія.

Пій IV приписывалъ неудачу главнымъ образомъ французамъ и въ особенности кардиналу лотарингскому², и преданные сторонники его стали позволять себѣ въ отношеніи французовъ рѣзкія заявленія, вызывавшія со стороны послѣднихъ неоднократныя жалобы³. Былъ моментъ, когда папа имѣлъ намѣреніе лично отправиться въ Болонью, чтобы быть ближе къ собору и оказывать на него болѣе непосредственное вліяніе. Во избѣженіе такого шага, который имѣлъ бы видъ давленія на собраніе, легаты послали въ

¹ Mendoza, стр. 107.

² Письмо кард. лотарингскаго къ папѣ отъ 11 янв. 1562 г.; Le Plat, III, 653.

³ Письмо Висконти отъ 10 дек. 1562 г.; Baluze-Mansi, V, 434.

Римъ (въ концѣ декабря 1562 г.) папскаго любимца, епископа вентимильскаго¹. Умы были возбуждены до такой степени, что первый французскій посоль, де-Лансакъ, черезъ посредство Висконти, обратился къ папѣ съ совѣтомъ не слушаться недоброжелательныхъ людей, которымъ онъ слишкомъ довѣряется, тогда какъ они имѣютъ въ виду исключительно только свои выгоды. Онъ убѣждалъ папу пожертвовать нѣкоторыми своими привилегіями, чтобъ сохранить остальные и спасти Францію и самого себя отъ большихъ несчастій². Между тѣмъ авторитетъ французовъ, которымъ оказывали столь мало уваженія, чрезвычайно поднялся извѣстіемъ о побѣдѣ королевскихъ войскъ надъ гугенотами при Дріэ, 19 декабря. Ободренные этимъ успѣхомъ и имѣя отъ Екатерины Медичи рѣшительное приказаніе сдѣлать все возможное для дѣйствительной реформы³, они представили 2 янв. 1563 г. длинный *списокъ реформъ* (*libelle de réforme*), слѣдуя въ этомъ примѣру императора⁴. Этотъ списокъ, состоявшій изъ 34 пунктовъ, требовалъ: чтобы священнической санъ давался только людямъ зрѣлаго возраста и безупречнаго поведенія; чтобы въ епископы избирались священники сообразно уста-

¹ См. инетрукцію ему отъ 26 дек. у Musotti, стр. 42 и слѣд.

² Paleotto, стр. 624 и слѣд.

³ Nicol. Psalmeus, *Acta consilii Tridentini*; Le Plat, VII, II, 109.

⁴ Le Plat, V, 629 и слѣд. Тамъ же отвѣты легатовъ и кардиналовъ.

новленному каноническими правилами возрасту и обладающіе необходимыми способностями, подобно аббатамъ и пріорамъ, которые должны быть докторами богословія. Онъ требовалъ также предписанія частыхъ и регулярныхъ проповѣдей; установленія поучающей и благотворительной дѣятельности монастырей; составленія хорошаго катехизиса; воспрещенія скопленія у одного лица духовныхъ бенефицій; отмѣны постороннихъ доходовъ у клерковъ; прибавленія къ установленному богослуженію нѣкоторыхъ частей на народномъ языкѣ; предоставленія мірянамъ принятія причастія въ двухъ видахъ; требовалъ, чтобы соборъ высказался противъ назначенія бенефицій безъ несенія духовныхъ обязанностей, а также и противъ пенсій, присвоенныхъ бенефиціямъ, и чтобы была воспрещена выдача брачныхъ свидѣтельствъ, продаваемыхъ за деньги, къ великому соблазну вѣрныхъ; чтобы ограничили отлученія и установили постоянные соборы, въ епархіяхъ ежегодно, въ провинціяхъ черезъ два года и на конконецъ общій черезъ каждыя десять лѣтъ.

Эти скромныя требованія ни въ чемъ не затрагивали ни догматовъ, ни католической іерархіи, но Римъ и духовенство должны были лишиться при этомъ многихъ источниковъ обогащенія, положить конецъ фаворитизму, лучшему оружію римскаго двора, и требовали отъ нихъ гораздо болѣе заботъ и труда, чѣмъ до сихъ поръ. Этихъ соображеній было достаточно, чтобъ сдѣлать *списокъ реформъ* непріятнымъ для Рима,

раздраженіе, котораго еще усиливалось тѣмъ, что онъ былъ немедленно напечатанъ въ Рива и Падуѣ и такимъ образомъ могъ быть обсуждаемъ всѣми католиками¹. Вслѣдствіе этого къ умѣреннымъ предложеніямъ королевы-матери отнеслись самымъ безпощаднымъ образомъ, считая ихъ даже худшими предложеній императора. Легаты представили на различные пункты проекта свои возраженія, отвергая почти всѣ сколько нибудь серьезныя статьи, и отправили всѣ документы въ Римъ. Тамъ ихъ подвергли обсужденію конгрегациі кардиналовъ, которая отвергла даже то немногое, что считали возможнымъ принять легаты, и горько жаловалась, что французскій списокъ говоритъ всегда лишь о соборѣ и никогда о папѣ, хотя только его одобреніе можетъ дать ему законную силу.

Такимъ образомъ курія возставала противъ серьезной реформы церкви и въ то же время провозглашала принципъ своего верховенства надъ соборомъ. Въ какомъ духѣ она желала напечатать его обсужденіе, это видно изъ письма самихъ легатовъ къ кардиналу Борромео, отъ 13 янв. 1563 г. Въ немъ они говорятъ, что имѣютъ въ виду только двѣ цѣли: укрѣпить посредствомъ собора еще сильнѣе папскую власть и, добившись этого, какъ можно скорѣе довести до закрытія его.

Съ своей стороны папа далъ въ это время

¹ Sardi, lib. t. VIII.

разительный примѣръ полнаго пренебреженія къ самымъ опредѣленнымъ рѣшеніямъ собора и вмѣстѣ съ тѣмъ высококомѣрнаго презрѣнія ко всѣмъ *ультрамонтанскимъ* народамъ, не устававшимъ требовать реформы *in capite et membris*. Въ нарушение формальныхъ декретовъ собора, онъ возвелъ въ кардиналы двухъ дѣтей, принадлежащихъ къ княжескимъ домамъ, нарекъ епископами людей, не обладавшихъ ни каноническимъ возрастомъ, ни академическими степенями, и обременилъ многія церкви разорительными пенсіями въ пользу своихъ фаворитовъ¹.

Тѣмъ не менѣе независимая партія на соборѣ, значительно увеличенная и ободренная прибытіемъ французовъ и ихъ твердымъ образомъ дѣйствій, обнаруживала мало склонности подчиниться тиранническимъ требованіямъ Рима и возобновила обсужденіе вопроса, почти столько же опаснаго, какъ вопросъ о божественномъ правѣ епископата,—а именно о резиденціи духовныхъ лицъ. Немедленно возобновилась старая борьба между положительнымъ, человѣческимъ, правомъ и правомъ божественнымъ. Эти споры, въ которыхъ обѣ партіи, однако, не позволяли себѣ обычныхъ насилій, не кончились въ 1562 г.

Католическія страны начали беспокоиться по поводу нескончаемыхъ пререканій, безъ всякаго серьезнаго результата. Намекая на два вопроса—

¹ Объ этихъ непростительныхъ дѣйствіяхъ Пія IV сообщаетъ кардиналъ Paleotto; стр. 625.

о божественномъ установленіи епископата и о божественномъ опредѣленіи пребыванія духовныхъ лицъ среди своей паствы (о резиденціи)—повсюду стали говорить, что въ соборѣ началась война между Спасителемъ и папою¹.

Къ двумъ первымъ затрудненіямъ присоединилось третее. Папа потребовалъ, чтобы къ восьмому канону священства, въ которомъ говорилось объ епископатѣ, верховный первосвященникъ былъ опредѣленно объявленъ главою всемірной церкви, какъ *rector universalis ecclesiae*. Но въ этой формулѣ можно было усмотрѣть признаніе верховенства папы надъ соединенною всемірною церковью, т.-е. соборомъ. Французы, всегда непоколебимые защитники главенства соборовъ, упорно воспротивились этому. Кардиналъ лотарингскій, въ сущности вовсе не желавшій полного разрыва съ св. коллегіей, не считалъ, однако возможнымъ согласиться на подобное выраженіе, а французскіе посланники открыто заявили, что если они допустятъ столь чудовищную вещь, то будутъ побиты камнями въ своемъ отечествѣ. Не обращая вниманія на всѣ эти затрудненія, папа съ своимъ обычнымъ нетерпѣніемъ выражалъ недовольство легатами, которые не сумѣли заставить исполнить его желаніе, и по этому поводу между кардиналомъ Борромео и легатами произошелъ обмѣнъ непріятныхъ писемъ².

¹ Письмо кардинала лотарингскаго отъ 14 янв. 1568 г.; Le Plat, V, 655.

² Pallavicini, XIX, 13, 2.

Публичное засѣданіе откладывалось съ мѣсяца на мѣсяць. Кардиналь лотарингскій находилъ, что въ теченіе того времени, которое тратилось такъ бесполезно, можно было бы закончить всѣ дѣла собора и что эти постоянныя промедленія были позоромъ въ глазахъ всего христіанскаго міра. Епископъ алифскій воскликнулъ среди самаго засѣданія: „Смуты, волнующія отцовъ церкви, такъ сильны, что мнѣ иногда думается, что пришелъ антихристъ!¹“ Очевидно, что легаты умышленно затягивали обсужденіе вопросовъ объ епископатѣ и резиденціи. Въ концѣ концовъ ихъ образъ дѣйствія увѣнчался полнымъ успѣхомъ, хотя противники хорошо понимали истинное намѣреніе легатовъ. Въ письмахъ, адресованныхъ къ маркизу Пескара, архіепископъ гренадскій и епископъ сеговійскій горько жаловались, что папа не хочетъ рѣшенія и что легаты стѣсняютъ свободу обсужденій². Эта жалоба была болѣе чѣмъ основательна. Въ срединѣ января общія конгрегаціи совершенно прекратились, потому что ни по одному изъ текущихъ крупныхъ вопросовъ невозможно было придти ни къ какому соглашенію; для того же, чтобы придать видъ, что дѣлается кое-что, была учреждена комиссія для обсужденія вопроса о резиденціи. Однако, уже черезъ нѣсколько дней кардиналь лотарингскій заявилъ, что дѣйствія ея до того неприличны, что онъ не станетъ болѣе принимать

¹ Paleotto, стр. 642.

² Raunaldi, ad an. 1562, nr. 103.

участія въ ея засѣданіяхъ, не желая ронять достоинства своего имени¹. Въ то время, какъ официальные засѣданія тянулись такимъ образомъ безъ малѣйшей надежды на улучшеніе дѣла, происходили частныя собранія, которыя только усиливали интригу и несогласіе. „На соборѣ все идетъ вверхъ дномъ“, писалъ въ одной депешѣ къ императору архіепископъ пражскій².

Съ другой стороны, легаты въ перепискѣ съ Римомъ жаловались на трудность своего положенія, на непослушаніе и сопротивленіе тѣхъ епископовъ, которые заявляли о своей особой преданности св. престолу. Они требовали отъ его святѣйшества инструкцій на тотъ возможный случай, если собору придется разойтись. Папа, который вовсе не былъ бы недоволенъ, если бы соборъ самъ уронилъ и погубилъ себя, поспѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы представить курію въ возможно выгодномъ свѣтѣ. 29 января 1563 г. онъ объявилъ въ консисторіи кардиналовъ восемь пунктовъ реформъ, относящихся къ наиболѣе вопіющимъ злоупотребленіямъ въ папскихъ финансахъ, въ назначеніяхъ бенефицій и въ расходахъ по брачнымъ дѣламъ³. Въ то же время, по совѣту кардинала Сентъ-Клемана онъ убѣждалъ каждога изъ посланниковъ свѣтскихъ государей въ Римѣ обратиться съ своими требованіями не къ собору, а къ нему, первосвя-

¹ Nic. Psalmeus, стр. 116.

² Отъ 1 февр. 1563 г.; Bucholtz, т. IX, стр. 681.

³ Депеша де-Лиля отъ 2 февр.; Le Plat, V, 670.

щеннику, и онъ постарается немедленно удовлетворить ихъ¹. Это былъ очень ловкій шагъ въ видахъ умаленія значенія собора и, сверхъ того, для того, чтобы всякая уступка исходила отъ папской власти, а потому могла бы во всякое время взята назадъ.

Въ это самое время императоръ прибылъ въ Иннсбрукъ съ цѣлью ближе наблюдать за всѣмъ, происходящимъ на соборѣ, о которомъ онъ былъ самого дурного мнѣнія. Римскій дворъ тотчасъ же рѣшилъ послать къ нему одного изъ легатовъ, чтобы склонить его къ мысли о закрытіи засѣданій собора, но не могъ сразу остановиться на выборѣ лица для столь важной миссіи. Кардиналъ мантуанскій и Серипандо были подозрительны въ глазахъ куріи; Симонетту Фердинандъ ненавидѣлъ, а Гозиусъ былъ далеко не въ курсѣ дѣла. Съ своей стороны легаты, боясь, что Драшковичъ и кардиналъ лотарингскій, предстоящій отъѣздъ которыхъ въ Иннсбрукъ они предвидѣли, предъявятъ тамъ свои обвиненія противъ нихъ, отправили туда же, по собственному почину, епископа Коммендоне, котораго императоръ зналъ съ 1561 г. Однако прелать вернулся черезъ нѣсколько дней, не добившись никакого успѣха. Онъ нашелъ Фердинанда „глубоко потрясеннымъ“ ходомъ событій въ Триентѣ и полагалъ, что съ его стороны можно ожидать проявленій открытой вражды къ собору².

¹ *Relaz. di Girol. Soranzo*; Albéri V, 118.

² Письмо Висконти въ февр. 1563; Baluze-Mansi, III

Чтобы, по крайней мѣрѣ, дѣлать что-нибудь въ Триентѣ и въ то же время отвлечь умы отъ раздражающихъ и злополучныхъ вопросовъ, по предложенію легатовъ было рѣшено заниматься таинствомъ брака и устраненіемъ злоупотребленій въ отношеніи священства.

Французы, однако, не хотѣли ограничиться такими вопросами второстепенной важности; они требовали, чтобы соборъ приступилъ къ разсмотрѣнію списка реформъ, представленнаго отъ имени ихъ короля, и обсудилъ содержащіяся въ немъ предложенія. Дю-Феррье произнесъ новую рѣчь, наполненную, какъ всегда, цитатами изъ Библии, въ которой требовалъ, чтобы были, наконецъ, составлены надлежащіе законы и — что еще важнѣе — чтобы дано было обезпеченіе въ исполненіи ихъ, какъ то предлагалъ его государь. Безъ этого, прибавлялъ онъ, соборъ сдѣлается предметомъ отвращенія для всѣхъ католиковъ и мишенью для насмѣшекъ ихъ противниковъ. Кардиналъ лотарингскій говорилъ еще рѣшительнѣе: „теперь въ третій и послѣдній разъ соборъ приглашенъ обратить вниманіе на справедливыя требованія и жалобы христіаннѣйшаго короля. Мы не нуждаемся болѣе въ словахъ, намъ нужны факты. Клянусь предъ Богомъ, отцы синода, что, если дѣло снова затянется, я сдѣлаю все, что буду въ состояніи, чтобъ

438—442.—Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро отъ 18 февр., *loc. cit.*, IV, 298.—Отчетъ Коммендоне; Pallavicini, XX, 4, 3.

убѣдить французовъ, что я исполнилъ свой долгъ“¹. Онъ грозилъ уѣхать изъ Триента тотчасъ же послѣ Пасхи², и этотъ отъѣздъ далъ бы сигналъ для созванія національнаго собора Франціи. Соборъ въ своемъ отвѣтѣ ограничился неопредѣленными обѣщаніями и просьбами, обращенными къ королю, продолжать борьбу съ еретиками.

Папа былъ такъ раздвоенъ оппозиціею французовъ и нѣмцевъ и воображаемымъ возмущеніемъ епископовъ, что сталъ серьезно помышлять о немедленномъ закрытіи собора. Въ это время думали, что кардиналъ лотарингскій намѣренъ призвать въ Триентъ еще 60 французскихъ епископовъ, а потому римскій дворъ склонялся къ мысли спѣшить окончаніемъ собранія.

Положеніе было безнадежно. Желая попытаться помочь дѣлу при содѣйствіи императора, Карлъ лотарингскій поѣхалъ къ нему (12 февраля). Онъ былъ превосходно принятъ императоромъ и оставался съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Въ этотъ моментъ настоящимъ центромъ духовныхъ дѣлъ былъ не Триентъ, а Иннсбрукъ. Римскій король, герцогъ Баварскій, кардиналъ Мадруццо, архіепископъ зальцбургскій,—всѣ собрались тамъ для обсужденія религіозныхъ дѣлъ. Немедленно отправился туда же епископъ фюнфкирхенскій для представленія императору точнаго отчета о положеніи дѣлъ, но Фердинандъ и въ этотъ

¹ Послѣдняя фраза, опущенная Райнальди, а за нимъ и Ле-Пла, приводится Палеотто, стр. 643.

² Письмо Висконти, февр.; стр. 438.

важный моментъ не принялъ окончательнаго рѣшенія. По обычаю всѣхъ слабыхъ политиковъ, онъ снова образовалъ комиссію, въ которую вошли самые разнородные элементы¹. Естественно, что члены ея спорили между собою, теряя изъ виду тотъ путь, по которому надлежало идти, чтобы достигнуть совмѣстно съ соборомъ желательнаго результата. Къ этому большому собранію присоединился еще кардиналъ лотарингскій. Друзья Рима не ждали ничего добраго отъ всѣхъ этихъ совѣщаній². Въ запискѣ, представленной императору 22 февраля³, кардиналъ лотаринскій указалъ на четыре обстоятельства, служившія главнымъ препятствіемъ для дѣятельности собора: первое, что въ сущности только вопросы, предварительно одобренные Римомъ, были окончательно рѣшены въ Триентѣ; второе, что итальянская нація, имѣющая столько же епископовъ, сколько другія націи имѣютъ декановъ, всегда по этому при голосованіяхъ имѣла большинство; третье, что легаты присвоили себѣ исключительное право вносить предложенія и, наконецъ, что только одинъ нотаріусъ, добросовѣстность котораго внушала мало довѣрія, редактировалъ протоколы и собиралъ голоса. Вслѣдствіе этого, для измѣненія такого печальнаго

¹ См. объ этихъ событіяхъ у Sichel'я, стр. 431 и слѣд., исправляющаго ошибки, допущенныя Saggi и Pallavicini.

² Записка, представленная Висконти кардиналу Борромео; Baluze-Manzi, III, 440.

³ Sichel, стр., 434 и слѣд.

положенія вещей, онъ предлагалъ распорядиться, чтобы сколько возможно большое число епископовъ и аббатовъ изъ Испаніи, Франціи и Германіи явилось въ Триентъ въ противовѣсъ италъянцамъ; затѣмъ посланники государей должны представлять свои требованія не легатамъ, но прямо въ засѣданія собора, для присутствія въ которомъ они акредитованы, и, наконецъ, необходимо, чтобы императоръ лично отправился въ Триентъ съ цѣлью вліять на соборъ въ направленіи, желательномъ для него и для партіи реформы.

Однако предложенія кардинала лотарингскаго было легче сдѣлать, чѣмъ выполнить на дѣлѣ. Послѣднее изъ нихъ было отвергнуто Фердинандомъ съ достаточнымъ основаніемъ, такъ какъ его присутствіе въ Триентѣ привели бы только къ тому, что дало бы предлогъ папистамъ кричать о насиліи императора надъ соборомъ и вызвать неудовольствіе противъ него со стороны многихъ благожелательныхъ прелатовъ. Что касается возможности найти большое количество епископовъ не-италъянцевъ, готовыхъ отправиться въ Триентъ, то надежда на это была очень слаба; попытка же посланниковъ сговориться на общемъ собраніи по проектамъ, не одобреннымъ легатами, останется, безъ сомнѣнія, безплодною и поведетъ только къ распущенію собора.

Эти безплодныя обсужденія усилили дурное мнѣніе о соборѣ, которые уже давно имѣлъ о немъ Фердинандъ I. Въ это же время¹

¹ Le Plat, т. V, стр. 635.

прокураторы, посланные въ Тріентъ нѣмецкими епископами, горячо жаловались на то, что имъ отказали въ правѣ совѣщательнаго голоса, которымъ они пользовались при подобныхъ же обстоятельствахъ на предшествующихъ собраніяхъ. Они вполне основательно выражали опасенія, что итальянцы и испанцы, стремленія и нужды которыхъ были совершенно различны съ нѣмецкими, могутъ все установить къ своему удовольствію, такъ что въ концѣ концовъ имперія будетъ вынуждена отказаться принять постановленія собора.

Въ Иннсбрукѣ вскорѣ убѣдились, что большинство Тріентскаго собора не даетъ мѣста самымъ скромнымъ надеждамъ. Въ нѣкоторыхъ запискахъ, представленныхъ императору его совѣтниками, на это указывалось безъ обиняковъ, что было тѣмъ опаснѣе для собора, что папа изъ опасенія французовъ и испанцевъ началъ прилагать всѣ старанія привлечь императора на свою сторону и заставить его отказаться отъ дѣла собора, обѣщая ему отъ этого всякаго рода выгоды и особенно свое согласіе послѣ собора на разрѣшеніе причастія мірянамъ подъ двумя видами.

Окончательнымъ результатомъ всего этого было-то, что въ своихъ послѣдующихъ требованіяхъ императоръ уже болѣе обращался не къ собору, а непосредственно къ папѣ. Что касается собора, то императоръ ограничился тѣмъ, что вновь послалъ въ Тріентъ епископа фюнфкирхенскаго,

поручивъ ему выразить его крайнее неудовольствие собранію, но не дѣлалъ ему никакихъ предложеній (начало марта 1563). Такимъ образомъ съ всѣхъ сторонъ приходили извѣстія о томъ, что на соборъ потеряна всякая надежда и что всѣ осуждаютъ его вѣчныя колебанія и несогласія ¹.

Шаги, сдѣланные императоромъ по отношенію къ папѣ, имѣли еще другую, болъшую важность. Онъ послалъ ему два письма, изъ которыхъ одно, гласное, предназначалось для сообщенія легатамъ собора и иностраннымъ государямъ ², а другое,—секретное, исключительно только одному папѣ.

Въ первомъ изъ этихъ посланій онъ снова настойчиво отговаривалъ папу отъ приписываемаго ему намѣренія распустить или закрыть соборъ. Напротивъ, онъ просилъ позволить собору начать, наконецъ, серьезную реформу церкви съ тою полною свободою, которая господствовала на прежнихъ соборахъ. Это тѣмъ болъе необходимо, говорилъ императоръ, что уже повсюду умы все болъе и болъе отворачиваются отъ папы и собора; для того же, чтобъ лучше устроить всѣ дѣла, онъ предлагалъ папѣ свиданіе въ самомъ Триентѣ.

Секретное письмо, гораздо болъе подробное, является интереснымъ свидѣтельствомъ мнѣнія, которое имѣлъ о положеніи Церкви благочести-

¹ Peleotto, стр. 644.

² Visconti, 11 марта, стр. 451.

вый и просвѣщенный католикъ. Сначала императоръ еще разъ упоминаетъ объ имѣющихъ для себя полное основаніе всеобщихъ жалобахъ по поводу замедленій въ реформѣ и говоритъ, что она должна быть главнымъ образомъ обращена на способъ избранія папъ и кардиналовъ, въ число которыхъ не должны попадать незрѣлыя дѣти или явные невѣжды,—намекъ на послѣднія назначенія самого Пія IV, который очень хорошо понялъ его ¹. Тѣхъ же принциповъ слѣдуетъ держаться и при выборѣ епископовъ. Что касается собора, то въ письмѣ перечисляются три класса прелатовъ: къ первому относятся тѣ, которые желаютъ получить кардинальство; ко второму—бѣдные люди и въ силу этого вполнѣ зависящіе отъ милостей и благосклонности папы и наконецъ къ третьему—достаточно богатые и могущіе поэтому слѣдовать только указаніямъ своей совѣсти. Только эти послѣдніе дѣйствительно свободны, тогда какъ первые два класса, руководимые надеждою или страхомъ, противятся всякой коренной реформѣ. Развѣ всѣ рѣшенія собора, прежде ихъ окончательнаго принятія, не были представляемы папѣ и утверждены его святѣйшествомъ съ комиссіею кардиналовъ? И такимъ образомъ выходило, что имѣются два собора: одинъ въ Римѣ, а другой въ Триентѣ. По этому было бы лучше, если бы папа самъ отправился въ этотъ городъ, гдѣ императоръ охотно повидается и переговоритъ съ нимъ.

¹ S i c k e l, стр. 453.

По полученіи посланія отъ папы императоръ въ третій разъ и въ еще болѣе энергическихъ выраженіяхъ обратился къ Пію IV (8 марта). Нѣтъ ничего удивительнаго, писалъ онъ, что лютеране не желаютъ явиться въ Триентъ, потому что хорошо извѣстно, что соборъ управляется и ведется согласно усмотрѣнію Рима, что посланцы только и дѣлаютъ, что ѣздятъ между Римомъ и Триентомъ, что на отцовъ собора оказываютъ вліяніе дарами, обѣщаніями и угрозами. Соборъ теряетъ такимъ образомъ свой авторитетъ и превратился въ простое совѣщательное собраніе.— Тщетно нунцій просилъ императора противодѣйствовать нѣкоторымъ французскимъ и испанскимъ епископамъ, желавшимъ поколебать власть и авторитетъ папы; Фердинандъ холодно отвѣтилъ (9 марта), что онъ также осуждаетъ бесполезные споры, но тѣмъ не менѣе онъ не потерпитъ, чтобы папа увеличилъ свое могущество въ ущербъ собора и епископата.

Римскій дворъ, тѣмъ не менѣе, рѣшился не уступать двойной и одновременной атакѣ независимой партіи собора и свѣтскихъ государей. Онъ зналъ очень хорошо, что собраніе общаго собора было безусловно необходимо для его собственнаго величія, вліянія и матеріальнаго положенія; сверхъ того, онъ зналъ, что пока есть желающіе оставаться католиками, они не могутъ рѣшительно отдѣлиться отъ папства, какъ единственнаго центра соединенія вѣрныхъ противъ вражды еретиковъ. Могли ли въ самомъ дѣлѣ

Фердинандъ I и Карлъ IX борются противъ верховнаго владыки—папы, борясь въ то время съ лютеранами и кальвистами?—Это было невозможно, и въ этомъ было слабое мѣсто партіи реформы. Курія это знала и пользовалась этимъ для рѣшительнаго сопротивленія всѣмъ попыткамъ уменьшить ея престижъ и власть. На время, однако, пришлось отказаться отъ мысли распустить соборъ, но всѣ требованія императора остались безъ всякаго результата. Легаты отвѣчали на нихъ, и не безъ основанія, что замедленіе въ обсужденіяхъ произошло не по ихъ винѣ, но по винѣ нѣкоторыхъ отцовъ, которые выдвинули разные спорные теоретическіе и совершенно бесполезные вопросы; затѣмъ уже съ меньшимъ основаніемъ они указывали на то, что соборъ не могъ бы быть болѣе свободнымъ, если бы онъ собрался въ центрѣ Саксоніи. Они говорили, что всякій разъ, когда дѣло касалось авторитета и достоинства апостолическаго престола, они были обязаны совѣтоваться съ нимъ до окончательнаго рѣшенія. Самъ Пій IV прибѣгалъ ко всякаго рода увѣреніямъ передъ императорскимъ посломъ. Если бы императоръ захотѣлъ вліять силою на обсужденія собора, римскій дворъ намѣревался прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ. Онъ рѣшился въ такомъ случаѣ перевести соборъ въ Болонью и въ то же время укрѣплялъ замокъ Св. Ангела и набиралъ войска, чтобъ придать своимъ рѣшеніямъ необхо-

димую матеріальную опору¹. Въ сохранившемся проектѣ письма отъ 18 марта папа энергически протестовалъ противъ приписываемаго ему намѣренія распустить соборъ и въ доказательство своей твердой рѣшимости работать надъ воссозданіемъ церкви онъ ссылался на серьезныя реформы, произведенныя имъ самимъ при своемъ дворѣ. Онъ утверждалъ, что ему очень трудно ѣхать въ Тріентъ, и приглашалъ императора прибыть вмѣстѣ съ соборомъ въ Болонью, гдѣ онъ получитъ императорскую корону и власть, равную власти самого папы. Въ секретномъ отвѣтѣ онъ обѣщаль, что на будущее время при назначеніи новыхъ кардиналовъ онъ будетъ руководствоваться совѣтами, выраженными въ императорскомъ письмѣ, а при назначеніи епископовъ—декретами соборовъ.

Это являлось уже нѣкотораго рода уступками, хотя и незначительными и довольно неопредѣленными. Зрѣло обдумавъ положеніе дѣлъ, курія сочла, что и это было очень много, и надѣялась, что ей удастся купить слабаго императора еще болѣе выгодно. Вслѣдствіе этого она не послала двухъ предполагавшихся писемъ, и папа ограничился весьма лаконическимъ бреве, которымъ возвѣщаль о скоромъ прибытіи къ императорскому двору легата, которому будетъ поручено устранить всѣ недоразумѣнія².

Легко можно себѣ представить, какой пріемъ

¹ Sickel, стр. 452 и слѣд.

² Pallavicini, XX, 8, 8.

должно было встрѣтить у Пія, давшаго такія доказательства своей твердости, новое предложеніе французскаго короля перенести соборъ въ одинъ изъ городовъ Германіи ¹. Французское правительство, находившееся въ тревожномъ положеніи вслѣдствіе религіозныхъ смуть въ странѣ и относившееся въ это время довольно благосклонно къ протестантамъ, не пользовалось никакимъ значеніемъ въ Римѣ. Разсчитывая найти ревностную поддержку своимъ дѣйствіемъ въ Фердинандѣ I, оно совершенно ошибалось. Напрасно Екатерина послала къ нему президента Бирага, чтобъ добиться его помощи, (весною 1563 г.) ²; Фердинандъ дѣйствовалъ самъ по себѣ, не заботясь о Франціи, и въ силу этого ничего не успѣлъ. Кромѣ того, римскій дворъ сообщилъ ему, что единственная цѣль французовъ и ихъ предложеній это—вызвать къ себѣ симпатіи нѣмецкихъ протестантовъ, чтобы потомъ въ удобный моментъ набросить ихъ на австрійскій домъ ³. Наконецъ такому переводу собора рѣшительно воспротивился и испанскій король ⁴. Такимъ образомъ св. престоль легко побѣдилъ всѣхъ своихъ противниковъ и, пользуясь ихъ разногласіями, побивалъ однихъ посредствомъ другихъ.

¹ Le Plat, V, 792; VI, 8.

² Le Loboueur, I, стр. 800 и слѣд.

³ Id., стр. 804—Депеша ренскаго епископа.

⁴ Инструкція Цунигъ отъ 8 марта; Döllinger, Beitrage, I, 491 и слѣд.—Письмо Филиппа II къ императору отъ 9 іюня; *Doc. ineditos*, IX, 325.

Эта рознь католическихъ народовъ проявлялась въ Тріентѣ очень замѣтно. Почти ежедневно можно было видѣть, какъ дрались между собою слуги разныхъ прелатовъ; они рѣзали другъ друга на улицахъ при крикахъ: Испанія! Италія! Франція! Были времена, когда даже прелаты не рѣшались выходить изъ своихъ жилищъ, чтобы не подвергаться нападеніямъ разъяренныхъ бойцовъ.

Прекращеніе засѣданій, начавшееся въ срединѣ января 1563 г., должно было еще продолжиться, благодаря двумъ прискорбнымъ событіямъ. Сначала, 2 марта, умеръ кардиналь мантуанскій, а черезъ 15 дней, 17 марта,—кардиналь Серипандо, оба послѣ кратковременной болѣзни. Они оба были очень любимы и уважаемы прелатами, къ которымъ всегда относились снисходительно, добродушно и умиротворяюще. Альтанъ уже давно вернулся въ Римъ. Остальные два легата, Симонетта и Гозиусъ, тѣмъ менѣе рѣшались дѣйствовать на свою отвѣтственность, что первый зналъ, какъ ненавидятъ его всѣ прелаты независимой партіи, а второй всегда игралъ очень незначительную роль. Въ виду этого, снова изложивъ папѣ всю затруднительность своего положенія, они просили его назначить какъ можно скорѣе новыхъ прелатовъ на мѣсто умершихъ.

Пій IV озаботился удовлетворить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе, что трудность положенія требовала скорого рѣшенія. Онъ назначилъ легатами двухъ кардиналовъ, уже давно пользовавшихся его особымъ довѣріемъ,—Мороне и Наваджеро.

Мороне былъ сдѣланъ первымъ легатомъ и преемникомъ кардинала мантуанскаго, несмотря на сопротивленіе ортодоксальной партіи св. коллегіи. Онъ родился въ 1509 г. и былъ сыномъ послѣдняго канцлера независимаго Миланскаго герцогства. Окончивъ курсъ наукъ въ Падуанскомъ университетѣ, онъ принялъ духовное званіе и такъ какъ его отцу удалось освободить папу Климента VII отъ его заключенія въ замкѣ Св. Ангела, устроивъ соглашеніе въ 1527 г. между нимъ и императорскою партіею, то Мороне, едва достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста былъ сдѣланъ епископомъ моденскимъ. На 33 году, въ 1542 г., онъ былъ уже кардиналомъ, но вслѣдствіе его повторныхъ поѣздокъ въ качествѣ легата въ Германію и его усилій достигнуть соглашенія между католиками и лютеранами, а также настойчивыхъ совѣтовъ созвать соборъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ склонности къ протестантизму. Фанатическій и мрачный Павелъ IV приказалъ арестовать его и заключить въ замокъ Св. Ангела. Освобожденный тотчасъ же по смерти этого папы, онъ старался особою ревностью къ дѣлу папства заставить позабыть обвиненія, нѣкогда тяготѣвшія надъ нимъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе слабаго Пія IV, но онъ былъ не любимъ кардиналами всѣхъ отгѣнковъ, презиравшихъ непостоянство его характера. Его называли „колодцемъ св. Патрікія“, у котораго, какъ говорили, не было дна¹.

¹ Il pozzo di S. Patrizio; *Relaz. di Girol. Sorranzo* (Roma, 1565); Alberi, т. X, стр. 141.

Бернаръ Наваджеро, второй легатъ, назначенный Пиемъ IV, принадлежалъ къ благородной венеціанской фамиліи, знаменитаго гуманиста Naugerius'a. Родившись въ 1507 г., онъ поступилъ на службу республики и былъ послѣдовательно посломъ ея въ Далматіи, Константинополѣ, Парижѣ, въ Римѣ и у императора. Послѣ смерти жены, дочери дожа Петра Ландо, онъ сдѣлался священникомъ. Немедленно послѣ этого въ 1561 г. онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала Пиемъ IV, уже давно знавшимъ и уважавшимъ его. Очевидно, что не столько внутреннее влеченіе, сколько обѣщанія папы, заставили его сдѣлаться духовнымъ лицомъ. Несмотря на то, что онъ былъ авторомъ многихъ сочиненій и хорошимъ проповѣдникомъ, онъ былъ ненавистенъ своимъ соотечественникамъ, очень нелюбившимъ, чтобы ихъ государственные люди становились слугами папъ, къ которымъ венеціанцы, несмотря на свое благочестіе, относились съ большимъ политическимъ недоувѣріемъ. Естественно, что вслѣдствіе этого Наваджеро только рѣшительнѣе примкнулъ къ своимъ новымъ товарищамъ и былъ почти во враждебныхъ отношеніяхъ съ свѣтскими правительствами.

Избирая Мороне, папа хотѣлъ дать удовлетвореніе умѣренной партіи реформы, которая, заблуждаясь, продолжала считать его въ числѣ членовъ своей партіи; назначая Наваджеро, онъ дѣлалъ удовольствіе *ревностнымъ папистамъ*, мнѣній которыхъ держался этотъ кардиналъ. Во

всякомъ случаѣ, посылая Мороне, перетягивали на свою сторону Фердинанда I, считавшаго его своимъ другомъ и открыто выражавшаго радость по случаю назначенія Мороне легатомъ¹. Именно на отношеніяхъ кардинала къ императору римская курія основывала свои надежды на окончательную побѣду въ дѣлахъ собора. Теперь нельзя было терять времени, если не хотѣли унижительнаго распушенія собора, возстанія Франціи, быть можетъ, распаденія австрійской монархіи.

¹ Sickel, стр. 452.

ГЛАВА VII.

Побѣда римской куріи.—Конецъ собора.

Поѣздка Мороне въ Иннсбрукъ. — Затруднительное положеніе папы. — Онъ спасенъ недостаткомъ единодушія свѣтскихъ правительствъ. — Слабость императора; онъ допускаетъ себя увлечь обѣщаніями и поддерживаетъ папскую партію на соборѣ. — Торжество легатовъ. — Всеобщіе упреки императору. — Оппозиція сдается; побѣда папской партіи. — Прибытіе испанскаго посла Луны и послѣдующія столкновенія его съ Франціею и папою. — Учрежденіе епископальныхъ семинарій. — Возобновленіе борьбы между французами и испанцами, съ одной стороны, и партіей куріи — съ другой. — Послѣдняя привлекаетъ на свою сторону кардинала лотарингскаго, предающаго свое правительство. — Французскіе епископы переходятъ на сторону папскаго большинства; близкое окончаніе собора рѣшено. — Таинство брака. — Каноны общей реформы — покушеніе на права свѣтскихъ правительствъ. — Послѣдніе протестуютъ. — Французскіе послы оставляютъ соборъ. — Курія относится враждебно къ нѣкоторымъ пунктамъ общей реформы. — Испанскій король становится на сторону очень умѣренной реформы. — Только одни испанцы, хотя отчасти, одерживаютъ верхъ надъ сопротивленіемъ партіи куріи. — Приготовленія къ закрытію засѣданій собора; Луна противится этому. — Смягченіе клерикальныхъ требованій къ свѣтскимъ властямъ. — Выдумываютъ тяжкую болѣзнь папы, чтобъ добиться окончанія собора. — Послѣднее засѣданіе и его постановленія. —
Окончательное закрытіе собора.

Мороне немедленно отправился въ Тріентъ. 13 апрѣля онъ произнесъ тамъ вступительную рѣчь, въ которой, само собою разумѣется, выра-

жалъ самая миролюбивыя и доброжелательныя чувства, а затѣмъ онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Иннсбрукъ, чтобы повидаться съ императоромъ. Онъ потому особенно спѣшилъ, что іезуитъ Канизиусъ, вступившій въ комиссію реформы Фердинанда I исключительно съ цѣлью служить тамъ шпиономъ римскаго двора, сообщалъ все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія относительно настроенія и намѣреній императора¹. Къ тому же папа тѣмъ больше нуждался въ поддержкѣ Фердинанда, что на него нападали со всѣхъ сторонъ, грозили ему и обращались съ требованіями, которымъ онъ напередъ рѣшился не уступать. Французское правительство прислало въ Триентъ президента Бирага съ формальнымъ предложеніемъ перенести соборъ въ одинъ изъ рейнскихъ городовъ южной Германіи. Съ тою же цѣлью были посланы Аллегръ въ Римъ и Дуазель въ Мадридъ², но Пій ни въ какомъ случаѣ не допустилъ бы перевода собора въ страну, гдѣ даже католики были противъ римской куріи, и не согласился бы на введеніе обширныхъ и глубокихъ реформъ въ іерархіи.

Затрудненія другого рода исходили со стороны Испаніи. Филиппъ II въ мартѣ 1563 г. прислалъ въ Римъ дона Луи де-Цунига, великаго командора Кастиліи, въ качествѣ второго посланника при Варгасѣ, возбуждавшемъ очень

¹ Aumon, *Lettres et memoires de Visconti*, I, 34.

² *Instruction pour Birague*, 15 avril; Le Plat, VI, стр. 10. и слѣд. Ср. стр. 31 и *Discours d'Allègre au pape*, стр. 44.

часто гнѣвъ святого отца. Въ главной инструкціи, которая была ему дана¹, король, въ противность извѣстнымъ намѣреніямъ папы, настаивалъ на необходимости большей продолжительности собора для того, чтобы всѣ необходимыя для вѣры доктрины были тщательно разсмотрѣны и ясно изложены, а всѣ новѣйшія заблужденія были бы указаны и осуждены, каждое особо и опредѣленно, не исключая тѣхъ, которыя были уже осуждены раньше, когда для этого представлялся случай. Такъ какъ дѣло реформы очень мало подвинулось, то по мнѣнію короля надлежало бы теперь очень ревностно и настойчиво заняться этимъ. Король горячо протестовалъ противъ разрѣшенія мірянамъ причащенія изъ Чаши, какъ того требовалъ императоръ, потому что такую уступкою вовсе не удовлетворятся еретики, а между тѣмъ она вызоветъ неувѣренность или даже глубоко задѣнетъ чувства добрыхъ католиковъ, натолкнетъ сомнѣвающихся на новыя заблужденія и вызоветъ своего рода расколъ, вслѣдствіе различія въ обрядахъ. Это соображеніе снова являлось нелюбезнымъ намекомъ для папы, который, какъ мы уже знаемъ, относился довольно благопріятно къ требованію Фердинанда въ этомъ смыслѣ. Но король шелъ еще дальше: дону Луису было приказано самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на отмѣнѣ фор-

¹ Она помѣчена 28 дек. 1562 г.; Döllinger, *Beitraege* I, стр. 478 и слѣд. Другая инструкція отъ 10 марта 1563 г. тамъ же, стр. 493.

мулы *proponentibus legatis*, потому что, лишась внѣшняго вида полной свободы, соборъ не можетъ принести никакой пользы. Такой же приказъ былъ данъ графу де-Луна, котораго король уже давно послалъ на соборъ въ качествѣ своего *оратора*. Еще въ октябрѣ 1562 г. король писалъ въ этомъ же духѣ къ своему дядѣ императору, внезапно проявивъ при этомъ большую заботу объ еретикахъ, которые никогда не признають собора, зависящаго отъ апостолическихъ легатовъ ¹.

Такимъ образомъ Филиппъ совершенно опредѣленно и энергически противился рѣшеніямъ святаго отца касательно собора, и можно было предвидѣть, что при этомъ онъ обнаружитъ болѣе твердости, чѣмъ Фердинандъ или французы. Онъ грозилъ отозвать своихъ пословъ изъ Рима тотчасъ же по закрытіи собора, такъ какъ папа оказывалъ недостаточно вниманія къ его желаніямъ ².

Въ требованіяхъ императора, французовъ и Филиппа было очень много пунктовъ, относительно которыхъ они могли бы прійти къ соглашенію, оставивъ въ сторонѣ всѣ остальные, и такимъ образомъ они могли принудить папу исполнить ихъ желаніе; особенно же это было воз-

¹ Письмо Филиппа II къ императору отъ 20 окт. 1562 г.; *Doc. ineditos*, II, 562 и слѣд.

² Резолюція герцога Альбы, 5 марта; инструкціи Варгасу и Шунигъ отъ 10 марта; Döllinger, *Beiträge*, I, 486, 489 и слѣд.

можно относительно полной свободы собора и реформы духовнаго управленія и іерархіи. Этого именно болѣе всего боялась курія, и для Рима насталь рѣшительный и опасный моментъ. Чтобы выйти изъ этого труднаго положенія, папѣ оставалось только обратиться къ тому изъ государей, котораго требованія реформы были самыя широкія и радикальныя, но котораго всѣ считали наименѣе настойчивымъ и болѣе всего склоннымъ къ соглашенію и уже давшаго достаточныя доказательства своего миролюбиваго настроенія, уступчивости и даже слабости, т.-е. къ императору. Уже съ начала марта римскій дворъ осадилъ его просьбами защитить авторитетъ св. престола противъ мятежной оппозиціи французъ и испанцевъ. Сначала Фердинандъ рѣшительно отказалъ въ этомъ; онъ отвѣчалъ, что онъ долженъ прежде всего защищать независимость собора. Онъ упрекалъ папу въ томъ, что тотъ обѣщаль все и даже больше, чемъ требовали государи, но ничего не исполнилъ¹. По предложенію своего племянника, онъ даже приказалъ своему посланнику въ Римѣ присоединиться къ испанцамъ для защиты свободы собора. Однако курія не теряла надежды посредствомъ личнаго вліянія перваго легата добиться отъ него того, чего не удалось получить посредствомъ писемъ и посланій, и такимъ образомъ пробить брешь въ той враждебной стѣнѣ, которая грозила охватить ее со всѣхъ сторонъ.

¹ Мемуары Висконти (отъ начала апрѣля); Baluze-Mansi, III, 455.

Мороне оставался въ Иннсбрукѣ втеченіе цѣлаго мѣсяца и въ это время въ Триентѣ не дѣлалось рѣшительно ничего. Онъ возвратился только 27 мая, но за то „самый дорогой другъ“ Фердинанда—такъ называлъ его самъ императоръ въ письмѣ къ своимъ ораторомъ¹—одержалъ полную побѣду надъ слабымъ государемъ.

Сначала Фердинандъ былъ неприступенъ, но при дворѣ его находился тайный ревностный и ловкій агентъ Рима, іезуитъ Канизиусъ. Этотъ человекъ, заслужившій, какъ мы уже знаемъ, полную его довѣренность, ловко убѣдилъ его, что при дружескомъ образѣ дѣйствій онъ получить отъ папы гораздо больше, чѣмъ надоѣдая ему и угрожая, и что своимъ сопротивленіемъ онъ разстроитъ соборъ, помѣшаетъ достигнуть хорошихъ результатовъ, разрушитъ Церковь и будетъ содѣйствовать распространенію ереси². Этими аргументами онъ поколебалъ рѣшимость императора, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ недоволенъ бывшимъ до сихъ поръ ходомъ дѣлъ и не вѣрилъ въ улучшеніе ихъ на будущее время. Фердинандъ былъ очень разочарованъ въ своихъ стремленіяхъ къ реформѣ. Тщетно обращался онъ къ своему племяннику Филиппу, прося его сотни разъ принять во вниманіе, что германская имперія и наслѣдственные нѣмецкія и венгерскія владѣнія Габсбурговъ не находятся въ

¹ Planck, *Anecdota ad historiam conc. Tridenti pertinentia*, вып. 4, стр. 13.

² Sacchino, *Historia Societatis Jesu*, II, 276.

счастливымъ положеніи Испаніи, сохранившей свое религиозное единство, а потому, чтобы привести ихъ къ соглашенію, необходимо кореннымъ образомъ реформировать не только управление Церкви, но и религиозные обряды и церемоніи¹, — Филиппъ не поддавался. Напротивъ, и въ Римѣ, и въ Триентѣ, онъ рѣшительно противился желаніямъ императора относительно Чаши, браковъ духовенства и допущенія національныхъ языковъ при богослуженіи. Результатомъ его отношенія было отверженіе всѣхъ предложеній императора и реакціонный характеръ большинства собора. Въ виду всего этого Фердинандъ склонялся къ мысли, что было бы лучше сблизиться съ римскимъ дворомъ, сдѣлать его болѣе благосклоннымъ съ себѣ и постараться получить отъ него то, въ чемъ ему всюду отказывали другіе. Къ тому же Мороне было разрѣшено обѣщать самымъ формальнымъ образомъ согласіе на допущеніе Чаши, *какъ только соборъ окончится*². Это обѣщаніе побудило императора совершенно измѣнить свое отношеніе къ собору, который оказывался менѣе либеральнымъ и менѣе склоннымъ къ соглашенію, чѣмъ самъ дворъ папы. Вслѣдствіе этого онъ разрѣшилъ апостолическому нунцію Дельфину пересмотрѣть и исправить всѣ импе-

¹ См. въ числѣ другихъ писемъ, письмо императора къ Филиппу отъ 30 дек. 1562 г.; *Doc. ineditos*, II, 578 и слѣд.

² *Relaz. di Giac. Soranzo* (Roma, 1565); Albéri, X, 141, 146.

раторскіе документы, предназначавшіеся какъ для него самого, такъ и для папы, до ихъ окончательнаго и оффиціальнаго отправленія¹. У него была еще и другая причина обнаруживать миролюбіе къ папѣ: онъ очень заботился о признаніи куріей римскимъ королемъ его сына Максимилиана, считавшагося недостаточно ортодоксальнымъ католикомъ, а потому Фердинанду было невыгодно идти на рѣшительный разрывъ съ куріей.

Фердинандъ вдругъ оказался „поразительно“ довольнымъ буллою Пія IV относительно реформы конклава и только выражалъ скромное желаніе, чтобъ эта похвальная мѣра была осуществлена въ дѣйствительности. Мороне, прекрасно ознакомленный Канизіусомъ съ положеніемъ дѣлъ при императорскомъ дворѣ, предъявилъ Фердинанду массу статей, касающихся реформы, которыя будто бы предложено предложить собору, чѣмъ привелъ императора въ восхищеніе². При переговорахъ Мороне дѣйствовалъ очень ловко, сообразно установленному имъ самому себѣ правилу: „необходимо найти выходъ, который по видимому довалъ бы нѣкоторое удовлетвореніе императору, но ни въ чемъ не уменьшалъ бы власть папы и его легата, т. е. чтобы соборъ остался въ полной зависимости отъ первосвященника“.

¹ Sickel, 466 и слѣд.

² Мороне самъ написалъ отчетъ о своемъ посольствѣ. Ranke (*Weke*, XXXVII, и слѣд.) далъ извлеченія изъ него, считая его неизданнымъ, но онъ уже давно напечатанъ Schelhorn'омъ въ *Sammlung für die Geschichte* (Noerdlingen, 1779), т. I, стр. 205—225.

Въ виду этихъ, довольно неопредѣленныхъ, обѣщаній Фердинандъ любезно отказался подвергнуть предложенія, сдѣланныя имъ собору, вотированію по національностямъ, чѣмъ могъ бы отнять отъ итальянцевъ выгоду ихъ численнаго превосходства. Онъ, съ нѣкоторыми оговорками, согласился также, чтобы формула *proponentibus legatis* была поставлена во главѣ всѣхъ декретовъ собора; выражалъ неодобреніе возбужденію такъ называемыхъ теоретическихъ затрудненій, каково, на примѣръ, божественное право епископовъ, и обѣщаль дать приказаніе своимъ ораторамъ помогать въ этомъ легатамъ. Продолжая выражать желаніе, чтобъ въ ходѣ обыкновенныхъ дѣлъ папа предоставилъ веденіе собора легатамъ, онъ признавалъ, что, при совершенно новыхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, легаты могутъ и должны испрашивать рѣшеніе св. отца и что свѣтскіе правители не имѣютъ никакого права оказывать какое бы то ни было вліяніе на мнѣнія того или другого отца церкви. Такимъ образомъ, говоря освободѣ собора въ видѣ только пожеланія, онъ вмѣстѣ съ тѣми связывалъ себя формальными обѣщаніями¹. Инструкціи, посланныя имъ 15 мая 1563 г. своимъ ораторамъ и написанныя подъ прямымъ вліяніемъ Мороне², даютъ печальное доказательство слабости его ума

¹ См. оригинальные акты этихъ переговоровъ императора съ Мороне у Buchholtz, IX, стр. 686 и слѣд., и у Schelhorn, *loc. cit.*

² Sickel, 503.

и характера; о нихъ можно было бы сказать, что онѣ продиктованы папою одному изъ своихъ нунціевъ. Легко представить себя, какое подавляющее впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ документъ на его способныхъ и здравомыслящихъ ораторовъ, самыхъ искреннихъ сторонниковъ среди членовъ собора дѣйствительной реформы¹. Единство партіи реформы, т. е. независимой партіи, было разрушено, брешь была пробита, и римскій дворъ могъ свободно пройти черезъ нее, чтобы воздвигнуть свое торжествующее знамя на развалинахъ церковной свободы!

Только по одному вопросу императоръ остался непреклоненъ. Папа черезъ посредство Мороне предложилъ снова перемѣстить соборъ въ Болонью, куда могли бы прибыть Пій IV и Фердинандъ, съ цѣлью привести соборъ къ желательному для всѣхъ результату. Туда же пріѣхалъ бы и король испанскій, — фантазія, которой, вѣроятно, не вѣрилъ самъ папа. Сверхъ того, онъ обѣщаль тамъ возложить на голову императора императорскую корону, тамъ же, гдѣ получилъ ее 33 года тому назадъ Карль V. Такая приманка не соблазнила, однако, императора, и онъ отвергъ цѣликомъ весь этотъ проектъ²; но съ другой

¹ Чрезвычайно характерны похвалы, которыми R a u n a l d i въ своей церковной исторіи осыпаетъ это малодушіе Фердинанда; ad an. 1563, nr. 95.

² Императоръ подробно излагаетъ переговоры по этому вопросу въ письмѣ къ Филиппу II отъ 2 авг. 1563 г.; *Docum. ineditos*, IX, стр. 348 и слѣд.

стороны онъ пересталъ настаивать на переводѣ собора въ одинъ изъ германскихъ городовъ, хотя получить на это согласіе Пія и безъ того не имѣлось никакого шанса. Съ своей стороны легаты, увѣренные въ одобреніи императора, рѣшились дать строгій и враждебный отвѣтъ на такое же предложеніе президента Бирага (7 іюня). Кардиналу лотарингскому, который совершенно основательно приписывалъ новое направленіе событій чрезмѣрной угодливости Фердинанда, удалось лишь съ большимъ трудомъ добиться отвѣта въ болѣе умѣренной формѣ¹; но, чтобы наказать его за это, курія очень хлопотала передъ французскимъ правительствомъ,— правда совершенно напрасно,—объ отозваніи его изъ тріента².

Благодаря слабости императора, легаты все болѣе и болѣе считали себя хозяевами положенія. Они послали къ герцогу Баварскому Николаю Орметто, чтобы убѣдить его не предоставлять своимъ подданнымъ собственною властью употребленія Чаши³. Они открыто высказывали, что понимаютъ свободу собора въ томъ смыслѣ, что каждый свободно могъ выражать на немъ свое мнѣніе, но что при всякомъ рѣшеніи необходимо

¹ Torelli, *Diarium*; Le Plat, VII, II, стр. 224.

² Деша Санта Кроче отъ 27 іюня, стр. 145.

³ Письмо архіеп. зарскаго къ архіеп. рагузскому отъ 31 мая; Вессаделли, II, 82.—Варшавскій кардиналъ (Гозиусъ) писалъ въ томъ же смыслѣ герцогу Альберту V; Baluze-Mensi, II, 509.

удостовериться въ волѣ святого отца¹. И дѣйствительно, по всякому важному пункту ученія о священствѣ они требовали сперва инструкцій изъ Рима, и случалось, что папа отвергалъ иногда постановленія, которыя легаты считали вполнѣ пріемлимыми². И при такихъ-то условіямъ требовали отъ протестантовъ, чтобы они приняли участіе въ соборѣ!

Императоръ, дѣйствовавшій вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ совѣтниковъ, было достойно вознагражденъ за свое слѣпое подчиненіе: папа, достигнувъ своей цѣли, затягивалъ на неопредѣленное время признаніе его сына Максимилиана королемъ римскимъ, обѣщанное имъ съ такою предупредительностью. „Императоръ не отличается храбростью“, насмѣшливо говорилъ о немъ секретарь кардинала лотарингскаго,³ а Максимилианъ не затруднялся въ рѣзкой формѣ упрекать отца въ томъ, что онъ за всѣ свои униженія, которыя были бы неприличны даже для менѣ могущественнаго государя, далъ себя обмануть папѣ и кардиналамъ. Онъ напоминалъ, что Мороне въ Иннсбрукѣ „сбросилъ маску и признался, что римская курія не желала никакой серьезной реформы, и тѣмъ не менѣ его отецъ уступилъ кардиналу во всемъ“! Онъ настойчиво просилъ Фердинанда не принимать болѣе во

¹ Деша императорскихъ ораторовъ отъ 12 іюня; Sickel, 540.

² Ср. Sickel, 549.

³ Musotti, 35.

вниманіе бесплоднаго собора и упрямаго папу и дать, наконецъ, реформы, обѣщанныя уже съ давнихъ поръ австрійскимъ народамъ, которые ихъ нетерпѣливо ждутъ¹. Въ Италиі уже нигдѣ не относились съ довѣріемъ къ обсужденіямъ, происходившимъ въ Триентѣ.

Тотчасъ по возвращеніи Мороне на соборъ, начались болѣе серьезныя работы, прервавшіяся уже втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Первый президентъ долженъ былъ возобновить тяжелыя пренія о непосредственномъ божественномъ установленіи епископата и обсуждалъ этотъ вопросъ въ частныхъ совѣщаніяхъ съ кардиналами, послами и важнѣйшими прелатами. При этомъ происходили бурныя сцены между итальянцами и французами, особенно по поводу восьмого канона, касавшагося верховенства папы²; однако мало-по-малу стало чувствоваться нѣкоторое утомленіе—споры продолжались уже много мѣсяцевъ—и вмѣстѣ съ нимъ желаніе просто устранить всѣ спорныя пункты. Правда, такого результата можно было достигъ и раньше, избѣжавъ работы и борьбы въ теченіи почти цѣлаго года. Въ концѣ концовъ удовлетворились тѣмъ, что шестымъ канономъ священства признавалась необходимость іерархіи; седьмымъ—законная власть епископовъ, а восьмымъ—законность епископовъ, признанныхъ папою. Происходили еще только споры о сло-

¹ 24 мая 1563 г.; Büchholtz, IX, стр. 689 и слѣд.

² Письмо архіеп. зарскаго кардиналу Корнаро отъ 27 іюня, стр. 315.

вахъ. Испанцы хотѣли по крайней мѣрѣ спасти приличіе категорическимъ опредѣленіемъ іерархіи въ шестомъ канонѣ, въ качествѣ „установленной І. Христомъ“, тогда какъ легаты соглашались на неопредѣленную и малозначущую формулу: „Божественнымъ Провидѣніемъ“¹. Наконецъ, наканунѣ публичнаго засѣданія, испанцы уступили и въ этомъ, когда имъ было обѣщано, что въ концѣ собора будетъ провозглашенъ божественный характеръ епископата, причемъ легаты согласились на это съ условіемъ, что одновременно и въ достаточной степени будетъ признана власть папы надъ епископами. Декретъ о „резиденціи“ епископовъ также сдѣлался пріемлемымъ тѣмъ, что просто оставили въ сторонѣ вопросъ о томъ, изъ какого права вытекала резиденція. Такимъ образомъ оказалось, что обсуждали этотъ вопросъ втеченіи десяти мѣсяцевъ и не пришли ни къ какому положительному результату.

Папа былъ до такой степени доволенъ оборотомъ дѣлъ на соборѣ послѣ отступленія императора, что далъ доказательства исключительнаго благорасположенія къ собранію. 24 іюня онъ предложилъ кардиналамъ пять каноновъ, касающихся реформы св. коллегіи. По его проекту, число кардиналовъ не должно было быть велико, и они должны были назначаться изъ людей каноническаго возраста. Въ св. коллегію никогда не долженъ вступать братъ еще живого кардинала. Имъ предписывалось примѣрное по-

¹ Paleotto, стр. 622 и слѣд.

веденіе и бдительный надзоръ за ввѣренными имъ церквами; каждый кардиналъ провинціи могъ быть епископомъ только одной епархіи внѣ римской и долженъ былъ проживать въ ней по крайней мѣрѣ часть года. Тѣмъ же кардиналамъ, которые будутъ пренебрегать своими обязанностями, грозила потеря ихъ званія. Но кардиналы были достаточно эгоистичны, чтобъ согласиться на такіе законы, и затягивали обсужденіе каноновъ, какъ можно долѣе. Тогда папа принялъ внезапное рѣшеніе и послалъ каноны на соборъ, которому поручилъ поскорѣе составить редакцію ихъ. Такимъ образомъ въ первый разъ и въ разрѣзъ своими съ прежними заявленіями Пій IV подвергъ разсмотрѣнію собора дѣла римскаго двора.

Не успѣли еще покончить со всѣми тѣми затрудненіями, о которыхъ мы говорили раньше, какъ столкновеніе по поводу этикета стало предвѣщать собору бурный конецъ. Извѣстно, какая важность придавалась въ то время вопросамъ подобнаго рода; уже давно французскій и испанскій короли боролись за первенство. Съ обѣихъ сторонъ были пролиты моря чернилъ, были истощены всѣ средства и пущены въ ходъ всѣ хитрости дипломатіи, и конечно безъ всякаго успѣха, такъ какъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить. Столкновенія по этому поводу были особенно горячи при римскомъ дворѣ. Въ срединѣ апрѣля прибылъ въ Тріентъ въ качествѣ спеціальнаго посла испанскаго короля графъ

де-Луна. Это былъ достойный представитель кастильцевъ и ихъ государя—человѣкъ крайняго, доходившаго до фанатизма, католическаго благочестія и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденный, что Испанія — единственная прочная опора католицизма, а испанскій король—самый надежный его защитникъ и покровитель и потому истинный представитель его и верховный судья. Когда легаты спросили его совѣта относительно того, что онъ считаетъ наиболѣе полезнымъ для дѣла вѣры въ Германіи, въ которой онъ жилъ очень долго въ качествѣ посланника, онъ отвѣчалъ, что нужно отправить туда достаточное число хорошихъ проповѣдниковъ и особенно іезуитовъ, которые такъ славятся своею дѣятельностью и строгостью жизни¹. Въ Триентѣ онъ рѣшился энергически бороться за престижъ и авторитетъ испанской короны, при чемъ число его сторонниковъ увеличилось еще прибывшими въ это время тремя бельгійскими епископами².

Естественно, что съ прибытіемъ де Луна возобновилась старая борьба между Франціей и Испаніей за первенство. Даже въ самомъ залѣ собора пришлось, во избѣжаніе затрудненій, отвести посланнику католическаго короля особое мѣсто противъ легатовъ, но какъ поступать при публичныхъ процессіяхъ и особенно въ церкви? Филиппъ II черезъ своего посла въ Римѣ гро-

¹ Raynaldi, ad an. 1563, nr. 66.

² Это были епископы arrasскій, намурскій и ипернскій; De Ram, 58.

зилъ папѣ отозвать изъ Триента своего посла и прелатовъ, если все не будетъ сдѣлано согласно его волѣ, и такимъ образомъ добился отъ Пія приказанія легатамъ исполнить желанія Испаніи. Легаты нѣсколько разъ возражали противъ этого. Дѣйствительно, они находились въ очень непріятномъ положеніи, такъ какъ французы заявили, что въ такомъ случаѣ они покинутъ Триентъ, будутъ апеллировать къ болѣе свободному собору и вмѣстѣ съ тѣмъ выйдутъ изъ послушанія Пію IV. Теперь по вопросу одной лишь формальности они обнаружили такую энергію, которой никогда не проявляли для полученія дѣйствительно важныхъ нововведеній, которыя могли бы слѣлать возможнымъ возстановленіе церковнаго единства. Папа совѣтовалъ относиться къ обоимъ посланникамъ, какъ совершенно равнымъ, но французы не соглашались на это, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ они обладали правомъ первенства. Наконецъ, благодаря усиліямъ всѣхъ прелатовъ и любезности и уступчивости испанскихъ епископовъ, былъ найденъ выходъ, положившій конецъ этой ребяческой борьбѣ.

Филиппъ II, уже раздраженный противъ св. престола, былъ очень обиженъ неисполненіемъ его воли со стороны римскаго двора и общаго собора относительно равенства его посланниковъ съ французскими. Онъ оплачивалъ за это тѣмъ, что болѣе чѣмъ когда-либо сталъ прилагать усилія для продолженія собора, всегда очень не-

удобнаго для римской куріи. По его приказанію, графъ де-Луна предложилъ еще разъ пригласить въ Тріентъ нѣмецкихъ и французскихъ еретиковъ и отложить засѣданія собора въ ожиданіи результатовъ этой мѣры; при этомъ онъ ссылался на то, что соборъ главнымъ образомъ созванъ для возвращенія отпавшихъ¹. Самъ же Филиппъ обратился къ императору, убѣждая его ревностно помочь ему въ этомъ для достиженія цѣли, которая должна очень сильно интересовать главу имперіи². Удивительно трогательная нѣжность къ еретикамъ со стороны католическаго короля!

Папа былъ очень раздраженъ этими дѣйствіями Испаніи, очевидно задавшейся мыслью продолжить засѣданія собора, такъ какъ Филиппъ въ это же время снова выдвинулъ, какъ въ Римѣ, такъ и среди свѣтскихъ государей, вопросъ объ уничтоженіи формулы *proponentibus legatis*, что, какъ онъ зналъ, было особенно непріятно папѣ. На жалобы послѣдняго на вызывающее поведеніе испанскихъ прелатовъ онъ снова отвѣчалъ требованіемъ полной свободы обсужденій на соборѣ, хотя для виду онъ совѣтовалъ епископамъ уважать авторитетъ св. престола³. Вра-

¹ Письмо Варгаса и Цунига къ Луна, отъ 27 іюня: Döllinger, *Beitraege*, I, 531 и слѣд.

² Письмо Филиппа II къ императору отъ 9 іюня: *Docum. ineditos*, IX, 327 и слѣд.

³ Относительно всѣхъ этихъ дѣлъ см. инструкціи Лунѣ отъ 9 іюня 1563 г. *Docum. ineditos*, IX, 339 и слѣд.

ждебность короля выражалась также въ поведеніи графа де-Луна, ежеминутно ставившаго легатовъ въ очень затруднительныя положенія и при этомъ обвинявшаго ихъ и въ Мадридѣ, и въ Римѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ тяжелыхъ для куріи обстоятельствъ Мороне обратился съ жалобнымъ письмомъ къ своему другу Фердинанду I, прося его уговорить племянника отказаться отъ продолженія собора, „столь опаснаго для мира всего христіанства¹“.

Какъ выгодно было для папы имѣть возможность опираться на императора! Фердинандъ теперь только и думалъ о томъ, чтобъ быть пріятнымъ римскому двору. Онъ отвергъ предложеніе Филиппа пригласить еретиковъ еще разъ, какъ бесполезное и даже, скорѣе, вредное. Очевидно, что при такомъ бессмысленномъ разъединеніи свѣтскихъ правительствъ побѣда папскихъ стремленій было лишь вопросомъ времени.

Собору оставалось только разсмотрѣть каноны, относящіеся къ злоупотребленіямъ въ духовномъ управленіи. Несомнѣнно, эти каноны имѣли большую важность. Первый устанавливалъ, что въ епископы должны посвящаться только люди, хорошо извѣстные въ мѣстахъ ихъ будущей дѣятельности и рекомендованные нѣсколькими епископами, лично знающими ихъ. Даже папа не долженъ посвящать избраннаго епископа раньше, чѣмъ не подвергнетъ его жизнь и способности разслѣдованію четырехъ кардиналовъ. Вто-

¹ Le Plat, VI, 161.

рой и третій каноны обязывали епископа вступать въ отправление своихъ обязанностей черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ нареченія и ревностно заниматься своею епархією. Четвертый запрещалъ назначенія, за немногими исключеніями, епископовъ *in partibus infidelium*. Остальные относились къ аббатамъ и низшему духовенству, при чемъ было значительно усилено наблюденіе за ними со стороны епископовъ. Послѣдній, самый важный и дѣйствительный канонъ, послужилъ для реставраціи католицизма быть можетъ болѣе, чѣмъ всѣ остальные постановленія Триентскаго собора, вмѣстѣ взятая. Онъ повелѣвалъ учрежденіе въ каждой епархіи семинаріи для воспитанія и образованія молодыхъ священниковъ. Становясь на католическую точку зрѣнія, утверждали — и не безъ основанія — что если бы единственнымъ результатомъ этого собора былъ только этотъ канонъ, то его было бы достаточно, чтобъ признать названный соборъ чрезвычайно полезнымъ и плодотворнымъ.

Отцы собора во всемъ, что касалось интересовъ римскаго двора, всегда, несмотря на очень громкія заявленія, кончали тѣмъ, что уступали во всемъ¹. Болѣе всего споровъ возбудилъ первый канонъ — избраніе епископовъ — и четвертый — уничтоженіе такъ называемыхъ титулованныхъ епископовъ (не имѣющихъ епархіи). Кардиналъ лотарингскій желалъ устранить какое бы то ни

¹ См. объ этихъ преніяхъ у Palleotto, стр. 651 и слѣд.

было вмѣшательство папы въ выборъ епископовъ; онъ обозвалъ титулованныхъ епископовъ „чудовищами“, одно названіе которыхъ являлось уже ложью. Дѣйствительно, это были прелаты, назначаемые и оплачиваемые исключительно папою и вслѣдствіе этого всегда и вездѣ бывшіе его самыми преданными слугами. Другіе отцы называли ихъ даже „ядовитыми чудовищами“ и выражали мнѣніе, что они были измышленіемъ дьявольскаго лукавства. Подобныя рѣчи раздражали *писистовъ* и снова произошелъ обмѣнъ рѣзкостей. Въ это именно время римскій король совѣтовалъ своему отцу уѣхать изъ Иннсбрука, такъ какъ неоставалось надежды, чтобы соборъ произвелъ какія-либо реформы¹. Стали требовать для епископовъ старинныхъ привилегій, старинной независимости. Представитель императора не постѣснился сказать, что при утвержденіи епископовъ римскій дворъ заботится исключительно только объ установленныхъ приношеніяхъ и подаркахъ для своихъ служащихъ, чиновниковъ и многихъ другихъ людей подобнаго же рода. Кардиналъ лотарингскій сказалъ Мороне, что слѣдуетъ предлагать только такія реформы, которыя дѣйствительно могутъ уничтожить злоупотребленія, и что меньшимъ онъ не удовлетворится. Испанцы кричали, что они не покинутъ соборъ, хотя бы имъ пришлось на немъ состариться и умереть, пока не будутъ созданы такія учрежденія, кото-

¹ Reimann въ своихъ *Forschungen zur deutsche Geschichte*, VIII (1868), стр. 13.

рыя залѣчатъ раны Церкви¹. Напротивъ, генераль іезуитовъ Лайнецъ предлагалъ очень простое средство — предоставить всѣ заботы о реформахъ одному папѣ. «Слѣдуетъ, — говорилъ онъ, — имѣть всегда въ виду не первобытную Церковь или примѣръ того или другаго святого, но то, что христіанское милосердіе указываетъ при настоящихъ обстоятельствахъ». Вся растяжимость іезуитской морали сказывается въ этихъ словахъ! — Но Лайнецъ шелъ еще дальше; онъ нападалъ самымъ рѣшительнымъ и рѣзкимъ образомъ на всѣхъ, кто требовалъ реформъ, и, согласно взглядамъ своего ордена, былъ болѣе папистъ, чѣмъ самъ папа. „Какая нужда заниматься здѣсь реформами? воскликнулъ онъ; — одинъ папа имѣетъ право утвердить мѣры, касающіяся реформъ, и тѣ изъ насъ, которые безпрестанно требуютъ ихъ въ своихъ мятежныхъ рѣчахъ, сдѣлали бы гораздо лучше, если бы почтительно попросили святого отца совершить ихъ. Все это дѣло принадлежитъ папѣ и никому другому“. Онъ имѣлъ даже смѣлость стать самому на мѣсто верховнаго первосвященника, пригрозивъ собору скорымъ распущеніемъ его, если собравшіеся отцы будутъ продолжать требовать нововведеній и забывать, что сами они суть только креатуры папы. Не приводя никакого серьезнаго довода, онъ высококомѣрно утверждалъ верховенство римскаго епископа надъ соборомъ, невозможность согласиться на допущеніе

² Письмо архіеп. зарскаго къ архіеп. рагузскому отъ 22 іюля; Vescadelli, II, 96.

ніе Чаши для мірянъ и т. д. Этимъ онъ хотѣлъ досадить и вмѣстѣ съ тѣмъ унижить нѣмцевъ и французовъ,—вообще сторонниковъ самыхъ умѣренныхъ реформъ. Онъ безъ малѣйшаго колебанія оскорбилъ весь французскій народъ, сказавъ, что въ сущности весь онъ уже болѣе чѣмъ сто лѣтъ пребываетъ въ ереси и отдѣлился отъ святаго престола¹. Это показывало, чего можно было ждать отъ ордена, который уже въ первые года своего существованія ставилъ себя выше епископовъ, соборовъ, выше цѣлой большой католической націи и даже выше самого папы.

Взаимное раздраженіе между партією реформы и *папистами*, т.-е. большею частью итальянцевъ, вновь сдѣлалось очень сильно. Однажды архіепископъ отрантскій и кардиналъ лотарингскій поспорили очень горячо, когда послѣдній, по обычаю всѣхъ французовъ, высказался въ очень рѣшительной формѣ за верховенство соборовъ надъ папами. Когда же одинъ французскій епископъ заговорилъ противъ злоупотребленій куріи, орвіетскій епископъ замѣтилъ: „Послушайте, какъ поетъ пѣтухъ“ (по латыни *gallus* значитъ и пѣтухъ и французъ), на что французскій прелатъ отвѣтилъ: „Припѣніи этого пѣтуха проснетъ св. Петръ—папа—и горько заплачетъ!“ Тогда другой итальянецъ закричалъ: „Да заболѣетъ весь соборъ послѣ испан-

¹ Письмо Бруса и Драшковича къ императору отъ 18 іюня 1563 г.; Sickel, 547 и слѣд. Письмо архіеп. зарскаго къ кард. Корнаро отъ 17 іюня; Baluze-Mansi IV, 317.

ской парши французскою болѣзнью"! Легаты старались успокоить страсти, но конечно такъ, чтобы при этомъ всѣ убытки были на сторонѣ партіи реформы. Наконецъ, имъ удалось это, благодаря прелату, считавшемуся до тѣхъ поръ самымъ опаснымъ противникомъ Рима,—кардиналу лотарингскому.

Уже давно римскій дворъ убѣдился, что дѣйствія французовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ словамъ. Они и ихъ король всегда прекращали въ послѣднюю минуту сопротивленіе, о которомъ они такъ высокопарно возвѣщали. Они провозглашали очень независимые принципы, но въ концѣ концовъ совершенно подчинялись всѣмъ рѣшеніямъ, такъ какъ ихъ парализовала оппозиція гугенотовъ въ ихъ собственной странѣ. Въ виду этого римскій дворъ считалъ дѣйствительно опасными врагами только испанцевъ. Гордое и твердое поведеніе ихъ прелатовъ въ Триентѣ, надменные совѣты и требованія ихъ короля въ Римѣ, въ высшей степени раздражали папу¹, и онъ рѣшился оперѣться на ихъ соперниковъ французовъ, а такъ какъ всѣ они, безъ исключенія, слѣдовали указаніямъ кардинала лотарингскаго, то дипломаты куріи считали полезнымъ привлечь на свою сторону этого прелата приманкою разныхъ почестей и лестью. Парижскій нунцій Просперъ де Санта-Кроче, очень хорошо понимавшій Лотаринга; далъ совѣтъ воспользоваться тѣмъ обстоя-

¹ Деша Цуниги и Варгаса въ апрѣлѣ 1563 г.; Döllinger, *Beitraege*, I, 496 и слѣд.

тельствомъ, что положеніе кардинала во Франціи поколеблено смертью его брата, герцога Гиза, и потому онъ долженъ будетъ стараться удовлетворить его святѣйшество въ болѣе сильной степени, чѣмъ парижскій дворъ¹. Опираясь на императора и на французовъ, можно было бы не обращать никакого вниманія на нападенія испанцевъ, и папа уже съ февраля мѣсяца² послѣдовалъ этому совѣту: продолжая на словахъ называть кардинала лотарингскаго человѣкомъ опаснымъ и противникомъ святого престола³, онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ привлечь его къ себѣ самыми лестными доказательствами своего довѣрія. Такимъ образомъ курія очень искусно воспользовалась новымъ положеніемъ, созданнымъ для кардинала Амбруазскимъ договоромъ, который, ставя во главѣ управленія Франціею умѣренныхъ, «политиковъ» и Бурбоновъ, надолго устранялъ отъ него ревностныхъ католиковъ и партію Гизовъ. Епископъ витербскій Гвальтіери, приставленной папою къ кардиналу для наблюденія за нимъ, указывалъ ему, что только покровительство и дружба святого престола могутъ обезпечить будущность ему и его фамиліи⁴. Втеченіе мно-

¹ Деша Санта-Кроче отъ 28 марта 1563 г.; *Archives curieuses*, серія I, т. VI, стр. 140.

² Письмо Висконти къ кард. Борромео отъ 1 февр Baluze-Mansi, III, 437.

³ Деша Цуниги отъ 3 апрѣла; Döllinger, *Beitraege*: I, 498 и слѣд.

⁴ Pallavicini, XX, 10, 1, 2.

гихъ мѣсяцевъ Лотарингъ не поддавался, и главнымъ образомъ потому, что французское правительство дѣлало все, чтобъ показать свое расположеніе къ нему. Когда же онъ убѣдился, что въ данное время онъ не можетъ рассчитывать на господство своей фамиліи во Франціи, между тѣмъ какъ папа безпрестанно давалъ ему обѣщанія и подарки, а императоръ позорно покинулъ дѣло реформы, — онъ также сдался и перешелъ на сторону папской партіи. Тотчасъ же Пій IV приказалъ легатамъ обращаться во всѣхъ дѣлахъ за совѣтомъ къ кардиналу и придавать самое серьезное значеніе его мнѣніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько разъ и очень настойчиво приглашалъ его пріѣхать въ Римъ, такъ какъ, по его словамъ, очень нуждался въ его совѣтахъ по дѣламъ собора. Папа давалъ понять ему, что, въ вознагражденіе за его услуги, онъ можетъ имѣть въ виду назначеніе себя легатомъ во Францію съ самыми широкими полномочіями¹. Дипломатическое искусство Рима увѣнчалось въ концѣ концовъ полнымъ успѣхомъ. Карль лотарингскій, дѣйствовавшій всегда въ эгоистическихъ цѣляхъ и не желавшій, чтобы его родъ и онъ самъ были удалены отъ дѣлъ, и къ тому же знавшій, что королева мать его ненавидитъ, счелъ нужнымъ обезпечить себѣ опору въ римскомъ дворѣ. Въ концѣ іюня онъ послалъ своего секретаря Музотти, служившаго раньше у легата Серипандо и очень

¹ См. между прочимъ еще письмо Висконти; Mendham, 281, и Baluze-Manzi, III, 483.

хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ вѣчномъ городѣ, для обсужденія со святымъ отцомъ условій соглашенія¹. Этотъ шагъ и послѣдующее поведеніе кардинала рѣшили окончательный результатъ собора.

Чтобъ показать свое обращеніе Лотарингъ произвелъ такое давленіе на французскихъ прелатовъ, что послѣдніе отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія желаніямъ папской партіи по вопросу о канонахъ, касающихся злоупотребленій при посвященіяхъ въ духовныя званія². Первый канонъ, относящійся до избранія епископовъ, былъ отложенъ; четвертый, которымъ опредѣлялось уничтоженіе титулованныхъ списковъ, былъ отвергнутъ цѣликомъ. Испанцы, нѣмцы и немногіе итальянскіе прелаты были побуждены большинствомъ, усиленнымъ французами.

Такимъ образомъ могли наконецъ отпраздновать 15 іюля 1563 г. седьмое—23-е — засѣданіе собора, такъ долго и напрасно ожидавшееся до сихъ поръ. Декреты и каноны о таинствѣ священства были приняты, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Декреты, касавшіеся реформъ и главнымъ образомъ декретъ о резиденціи, вызвали еще разъ многоразличные протесты, которые однако не помѣшали ихъ окончательному принятію. Соборъ значительно подвинулся впередъ.

¹ Письмо архіеп. зарскаго къ кард. Корнаро отъ 1 іюля; стр. 320.

² Pallavicini, XXI, II, 4.

Пій IV былъ чрезвычайно обрадованъ достигнутыми успѣхами¹, тѣмъ болѣе, что они подавали надежду, что наконецъ можно будетъ раздѣлаться соборомъ.

Съ этого момента папа начинаетъ ревностно работать въ этомъ направленіи. Для достиженія своей цѣли, ему нужно было прежде всего склонить къ ней императора и французское правительство, чтобы потомъ имѣть возможность сосредоточить всѣ усилія противъ Филиппа II, желаніе котораго продолжать соборъ и этимъ путемъ мѣшать намѣреніямъ папы, было очень хорошо извѣстно послѣднему.

Въ этомъ случаѣ Карль лотарингскій во второй разъ оказалъ папѣ драгоцѣнныя услуги. Въ концѣ іюля онъ рѣшился принять приглашеніе Пія пріѣхать въ Римъ и превратился тамъ въ самаго ревностнаго слугу папской партіи, съ которою прежде онъ боролся въ такой рѣзкой формѣ. Онъ присоединилъ свои усилія къ усиліямъ легатовъ, чтобы убѣдить императора, что никакъ нельзя надѣяться, чтобы италіано-испанское большинство собора дало Франціи и въ особенности Германіи столь желаемыя ими реформы, какъ допущеніе причастія въ двухъ видахъ, браки священниковъ и т. п.; что, напротивъ, папа готовъ сдѣлать все это по окончаніи собора, который теперь только причиняетъ ему затруд-

¹ Письмо кард. Борромео къ кардиналу Гозиусу, 24—28 іюля 1563 г., Valuzе-Mansi, III, 510 и Surlianus, *Tabul.* стр. 315.

ненія. Сначала императоръ не соглашался и даже отвѣтилъ Лотарингу въ очень ироническомъ тонѣ; тогда Пій прибѣгъ къ средству, противъ котораго Фердинандъ не могъ устоять. Папа вдругъ прекратилъ свои возраженія противъ довольно необычной и нарушающей права св. престола формы избранія Максимилиана II королемъ римскимъ¹. Такая любезность покорила императора. Несмотря на противоположныя мнѣнія своего племянника, короля испанскаго, онъ согласился не противиться болѣе закрытію собора съ условіемъ, что обѣщанныя ему реформы будутъ непременно выполнены². Достигнувъ этого перваго важнаго результата, курія, черезъ посредство кардинала лотарингскаго, обратилась къ французскому правительству. Кардиналь безъ труда добился согласія слабаго правительства Екатерины Медичи, желавшей получить прощеніе отъ главы католицизма за миръ, который она недавно заключила съ гугенотами. Она согласилась на скорое окончаніе собора, поставивъ тѣ же условія, что и Фердинандъ Із. Восхищенный папа восхвалялъ кардинала въ полномъ собраніи консисторіи; не было такой гиперболы, которую бы онъ не высказалъ во славу его подвиговъ.

Дѣйствительно, торжество папы и римскаго двора было полное. Измѣною кардинала, по-

¹ Reimann, loc. cit. стр. 14.

² Le Plat, VI, 166.—Sickel, 563.

³ Письмо кардинала лотарингскаго къ Пію IV отъ 16 авг.; Le Plat, VI, 180.

слѣ измѣны императора, битва была выиграна, Какъ только, вопреки ожиданіямъ, французскіе прелаты усилили ряды папской партіи, дѣло серьезной реформы было потеряно: одни испанцы были очень слабы, чтобы спасти ее. Результатъ былъ достигнутъ счастливымъ соединеніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ и искусной дипломатіи Рима.

Ободренный успѣхомъ у двухъ крупныхъ католическихъ государей, папа написалъ графу де-Луна письмо, настоятельно убѣждая его не нарушать болѣе мира среди христіанства и не откладывать окончанія работъ собора¹. Въ такихъ же выраженіяхъ обратился, 12 августа², императоръ къ своему племяннику, Филиппу II. Но всѣ эти письма остались безъ результата. Луна продолжалъ поведительнымъ тономъ вмѣшиваться въ споры, требовалъ полученія приказаній своего короля раньше, чѣмъ состоится всякое рѣшеніе, приказывалъ испанскимъ прелатамъ, какъ своимъ подчиненнымъ, и при случаѣ дѣлалъ имъ выговоры³. Вскорѣ событія показали, что самъ король относится неблагопріятно къ желаніямъ куріи.

Послѣ двадцать-третьяго засѣданія соборъ занялся сначала таинствомъ брака. По этому вопросу только три пункта представляютъ интересъ: девятый канонъ, воспрещавшій браки ду-

¹ 4 августа; Raynaldi ad. an. 1553, nr. 142.

² *Doc. ineditos*, IX, 353.

³ Raynaldi ad an 1563, nr. 156.

ховенства; десятый — объявлявшій безбрачіе вообще лучшимъ и болѣе спасительнымъ, чѣмъ бракъ, и наконецъ декретъ, лишавшій значенія секретные браки и устанавливавшій *тінитит* возраста для браковъ, совершаемыхъ безъ согласія родителей— двадцать лѣтъ для юношей и восемнадцать — для дѣвушекъ. Декретъ противъ злоупотребленій тайными браками былъ составленъ по желанію французскаго правительства и защищался главнымъ образомъ кардиналомъ лотарингскимъ. Однако значительное число членовъ собора держалось мнѣнія, что даже преступный бракъ не расторгимъ въ силу таинства, но совершившіе его подлежатъ самымъ строгимъ наказаніямъ. Гозиусъ и Симонетта были главными защитниками дѣйствительности секретныхъ браковъ¹. Наконецъ, вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ большинствомъ 133 головъ противъ 59 въ пользу признанія такихъ браковъ недѣйствительными.

Допущеніе браковъ для священниковъ, за исключеніемъ имперскихъ ораторовъ, не имѣло болѣе защитниковъ. Благодаря измѣнѣ французскихъ прелатовъ своему правительству, генеральнымъ штатамъ своей страны и даже рѣшеніямъ собранія самого же французскаго духовенства, это справедливое требованіе германскаго и французскаго народовъ было устранено не только почти безъ споровъ, но даже нѣсколько пренебрежительно.

¹ Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро 13 сент.; стр. 333.

Въ это же время легаты занялись другимъ важнымъ дѣломъ: общею реформою нравовъ и управленія духовенства. Они предложили сорокъ два канона, изъ которыхъ шесть, по требованію испанскаго посла, были отложены до другого времени, какъ очень трудно разрѣшимые и несоотвѣтствующіе тогдашнимъ обстоятельствамъ. Первый канонъ изъ тѣхъ, которые подверглись обсужденію, относившійся къ избранію и нареченію епископовъ, возбудилъ въ предшествующемъ засѣданіи столько затрудненій, что былъ тогда отложенъ. Въ новой редакціи требовалось, чтобы патронъ духовной бенефиціи обязательно представлялъ нѣсколько кандидатовъ, изъ которыхъ начальникъ епархіи (ординарій) могъ выбрать наиболѣе подходящаго. Права свѣтскихъ патроновъ были уменьшены еще болѣе тринадцатымъ канономъ, которымъ предполагалось лишать этихъ правъ всѣхъ тѣхъ, которые не могли подтвердить законное обладаніе ими подлинными документами. Второй канонъ предписывалъ регулярныя собранія провинціальныхъ соборовъ, третій—строгій надзоръ со стороны епископовъ надъ подчиненнымъ имъ духовенствомъ, четвертый—частую проповѣдь, пятый касался проступковъ епископовъ, шестой, седьмой и двадцать первый—опредѣлялъ ихъ юрисдикцію. Были ограничены разныя исключительныя права, а также привилегіи капитуловъ въ отношеніи епископовъ. Предписывалось также соединеніе нѣкоторыхъ очень маленькихъ и бѣдныхъ епископствъ въ одно

большое и болѣе богатое. Епископамъ [строго воспрещалась всякая продажа или раздача должностей, а также вымогательства съ духовныхъ лицъ. Наконецъ, ими упорядочивалось управленіе епархіальными имуществами, когда епископское мѣсто остается вакантнымъ. Восемнадцатый канонъ воспрещалъ всѣмъ, не исключая кардиналовъ, пользоваться нѣсколькими бенефиціями, за исключеніемъ случая, когда одна бенефиція будетъ слишкомъ недостаточна для дѣятельности и доставляетъ ничтожный доходъ ея обладателю. Деятнадцатымъ канономъ устанавливался строгій экзамень для всѣхъ священниковъ, получающихъ приходъ. Двадцатымъ отмѣнялись экспектативы, до тѣхъ поръ очень широко предоставлявшіяся римскимъ дворомъ относительно большого числа бенефицій еще при жизни пользовавшихся ими.

Всѣ эти мѣры были очень полезны и представляли со стороны куріи даже очень значительныя жертвы. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что свѣтская власть была недостаточно ограничена; указанные каноны стремились отнять отъ нея назначеніе епископовъ, полученіе сборовъ съ духовенства и доходовъ съ вакантныхъ бенефицій, а также ограничивали въ значительной степени права патронатства. Особенно послѣдній канонъ, очень длинный и подробно разработанный, являлся прямымъ нападеніемъ на свѣтскія правительства. Онъ воспрещалъ имъ, за рѣдкими исключеніями, привлекать священниковъ къ свѣтскому суду, отнималъ отъ свѣтскихъ судей всякій

контроль надъ ними въ томъ видѣ, какъ законодательство Испаніи и Франціи установило его съ очень давнихъ поръ; придавалъ духовнымъ трибуналамъ чрезмѣрныя полномочія, распространяя ихъ даже на мірянъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ. Сверхъ того, онъ запрещалъ государству пользоваться доходами съ вакантныхъ мѣстъ и отмѣнялъ *Placet regium* (обращеніе къ государю), примѣнявшееся въ большинствѣ странъ для буллъ и папскихъ грамотъ, тогда какъ заботу объ исполненіи ихъ, напротивъ, предполагалось вмѣнить въ обязанность свѣтскимъ властямъ. Такимъ образомъ легаты хотѣли однимъ канономъ возвратить папской власти въ ущербъ свѣтской все то, что римскій дворъ долженъ былъ уступить епископамъ. Они попытались снова подчинить церкви свѣтскую власть подъ испоконъ вѣковъ приводившимся благовиднымъ предлогомъ неприкосновенности духовныхъ льготъ и преимуществъ¹.

Нападеніе было сдѣлано нѣсколько грубо. Посланники протестовали самымъ энергическимъ образомъ противъ смѣлой затѣи—лишить государства множества законнопріобрѣтенныхъ правъ, которыми оно обладало уже много вѣковъ и которыя были отчасти даже совершенно необходимы для общественной власти. Чтобы успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, легаты сначала пустили въ ходъ любимое средство устрашенія. Они стали

¹ Theiner, II, стр. 371 и слѣд.

кричатъ противъ воображаемаго покушенія на свободу собора и даже потребовали отъ папы позволенія закрыть соборъ¹; но мало-по-малу они должны были убѣдиться, что такимъ образомъ дѣйствій не достигнуть цѣли, и они стали выражать даже готовность совершенно взять назадъ послѣдній канонъ. Однако итальянскіе прелаты и особенно тѣ изъ нихъ, которые находились подъ жестокимъ и жаднымъ владычествомъ испанцевъ, отказались согласиться на это. Они говорили, что принятыя реформы захватили весь клиръ и подвергли его строгимъ правиламъ, а потому необходимо также распространить реформу на государей и воспрепятствовать имъ тиранизировать духовенство. Но при этомъ являлся вопросъ, имѣлъ ли право соборъ, собранный для установленія ученія Церкви и управленія ею, вмѣшаться въ дѣла, касающіяся государей и области политики? Легатамъ удалось, наконецъ, склонить собраніе на среднюю мѣру: конгрегація должна была сначала заняться первыми 21 пунктами реформы, отложивъ остальные до послѣдующаго обсужденія. Разсмотрѣніе этихъ 21 пунктовъ и окончательная редакція ихъ въ видѣ двадцати каноновъ не представила большихъ затрудненій.

Въ промежуткѣ, 18 сентября, кардиналъ лотарингскій отправился въ Римъ. Отуманенный лестью папы, надававшего ему много обѣщаній, онъ окончательно отказался отъ сво-

² Sickel, стр. 586 и слѣд.—Pallavicini, ХХП, 6,4.

ихъ прежнихъ взглядовъ. Ему снова обѣщали апостолическое легатство во Франціи съ очень широкими полномочіями политическаго и религіознаго характера, которыя могли бы сдѣлать его въ своемъ отечествѣ хозяиномъ положенія; ему было даже обѣщано наслѣдованіе престола св. Петра.

Передъ отъѣздомъ онъ обратился къ своему королю еъ лицемѣрнымъ письмомъ съ цѣлью успокоить его насчетъ тридцать шестого, а въ окончательной редакціи тридцать пятого канона, — съ письмомъ, полнымъ умолчаній и лжи. Однако никакой государь не могъ отнестись къ этому дѣлу легко. Несмотря на совѣты кардинала лотарингскаго, французскій король написалъ своему послу въ Триентъ, что, подобно своимъ предшественникамъ, онъ не предоставитъ собору право отмѣнять его указы, грозить ему отлученіемъ и возмущать его подданныхъ противъ него. Онъ приказалъ протестовать противъ подобной затѣи и, если его протестъ не будетъ уваженъ, немедленно оставить Триентъ¹. Испанскій король черезъ своихъ пословъ Варгаса и Авила жаловался самому папѣ на поведеніе собора. Пій IV и его племянникъ Борромео, встревоженные этими шагами свѣтскихъ государей, предписали легатамъ дѣйствовать благоразумно и примирительно². Самъ императоръ обратился къ своему другу Мороне, настаивая на непринятіи декрета, противнаго всѣмъ законамъ и установленіямъ импе-

¹ Le Plat, VI, 194 и слѣд.

² Raynaldi ad an. 1563, nr. 163—164.

ри, послѣдствіемъ котораго будетъ страстная борьба мірянъ съ духовенствомъ, уже и безъ того ненавистнымъ для большинства народа и высшихъ классовъ.

Казалось, вопросъ о 35 канонѣ долженъ былъ повести на конгрегаціи 22 сентября къ настоящей катастрофѣ. Французскій посланникъ былъ увѣдомленъ самими легатами, что большая часть прелатовъ подписали декларацию, въ которой заявляли, что они не допустятъ голосованія реформы духовенства, если одновременно не будутъ установлены реформы, касающіяся владѣтельныхъ государей. Въ виду этого де Лансакъ нашель, что наступилъ моментъ рѣшительнаго удара. Основываясь на приказаніи короля, онъ заявилъ, что всѣ статьи, касающіяся реформы, вообще далеко недостаточны и не могутъ удовлетворить своему назначенію. Особенно онъ возражалъ противъ 35 канона, стремившагося уничтожить древнюю свободу галликанской церкви, уменьшить величіе и власть христіаннѣйшихъ королей и вызвать безпорядки и возмущенія¹. Его рѣчь была до такой степени рѣзка и страдна, что вызвала сильное неудовольствіе собора, которое затѣмъ увеличивалось со дня на день². Вскорѣ затѣмъ появился новый протестъ, уже со стороны императора, ораторы котораго потребовали, чтобы этотъ канонъ былъ отложенъ; представи-

¹ Деша отъ 25 сентября; Le Plat, VI, 249.

² Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро, 27 сент.; стр. 335.

тели Венеціанской республики присоединились къ этому предложенію.

Это не было послѣднею опасностью, грозившею въ послѣдній моментъ дѣлу реформы. Кардиналы были озлоблены тѣмъ, что въ этихъ 35 канонахъ желали ограничить могущество и денежныя средства римскаго двора. Отъ ихъ имени племянникъ покойнаго папы Павла III кардиналъ Фарнезе и нѣкоторые изъ его довѣренныхъ лицъ писали въ Тріентъ письма, полныя горечи и угрозъ. Эти посланія произвели сильное впечатлѣніе на итальянскихъ прелатовъ¹, изъ которыхъ почти всѣ, какъ мы уже говорили, были тѣсно связаны съ куріей или даже вполнѣ зависили отъ нея, а между тѣмъ теперь итальянцы были тѣмъ болѣе хозяевами положенія, что большая часть французовъ, недовольная постоянною борьбою, уже покинула Тріентъ. Одни только испанцы, чувствовавшіе себя очень обиженными недовѣріемъ и переносомъ дѣлъ первой инстанціи на разсмотрѣніе въ Римъ, возстали противъ узурпацій *куріалистовъ*, какъ они называли слѣпыхъ прислужниковъ римскаго двора². При этомъ генераль іезуитовъ Лайнецъ говорилъ противъ епископской власти съ такимъ презрѣніемъ и враждебностью къ ней, что даже многіе итальянскіе прелаты находили, что онъ за-

¹ Paleotto, 669.—Pallavicini, XXIII, 7, 45.

² Письмо Ришардо, епископа аррасскаго, къ Маргаритѣ Пармской, правительницѣ Нидерландовъ, отъ 26 окт. 1563 г.; *Archives de Belgique*.

ходитъ слишкомъ далеко¹. Тщетно епископъ фюнфкирхенскій заявлялъ, что онъ самъ слышалъ изъ устъ св. отца выраженіе желанія, чтобы соборъ принялъ рѣшенія относительно реформы кардиналата²; тщетно кардиналь-племянникъ Борромео поддерживалъ Мороне, на котораго напала по этому вопросу группа Фарнезе; тщетно, наконецъ, самъ Пій IV выражалъ строгое порицаніе кардиналамъ³, осмѣлившимся писать въ Тріентъ противъ нововведеній,—итальянскіе прелаты считали болѣе благоразумнымъ слушаться воли куріи, которая останется, а не воли стараго и болѣзненнаго папы. Комиссія реформъ, составленная главнымъ образомъ изъ итальянцевъ, включила столько оговорокъ и исключеній въ разные пункты, что всѣ декреты должны были остаться безъ всякаго результата. Испанцы и французы жаловались на это, но послѣднимъ отвѣчали указаніемъ на Лотаринга, который въ это самое время, въ надеждѣ на свой будущій понтификатъ, искалъ сближенія съ наиболее вліятельными кардиналами, доставляя имъ французскія епископства и денежныя резерваціи разныхъ церквей⁴. Даже легаты были глубоко возмущены такимъ грубымъ нарушеніемъ

¹ Архіеп. зарскій къ архіеп. Рагузы, Bessadelli, II, 131.—Письмо того же архіеп. къ кардиналу Корнаро, 4 окт. 1563; Baluze-Manzi, IV, 336.

² Theiner, II, 317.

³ Paleotto *ut supra*,—Raynaldi ad an. 1563; nr. 125.

⁴ Paleotto, 671.

соборныхъ постановленій¹. Естественно, что образъ дѣйствій кардинала лотарингскаго, считавшагося въ Тріентѣ въ числѣ первыхъ и самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ реформы разнаго рода доходовъ, лишилъ бодрости всѣхъ защитниковъ прогресса и еще разъ доказывалъ возмутительное непостоянство характера кардинала. Съ этихъ поръ наиболѣе довѣрявшіе ему отказались отъ надежды достигнуть черезъ этого князя церкви чего нибудь серьезнаго, если оно противно волѣ папскаго двора. Вообще поведеніе французовъ въ это время является въ очень дурномъ свѣтѣ по сравненію съ испанцами, хотя и фонатиками, но людьми убѣжденными, серьезными, строгихъ нравовъ и очень преданными національному дѣлу.

Дѣйствительно, на помощь независимой партіи явилось испанское правительство. Графъ де-Луна, по прямому приказанію короля, вновь возобновилъ настойчивыя требованія уничтоженія во всѣхъ декретахъ собора формулы *proponetibus legatis*, грозя легатамъ формальнымъ протестомъ отъ имени своего короля. Теперь нельзя было рисковать этимъ, такъ какъ французскіе послы удалились въ Венецію, раздраженные враждебностью, которую показывали имъ въ Тріентѣ. Луна, ободренный явнымъ страхомъ президентовъ, пошелъ еще дальше. Онъ принесъ папѣ официальную жалобу на легатовъ и просилъ его приказать имъ оказывать бѣольшую угодливость

¹ Pallavicini, XXIII, 4, 12.

желаніямъ католическаго короля¹. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ несмотря на то, что Пій IV грамотою отъ 4 мая позволилъ вычеркнуть выраженіе *proponentibus legatis*², Мороне счелъ за лучшее просто не обратить вниманія на это приказаніе.

Мѣры, принятыя послами, не остались безъ результата. Большинство прелатовъ было достаточно просвѣщенно и благоразумно, чтобъ рисковать отпаденіемъ большихъ католическихъ государствъ, роспускомъ собора, быть можетъ, расколомъ, который повлекъ бы за собою гибель, если не католической, то ужъ навѣрно римской церкви. Хотя нѣкоторые, наиболѣе ревностные изъ нихъ, продолжали громко кричать противъ высокоумрія государей и необходимости распространить реформу на свѣтскихъ властей, но большинство, по предложенію Мороне, отложило до слѣдующаго засѣданія (9 октября) возбуждавшій наибольшія возраженія тридцать пятый канонъ. Въ особенности они не хотѣли огорчить императора, къ которому около этого же времени папа обратился съ письмомъ, очень горячо благодаря его за то, что онъ выразилъ готовность согласиться на скорое закрытіе собора³.

Однако, если легаты надѣялись этою уступкою склонить его на устраненіе остальныхъ пунк-

¹ Письмо архіеп. зарскаго къ кардиналу Корнаро 25 окт., стр. 343.

² Raynaldi, ad an. 1563, nr. 87.

³ Ibid, nr. 176.

товъ, касающихся реформы, то они были скоро разубѣждены въ этомъ энергіею и искренностью убѣжденій испанцевъ. Если Тріентскій соборъ сталъ дѣйствительно спасительнымъ для католической церкви, если онъ сдѣлалъ что-нибудь другое, кромѣ осужденія протестантовъ и укрѣпленія силъ іерархіи, то заслуга этого исключительно принадлежитъ испанцамъ; французскіе же прелаты сыграли на немъ довольно печальную роль и, сдѣлавшись послѣ „обращенія“ кардинала лотарингскаго покорными слугами легатовъ, они все-таки не добились возвращенія въ Тріентъ посланниковъ ихъ короля, продолжавшихъ оставаться въ Венеціи. Ихъ измѣна приводила такимъ образомъ къ возможности поставить Францію въ открытую вражду съ соборомъ и дѣлала сомнительнымъ согласіе на его декреты со стороны христіаннѣйшаго короля. Поведеніе испанцевъ было совсѣмъ иное, отличаясь энергіею и твердостью. Когда, 2 ноября, началось обсужденіе пунктовъ реформы, измѣненныхъ редакціонной комиссіей въ духѣ римской реакціи, они, какъ одинъ человекъ, возстали противъ такого измѣненія, грозившаго полною внутреннею неудачею дѣла реформы. Архіепископъ брагскій, только что возвратившійся изъ поѣздки въ Римъ, имѣлъ возможность указать, что папа, оказавшійся гораздо благороднѣе большинства кардиналовъ, высказался въ пользу необходимой реформы и говорилъ, что хотя онъ, благодаря ей, уже потерялъ двѣсти тысячъ дукатовъ въ годъ, но

согласенъ, если это окажется нужнымъ, потерять еще больше. Онъ сообщилъ также, что папа, въ виду чрезмѣрной нерадивости собора въ дѣлѣ реформы, рѣшился самъ ввести серьезныя и дѣйствительныя улучшенія. Епископъ Сеговіи прямо обвинилъ членовъ комиссіи въ подлогѣ¹. „Они внесли, сказалъ онъ, — въ статьи пункты, прямо противоположные желаніямъ собора. Большинство комиссіи состоитъ изъ итальянцевъ, такъ что все рѣшено въ ней согласно волѣ одной націи. Она по справедливости должна была бы быть организованною изъ всѣхъ націй и не должна бы работать подъ наблюденіемъ легатовъ и по ихъ постояннымъ указаніямъ, иначе соборъ несвободенъ, и я вынужденъ протестовать противъ такого образа дѣйствій“. Къ этимъ словамъ епископъ орензскій прибавилъ: „на этомъ соборѣ не обращаютъ никакого вниманія на посланниковъ государей и на не-итальянскіе народы. Было бы гораздо лучше намъ вовсе не являться сюда, чѣмъ быть здѣсь только свидѣтелями“. Епископъ Виго высказался не менѣе рѣшительно: „первоначальный смыслъ декретовъ совершенно извращенъ, и потому они теперь не имѣютъ никакой силы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ испанцы протестовали противъ заключительныхъ словъ, предложенныхъ легатами, „безъ ущерба власти папы“, чѣмъ заранее уничтожалась всякая реформа. Они прибавили, что папа имѣетъ верховную юрисдикцію

¹ Theiner, II, стр. 444.

не для того, чтобъ онъ употреблялъ ее во вредъ церкви, но чтобъ примѣнять ее на благо послѣдней.

Такъ какъ сопротивленіе испанцевъ находило себѣ откликъ среди нѣкоторыхъ итальянцевъ и у большинства французовъ, то римская партія должна была уступить. Комиссія, признавшая, что многое ею формулировано вопреки волѣ большинства членовъ собора¹, должна была вычеркнуть большую часть сдѣланныхъ ею измѣненій. Затѣмъ первый президентъ, до сихъ поръ энергически противившійся какой бы то ни было уступкѣ, грозя въ противномъ случаѣ отставкой, а за нимъ и все собраніе заявило для удовлетворенія испанскаго короля, что словами „по предложенію легатовъ“ отнюдь не имѣлось въ виду ни нанести ущербъ свободѣ собора, ни создавать для кого бы то ни было новую привилегію, ни лишать кого-нибудь его прежнихъ правъ. Такимъ образомъ въ этомъ важномъ вопросѣ Филиппъ II и его прелаты одержали побѣду.

Итакъ, въ это время вопросы, возбуждавшіе наибольшія затрудненія, были либо устранены, либо отложены, и 11 ноября 1563 г. могло состояться восьмое—24—торжественное засѣданіе, но оно не представляло пріятнаго и назидательнаго зрѣлища. Два предсѣдательствующихъ легата и болѣе пятидесяти прелатовъ подали голоса противъ декрета о недействительности тайныхъ

¹ Mendoza, 156. Извѣстно, что Мендоза принадлежалъ къ папской партіи.

браковъ. Въ послѣднюю минуту большинство потребовало большей независимости епископовъ отъ архіепископовъ, такъ что пришлось измѣнить въ этомъ смыслѣ 21 пунктъ реформы; остальные четырнадцать, отъ 22 до 35-го, были отложены до слѣдующаго засѣданія.

Папа очень желалъ, чтобъ оно было послѣднимъ общимъ засѣданіемъ собора. Еще въ сентябрѣ легаты сообщили ему черезъ епископа вентимильскаго основанія, по которымъ они совѣтовали ему скорѣйшее закрытіе собора¹, а именно: продолжительное отсутствіе епископовъ изъ ихъ епархій, возрастающее раздраженіе и заносчивость прелатовъ и стремленіе свѣтскихъ государей преслѣдовать свои частныя цѣли подъ покровомъ собора. Кромѣ того они указывали на невыносимое вмѣшательство и безпрерывныя требованія испанскаго посла.

Пій IV желалъ освободиться отъ собора, послѣ того какъ онъ выработаетъ неотложныя реформы. 14 октября онъ послалъ легатамъ необходимыя полномочія закрыть его, какъ только они признаютъ это своевременнымъ². Чтобъ получить согласіе на это рѣшеніе, онъ 22 октября самъ написалъ императору, Мороне обратился къ Максимилиану, а Висконти, епископъ вентимильскі, былъ посланъ въ Мадридъ. Императоръ еще разъ покинулъ своего племянника и приказалъ своимъ посламъ исполнить желаніе легатовъ. Въ

¹ Raynaldi, ad an. 1563, nr. 156.

² Pallavicini, XXIII, 6, 9.

этомъ же смыслѣ онъ послалъ письма къ графу де-Луна и Филиппу II. Теперь онъ являлся самымъ ревностнымъ слугою римской куріи¹, но германскій народъ не пошелъ за Фердинандомъ въ его новомъ отношеніи къ собору; уже давно онъ равнодушно отвернулся отъ этого собранія, отъ котораго не ждалъ ничего полезнаго. Курія же, напротивъ, была въ восхищеніи отъ образа дѣйствій императора; папа и Мороне посылали ему самыя горячія благодарственныя посланія. Апостолическій нунцій въ Вѣнѣ самъ диктовалъ ему инструкціи, посылаемыя къ императорскимъ ораторамъ въ Тріентѣ. Полная перемѣна въ отношеніяхъ императорскаго правительства объясняется еще и тѣмъ, что имперскій вице-канцлеръ Зельдъ передалъ значительную часть важныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе придворнаго вице-канцлера Іоанна Баптиста Вебера, который былъ купленъ милостями и подарками нунція. И такіе-то люди хотѣли побѣдить курію и добиться серьезной реформы католичества!

13 ноября легаты созвали частное собраніе изъ двадцати пяти значительнѣйшихъ прелатовъ и посланниковъ всѣхъ народовъ, чтобы склонить ихъ на закрытіе собора въ ближайшемъ будущемъ. Немедленно кардиналъ лотарингскій произнесъ длинную рѣчь въ пользу этого предложенія, нарушая тѣмъ формальныя приказанія своего короля, который передъ этимъ требовалъ отъ него, чтобъ онъ понудилъ соборъ, прежде

¹ Sickel, 628.—Döllinger, *Beitraege*, I, 568.

чѣмъ онъ будетъ закрыть, обсудить французскій списокъ реформъ¹. Онъ говорилъ, что соборъ былъ созванъ главнымъ образомъ по просьбѣ короля Франціи и что, если императоръ и католическій король согласились на него, то лишь, удовлетворя желаніе послѣдняго; но самъ французскій король сдѣлалъ это только во избѣжаніе національнаго собора, который повелъ бы къ полному разрушенію религіи въ королевствѣ. Въ виду всего этого Лотарингъ умолялъ легатовъ и отцовъ собора возможно скорѣе положить конецъ собору, если только они хотятъ удержать французскую страну въ лонѣ католической церкви. Нечего и говорить, что эта рѣчь, отъ начала и до конца, была сплетеніемъ лжи. Во всемъ, что сообщалъ кардиналъ, не было ни слова правды, но его слова произвели большое впечатлѣніе на собраніе, большинство котораго уже заранѣе было склонно къ мысли закончить работы какъ можно скорѣе. Даже испанцы не посмѣли возражать. Тотчасъ были учреждено три комиссіи изъ пяти епископовъ и пяти теологовъ въ каждой, которыя должны были поспѣшить составленіемъ болѣе необходимыхъ каноновъ, касающихся чистилища, индульгенцій и почитанія иконъ и святыхъ.

Но самымъ важнымъ предметомъ послѣдующихъ обсужденій были тѣ четырнадцать пунк-

¹ Письмо епископа намурскаго къ Маргаритѣ Пармской отъ 15 ноября. Оригиналъ хранится въ Брюссельскомъ архивѣ.

товъ реформы, которые оставались неразсмотрѣнными, и главнымъ образомъ послѣдній изъ нихъ, касающійся свѣтскихъ государей. Французское правительство, не зная еще о вѣроломномъ образѣ дѣйствій кардинала лотарингскаго, остававшагося послѣ отъѣзда французскихъ пословъ въ Венецію единственнымъ представителемъ Франціи въ Триентѣ, депешою отъ 9 ноября, адресованною на его имя, еще разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалось противъ этого пункта. Де-Луна, императорскіе и венеціанскіе ораторы также настойчиво возражали противъ него; а ихъ правительства съ своей стороны обратились прямо къ папѣ, выражая требованіе радикальнаго измѣненія этого пункта. Пій IV не могъ поссориться со всѣми католическими государями; къ тому же онъ горячо желалъ окончанія собора, которое затягивалось оппозиціею испанскихъ и французскихъ прелатовъ и пословъ противъ 35-го пункта; по этому онъ предпочелъ дать приказаніе легатамъ и всѣмъ прелатамъ ихъ партіи уступить желаніямъ свѣтскихъ правительствъ. Послѣдствіемъ этого было то, что этотъ угрожающій канонъ былъ такъ измѣненъ, что являлся ужъ безвредною формулою, имѣвшею цѣлью приличнымъ образомъ прикрыть отступленіе большинства собора, и обсужденіе четырнадцати пунктовъ реформы было закончено въ три дня, „такъ что, говоритъ кардиналъ Палеотто, многое могло показаться лишь упомянутымъ, но не разобраннымъ“. Всѣмъ хотѣлось

покончить съ этимъ безконечнымъ соборомъ, продолжавшимся уже восемнадцать лѣтъ.

Еще съ большею быстротою были разсмотрѣны шесть новыхъ дисциплинарныхъ канонѣвъ, предписывавшихъ епископамъ и кардиналамъ простую и подвижническую жизнь, ограничивавшихъ случаи отлученія, устанавливавшихъ правильную уплату церковной десятины и т. п. Затѣмъ составили двадцать три канона о реформѣ блага духовенства и шесть о женскихъ монастыряхъ; всѣ эти вопросы были закончены ввечереніе шести общихъ конгрегацій.

Казалось, что уже ничто болѣе не препятствовало закрытію собора, но въ это время графъ де-Луна внезапно снова воспротивился этому, и при томъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежде. Онъ ссылался на то, что съ одной стороны въ Триентѣ еще не получено формальнаго сообщенія о волѣ короля относительно закрытія собора, и потому неприлично рѣшать, не зная ее; и, съ другой стороны, что недостойно—и въ этомъ онъ не былъ не правъ—составить въ нѣсколько дней, безъ необходимой подготовки, декреты по вопросамъ, которые еще нужно обсудить, относительно чистилища, святыхъ, индульгенцій, т. е. касательно предметовъ очень сложныхъ и очень спорныхъ. Поэтому онъ требовалъ назначить слѣдующее засѣданіе на десятый день послѣ праздника Рождества.

Легаты были сражены этимъ шагомъ испанца. Какъ разъ передъ этимъ они получили отъ кар-

динала-племянника формальный приказъ¹ закончить соборъ самое позднее 9 декабря и распорядиться, чтобы всѣ епископы уѣхали изъ Триента. Въ виду этого они наскоро собрали у себя пятьдесятъ значительнѣйшихъ прелатовъ всѣхъ націй, причемъ французы заявили, что они во всякомъ случаѣ покинутъ Триентъ въ началѣ декабря, „вслѣдствіе важныхъ дѣлъ на своей родинѣ“. Это была новая хитрость Лотаринга. Мы уже знаемъ, что французскій король поручилъ ему заставить приступить къ обсужденію его списка реформъ и предполагалъ приказать дю-Феррье возвратиться въ Триентъ, чтобы настаивать на этомъ дѣлѣ. При такихъ обстоятельствахъ кардиналъ былъ бы поставленъ въ очень большое затрудненіе, такъ какъ ему пришлось бы или стать въ оппозицію къ своему королю, или въ оппозицію къ римскому двору, которому онъ вполнѣ преданъ со времени своей поѣздки въ Римъ. Чтобы выйти изъ такого положенія, онъ требовалъ немедленнаго закрытія собора. Французскіе епископы знали, что онъ получалъ инструкціи непосредственно отъ двора, и слѣпо шли за нимъ. Нечего и говорить, что итальянцы, за исключеніемъ нѣсколькихъ неаполитанцевъ, подданныхъ Испаніи и потому не смѣвшихъ послушаться воли католическаго короля и предлагавшихъ, по крайней мѣрѣ, продолжить еще соборъ, хотя бы на двѣ недѣли, чтобъ имѣть возможность серьезнѣе

¹ Помѣченный 18 ноября; Raynaldi ad an. 1563, nr. 202

обсудить предложенные декреты и нѣкоторые важные вопросы, которые не были еще затронуты¹,—держались точки зрѣнія легатовъ. Было бы трудно понять, почему послѣдніе не согласились на эту краткую отсрочку, которой требовалъ также и посоль императора для надлежащаго пересмотра ученія объ индульгенціяхъ, если не принять во вниманіе, что легаты желали избѣжать возвращенія французскаго посла, а съ нимъ и новыхъ заявленій относительно выполненія требованій его правительства.

Однако де-Луна трудно было смутить; онъ въ свою очередь собралъ у себя какъ испанскихъ такъ и итальянскихъ епископовъ, состоявшихъ во владѣніяхъ его короля, чтобъ не допустить ихъ, какъ онъ говорилъ, растоптать честь католическаго короля поспѣшнымъ закрытіемъ собора.

Между тѣмъ было очевидно, что безъ подписи испанцевъ нельзя было закрыть соборъ. Легаты находились въ самомъ затруднительномъ положеніи, но римская дипломатія была неистощима въ изысканіи способовъ. Внезапно въ Триентѣ распространилась тревожная вѣсть о полученіи отъ государственнаго секретаря кардинала Борромео депешъ, сообщавшихъ, что папа серьезно заболѣлъ и находится въ безнадежномъ состояніи. Нѣкоторые говорили даже, что онъ уже умеръ². „Я думаю, что никогда онъ не былъ болѣе здоровъ, какъ въ это время“, замѣчаетъ нѣ-

¹ Paleotto, 667.

² Nicol. Psalmeus, 133.

сколько дней спустя одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ св. престола на соборѣ¹. Новость эта до такой степени была кстати, чтобы повести къ окончанію собора, что, когда оно совершилось, нельзя было не заподозрить, что, „она была выдумана нарочно“. Для всѣхъ было ясно, что смерть папы во время собора должна была вызвать большое разстройство: полномочія легатовъ падали, нѣкоторые прелаты попытались бы передать собору выборъ новаго папы, французы и испанцы возобновили бы свои требованія, быть можетъ совершенно новыя, въ пользу коренной реформы, а потому почти всѣ прелаты и посланники, во избѣжаніе грозящихъ безпорядковъ, подали голосъ за немедленное закрытіе собора. Даже Луна противился этому только для формы. Поспѣшно собранное засѣданіе, утромъ 2 декабря 1563 г., постановило, что послѣднее засѣданіе должно происходить на другой и на слѣдующій за нимъ день и что въ немъ должны быть рассмотрѣны декреты о чистилищѣ и почитаніи святыхъ. Что же касается особенно сложнаго ученія объ индульгенціяхъ, то его отложили до болѣе благопріятнаго времени. Едва ли нужно говорить, что какъ только результатъ былъ достигнутъ, папа оказался вполне здоровымъ².

Дѣло такимъ образомъ было устроено. Только

¹ Mendoza, 168.

² Сервенціо, помощникъ секретаря Массарелли, наивно видитъ въ этомъ совпаденіи божественное чудо; Döllinger, *Zur Gesch. des Konz. v. Trient*, II, 61.

нѣсколько испанцевъ и три итальянца продолжали оставаться въ оппозиціи. Всѣ остальные со слезами на глазахъ обнимались, выражая радость по случаю окончанія великаго дѣла, такъ часто грозившаго окончиться неудачею.

3 декабря открылось девятое или двадцать пятое засѣданіе. Два декрета о чистилищѣ и о почитаніи святыхъ прошли безъ возраженій, но противъ 14-й главы дисциплинарнаго декрета, относившагося къ бѣлому духовенству, подали голоса сорокъ членовъ и столько же противъ запрещенія предоставлять начальство надъ монастырями лицамъ бѣлаго духовенства. Въ стремленіи кончить соборъ, легаты не обращали никакого вниманія на столь значительное число отрицательныхъ голосовъ; теперь они считали всякія опасенія излишними. Потомъ они возвѣстили прелатамъ, что папа, о смерти котораго было сообщено, снова находится въ добромъ здоровьи¹. Игра была выиграна.

На другой день (4 декабря), рано утромъ, была собрана еще разъ общая конгрегація. По настояніямъ французовъ и императорскихъ ораторовъ былъ наскоро изготовленъ декретъ объ индульгенціяхъ, который подвергся горячему обсужденію, и еще нѣсколько другихъ декретовъ меньшей важности. Послѣ всего этого всѣ снова отправились въ церковь для продолженія общаго засѣданія 3 декабря. Тамъ были окончательно приняты декреты, которые обсуждались передъ

¹ Nic. Psalmaeus, 134.—Forelli, 250.

этимъ, и были прочитаны всѣ постановленія двухъ предшествовавшихъ триентскихъ соборовъ. Этимъ путемъ капитальный вопросъ о томъ, есть ли настоящее собраніе продолженіе прежнихъ, былъ наконецъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и та точка зрѣнія, за которую боролся Филиппъ II съ самаго начала, была признана единственно вѣрною. Затѣмъ было принято предложеніе легатовъ просить его святѣйшество безотлагательно утвердить всѣ постановленія собора, и только одинъ неустрашимый епископъ гренадскій Гверреро имѣлъ смѣлость крикнуть: „Я не считаю нужнымъ утвержденіе папы!“. Кардиналы, епископы, генералы монашескихъ орденовъ, аббаты и прокураторы, всего 234 человека, подписали протоколы собора, декреты котораго были затѣмъ одобрены и обнародованы папою 26 января 1564 г. Закрытіе Триентскаго собора сопровождалось молитвами и разными милостями.

ГЛАВА VIII.

Характеръ и послѣдствія Триентскаго собора.

Католическое ученіе опредѣлено и окончательно выяснено Триентскимъ соборомъ.—Дисциплинарныя и іерархическія декреты его встрѣчаютъ сильное сопротивленіе.—Полное подчиненіе императора.—Имперія дѣлаетъ оговорки относительно триентскихъ постановленій.—Соборъ не признанъ Франціей. — Филиппъ II публикуетъ декреты, оговаривая права государства и мірянъ.—Венеція поступаетъ такъ же.—Португалія, Польша и католическія кантоны Швейцаріи подчиняются безусловно. — Смѣшеніе религіозныхъ идей у католиковъ до собора.—Оно совершенно устранено имъ.—Католическое ученіе очень полно разработано на первыхъ двухъ триентскихъ соборахъ. — Іерархія и церковная дисциплина возстановлены третьимъ соборомъ. — Папство распространяетъ ихъ на *ультрамонтанскія* народности. — Папская власть признана выше соборной и очень усилена.—Коллегія кардиналовъ.—Низшее духовенство вполнѣ подчинено епископамъ. — Реформы богослуженія отвергнуты соборомъ. — Новый характеръ папства; реформа всей церкви.—Епархіальныя семинаріи. — Преподаваніе.—Нравы духовенства. — Монастыри. — Заключение: громадное усиленіе католической церкви, какъ послѣдствіе Триентскаго собора.

По окончаніи собора естественно возникалъ вопросъ, какъ будутъ приняты католическими народами его декреты.

Отвѣчая на этотъ вопросъ, нужно существеннымъ образомъ различать два понятія. Во всемъ, что касается ученія въ собственномъ смыслѣ, всѣ

декреты общаго собора всегда, безъ всякаго ограниченія, обязательны для всей церкви, и въ этомъ отношеніи въ поставленномъ вопросѣ не могло быть и рѣчи о сопротивленіи какой бы то ни было страны, не отпавшей отъ лона церкви. Такимъ образомъ, самое ученіе было опредѣлено и выяснено всѣмъ и навсегда общимъ синодомъ, и это придавало огромную важность его декретамъ относительно вѣры; но дѣло стояло совсѣмъ иначе съ тѣми его распоряженіями, которыя относились къ дисциплинѣ, іерархической организаци и къ богослужебнымъ обрядамъ. Всѣ они должны были быть приняты и обнародованы въ разныхъ странахъ и епархіяхъ, безъ чего не могли считаться дѣйствительными, и въ этомъ отношеніи уже съ самаго начала можно было ожидать упорнаго и трудно побѣдимаго сопротивленія.

Первымъ по значенію среди католическихъ государей былъ императоръ. На его желанія почти что не было обращено никакого вниманія. Подобно испанцамъ и французамъ, онъ много разъ жаловался, что итальянская народность, благодаря числу располагаемыхъ ею голосовъ, стремилась подчинить себѣ всѣ остальные католическіе народы ¹. Еще 12 августа, т. е. въ то

¹ Между прочимъ, въ письмѣ императора къ графу де-Луна отъ 30 іюля 1563 г. (Sickel, 570) говорится: *Quidquid tamen vos una cum Gallis efficere in hac parte poteritis, ut debita aequalitas ubique servetur neve sola Italica nationum multitudine suffragiorum nos omnes adeo passim superare conetur, id oratores nostri ex mandato nostro non solum non impedient, verum etiam... diligenter praemonebunt.*

время, когда онъ уже довольно давно перешелъ на сторону римской куріи, въ письмѣ къ испанскому королю онъ выражалъ сожалѣніе, что всѣ ихъ усилія обезпечить собору свободу остались безуспѣшными, «ибо легаты не перестаютъ совѣтоваться съ его святѣйшествомъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся собора, и путемъ обѣщаній, подарковъ, угрозъ, всякаго рода уловокъ и интригъ имъ удается сдѣлать такъ, что все тамъ дѣлается и рѣшается соотвѣтственно вкусамъ и желаніемъ его святѣйшества. Можно опасаться, что это обстоятельство и дурныя намѣренія повлекутъ за собою уменьшеніе авторитета предъидущихъ соборовъ, воспрепятствуютъ правильному ходу дѣлу настоящаго и принесутъ, быть можетъ, еще большій вредъ¹».

Вполнѣ естественно было бы ожидать, что, относясь такъ къ пріемамъ, употреблявшимся на соборѣ, императоръ подчинится декретамъ его только на извѣстныхъ условіяхъ и съ нѣкоторыми исключеніями; но такое ожиданіе было бы ошибкою. Во всемъ, что касалось Тріентскаго собора, Фердинандъ I обнаруживалъ только храбрость на словахъ, но слабость на дѣлѣ. По его приказаніямъ, его ораторы, архіепископъ пражскій и епископъ ольмюцскій, подписали отъ имени его и за его наслѣдственныя владѣнія всѣ постановленія собора. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ вознагражденіе за это папа разрѣшилъ нѣмецкимъ епископамъ (въ апрѣлѣ 1564 г.) допускать.

¹ *Documentos ineditos*, IX, 359.

съ извѣстными ограниченіями Чашу при причащеніи мірянъ. Изъ всѣхъ требованій знаменитаго *списка реформъ*, можно сказать, почти что только одно это и было удовлетворено.

Однако ни Германская имперія, ни Венгрія не считали себя связанными согласіемъ Фердинанда на тріентскіе декреты. Венгрія была представлена въ Тріентѣ очень слабо, а Германія и вовсе не имѣла представителей. Ни та, ни другая никогда оффициально не признавали постановленій собора и подчинились имъ молча и мало-по-малу. Получивъ согласіе на употребленіе Чаши, императоръ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы побудить германскихъ епископовъ обнародовать декреты. Въ 1566 г. Коммендоне, только что передъ этимъ сдѣланный кардиналомъ, прибылъ на имперскій сеймъ въ Аугсбургѣ, чтобы своимъ краснорѣчіемъ и личнымъ авторитетомъ поддержать Фердинанда; но майнцскій архіепископъ отъ имени католическихъ князей объявилъ ему, что они приняли безъ всякихъ ограниченій все, что рѣшено соборомъ по отношенію къ ученію, вѣрѣ и богослуженію; но что въ постановленіяхъ собора имѣются пункты, касающіеся церковнаго управленія, которые они желали бы не примѣнять, и что имъ приходится имѣть дѣло съ установившимися обычаями, отмѣнять которые во времена распущенности и распаденія они считаютъ и неправильнымъ, и несвоевременнымъ¹. Такимъ образомъ все осталось безъ измѣненій.

¹ Graziani, *Vita di Comendone*, кн. III гл. 2.

По примѣру представителей императора посланники польскаго и португальскаго королей, герцога савойскаго, венеціанской республики, гроссмейстера ордена Іоаннитовъ и католическихъ кантоновъ Швейцаріи подписали акты Тріентскаго собора. Кардиналь лотарингскій имѣлъ смѣлость, въ отсутствіи пословъ Франціи и не получивъ на это никакого полномочія¹, признать ихъ отъ имени христіаннѣйшаго короля для Франціи. Одинъ графъ де-Луна, какъ всегда рѣшительный и смѣлый, отказалъ въ своей подписи до окончательнаго распоряженія своего государя.

Вскорѣ должны были убѣдиться, что вторая великая католическая держава, Франція, вовсе не расположена подтвердить дѣйствія Лотаринга и подчиниться рѣшеніямъ большинства собора. Дю-Феррье немедленно написалъ въ Парижъ, что онъ не желалъ присутствовать при закрытіи собора, такъ какъ послѣдній не обратилъ вниманіе на его возраженія, подчинилъ французскихъ епископовъ папскому трибуналу, какъ первую инстанцію, сохранилъ за римскомъ дворомъ пенсіи и право опредѣленія на епископскія мѣста и, наконецъ, открыто заявилъ, что этотъ соборъ есть продолженіе предшествовавшихъ собраній въ Тріентѣ чтеніемъ ихъ декретовъ на послѣднемъ засѣданіи. Посоль прибавлялъ, что съ галликанской точки зрѣнія нельзя допустить, чтобы соборныя постановленія подвергались утвержденію папы.

¹ Le Plat, VI, 302.

Вслѣдствіе этого, когда кардиналь лотарингскій возвратился во Францію, онъ былъ очень дурно принятъ правительствомъ Екатерины Медичи. Въ собраніи главнѣйшихъ совѣтниковъ короля, на которомъ онъ присутствовалъ, было рѣшено отсрочить на неопредѣленное время обнародованіе декретовъ собора, какъ противныхъ власти короля и нарушающихъ привилегіи галликанской церкви¹. Къ кардиналу относились съ нескрываемою враждою, такъ что онъ счелъ за лучшее удалиться въ свою реймскую епархію, въ которой онъ поучалъ «свой народъ» и распорядился, безъ разрѣшенія короля, примѣнять въ ней декреты собора, касающіеся вѣры и религіознаго ученія². Что же касается декретовъ о реформахъ, то, не имѣя возможности осуществить ихъ своею властью, онъ провелъ нѣкоторые изъ нихъ въ своей епархіи, въ видѣ новыхъ постановленій, на провинціальномъ соборѣ въ 1564 г.³. Ни одно изъ обѣщаній, данныхъ ему въ Римѣ, не было исполнено. Съ своей стороны королева-мать не поддавалась настойчивымъ требованіямъ нунція Санта Кроче обнародовать декреты собора во французскомъ королевствѣ. Для этого она постоянно находила новые предлоги и приводила главнымъ образомъ два основанія

¹ Письма Екатерины Медичи къ епископу реннскому, 27 февр. 1564 г.; Le Plat, VI, 32.

² De Bouillé, *Histoire des ducs de Guise*, т. II, кн. 4 гл. 1.

³ Mignot, *Histoire de la réception du concile de Trente* (Amsterdam, 1756), т. I, стр. 339.

противъ такого обнародованія: во первыхъ, запрещеніе предоставлять бенефиціи въ управленіе мірянъ, тогда какъ правительство обыкновенно пользовались этимъ для вознагражденія вліятельныхъ людей, что было особенно необходимо въ такое, какъ данное, смутное время, и, во-вторыхъ, опасеніе гугенотовъ, которые увидѣли бы въ обнародованіи постановленій объявленіе новой войны. Были, однако, и другія болѣе важныя и постоянныя основанія къ тому, чтобы помѣшать французскимъ государямъ даже въ то время, когда они вели открытую борьбу съ гугенотами, согласиться на принятіе тріентскихъ постановленій. Ихъ считали, и не безъ основанія, несогласными съ волюностями галликанской церкви и еще болѣе съ правами короны. Въ особенности отвергали установленіе права осмотра пріютовъ, признанія или отмѣны духовныхъ завѣщаній, вѣдѣніе дѣлъ о патронажѣ, испытаніе королевскихъ нотаріусовъ, присвоеніе вѣдомству епископовъ дѣлъ по нарушеніямъ супружеской вѣрности. Всѣ эти права принадлежали до сихъ поръ королевскимъ судьямъ. Отвергали также отмѣну права апелляціи на рѣшеніе духовнаго суда, посредствомъ которой недовольный послѣднимъ могъ переносить дѣло на разсмотрѣніе королевскихъ судовъ. Отвергали еще право отлученія свѣтскаго государя, установленное соборомъ для нѣкоторыхъ случаевъ; отвергали формулу *Salva semper in omnibus sedis apostolicae auctoritate*; а также декларацію о божественномъ

установленіи десятины въ пользу церкви, какъ несогласную съ мнѣніями прежнихъ теологовъ и рѣшеніемъ верховныхъ палатъ Франціи. Наконецъ, отвергли подчиненіе французскихъ епископовъ и даже монаховъ, какъ первой инстанціи, римской юрисдикціи, а также вмѣшательство апостолической власти во внутреннія дѣла епархій, какъ противныя галликанскимъ законамъ и постановленіямъ парламентовъ ¹.

Напрасно папскіе нунціи, сами папы, собраніе французскаго духовенства, а потомъ генеральныя штаты съ 1576 г. по 1614 гг. безпрестанно обращались къ королямъ съ требованіемъ подчинить королевство тріентскимъ декретамъ и канонамъ, — ни Карль IX, ни Генрихъ III, ни Генрихъ IV, ни даже ханжа Марія Медичи не посмѣли признать соборъ, стрѣмившійся къ безпредѣльному увеличенію власти духовенства въ ущербъ государства и мірянъ и могущій въ любой моментъ зажечь пламя внутренней войны. Такимъ образомъ во Франціи Тріентскій соборъ никогда не былъ официально признанъ и объявленъ.

Поведеніе графа де-Луна, единственнаго изъ всѣхъ участниковъ собора, присутствовавшихъ при его закрытіи, и отказавшагося подписать его, не предвѣщало ничего хорошаго относительно того приѣма, который будетъ оказанъ въ Испаніи

¹ См. сочиненіе генеральнаго адвоката д'Эспресса о допущеніи постановленій собора, и записку президента Леметра о декретахъ собора; Mignot, *Histoire de la réception du concile de Trente*, II, 104, 207.

дисциплинарнымъ и іерархическимъ декретамъ собора¹. Дѣйствительно, хотя Филиппъ II былъ вообще очень доволенъ направлениемъ, принятымъ соборомъ по догматическимъ вопросамъ, въ которыхъ консервативныя идеи Испаніи одержали полную побѣду надъ противоположными стремлениями нѣмцевъ и французовъ, но въ то же время онъ былъ раздосадованъ нѣкоторыми рѣшеніями, касавшимися тѣхъ пунктовъ реформы, которые могли, по его мнѣнію, уменьшить королевскую власть надъ испанскимъ духовенствомъ². Особенно ему не нравилось постановленіе двадцать четвертаго засѣданія (*De reform.*, cap. I), предписывавшее, чтобы всякій вновь назначенный прелатъ предварительно подвергался испытанію со стороны провинціальныхъ соборовъ, какъ въ отношеніи его правовѣрія, такъ и строгости жизни, а затѣмъ, какъ высшею инстанціею, и со стороны самого папы. Варгасъ тогда же высказался объ этомъ пунктѣ, какъ „о непристойномъ“ и опасномъ для его величества и его королевствъ, потому что онъ стремится поставить все въ зависимость отъ папы и такимъ образомъ уменьшить и ослабить королевскія права патронажа. Не менѣе раздражали Варгаса также V и VI главы декрета о реформѣ, принятыя въ томъ же засѣданіи, какъ

¹ Паллавичини въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ свою крайнюю партійность, говоря, что испанскій король принялъ почти безъ сопротивленія всѣ постановленія Триентскаго собора.

² См. мою статью «Филиппъ II и папство» въ *Historische Zeitschrift*, серія II, т. III, 302 и слѣд.

наносящія вредъ инквизиціи и обнаруживающія излишнюю снисходительность къ еретикамъ. Онъ называлъ эти главы „дѣломъ діавола“,—опредѣленіе, свидѣтельствующее о степени его уваженія къ рѣшеніямъ собора. Размѣры, приданные духовной юрисдикціи, отмѣна права жалобъ въ парламенты на злоупотребленіе властью, существовавшее одинаково, какъ въ Испаніи, такъ и во Франціи,—все это давало основанія для жалобъ со стороны Филиппа, всякій разъ забывавшаго свою преданность св. престолу, какъ только дѣло касалось привилегій его короны.

Несмотря на всѣ просьбы, упреки и жалобы папы, 1564 г. протекъ, а Филиппъ II все еще не позволялъ обнародованія декретовъ Триентскаго собора въ своихъ испанскихъ, итальянскихъ, нидерландскихъ и бургундскихъ владѣніяхъ. Наконецъ, въ 1565 г., нуждаясь вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій въ добрыхъ отношеніяхъ съ Римомъ, онъ рѣшилъ обнародовать ихъ, но съ опредѣленно выраженными и очень важными оговорками въ томъ смыслѣ, «чтобы ничто не было измѣнено или вновь установлено во всемъ, что касается королевскихъ правъ, привилегій его величества и его вассаловъ, законовъ и подданныхъ, особенно же въ отношеніи свѣтской юрисдикціи, признанныхъ правъ патронажа и назначеній, а равно вѣданія источниковъ права или обладанія бенефиціями, законодательства о десятинахъ, владѣемыхъ или просимыхъ мірянами, управленія пріютами и другими благочестивыми учрежденіями и

тому подобными правами». Этими оговорками были устранены всѣ постановленія собора, которыя могли бы уменьшить вліяніе короля на назначеніе прелатовъ и на духовную юрисдикцію. Кромѣ того, испанскіе юристы постоянно держались принципа, что никакой общій регламентъ не можетъ отмѣнить тѣхъ спеціальныхъ привилегій, которыми въ силу прямого согласія св. престола или по древнему обычаю пользовался король. Такъ, на примѣръ, глава *Causae omnes* постановленій, предоставляющая ординаріямъ духовную юрисдикцію въ первой инстанціи и и въ силу этого запрещающая апостолическимъ легатамъ вмѣшиваться въ нее, не была допущена въ Сициліи, гдѣ на основаніи привилегій, данныхъ папами, король признавался легатомъ св. престола по своему рожденію. Здѣсь король, послѣ собора, какъ и до него, передавалъ въ свои суды всѣ духовныя дѣла уже въ первой инстанціи. Такимъ же образомъ въ Испаніи, основываясь на постановленіяхъ собора, онъ строго запретилъ папскому нунцію вмѣшиваться въ юрисдикцію епископовъ, а въ Сициліи онъ смѣло, будучи самъ міряниномъ, нарушалъ тѣ-же предписанія собора. Равнымъ образомъ, запрещеніе скопленія въ однѣхъ рукахъ бенефицій никогда не соблюдалось въ предѣлахъ испанской монархіи, такъ какъ оно противорѣчиво королевскому праву патронажа. Вообще, всѣмъ губернаторамъ провинцій и вице-королямъ было вмѣнено въ обязанность не допускать никакого нововведенія,

іерархическаго или религіознаго, основывавшагося на тріентскихъ регламентахъ¹.

Совершенно на тѣхъ же условіяхъ приняла ихъ и Венеціанская республика, но нужно сказать, что съ 1564 г. она стала проявлять большее послушаніе Церкви, чѣмъ вызвала со стороны Пія IV громкія похвалы и дорогой подарокъ въ видѣ великолѣпаго дворца, построеннаго Павломъ II (Въ настоящее время въ немъ помѣщается австрійское посольство). Однако, подобно Испаніи, республика удержала свои древніе обычаи и всѣ верховныя права².

Португальскій король Себастьянъ, воспитанный іезуитами и вполнѣ преданный фанатической папской партіи, не ставилъ никакихъ условій для принятія соборныхъ постановленій. Къ великой радости папы, онъ подтвердилъ свое рѣшеніе въ пламенномъ письмѣ отъ 2 октября 1564 г.³.

Папа очень опасался за болѣе важное королевство—Польшу, такъ какъ протестанты пользовались въ немъ большимъ вліяніемъ и самъ архіепископъ гнѣзнинскій былъ близокъ къ ихъ идеямъ. Къ счастью для Рима, король Сиги-

¹ Относительно множества затрудненій, встрѣченныхъ постановленіями Тріентскаго собора въ Нидерландахъ и во Франшъ-Контэ, см. Le Plat, VII, I. Мы не можемъ войти здѣсь въ подробное изложеніе ихъ, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ задачѣ нашего сочиненія.

² Morosini, *Hist. Venet.*, lib. VIII, 324. — Mignot, l. 22.

³ Pallavicini, XXIV, 6, 15.

змундъ Августъ былъ ревностнымъ сторонникомъ папства. Нунцій Коммендоне очень ловко воспользовался имъ, чтобъ помѣшать собранію національнаго собора, созваннаго примасомъ, и съ другой стороны искусно заставилъ варшавскій сеймъ, происходившій въ 1564 г., принять безъ всякихъ оговорокъ декреты Тріентскаго собора¹, чѣмъ доставилъ большую радость Пію IV.

Въ Шотландіи успѣхъ былъ не великъ. Папа послалъ постановленія собора королевѣ Маріи Стюартъ и архіепископу сентъ-андрюскому, но политическія и религіозныя смуты, вспыхнувшія въ это время въ странѣ, помѣшали ихъ принятію², а вскорѣ затѣмъ Шотландія была окончательно потеряна для католичества.

Въ Швейцаріи семь маленькихъ католическихъ кантоновъ подчинились рѣшеніямъ собора, но заявили, что они ничего не предпримутъ для того, чтобъ заставить принять ихъ въ остальныхъ и особенно въ большихъ протестантскихъ кантонахъ.

Въ окончательномъ результатѣ оказывается, что изъ всѣхъ важнѣйшихъ католическихъ правительствъ одинъ только императоръ принялъ безъ ограниченій декреты собора для своихъ наследственныхъ земель; имперія же и Франція, напротивъ, упорно отвергали ихъ, а Испанія признала только съ условіемъ, что они ни въ чемъ

¹ Graziani, *Vita di Commendone*, кн. II, гл. 10—11.—Raynaldi, ad. an. 1564, nr. 45 и 46.

² Mignot, I, 121.

не измѣнять существующій порядокъ вещей въ области религіозной политики. Если вспомнить, что рѣшенія синода, касающіяся вѣры и ученія, были вообще обязательны для всѣхъ католическихъ странъ, то согласіе Испаніи въ сущности было не лучше отказовъ имперіи и Франціи. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Австріи, ни одно изъ большихъ государствъ не просоединилось къ іерархическимъ стремленіямъ, выразившимся въ Тріентѣ. Что же касается второстепенныхъ государствъ, то Венеція послѣдовала примѣру Испаніи и только Польша и Португалія подчинились всѣмъ рѣшеніямъ Тріентскаго собора. Результатъ довольно посредственный, и Пію нельзя было поздравить себя съ большимъ успѣхомъ.

Однако въ обширной области вѣры, католической доктрины и внутренней организаціи іерархіи Тріентскій соборъ оказалъ громадное вліяніе. Можно смѣло сказать, что онъ спасъ церковь и далъ католицизму то устройство и направленіе, которое господствуетъ въ немъ во всѣ послѣдующіе вѣка; это было дѣйствительно преобразование и воскрешеніе церкви.

Перенесемъ на мгновеніе въ эпоху, предшествовавшую собору. Какое было тогда смѣшеніе идей и вѣрованій даже среди самихъ католиковъ! Всѣ они почти единодушно признавали необходимость религіозной реформы, но въ чемъ она должна состоять и какъ далеко идти,—въ этомъ не было согласія, и эта неопредѣленность гро-

зила разрушить прочную основу церкви: она смущала души вѣрующихъ и открывала ихъ вліяніямъ протестантизма. Кто могъ поручиться, что собранная въ общій соборъ церковь не приметъ многихъ догматическихъ и іерархическихъ новшествъ, проповѣдовавшихся Лютеромъ и Цвингли? Ожидали, что кардиналы и прелаты провозгласятъ нѣкоторыя положенія, очень близкія къ лютеранству. Контарини хотѣлъ обосновать церковь на свободѣ разума, укрѣпляемаго божественною благодатью. Поль и Мороне раздѣляли въ отношенія ученія объ оправданіи и человѣческой волѣ идеи, сходившіяся съ мнѣніями по этимъ же вопросамъ съ нѣмецкими и швейцарскими реформаторами. Папа, его легаты и императоръ въ разныхъ случаяхъ обнаруживали готовность допустить нѣкоторыя изъ протестантскихъ доктринъ. Могла ли, поэтому, вся остальная масса католиковъ быть менѣе колеблющеюся, чѣмъ князья церкви? Къ тому же протестантская литература была довольно значительна и дѣйствовала настойчиво, ловко, внушительно. Она проникала во всѣ классы населенія тысячами сочиненій, начиная съ тяжелыхъ фоліантовъ до летучихъ листковъ, отъ латинскихъ трактатовъ, уснащенныхъ учеными цитатами, до простыхъ бесѣдъ, обращенныхъ къ крестьянину. Теологъ, ученый, гуманистъ, образованный мѣщанинъ, ремесленникъ, солдатъ, поселянинъ, — всѣ находили въ ней трактаты, приспособленные къ его пониманію и чувствамъ, въ которыхъ дока-

зываются справедливость и истина новыхъ ученій, а Библия подробно объяснялась въ духѣ новаторовъ. Католику было тѣмъ труднѣе противиться вліянію этой аргументаціи, что ортодоксальное ученіе далеко не было такъ же хорошо изложено и защищено. Даже послѣ первыхъ засѣданій Триентскаго собора придворный проповѣдникъ Максимилиана, сына императора Фердинанда I, Іоаннъ Себастьянъ Фузеръ, могъ утверждать, что онъ остается вѣренъ римской католической церкви, защищая догматы, которые ничѣмъ не отличались отъ реформаторскихъ доктринъ¹.

Но послѣ окончательнаго обнародованія постановленій Триентскаго собора такое положеніе вещей прекратилось. Католикъ, наконецъ, опредѣленно зналъ, въ чемъ его вѣра и кто его противники. Сомнѣніе сдѣлалось невозможнымъ. Длинные разсужденія, сопровождавшія положенія вселенскаго собора, подробно объясняли ему основанія его вѣры; въ этихъ комментаріяхъ онъ находилъ возможно полный и хорошо расположенный матеріалъ для защиты своихъ убѣжденій противъ нападенія враговъ. Вѣра и увѣренность возвратились къ нему. «Всякій смѣло постановленный принципъ, всякое ученіе, получающее свое обоснованіе, этимъ самымъ пріобрѣтаетъ авторитетъ, почти не зависящій уже ни отъ прочности, но отъ хрупкости его основъ», говоритъ одинъ историкъ¹. Церковь доказала, что она

¹ Ed. Reimann. *Die religiose Entwicklung Maximilians*; Hist. Zeitschr., XV (1866), стр. 15.

² Bungenier, *Histoire du Concile de Trente*, I, 170

никогда не теряла надежды устоять противъ жестокаго напора новаторовъ; она только перестроила свое крѣпкое зданіе; теперь ни одного камня не доставало искусной и хорошо соображенной архитектурѣ этого колоссальнаго монумента. Теперь она являлась въ совершенно иномъ видѣ, и оружіе протестантизма было безсильно противъ этихъ стѣнъ, въ которой уже не было ни одной бреши, черезъ которую могли бы проникнуть враги. Неодолимый до сихъ поръ толчокъ, данный реформаціей, былъ остановленъ Триентскимъ соборомъ и скоро гарнизонъ римской крѣпости, снова ставшій многочисленнымъ, смѣлымъ, хорошо дисциплинированнымъ и предприимчивымъ, перешелъ въ наступленіе и выгналъ своихъ противниковъ изъ многихъ занятыхъ ими позицій, которыя они считали неприступными. Протестантизмъ былъ оттѣсненъ съ юга Европы на сѣверъ, гдѣ онъ только и могъ еще удержаться. Въ этомъ и заключается громадная важность Триентскаго собора въ исторіи религіозной борьбы XVI вѣка.

Католическая догма была освобождена отъ протестантскихъ наслоеній главнымъ образомъ въ теченіи двухъ первыхъ періодовъ собора. Въ последнемъ же онъ преимущественно занимался реорганизаціей іерархіи, потрясенной собственнымъ упадкомъ и нападеніями противниковъ. Католическая доктрина получила наиболѣе полное развитіе въ 1546, 1547 и 1551 годахъ. Протестантизму не было сдѣлано никакой уступки.

Церковь не желала допустить никакой недо-молвки. Она предпочла разорвать навсегда съ сѣверными странами, съ многими милліонами душъ, чѣмъ заслужить упрекъ въ томъ, что она поколебалась въ догматическихъ принципахъ. Пусть лучше погибнетъ половина христіанскаго міра, чѣмъ жертвовать всѣмъ, говорила партія, восторжествовавшая въ Триентѣ. Конечно, церковь подверглась при этомъ очень болѣзненной ампутаціи, и мы видѣли, что довольно большая партія среди епископовъ и даже нѣкоторые кардиналы желали избѣжать ея, стремясь достигнуть примиренія со всѣми прежними членами церкви. Я думаю, что съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ она имѣла основаніе предпочесть мягкимъ мѣрамъ жестокія. Если бы вѣчный и абсолютный авторитетъ церкви не былъ сохраненъ, то не было бы возможности ограничить дальнѣйшія уступки въ томъ же направленіи. Какъ можно остановиться на этомъ пути? Если бы церковь признала, что нѣкоторые изъ догматовъ, которые она проповѣдовала до сихъ поръ, ошибочны или по крайней мѣрѣ не безусловно вѣрны, то какая была бы гарантія въ томъ, что остальные не лучше? Шатаніе умовъ продолжалось бы къ великому ущербу католической религіи. У всѣхъ протестантовъ былъ общій, ясный и твердый принципъ—Библия, хотя они часто расходились въ толкованіи Св. Писанія, а потому если бы Церковь отказалась отъ своего принципа, отъ неизмѣнности своихъ догматовъ, отъ своего вѣч-

наго авторитета, она ужъ не могла бы найти для себя точку опоры для борьбы со своимъ противникомъ; у нея не было почвы подъ ногами, и въ концѣ концовъ она должна была бы безусловно капитулировать передъ непріателемъ. Полу-протестантскія стремленія большого числа ея прелатовъ должны были укрѣпить ея убѣжденіе, что только рѣшительное сохраненіе того, что есть, и сопротивленіе во что бы то ни стало могутъ еще спасти Церковь. Безъ этого оставалась бы дверь чрезъ которую непріатель проникнулъ бы въ самыя нѣдра ея, и если хотѣли защищать ее въ будущемъ, нужно было закрыть доступъ въ нее. Іезуиты поняли это сразу, и это послужило причиною, почему они оказывали такое большое и побѣдоносное вліяніе на соборъ. Они начали съ рѣшительнаго утвержденія, что церковное преданіе обязательно для христіанина въ одинаковой степени съ Библіею; потомъ они такъ установили догматъ оправданія, что сдѣлали невозможнымъ всякое соглашеніе съ протестантами и на этой основѣ они строили догматы за догматами, идя логически, съ большою послѣдовательностью и предусмотрительностью, такъ что не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что церковь вѣруеть въ то, во что она вѣрила до сихъ поръ. Она снова образовала одно цѣлое, плотное и недоступное попыткамъ соглашенія съ другими вѣрованіями. Можно даже сказать, что никогда она не была такъ нетерпима, какъ послѣ Тріентскаго собора. Въ XIV

и XV вѣкахъ она предоставляла своимъ членамъ извѣстный просторъ. Если они соблюдали церковные обряды и не слишкомъ громко выражали свои мнѣнія, то могли думать почти все, что имъ угодно. Увѣренная въ своемъ всемірномъ господствѣ, церковь не была подозрительна; теперь все измѣнилось. Въ виду непріятеля, сторонники церкви сомкнули свои ряды, и каждый солдатъ, который не былъ безусловно вѣренъ приказу, объявлялся измѣнникомъ и, какъ таковой, подвергался наказанію. Послѣ реформы католическая церковь стала гораздо уже, исключительнѣе, мрачнѣе и злобнѣе, чѣмъ до нея.

Если результаты перваго большого періода Триентскаго собора были такъ громадны, то послѣдствія второго и послѣдняго періода (съ 1562 по 1563 г.) были не менѣе важны.

Ультрамонтанскіе народы, т. - е. нѣмцы, французы и испанцы, а также большое число итальянцевъ, желали значительно уменьшить власть папы и курии въ пользу національной и епископской независимости и власти собора. Успѣли ли они въ этомъ?

Когда дѣло шло о папской санкціи для постановленій собора, Пій IV заявилъ 1 января 1564 г.¹ въ конгрегациі кардиналовъ, что если съ одной стороны можетъ показаться, что римскій дворъ дѣйствительно много потерялъ, то съ другой онъ выигралъ очень много, такъ какъ

¹ Sickel, *Zur Gesch. des Konz. v. Trient*, стр. 649.

авторитетъ апостолическаго престола сильно возросъ и укрѣпился. Но Пій IV былъ болѣе правъ, чѣмъ даже онъ думалъ. Папскій дворъ потерялъ нѣкоторыя денежныя выгоды, именно въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя возбуждали ненависть всѣхъ народовъ, но его дѣйствительное вліяніе и могущество выиграли чрезвычайно. Раньше мы уже объяснили причины его окончательной и полной побѣды.

Власть папы была признана высшею, чѣмъ власть соборовъ. Такимъ образомъ дѣло большихъ вселенскихъ соборовъ XV вѣка, такъ смѣло боровшихся за противоположное мнѣніе, было разрушено. Италіянское большинство въ Триентѣ, вполне отождествлявшее себя съ папствомъ, подчинило ему безусловно и окончательно иностранныя народы, которые до тѣхъ поръ все еще боролись за остатки своей независимости. Было рѣшено, что для дѣйствительности соборныхъ постановленій необходимо утвержденіе ихъ папою, и этого утвержденія соборъ самъ потребовалъ, затѣмъ много весьма важныхъ вопросовъ было предоставлено самостоятельному рѣшенію папы.

Кромѣ того, характеръ папской власти объясненъ соборомъ такъ, что ей не оставалось желать чего-либо большаго. Папа опредѣленно наименованъ „викаріемъ самого Бога на землѣ“ (sess. VI de Reform., cap. 1); къ этому прибавлено (sess. XXIV de Poenitent, c. 7), что „высшая власть во всемірной церкви ввѣрена римскому первосвященнику“ и, что еще важнѣе, соборъ, несмо-

тря на настоящія независимой партіи, тщательно избѣгалъ признать непосредственное божественное установленіе епископовъ. Такимъ образомъ папа получилъ полное право смотрѣть на себя какъ на всемірнаго епископа, который только удѣлялъ часть своихъ божественныхъ правъ остальнымъ епископамъ. Этимъ путемъ соборъ, котораго папа такъ боялся, сдѣлалъ его настоящимъ владыкою надъ всѣми епископами, которые на будущее время ставились отъ него въ гораздо большую зависимость, чѣмъ прежде. Во многихъ случаяхъ епископы должны выполнять свои обязанности не въ силу присвоеннаго имъ права, а только какъ простые уполномоченные апостолическаго престола (sess. VI de Reform., с. 3; sess. XXI de Reform., с. 8). На папу возлагалась обязанность примѣнять мѣры строгости къ епископамъ, не живущимъ въ своей епархіи, и назначать вмѣсто нихъ другихъ (sess. VI de Reform., с. 1). Указывались преступленія, которыя могли быть судимы не епископами, но только папою (sess. XIV, de Poenit., с. 7). На папу же возлагалась обязанность пополнять епископскія кафедры людьми способными и благочестивыми и устанавливать правила для экзаменаціи новыхъ епископовъ (sess. XXIV, de Reform., с. 1). Всѣ прелаты обязывались присягать въ послушаніи св. престолу (sess. XXV, de Reform., с. 2). Тяжелыя преступленія, совершенныя прелатами, должны быть судимы въ Римѣ самимъ папою (sess. XXIV, de Reform., с. 5), что, между прочимъ,

было несогласно съ привилегіями церкви и королевской власти во Франціи. Папѣ предоставлялись многіе способы обходить всѣ установленныя ограниченія противъ скопленія въ однѣхъ рукахъ многихъ бенефицій; ему давалась масса предлоговъ для того, чтобѣ назначить рядъ церковныхъ бенефицій какому-нибудь фавориту или просто покупщику и для обхода обязательности резиденціи высшихъ духовныхъ лицъ¹. Ему, кромѣ того, предоставлялось право давать аббатства священникамъ изъ блага духовенства, особенно же кардиналамъ и ихъ фаворитамъ епископамъ¹. За папою сохранено право на аннаты, т.-е. на крупную дань, которую обязанъ былъ уплачивать ему всякій вновь назначенный епископъ. Въ теченіе собора этотъ налогъ неоднократно подвергался нападкамъ со стороны свѣтскихъ государей и французскихъ и нѣмецкихъ прелатовъ, но папа не захотѣлъ отказаться отъ него. Павелъ IV буллою отъ 17 апрѣля 1559 г. подтвердилъ обязательность аннатовъ, а Пій IV защищалъ ихъ противъ Франціи и даже противъ электоровъ и другихъ духовныхъ князей Германіи. Аннаты, говорилъ онъ, необходимы для св. престола, „ибо римскій первосвященникъ обязанъ поддерживать бремя всей церкви и охранять ея величіе и достоинство. Если его лишитъ матеріальныхъ средствъ,

¹ Sess. VII, De Reform. Introd. etc. 5; Sess. XXIV, De Ref., с. 13; Sess. XXV, De Ref., с. 9.

² Sess. XXI, De Ref. cap. 8.—Pallavicini, l. XII, с. 13, § 14.

его авторитетъ падеть и будетъ презираемъ“. Къ тому же аннаты уже существовали втеченіе девяти вѣковъ и этого достаточно, чтобъ они сохранились и на будущее время¹. Такимъ образомъ почти всѣ злоупотребленія св. престола, которыя было желательно устранить, не только удержались во всей своей силѣ, но папской власти было придано значеніе еще болѣе божественное и универсальное, еще сильнѣе подчеркнута ея несравнимость ни съ какою другою властью, которая могла бы соперничать съ нею.

Попытка реорганизациі коллегіи кардиналовъ потерпѣла полную неудачу. Соборъ пригласилъ папу (sess. XXIV, de Ref., с. I) «назначать кардиналовъ на сколько это возможно изъ всѣхъ націй, и сообразно съ тѣмъ, будетъ ли онъ находить ихъ достойными этого“. Это пожеланіе выражено въ такой неопредѣленной формѣ, что очевидно оно нисколько не могло затруднять папу, а потому всѣ послѣдующіе папы совершенно такъ же, какъ и ихъ предшественники, назначали кардиналами въ огромномъ большинствѣ итальянцевъ, прибавляя къ нимъ нѣсколькихъ испанцевъ или французовъ, смотря по тому, какая изъ этихъ странъ пользовалась расположеніемъ куріи, и двухъ или трехъ изъ другихъ націй, но по возможности обходили нѣмцевъ. Правда, соборъ попытался ограничить до нѣкоторыхъ предѣловъ произволь папъ при

¹ Le Plat. 592, 648, 652. — Reynaldi, ad an. 1563, nr. XLIV.

назначеніяхъ; онъ указывалъ, что „поведеніе, возрастъ, образованіе и всѣ другія качества, установленныя декретами собора для епископовъ, одинаково безусловно требуются при назначеніи въ кардиналы, хотя бы они были только кардиналами-діаконами“. Но папы, у которыхъ всегда были на языкѣ тріентскіе декреты, постоянно нарушали это предписаніе, какъ и всѣ другія постановленія, когда они были для нихъ неудобны. Юлій III и Пій IV дали даже примѣры этому во время засѣданій самого собора.

Съ своей стороны епископы были широко вознаграждены за значительное ограниченіе ихъ независимости въ пользу папскаго престола—большимъ усиленіемъ ихъ власти надъ духовенствомъ своихъ епархій. Судебная власть епископовъ была расширена и укрѣплена. Въ отношеніи наблюденія за епархіей и улучшенія нравовъ своихъ подчиненныхъ она даже сравнивалась съ апостолическою властью. Всякого рода разрѣшенія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя присвоены исключительно римской куріи, всецѣло предоставлены епископу и даже непосредственныя разрѣшенія самого папы должны были удостовѣряться управляющимъ епархіей. Капитулы епископскихъ кафедральныхъ церквей, пользовавшіеся до сихъ поръ довольно независимымъ положеніемъ, были подчинены надзору и безусловной юрисдикціи епископа. Впослѣдствіи они много разъ пытались освободиться отъ епископскаго ига, но всегда терпѣли неудачу, и ихъ полное под-

чиненіе епископамъ подтверждено рядомъ позднѣйшихъ декретовъ. Затѣмъ монахи, не живущіе въ своихъ монастыряхъ, аббаты и монастыри, ставились подъ судебную власть епископа¹. Это являлось значительнымъ усиленіемъ дисциплинарныхъ правъ послѣдняго; но такъ какъ епископы становились простыми чиновниками папы, то въ сущности вся эта реформа служила къ еще большому увеличенію его авторитета и всемогущества.

Всѣ реформы, касающіяся, какъ культа, такъ и религіозныхъ церемоній, были одинаково отвергнуты соборомъ. Браки духовенства осуждены самымъ энергичнымъ образомъ. „Тотъ, кто будетъ говорить, что священники, получившіе посвященіе, или монахи, давшіе торжественный обѣтъ цѣломудрія, могутъ жениться, — тотъ да будетъ преданъ анаѳемѣ!“ (Sess. XXIV, de Sacram. matrim. cap. IX). Другое желаніе французовъ и нѣмцевъ было — разрѣшеніе служить обѣдно на народномъ языкѣ; но соборъ запретилъ служить иначе, какъ по латыни (sess. XXII, de Sacrif. missae, cap. 8), и позволилъ употреблять народную рѣчь только въ объясненіяхъ и проповѣдяхъ во время мессы. Почитаніе святыхъ, образовъ и реликвій было вполнѣ освящено въ двадцать пятомъ засѣданіи. Продажа индульгенцій была частною и случайною причиною начала лютеровской реформации. Соборъ во второй день

¹ Sess: VI, De Ref., с. 3—4; sess. XIII, De Ref. с. 1; XIV De Ref., с. 8; XXII De Ref., с. 5; XXIV De Ref., с. 10; XXV De Ref., с. 6.

двадцать пятой сессіи безусловно санкціонировалъ свободу раздачи индульгенцій церковью. Правда, онъ осудилъ „недозволенные доходы“ при выдачѣ индульгенцій, но легко понять, какъ неопредѣленно и неясно было это запрещеніе, тѣмъ болѣе, что оно не подкрѣплялось анаѳемой или какимъ-либо другимъ наказаніемъ. Поэтому на это запрещеніе никто не обращалъ вниманія, особенно же въ Испаніи, гдѣ продажа индульгенцій продолжалась послѣ собора въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и до него. Здѣсь ее называли *la Cruzada*, потому что увѣряли, будто пріобрѣтенныя посредствомъ нея деньги идутъ на борьбу съ невѣрными, хотя въ дѣйствительности онѣ служили для вполнѣ мірскихъ цѣлей.

Чрезвычайную важность представляло то обстоятельство, что соборъ поручилъ папѣ исключительное право объяснять декреты собранія (*Sess. XXV, Varia decreta*). Естественно, что Пій IV постарался закрѣпить за собою эту привилегію. Въ буллѣ *Benedictus Deus*, отъ 26 января 1564 г., онъ говоритъ: «Мы запрещаемъ прелатамъ, подѣ страхомъ удаленія изъ ихъ церкви, а остальнымъ подѣ страхомъ отлученія, чтобы никто изъ нихъ не осмѣливался безъ нашего разрѣшенія и какимъ бы то ни было образомъ издавать комментаріи, глоссы (толкованія), примѣчанія, сколіи (объясненія текста) или какое либо другое поясненіе декретовъ собора, и чтобы никто и ни подѣ какимъ предлогомъ, даже ради подкрѣпленія или лучшаго исполненія ихъ, ничего не устанавли-

валъ, ибо мы оставляемъ за собою, какъ повелѣлъ самъ соборъ, объясненіе и разрѣшеніе всѣхъ затрудненій и противорѣчій, которыя могутъ породить сказанные декреты». Ясно, что если бы ктонибудь захотѣлъ, опираясь на какоенибудь постановление Триентскаго собора, напасть на рѣшеніе папы или доказывать его неправильность, послѣдній могъ всегда отвѣтить: «Но вѣдь только мнѣ одному принадлежитъ право объяснить триентскіе декреты, и я ихъ понимаю и объясняю въ томъ смыслѣ, какъ я поступилъ, и горе тому, кто не подчинится моему рѣшенію». Въ силу этого все дѣло собора въ сущности было поставлено въ полную зависимость отъ усмотрѣнія папы.

Такимъ образомъ принципъ строгой іерархической подчиненности былъ систематически проведенъ чрезъ всю католическую организацію. Всѣ нити ея соединялись, какъ въ послѣдней инстанціи, въ рукахъ папы, который, утративъ нѣкоторые источники своихъ доходовъ, и притомъ второстепенные и не имѣвшіе большого значенія, получилъ въ вознагражденіе право, въ силу котораго онъ болѣе чѣмъ когда-либо въ теченіе послѣднихъ трехъ съ половиной вѣковъ становился истиннымъ главою церкви. Все зданіе ея должно было наполниться съ одной стороны духомъ авторитета, съ другой—подчиненности. Къ тому же наслѣдниками Пія IV были люди убѣжденные, религіозные, строгихъ правилъ, дававшіе хорошій примѣръ церкви и подкрѣплявшіе своимъ вполне

законнымъ нравственнымъ вліяніемъ свое іерархическое и дисциплинарное вліяніе. Безупречное и строгое личное поведеніе папъ и окружающихъ ихъ производило глубокое впечатлѣніе на католиковъ; оно все сильнѣе и сильнѣе привлекало ихъ къ дѣлу Рима и поощряло на борьбу съ еретиками. Тріентскій соборъ измѣнилъ такимъ образомъ самое папство на его же пользу и на пользу всего католическаго общества.

Церковь приняла совершенно другой видъ. Она дѣйствительно была реформирована этимъ соборомъ. Самою важнаго изъ принятыхъ имъ мѣръ была, конечно, учрежденіе епархіальныхъ семинарій (Sess. XXIII, de Ref., c. 18). Всякой кафедральной церкви было вмѣнено въ обязанность, сообразуясь со своими доходами и съ размѣрами епархіи, воспитывать въ семинаріи извѣстное число молодыхъ людей своего города или округа для подготовленія ихъ къ духовнымъ обязанностямъ. Декретъ опредѣленно указываетъ, что слѣдуетъ брать въ семинаріи учениковъ юнаго возраста, чтобы пріучить ихъ бѣжать отъ соблазновъ міра прежде, чѣмъ привычка къ порокамъ не овладѣетъ всѣмъ человекомъ. Семинарія преслѣдовала главнымъ образомъ дисциплинарную и нравственную цѣль. Въ нее принимались преимущественно бѣдные, и бесплатно; если въ нее пожелаютъ поступить богатые, они должны платить. Ученики немедленно получали тонзуру и облакались въ духовную одежду. Если семинарія не имѣла достаточно средствъ, то въ

пользу ея устанавливался опредѣленный сборъ съ церковныхъ бенефицій и монастырей, не исключая епископскихъ доходовъ. Въ обширныхъ епархіяхъ должны были основываться нѣсколько семинарій, но всѣ онѣ были подчинены кафедральной. — Если современная католическая церковь много превосходитъ церковь XIII—XV вѣковъ своею доктриною, достоинствомъ, нравственностью и вліяніемъ на массы, — заслуга этого въ большей своей части принадлежитъ этимъ разсадникамъ священнослужителей. Съ другой стороны, нельзя отрицать того, что монастырская дисциплина семинарій совершенно подавляла у молодыхъ учениковъ малѣйшій духъ независимости. Это воспитаніе, начиная съ двѣнадцати-лѣтняго возраста отдѣляло ихъ отъ всякихъ сношеній и общенія съ идеями гражданскаго общества и закрывало ихъ сердца и умы отъ всякаго другого вліянія, кромѣ вліянія ихъ духовныхъ начальниковъ. Устойчивость, нетерпимость, подавленіе всякой личной воли, слѣпое повинованіе начальникамъ, равнодушіе къ требованіямъ того времени, въ которомъ они живутъ, къ отечеству и его интересамъ, — таковы несомнѣнно серьезные послѣдствія учрежденія семинарій, но католическая контръ-реформа XVI вѣка и желала сдѣлать изъ священника слѣпое орудіе центральной власти церкви.

Протестантскіе реформаторы обнаружили большую ревность въ дѣлѣ преподаванія, которое чрезвычайно помогло имъ въ распростране-

ніи ихъ идей, и въ этомъ отношеніи они нашли уже себѣ подражателей въ іезуитахъ. Соборъ, съ своей стороны, призналъ важность воспитанія юношества и особенно духовенства для того, чтобы держать католицизмъ на одинаковой высотѣ съ новою религіею. Поэтому онъ не удовольствовался учрежденіемъ семинарій, но сверхъ того предписалъ (Sess. VI, de Ref., c. I), чтобы во всѣхъ городахъ, гдѣ пребываетъ епископъ, и даже при кафедральныхъ церквахъ, были учреждены кафедры богословія и свободныхъ искусствъ. Крімъ того, св. писаніе должно было преподаваться въ монастыряхъ подъ высшимъ наблюденіемъ епархіальнаго епископа. Соборъ склонялъ свѣтскихъ государей основывать при университетахъ богословскіе факультеты. Этимъ путемъ онъ желалъ вооружить католицизмъ оружіемъ знанія, необходимымъ для успѣха борьбы съ ересью, которая до тѣхъ поръ обладала и болѣшими знаніями, и литературными заслугами.

Принявъ мѣры для воспитанія нравственнаго и образованнаго духовенства, соборъ, въ видахъ просвѣщенія мірянъ, далъ строгія предписанія священникамъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства. Онъ настойчиво требовалъ исполненія приходскими священниками ихъ обязанностей, предписавъ имъ постоянно жить въ своихъ приходахъ, обучать дѣтей основамъ вѣры и послушанія, имѣть отеческія заботы о бѣдныхъ и несчастныхъ и неуклонно проповѣдывать. Соборъ, съ полнымъ основаніемъ, придавалъ боль-

шое значеніе проповѣди. Всѣ прелаты были обязаны, какъ и приходскіе священники, проповѣдывать лично и могли замѣнять себя только въ особыхъ допускаемыхъ каноническими правилами и случаяхъ людьми вполне способными для этого. Въ каждой церкви должна произноситься каждое воскресенье и во всѣ большіе праздники по крайней мѣрѣ одна проповѣдь. Проповѣдники были подчинены строгому наблюденію епископовъ (Sess. VI de Refor., с. 2). Должно сознаться, что всѣ эти декреты очень содѣйствовали удержанію населенія, еще державшагося католичества, въ вѣрѣ отцовъ и подавленію вліянія протестантскихъ проповѣдниковъ.

Необразованныхъ и неспособныхъ священниковъ (Sess. XXI de Ref., с. 6) епископы должны были лишать части ихъ доходовъ, которая шла для уплаты коадьютору или викарію, назначаемому для ихъ замѣщенія, при чѣмъ не допускалось ни жалобъ, ни исключеній. Священники, ведущіе соблазнительную жизнь, сначала подвергались выговору, затѣмъ наказаніямъ, но если они продолжали дурно вести себя, то лишались епископомъ бенефицій, не имѣя права апеллировать на его приговоръ. Всѣ эти строгія мѣры уже вскорѣ дали превосходные результаты, но и онѣ, въ свою очередь, служили къ усиленію подчиненности низшаго духовенства епископамъ и въ концѣ концовъ римской куріи.

Монастыри также не избѣжали дѣйствія общей реорганизации церкви (Sess. XXV de Regularibus

et monialibus). Всѣмъ монахамъ запрещалось оставлять свой монастырь или снимать одежду своего ордена безъ письменнаго разрѣшенія своего начальника. Они призывались къ строгому соблюденію своихъ обѣтовъ и уставовъ. Обстановка монастыря своею простотою должна была соответствовать той бѣдности, которую они проповѣдывали. Если начальники монастырей проявляютъ слабость, наблюденіе за ними долженъ взять на себя епархіальной епископъ. Строгое заточеніе монахинь должно быть соблюдаемо или возобновлено подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній и, если это окажется вужнымъ, при помощи свѣтскихъ властей.

Таково было громадное дѣло реформы Триентскаго собора. Съ него начинается новая эпоха для католической церкви. Онъ снова внесъ въ нее духъ религіи и энтузіазма, безпредѣльной преданности, высокой нравственности, твердой увѣренности въ свое совершенство и торжество своего дѣла. Прежнія злоупотребленія стали исчезать, и народы, которымъ даже самое слово священникъ было противно, стали видѣть въ немъ своего духовнаго руководителя. Протестантской пропагандѣ была противопоставлена пропаганда католическая, часто грубая, жестокая, кровавая, но одушевленная твердымъ убѣжденіемъ и дѣйствительнымъ энтузіазмомъ. Нравы духовенства стали гораздо лучше и строже, и оно возвратило себѣ вновь уваженіе, преданность и довѣріе народа. Оно сдѣлалось его

совѣтникомъ, другомъ, повѣреннымъ бѣдныхъ и нищихъ духомъ и пріобрѣло надъ ними безграничное вліяніе. Борьба съ распространяющеюся ересью улучшила и пробудила католическое духовенство; сама церковь получила, благодаря лютеровской реформѣ, сильный и благодѣтельный импульсъ, безъ котораго духовенство никогда бы не завоевало почву надъ душами вѣрующихъ, потерянную ею въ теченіи двухъ предшествующихъ вѣковъ.

Съ этихъ поръ всѣ сознали, что спасеніе для католиковъ—въ ихъ единствѣ и въ подчиненіи центральному управленію, пребывающему въ Римѣ, и такъ какъ инквизиція была возстановлена и внѣ Испаніи, то всѣ подвергались самой строгой церковной дисциплинѣ; малѣйшая свобода мнѣній, даже въ отношеніи внѣшнихъ обрядовъ, запрещалась и беспощадно подавлялась. Но это воскресеніе церкви имѣло вполнѣ автократическій характеръ. Послѣдствіемъ его была большая и сильнѣйшая концентрація католиковъ въ пользу могущества папы и возобновленіе религиозныхъ страстей. Въ теченіи XV вѣка интересы главнымъ образомъ были направлены на образованіе, изученіе древнихъ языковъ и искусства,—къ гуманизму. Образованные люди и высшіе классы общества удалились отъ религіи; сами папы уже не вѣрили въ христіанство;—теперь все это совершенно измѣнилось. Произошло то, чего такъ опасался Эразмъ и многіе другіе гуманисты и вслѣдствіе чего они въ концѣ концовъ выска-

зались противъ Лютера,—въ послѣдующіе полтора столѣтія науки были отодвинуты на второй планъ и всѣ интересы обратились на религіозные или, вѣрнѣе, исповѣдныя вопросы; религіозныя войны раздѣлили Европу на враждующіе лагеря и покрыли ее кровью на поляхъ тысячей битвъ. Принципу протестантизма—личной свободѣ, церковь противопоставила принципъ универсальнаго авторитета, тотъ очень сильный, могущественный принципъ, подъ знаменемъ котораго католицизмъ втеченіе цѣлаго вѣка одерживалъ побѣды надъ своими несогласными между собою и даже враждующими другъ съ другомъ противниками.

Такая задача была указана впервые іезуитами, но осуществлена она для всей церкви только Триентскимъ соборомъ; по этому есть основаніе говорить, что дѣло собора вышло изъ новаго ордена іезуитовъ. Однако, достигнутое однообразіе рабства, созданное и осуществленное въ католицизмѣ Триентскою контръ-реформаціею, никогда не будетъ въ состояніи подчинить себѣ современный міръ. Католической церкви придется вести все болѣе и болѣе трудную войну противъ духа нашей эпохи, стремящагося къ свободѣ и личной независимости и, несмотря на свое вліяніе на часть народныхъ массъ, католицизмъ очевидно теряетъ почву. Среди большихъ католическихъ народовъ, во Франціи, въ Италіи, въ Бельгіи и даже въ Испаніи отпаденіе принимаетъ большіе, опасные для Церкви размѣры. Католицизмъ властвуетъ теперь только надъ населеніемъ

странъ, гдѣ большинство принадлежитъ къ другой религіи: въ Ирландіи, въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, въ Польшѣ. Здѣсь онъ еще живучъ вслѣдствіе борьбы, которую она ведетъ, но въ другихъ мѣстахъ ему приходится склоняться предъ вліяніемъ свободы разума, которая охватываетъ весь образованный міръ и въ концѣ концовъ овладѣетъ имъ навсегда.

